

РЕДКАЯ КНИГА

ГЕОРГ БОРН

ТОМ

2

Пайны

ГЕОРГ БОРН
ФРАНЦУЗСКОГО
ДВОРА

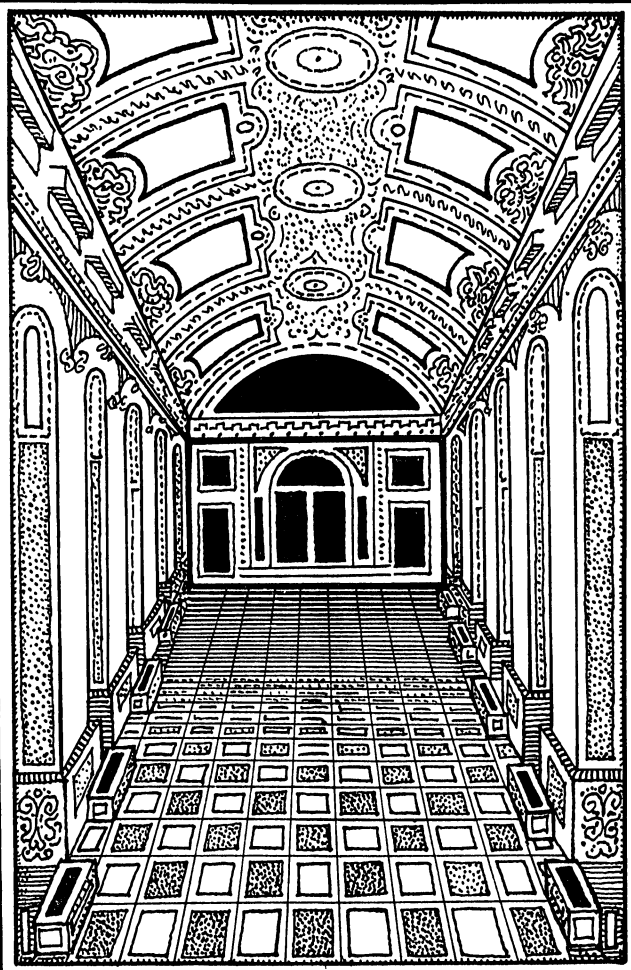

**СЕРИЯ
..РЕДКАЯ
КНИГА..**

ГЕОРГ БОРН
Евгения
иш

П*айны*

ФРАНЦУЗСКОГО
ДВОРА

ТОМ

2

ХАРЬКОВ — ДРУК ЛТД
1993

ББК 84.4Г-4
Б82

Серия «РЕДКАЯ КНИГА»
основана в 1993 г.

Перевод с немецкого

Редактор *Д. А. Вайнберг*

Художник-оформитель *А. И. Удовенко*

Печатается по изданию:

Борн Георг. Евгения, или Тайны французского двора:
Ист. роман.— СПб.: Книгоиздательство А. К. Касаткина, 1904 г.

Б 4703010100—4 Без объявл.
93

ISBN 5-7707-4989-X
ISBN 5-7707-4991-1 (Т. 2)

© Друк ЛТД,
художественное оформление,
1993

I

ТОРЖЕСТВО В СОБОРЕ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

В январе 1853 года «Монитор», правительственный орган в Париже, возвестил французскому народу следующее:

«Новый политический акт последовал за прокламацией о восстановлении государства: это бракосочетание императора. В глазах Франции и всей Европы выбор, сделанный нашим императором, имеет большое политическое значение. Здесь, как и везде, видно высокое дарование спасителя и защитника Франции! Избрав себе молодую особу и возведя ее на трон, император не обратил внимания на то, что его избранница не принадлежит к одной из существующих династий, и тем самым восстал против древних обычаев царствующих династий и первый подал пример независимости, которая произведет во Франции сильное впечатление. Он этим показал, что его не может ослепить блеск царственных держав, но что он вполне понимает свое высокое назначение! Выбор Наполеона пал на графиню Теба, происходящую из древнейшего рода знатнейших фамилий Испании. По своему прекрасному и высокому воспитанию она вполне достойна называться француженкой: она совершенно красота, возвышенности ума и характера и будет украшением французского трона. Своим прекрасным, великим сердцем она напоминает покойную императрицу, которая была кумиром своего народа».

22 января Наполеон возвестил министрам, генералам и депутатам о своем намерении сочетаться законным браком с графиней Монтихо.

Известие это скоро разошлось по всему Парижу.

Парижанам давно были известны отношения Луи Наполеона и Евгении Монтихо. Это уже не было тайной ни для кого из жителей современного Вавилона — все знали и все говорили об этом открыто.

Теперь, после обнародования манифеста, графиня Монтихо с дочерью покинули свой великолепный салон на улице Риволи и поселились в отведенных им роскошных комнатах Елисейского дворца.

Все ярые приверженцы и поклонники Наполеона произвели отца Евгении, докапываясь до корня родословного дерева, чуть ли не в самого важного и знаменитого вельможу Испании. Они считали его происхождение от Теба, Баноса, Мора и даже утверждали, что он имеет право на титул герцога Попаранда.

29 января, в восемь часов вечера, в Тюильрийском дворце был заключен брачный контракт царственной четы, а 30 января его должна была освятить церковь.

Мы расскажем обо всех церемониях и празднествах согласно описаниям Героньера.

Обер-шталмейстер и один из шталмейстеров императора Наполеона сопровождали царственную невесту и ее мать в Тюильри в придворных каретах.

Обе кареты подъехали к решетчатым воротам павильона Флоры. Обер-камергер, обер-шталмейстер, два камергера и два обычных офицера встретили царственную невесту у ступеней лестницы павильона Флоры и проводили ее с матерью в большую приемную залу, где их уже ожидал сам император.

При входе Евгению встретили принц Наполеон и принцесса Матильда и проводили ее в залу.

Императора Наполеона окружали принц Иероним Наполеон и некоторые из членов императорской фамилии.

Император был в генеральском мундире, с лентами Почетного Легиона и Золотого Руна. Близ него стояли кардиналы, маршалы, адмиралы, придворные офицеры и чиновники, посланники и министры.

Увидя входящую невесту, Наполеон пошел ей навстречу.

В девять часов все отправились в Маршалскую залу, в которой была назначена церемония заключения брачного контракта.

В конце залы с двойным светом стояло два стула: по правую сторону — для императора, по левую — для его невесты.

У эстрады, с левой стороны, стоял стол, на котором лежал список членов императорской фамилии. В последней строке списка было записано рождение короля Рима, сына Наполеона I, под числом 20 марта 1811 года.

Войдя в залу, все разместились по назначенным местам.

Статс-дамы и офицеры стали в ряд за стульями императора и его невесты. Министры стали по правую сторону трона. Наполеон пригласил свою невесту занять трон по левую его руку.

Принцы стояли по правую сторону эстрады, принцесса Матильда — около Евгении. Позади нее поместились графиня Монтихо, испанский посланник и остальные члены императорской фамилии.

При начале церемонии все многочисленное общество почтительно встало.

Министр двора именем императора объявил торжественный акт начатым.

— Сир, — сказал он, — объясните, точно ли вы избираете в супруги ее превосходительство госпожу Евгению де Монтихо, графиню Теба, которая здесь присутствует?

— Людовик Наполеон подтвердил это, и министр двора продолжал:

— Госпожа Евгения де Монтихо, графиня Теба, объясните, ваше превосходительство, желаете ли вы иметь супругом его величество императора Наполеона III, который здесь присутствует?

Когда графиня подтвердила это, министр двора объявил о заключении брачного союза.

«Именем императора, конституции и закона объявляю, что его величество Наполеон III, милостию Божиею и волею народа император французов, и ее превосходительство, госпожа Евгения де Монтихо, графиня Теба, соединяются браком».

При этих словах церемониймейстеры поставили перед тронами императора и императрицы стол, на котором лежал фамильный список Бонапартов.

Президент Государственного совета вручил императору и императрице перья. Их величества, не вставая, подписали брачный акт.

Госпожа де Монтихо, принцы и принцессы, испанский посланник подписались вслед за царственной четой. Как свидетели, подписались также кардиналы Бенальд, Дюонот, Матье, Гуссет и Доннет; маршалы граф Релье, граф Хорисне, граф Вильян, графы фон Цастельнау и Миньян и многие другие.

Обер-церемониймейстер объявил их величествам, что церемония окончена. Император и императрица, в сопровождении всей свиты, отправились в залы, где играла музыка.

Возвратясь в Елисейский дворец, Евгения обняла свою мать, она утопала в блаженстве — она достигла цели своих высочайших стремлений. Давно уже Париж не видал такого великолепного торжества, каким ознаменовался день бракосочетания императора Наполеона III. Графиня плакала от радости и умиления, глядя на свою счастливую дочь.

На другой день в церкви Нотр-Дам совершился торжественный обряд венчания.

С раннего утра густые толпы народа, здесь были парижане и провинциалы из разных городов, запрудили все площади и улицы, по которым должен был проезжать венчальный поезд.

Ремесленники со знаменами, старые воины, молодые девушки в белых платьях стояли на улицах, с нетерпением ожидая минуты, когда они увидят царственную чету.

Национальная гвардия и армия стояла шпалерами до самой церкви Нотр-Дам.

Площадь Лувра, улица Риволи и городская дума были украшены триумфальными арками, мачтами, воротами из цветов, надписями и украшениями с вензелями императора и императрицы.

Карусельная площадь, находящаяся внутри Тюильрийского дворца, представляла прекрасное зрелище. Ее заняли войска в полной парадной форме. Во дворе дворца стояли в строю два эскадрона колонновожатых в блестящих мундирах, около них — бригада кирасиров, бригада карабинеров, эскадрон колонновожатых и эскадрон парижской конной гвардии, которые должны были сопровождать свадебный поезд.

Множество любопытных стояло на площади и около Лувра.

Около двенадцати часов придворные кареты выехали из Елисейского дворца. В первой карете сидела княгиня Эслингенская, обер-церемониймейстерша государыни, статс-дама герцогиня де Бассано и первый камергер. Во второй карете находились императрица Евгения, графиня де Монтихо и обер-церемониймейстер граф Ташер де ля Пажери. Рядом с каретой на великолепной лошади ехал обер-шталмейстер.

В двенадцать часов пушки Дома инвалидов возвестили приезд Евгении. Загремели трубы, забили в барабаны военный марш. Императрица пожелала ехать в Тюильри через площадь каруселей.

Народ встречал государыню радостными криками.

Когда императрица вошла в зал, где ее встретил император, раздались громкие крики «Да здравствует император! Да здравствует императрица!»

Подъезд тянулся от самых ворот павильона д'Орлож.

Эскадрон колонновожатых открыл шествие; за ним следовала карета принцессы Матильды и фрейлин императрицы, стремившихся перещеголять друг друга роскошью и блеском.

За ними в придворных каретах шестерней ехали обер-гофмаршал дворца, первые камергеры, обер-церемониймейстер, принцесса Матильда, графиня де Монтихо, принц Иероним и статс-дамы.

За ними следовала карета императора, запряженная восемью лошадьми; в ней сидели император и императрица Евгения.

По правую сторону кареты ехали обер-шталмейстер и генерал-комендант национальной гвардии, по левую — обер-егермейстер и первый шталмейстер. За каретой ехали адъютант императора, главный штаб армии в блестящих мундирах и второй эскадрон колонновожатых.

Весь этот длинный поезд заключала дивизия тяжелой кавалерии.

За каждой каретой и за каждым отделением войска следовал промежуток, кареты и войска двигались на известном расстоянии друг от друга. За каретой же государя следовал большой промежуток. Эта карета, вся вызолоченная, с императорским гербом; в первый раз была употреблена во время коронавания Наполеона I и Жозефины.

Ликованью народа не было конца, все улицы были переполнены, нигде нельзя было найти свободного местечка, и всюду раздавались крики: «Да здравствует император! Да здравствует императрица!»

Женщины махали платками и бросали по дороге букеты, солдаты поднимали оружие. Наконец, свадебный кортеж подъехал к собору, который для такого торжественного случая был великолепно украшен.

Перед порталом была устроена готическая решетка, на которой вычеканены статуи святых и королей Франции. На двух передних колоннах были изображены Карл Великий на лошади и Наполеон I. Двенадцать зеленых знамен, украшенных гербами, развевались над входом и высокими окнами собора. Большая сквозная галерея со

всех сторон была увита зеленью. Верхушку колокольни украшали золотые орлы и большие, широкие знамена.

Во внутренней галерее была устроена трибуна для 500 музыкантов. Колонны собора снизу доверху были покрыты красным бархатом с вышитыми на нем золотом пальмами. Перед галереями и возвышениями висели ковры с императорским вензелем, на эстраде, устланной горностаевыми коврами, стояли троны для императора и императрицы. Над этой эстрадой висел великолепный балдахин из красного бархата с золотыми пчелами и орлами. С купола спускались дорогие знамена с богатой вышивкой. Перед царской эстрадой стоял простой алтарь. Около двадцати тысяч восковых свечей освещали собор. По левую сторону алтаря сидели кардиналы, епископы, каноники и много других представителей высшего духовенства, по правую — министры, посланники, маршалы со своими дамами. В час пополудни недалеко от собора раздался барабанный бой. Радостные громкие крики народа приветствовали приближающийся поезд.

Архиепископ Парижский в митре и с архиерейским посохом в руке, в сопровождении духовенства в полном, богатом облачении, вышел навстречу императору.

Император под руку с императрицей вошел в собор. Луи Наполеон был в генеральском мундире, с широкой лентой Почетного легиона и с орденом, который еще Наполеон первый надевал при короновании.

На Евгении было белое шелковое платье с длинным шлейфом, отделанное драгоценными кружевами. Сверх него была надета накидка, опушенная горностаем и стянутая у талии поясом, осыпанным бриллиантами. На голове Евгении блестела бриллиантовая корона, с которой спускалась длинная кружевная вуаль, украшенная сверху флер д'оранжем. Этот царский убор еще более подчеркивал ее поразительную красоту и гордый величественный вид, так что зрители были совершенно очарованы.

Оркестр заиграл марш, Наполеон и Евгения, раскланиваясь на все стороны, стали у тронов, обитых красным бархатом. Придворные дамы и мужчины поместились у эстрады, около тронов; архиепископ, который должен был венчать императора, поклонился их величествам, которые подошли к подножию алтаря. Государь подал руку своей супруге.

Архиепископ громко спросил:

— Вы пришли в этот храм, чтобы совершить обряд венчания?

Император и императрица в один голос отвечали: «Да!»

Духовник государя вручил архиепископу золотое кольцо, которое тот благословил.

— Сир, — сказал он, — объявите перед Богом и Святою церковью, что вы желаете иметь супругой госпожу Евгению де Монтихо, графиню Теба, которая присутствует здесь.

Когда император подтвердил это, архиепископ продолжал:

— Поклянитесь, что вы всегда будете верны ей, как должен верный супруг по заповеди Божией!

Луи Наполеон подтвердил и это. Тогда архиепископ обратился к Евгении с подобным же вопросом, и она точно так же подтвердила это обещание.

— Так примите же знак союза, заключенного между вами и мною.

Он надел на палец Евгении кольцо со словами:

— Даю вам это кольцо в знак союза, который мы заключаем.

Император и императрица опустились на колени перед алтарем, на вышитые золотом подушки из красного бархата, и архиепископ, простирая над ними руку, прочел молитву и благословение.

Супруги поднялись с колен и вернулись к тронам.

Началась обедня. Двоюродный брат императора, принц Наполеон, вручил венчальную свечу ему, а принцесса Матильда — императрице. Епископы Нанси и Версаля держали над супругами венчальное покрывало.

После обедни, когда оркестр играл молебен, архиепископ подошел к их величествам с церковной книгой, в которую был записан акт духовного союза.

Принцы Иероним и Наполеон подписались как свидетели императора, испанский посланник маркиз де Фольдегатас, маркиз де Бедма, граф де Гальфе и генерал Альварес — как свидетели императрицы.

Торжественное венчание было окончено. Евгения и император встали, чтобы выйти из собора, до выхода их проводил архиепископ со всем духовенством.

Выходя из собора, Евгения заметила в толпе любопытных дона Олимпио Агуадо и маркиза де Монтолона.

Император раскланялся с ними.

Евгения побледнела — она увидела на груди Олимпио бриллиантовый крест — в нём недоставало нескольких бриллиантов и звездочек. Это так поразило ее, что она едва могла овладеть собою. Отчего же это обстоятельство так подействовало на императрицу? Разве она не была на вершине своего счастья и удачи, разве не достигла цели своих заветных желаний? Что же заставило ее побледнеть?..

Но это была только минута слабости — она гордо прошла мимо них, опираясь на руку Наполеона. Олимпио молча проводил Евгению взглядом. Перед ним были придворные кавалеры, низко кланявшиеся ей — Морни, Персиньи, Ролье, Сент-Арно, Флаго, Мопа, Бациоши, Моккуард и Флери.

Когда император и императрица вышли из собора, они были встречены криком многочисленной толпы народа.

Снова потянулся длинный ряд карет через павильон Орлож и Карусельную площадь. Радостные крики народа не умолкали всю дорогу.

Наполеон и Евгения вступили в роскошно убранные комнаты дворца, где было дано блестящее празднество.

Евгения, под руку с императором, вышла на балкон Тюильрий-

ского дворца. Войско и народ громко приветствовали новую императрицу. Луи Наполеон в честь этого радостного дня оказал своим подданным милость: из 45 тысяч заключенных с декабря 1851 года три тысячи были выпущены из тюрьмы! В самом деле, великодушие, достойное Луи Наполеона, который считал свой престол столь шатким и так сомневался в своем могуществе и силе, что боялся остальных 42 тысяч пленных врагов и оставил их в тюрьмах Алжира и каторге Каенны...

Императрица отказалась от подарка, поднесенного ей от лица всего Парижа и состоящего из бриллиантового кольца ценою в 600 тысяч франков: она пожелала, чтобы эти деньги были присоединены к сумме, предназначенной на устройство благотворительных заведений. Предполагалось устроить под покровительством Евгении приют для бедных девиц.

Принц Камерата, дальний родственник императора (принцесса Элиза, графиня Камерата, была тетка принца) остался в тюрьме ла Рокетт.

Когда свидетели и гости, присутствовавшие при торжественном бракосочетании, вышли из собора, маркиз де Монтолон и Олимпио Агуадо сели в свой экипаж. Они поехали не в Тюильри, а прямо домой.

Евгения была неприятно поражена, увидя, что в кресте Олимпио недостает нескольких бриллиантов. Олимпио нравился ей более, чем все остальные ее обожатели. Это казалось ей дурным предзнаменованием. Из 32 бриллиантов в кресте уже не доставало пяти. Олимпио хранил эти камни как воспоминание о Евгении.

В сумерках наши друзья сидели вместе в своем дворце. Олимпио заметил, что маркиз был грустен и задумчив.

Олимпио не старался рассеять своего друга. Он заметил, что маркиз уже несколько недель о чем-то задумывается, но не спрашивал Клода о причине его грусти, а спокойно ждал, когда его друг добровольно откроет ему свою душу.

Час этот, наконец, настал.

— Олимпио,— начал маркиз тихим голосом,— настало время открыть тебе тайну, которую я так долго скрывал от тебя, моего лучшего друга! Ты должен узнать все! Ты должен узнать печаль, которая гложет мое сердце. Выслушай меня и скажи, поступил ли я по совести или нет!

— Открой мне свою душу, ты ведь знаешь, что я вполне понимаю тебя,— сказал Олимпио, подходя к маркизу и протягивая ему руку,— всякое горе переносишь легче, когда есть человек, с которым можно поделиться им.

— Сядь подальше,— сказал Клод де Монтолон, указывая ему на отдаленный стул.

В комнату вошел Валентино со свечами, но маркиз не велел ему подавать свечей, пока он не прикажет.

Клод сидел, подперев рукой голову, Олимпио неподвижно глядел вдаль.

Наступила томительная пауза.

II

ИСПОВЕДЬ

Наконец, Клод начал тихим голосом:

— Много лет прошло с того ужасного дня, в который я решил, что жить мне более незачем, я думал проститься со светом, нимало не дорожа своей жизнью, но рок сулил иное — я остался жив и вот сижу теперь здесь с тобою и поверяю тебе одну из самых глубочайших тайн моего сердца. Помнишь, что ты говорил мне в первое время нашего знакомства, Олимпио, с удивлением глядя на меня своими выразительными глазами?

— Я часто говорил тебе, что мне кажется, будто ты ищешь смерти. Я не понимал твоих намерений и только покачивал головою, глядя на тебя, но мало-помалу стал догадываться, что какая-то особенная причина заставляет тебя желать и искать смерти.

— И ты никогда меня не спрашивал о ней?

— Я все ждал, когда ты сам захочешь открыть мне тайну твоего прошлого — я не хотел насильственно проникать в нее, чтобы не растревожить нечаянно, может быть, начинающую затягиваться рану,— отвечал Олимпио.

— Но теперь я сам расскажу тебе все — между такими друзьями, как мы, не должно быть никаких тайн. Ты видел ведь нищую в Пале-Рояле? Эта бездомная бродяга — моя жена... Я вижу по твоему лицу, что ты хочешь упрекнуть меня в том, что я не забочусь об ее участи! Но ты бы не стал осуждать меня, если бы знал все.

— Клянусь святыми, что тебе это показалось,— вскричал Олимпио,— я никогда бы не осмелился осуждать тебя; разве мне неизвестны твоя честность и великодушие? Я уважаю тебя и люблю!

— Во всяком случае, не произноси еще своего сурового приговора, дослушай грустную повесть! Чтобы тебе было все ясно, начну свою историю с детства. Отец мой, маркиз Мориц де Монтолон, имел двух сыновей, меня и Виктора.

— Как? Так у тебя есть брат?

— Да, Олимпио, у меня был брат, но его давно уже нет в живых. Виктор был двумя годами старше меня, но слабее и физически не так развит, как я; поэтому все принимали его за младшего. Он был очень скрытен и постоянно углублен в себя. Когда мы были еще детьми, мне всегда казалось, что в нем есть что-то совсем не детское и даже что-то странное. В то время как я, к великой радости моего отца, занимался воинскими упражнениями, брат Виктор просиживал дни и ночи над книгами. Разговоры и образы книжных героев преследовали его и во сне, он бредил ими. Днем он забирался в уединенное место и разговаривал сам с собой. Все находили, что у него странные наклонности. Даже наш камердинер совершенно серьезно уверял меня однажды, что нельзя считать Виктора человеком в здравом уме, потому что от него можно услышать такие ответы и распоряжения, которые никак не согласуются со здравым рассудком. По временам он казался совершенно спокойным и рассудитель-

ным, так что мы с отцом не сомневались в его уме. Держался он всегда в стороне от людей и всегда смеялся, когда заходил разговор о любви к родителям или братьям, точно не мог любить никого, кроме себя и своих книг. Мать наша умерла, когда мы были еще очень малы, и я никогда не мог представить себе ее образ. Отец рано постарел и ослабел. Я был любимцем отца. Он всегда охотно говорил со мною и благосклонно смотрел на мои занятия фехтованием с сыновьями из знакомых нам семейств. Часто он озабоченно качал седой головой, глядя на Виктора. В доме у нас все шло спокойно и мирно. Но вот Виктору исполнилось девятнадцать, а мне семнадцать лет. Отсюда, собственно, и начинается мой печальный рассказ, у которого было такое прекрасное начало, но... увы... жестокий конец. Напротив нас, в маленьком домике, на месте которого теперь стоит большое великолепное здание, жил бедный старик, некто д'Оризон; в 1808 году он, потеряв в сражении правую ногу, вышел в отставку и жил маленьким пенсионом офицера. Он выглядел гораздо старше своих лет. Потеря ноги и походы при Наполеоне I расстроили его здоровье. Жена его умерла в то время, как он был на войне, оставив дочь, которой было двенадцать лет. Адель д'Оризон была очень хороша собой и с каждым днем расцветала все более и более. Я знал и любил ее еще с детства. Ребенком я часто играл с нею. Отец нисколько не противился нашему сближению, он сам любил потолковать со старым д'Оризоном о войне. Мы стали постарше, и результат наших детских игр оказался таким серьезным, как я и вообразить не мог. Я никогда не помышлял о страшной судьбе, постигшей меня и брата из-за этой девушки. Если бы я мог это предвидеть, то победил бы в себе с каждым днем возрастающую любовь к Адель д'Оризон.

— Да, Клод, ты бы мог подавить в себе это чувство, я вполне понимаю тебя; но продолжай, я слушаю!

— Я любил Адель всеми силами своего юного и неопытного сердца. Она была для меня прекрасным ангелом, самым дорогим существом в мире. С каждым днем я сильнее привязывался к ней, потому что она тоже любила меня! Адель была всегда весела и резва; отец мой признавался, что не встречал еще девушки прелестнее и веселее Адели. Сам д'Оризон очень любил меня, и как я был счастлив, когда мне случалось помочь ему в нужде! С какою радостью я всегда приносил ему чай, сахар, кофе и другую провизию, купленные на сбереженные мною деньги, тогда как брат Виктор тратил все свои деньги на покупку книг и лакомств. Но я поступал нечестно, обманывая старого д'Оризона. Часто я встречался со своей любимой в Булонском лесу, где мы по целым часам разговаривали с нею. Как я был рад видеться с нею! Любовь моя к Адели росла с каждым годом; наконец, я должен был признаться себе, что не могу жить без прелестной девушки. Я и не подозревал, что брат Виктор тоже тайно любил ее, Адель получала от него письма, где он говорил ей о своей любви. Она играла сердцами двух братьев, не понимая, что может стать причиной страшного раздора между ними. Она не была связана ни с одним из нас клятвой. Если бы она больше любила Виктора,

имела бы полное право предпочесть его мне, но она не сделала этого. И он, и она, оба скрывали от меня эту любовь. Когда мне исполнилось двадцать четыре года, старый д'Оризон умер, оставив Адель круглой сиротой. Видя мою страстную любовь к ней, отец дал мне позволение жениться. Он очень любил Адель и хотел осчастливить нас обоих. Как описать тебе то блаженство, то счастье, когда я назвал Адель своею! Мой добрый, любимый отец отдал нам прымакваший ко дворцу флигель, в котором я и поселился с молодой женой.

Сколько блаженных дней провел я в этом домике. Эти дни были самыми счастливыми в моей жизни. Тогда я еще не знал о постыдной измене, жертвой которой я был. Мне и в голову не приходило, что брат мой старается избегать моего присутствия, что Адель бледнеет и дрожит, когда я застаю ее в обществе Виктора! Разве я мог подозревать свою молодую жену, которая так сильно любила меня, в любви к моему брату! Я наслаждался своим счастьем, считая, что и она также счастлива. Виктор делался все мрачнее и скрытнее. В душе я очень жалел его, мне казалось, что он несчастлив из-за своего скрытного характера. Адель затеяла странную игру. Я так и не могу понять, кого она любила — меня или моего брата? Она сделала несчастными и меня, и его, и даже моего старого отца. Разыгрывая жестокую комедию, она постоянно искала удобного случая удалить меня на несколько часов из дома, чтобы остаться наедине с братом!

Ты так недоверчиво смотришь на меня, Олимпио, точно я говорю тебе невозможные вещи. Но все, что я тебе рассказываю, к несчастью, правда! Помнишь, я часто говорил тебе: блажен человек, который может назвать своим сердце любимой женщины! Я никогда не знал этого счастья. Я был обманут в своей верной, горячей любви!

— Адель д'Оризон и есть та самая нищая из Пале-Рояля? — тихо спросил Олимпио.

— Слушай, что случилось дальше. Ты поймешь всю тяжесть моего горя. До сих пор я тебе рассказывал историю, которая встречается в жизни сплошь и рядом. Не думай, что я преувеличиваю вину Адели из ревности! Нет! Во мне никогда не жило это глупое чувство! Я хочу, чтобы ты узнал, какие горькие минуты я перенес! Полгода я наслаждался счастьем с Аделью, редкий вечер я не проводил с нею и не любовался ее красотой. Мне и в голову не приходило, зачем она упрашивала меня не оставлять своих хороших знакомых и не жертвовать ради нее приятным для меня обществом. Я приписывал это ее заботе обо мне. Но пустая жизнь моих прежних друзей, которые переходили от одного развлечения к другому, не прельщала меня. Я был вполне счастлив подле своей дорогой Адели. Я был так счастлив, что, казалось, достиг всего, чего только может желать человек. Зачем мне было участвовать в оргиях друзей, когда дома я вкушал полное блаженство? Посещая по просьбе Адели прежних знакомых, я возвращался домой около полуночи и всегда находил Адель в гостиной, дожидаящейся моего возвращения. Какое счастье, говорил я сам себе, что она любит меня так же горячо, как и я ее. Мне и в голову не приходило, что это блаженство может

когда-либо кончиться. Однажды я собрался идти в гости. Отец мой, несмотря на свою слабость, собрался идти вместе со мною. Он очень любил бывать в обществе молодежи, смеяться и шутить с нею, это напоминало ему дни его юности. И вдруг среди веселого разговора отец замолчал. Он почувствовал какое-то мучительное беспокойство и попросил меня проводить его домой. Я испугался его внезапного нездоровья и поспешил проводить его. Я уже говорил, что всегда возвращался из гостей далеко за полночь. Дома не ожидали, что мы так рано вернемся. Я просил отца переночевать у меня, боясь, чтобы с ним не случилось чего-либо ночью. Горничная моей жены, отворяя нам дверь, страшно побледнела. Я думал, что она испугалась внезапного нездоровья моего отца. Я велел ей ни слова не говорить жене, чтобы не встревожить ее. Это, по-видимому, не понравилось служанке. Видно было, что ей хотелось предупредить жену. Я потихоньку направился в залу, зная, что застаю Адель в ожидании. Еще из передней мне слышалось, что в зале кто-то разговаривает. Но кто мог сидеть у жены? Я был далек от каких-либо подозрений. Но, Боже, как я ошибался...

Отец тоже стал прислушиваться и вдруг, схватив меня за руку, стал удерживать. Вероятно, он предчувствовал ожидающий меня страшный удар. Я молча схватил его за руку и повлек за собою. Быстро отворив дверь в залу, я остановился на пороге, окаменев...

Адель лежала в объятиях Виктора, который пожирал ее страстным взглядом. Не могу описать тебе, что я почувствовал! Мой родной брат отнял у меня жену! Адель нарушила свою клятву! Я был обманут в моем лучшем, святом чувстве. Как в тяжелом сне, я смотрел на эту сцену.

Мой бедный отец застыл на месте, как пораженный громом.

В пылу страсти ни Адель, ни ее любовник даже не заметили нашего присутствия. Бледный, дрожа всем телом, подошел я к ним. Ужас, злоба, презрение кипели во мне.

Заметив меня, Виктор сделал презрительную, наглую мину. Адель ломала руки.

— Несчастный, — вскричал я, — ты обольстил мою жену!

Брат презрительно засмеялся.

— Безумец, она любит меня! Зачем ты настаивал, чтобы она вышла за тебя?

— Ах, Олимпио, я был уничтожен... В глазах у меня потемнело. Я готов был убить брата. В это время отец подошел ко мне и схватил меня за руку. Как я ему благодарен за это! Я не сказал Адели ни слова и, даже не удостоив ее взгляда, вышел вместе с отцом из комнаты, где навеки потерял свое счастье. Я пошел с отцом в его кабинет.

Там я бросился на колени перед распятием и зарыдал о моем потерянном счастье.

Добрый мой отец не знал, как меня утешить, он плакал вместе со мной.

Все стало для меня ясно, как день. Решение мое было непоколебимо.

— Успокойся, сын мой,— сказал отец,— не поступай опрометчиво. Мне известно твое хладнокровие и твоя твердость, и ты, конечно, знаешь, что я должен чувствовать!

Утешение отца глубоко растрогало меня, я приник к его плечу, в эту минуту его любовь была особенно дорога мне, она как бы утоляла боль моего разбитого сердца. Действительно, двое людей, которых я любил и которым безгранично верил, обманули меня, и я не знаю, но думаю, что не будь вблизи меня отца, я бы, наверное, убил своего брата.

Из любви к отцу я сдерживал свою злобу против виновника моего несчастья. К утру следующего дня отец мой слег в постель, у него развилась горячка, старость и нравственное потрясение усиливали болезнь.

На другой день Адель пришла ко мне. Когда она вошла, я был холоден, как лед. Но какое мучение перенес я, когда она, рыдая, бросилась мне в ноги. Слезы мешали ей говорить. Она вполне чувствовала всю тяжесть своего проступка.

— Что ты еще хочешь от меня? — спросил я совершенно хладнокровно. Но, Боже, чего мне стоило овладеть собою...

— Клод,— молила она раздирающим душу голосом,— Клод, пощади меня! Я виновата перед тобою, но я раскаиваюсь!

— Ты могла подумать об этом раньше. Ты постыдно изменила мне. Виктор вчера хвастался твоею любовью! Между нами все кончено! Один Бог может простить тебе твое преступление.

— Ты не хочешь простить меня, не хочешь меня выслушать? — спросила она.

— Говорю тебе, что между нами все кончено навсегда! Мы с тобой более не увидимся. Твоя совесть да будет тебе судьбою!

Она начала умолять меня, простирая ко мне руки; глаза ее с ужасом смотрели на меня. Никогда не забуду я этого страшного мгновения.

— Так ты не хочешь простить меня за то, что я склонилась на сладкие речи Виктора,— спросила она глухим голосом,— ты не простишь меня, даже если я поклянусь тебе с этой минуты принадлежать только одному тебе?

— Даже и тогда не прощу! Я тебе более не верю, я уже не могу любить тебя.

Она вскрикнула.

— Ступай к тому, кто обольстил тебя и оторвал от моего любящего сердца. Чего тебе нужно от меня? Иди к своему обольстителю!

— Клод,— воскликнула она страшным голосом.— Пощади, не отталкивай меня от себя!

— Ты требуешь невозможного! Не проси меня напрасно. Я непоколебим, твои просьбы не могут разжалобить меня! Ты обманула меня, насмеялась над моим святым чувством, которое уже никогда не пробудится к тебе. Мы разведемся. Сердце мое теперь закрыто для женщин. Довольно с тебя и этого!

— Даже для меня? Для меня, которая готова, как раба, исполнять все, умоляя о пощаде?

— Даже для тебя. Я не изменю своего решения. Прощай!

Адель содрогнулась. Казалось, так долго спавшие демонские страсти снова пробудились в ее сердце со всею жаждою жизни; она хохотала, тогда как по щекам ее градом катились слезы. Смех ее наполнил мое сердце ужасом.

— Хорошо! — прошептала она. — Так я заглушу мучения, которые теперь испытываю. Я брошусь в бездну удовольствий. Ты бы еще мог спасти меня, против мне мою вину и искупить ее твоею любовью. Но ты ничего не хочешь слышать. Оставленная Богом и людьми, я вполне отдамся греховной жизни. Пощади и себя, и меня! Я не знаю, что со мною будет. Сердце мое переполнено мукой и упреками совести. Я хочу заглушить их, я могу забыть мое страдание — только повтори мне еще раз, что ты не простишь меня никогда! Клод, только ты можешь спасти меня, Клод, пощади меня!

Но я оттолкнул ее от себя. Слишком грязным показался мне проступок, совершенный ею; в эту минуту моему воображению предстал образ Виктора, обнимавшего Адель. Да простит мне Бог, если я поступил несправедливо под влиянием этой минуты. Я не мог поступить иначе. Когда я очнулся и огляделся вокруг, Адели уже не было в комнате. Она решилась идти на свою погибель. Ах, Олимпио, кто пережил подобные тяжелые минуты, тот перенес самое тяжелое испытание, которое может выпасть на долю человека!

Опустив голову, маркиз сидел неподвижно, казалось, он погрузился в размышления. Тяжелые думы волновали его сердце, в комнате на несколько минут воцарилось гробовое молчание. Глубоко тронутый печалью друга, Олимпио сидел, не в силах сказать что-либо на рассказ маркиза.

— В скором времени, — продолжал маркиз, — отец мой умер, благословляя меня и проклиная Виктора. Он не мог перенести горя, внезапно обрушившегося на его седую голову. Я потерял в нем лучшего, любимого друга, с которым мог делиться своим горем!

Однажды вошел ко мне в комнату слуга Виктора.

— Ради Бога, господин маркиз, — сказал он, ломая руки, — следуйте за мною; он помешался, он неистовствует!

— Кто? — спросил я, испугавшись.

— Маркиз Виктор, ваш брат. Я давно уже предчувствовал это. Все кончено!

Еще в дверях квартиры Виктора я услышал страшный, разрывающий душу хохот. Он не узнал меня. Взгляд его был ужасен. Он сидел в углу, поджав под себя ноги, лицо его выражало совершенное отсутствие мысли. Он рвал и кусал вышитую золотом скатерть. Потом он вскочил, стал царапать стены, ломать и опрокидывать стулья.

Не могу описать тебе, Олимпио, что я перенес в эти минуты! Ах, Олимпио, когда я вошел, сердце мое было переполнено злобой и ненавистью к брату. Теперь я стоял, с мучительной тоской глядя на страдания несчастного безумца.

Ему невозможно было помочь. Я употреблял все средства, чтобы возвратить рассудок своему несчастному брату, но все было напрасно.

Прошло несколько мучительных недель. Страдания несчастного безумца увеличивались. Он навсегда потерял рассудок.

Итак, две несчастные жертвы были следствием преступления моей жены. Отец мой умер, не перенеся постигшего его несчастья, а брат лишился рассудка. Вскоре смерть избавила его от страданий.

— Я уверен, что Адель невиновна в смерти твоего отца, — сказал Олимпио, — ведь, как ты сам говорил, твой брат еще в детстве был не совсем в здравом рассудке!

— Это я знаю, и эта мысль примиряет меня с братом! Может быть, он оторвал от меня любимую женщину, не сознавая вполне этого преступления. Но ведь Адель должна была понимать всю тяжесть своего греха и приложить все силы, чтобы отвратить от себя это преступление!

— Ты поступил совершенно справедливо в отношении Адели, она была недостойна твоей любви. Но ведь она женщина, Клод, и женщина, которая не всегда имеет силу устоять против страстей и сладких увещеваний. Она была легкомысленна. Ты отдал свою чистую, горячую любовь женщине, которая не стоила ее.

— Похоронив своего брата, я остался совершенно один, перенесенное мною было до того ужасно, что я сам боялся потерять рассудок. Я был в отчаянии и не умел еще владеть собою. Мне готовилось новое испытание. Я случайно увидел Адель в обществе, которое доказывало, что она сдержала свое обещание отдаться греху. Она бросилась в бездну наслаждений, чтобы подавить свои страдания. Когда я увидел ее среди оргии, я был готов лишиться себя жизни, и только вера в Бога спасла меня от страшного греха самоубийства. Я старался восстановить в себе мужество и присутствие духа. Но снова преследовала меня жажда смерти. Я с отчаянием бросался в битву, но искал смерти от руки врага; я боролся с собой, стараясь покориться своей судьбе. Проходили годы. Сознание своей правоты усиливалось во мне с каждым годом. Совесть моя была спокойна. На могиле брата я простил ему все. Жены для меня более не существовало, я потерял к ней всякое чувство. Я даже простил Адели, но только уже тогда, когда совершенно победил и заглушил свою любовь к ней.

Ты помнишь, как после всех приключений мы с тобой, наконец, прибыли в Париж. Я никак не ожидал встретить здесь маркизу де Монтлон, которую уже давно потерял из виду. Я молил Бога, чтобы он избавил меня от встречи с нею, но Бог судил иначе! Мне было суждено видеть ужасный конец всех испытаний. Я увидел Адель между нищими в Пале-Рояле. Она узнала меня и поспешила скрыться. На другой день я напрасно искал ее около Пале-Рояля и в близлежащих улицах. Я уже потерял надежду найти ее. Но через несколько недель, когда я гулял около Пале-Рояля, ко мне подошла одна нищая. Она сказала, что ее зовут Марион Хайдеман и что она подруга Адели.

— Сударь, — проговорила она умоляющим голосом, — ради Бога, сделайте милость и пойдите со мной. Я отверженная дочь парижского палача, всегда буду готова к вашим услугам, но пойдите со мной

к несчастной, по ее словам я поняла, что у вас были с ней когда-то какие-то близкие отношения.

Нищая схватила меня за руку и повлекла за собой.

— К кому хотите вы вести меня? — спросил я.

— К маркизе. Сжальтесь, она сошла с ума!

Я пришел в ужас — Адель постигла та же участь, что и Виктора!

— Встреча с вами была причиной ее помешательства, — продолжала нищая, — помогите ей, ради Бога, помогите. Она лежит на соломе в сарае, никто не хочет помочь ей, принять ее к себе, боясь, что она подожжет дом.

— Я пойду с вами, — отвечал я, — проводите меня к больной.

Дорогой нищая рассказала мне многое из жизни Адели. О, Олимпио, она жестоко наказана, она пережила целые годы страдания и лишений! Сердце мое обливалось кровью, когда я слушал ужасную повесть. Нищая привела меня к грязной гостинице, стоявшей особняком у дороги. За зданием гостиницы было несколько сараев. В одном из них сидела на соломе Адель. Окружающая ее грязь заставила меня содрогнуться. На бледном обезображенном лице и в больших неподвижных глазах я прочел безумие. Она не узнавала меня. Она сидела в углу со сложенными на груди руками и напевала про себя песню! Пораженный ужасом, я стоял перед нею.

Нищая нагнулась к ней и заплакала. Видно было, что она очень любит Адель.

— Посмотрите сюда, узнаете вы этого господина? — спросила она ласково, показывая меня.

— Да, я его знаю, — стыдливо прошептала Адель, не смотря на меня, и слова ее с болью отозвались в моем сердце. — Как мне не знать его? Или, может быть, это Виктор, который увлек меня, — скажи мне, это Виктор?

Лицо ее искривилось, она ломала руки и грозно смотрела в сторону, будто желая напасть на смертельного врага. Да, Олимпио, куда девалось мое присутствие духа. Я не мог перенести ее ужасного положения. Ведь эта страдальца была моя жена!

Я не мог долее выносить этого. Адель между тем искоса смотрела на меня и, боязливо наклонившись к Марион, тайком показывала ей на меня. Потом она тихо засмеялась, еще раз взглянула на меня из-за спины Марион и громко захохотала, бормоча какие-то непонятные слова. Это мгновение было ужасно, я бессмысленно смотрел на нее и не мог двинуть ни одним членом. Положение несчастной привело меня в неопиcуемый ужас.

Очнувшись, я стал раздумывать, что делать? Несчастная не могла оставаться в этом сарае. Я подошел к ней и протянул ей руку.

Она сперва доверчиво положила свою руку в мою и смотрела на меня, как будто удивляясь, что за отношения могут быть между нами.

— Адель, хочешь пойти со мною? — спросил я.

— О да, сударь, но только не в Пале-Рояль! Там я видела кое-кого! О, да! Я кое-что видела.

— Что же ты видела, Адель?

— Вам это очень хорошо известно, сударь,— отвечала она, засмеявшись безумным смехом и продолжая смотреть на меня во все глаза,— эге, да вы мне не нравитесь, вы выглядите точно...

Она зашаталась и снова бросилась на солому, боязливо косясь на меня.

Я же пошел к хозяину гостиницы и попросил его привезти мне из города карету. Он поспешно отправился за каретой, сообщив мне, что на шоссе Майна есть дом умалишенных, в котором маркиза, как он называл Адель, найдет очень хорошее помещение и заботливый присмотр.

Вскоре он возвратился с каретой. Я просил Марион Хайдеман помочь мне перенести несчастную. Бедная нищая охотно согласилась сопровождать Адель. Та позволила ей перенести себя в карету; она смеялась и шутила с нею, но когда я тоже сел в карету, она замолчала и стала испуганно коситься на меня.

Кучер догадался о состоянии Адели и шепнул мне, что он знает дом умалишенных по дороге в Орлеан. Я велел ему ехать туда.

Когда мы прибыли к этому дому, я, оставив бедную Адель в карете, отправился посмотреть, чтобы удостовериться, можно ли поместить Адель в это заведение.

Я позвонил и просил показать мне квартиру главного доктора. Его звали Луазон. Из разговора с ним я понял, что этот человек способен сделать все ради денег. Он произвел на меня неприятное впечатление, но я знал, что Адели будет здесь хорошо, потому что я буду платить хорошие деньги за ее содержание. Итак, я оставил Адель, взяв с доктора честное слово, что он сделает все, что только от него зависит, чтобы спасти несчастную. Я надеялся, что Адель по крайней мере будет обеспечена в материальном отношении, поскольку возвратить ей рассудок не было ни малейшей надежды.

Клод де Монтолон кончил свой рассказ. По выражению его лица, его глаз, Олимпио видел, что встреча с Аделью оставила в его душе глубокую рану.

— Мой дорогой друг, действительно, повесть твоя печальна и ужасна, и я вполне понимаю, какие страдания причиняет тебе твое прошлое. Но подумай о судьбе Долорес, которая страдает невинно, подумай обо мне. Что я должен терпеть и чувствовать?

— Ты можешь надеяться отыскать Долорес и быть счастливым ее любовью, а для меня все кончено навеки! Но я не ропщу. Совесть моя чиста! Когда я нашел Адель в таком страшном положении, мое прежнее чувство к ней пробудилось с новой силой. Я льстил себя надеждою возвратить потерянное счастье, и думал, что все могло бы измениться, что я снова найду прежнее блаженство, но Бог не судил быть этому.

— Ну, а что случилось с нищей, которая назвала себя дочерью палача? — спросил Олимпио.

— Я знаю, что тебя побудило спросить о ней. Я тоже думал с помощью этой девушки попасть к Камерате. Марион Хайдеман брошена родным отцом! Она будет рада оказать нам любую услугу.

— Так надо отыскать ее. Она может нам посоветовать, как можно всего безопаснее освободить Камерату. Как дочь палача, она, без сомнения, знает все ходы, выходы и закоулки ла Рокет.

— Нам не надо и искать ее: она живет при Адели, у доктора Луазона. Я уговорил ее остаться при больной.

— Хорошо! Ты знаешь, что я просил дону Олозагу, как посланника, требовать освобождения принца. Ведь он испанец. Если он не добьется успеха, Камерата надолго останется в заключении.

— Тогда мы хитростью можем освободить его,— сказал Олимпио,— я знаю, что ты дружески протянешь мне руку и поможешь мне в моем смелом предприятии! Я знаю твою благородную душу и глубоко уважаю тебя! Долорес и Камерата! Мы посвятим им нашу жизнь! Но вот идет Жуан. Что ты идешь с такой таинственной миной?

— Извините, что я помешал вам,— сказал прелестный мальчик, глядя на них своими ясными глазами, в которых отражался его светлый ум,— на дворе стоит какой-то господин, который называет себя доктором Луазоном и хочет непременно говорить с тобой,— обратился он к маркизу.

— Пригласи его сюда, Жуан,— ласково отвечал Клод.

Олимпио ушел в другую комнату, а Клод велел подать свечи и принял доктора.

Позже мы увидим последствия их разговора; теперь же возвратимся ко двору.

III

ДОН ОЛОЗАГО

Королева Испании была очень обрадована вестью о бракосочетании Наполеона с подругой ее детства! В этом союзе она видела для себя огромную выгоду. Франция и Испания, лежащие по соседству, еще теснее будут связаны друг с другом общими интересами. Испания, чтобы приветствовать это важное событие, послала в Париж своего дипломата, дону Олозаго, зная, что он когда-то был равнодушен к графине Евгении. Королева ожидала лучшего результата этого посольства, так как дон Олозаго не только олицетворял собой тип придворного, но и был самым верным подданным королевы.

В самом деле, дон Олозаго был образцовый дипломат и достойнейший дворянин. Все дела он вел умно, осторожно и обдуманно, никогда не обнаруживая своих тайных мыслей. При дворе его везде принимали очень радушно, как вежливого и любезного кавалера.

Императрица, казалось, совершенно забыла о доне Салюстиане Олозаго, действительно, какое множество знатных донов и князей окружало ее после того, как она покинула Мадрид. Но Олозаго был тонкий дипломат, он ни словом, ни намеком не дал понять

окружающим, что был когда-то в близких отношениях с императрицей.

Через несколько дней после отъезда из Испании Олозаго получил милостивое разрешение на аудиенцию у императора.

Луи Наполеон, казавшийся вполне счастливым и веселым во время блестящих празднеств в честь бракосочетания его с Евгенией, выглядел сильно озабоченным, когда оставался один или наедине с Моккуардом. На лбу императора появлялись морщины, в глазах выражалась тревога.

Однажды вечером, войдя в свой кабинет, он велел зажечь лампы. Ночью в его спальне обычно горел огонь, Наполеон не любил темноты. В темноте перед его глазами возникали привидения, обрызганные кровью, сосланные им мученики, от голода и нравственных мучений превратившиеся в скелеты, с лихорадочным румянцем на щеках.

— Зажгите огонь, — приказывал он со свойственной ему быстротой, когда перед ним возникали страшные видения.

Наполеон искал утешения в любви Евгении, которая, казалось, стала еще прекраснее в окружающей ее роскошной обстановке и в изысканных туалетах. Но и около нее он не мог найти покоя. Мрачные видения не оставляли его. Он стал задумываться в присутствии Евгении. Когда она спрашивала о причине его грусти, он старался успокоить ее и становился принужденно весел.

Чего не доставало для полного счастья Наполеону и Евгении? Они были окружены блеском, величием и всевозможными почестями, малейшее движение, малейшее желание их исполнялось немедленно. И несмотря на все это, они не были счастливы, хотя оба достигли своих заветных целей, владели престолом, миллионы людей удивлялись им, завидовали им. Отчего не было счастья?

В следующих главах мы постараемся разгадать эту загадку, заглянем через парчевые занавески в самые сокровенные уголки, рассмотрим все поступки этой четы, разберем все самые тайные разговоры. Какая-то вина лежала на совести Наполеона и отравляла все его радости. Он бросался в бездну развлечений, но нигде не находил покоя.

Когда Олозаго подходил к кабинету императора, навстречу ему вышел Мопя. Префект полиции отвесил учтивый поклон испанскому посланнику.

Дежурный камергер пошел доложить императору. Луи Наполеон, казалось, ждал его, потому что портьера была отдернута.

Это означало, что Наполеон принимает. Олозаго со склоненной головой остановился на ковре в кабинете.

Император был один. Отсутствие министров, адъютантов и секретарей выражало особенную благосклонность императора к испанскому посланнику. Олозаго вполне оценил это милостивое доверие со стороны Наполеона.

Император, стоявший у своего рабочего стола, при входе Олозаго обернулся и поклонился ему.

— Добро пожаловать, дом Олозаго, — сказал он. Лицо его было весело. — Мопя только что сообщил ему несколько приятных но-

востей, одна из них касалась Олозаго.— Если я не ошибаюсь, вы находитесь в близких отношениях с вашим двором?

— Я пользуюсь большой милостию ее величества королевы испанской, сир,— отвечал Олозаго.

— Я помню несколько случаев этой милости,— смеясь, сказал Наполеон, намекая этим дону, что тот несколько раз впадал в немилость.— Во всяком случае, вы не откажетесь отвечать мне на некоторые вопросы? Но мне хотелось бы, чтобы это осталось между нами.

Олозаго наклонил голову в знак согласия.

— Прошу садиться! Знакомы ли вы с инфантом Барселоны? — спросил Наполеон.

— Я только слышал его имя, сир, но ничего не знаю о его родственных связях с испанским двором,— ответил Олозаго.

— Гм, дело очень важное, я решил, что вам это должно быть известно лучше, чем кому-либо другому, и потому обратился к вам. Кажется, этот инфант ведет кочующую жизнь. Он умер здесь, в Париже.

— Умер в Париже? — с удивлением воскликнул Олозаго.— Посольство еще ничего не знает об этом.

— Я не хотел никого извещать, пока вы мне не разъясните это темное дело! Покойник оставил жену и дочь, которые думали скрыть смерть старика. Принуждены были силою взять у них его труп, чтобы препроводить его в морг до дальнейших приказаний. На лбу у инфанта есть черное пятнышко, которое перешло к его дочери, замечательной красавице.

Во время рассказа Наполеона Олозаго имел время сообразить многое. Он понял, что Наполеон знает все касающееся инфанта, и только из расположения к королеве Изабелле решился переговорить об этом при случае.

— Я предлагаю вопрос именем моей королевы, сир,— можно ли сделать, чтобы труп инфанта, его жена и дочь были перевезены в отель испанского посольства? Я думаю, то весь двор Испании почтет за большую услугу, если мне удастся тайно провезти труп инфанта в Мадрид в цинковом гробу,— сказал Олозаго.

— Перевезти труп в отель посольства — значит возбудить всеобщее внимание и тайна нарушится,— сказал Наполеон,— вы сами знаете, мой дорогой дон, что большинство народа выказывает большой интерес ко всему, что касается ля Рокет и морга. Кажется, императрица выразила желание видеть жену и дочь инфанта. Если сегодня или завтра вечером удастся провести их обеих сюда и задержать здесь на несколько часов, то, конечно, пользуясь темнотою, можно будет перевезти труп в отель. Что касается дальнейших распоряжений и хлопот о доставлении трупа инфанта в Мадрид, все это я предоставлю на ваше усмотрение!

— От имени ее величества, королевы Испании приношу вам благодарность, сир! Для этого вам, сир, представится случай. На востоке дела запутываются. Россия, кажется, желает покорить Турцию и сделать ее зависимой от себя.

— У меня час тому назал был насчет этого разговор с английским посланником, и кажется, что тут будет затронут общий интерес. Если интерес примет важный оборот, то Испания могла бы, не заключая союза,— не перетолкуйте в дурную сторону моих слов, дорогой дон,— то Испания могла бы оказать нам некоторую услугу.

— В отношении портов и гаваней и в снабжении провиантом,— пояснил дон Олозаго.

— Совершенно справедливо, королева могла бы этим премного обязать союзные государства; конечно, может случиться, что рано или поздно представится случай отблагодарить ее за это обязательство, может быть, по ту сторону океана. Вот что я хотел сообщить вам, дон Олозаго. Но, кажется, вы еще не сообщили мне цели вашего посещения! Сделайте милость, говорите!

— Дело, по которому я—явился к вам, сир, очень деликатное. Я наперед не только прошу у вас извинения, но и замечу, что в этом деле я поступаю не во имя королевы Испании, а как испанец.

— Говорите, дон, я слушаю вас и, сознаюсь, не без некоторого любопытства, говорите откровенно, я питаю к вам большую благосклонность и, если смогу, то всегда исполню вашу просьбу; мне было бы приятно оказать вам какую-либо услугу.

Олозаго поклонился в знак благодарности.

— Несколько лет тому назад здесь жил молодой испанец знатного происхождения, очень богатый,— начал он медленно, точно затрудняясь выразиться.

Луи Наполеон вопросительно посмотрел на дипломата своими темными глазами.

— У меня есть к нему поручение, но я никак не могу отыскать его.

— Как зовут этого молодого испанца?

— Принц Камерата, сир! Я не могу понять его укрывательства и хотел просить у вас позволения навести справки во всех присутственных местах Парижа, чтобы...

— Этого вовсе не нужно, мой дорогой дон,— прервал его император,— я помню это имя! Не помню, какой проступок он совершил, но, наверное, знаю, что он подвергнут наказанию.

— Наказанию, о бедняжка,— сказал Олозаго,— он еще молод, в его жилах течет испанская кровь. Пылкий юноша, видимо, совершил необдуманный поступок, в котором, разумеется, раскаивается!

— Раскаяние большей частью является слишком поздно и часто исчезает по окончании наказания.

— После этих слов, сир, уже нельзя надеяться на милость для принца?

— Я при удобном случае велю прочесть обвинительный акт и приговор,— отрывисто сказал император. Олозаго понял, что этот разговор неприятен ему.— Я всегда неохотно отменяю приговоры судей, мой дорогой дон, потому что это возбуждает неудовольствие других. Но мы еще посмотрим!

Наполеон встал.

— Эти слова ободряют меня, сир,— сказал Олозаго, вставая,— я снова счастлив вашей милостью и добротой.

— Прощайте, дон Олозаго, что касается инфанта Барселоны, полицейский префект получил нужные приказания из моего кабинета. Дипломат раскланялся и вышел.

— Нет, этот Камерата не увидит более дневного света, разве только по дороге в Кайенну. Надо постараться избавиться от таких опасных врагов, чтобы не пришлось их впоследствии страшиться.

IV

МОРГ

На острове, на восточной стороне которого расположена церковь Нотр-дам, с 1864 года стоит маленькое здание. За папертью находится большое пространство. Здесь на мраморных столах лежат трупы, которые постоянно поливаются водою из маленьких труб, чтобы сохранить их свежесть.

Здание это — морг. Здесь выставляют трупы неизвестных, которые находят в Сене или Булонском лесу. На несколько дней их кладут на мраморные столы, чтобы все приходящие сюда могли их видеть и узнать в них своих знакомых или родственников. Платье, в котором нашли труп, тоже вывешивают над ним. В морге всегда лежит множество трупов. Многие, проходя мимо, заходят в холодную мертвецкую посмотреть на них.

В то время, о котором идет наш рассказ, мертвецкая была устроена в боковом флигеле тюрьмы ля Рокет. Вход туда шел через узкую улицу.

В тот день, когда Олозаго имел аудиенцию у Наполеона, в морге лежало множество трупов, и много народа приходило смотреть на них, надеясь найти здесь внезапно скрывшихся друзей или родственников.

Это убежище мертвых имело таинственный, пасмурный вид; воздух его был так отвратителен, что сторож ля Рокета, который прислуживал в морге, всегда стоял у входа, чтобы дышать свежим воздухом.

По улице Жербье, около ля Рокет, шла нищая. Большой старый платок почти закрывал ее лицо, будто она хотела скрыться от взоров любопытных прохожих.

Женщина, которая вошла в морг, была Марион Хайдеман. Она боязливо осматривалась кругом, точно боясь встретиться с человеком, который бы узнал ее, несмотря на покрывало, закрывшее лицо. Она быстро пробежала мимо сторожа в мертвецкую.

Часто случается, что нищие приходят в морг, отыскивая среди трупов останки своих лучших друзей. Поэтому стоявший в дверях, заложив руки на затылок, сторож не обратил внимания на входящую Марион.

Казалось, дочь палача давно была знакома с этим помещением. Она осмотрелась кругом: стены комнаты были из кирпича, высокие окна открыты, чтобы освежить воздух в комнате. Марион подошла

к железной двери, находящейся в конце комнаты. К ней вели каменные ступени. Марион знала, что они идут в уединенный коридор тюрьмы ля Рокет. Когда она жила в доме отца, то часто ходила с ним в морг и в ля Рокет. Она не только знала, что ключ от этой железной двери висит в комнате отца, но даже, что у него лежат нумерованные ключи от тюремных камер, так как он перед казнью входит к преступнику, чтобы остричь ему волосы для более удобного исполнения казни и чтобы рассмотреть его лицо.

Вдруг Марион остановилась, как будто чем-то пораженная.

Перед одним из трупов стояли на коленях две женщины в странных костюмах.

Всматриваясь в них, она вспомнила, что видела их в доме Пер д'Ора.

Одна из них, старуха в желтой меховой накидке, стояла перед трупом, верхняя часть лица которого была закрыта платком; в руках она держала распятие и горячо молилась, склонившись над ним.

Возле нее стояла на коленях девушка, лицо которой было закрыто густой вуалью. Это были жена и дочь умершего. В руках последняя держала венок из роз, пальцы ее играли венком, уста девушки что-то шептали.

Марион не хотела проходить далее, чтобы не помешать молящимся. В комнате начинало темнеть; приближался вечер. Несколько мужчин и женщин ходили по мертвецкой, ища знакомых среди трупов. Молящиеся встали, Марион стала осматривать трупы. Казалось, у нее было какое-то тайное намерение. Сперва она увидела женщину, лежащую на мраморном столе. Рядом с нею лежали молодая девушка и солдат. Оба точно спали. Может быть, они искали смерти, не имея в жизни радостей. Марион долго смотрела на них, и вся ее жизнь проходила перед ее глазами.

Далее лежали трупы стариков; по лицам их видно было, что в жизни они испытали нужду и голод. Около них лежала женщина, с тонкими чертами лица. Над нею висел шелковый костюм. Что побудило ее к самоубийству? Может быть, она обманула своего мужа, или он изменил ей и она решила расстаться с жизнью.

Далее Марион увидела труп прекрасного юноши, он лежал рядом со стариком, у трупа которого так усердно молились две женщины. Труп юноши был покрыт белым покрывалом.

Марион стала на колени перед трупом юноши.

В комнате становилось все темнее и темнее, мужчины и женщины постепенно выходили.

Нищая скрылась между мраморными столами, которые были так высоки, что вошедший сторож и не заметил ее присутствия.

За сторожем вошел господин в длинном темном плаще и что-то сказал ему. Это был камергер Бациоши, пришедший сюда с поручением от императрицы. Видно было, что ему сильно не нравилась атмосфера комнаты. Сторож низко поклонился ему.

— Здесь никого нет, кроме этих двух женщин, — сказал он камергеру.

Марион стала прислушиваться, стараясь не быть замеченной.

— В эту ночь ты запрешь двери морга только на задвижку, чтобы можно было войти сюда. Таков приказ императора,— тихо сказал Бациоши.

— Приказ будет исполнен в точности, ваше превосходительство!

— Труп, который принесен от испанского посольства, должен быть ночью же унесен. Этого не будет заметно, потому что к утру принесут новые трупы. Скажите этим женщинам, что пора выйти. Они должны немедленно ехать со мною в Тюильри. Ее величество императрица Евгения желает говорить с ними.

Сторож поклонился камергеру и подошел к старухе и молодой девушке, которые все еще стояли на коленях перед усопшим. Темнота мешала ему видеть фигуру Марион.

— Я сейчас запро мертвецкую,— сказал он, и слова его отозвались в высоких стенах комнаты,— идите за мной, этот знатный господин желает говорить с вами.

Сторож указал на Бациоши. Старуха с дочерью встали и подошли к камергеру.

— Что хотят от нас? — спросила она глубоким голосом.

Сторож показал на Бациоши, который вытащил свой раздушенный носовой платок и закрыл им нос, чтобы не слышать дурного запаха трупов. Поручение императрицы было ему очень не по нутру. Он беспокойным шагом ходил взад и вперед по комнате и в эту минуту нимало не походил на элегантного придворного. Подобные выскочки преклоняются только перед высокопоставленными лицами, с теми же, кто по общественному положению стоит ниже их, они бесстыдны и нахальны.

— О, какой здесь ужасный воздух! Какое ужасное место,— вскричал он,— что ж они не идут? Пожалуйста, любезный, проводи обеих женщин до моего экипажа, да поскорее, здесь просто задохнешься,— и он еще сильнее прижал к носу свой раздушенный платок.

Сторож схватил за руки старуху и молодую девушку, которые никак не могли отойти от трупа, будто предчувствуя, что у них отнимут его. Они в последний раз поцеловали дорогие останки и последовали за сторожем, который повел их к экипажу камергера.

— Что с нами хотят сделать? — спросила старуха.

— Ее императорское величество делает вам честь, желая говорить с вами,— отвечал Бациоши.

— Ваша императрица? Так иди за мною,— сказала старуха, обращаясь с гордым достоинством к дочери. В каждом движении обеих женщин сквозила гордость, составлявшая поразительный контраст с их бедной одеждой.

Их рождение и сан позволяли им сесть на переднее место кареты, и удивленный камергер, смотревший на них свысока, принужден был сесть на заднее место.

Когда экипаж скрылся из виду, сторож вернулся в мертвецкую. Вместо того, чтобы запереть дверь изнутри, он запер ее только на задвижку и скрылся в дверь ля Рокет, пройдя мимо нищей и замкнув дверь на ключ.

Он был рад, что окончил свое дежурство; утром его должен был сменить другой сторож. Все сторожа не любили дежурить в морге.

В комнате наступила мертвая тишина, нарушаемая только однообразными звуками падающих на трупы капель воды. Белые простыни, на которых лежали трупы, резко выделялись в темноте.

Марион встала. Если бы в эту минуту явился сторож, он бы ужаснулся при виде ее фигуры и стал бы креститься, думая, что воскрес один из трупов.

Марион не чувствовала ни малейшего страха. В жизни она перенесла столько горя, что ее ничто не могло испугать или ужаснуть.

Но для чего она осталась на ночь с мертвецами? Мы уже знаем, что маркиз де Монтолон поручил ей уход за Аделью, значит, она была обеспечена; зачем же она пришла в морг?

Марион на минуту остановилась, прислушиваясь.

— Действительно, маркиз был хорошо осведомлен об этом деле,— прошептала она,— более благоприятной ночи для освобождения принца, кажется, не представится. Твое предприятие должно удался. Он находится в № 73, и, насколько я помню, этот покойник похож на него лицом.

В эту ночь я тайком должна проникнуть в дом моего отца, из которого он выгнал меня. Скорей же за дело, Марион, Матерь Божья знает, что я иду на доброе дело! Помогите мне, Пресвятая Дева!

Она наклонилась к юноше, которого уже успела рассмотреть при свете. Видно было, что он умер только в прошлую ночь. На шее у него виднелся след насильственной смерти.

— Прости меня, чужеземец, за то, что я нарушаю твой покой, ты должен послужить орудием спасения для живого брата! Как рано оставил ты этот свет, где тебе не было счастья! Никто не спрашивает о тебе, никто не приходит к тебе. И мне, наверное, придется лежать здесь, мне, отверженной Богом и людьми! Я была бы рада, если бы смерть моя могла послужить к спасению другого существа. Поэтому я не боюсь перенести тебя на другое место, с которого ты одинаково безопасно попадешь в объятия земли.

Нищая встала и направилась к проходу, против которого лежал труп. Для исполнения своего плана ей предстояло совершить трудное предприятие.

Когда Марион подошла к двери, за которой скрылся сторож, она услышала стук кареты и шепот нескольких голосов. Казалось, вновь прибывшие старались пройти как можно осторожнее, чтобы не быть замеченными.

Приближалась полночь.

Марион стояла на месте, продолжая прислушиваться. Карета остановилась перед входом. Тихие шаги приближались к двери мертвецкой.

Марион поспешно спряталась за мраморные столы, на которых лежали покойники.

Едва она успела скрыться, как дверь тихо и осторожно отворилась. Она стала наблюдать за вошедшими. Четыре человека, закутанные в

плащи, осторожно обходили с фонарем трупы. Видно было, что им неприятно исполнение поручения, лица их были бледны, глаза широко раскрыты. Их шатало от тяжелого воздуха комнаты. Они говорили шепотом по-испански.

— Ужасно! Вот положение-то! Берегитесь, чтобы другие мертвецы не выцарапали вам глаза!

Человек, несший фонарь, казался храбрее остальных.

— Вперед, еще вперед,— шептал он,— они уже не встанут. В том углу лежит инфант, отбросьте покрывало, на лбу у него должно быть черное пятно.

— Еще этого не доставало! Сделай-ка это сам, — отвечал другой.

— Трусы! Деньги брать вы умеете, а от исполнения возложенного на вас поручения спешите отделаться.

И с этими словами носильщик приблизился с фонарем к трупу, у которого еще несколько минут назад стояли, проливая слезы, старуха и молодая девушка. Совсем рядом с этим трупом спряталась Марион. И если бы ее заметил кто-либо из четырех слуг Олозаго, то они, наверно, все или бы убежали, или прямо умерли на месте от страха, до такой степени ужас наполнял их сердца, хотя один и казался совершенно равнодушным. Он смело подошел к трупу инфанта и снял покрывало.

Открывшееся лицо было ужасно! Ввалившиеся щеки, острый нос, впалые глаза, на лбу было большое черное пятно в виде звезды.

— Это он! Помогите мне завернуть его в простыню и перенести в карету!

Медленно взяли они труп, косясь на остальных. Подняв труп, они тихо понесли его к стоявшей у входа карете, сначала убедившись, что на улице нет ни души.

Все перекрестились, бормоча молитву, и снова заперев дверь на задвижку, уехали.

Когда они удалились и стук кареты замолк в отдалении, Марион вышла из своей засады и поспешила к выходу, быстро скрывшись в темноте ночи.

V

ДОЛОРЕС И МАРКИЗА

Чтобы объяснить намерение нищей, попросим читателя возвратиться немного назад, в вечер, предшествовавший этой ночи, в дом умалишенных доктора Луазона.

За несколько дней перед описанным нами происшествием этот достойный человек имел разговор с маркизом, в котором объявил последнему, что маркиза сильно привязалась к одной из больных, которая, в свою очередь, оказывает ей большое внимание, даже большее, чем Марион.

Случилось, что в то время, когда доктор сообщил, как он сам выразился, это радостное известие, Валентино не было дома, так что личность доктора и убежище бедняжки Долорес оставались в неизвестности.

Во время разговора маркиза с доктором Олимпио с недоверием наблюдал за этим человеком с вечной улыбкой на лице.

— Держу пари, — сказал он Клоду после ухода доктора, — что это дело не совсем ладно. По всему видно, что старикашка желает избавиться от тяжелого присутствия компаньонки маркизы, которую ты, по своей доброте, приставил к ней.

— Мне кажется, что ты смотришь на это слишком в дурном свете, Олимпио, какая причина может побудить доктора к этому? Чем она может помешать ему?

— Я не верю вечно смеющемуся Луазону! Меня отталкивают его фигура и его приторная любезность.

— Завтра я поеду к нему, чтобы самому видеть все, — отвечал Клод, — может быть, мое внезапное посещение раскроет многое!

— Я поеду с тобой, — прервал Олимпио маркиза, — сегодня я побываю у Олозаго, чтобы узнать, какие последствия имела его аудиенция у императора? Боюсь, что его ходатайство не будет иметь успеха; в таком случае я поговорю с этой девушкой и узнаю от нее, как можно добраться до Камераты.

— Прекрасно, друг мой! Я очень доволен, что ты поедешь со мною. Ты поможешь мне получить беспристрастное суждение о порядках этого дома.

Вскоре после этого разговора Олимпио отправился на набережную д'Орсе, 25, в отель испанского посольства.

Валентино сопровождал своего господина. Олозаго встретил его еще на лестнице, желая оказать дружеский прием некогда известному при дворе богатому испанцу.

— Мое почтение, мой благородный дон! — воскликнул дипломат, с чувством пожимая руку гостя обеими руками. — Я очень рад видеть вас у себя и прошу выпить со мною бутылку хересу за наше общество! Говоря это, Олозаго ввел гостя в залу.

В зале сидел испанский генерал, Олимпио не узнал его с первого взгляда. Но тот поклонился ему, как старому знакомому.

— Он не узнал тебя! — смеясь, сказал Олозаго. — Хотя бывало дон Агуадо часто протестовал против дона Прима.

— Черт возьми! — радостно вскричал Олимпио, протягивая генералу руку. — Здравствуйте! Вы, однако, очень переменились!

— Меня изменило время, мой милый дон Агуадо. Давно мы с вами не виделись! Много лет прошло со времени наших битв, и старые противники могут раскланяться друг с другом, как старые товарищи по битве, — сказал Прим, который вообще не был слишком общителен. Служа в королевской гвардии, он часто выступал против Олимпио, хотя и любил его. В то время множество романтиков было на стороне трех отважных карлистов.

— Однако, прошу садиться, господа! — сказал Олозаго. Слуга его налил в стаканы прекрасное вино Испании. — Сколько воспоминаний

пробудила во мне наша встреча! Перед моими глазами ясно рисуется прошедшее. Но не будем говорить о том, чего не могло случиться! Скажите мне, дон Агуадо, как это у вас хватило терпения вынести это спокойное время?

Олимпιο засмеялся:

— Последний год прошел для меня не без волнений. Мы жили в Лондоне, а потом переселились сюда.

— С маркизом и с Буонавита? — спросил Прим.

— Конечно, с маркизом. Но Филиппо Буонавита не поехал с нами, он переселился гораздо дальше, — отвенал Олимпιο, показывая рукой на небо. — Он умер на руках своей возлюбленной — она убила и его, и себя.

— Жаль. Значит, один из трех храбрых генералов покинул своих друзей. Однако это не мешает мне пожелать двум оставшимся долгой и счастливой жизни, — сказал Олозаго. — Я знаю, дорогой дон Агуадо, что вы пришли ко мне за получением важного известия, но предупреждаю вас, я желаю подольше побыть в вашем обществе, и потому нес скоро сообщу необходимые сведения, пусть это будет знаком того, что я очень рад видеть вас у себя.

— Это не всегда бывает приятно дипломату, — пояснил, улыбаясь, Прим.

— Всякая обязанность имеет свойственные ей особенности, но оставим это, — сказал Олозаго. — В настоящее время между друзьями я не дипломат, а старый весельчак. Мне бы хотелось, чтобы маркиз, адмирал Топете и Серрано были теперь с нами. Сколько было бы рассказов! Куда девалось доброе старое время! Как жаль, что нельзя воротить прошедшего.

— Вы останетесь в Париже, генерал? — спросил Олимпιο Прима, который смотрел на свой стакан.

— Вероятно, только до послезавтра, но я надеюсь скоро вернуться.

— Дело идет о тайной комиссии, — пояснил Олозаго. — В Париже умер один испанец, которого послезавтра надо тайно перевезти за границу Франции. Хотите проводить нас сегодня вечером в морг, дон Агуадо?

— Вы возбуждаете мое любопытство! Я охотно поеду с вами. Я с прежней любовью отношусь ко всему, что касается моего дорогого отечества!

— Ну, а прежде чем мы поедем в ля Рокет, я должен ответить на ваш вопрос.

— О принце Камерате? — спросил Олимпιο.

— Мало надежды на скорое его освобождение, — сказал Олозаго, пожимая плечами, — император, как кажется, желает замять его дело!

— Теперь мне все понятно! Поэтому-то он и отказался принять в нем участие! Не так ли, дон Олозаго?

— Чтобы не огорчить меня полным отказом, он дал мне некоторую надежду на возможность освобождения принца, что почти значило так: никогда! Я заранее предчувствовал, что он не любит принца!

— Лучше скажите, что он ненавидит его,— произнес Олимпио.— Черт возьми! Он недолго будет радоваться, что так поспешил удалить его!

— Я не знаю принца,— сказал Олозаго,— Прим тоже не помнит его.

Олимпио стал описывать им достоинства этого благородного, честного человека. Он не забыл рассказать и историю графини Монтихо. Между тем стемнело. Стали собираться ехать в морг.

Дорогой Олимпио узнал, что таинственный старец, которого в Испании все знали под именем Черной звезды, и есть тот самый умерший, которого в следующую ночь хотят перенести из мертвецкой в по-сольство, а потом препроводить в Мадрид.

Когда они вошли в морг, перед трупом старика стояли две женщины.

Сцена эта произвела тяжелое впечатление на Олимпио. Он когда-то видел эти лица на равнинах Испании. Олимпио сознавал, что смерть похитила достойнейшего из них. Мать и дочь в черных платьях в немом молчании стояли на коленях перед трупом старика.

Поздно ночью вернулся Олимпио к маркизу и рассказал ему все происшествия сегодняшнего вечера. Они порешили на другой же день ехать к доктору Луазону.

Комната Адель была рядом с комнатой Долорес.

Марион Хайдеман ежедневно водила Адель гулять в сад, где Долорес и познакомилась с безумной. Мягкий, ласковый голос Долорес произвел сильное впечатление на Адель. Она успокоилась и, как дитя, с радостью бросалась навстречу Долорес и плакала, когда наставляла пора вернуться домой.

Хотя в уме маркизы не могло зародиться здоровой мысли, она то смеялась, то пела, то снова впадала в тупое беспомыслие, но все-таки у нее было сознание, что она нашла в Долорес кроткого ангела. Она по целым часам стояла у порога своей комнатки, ожидая, когда растворится дверь и ей позволят идти в сад, к Долорес. Она поминутно спрашивала, который час, и Марион едва могла утешить и успокоить ее до прогулки в сад. Адель бежала навстречу Долорес, смотрела на нее и прыгала от радости, когда та хвалила ее или находила здоровее. Дикие глаза ее принимали ласковое, кроткое выражение. Смех ее становился мягче. Ее привязанность к Долорес росла с каждым днем. Сначала маркиза приходила в такое бешенство, что Марион едва могла усмирить ее, связав ей руки. Со времени знакомства с Долорес припадки бешенства повторялись все реже и реже. Часто маркиза из своей комнатки окликала Долорес. Это имя производило успокоительное действие на безумную. Многие склонности и влечения умалишенных необъяснимы. Припадки бешенства мгновенно прекращались, когда перед Аделью появлялась Долорес. Она переставала призывать Виктора и Клода и впадала в спокойное состояние в присутствии ее ангела, Долорес.

Когда маркиз и Олимпио вошли в комнату Адели, они нашли ее в глубоком спокойном сне.

Валентино остался в экипаже.

С глубокой грустью смотрел Клод на тихо спящую Адель. В его голове пронеслось прошлое, полное тяжелых воспоминаний, он вспомнил и то прекрасное время, когда был счастлив с любимой, он горько жалел, что невозможно было воротить того, что кануло в вечность. Его счастье было потеряно навсегда. Он все еще любил Адель — некогда произнесенное им проклятие было взято назад, вина искуплена, но разрыв был совершен навеки. Он молился уже за безумную Адель! Ни для него, ни для нее не существовало соединения, свидания без упрека на земле, разве только на небе, где они забудут все земные страдания.

С подобными мыслями стоял маркиз перед спящей Аделью.

Олимпио не хотел нарушать эту святую тишину. Он тоже задумался о смерти, которая одна могла искупить вину. Смерть Адели была близка, это прочитал Олимпио на лице спящей безумной.

Марион сидела в глубине комнаты. Она тоже была глубоко тронута этой торжественной минутой. Она знала все и была готова оказать посильную помощь и утешение этим двум душам, так жестоко наказанным судьбою. Сама испытавшая много горя, она понимала страдания других и принимала их близко к сердцу. Под ее бедной одеждой билось горячее, доброе сердце.

Олимпио обратился к Марион шепотом, чтобы не помешать Клоду.

— Позвольте вас спросить. От маркиза я узнал ваше имя и мне пришло на ум, что вы можете дать мне совет. Вы хорошо знаете тюрьму ля Рокет?

— Да, сударь! — тихо ответила Марион, — я часто бывала там в прежние годы.

— В камере под № 73 невинно заключен один из наших добрых друзей — принц Камерата сделался жертвой злобы Морни. Мы во что бы то ни стало хотим освободить его! Не знаете ли вы дороги, по которой мы могли бы безопаснее всего добраться к нему?

Марион задумалась.

— Это будет очень трудно, сударь, я не думаю, чтобы вам удалось освободить принца!

— Ваш ответ мало утешителен! Но хитростью ли, силой ли, а мы освободим его!

— Дайте мне время подумать, сударь. Все выходы и днем и ночью крепко заперты и охраняемы. Всякая мысль о побеге безумна. Мне известны все ходы, все двери! Ваш друг заключен в № 73? Я припоминаю, что она возле хода, который ведет из тюрьмы в морг.

— Разве тюрьма соединена с мертвецкой?

— Да, сударь! Из морга ведет железная дверь в коридор, в котором находится камера под № 73.

— Это очень важно! Можно выломать дверь!

— Это невозможно, сударь, сторожа сверху услышат стук.

— Черт возьми! Ведь это единственный путь, по которому можно добраться до камеры. Послезавтра ночью я могу без всяких затруднений войти в мертвецкую, потому что испанское посольство пришлет людей, чтобы унести оттуда один из трупов.

— Вы это, наверное, знаете, сударь?

— Конечно, наверное! Надо бы добыть ключ от железной двери!

— Этого мало. Еще нужен ключ от каземата заключенного. Вы, я думаю, знаете, как трудно освободить заключенного, так как сторожа бдительно следят, и малейший шорох может привлечь их внимание. У них есть различные приспособления, посредством которых они узнают, находится ли преступник у себя в каземате и даже что он в настоящий момент делает. К тому же в каждом каземате горит лампа, и они немедленно заметят, если преступник хоть на минуту исчезнет.

— Разумеется, лучше всего было бы устроить так, чтобы сторожа не могли заметить отсутствие принца. Как можно было бы это сделать?

— Надо принести в келью принца один из трупов, который бы походил на него.

— Из морга. Прекрасная мысль! Если удастся перенести труп в келью принца, то, пожалуй, и не заметят его бегства!

— Это очень трудный план, сударь! Вдруг вы не найдете трупа, который был бы похож на вашего друга?

— Тогда мы отложим исполнение плана до другого дня. Днем мы можем подыскать в морге похожий на принца труп. Мне кажется, что самое трудное найти ключ от дверей!

— Ключи от всех камер и от железной двери находятся у моего отца!

— Мы попытаемся добыть их у него!

Марион молчала. Она задумалась.

— Я пойду к нему и постараюсь достать у него ключи! — прошептал Олимпио.

— Вы думаете уговорить моего отца! — сказала Марион. — Оставьте эту надежду, сударь! Мой отец непоколебим!

— Даже и тогда, если узнает, что он содействует спасению невинного?

— Даже и тогда! Он жесток и тверд! Он не окажет услуги, которая могла бы противоречить его служебному долгу!

Олимпио смотрел на Марион, которая, несмотря на то, что отец так грубо оттолкнул ее от себя, упорно защищала его, стараясь отогнать всякую мысль о его несправедливости.

— Значит, надо найти другое средство освободить принца, — серьезно сказал Олимпио.

Слова Марион глубоко тронули его.

— Я хочу спасти принца, — быстро прошептала она, — предоставьте мне позаботиться об этом! Чтобы доказать вам и маркизу свою благодарность, я в эту ночь сделаю эту сомнительную попытку!

Олимпио вынул из своего портфеля портрет Камераты и показал его девушке. Марион отказалась от предложенной Олимпио помощи в освобождении принца. Она говорила, что это только увеличит опасность. Вдруг им показалось, что в соседней комнате кто-то зовет, потом послышался сдавленный крик и тихое шипение.

— Матерь Божия, что там случилось? — спросил Олимпио, пораженный криком о помощи.

— Это надевают на несчастную сумасшедшую смирительную рубашку,— отвечала Марион, которую этот раздирающий душу крик заставил смертельно побледнеть.

Маркиз подошел к ним.

Раздался сильный стук в дверь.

Марион побежала отворить ее.

Вошел Валентино. Он был в страшном испуге и тяжело дышал.

— Наконец-то я нашел вас, дон Агуадо,— проговорил он задыхаясь.— В этом доме живет сеньора Долорес... и...

— Говори скорее! — вскричал Олимпио.

— Я сейчас узнал это,— продолжал Валентино, едва переводя дыхание. Он долго бегал по всему дому, отыскивая своего господина, и даже свалил с ног дворников.— Сеньора здесь, хитрый герцог тоже живет здесь!

— Ты говоришь правду, Валентино?

— Клянусь вам, дон Агуадо, ищите сеньору, я пойду сторожить вниз, у подъезда.

— Прекрасно, поторопись, — вскричал Олимпио, — Клод, пойдем!

За стеною снѣва раздался раздирающий душу крик.

Маркиза проснулась и дико поводила глазами вокруг.

— Долорес, это Долорес! — шептала она.

Марион подбежала успокоить Адель, Олимпио выбежал в коридор. Маркиз пошел вслед за ним.

Несчастная звала на помощь. Олимпио и маркиз подошли к двери, откуда слышался крик. Они услышали плач девушки и мужской голос, но по шуму можно было догадаться, что в комнате есть еще люди!

Олимпио стал сильно стучать в дверь.

— Отворите или я выбью дверь!

— Помогите,— раздался голос девушки,— ради Бога, помогите!

— Это голос Долорес. Не бойся! Твой Олимпио подле тебя!

Раздался радостный крик.

— Отворите говорю вам, или я поставлю стражу около всего дома! — вскричал Олимпио.

Наконец, служанка отворила дверь комнаты.

Олимпио, как вихрь, ворвался туда. Его глазам представилось поражающее зрелище. Бедная Долорес была привязана к стулу, как безумная, которую хотят обезвредить. Возле нее стояли две сиделки, а в глубине этой инквизиционной комнаты стоял злодей Эндемо, главный виновник страданий бедной Долорес. Его худое лицо с рыжей растрепанной бородой выражало злобу и волнение, он весь дрожал, глаза его метали молнии, зубы стучали, он понял, что его выдали. На минуту он окаменел, не зная, что делать.

Олимпио бросился к потерявшей сознание Долорес.

— Моя Долорес! Наконец я нашел тебя! — вскричал Олимпио.

Маркиз велел сиделкам немедленно снять с девушки надетую на нее смирительную рубашку.

Маркиз и Олимпио пытались привести в чувство несчастную девушку. Олимпио осторожно положил ее на постель, велел подать воды и спирту.

Пока сиделки хлопотали около Долорес, пришел Луазон, которому успели передать все происшедшее. Он был страшно рассержен, но увидев маркиза, переменял тон.

— Господи! Что здесь случилось, господа? — вскричал он, всплеснув руками. — Вы зашли не к той больной!

Олимпио не слушал Луазона. Он склонился над Долорес, целуя ее лицо. Страх и радость боролись в его душе. Теперь только почувствовал он всю силу своей любви к Долорес.

— Тут вышло недоразумение, господа, эта больная доверена мне герцогом Мединой, — сказал Луазон.

— Этот герцог обманщик, и вы хорошо сделали бы, господин доктор, если бы не завели дело так далеко, — сказал спокойно Клод, — вы узнаете все. Эта сеньора совершенно здорова, и этот человек поместил ее к вам для своих целей.

Луазон притворился негодующим:

— Как, возможно ли такое бесстыдство? О господа, я пропавший человек. Добрая слава моего заведения погибнет навсегда!

Клод пожал плечами:

— Вы должны были все предвидеть, господин доктор! Не желаете ли навести справки?

— Сохрани Боже! Это будет для меня еще хуже! Я верил герцогу, потому что сеньора постоянно говорила о преследовании!

— Оставим это! Постарайтесь привести ее в чувство! — сказал маркиз.

Луазон поспешил к Долорес. В это время она открыла глаза и тяжело вздохнула, она не верила, что видит Олимпио, все происходящее казалось ей сном... Но вот она убедилась, что это ее возлюбленный, и протянула к нему свои руки. Слезы текли из ее глаз. Она тихо прошептала: «Олимпио», но, увидев подходящего Луазона, крепко прижалась к своему избавителю.

— Защити меня, спаси меня от них. Он и Эндемо заключили меня здесь.

— Меня обманули, я ни в чем не виноват, — сказал Луазон, который во что бы то ни стало хотел выйти сухим из воды. — Позвольте мне объяснить вам все дело, я хочу сохранить свое доброе имя.

— Только не теперь! Теперь не время разговаривать, — отвечал Олимпио, — если вы действительно ни в чем не виноваты, то вам нечего и бояться!

— Как, вы хотите предать это дело гласности? Вы хотите моей гибели! Ведь я буду принужден закрыть мое заведение!

— Уйдите, уйдите! — просила Долорес слабым голосом. — Все будет благополучно, когда меня возьмут из этого ужасного дома!

— Слушайте, господин доктор, — сказал Олимпио Луазону, который бегал по комнате, ломая руки, — сеньора немедленно оставит ваш дом, в который она заключена против своей воли, она поедет

с нами. В настоящую минуту я не могу разбирать, виновны вы или нет! Дай Бог, чтобы для вашего блага и на мое счастье это заключение не повредило ее здоровью! Если она заболит, я заставлю вас отвечать за все! Дорогая Долорес! Протяни мне руку! Ты свободна! Наконец мне удалось найти и освободить тебя! — вскричал Олимпио.

Долорес радостно бросилась к нему.

— Теперь мы более не разлучимся! Все горе и страдание прошло.

Долорес от радости не могла отвечать. Бледные щеки ее покрылись румянцем, куда девалась ее слабость!

Пришел Валентино. В суете мнимому герцогу удалось скрыться незамеченным.

Олимпио и маркиз свели Долорес с лестницы, к стоящей у подъезда карете, не обращая никакого внимания на Луазона.

— Я пропал, — бормотал тот, — кто бы мог ожидать такого несчастья! Какой несчастный, неудачный день! Стоит им только пожелать, и мое доброе имя потеряно! Однако нет, им нелегко до меня добраться, ведь никто не может доказать моей вины. Внезапная радость могла возратить сеньоре рассудок, как это часто случается! Никто не может доказать, что она была привезена ко мне здоровой!

Луазон потирал руки. Он был спасен. Он получил хорошее вознаграждение за содержание сеньоры в его доме. К тому же он не верил, чтобы Олимпио и Клод могли затеять серьезное дело. Ведь маркиза была в его заведении.

Сторожем и сиделкам, которые шептались, качая головами, он объяснил дело в свою пользу, и они, видя его веселым, как всегда, поверили ему и успокоились.

Вечером Луазон поехал к герцогу, чтобы переговорить о случившемся, но ему сказали, что герцог внезапно уехал, и никто не знает, куда.

VI

ДОЧЬ ПАЛАЧА

Марион, которая в то время, как происходило только что рассказанное событие, была при маркизе, ничего не знала об окончании этой истории. Она думала, что Олимпио и маркиз просто поспешили на помощь к несчастной страдальце.

Но когда на другой день она не нашла Долорес в саду, она догадалась, в чем дело. Маркиза искала и звала Долорес, и Марион стоило большого труда ее успокоить. Наконец, когда Адель уснула, Марион отпросилась у доктора отлучиться на некоторое время.

Она отправилась в морг. Мы уже видели, что Марион пришла туда далеко за полночь. Она хотела сдержать свое обещание и попытаться освободить принца.

До сих пор все благоприятствовало ее предприятию. По распоряжению испанского посольства двери были не заперты. Мертвый юноша походил на принца, и она знала, что на заключенных, которые были осуждены на смертную казнь, мало обращали внимания.

После казни трупы их выставляли в морг и отвозили на одно кладбище с несчастными самоубийцами.

План, задуманный Марион, был очень опасен, но что могло испугать ее, чего ей было бояться!

Марион почти бежала по пустынным улицам. Наконец, она добежала до улицы Баньоле, недалеко от кладбища Пер-Лашез. В конце этой узкой безлюдной улицы стоял дом палача, ее отца!

Это было старое одноэтажное здание. С двух сторон его тянулся забор, отделявший дом от соседних, принадлежащих семействам ремесленников.

Марион подошла к дому, объятаму ночной тишиной, и остановилась в раздумьи, чувствуя, что ей тяжело войти туда. Сложив руки, точно молясь, она смотрела в низкие окна. Ведь это был ее родной дом, и она должна была тайно, точно вор, пробраться в него. Вероятно, отец ее давно уже спокойно спит.

Дверь была заперта, но был еще другой вход, которым пользовалась прислуга, дверь эта была всегда отворена.

Она быстро пробежала вдоль длинной стены дома, темные окна которого пристально смотрели на нее. Когда она была еще ребенком, ей всегда казалось, что они улыбаются ей.

Марион подошла к небольшой деревянной калитке, запертой на задвижку. Отворив ее, она вступила в темный вымощенный двор. В конце его чернели тележки, гильотины, камни и доски. Тут же спали слуги ее отца.

Большая дворовая собака, охраняющая двор и на ночь спущенная с цепи, заворчала и подошла к ночной посетительнице. Это было злое животное и верный сторож. Собака бросилась было на Марион, но остановилась — Марион назвала ее по имени. Животное тихо подошло к ней, ласково махая хвостом и стало лизать ее руки, собака узнала ее. Это было единственное существо, которое обрадовалось отверженной дочери палача. Марион стала гладить ее, желая выказать ей свою благодарность, собака, виляя хвостом, ласкалась к ней, будто спрашивая: «Где ты пропадала так долго, ты, которая когда-то делила со мной каждый кусок и никогда не мучила меня, а только ласкала». Из глаз Марион градом катились слезы, она с трудом успокоила радостно бросающуюся к ней собаку и подошла к деревянным ступеням, ведущим к задней двери дома.

Ступени заскрипели под Марион, которая осторожно отворила дверь. В доме было совершенно темно, но ей были хорошо знакомы каждый его угол и каждая комната. Она тихо подкралась к одной из дверей, через которые можно было попасть в ту комнату, где отец держал в удивительном порядке свои реестровые книги и ключи. Рядом с этой комнатой была его спальня, поэтому Марион нужно было быть крайне осторожной. Она не сразу и очень тихо отворила дверь. Сквозь два низких окна с улицы в темную комнату проникал

бледный, слабый луч света. Глаза Марион привыкли к темноте. Она находилась в доме отца, который проклял ее, сквозь открытую дверь она могла теперь слышать его дыхание. Что, если он услышит, вскочит и увидит среди ночи перед собой свою дочь! Мысль эта испугала Марион, она знала непреклонную жестокость отца. Тихо пробралась она в глубину комнаты, где висели на доске, каждый под своим номером, ключи от камер ля Рокет. Быстро взглянув на числа и найдя № 73, она взяла этот ключ и стала искать под ним ключ от железной двери, который также сняла с гвоздя, причем послышался слабый шорох.

— Кто там? — тут же раздался голос отца. Марион страшно испугалась, ужас сковал ее, она не могла шелохнуться... Но опять настала полнейшая тишина, отец со вздохом повернулся на своем ложе; может быть, он только что видел во сне свою дочь, свое единственное дитя.

Марион, услышав через несколько минут ровное дыхание отца, стала тихо выбираться из дома. Собака ждала ее на дворовой лестнице, снова приласкав ее, Марион пошла к воротам и поспешно вышла на улицу. Церковные часы пробили час.

Нищая торопилась на улицу Жербье, где, собственно, и начиналась главная часть ее предприятия. Путь был недалек. Через несколько минут она подошла уже к колоннам, находящимся по обеим сторонам паперти морга. Марион хотела уже пройти в дверь, как вдруг увидела за одной из колонн человеческую фигуру. Был ли это сторож или кто-либо, не имеющий крова и пришедший сюда искать защиты от ночного ветра?

Нельзя было терять ни минуты, и Марион остановилась, лихорадочно размышляя, как поступить при этом неожиданном препятствии; она не должна была отклоняться от своего плана, ведь и так уже прошло слишком много времени.

— Это вы, Марион? — послышался голос человека, стоявшего у колонны.

Нищая с удивлением взглянула на высокого человека в длинном плаще, который знал ее имя.

— Кто вы? — спросила она.

— Валентино, слуга дона Агуадо, вы можете мне довериться. Все в порядке. Я здесь для того, чтобы помогать вам.

Марион успокоилась.

— Мне не нужна будет ваша помощь, — сказала она, — но тем не менее я очень рада, что встретила здесь не чужого. Подождете ли вы здесь принца?

— Я бы хотел идти с вами и помогать вам.

— Тогда идите за мной в притвор! Я боюсь, что не смогу одна унести тело юноши, мертвые тяжелы!

— Значит, я пришел вовремя. Поторопимся. В переулке ждет экипаж, который увезет принца. Я готов во всем помогать вам.

Марион кивнула, и слуга Олимпио пошел за ней, и они вошли в дверь морга. Она подвела его к трупу юноши, который нужно отнести в темницу Камераты.

— Предоставьте мне перенести мертвеца, — прошептал Валентино, поднимая труп, — отворите только осторожнее дверь.

Марион взяла со стены одежду юноши и пошла к ступеням, ведущим к железной двери.

Валентино шел за нею, держа труп на плечах.

— Вы не войдете со мной в камеру, — сказала тихо Марион, — необходимо соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не быть замеченными сторожами. Однако я надеюсь, что они теперь спят где-нибудь в укромном уголке коридора.

— Я следую вашим советам, Марион, — сказал тихо Валентино, — я здесь только для того, чтоб помогать вам и исполнять все ваши приказания.

Марион приложила палец к губам и осторожно отворила железную дверь, скрип которой, хотя и слабый, явственно прозвучал в ночной тишине, но, казалось, его никто не услышал.

Валентино пошел за нищей в темный проход, мертвец у него на плечах был тяжел, и он боялся зацепить обо что-нибудь и тем открыть планы Марион; но она взяла его за руку и повела по длинному проходу до лестницы, на верху которой висел тускло горевший фонарь.

Она оставила в замке ключ от железной двери, ведущей в эту часть ужасной тюрьмы. В одной руке она несла ключ от камеры № 73, а другой остановила Валентино у лестницы, сама же тихо и осторожно взшла на нее.

Поднявшись наверх и взглянув на длинный, слабоосвещенный коридор, по обе стороны которого находились двери темниц, она увидела, что случай ей благоприятствует.

Сторожа сидели на скамье, находящейся в конце поперечного коридора, образующего с первым прямой угол, так что они не могли видеть приближение Марион. Они сидели по углам скамьи, не подозревая, что человеческое существо могло найти дорогу из морга в тюрьму, так как дверь в нее была замкнута. Все же другие входы охраняли часовые, поэтому они были вполне спокойны.

Марион остановилась, прислушиваясь, на одну минуту, но так как ничто не шелохнулось в коридорах, она, успокоившись, тихо, как привидение, подошла к двери, на которой большими цифрами был обозначен № 73. Осторожно вложив в замок ключ, она повернула его два раза и тихо отворила дверь. Принц Камерата спал на своей постели.

Нищая положила принесенную одежду на пол темницы, оставила дверь открытой и пошла назад к лестнице, чтобы взять труп у слуги Олимпио.

Когда Марион подошла к лестнице, Валентино уже совсем поднялся наверх; видя, что все спокойно, он последовал за ней и передал ей труп, который оставалось только донести до темницы.

Нищая, собрав все свои силы, взяла мертвеца и шепнула Валентино, чтоб он опять сошел вниз и дожидался ее у лестницы. Она внесла свою ношу в камеру, опустила ее на пол и выдернула из двери ключ, которым заперла дверь изнутри.

Принц проснулся от шума и, удивившись неожиданному ночному посещению, прервавшему его сон, довольно громко спросил: «Кто тут?»

— Замолчите, ради Бога,— прошептала Марион,— каждый звук может погубить и вас и меня. Я пришла спасти вас.

— Кто ты, девушка? — спросил тихо Камерата, который, казалось, не верил своим глазам.

— Маркиз Монтолон и дон Агуадо приняли мою помощь для содействия вашему побегу, мой принц. Я пришла спасти вас. Можете ли вы исполнить все, что я от вас потребую?

Камерата, услышав имена своих друзей, встал и пошел к ней.

— Это правда, ты действительно хочешь спасти меня? Что это? — прошептал он, указывая на мертвеца, завернутого в белую простыню.

— Никто не должен заметить вашего побега, мой принц, и поэтому вместо вас в темнице останется этот несчастный и завтра скажут, что вы сами лишили себя жизни.

— Мне нужно переодеться?

— Скорее, принц! Мы не должны терять ни минуты, надевайте платье, которое я принесла, а ваше я надена на труп. Покуда вы меняете одежду, я положу труп так, чтобы все казалось как можно более правдоподобным.

— Девушка, скажи мне, чем я отблагодарю тебя за твою помощь? Ты совершаешь дело, которое не под силу даже мужчине,— шептал Камерата, удивленный смелостью Марион.

Пока он переодевался, она подошла к постели в глубине камеры и, оторвав полосу от одеяла, сделала из нее крепкую веревку.

Принц быстро оделся и стал натягивать на мертвеца свое снятое платье, хотя невольная дрожь овладела им при этом, и он еще раз поразился спокойствию и твердости Марион.

Она сложила простыню, взяла покойника и перенесла его на постель, где из оторванной полосы одеяла сделала петлю и надела ему на шею, а концы привязала к железному пруту кровати.

Камерата ужаснулся, взглянув на это, до такой степени походил он на самоубийцу в тюремной одежде.

В эту минуту произошла смена сторожей, ясно слышались разговоры и шаги в главном проходе; Марион и принц несколько минут оставались неподвижными.

— Два часа,— прошептала она, когда все стихло,— сюда никто не войдет, наша работа окончена. Пустите меня вперед.

— Тише,— сказал принц и оттолкнул Марион от двери.

Снаружи приближались шаги, новый сторож делал обход. Что если он откроет дверное окошечко и увидит в слабоосвещенной комнате мертвеца?..

Марион и Камерата прижались к стене, он уже придумывал, что сказать сторожу, так как не хотел обнаружить свой побег.

Шаги, приближаясь, глухо раздавались в коридоре. Что если слуга Олимпио обнаружил себя?

Все эти мысли промелькнули в голове Марион, лицо принца оставалось совершенно спокойным.

Но опытный Валентино не шевелился, и сторож, не заметив ничего особенного у камеры № 73, прошел мимо, слегка побрякивая связкой ключей, он даже не осмотрел дверей и не открыл окошечка.

— Слава Богу,— проговорила девушка после минутной паузы,— шаги удалились, опасность миновала.

Но она ошиблась! Как до сих пор все благоприятствовало побегу, так теперь, казалось, он не должен был состояться; новые сторожа, проспав половину ночи, были бодры и не искали, как их предшественники, уголков и скамеек, а напротив, разговаривая между собой, ходили взад и вперед, так что почти каждые две минуты появлялись на перекрестке, по которому принц и Марион должны были идти из темницы к лестнице.

Нужно было дождаться удобной минуты.

Марион во что бы то ни стало хотела запереть дверь снаружи, равно как и нижнюю железную дверь, и затем отнести обратно оба ключа в дом отца, а эта хотя и недолгая работа требовала тем не менее некоторого времени и была рискованной.

Она, однако, решила выполнить свое намерение. Если бы даже, думала она, я и попалась, то беда невелика, моя будущность мне ничего не обещает,— что может потерять всеми отвергнутая и презираемая девушка?

Необходимо было лишь спасти принца.

Она схватила его за руку, подвела к двери камеры и тихонько открыла дверное окошечко, так, чтобы можно было видеть весь коридор.

— Идите вперед,— прошептала она,— не ждите меня! Вы увидите на той стороне темную лестницу. Вы должны, крадучись по коридору, добраться до нее. Старайтесь без малейшего шума спуститься по ступеням, внизу вы найдете слугу дона Олимпио.

— Валентино? Он здесь?

— Не говорите с ним ни слова. Идите скорее к выходу, который я не заперла, оставьте открытой железную дверь, тогда вы выйдете в морг и из него на улицу.

— Свободен, я буду свободен! Девушка, чем мне отблагодарить тебя за твое самоотвержение!

— Ни слова, принц; как только сторожа пройдут мимо к тому месту, где скрещиваются коридоры, бегите скорее!

Марион тихо отворила дверь и вытолкнула принца. Он подошел к лестнице и она убедилась, что он счастливо добрался до нее.

Сторожа опять вернулись, она должна была пропустить минуту, когда они проходили мимо опасного места, из которого она могла видеть коридор.

Нищая схватила простыню, сложила ее и взяла в руки ключ.

Побег удался, легкий сквозной ветер на лестнице показал ей, что принц и Валентино прошли через железную дверь; он был спасен, через минуту он будет на улице Жербье.

Она услышала, что сторожа направились к перекрестку.

В ту же минуту она быстро отворила дверь, рука ее дрожала от волнения, но ей удалось без шума запереть дверь и она незаметно прокралась в коридор, заперла двери и как тень пробралась на лестницу...

Как раз в эту минуту сторожа прошли невдалеке от нее.

Они ничего не слышали и не видели. Марион с молитвой опустилась на колени, потом, дрожа всем телом, спустилась с лестницы.

Холодный сквозной ветер дул ей навстречу, значит, принц и Валентино не заперли железную дверь.

Кругом было темно, как в могиле.

Нищая осторожно, прижимаясь к стене, прошла длинный коридор.

Наконец, она ощупала холодное железо двери — ключ был в замке. Ничто не шевельнулось в притворе. Камерата уже был на улице.

Марион достигла каменных ступеней, ведущих в морг, и тихо заперла железную дверь.

Никто бы не мог догадаться, что заключенный императора убежал этой дорогой. Никто бы не поверил возможности этого побега, в особенности увидав в темнице труп.

Марион положила простыню на стол, где прежде лежало тело юноши, и пошла к выходу.

Отворяя последнюю дверь на улицу, она увидела стоявших за колоннами принца и слугу.

Она заперла и эту дверь. Камерата с благодарностью бросился к Марион — он не хотел уйти, не высказав свою глубокую благодарность девушке, спасшей его, несмотря на то, что Валентино звал его в карету.

— Я еще увижу тебя, благородное создание, — шептал он Марион, — я докажу тебе, что ты оказала помощь благодарному человеку.

— Я сделала это, принц, из благодарности и уважения к маркизу, — возразила Марион, уходя, — и говорить об этом не стоит! Я счастлива уже тем, что все удалось, прощайте, принц!

В то время как Валентино с Камератой спешили в карете во дворец Монтолона, Марион побежала в дом отца. И ей удалось незаметно положить ключи на место!

Светало, когда она оставила двор, и когда она дошла до заведения доктора Луазона, стало уже совсем светло.

Марион была страшно утомлена, когда угрюмый привратник отворил ей ворота.

Но о побеге принца Камераты никто не подозревал. На другой день префекту полиции и министру юстиции доложили, что заключенный под № 73 лишил себя жизни.

Император был также извещен об этом.

VII

ПРАЗДНИК НАПОЛЕОНА

Луи Наполеон во всем старался подражать своему великому дяде. Необходимо объяснить, почему он называл Наполеона I своим дядей. Он вовсе не имел права на это родство, так как хотя падчерица императора Гортензия Богарне и была выдана им за своего брата Людовика Бонапарта, однако происхождение Луи Наполеона покрыто мраком неизвестности.

Но он находил для себя выгодным называть Наполеона I своим дядей и быть, насколько возможно, похожим на него. Он рассчитывал, что благодаря этому, лучи славы, которыми был окружен тот император и преклонение перед ним французов распространяется и на него.

Он всячески поддерживал память о Наполеоне и присвоил себе и его имя. При этом он старался при каждом удобном случае осветить любовь французов к оружию, и в этом отношении идя по стопам своего дяди. Он учредил даже новый праздник, так называемый день Наполеона, который должен был ежегодно торжественно отмечаться в память о великом императоре 15 августа, т. е. в день, когда на Корсике, в городе Аяччио в 1769 году родился Наполеон.

Французы, весьма склонные ко всяким увеселениям, очень обрадовались новому празднику, а император так хорошо знал свой народ, что отлично умел использовать его слабости.

Он повелел, чтобы ежегодно в этот день вход во все императорские театры был открыт бесплатно и, кроме того, проводились народные увеселения. Воспоминания о Наполеоне I должны были быть как можно приятнее.

И вот настал день праздника. Париж оживился, облекся в свои роскошнейшие наряды, чтобы еще пышнее и торжественнее отпраздновать новое торжество.

Все здания украшались флагами, некоторые площади — триумфальными арками, народ в праздничной одежде направлялся на Елисейские поля, в Булонский и Венсенский лес, бесчисленные экипажи и всадники оживляли широкие, украшенные гирляндами улицы, в церквах служили праздничные обеды, а в Тюильри собрался блестящий двор.

Но самый праздник должен был происходить после обеда на Вандомской площади, где поставили завоеванные французами пушки и колонны, на которых были установлены изображения Наполеона I в сюртуке и треугольной шляпе.

На этой восьмиугольной площади установили скамейки и подмости, окна и крыши окружающих домов были отданы внаем за большую плату; высокие мачты, убранные венками и знаменами, украшали площадь, и блестящие золотом окруженные бархатными драпировками места, предназначенные для императора и его супруги.

Вандомская площадь и прилегающие к ней улицы были населены большей частью богатыми и знатными людьми. Во всех окнах толпились обитатели домов, их друзья и родственники или любопытные;

заплатившие за эти места огромные деньги. В одном только великолепном здании, находящемся невдалеке от императорской ложи, откуда было особенно удобно рассматривать происходящее, не видно было такого напора любопытных — крыша и окна были пусты, на балконе, убранном флагами и тропическими растениями, который своим великолепием мог соперничать с императорской ложей, оставался без зрителей, тогда как площадь, прилегающие улицы и окна всех окружающих строений были переполнены ими.

Торжественный час наступал. Уже пушки извещали, что приближается император.

Архиепископ и духовенство длинной, великолепной процессией подвигались к площади и к воздвигнутому около колонны налою для благодарственной молитвы.

Начали подъезжать придворные экипажи; блестящие мундиры показались на скамьях; кирасиры, латы и каски которых сияли на солнце, расположились вокруг рядами; непрерывно гремели барабаны и стройные хоры гвардейских оркестров.

В это время на балконе привлекавшего к себе внимание дома, о котором мы говорили, показалась долговязая фигура слуги — это был Валентино. Отодвинув в сторону цветы и гранатовые деревья, он расставлял на балконе кресла.

Каким образом попал Валентино в этот дворец, ведь дворец его господина и маркиза находился на другой, отдаленной улице?

После его ухода на балконе показалась дама и возле нее — хорошенький мальчик-подросток. На ней была темная, простая одежда, но мантилья, спускавшаяся с прекрасных черных волос, и драгоценный амулет на груди обнаруживали в ней испанку.

Красота ее черт и грация, с которой она появилась, обратили на себя всеобщее внимание, отовсюду слышалось: «Какая удивительная фигура, какая красота! Она, должно быть, иностранка и, вероятно, богатая, если занимает такой великолепный дворец».

Позади нее показалась фигура старой служанки или компаньонки, остановившейся на почтительном расстоянии.

Иностранка, у которой было бледное, но с прелестными чертами лицо, подошла к перилам балкона. Она опустила свои прекрасные, осененные длинными темными ресницами глаза на толпу и на налою, возле которого стояло старшее духовенство, тогда как младшее остановилось у ступеней; множество мальчиков пели хором с кадильницами в руках; кругом раздавались звуки труб.

В великолепной парадной карете приближалась императорская чета с принцем и принцессой.

Однако внимание народа разделилось. Если прежде все взоры были обращены на роскошь, которой окружали себя императрица Евгения, Луи Наполеон и придворные, то теперь многие с любопытством и удивлением смотрели на прекрасную иностранку, стоявшую на балконе.

При звуках шумной музыки, император провел свою супругу мимо придворных дам и мужчин, а те, почтительно кланяясь, очищали им широкую дорогу к сиденью, ступени к которому были устланы коврами.

Остальные члены императорской семьи заняли места позади кресел Евгении и Наполеона, а министры и доверенные лица сели по бокам.

Громкое «ура» встретило императора и его супругу, которые поднялись, чтобы с галереи ложи ответить народу поклоном.

В эту минуту взор Евгении упал на балкон, где стояла иностранка; императрица, казалось, была поражена красотой этой дамы или тем, что она находилась совершенно одна на балконе великолепного дома.

При взгляде на эту даму в ней как будто проснулось воспоминание; легкая бледность покрыла было ее лицо, но сейчас же исчезла, как только она села рядом с императором. Наполеон также взглянул на незнакомку, но ни тот, ни другая не сказали о ней ни слова.

Когда начался праздник, и Евгения заметила, что взоры многих прикованы к балкону, она подозвала церемониймейстера и изъявила желание узнать, кто эта особа.

Сразу несколько камергеров бросилось за префектом полиции. Мопа находился около придворных мужчин и через несколько минут явился перед императрицей. Осчастливленный честью удостоиться разговора с нею, он не ожидал, что вопрос ее, вместо того, чтобы осчастливить, поставит его в затруднительное положение.

Евгения встретила Мопу своей снисходительной, но холодной улыбкой.

— Один вопрос, господин префект, — сказала она тихо, — кто такая та дама, которая сидит на балконе?

Мопа понял, о ком говорила императрица, поскольку придворные мужчины давно уже обратили внимание на прекрасную незнакомку, но он не знал ее имени и ответил:

— Я только сейчас узнал, что эта дама известна рядом благодеяний, оказываемых бедным.

— Это все прекрасно! Благодарю вас за эти сведения, но вы не ответили на вопрос — кто эта дама?

— Иностранка, имя и положение которой я в эту минуту не могу сообщить вам, но поспешу узнать его и передать вам.

— Странно, — сказала императрица с иронией, и Мопа, который поклонился, чтобы поспешить навести нужные справки, понял, что это слово означало: для чего быть префектом полиции, если не знать даже этого.

Евгения заметила, что Наполеон также смотрел на балкон, и его заинтересовала неизвестная красавица; она поняла это, несмотря на то, что император опять обратился в ту сторону, где продолжались увеселения.

Беспокойство овладело сердцем императрицы, она должна была узнать правду; черты иностранки все более и более казались ей знакомыми, смутное воспоминание мучило ее и она сердилась, что так долго не получает требуемого известия.

Мопа еще не возвращался; Евгения, которая считала, что малейшее желание императрицы должно немедленно исполняться, готва

была излить всю свою злобу на префекта полиции, прилагавшего в эту минуту невероятные усилия, чтобы собрать нужные сведения. Он бросался во все стороны, разослал тайных агентов, придавая особую важность делу, лицо его раскраснелось от усердия.

Между тем Евгения без него уже получила сведения, которые не оставили сомнений.

На балконе появились двое мужчин: один из них был высоким и мощным, как Геркулес, он подошел ближе и приветствовал даму; это был Олимпио — Евгения узнала его, Олимпио, который сперва поклонился даме, потом поцеловал мальчика. Она не сомневалась более, что прекрасная иностранка, которую восхвалял Мопа, была Долорес. Позади Олимпио показался маркиз де Монтолон, который вместе с ним подошел к перилам.

Почему Долорес приехала сюда? Супруга ли она Олимпио? Чей это мальчик?

Все эти вопросы поднялись вдруг в возбужденной голове императрицы, так что она ничего не слышала и не видела, все внимание ее было поглощено тремя лицами, спокойно беседующими на балконе. Олимпио не глядел на императорскую ложу, глаза его были прикованы к Долорес и выражали горячую любовь к ней.

В сердце Евгении бушевал хаос разнородных чувств; она не могла отдать себе в них отчета — была ли это зависть или сила воспоминания, или вновь вспыхнувшая любовь. Императорская корона венчала ее голову, она была повелительницей французов, все лежало у ее ног; окруженная блеском и великолепием, она достигла всего, чего только мог желать человек, но в ней, однако, жило еще одно желание...

Не было ли то дьявольским наваждением, что в эту минуту она вспомнила тот час, когда Олимпио Агуадо осушал поцелуями ее слезы? Вот он перед нею, его статная, с гордой осанкой фигура. Как жалок был в сравнении с ним ее супруг. Как величественна мужественная фигура Олимпио, какой огонь горит в его глазах, прикованных к Долорес!..

Ревность вспыхнула в сердце Евгении, разрастаясь с каждым мгновением; мысль, что Долорес может быть его супругой, мучила ее. Но по лицу ее тут же скользнула торжествующая улыбка, она знала свое могущество и силу своей прелести, успевшей поработить короля, почему же не удастся ей вырвать счастье из рук и этого человека? Не в состоянии перенести мысль о соединении Олимпио с Долорес, она надеялась разрушить их блаженство.

Евгения мало видела и слышала из того, что происходило на празднике, все ее мысли были обращены на Олимпио с Долорес, только их двоих она видела перед собою, все остальное сливалось перед ней в общий туман.

Когда архиепископ прочел молитву, касающуюся этого дня, к Евгении подбежал запыхавшийся Мопа, который не мог передать добытые сведения до окончания молитвы.

Евгения по его виду догадалась о приложенных им стараниях.

— О, дорогой господин префект,— сказала она, усмехаясь,— сколько труда и времени потеряли вы для того, чтобы собрать сведения об иностранке! Это, право, удивительно.

— Прошу прощения, ваше величество,— прошептал Мопа с низким поклоном,— толпы народа, необыкновенная давка, все соединилось для моей неудачи! Но все это я успешно превозмог.

— Вы могли избежать этого труда, господин префект, у меня уже есть все нужные сведения.

— Вашему величеству известно? — воскликнул пораженный Мопа, не понимая, кто мог опередить его.

— Эта иностранка — испанка,— сказала Евгения вполголоса.

— Точно так, ваше величество.

— Имя ее сеньора Долорес Кортина.

— Я глубоко поражен...

— Разве это не так, господин префект?

Мопа хотел бы провалиться сквозь землю.

— Дворец принадлежит сеньоре Долорес...

— Агуадо? — перебила Евгения нетерпеливо.

— Сеньоре Долорес Кортина, как ваше величество изволили сказать ранее.

— Благодарю вас за это известие,— произнесла императрица со сдержанной улыбкой, так как это последнее известие принесло ей облегчение.

Почти тотчас же после этого разговора двор оставил торжество. Густые толпы народа заполнили улицы Парижа, громкие песни и крики радости раздавались на тех самых улицах и площадях, где два года тому назад лилась кровь ни в чем неповинных людей. Праздник Наполеона затянулся далеко за полночь.

VIII

ДЕНЬ СЧАСТЬЯ

В роскошном доме сеньоры Долорес царило величайшее счастье, казалось, что все страдания, наконец, покинули эту бедную девушку и были забыты. Но судьба решила иначе. Она уже опять готовила Долорес тяжелое испытание, опять гроза собиралась над ней.

Когда Олимпио и маркиз нашли Долорес в доме Луазона и первым свиданием облегчили истерзанное сердце девушки, когда принесенная им радость прояснила ее лицо и залечила ее сердечные раны, Олимпио, прижимая ее к сердцу, шептал:

— Дай Бог, чтобы мы более не расставались! Пусть прекратятся все наши страдания! Ты моя теперь!

Долорес плакала от счастья, она не могла отвести глаз, в которых блестели слезы, от вернувшегося к ней Олимпио; она блаженствовала, отдыхая в его руках, после долгой и тяжелой разлуки!

Маркиз стоял в стороне и наслаждался видом влюбленных; созерцание этого счастья было для его души бальзамом, не рассчитывая уже когда-либо испытать подобное, он довольствовался бескорыстной радостью за Олимпио и Долорес. Он им не мешал, когда влюбленные обратились к нему, чтобы и он разделил их радость, он высказал им все, что было у него на душе и с глубоким чувством пожелал, чтоб счастье никогда им не изменило.

Валентино, с довольной улыбкой появившийся в дверях, тоже принял участие в общей радости, а Олимпио рассказал Долорес о верном слуге и она вспомнила, как он пытался спасти ее на берегу Сутенда.

Валентино был очень польщен, когда прекрасная сеньора с ласковыми словами протянула ему руку, и с большим тактом поблагодарил за эту милость и поцеловал ей руку.

Маленький Жуан, не дожидаясь объяснения в этот день, также поклонился сеньоре и был так застенчив и робок, что маркиз, не предполагая, как он всем близок, не мог скрыть своего удивления.

На другой день Олимпио купил для Долорес великолепный дворец на Вандомской площади, перевез в него свою дорогую невесту и просил ее смотреть на это здание, как на свою собственность, в которой они после свадьбы будут жить вместе. Сам он остался пока во дворце Клода, определив Валентино слугой к Долорес, и поместил к ней, кроме того, пожилую женщину в качестве компаньонки.

Долорес рассказала Олимпио о смерти отца, о ребенке Жуаны, обо всех ужасах, испытанных ею по вине Эндемо, и все-таки попросила Олимпио пообещать ей не преследовать его.

Они не предвидели, что Эндемо вновь будет их преследовать и станет причиной еще многих их бед.

Испорченные натуры, подобные Эндемо, не так легко отказываются от своих намерений и целей. В то время как Долорес и Олимпио намеревались все забыть и простить ему, этот негодяй думал только о мести. А кто исполнен, как он, ненависти, жажды мести, всегда найдет новый путь к исполнению своих подлых планов.

Возлюбленные, однако, более о нем не думали, будущее сулило им счастье, они сошлись, чтобы более не расставаться.

Новой большой радостью было неожиданное появление принца Камераты после того, как дочери палача удалось вывести его из темницы.

Заключенный принц Камерата был похоронен в ля Рокет, а освобожденный принц, надев другую одежду, жил во Дворце Клода, стараясь не попадаться на глаза полицейским агентам.

Никто, кроме двух друзей, не знал о его освобождении. Самые горячие желания Олимпио исполнились, и скорбь последних дней, едва не сокрушившая Долорес, сменилась великим счастьем, как будто небо хотело вознаграждать ее неожиданной милостью за все перенесенные страдания.

Жуан, рассказавший маркизу все, что он знал о своем прошлом и назвав при этом имя «тети Долорес», признал, наконец, в отысканной Олимпио сеньоре ту, которая его любила, как свое родное дитя!

Это было радостное открытие, и друзья вместе с Долорес узнавали в нем черты Филиппо.

На празднике, устроенном в честь счастливого поворота судьбы, в этом кругу связанных любовью друзей, Жуан казался всем живым воспоминанием о двух несчастных, которых соединила смерть. Мальчик остался у Долорес, и его-то мы видели на балконе во время праздника в день Наполеона.

Олимпио и маркиз не могли нарадоваться такому счастливому стечению обстоятельств, а Жуан всем горячим детским сердцем приязался к своей «тете Долорес».

— О, Пресвятая Дева помогла нам и устроила все к лучшему,— говорила Долорес Олимпио, сидя около своего возлюбленного и обнимая прижимавшегося к ней мальчика,— будем же благодарить ее и ценить ее милость.

Олимпио вторил ей, глядя блестящими от радости глазами на Долорес и Жуана, он прижимал к сердцу и целовал свою невесту и сына Филиппо, оставшегося сиротой и нашедшего в Долорес вторую мать.

Возлюбленная Олимпио была ангел доброты. Не требуя ничего для себя и охотно во всем себе отказывая, она употребляла все свои средства на помощь бедным, чтобы насколько возможно облегчить их нужды.

Мопа сообщил императрице совершенную истину, сказав, что эта иностранка облагодетельствовала многих несчастных и, не получая за то никакой благодарности, с радостью отдавала все, что могла, на нужды бедняков. Олимпио не раз повторял себе, что небо было к нему милостиво, позволив отыскать это прекрасное, чистое, как ангел, существо.

Но Долорес не только увлекалась благо́творительностью. Она усиленно занималась с учителями, взятыми для нее Олимпио, и вскоре превзошла окружающих своими талантами и развитием. По своим познаниям и развитию ума она далеко опередила Евгению. Тогда как дочь графини Монтихо, достигнув сана императрицы, отличалась одним внешним блеском, Долорес стала образованным и просвещенным человеком. Впервые жила она полной жизнью, окруженная любовью Олимпио, которая согревала ее, как луч солнца! Когда он приходил к ней и шаги его слышались внизу, она летела к нему с открытыми объятиями, и Жуан следовал за ней, чтобы также присутствовать донна.

Блаженные часы проводили они тогда, исполненные великой радости, составляя планы своего скорого соединения, которое Олимпио хотел отпраздновать со всей возможной пышностью. Они предполагали поселиться навсегда в этом дворце, приобретенном Олимпио для Долорес.

Но новое печальное событие отдалило их свадьбу: маркиза оканчивала свой страдальческий жизненный путь. Болезнь ее быстро развивалась и ни самоотверженный уход Марион, ни появление ее любимой Долорес не могли разогнать страшных видений и картин, изобидивших Адель.

Она понесла ужасное наказание за измену своей любви, но Бог смилостивился над ней перед смертью и когда все силы ее были уже истощены, в последнюю минуту она узнала Клода и успела проститься с ним.

Что испытал за это время маркиз, трудно описывать, вся его выдержка и сила его души не могли помочь ему перенести этот удар, Клод совершенно упал духом.

— Адель,— говорил он, держа в своих руках руки умирающей жены,— Адель, ты уходишь от меня; да будет забыто и прощено все прошлое. Ты идешь к вечному блаженству, а я остаюсь...

— Мы встретимся... прощай... не называй меня больше по имени... ты последуешь за мной... и тогда...

Адель умолкла, в последний раз поднялась ее грудь, глубокий вздох вылетел из уст и на лице отразились спокойствие и радость избавления от страданий.

Клод на коленях молился возле покойницы, Марион преклонила колени в глубине комнаты. Вечернее солнце осветило маленькую комнату, и когда последние лучи его упали на лицо покойной Адель, Клод поднялся со спокойным, сдержанным видом, ни одна черта его благородного лица не выдавала больше глубокого горя, сокрушившего его.

В тот день, когда Клод, Олимпио и Камерата отвезли маркизу на место ее вечного упокоения, они отвезли Марион в дом одной вдовы и поручили ее заботам, не сказав девушке, что передали в руки этой женщины сумму, обеспечивавшую ее дальнейшую жизнь.

Спустя некоторое время, обстоятельства призвали к делу маркиза Монтолона. Он спросил своих друзей, не хотят ли они принять участие в начавшейся в то время войне против России. Камерата, разумеется, не мог стать в ряды войск под своим именем, он назвал себя Октавием. Камерата с радостью шел на войну. Сражаться рядом с Олимпио и Клодом всегда было его высшим желанием, и никто бы не узнал в волонтере Октавио принца, который, как полагали Наполеон и Морни, умер и был похоронен.

Когда Олимпио пришел во дворец, чтобы подготовить Долорес к новой разлуке, ее охватила глубокая печаль.

— Будь же храбрее, моя любимая,— говорил Олимпио,— я вернусь, и тогда уже мы никогда не разлучимся! Не огорчайся этой короткой разлукой, мы скоро увидимся.

— Нет, нет, Олимпио! Внутренний голос говорит мне, что эта разлука будет роковой для нас.

— Предчувствия, моя Долорес! Кто так, как ты, верит в Бога, тот не должен бояться предчувствий!

— Ах, дядя Олимпио,— воскликнул Жуан,— вы едете на войну, вероятно, с маркизом?

Олимпио посмотрел на двенадцатилетнего мальчика, глаза которого блестели и все лицо сияло от радостного возбуждения.

— Остайся, не едь в чужие страны, не оставляй меня одну! — просила между тем Долорес,— я чувствую, что мы больше не увидимся.

— Ты наводишь страх и на меня, Долорес, чтобы обезоружить меня, ведь если бы я знал, что не увижу тебя более, то, разумеется, не поехал бы.

— Останься — ты не вернешься!

— Дон Олимпио храбрый, сильный полководец, тетя! Он победит неприятелей! — воскликнул восторженно Жуан.

— Совершенная правда, мой мальчик!

— О, возьмите меня с собой, дядя Олимпио! Я буду вам всем отдавать честь!

Долорес озабоченно, а Олимпио с удовольствием посмотрели на красивого, крепкого мальчика.

— Забудь свои страхи,— сказал он Долорес,— не бойся за меня, я вернусь! Меня больше всего беспокоит твое положение в мое отсутствие, но я оставлю Валентино охранять тебя; он верный слуга, который скорее даст убить себя, чем допустит, чтобы тебе угрожала какая-нибудь опасность! Если я буду знать, что он около тебя, то буду спокоен.

— А мне позволите идти с вами, дядя Олимпио? — спросил Жуан.— Попробуйте взять меня с собой! Вы всегда говорили, что я могу хорошо владеть ружьем и стрелять, позвольте мне доказать это! Я силен и перенесу всякий труд вместе с вами, вы никогда не увидите моей недовольной физиономии!

— Если я уеду, ты поедешь со мной,— успокоил Олимпио обрадованного мальчика, который объявил, что теперь дядя его связан словом.

Но Олимпио хотел уже уступить просьбе Долорес и остаться. Как бы, ни было ему тяжело, он не хотел огорчать свою возлюбленную.

Долорес, прочтя на лице Олимпио его намерение, торжествовала. И он уже объявил своим друзьям о своем решении, как вдруг явился к нему Олозаго.

Дипломат многозначительно улыбнулся, пожимая ему руку.

— Я пришел к вам с поручением от королевы.

— Как, дон Олозаго, королева Изабелла обращается к карлисту, принесшему ей немало огорчений?

— Она хочет оказать вам свое доверие, Олимпио, и, так как ценит вашу храбрость и рыцарство, то желает сделать вам честь...

— Говорите, Олозаго, в чем состоит поручение?

— Ее величество решила послать на войну, которая должна начаться на следующей неделе, лучших своих офицеров и назначила для этого генералов Прима и Олимпио Агуадо!

— Это поражает меня, дон Олозаго,— воскликнул Олимпио,— я не ожидал!

— Я передаю вам генеральский патент и бумагу, из которой вы узнаете, чего заслужила ваша смелость.

Олозаго передал ему документы.

— Признателен вам, благородный дон, и приложу все старания, чтобы достойно носить генеральскую шпагу! Маркиз и...— Олимпио.

чуть было не назвал принца Камерата, но вовремя остановился, — маркиз и сын умершего Филиппа Буонавиты идут со мной. Вспомню в последний раз светлые дни моего бурного прошлого, а затем навсегда уйду в тихую семейную жизнь, наслаждаясь в объятиях любимой женщины.

Дипломат тихонько засмеялся:

— Такие люди, как вы, Олимпио, привыкшие к воинственной жизни, не связывают себя так легко брачными узами; они гораздо более любят бряцание оружия, дикую боевую схватку, чем мирный покой домашнего очага. Не отрицайте! Хотя я знаю, что ваше сердце ранено, и могу только похвалить ваш вкус, сеньора прекрасна, благородна и умна.

— Я буду в ее зависимости считать себя счастливым, — ответил Олимпио.

— Примите пожелания всего наилучшего, но я думаю, что, испытав опять военную жизнь, вы, как старый вояка, не так скоро откажетесь от нее... Но поручение мое выполнено! До свиданья, Олимпио!

Олимпио поспешил к Долорес, а Жуан торжествовал, услышав, что дядя возьмет его с собой в конницу, куда поступили также маркиз и принц.

Долорес больше не возражала. С глубокой грустью расставалась она со своим возлюбленным и Жуаном, предвидя новые грозные тучи впереди. Валентино остался оберегать ее.

После того, как Прим и Олимпио были представлены императору, как стоящие во главе испанских войск, Наполеон, весьма обрадованный, представил им самим выбрать себе войска, с которыми они пожелают идти на войну. Прим избрал инфантерию, а маркиз, Октавио, Олимпио и маленький Жуан, которому очень шел его мундир, присоединились к карабинерам, в скором времени оставившим Париж.

Долорес, не высказывая больше своих тяжелых предчувствий, скрывая слезы, горячо обнимала Олимпио и Жуана, утешаясь мыслью, что будет молиться за отсутствующих.

— Долг мужчины идти на войну, и сын Филиппо должен с раннего возраста привыкать к этому, — говорил, расставаясь с Долорес, Олимпио, — прощай, моя любимая, мы скоро снова увидимся, ты остаешься моею и помни, ничто не разделит нас.

Весной 1854 года французские и английские войска спешили к театру войны: английская армия под предводительством искусного полководца Роглана, французская — под предводительством маршала Сент-Арно, которого прежнее имя было Леруа. Генерал Агуадо, маркиз Монтолон, Октавио и Жуан тоже шли на восток.

Русскими командовал старый, славный полководец фельдмаршал Паскевич, который в середине марта перевел свои войска через Дунай, тогда как генерал Лидерс осаждал Добруч и соединился с генералом Шилдером под Силистрией. Омер-паша ушел назад к крепости Шумла.

IX

ИНФАНТА БАРСЕЛОНЫ

Оставим на некоторое время наших друзей, дорогой читатель, и вернемся в Тюильрийский дворец, где в настоящее время произошли перемены, достойные особого внимания.

Император с помощью Бациоши, своего первого камердинера, известного плута, о прошлом которого мы рассказывали, старался так же как и императрица, навести справки о прекрасной иностранке, привлекшей к себе всеобщее внимание во время наполеоновского праздника. Бациоши, весьма способный к делам, требующим подобного доверия, уведомил своего господина, что эта дама звалась Долорес Кортина, что она испанка и любовница Агуадо. Он даже успел под каким-то предлогом нанести визит прекрасной Долорес, которая хотя и удивилась странному визиту, но не заподозрила какой-либо интриги и принимала лукавого царедворца со свойственным ей радушием.

Бациоши не скупился на описания того, как умна, обходительна и прекрасна Долорес. Догадавшись, что Наполеон интересуется ею, он хотел использовать это обстоятельство, чтобы приобрести как можно больше влияния на императора, упрочить свое положение и увеличить богатство. Он хорошо знал непостоянство и раздражительный характер своего господина, и был не первым его слугой. До женитьбы Наполеона на графине Монтихо он не раз был его посредником в любовных похождениях, а после женитьбы тоже находил случаи доставлять подобные развлечения императору, который только вначале и недолго был верен Евгении. Мошенник был незаменим в этом отношении, что позволяло ему постоянно увеличивать свое состояние. Благодаря его красноречивым описаниям, Наполеон воспылал желанием овладеть Долорес, и один только Олимпио стоял у него на дороге. Он знал железный характер, стойкость и мужество этого человека и придумывал, как бы и его сделать таким же не опасным для себя, как принца Камерату.

Но это было не так легко, потому что едва ли дон Агуадо представит к тому случай, да и, кроме того, маркиз де Монтолон, двоюродный брат графа Монтолона, бывшего верным другом и последователем Наполеона в его несчастные годы, при подобных обстоятельствах мог бы быть опасным для него.

Но, наконец, и для этого представился случай с помощью того же лукавого Бациоши.

— Я готов биться об заклад, что сеньора не знает, как отделаться от этого Агуадо. Предстоит война, и я думаю, что этим можно воспользоваться, чтобы исполнить желание Вашего величества.

— Да, если бы дон был французом.

— Испанец также может быть назначен на войну.

— Каким же образом? У вас, кажется, есть какой-то план, мой обер-камергер?

— Весьма легкий, государь. Испанское правительство, без сомнения, не откажет вам в некоторых опытных и прославленных полководцах, и в Мадриде можно бы было выразить такое желание.

— Ну и между прочими назначить дона Агуадо — ты прав, Баццоши.

— Храбрость этого дона всюду известна. Весьма легко может стать, что на подобной войне он встретит немало опасностей, если даже не самую смерть,— сказал плут с многозначительной улыбкой.

Луи Наполеон молча смерил глазами своего слугу, как будто хотел сказать: «Какая же ты скверная личность», но промолчал, нуждаясь в этом способном человеке.

— Я через посольство передам мое желание в Мадрид,— сказал он после некоторой паузы.

— Теперь позвольте мне, Ваше величество, обратиться к вам с моею всеподданейшею просьбой,— продолжал хитрый царедворец, подобострастно кланяясь своему повелителю.

— Говорите, мне будет приятно исполнить вашу просьбу.

— Я недавно видел у генерала Персиньи герцога Медину, он кажется, происходит от боковой линии этого испанского дома.

— Как его полное имя!

— Герцог Эндемо Медина, государь! Этот дон просит о закреплении за ним древнего дворянского имени, чтобы иметь возможность быть полководцем в этой войне, и я обещал ему хлопотать за него.

— Просьба твоя исполнена, мой обер-камергер! Сообщите герцогу мое согласие и сами располагайте остальным.

— Я надеюсь дать вам в скором времени сведения о прекрасной сеньоре, государь,— сказал Баццоши, уходя от императора, который немедленно произвел Олимпио в генералы и вытребовал от королевы Изабеллы поручение, которое, как мы видели, Олозаго в скором времени выполнил.

Мы сделали благосклонным читателям краткий обзор придворных интриг.

В то время как император интересовался прекрасной возлюбленной Олимпио, Евгения стремилась совершенно устранить сеньору, которую считала своей соперницей.

Она ненавидела Долорес за то, что Агуадо любил ее.

Перед ее глазами неотступно стояла сцена в кафедральном соборе: Долорес, украшенная бриллиантовым крестом, рядом с Олимпио, который едва поклонился Евгении, как будто голова его не желала наклониться. Она знала что сделало его таким холодным, и страстно хотела видеть его сломленным, поклоняющимся ей одной. Это желание преследовало ее, не давало ей покоя! Олимпио должен был валяться у нее в ногах! Он являлся ей во сне, его одного видела она, когда, закрыв глаза, чувствовала на себе поцелуй императора; к нему были устремлены все ее чувства, вся страсть. Евгения строила бесчисленные планы, ища пути исполнения своего желания, но трудно было выбрать настоящий из них.

Тогда императрица вспомнила об одной даме из своей свиты, на которую можно было положиться в опасном предприятии. Ту, которая казалась ей способной на любую услугу, она почти из грязи возвысила и считала поэтому, что может рассчитывать на ее благодарность. Дама эта была испанка, которая могла понять ее тайну и исполнить задуманные планы. Участь ее сформировала в ней угрюмый характер, она не любила людей, но была безгранично предана Евгению.

Чтобы понять, кто эта дама, следует немного вернуться назад.

Читатель, наверное, помнит, что когда Марион находилась в морге, при ней вынесли труп загадочного инфанта Барселоны, которого сопровождали две женщины, по-видимому, мать и дочь. Их в придворном экипаже повезли в Тюильри, где они были приняты императрицей.

Евгения отпустила свою свиту, желая наедине переговорить с женщинами, которых окружала странная таинственность.

Когда сгорбленная старуха и дочь с закрытым вуалью лицом, подойдя к ней, опустили на колени, императрица пошла к ним навстречу и подняла их.

— Доверьтесь мне,— сказала она им по-испански,— я хочу вам помочь! Мне сказали, что умерший был инфант Барселоны. Раскройте мне окружающую вас тайну.

Старуха, ломая руки, залилась слезами, дочь ее подошла к Евгении и заговорила тихим голосом:

— Великая защитница, мы лишены родины, мы изгнаны и блуждаем повсюду, у нас нет ни крова, ни пищи, защити нас, ты одна в состоянии это сделать.

— Инфант уже скончался, и горе его кончилось!

— Простите скорбь матери, Ваше величество,— сказала дочь,— велите отвести ее к телу инфанта, а я останусь у вас и расскажу вам все.

— Я пойду с ним в могилу, я хочу разделить с ним его горькую участь и за гробом,— рыдала старуха.

— Вы меня глубоко тронули. Ваш супруг инфант в эту ночь будет перевезен из морга в капеллу испанского посольства.

— Пустите меня к нему, кто может разлучить меня с несчастным тяжелой судьбу которого я до сих пор разделяю! Вы не можете быть так жестоки, имейте жалость,— молила старуха.

— Ваше желание будет исполнено,— ласково промолвила Евгения старухе, потом, обернувшись к дочери, прибавила,— вы останетесь у меня. Откройтесь мне, и я вам помогу!

— Поздно, все поздно, все кончено для меня, мне остается одна смерть! Я хочу идти в могилу за несчастным, у которого украли трон и заставили изгнанником переходить из страны в страну!

Евгения позвонила и приказала передать одному из камергеров, чтобы он отвез старую женщину в испанское посольство.

Старуха, поблагодарив императрицу, оставила Тюильри. Оставшись одна с девушкой, по-прежнему закрытой вуалью, Евгения попросила ее сесть напротив себя.

— Я готова вас выслушать и помочь вам,— сказала она мягким, ласковым голосом, который мог производить на собеседника огромное впечатление.

— Кто удаляется и презирает свет, Ваше величество, в том растет ненависть и вражда! Мой отец не проклинал тех, кто подло предал и изгнал его, я же проклинаяю их. Душа моего отца была благородна, он простил тем, кто опозорил его, никакая вина не тяготила старика, он перешел в вечность, благословляя своих врагов.

После короткой паузы она продолжала свой рассказ.

— Когда в 1788 году умер испанский король Карл III, ему наследовал сын, Карл IV, супругой его была Мария Луиза Пармская. В 1790 году нелюбимая королем Мария Луиза родила сына, наследника престола. Но небо как будто хотело наказать этот брак — первенец королевской четы родился с черным пятном в виде звезды на лбу. Посмотрите, я точно такую же унаследовала от инфанта Франциско Барселонского, лишённого престола.

Девушка откинула свою вуаль, и императрица вздрогнула, увидев этот знак на ее лбу, но тотчас же оправилась. Черты таинственной испанки были прекрасны и благородны, черные волосы рельефно оттеняли лицо с нежной, несколько бледной, как это свойственно южанкам, кожей, маленький нос с красиво очерченными алыми губами презрительно дрожал при воспоминании о Марии Луизе. Это лицо не портило даже выражение злости в блестящих глазах, так же как и черное пятнышко на лбу в виде звезды.

— Точно такое же пятно было у покойного инфанта. Доктора, увидев его у новорожденного, страшно испугались и сообщили королю. Собрали совещание, на котором императрица сама вынесла решение. Увидев дитя, она оттолкнула его и прокляла день его рождения. Народу объявили, что инфант умер, а его поместили в отдаленной комнате замка, где он жил постоянно. Мария Луиза никогда о нем не спрашивала, отец также не справлялся о своем первенце, об этом отверженном невинном существе.

При крещении, совершенном тайно, ребенка называли Франциском. Когда он подрос, его отвезли в монастырь. Королева родила еще двух сыновей после него, старшего Фердинанда VII и младшего Дона Карлоса.

Однако, как обыкновенно случается, тайна обнаружилась: один монах открыл инфанту его происхождение. Тридцатилетний инфант поспешил в Мадрид, чтобы предъявить свои права.

С этого времени и начались его бедствия.

Карл IV, его родной отец, был слишком слаб, чтобы воспрепятствовать королеве, и та через своего любовника, Годоя, открыто объявила сына лжецом и разбойником.

Инфант Барселонский был заключен в темницу, долгое время содержался как изменник и был лишен не только своих привилегий, но даже имени.

Королева произвела Годоя в принцы, присвоив ему имя де ла Пац, она надеялась устранить короля и инфанта Фердинанда, точно так же, как и моего несчастного отца, чтобы поднять любовника

до своего величия и затем оставить престол их детям. Она ненавидела своего супруга и инфанта Фердинанда и, надеясь избавиться от них, призвала в свою землю императора Наполеона I.

Негодование народа положило конец дерзким поступкам этой женщины: Годой попал в руки возмущенных жителей столицы и стал жертвой народной ярости. Королева отдалась под защиту Наполеона и его полководца Мюрата, который осадил Мадрид. С его помощью она попыталась вырвать своего любовника из рук разъяренной толпы.

Карл IV, Мария Луиза и Годой должны были явиться в Байонну к императору Наполеону под охраной французских войск, но тут преступная мать стала требовать, чтоб ее второй сын, выдаваемый за первенца, был казнен как изменник. Однако Фердинанд не потерял присутствия духа, ему удалось занять престол своих предков, а Мария Луиза с королем и своим возлюбленным бежали в Рим. Там она умерла одна, никем не оплаканная. Карл IV вскоре последовал за ней. Инфант Барселоны убежал из тюрьмы, но престола своего отца он не получил и, отверженный, должен был оставить родину.

В Гранаде он встретил также преследуемую несчастьем дочь государя, мою мать, происходящую из благородного мавританского рода Абенсераги.

Она разделила его участь, переходила с ним с места на место, и по смерти Фердинанда VII я родилась на свет.

Я вела кочевую жизнь с моими несчастными родителями. Нигде не было нам убежища и нигде не находили мы покоя и мира. Вместе с черной звездой я унаследовала от отца изгнание из родины. Как цыгане, переходили мы степи и поля, замечая нас, люди творили крестное знамение, всюду несчастье шло за нами.

И сердце мое постепенно наполнилось ненавистью к людям, все, кроме отца и матери, стало мне отвратительно.

Несчастный инфант был человеком с великой, благородной душой. Несмотря на все горести, которые он, совершенно без всякой своей вины, должен был переносить, он прощал тех, кто отрекся от него и обрек на вечные скитания. Он постоянно с любовью утешал свою жену и дитя в тяжелой изгнаннической жизни и призывал их стойко переносить выпавшие им на долю страдания.

До конца восстания, свирепствовавшего в Испании, которое мой отец вовсе не желал усиливать, мы оставались в пределах отечества, но потом нас изгнали за границу и запретили въезд в Испанию.

Это была горькая минута, когда отец, перейдя с нами вершину Пиренеев, обратился в последний раз с поклоном к своему отечеству! Он простер к нему свои руки, и слезы падали на его белую бороду, а я и моя мать стояли на коленях. Он благословил Испанию, которую должен был покинуть, Испанию, назначенную ему Богом и правами; еще раз поклонился он ей и пошел с нами в вашу гостеприимную страну!

Тут мой бедный отец встретил свой последний час. И даже тогда он, который происходил из царского рода и всю жизнь провел

в нищете, не произнес ни слова осуждения... Он благословил нас и поцеловал при прощании.

Теперь, наконец, после долгого и мучительного странствования по земле, между людьми, которые его обидели, он достиг вечного покоя, теперь он уже недоступен для страданий.

Опустившись на колени, стояли мы около его постели и молились день и всю ночь, пока у нас не отняли нашего дорогого усопшего.

Простите же моей матери, что она в справедливом гневе проклинает тех, кто превратил в муку его жизнь, простите мне, что в моей душе поселились ненависть и вражда к людям! Вам все известно.

Евгения, с вниманием слушавшая инфанту, протянула ей руку.

— Останьтесь у меня, я дам вам место в моей свите, достойное вас,— сказала она,— вы были со мной откровенны, и я благодарю вас за это! Скажите мне ваше имя, инфанта.

— Мой отец назвал меня Инессой. Вы хотите дать мне отечество, Ваше величество, но что будет с моей несчастной матерью?

— Пусть она сопровождает тело своего супруга, вашего благородного отца, в Мадрид; я позабочусь, чтобы она нашла себе там достойное место.

— Инфанта Инесса, я делаю вас своею придворной дамой и желаю, чтобы вы заменяли меня в частных делах,— продолжала императрица.— Выберите себе одежду, подходящую вашему происхождению и званию, и носите испанскую мантилью, прикрывающую лоб, чего не делают прочие дамы моей свиты. Я надеюсь устроить вашу будущность, которая заставит вас забыть прошлое.

Инфанта опустила на колени перед Евгенией, ласковое обращение которой благотворно подействовало на ее озлобленную душу.

— Вы явились, как ангел, в моей несчастной жизни, государыня, и я готова отдать за вас мое последнее дыхание,— сказала она. Сердце Инессы после стольких лет, проведенных в одиночестве, требовало участия, и Евгения, сумевшая понять это, раз навсегда внушила ей безграничное доверие и любовь к себе.

В то время как несчастная супруга покойного инфанта, не желавшая расстаться с его телом, уезжала в Мадрид, окруженная почестями, согласно желанию императрицы, Инесса поступила во дворец Евгении. Она получила место доверенной особы и заменяла императрицу, когда та не желала заниматься частными делами.

Инфанта была так предана Евгении, что последняя могла положиться на нее во всяком деле. Императрица хорошо поняла это, когда Инесса лежала у ее ног и смотрела на нее, как на божество.

Об этой-то инфанте и подумала Евгения, когда мучительное желание ее избавиться от Долорес сделалось непереносимым. Инессе она могла вполне довериться, на ее помощь могла рассчитывать и была уверена, что желания ее будут исполнены.

Мы расскажем в одной из следующих глав, какой путь избрала она для достижения своей цели.

Прежде чем вести читателя на восток, к месту военных действий, передадим ему разговор, происходивший до дворца Персиньи между Бациоши и Эндемо.

Обер-камергер принес мнимому герцогу патент французского офицера и позволение ехать на войну против России.

— Благодарю вас за эту милость,— сказал Эндемо, оставшись наедине с ним в комнате,— еще один вопрос: может ли мой слуга сопровождать меня?

— Без сомнения, герцог, располагайте своей свитой как вам угодно! Если и случится, что вы встретите дорогой препятствия, то воспользуйтесь приказом к маршалу Сент-Арно, и у вас не будет ни малейших затруднений.

Этого только и желал Эндемо! Никто не мог теперь помешать ему исполнить его гнусные планы.

— Вы услышите обо мне, господин обер-камергер. При каком карабинерском полку находится генерал Олимпио Агуадо?

Бациоши назвал полк и место, вблизи которого он находился.

— Вы легко найдете этого дона,— прибавил он,— я знаю, что вам предстоит свести с ним счеты и вам нужен для этого удобный случай, в котором и желаю вам счастья, герцог!

— Да, только один из нас вернется сюда,— сказал Эндемо, злобно сверкнув глазами.

— Возвращайтесь вы, герцог, и вы займете свободную генеральскую вакансию.

— Условие заключено! Дайте мне вашу руку. Я сгораю от желания удовлетворить свою ненависть. Посмотрите, я дрожу при этом имени! Я испанец, по крови родной с корсиканцами. Вы знаете нашу горячую кровь, Бациоши,— соперник должен уступить мне дорогу!

— Как вы сказали? Соперник? — проговорил удивленный обер-камергер.— Так и вы также любите прекрасную сеньору с Вандомской площади?

— Я до сумасшествия люблю ее, и она должна быть моею, хотя бы само небо было против!

Бациоши многозначительно улыбнулся.

— Теперь я понимаю вашу ненависть, мой дорогой герцог! Вам легко удастся столкнуть с дороги вашего соперника! Вкус ваш похвалить можно, сеньора самая прекрасная, умная и добрая дама во всем Париже! Я буду рад, если она достанется вам!

Обер-камергер дружески пожал мнимому герцогу руку на прощание, и Эндемо думал, что нашел себе в нем верного товарища.

Но Бациоши был еще опаснее и хитрее герцога, которого ему так легко удалось обмануть.

— Он любит сеньору,— бормотал про себя обер-камергер с дьявольской улыбкой, возвращаясь назад в Тюильри,— и потому ненавидит этого Агуадо. Что ж, он послужит хорошим орудием для того, чтобы освободить нас от этого дона; если они сами покончат друг с другом без постороннего вмешательства, это избавит нас от труда! Я думаю, что проявил в этом случае хорошие дипломатические способности.

ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ

Вначале военное счастье сопутствовало России, но потом, когда на помощь Турции явились французы и англичане, дела изменились. К тому же Австрия заняла своими войсками Валахию и Молдавию и тем создала угрожающее положение.

Однако ход войны с Россией еще не вполне определился.

В июле 1854 года французские и английские войска высадились близ Варны, а фельдмаршал Паскевич после его неудавшейся, благодаря храбрости коменданта Муссы-Паши, осады Силистрии повел назад свое ослабевшее войско через Дунай и Прут.

Русские войска понесли большой урон, даже сам Паскевич был легко ранен. Он сложил с себя свое звание и вскоре умер в Варшаве.

Точно так же чувствительны были потери соединенной армии*.

При поспешном переходе французов из Варны в Добруч, пробираясь по полосе между Дунаем и Черным морем, более двух тысяч человек погибли из-за жары, истощения сил и холеры, в лагере Варны эта болезнь также унесла много жизней, а когда огонь истребил магазины и провизию, возник сильнейший недостаток в жизненных припасах, доставать которые здесь было чрезвычайно трудно.

Между тем английский флот в сопровождении нескольких французских кораблей под начальством адмирала Чарлза Непира направлялся в Балтийское море, чтобы побудить Швецию нарушить нейтралитет и овладеть крепостью Кронштадт, защищающей Петербург, и начать осаду этого города.

Но ожидания эти не оправдались. Шведы не нарушили нейтралитета, а каменные стены крепости позволяли отразить всякое нападение. Была взята только маленькая укрепленная казарма Бомарзунд на русских Аландских островах.

В это время в Варне собрался военный совет для того, чтобы согласовать дальнейшие действия союзников и таким образом скорее достигнуть цели.

Здесь были собраны важные голоса и между ними Ферот-Паша и наследный принц султана, который явился с отрядом черкесов и предложил нападение со стороны Азии, чтобы вытеснить русских с Кавказа. Англичанам эта мысль понравилась, и они высказались за нее; французский полководец маршал Сент-Арно, чувствовавший уже приближение смерти, был, напротив, за нападение на Севастополь, морскую цитадель русских в Крыму. Он хотел закончить свою жизнь великим предприятием и нашел поддержку у английского лорда Раглана, которому очень хотелось уничтожить русское могущество на Черном море.

Соединенный флот доставил поэтому в сентябре около 60 тысяч солдат (из которых восемь тысяч турок) к Крымскому полуострову.

---

* См. Вебер, «Западные государства и Россия».

Посреди него лежит пустая, голая, безводная степь, где даже появляющиеся весной травы засыхают от палящего солнца. Этот полуостров окаймлен на юге городами, где в долинах и по склонам растут виноградники и фруктовые деревья, вся же остальная земля представляет смертельную опасность для путешественника, тем более для большого войска, которое нигде не может найти себе ни съестных припасов, ни воды.

На южном берегу Крыма находится укрепленный порт и город Севастополь, на севере которого тогда располагались мощные бастионы для защиты русского флота, стоящего на якоре в бухте, служащей гаванью.

Цепь гор прерывалась здесь рекою Альмой, около которой князь Меншиков, губернатор полуострова, с тридцатитысячной армией защищал крепость.

Против этой-то армии соединенные силы и направили свое первое нападение. Положение русских на крутом берегу было так прочно, что предстояла кровопролитная война. Французы и англичане со спокойным мужеством подвигались вперед, и генералы Боскет с зуавами и Олимпю Агуадо с карабинерами предприняли нападение, решившее исход сражения.

Меншиков был принужден отступить и не потерпел полного поражения только благодаря тому, что конница французов не была в полном составе.

Тяжело доставшаяся победа в битве при Альме, в которой славно отличились генерал Агуадо, маркиз Монтолон, волонтер Октавио и даже маленький Жуан, также побывавший под градом пуль, позволяла надеяться на быстрое окончание похода.

Но не так просто было взять русскую крепость на Черном море. Еще много крови и слез было пролито, прежде чем стали развеиваться над Севастополем французские и английские знамена.

Командование соединенной армии, уставшей от ожесточенной битвы, решило дать ей небольшую передышку, отложив вторичный штурм, и это дало Меншикову время укрепить гарнизон крепости и даже самую крепость, окружив ее со всех сторон новыми укреплениями. В то же время было потоплено семь больших военных кораблей, чтобы заградить дорогу соединенному неприятельскому флоту.

Когда соединенная армия подошла к городу, она встретилась с укреплениями, способными противостоять любому нападению. Поэтому было решено подождать прибытия новых орудий и снарядов и тогда приступить к планомерной осаде.

С этой целью на юге от Севастополя был устроен лагерь, также сильно укрепленный.

Англичане засели в бухте Балаклава, а французы в Камыше.

В это время Сент-Арно умер на корабле, который должен был отвезти его в Севастополь. Он вел порочную, развратную жизнь, давшую начало его болезни, которая продолжалась уже несколько лет и от которой он умер после тяжких страданий.

На его место заступил генерал Канробер.

Лагерь французов простирался почти на полмили от Камыша. В нем кипела жизнь — день и ночь работали над его укреплением. Турки, арабы и французы, кирасиры, пехотинцы и артиллеристы разговаривали, курили, чистили лошадей, ели у палаток маркитанок, играли в карты или бездельничали перед палатками.

Но среди всей этой суеты каждый думал о предстоящих сражениях, завтрашнем дне и о том, останется ли он жив после боя...

— Ребята, веселей, — кричал разгоряченный вином карабинер, — сегодня жив, завтра мертв! Вот солдатская жизнь! Не будем же горевать!

Другие затягивали песню родины, далеко разносившуюся в холодном ноябрьском воздухе.

Гуляя пока на свободе, солдаты вспоминали о матерях, невестах, и у многих на глаза набегали слезы.

Надо было или победить, или умереть, и нельзя было думать о возвращении, пока не будет одержана победа.

В конце длинной лагерной улицы поздно вечером стояли два офицера, закутаные в шинели. Они, казалось, принадлежали к высшим чинам, так как позади обоих стояли поодаль их адъютанты.

Примерно в ста шагах от этого места находилась палатка командующего.

— Ручаетесь ли вы за известие, генерал? — спросил один из них.

— Честным словом, генерал Канробер, — отвечал другой, который был на голову выше первого и шире в плечах. — Услышав гром пушек, мы подумали о морском сражении; завтра утром посланцы из английского лагеря подтвердят вам то же самое. Русский генерал Липранди предпринял атаку, и хотя англичане отбили ее, но понесли большие потери.

— Кто принес эту новость, генерал Агуадо? — спросил Канробер.

— Волонтер, который собирал сведения на английском аванпосту, имя его Октавио, он уже отличился в сражении при Альме.

— И вы решаетесь на это? План ваш более чем смел, генерал. Нужно ли вам подкрепление?

— Я возьму с собой волонтера, и, кроме того, еще со мной будет маркиз де Монтолон.

— Счастливого пути, генерал Агуадо! Дай Бог мне встретить вас, мой отважный воин, живым и здоровым! Вы избрали эту ночь?

— Именно эту, потому что она, как мне кажется, будет темной, небо покрыто облаками, и начинается сильный ветер, обстоятельство, очень благоприятное в настоящем случае.

— Я неохотно соглашаюсь с вами, дорогой генерал Агуадо, — сказал Канробер, которому, видимо, очень не хотелось отпускать от себя храброго генерала, — берегите себя, мне еще нужна ваша верная рука. Помните, играть со смертью вообще не стоит, а тем более ваша жизнь здесь, повторяю, еще очень и очень нужна.

— На рассвете я надеюсь быть в вашей палатке с рапортом.

— Прощайте, — сказал тихо Канробер, пожав руку Олимпио. Затем оба генерала раскланялись, и пока командующий со своим штабом шел вдоль улицы, Олимпио вошел в свою палатку.

В ней сидели на складных стульях маркиз, Жуан и принц Камерата.

Последний вскочил и, полный ожидания, бросился навстречу входящему.

— Ночь наступает, на коней, господа, — сказал Олимпио, — скорее, Клод!

Маркиз засмеялся; смелое предприятие, казалось, доставляло и ему удовольствие.

— Говорил ты Канроберу? — спросил он.

— Все в порядке. Жуан, приготовь три револьвера, нам нужно спешить.

— Пресвятая богородица, я горю желанием отправиться в путь! — вскричал Камерата. — Отдавай свои приказания, Олимпио!

— Исполнение их — отчасти и наша обязанность, поскольку я составлял этот план. Итак, слушайте. Камерата и я предпринимаем рекогносцировку; Клод может сопровождать нас до тех пор, пока мы проникнем в расположение неприятеля, а затем станет ожидать нас в инкерманском леске, чтобы прикрывать наше отступление, — говорил Олимпио, а Камерата тем временем надел на себя шпагу и взял один из револьверов, вынутых Жуаном из ящика. — Втроем мы не можем проникнуть в лагерь русских, а Клод уже несколько раз участвовал в подобных делах.

— Я охотно повинуюсь твоим приказаниям, — сказал маркиз, хорошо понимавший план Олимпио и так же хорошо, как и он знавший, что опасность для всех была одинаково велика.

При этом разговоре Жуан выказывал сильное волнение. В своем мундире он был похож на маленького принца, и его отважный вид и блестящие глаза живо напоминали друзьям черты Филиппо.

— И я тоже? — не выдержав, спросил он, подходя к товарищам.

Олимпио взглянул на мальчика:

— Ты останешься здесь, в палатке, Жуан, и будешь ожидать нашего возвращения.

Мальчик стиснул зубы.

— Ты хочешь ехать с нами? — спросил, смеясь, Камерата.

— Не смейтесь, принц, — вспыхнул Жуан, — у меня не меньше мужества, чем у вас!

Олимпио и маркиз не могли удержаться от улыбки, но с удовольствием смотрели на негодующего мальчика.

Камерата подал ему руку:

— Возьмем его с собой, господа?

— Он еще мал и может своей опрометчивостью погубить нас, — сказал Олимпио.

— О, если только в этом дело, то я буду так же осторожен, как и вы! Может быть, я буду вам полезен, хотя и молод! Возьмите меня, я уже приготовил четвертый револьвер, позвольте мне ехать с вами!

— Ну, хорошо! Твой пыл мне нравится, — сдался Олимпио, — ты останешься с маркизом. Но вооружись терпением и сохраняй

спокойствие, Жуан, что бы ни случилось. Не говори и не стреляй без приказа маркиза.

— Будьте совершенно спокойны, я во всем буду следовать указаниям дяди Клода, я не сделаю вреда. Подать вам ваши плащи?

— Совсем уже стемнело,— сказал Камерата, взглянув за порог палатки.

— Чтобы солдаты не догадались о наших намерениях, выведи черных лошадей к выходу из лагеря, Жуан, и жди нас там, мы сейчас пойдем за тобой,— обратился Олимпио к мальчику, который накинул свою солдатскую шинель и поспешно вышел.— Прекрасный он, однако, солдат!

— Он похож на Филиппо,— проговорил маркиз.— Пока тебя не было, он очень беспокоился, и бьюсь об заклад, что он и свою лошадь держал наготове!

— Я люблю этого мальчика, как своего брата,— сказал Камерата, надевая плащ. Олимпио и Клод последовали его примеру. Они осмотрели заряженные револьверы, спрятали их под плащи и поручили свою жизнь всемогущей судьбе.

— Вперед, господа,— вскричал Олимпио и погасил свечу, горевшую в палатке.

Жуан уже ожидал их с лошадьми. Здесь часовой узнал Олимпио, но друзья вскочили на седла и поскакали в сад, находившийся возле лагеря.

Ночь была темна, мрачные облака тянулись по небу, закрывая месяц, только иногда его тусклое сияние на мгновение освещало высоты, лежащие перед всадниками.

Направо, вдаль, у Балаклавы находился лагерь англичан, за день до этого потерпевших поражение от русских.

Олимпио и Камерата ехали впереди, за ними следовали маркиз и Жуан. Было тихо, не слышно было даже топота копыт по песчаной дороге.

Позади ряда высот направо стоял небольшой городок Инкерман, а налево — крепость Севастополь.

Французам было совершенно неизвестно, где находятся русские форпосты, но не было никакого сомнения, что русские войска располагались между городком и крепостью, в нескольких милях от французского лагеря.

Доехав до цепи холмов, четыре всадника ответили паролем на оклик часовых французских форпостов. Призванный офицер указал им горный проход, проехав через который, они могли легко достигнуть равнины. Высоты не были заняты русскими и проход был еще свободен. Топот лошадиных копыт по каменистой дороге гулко отдавался от крутых стен окружающих скал, и Олимпио остановился, чтобы обернуть копыта лошадей кусками ткани, оторванными от плаща. Он привык к таким предосторожностям, часто спасавшим его от опасностей.

После этой операции топота почти совсем не стало слышно, и четыре всадника, не встречая более препятствий, вскоре достигли равнины, лежащей за высотами.

Теперь нужна была крайняя осторожность, так как уже у ближайших деревьев могли оказаться русские часовые.

Вокруг, однако, не было видно ни одного дерева, ни одного куста, и наши приятели продолжали свой путь.

Сердце Камераты трепетало от радости, которую доставляла ему эта ночная вылазка; Жуан, припав к шее лошади, беспрестанно оглядывался по сторонам; Олимпио смеялся в душе, а маркиз ехал так бодро и гордо, как будто это была прогулка в булонском лесу, а не опасная разведка.

Проехав таким образом около трех миль, всадники увидели слева севастопольские укрепления, освещенные лунным светом, пробивающимся сквозь облака. Они повернули направо и вскоре оказались перед небольшим инкерманским лесом. Позади него, как доносили разведчики, и находился русский лагерь.

Войска князя Меншикова, казалось, были в полном спокойствии, они считали себя в безопасности и потому не слишком строго охраняли свой лагерь.

Между тем Олимпио и маркиз продолжали путь по окольным тропинкам, стараясь избегать больших дорог, чтобы не попасться на глаза аванпостам неприятеля. Их очень удивила беспечность русских, так небрежно относящихся к охране.

С быстротой молнии всадники промчались через поле к лесу, где решили сделать маленькую передышку.

Сами того не замечая, наши путешественники уже давно миновали первую цепь русских аванпостов и, только благодаря счастливой случайности и темноте ночи, не были обнаружены ими.

Достигнув опушки леса, они удвоили осторожность, так как Олимпио был почти уверен, что сразу же за опушкой должны находиться русские аванпосты.

Олимпио знаком остановил спутников, а сам тихим шагом поехал дальше. Опасность возрастала, так как, если бы он встретил часового, то, не зная русского языка, наверное, сразу попал бы в плен. Однако он наметил себе цель и неуклонно шел к ней. Он подал знак, и его друзья приблизились.

Олимпио и маркиз отдали поводья своих лошадей Жуану и отправились дальше пешком.

— Смелому помогает Бог, — прошептал Олимпио и пошел рука об руку с маркизом и принцем.

Олимпио заметил вдали русского солдата, прислонившегося к дереву, и они тихо обошли это место, чтобы миновать часового.

Дойдя до края леса, они остановились, спрятавшись за деревьями.

Перед ними находился русский лагерь — это была армия Меншикова. Там, казалось, все было тихо, ничто не нарушало спокойствия лагеря. Палатки генерала находились направо в отдалении.

Путники тихо продвинулись еще дальше, ни одна ветка не хрустнула под их ногами, ничто до сих пор не выдало их присутствия. Теперь они были на расстоянии 200 шагов от русского лагеря.

Вдруг они увидели двух офицеров, которые, шатаясь, вышли из лагеря и пошли к роще, они были явно пьяны и хотели, по-видимому, несколько освежиться.

У Олимпио тут же созрел нужный план. Он с принцем поспешил к тому месту, до которого только что дошли пьяные. А те растянулись на земле, на сухих листьях, даже не укрывшись своими плащами, и тотчас крепко заснули, видимо, зная по опыту, что в пьяном виде люди не так легко простужаются.

Наступила полночь.

— Они храпят,— сказал Олимпио,— слышишь? Подобный сон глубок и крепок! Я думаю, нам не придется причинять им какой-нибудь вред! Они спяна, наверное, согласятся на то, что мы возьмем их костюмы.

— Прекрасно, Олимпио! Переодевшись, мы без труда проникнем в лагерь.

— Никто не заподозрит того, что мы скрываем под нашим платьем! Итак, вперед! Если они станут шуметь, то пусть пеняют на себя...

Камерата устремился к спящим, но Олимпио схватил его за руку.

— Осторожно,— сказал он,— лучше будет, если мы их не разбудим. Позволь мне об этом позаботиться. Олимпио приблизился к одному из офицеров, который сладко спал на подстилке из поблекших листьев, будто лежал на самых мягких подушках, он даже постанывал от удовольствия и вдруг захрапел так громко, что Олимпио едва удержался от смеха. Тихо и осторожно расстегнул он его мундир и начал снимать сначала с левой, потом с правой руки, причем пришлось немного приподнять спящего.

Работа была нелегка, потому что пьяный был толст и тяжел. Но он ни разу не открыл своих сомкнутых крепким сном глаз, и Олимпио, не разбудив его, снял с него просторный коричневый мундир.

Бросив снятую одежду принцу, Олимпио приступил к дальнейшей работе.

Рядом с толстяком спал глубоким сном молодой тоненький офицер небольшого роста. Плащ его достать было легче, потому что он был не застегнут, а лишь накинут на плечи спящего, так что нужно было только вытащить его. Шапка слетела у него с головы, и Олимпио бросил ее своему другу, а затем осторожно приступил к плащу. При его силе он мог легко поднять спящего, но боялся этим разбудить его. Еще легче было его убить, но такой способ был неприемлем для Олимпио, никогда не поднимавшего руку на беззащитного.

Он вытянул плащ, насколько это было возможно, и хотел слегка отодвинуть спящего, но тот начал ругаться во сне, и Олимпио, боясь, чтобы он не проснулся, тесно прижался к земле.

Пьяный, однако, повернулся на другой бок и продолжал спать, дыхание его опять стало глубоко и ровно. Олимпио встал и подошел

к Камерате, который в это время на всякий случай приблизился к нему, чтобы быть готовым помочь своему другу.

— Дай мне одежду, которую мы достали,— сказал Олимпио,— я один мог бы пойти в лагерь.

— Это послужило бы разрывом нашей дружбы,— прервал его принц.

— Не будь так резок, выслушай меня сперва. Я бы один отправился в лагерь, если бы не хотел доставить тебе удовольствие. Поэтому я еще раз попытаюсь добыть для тебя этот плащ,— тихо сказал Олимпио, надевая мундир толстого офицера.

Камерата с удовольствием смотрел на своего переодетого друга. Он снял свою шапку и плащ, сложил их под одним из диванов и надел шапку маленького офицера. Олимпио подкрался к спящему, лег возле него, запахнув свой мундир, и все больше и больше прижимался к нему, стараясь столкнуться с плащом. Ему уже почти удалось отодвинуть его, но тот снова начал ругаться и ухватился за нарушителя своего спокойствия, Олимпио не шевелился.

— А, приятель,— вскричал пьяный спросонья и засмеялся,— что вы делаете? Дайте мне поспать!

Олимпио отвернулся, причем ему удалось завладеть еще некоторой частью плаща. Чуть погодя, он опять повторил свой маневр, и на этот раз, наконец, достиг желаемого результата — пьяный был сдвинут со своего плаща. Олимпио тихо и осторожно отодвинулся от спящего. Когда тот перестал шевелиться, он свернул плащ, тихо поднялся с земли и подошел к Камерате, который издали восхищался дерзостью Олимпио. Он взял плащ, завернулся в него, и теперь оба смельчака представляли превосходную копию обоих спящих, так что без опаски могли обойти русский лагерь.

Между тем время шло.

— Нам нужно поспешить, чтобы пройти до смены часового, который нас не окликнет, так как видел, как оба пьяных проходили в рощу. Обратную дорогу мы найдем потом.

— Мне хочется обнять тебя, Олимпио. Если б ты знал, как нравятся мне эта ночь!

— Осторожно, мой друг, мы еще не в своей палатке. Теперь только наступает настоящая опасность. Вперед! Не говори ни слова, что бы ни случилось! Притворяйся пьяным до бесчувствия. Все остальное предоставь мне.

— Не бойся! Я свое дело сделаю.

Оба друга, шатаясь, вышли из леса и пошли в лагерь по тому же направлению, по которому шли раздетые ими гуляки.

Они приблизились к часовому, который, по-видимому, удивился, что они так скоро возвращаются, но не сказал ни слова и беспрепятственно пропустил их в лагерь.

Неприятельский лагерь оказался совершенно вымершим. Поспешными шагами направились друзья к палатке, на которой развевалось русское знамя.

XI

РАЗВЕДКА

Темная и ветренная ночь благоприятствовала Олимпио и Камерате, так что они довольно легко пробрались к названной палатке и опустились около нее на землю, причем даже несколько приподняли край палатки, что дало им возможность не только слышать, но и видеть все в ней происходившее. Таким образом, им удалось узнать разрабатанный русскими план предстоящего великого сражения. Маркиз и Жуан охраняли их во время обратного пути через русский форпост, причем Жуан и Камерата были легко ранены. Несмотря на это, они с торжеством вернулись в союзный Камышский лагерь и доложили командующему все добытые сведения.

XII

БИТВА ПОД ИНКЕРМАНОМ

Рана Камераты была незначительна, и производство его в офицеры по распоряжению Канробера тоже способствовало быстрому восстановлению его сил.

Жуан же возвращался в лагерь с такой гордостью, что у него на лице было написано: теперь я вправе быть между вами, несмотря на то, что моложе всех вас! Спросите хоть самого фельдмаршала, он тоже вам скажет, что я удостоился его милости!

Когда дон Олимпио шел к палатке Канробера, чтобы принять участие в военном совете, где он должен был получить от главнокомандующего некоторые инструкции, то встретил по дороге офицера, очень похожего на Эндемо.

— Неужели это он? Каким же образом он попал сюда, да еще в форме офицера? Пустяки, я, наверно, ошибаюсь, но сходство поразительное: то же бледное, гнусное и злое лицо,— размышлял Олимпио.

Успокоив себя таким образом, он продолжал свой путь к палатке Канробера, не пожелав, однако, подойти к офицеру и спросить у него его имя.

Мнимый герцог узнал своего смертельного врага, но не выдал себя ни малейшим движением. Военный мундир несколько изменил его наружность, почему он и оставался неузнанным.

Взглядом, полным зависти, следил он за статной фигурой Олимпио, которого со всех сторон приветствовали с величайшим почтением, и видел, как тот без малейшей задержки вошел в палатку фельдмаршала. Эндемо слышал о случившемся и очень хорошо понимал, как непрочно его положение. Париж далек, сообщение с ним почти прервано, и нет пока никакого известия от Бациоши, обращенного к фельдмаршалу Канроберу.

Эндемо, однако, не отказался от своих планов.

— Ты не вернешься более,— бормотал он про себя, возвращаясь в свою палатку,— недаром я проследил за тобою до самого этого места! Я убью тебя и известие о твоей смерти лично передам твоей Долорес! Она должна узнать, что ничто не разлучит меня с нею, она должна понять, что благоразумнее будет с ее стороны отдаться мне!

Когда Эндемо подошел к своей палатке, то увидел перед ней своего слугу, нашего старого знакомого, англичанина Джона.

Они вместе вошли в палатку.

— Я только что видел дону Агуадо,— сказал мнимый герцог глухим голосом.

— Он живет с маркизом и одним мальчиком в палатке, которая мне известна,— сообщил Джон.

— В лагере говорят, что предстоит сражение; я думаю, что в нем Олимпио должен погибнуть.

— Дон Агуадо и маркиз — оба должны умереть, ваша светлость, но во время сражения вряд ли к этому представится случай.

— Он должен представиться!

— Мне кажется, что в другом месте дело это было бы удобнее!

— Но только не в лагере. Никто не должен даже догадываться, от чьей руки они пали, а во время сражения все будут уверены, что они погибли от неприятельских пуль!

— Вы можете это попробовать, ваша светлость! Если же военные отряды будут разрознены, то на этот случай у меня составлен другой план.

— Говори, я смогу выбрать.

— Прошлую ночь дон Олимпио и маркиз были у русских форпостов.

— Я знаю это!

— Мне кажется, что эта удача побудит их к какому-либо новому предприятю. Нужно будет зорко следить за ними. И если они снова оставят лагерь, тогда, ваша светлость, мы поспешим за ними следом. Можно будет из-за кустов или деревьев застрелить двух храбрецов, ставших на вашем пути, ваша светлость. Когда же найдут их трупы, то, конечно, решат, что оба друга убиты неприятелем.

Мнимому герцогу понравился план слуги.

— Из засады! Хорошо, пожалуй, ты прав, если мы спокойно и хорошо прицелимся, то можно не сомневаться в благополучном исходе дела, и мои враги сойдут, наконец, с намеченной мной дороги. Я согласен, твой план хорош, но мы прибегнем к нему только в том случае, если нам не повезет в битве и моя пуля не попадет в цель. Клянусь, живыми они не вернуться из этой кампании! Я жажду их смерти, они мешают мне, они стоят на моем пути. Я должен владеть Долорес, и пока они живы, я не смогу добиться своей цели.

В то время как Эндемо вел этот разговор со своим слугой, в палатке Канробера, в которой находился и английский полководец,

обсуждались важнейшие действия в предстоящей битве. Генерал Агуадо сообщил им план русского главнокомандующего и уверил, что знает наилучший путь для того, чтобы вполне успеть в предстоящем нападении на русских. Олимпио попросил в свое полное распоряжение находящиеся вблизи войска, и просьба его была исполнена. План союзников был следующим.

Так как русские выдвинули в оба ущелья только ничтожную часть своего войска, а главные силы сосредоточили на горе, англичане и французы должны были заманить этот маленький отряд как можно дальше, после того как генерал Агуадо со своим отрядом займет средний проход. План был хорошо обдуман: действительно, тогда русские уже не могли бы оставить свои позиции и прийти на помощь своим соотечественникам, которых соединенные войска могли легко истребить. Этой минутой должны были воспользоваться англичане, быстро напав на неприятеля, между тем как Олимпио со своими войсками должен был завладеть высотами или же отрезать отступление русским. Понятно, главной его задачей было следить за неприятелем, приближающимся к среднему проходу.

Соединенные силы союзников состояли из 60 тысяч человек, а русский полководец вместе со всем подкреплением располагал только 45 или 50 тысячами.

Так как англичане и французы должны были во всяком случае оставить в лагере до 5 тысяч войск, чтобы скрыть свое выступление и сохранить за собой путь к морю, то силы противников были приблизительно равны.

Без сомнения, русские имели то преимущество, что владели лучшими позициями, но зато планы их были открыты и их ожидало внезапное нападение, внезапное потому, что если бы даже они узнали о рекогносцировке неприятеля, то должны были думать, что им придется иметь дело только с очень небольшим числом людей, пробравшихся к их лагерю.

Однако 4 ноября союзники встретили сильнейший отпор со стороны неприятеля, несмотря на свои подготовленные укрепления. Внешне все принятые ими меры были совершенно незаметны, так что русские считали себя достаточно сильными для того, чтобы напасть на оба лагеря врасплох. Как французским, так и английским и турецким солдатам было запрещено покидать лагерь, все должны были готовиться к предстоящему сражению и по первому сигналу вступить в битву.

Канробер, принявший на себя командование всеми союзными войсками, приказал, чтобы к наступлению ночи отряд англичан и французов непременно тронулся с места, а форпосты, стоявшие для наблюдения за неприятелем, тихо пододвинулись к горе так, чтобы при первом выступлении русских сразу оповестили об этом.

Когда стемнело, все полки, вверенные генералу Агуадо, разместились вокруг лагеря.

Повсюду было тихо, и в тишине спокойно формировались колонны, чтобы по трем различным дорогам пробраться к удобнейшей позиции.

Маркиз находился при Олимпии. Принц Камерата, которого в войсках знали как Октавио, вместе с Жуаном был прикомандирован к штабу Канробера для того, чтобы около фельдмаршала постоянно находился кто-нибудь знающий местность и дороги.

В мрачной темноте ночи полки, предводительствуемые Олимпии и маркизом, приблизились к высотам без всякого шума.

Форпосты союзников передавали им, что до сих пор не замечалось никакого движения со стороны русских войск, и войска, которые должны были занять среднее ущелье, могли концентрироваться около него.

Войска расположились у подножия утесов и между цепями гор, так что оставались совершенно невидимыми. Олимпии же был в постоянном движении, добываясь, чтобы отряды заняли самые безопасные и удобные места. Клод Монтолон помогал своему другу, и в час после полуночи все важнейшие пункты были уже заняты.

Вскоре маркиз вместе с несколькими стрелками донес Олимпии, что неприятельские полки приближаются к центру. Поэтому стрелки должны были немного отступить, чтобы ничто не выдало присутствия войска.

Олимпии сам отдал приказ всем солдатам, чтобы они не производили ни одного выстрела до тех пор, пока русские не будут оттеснены к долине; темнота ночи помогала ему в достижении цели — неожиданно напасть на неприятельский отряд и отрезать его от остальной армии.

По обеим сторонам прохода, растянувшись на земле, лежала пехота, кавалерия же находилась на заднем плане, стеснившись около утесов. Пушки были расставлены так, что могли неожиданным и убийственным залпом встретить тех русских, которые задумали бы препятствовать их отступлению.

Таковы были приготовления Канробера, сосредоточившего внимание на том, чтобы сохранить сочувствие английских войск и оставаться безмолвным до тех пор, пока не начнется нападение.

В скором времени форпосты донесли, что на горе происходит сильное движение неприятеля и что до их слуха доносятся даже звуки барабанного боя.

В совершенном порядке выстроились войска союзников. Канробер, окруженный своим штабом, поспешил к англичанам, чтобы сделать свои распоряжения. Форпосты их также передали, что отдельные русские отряды смело пробираются вперед, вполне уверенные, что в обоих лагерях царит полное спокойствие. Известие это было очень утешительно для Канробера.

Неожиданное нападение союзников должно было смять силы русских. По ту сторону дороги находился городок Инкерман. Жители его были на стороне русских, и ходили слухи, что там расположились некоторые из русских военных. Войска же Олимпии настолько удалились от этого маленького городка, что не в состоянии были наблюдать за происходящими в нем движениями.

Стояла еще темная ночь, когда с левого крыла французов внезапно раздались выстрелы. Русские сильно продвинулись вперед,

чтобы, подойдя к Севастополю, не дать неприятелю отступить к морю, но получили энергичный и неожиданный отпор. Раздалась пушечная стрельба, и началось ожесточенное сражение. Вскоре поле битвы простиралось уже по всей местности, занимаемой французами.

Канробер понял, что целью этого нападения было заманить его ближе к горе, и отдал приказ, чтобы войска только оборонялись, не ступая шагу вперед.

Меншикова изумила неожиданная сдержанность союзников, и он пришел к заключению, что не одна только его армия терпит урон и что ему угрожает опасность быть окруженным неприятелем.

Тогда он направил через среднее ущелье новый отряд на англичан и французов. Это смелое наступление, казалось, обещало ему многое. Но он ошибся.

Утренняя заря только что занялась, когда пробиравшиеся сквозь ущелье русские внезапно были со всех сторон атакованы неприятелем, о близком присутствии которого они не подозревали.

Можно себе представить, каким ударом оказалось для них это неожиданное нападение!

Большая часть их полков уже почти достигла узкого прохода долины, и только тогда увидела себя полностью окруженной, когда всякое отступление сделалось невозможным.

Что же касается полков, находившихся за горой, то они не хотели больше двигаться к утесам, поскольку видели, что как сзади, так и спереди их ожидает почти неизбежная гибель.

Русские генералы попробовали воодушевить свои войска к сопротивлению, но полки, предводительствуемые Олимпио, гнали их все дальше и дальше. Они отрезали им дорогу к утесу, к отступлению, и осыпали градом пуль, которые буквально косили войска русских солдат.

Олимпио верхом носился от утесов к артиллерии, не допуская соединения русского отряда с тем, который сопротивлялся солдатам Канробера. Маркиз же разыскивал командиров неприятельских отрядов, чтобы предложить им капитуляцию.

Русский главнокомандующий, находясь на высоте, узнал о неожиданном неблагоприятном обороте выступления, о том, что сражение обратилось в бойню для его войск; он видел, что битва будет непременно проиграна, если он не пошлет находящихся на горе и у ее подножия запасных войск на помощь своим так страшно разбитым и преследуемым полкам, и не мог понять причину такого неожиданного оборота дела.

Уже на востоке забрезжили первые лучи утренней зари, и в их свете глазам русского полководца представилась ужасающая картина проигранной битвы. Осматривая местность в зрительную трубу, Меншиков убедился, что все его войско будет разбито наголову, если он немедленно не придет им на помощь. Поэтому он отдал приказ отступить части, находящейся еще у подножия горы, а артиллерии, находящейся на высотах, приказал направиться к среднему проходу на помощь отряду, который был окружен Олимпио.

Земля задрожала от пушечной пальбы, утесы содрогались от ужасного шума, пули уносили тысячи жертв. Французы и англичане общими силами напали на растерявшийся русский отряд и буквально его уничтожили.

Меншиков растерялся, слишком очевидна была гибель его войска, он не знал, на что решиться. Битва приняла такой оборот, какого русский главнокомандующий совершенно не ожидал. Он решил еще раз попытаться счастья и послал последний резерв, надеясь этой помощью поддержать мужество своей терпящей поражение армии и хотя бы на время задержать противника.

Но только на мгновение замолчали пушки, и сражение, казалось, затихло: Тут же опять возобновился его грозный гул, ядра летели с одной стороны на другую. Жуан, заменявший адъютанта около Канробера, принес ему радостное известие о том, что генерал Агуадо и Монтолон вполне достигли своей цели, частью разбив, частью взяв в плен неприятеля в среднем проходе. Русские же, прошедшие через узкий проход и находившиеся направо от английского лагеря, старались приблизиться к французам и соединиться с центром.

Меншиков льстил себя надеждой, что его вмешательство в битву принесет ему успех, поскольку свежие полки пока остановили противника. Великие князья, а вместе с ними и находящиеся на высоте генералы уже начали надеяться на скорую победу. Но тут неожиданно, на их глазах, Канробер, окруженный своим штабом, бросился в бой, чтобы поддержать свои уставшие от восьмичасового боя войска. Одновременно с ним двинулся на вновь прибывших русских Пелисье со своей дивизией, а следом за ним молодой генерал Мак-Магон, а также Фроссар, Боскет — со свежими и бодрыми войсками.

Это предприятие, казалось, должно было служить заключением битвы, но оно привело к ужасающему кровопролитию, грозившему левому крылу фланга русских неминуемой гибелью. Только центр, где находился русский полководец, уцелел.

Лейтенант Октавио указал на него Канроберу, и тот, быстро сообразив, в чем дело, закричал:

— Вперед, господа! — и первый ринулся в самый жаркий огонь.

Войска, увидев главнокомандующего в своих рядах, восторженно приветствовали его под неумолкающий гром пушек.

Тогда русские направили весь огонь на этот участок. В одно мгновение все, окружающие Канробера, частью были истреблены, частью рассеяны, один Октавио еще находился возле слепо рвавшегося вперед фельдмаршала.

Теперь Меншиков направил свою кавалерию против французов; это была рискованная игра, так как полки, против которых бросилась кавалерия, стояли крепко и встретили ее градом пуль.

Но, несмотря на убийственный огонь, русские эскадроны неслись к рядам французов.

Лейтенант был отделен русскими эскадронами от Канробера, которого они быстро окружили.

Октавио, правильно оценив опасность, которая угрожала Канроберу, с громким криком ринулся на неприятеля, несколько адъю-

тантов последовали за ним и стали дружно расчищать себе дорогу. Октавио лишился шпаги, но, схватив свой револьвер, вместе с адъютантами точной стрельбой сумел разогнать стрелков, находившихся в тылу Канробера. У него кончились патроны, и один из этих отважных офицеров подал ему свою шпагу взамен револьвера, и Октавио, как разъяренный лев, снова бросился в бой.

Таким образом он отбил своего фельдмаршала, и победные крики неприятеля заменились смертными стонами. Сверхъестественное мужество воодушевляло этого молодого человека, поражавшего своей отвагой как соотечественников, так и неприятеля; шпага его сверкала в лучах солнца, круша неприятельских кавалеристов, и через час Канробер был освобожден от окружавших его врагов.

Октавио, однако, не удовольствовался этим. Вместе с поспешившим к нему Жуаном и солдатами, воодушевленными его мужеством, он двинулся на колонны русских, производя страшное опустошение в их рядах.

Русский полководец также поспешил на поле сражения, воодушевляя свои войска. Все свои силы он сосредоточил на этом плацдарме и думал, что победа уже у него в руках.

Но Октавио, с удивительным мужеством бросившись в самую гущу бившихся с остервенением солдат той и другой стороны, ранил русского полководца.

В то же время неприятельский центр подвергся нападению с тыла полков Олимпио, и это положило конец кровопролитому сражению.

Русские войска начали отступать, и Октавио, сопровождаемый Жуаном, повел на них французов, которые с громкими криками преследовали ослабевшего неприятеля. К вечеру русская армия была окончательно разбита и обращена в бегство.

Победа была одержана — русские, преследуемые кавалерией союзников, скрылись за горой и за Севастопольским валом.

Олимпио и маркиз встретились и обнялись с Октавио и Жуаном у подножия горы, радости друзей не было предела. С особенным чувством Олимпио пожал руку своему маленькому товарищу, Жуану, сражавшемуся с мужеством, которому могли позавидовать и взрослые. Последние лучи заходящего солнца освещали картину встречи отважных героев-победителей.

К ним присоединился и Канробер, окруженный своим штабом.

— Я счастлив,— проговорил он, сойдя с лошади и пожимая руку Олимпио,— что вижу вас невредимым.

Сказав это, он подошел к Октавио, также соскочившему с седла.

Канробер снял с себя орден Почетного легиона и надел его на Октавио.

— Не сопротивляйтесь, молодой человек,— сказал он взволнованно,— я обязан вам своей жизнью! Не я, а вы герой Инкермана!

Октавио со слезами благодарности принял награду и обнял Жуана, Олимпио и маркиза, с радостью и гордостью за своего друга следивших за этой сценой.

Канробер произвел Жуана в офицеры и, возвратившись к войскам, приказал отслужить благодарственный молебен.

В ту же ночь известие о победе было передано во Францию с отправившимся туда кораблем. День этот был самым великим и для Октавио, и для его друзей.

ХІІІ

ВЕРСАЛЬ

Прежде чем мы приступим к рассказу о взятии Севастополя, которым закончилась кровопролитная крымская кампания, прежде чем продолжим описание разбойничьих подвигов Эндемо, вернемся в Париж, чтобы проследить за тем, что происходит с Долорес.

Начало грозившей ей интриги было уже описано нами.

Олимпио был совершенно уверен в безопасности своей возлюбленной, так как оставил ее на попечении осторожного и надежного Валентино.

Он знал, что этот уже не раз испытанный слуга, даже подвергаясь смертельной опасности, ни на мгновение не оставит Долорес без защиты. При других обстоятельствах он поручил бы ее испанской королеве, но теперь твердо надеялся на верного Валентино.

До Парижа доходили только редкие и очень скудные известия с театра военных действий. Пересылка писем была почти невозможна, так что сношения с армией по существу были прекращены.

Правительство, конечно, получало все нужные сведения, в том числе и относительно победы при Альме, известие о которой было встречено с величайшим восторгом.

Все тешили себя надеждой вскоре увидеть возвращение прославившихся войск после полного покорения гордой России! Но желание это не могло быть так быстро и легко исполнено, несмотря на то, что тюильрийские известия беспрестанно говорили о подвигах союзников.

Долорес не получала никаких известий от Олимпио, так что Валентино должен был употреблять все свое красноречие, чтобы утешить сеньору.

— Если бы наш уважаемый господин мог только видеть, до какой степени грустит о нем сеньора, — часто говорил он, — то, наверное, пришел бы в отчаяние, оставил бы свое войско и поспешил сюда обратно! Но недалеко то время, когда наш дон Олимпио, увенчанный лаврами, вернется к нам.

— О, как бы я хотела встретить этот день, Валентино, когда разлука больше не будет угрожать нам! Вы совершенно правы, говоря, что когда я так грущу и сокрушаюсь, то этим доказываю недостаток веры в милость Божию.

— Вы выплатите все ваши глаза, сеньора. Нехорошо! Что скажет на это наш благородный господин при своем возвращении!

— Сердце женщины облегчают слезы, Валентино. Когда я молюсь, когда я думаю о моем Олимпио, они невольно выступают на моих глазах.

— А так как вы постоянно думаете о нем, то постоянно и плачете! Рассейтесь же немного, сеньора Долорес; не прикажете ли подать вам экипаж?

— Нет, Валентино, мне здесь очень хорошо, потому что все напоминает о моем Олимпио! Вы также делаетесь веселее, когда приходите ко мне, чем когда сидите один. Я очень хорошо заметила мрачное выражение вашего лица, когда неожиданно вошла к вам.

— Ну да, сеньора, только не сердитесь на меня за это. Конечно, я хотел бы быть вместе со своим господином, и если б не был нужен вам, то никакие силы меня бы здесь не удержали.

— Я от всей души жалею об этом, Валентино!

— О, нет, сеньоре необходима защита, и потому я горжусь тем, что благородный господин мой именно на меня возложил эту обязанность.

— Действительно, добрейший мой Валентино, насколько тяжелее было бы мне, если б вы меня так усердно не утешали,— сказала Долорес, улыбаясь и протягивая руку своему верному слуге, который ее почтительно поцеловал.

— Вот это только и заставляет меня спокойно сидеть здесь. Вы, сеньора, сама доброта и сама любовь! Я с радостью бросился бы за вас в огонь и в воду, черт возьми!

Долорес оставалось только радоваться тому, что слуга даже в мыслях оставался верен своему господину.

Разговор этот был прерван старой дуэньей, вошедшей с известием, что какой-то знатный господин желает видеть сеньору.

— Он не говорит своего имени,— прибавила она,— и хочет довериться одной только сеньоре.

— Я не жду визитов. Видели вы когда-нибудь этого господина? — спросила Долорес.

Дуэнья ответила отрицательно и сообщила при этом, что незнакомый господин, должно быть, очень богат, потому что приехал в великолепной карете.

— Не желаете ли, сеньора, чтобы я предварительно поговорил с ним? — спросил Валентино.

Долорес согласилась с этим предложением, хотя старая дуэнья была очень недовольна:

— Как будто он больше меня понимает,— ворчала она, подавая в то же время вуаль своей сеньоре и провожая ее в гостиную.

Зоркий глаз Валентино не нашел, как будто, ничего опасного в пришедшем незнакомце, потому что при появлении своей госпожи он сразу растворил двери и просил гостя войти.

Последний действительно был незнаком Долорес. Он выразил желание поговорить с ней на том основании, что должен передать ей нечто важное.

Валентино остался в передней, ежеминутно ожидая звонка своей госпожи, а дуэнья удалилась в соседнюю комнату.

Лицо незнакомца, весьма примечательное, было окаймлено черной, кокетливо подстриженной бородой, одет он был в изящное штатское платье. По уходе слуги он приблизился к сеньору.

— Я должен извиниться перед вами, что принужден умолчать о своем имени, но так как обстоятельство это мало касается дела, то я надеюсь, что вы, милостивая сеньора, не будете на меня за это в претензии, в особенности после того, как я передам вам данное мне поручение.

— Садитесь, пожалуйста, милостивый государь, и будьте так добры сказать, чем я обязана чести вашего посещения,— проговорила Долорес своим приятным мягким голосом. Незнакомец ответил на это почтительным поклоном.

— Мне известно, что генерал Олимпио Агуадо вам очень близок, сеньора...

— Как,— вскричала обрадованная Долорес, и глаза ее заблестели,— вы принесли мне известие о любимом мною человеке? О, вы доставите мне этим невыразимое счастье!

— На мою долю выпала честь обещать вам приятное известие, но сообщить его я не имею права.

— Говорите скорей, любезнейший господин, где могу я видеть того, кто мне, наконец, передаст так давно ожидаемую весть с поля сражения?

— Храброму генералу дону Агуадо можно позавидовать: ваша любовь достойна преклонения, сеньора. Тот, кто не желает, чтобы другой принес вам радостное известие, сам не может прийти к вам в дом.

— Вы пугаете меня... Не Олимпио ли тот, о котором вы говорите? Не ранен ли он и не присланы ли вы для того, чтобы предупредить меня?

— Вы напрасно тревожитесь, с доном не случилось ничего плохого, причина, задерживающая вестника, совсем иная: мне поручено вас спросить, можете ли вы завтра после полудня прибыть в Версаль, чтобы там все узнать? Если да, то я буду иметь честь сам вас туда сопровождать.

— В Версаль? Благодарю за ваше любезное предложение, но...

— Вы меня не знаете, я понимаю ваши мысли, любезнейшая сеньора; при всем том я осмеливаюсь предположить, что вы не станете медлить, если я обещаю вам, что вы узнаете нечто приятное об уважаемом генерале; кроме того, дорогою в Версаль я смогу назвать вам свое имя!

— Вы окружаете все такой таинственностью, что я положительно прихожу в недоумение и не знаю, на что решиться,— проговорила Долорес в смущении.

— Не бойтесь ничего, любезнейшая сеньора, ваш слуга также поедет с вами, и я могу вас уверить, что вы несколько не будете раскаиваться в посещении Версаля.

— Завтра вечером?..

— Завтра после полудня позволю я себе пригласить вас в свой экипаж, далее вы уже все предоставьте мне. В Версале нас будет

ожидать карета, которая доставит нас во дворец. Вам все станет ясно, когда вы от самого вестника генерала Агуадо услышите долгожданное известие.

— Хорошо, я доверяюсь вам, любезнейший господин. Это обещание придает мне мужество; вы, кажется, сказали, что я могу взять с собой слугу?

— Конечно, любезнейшая сеньора, главная цель этого — ваше спокойствие.

— Вы возбуждаете мое любопытство.

— Завтра в четыре часа я буду иметь честь опять явиться сюда, — сказал в заключение незнакомец. Он встал и прибавил, — я счастлив, что получил ваше согласие! До завтра!

Долорес ответила на любезный поклон незнакомца и осталась в очень встревоженном состоянии.

— Что все это значит, — думала она, сидя одна в гостиной, — что придется мне услышать? Долорес, ты должна довериться незнакомцу — лицо его выражает радость. Как продолжительны покажутся мне часы до отъезда!

— Валентино, — сказала она вошедшему слуге, — завтра утром мы должны ехать в Версаль, чтобы получить известие о доне Олимпио!

— В Версаль? В таком случае, это, наверное, правительственная депеша, — с серьезным видом ответил Валентино, — но я не смог узнать, кто этот господин. Он как будто знаком мне, я его где-то видел, но имени никак не могу припомнить! Я было попробовал расспросить о нем у кучера и слуги, но и те отвечали мне, что знают о нем столько же, сколько и я.

— Вы будете меня сопровождать, так решено, Валентино.

— В таком случае нечего бояться, сеньора, я прав! Наверное, получена тайная депеша, и в ней, вероятно, есть известие и о нашем благородном господине, которое и хотят вам передать!

— Я, кажется, не дождусь этого, Валентино!

— Гораздо лучше было бы, если б мы сегодня же поехали, а то вам, сеньора, очень долгим покажется ожидание. Меня также мучает любопытство! Пресвятая Богородица, помоги, чтобы известие было только хорошее!

Медленно проходило время. Долорес не спала всю ночь, мучаясь неизвестностью.

С наступлением дня старая дуэнья вошла в спальню Долорес и застала ее занятой выбором платья. Наконец, она надела темное шелковое платье, накинула теплую мантилью, а волосы прикрыла испанской вуалью, которая, надо сознаться, очень шла ей.

Около четырех часов подкатил экипаж приехавшего за нею незнакомца. Валентино сел на козлы, между тем как сеньора вместе с безукоризненно одетым господином поместилась внутри кареты, обитой шелковой материей. Лошади тронулись и понеслись по дороге к вокзалу.

Незнакомец был в высшей степени внимателен и любезен, однако ни слова не проговаривался об ожидаемом известии. Об имени

своем он также упорно молчал, а Долорес, в свою очередь, не хотела показаться любопытной.

Когда приехали на вокзал, Валентино заметил, что вся прислуга низко кланяется незнакомцу и, безусловно, ему повинуются.

В поезде, готовившемся отправиться в Версаль, находился императорский вагон, в который незнакомец ввел сеньору.

Вагон этот состоял из нескольких комнат. Валентино, не задумываясь, вошел в одну из них, стремясь во что бы то ни стало быть поблизости от своей госпожи.

Долорес чувствовала себя несколько стесненно в золотом, роскошно убранном купе. Она все еще не могла понять, что означает эта поездка, все выглядело так странно и таинственно, что чем далее она подвигалась, тем больше закрадывалось в ее душу какое-то неведомое опасение.

Незнакомец, севший против ее желаний вместе с нею в вагон, занимал ее разными разговорами. Взглянув неожиданно в его сторону, она заметила промелькнувшую на его лице усмешку и невольно подумала, не угрожает ли ей измена. Сердце ее сильно забилося, и она уже раскаивалась в том, что согласилась на приглашение незнакомца, но потом стала успокаивать себя тем, что получит известие об Олимпии и сейчас же вернется в Париж!

Версаль находится в 3,5 милях от Парижа. Поезд пролетел у подножия Мон-Валерьен и въехал в Версаль. Последний обязан своему значению прихоти Людовика XIV. При нем летнее местопребывание королей сначала находилось в Сен-Жермене, но затем король отказался от него, так как вид Сен-Дени — могилы королей — нарушал его спокойствие. Король этот не любил думать о кратковременности жизни, поэтому и воздвиг Версальский дворец с его прекрасным парком, истратив на это 400 миллионов франков; наследники его также полюбили Версаль.

Все, что только может доставить искусство, служа наслаждению, находилось в этом месте. Великолепие дворца, его бесчисленные залы, одна другой богаче и красивее, поражали воображение.

Щегольский экипаж, ожидавший Долорес и незнакомца, привез их в сопровождении Валентино ко дворцу и остановился у Ла-Шапелья, где слуги опрометью бросились их встречать.

Уже вечерело, и свежий осенний воздух, напоенный ароматом отцветающих роз и душистых цветов померанцевых деревьев, охватил Долорес, выходящую из кареты.

Незнакомец провел ее через несколько зал, причем она держалась на известном расстоянии от него. Тем не менее, проходя по этим залам, она не могла не восхищаться наполнявшими их произведениями искусства и всем их убранством.

— Я обещал вам, многоуважаемая сеньора, дорогой открыть свое имя. Мы уже приближаемся к своей цели, и потому я хочу выполнить свое обещание...

— Вы подстрекаете мое любопытство, милостивый государь!

— Итак, я обер-камергер Бациоши и совершенно счастлив, что мог быть вашим кавалером!

— Господин обер-камергер Бациоши? — повторила Долорес.— Что же все это значит?

— Потрудитесь войти в эту комнату, и через несколько минут вам будет все известно!

При этом Бациоши, проводив Долорес через всю галерею Людовика XIV, сверкающую золотом и зеркалами, открыл дверь в комнату, известную под названием «Oeil de Voeuf» — «Бычий глаз» — и пригласил ее войти. Свое оригинальное название эта комната получила от круглого окна, через которое в нее проходил свет. Когда-то комнату эту занимали придворные Людовика XIV, и она служила центром всевозможных интриг и сплетен.

В ту же минуту, как Долорес в нее вступила, в галерее послышалась перебранка, возникшая между Валентино и находившимися там камердинерами, которые не пропускали его дальше.

— Что там происходит? — спросила со страхом Долорес.— Там оскорбляют моего слугу!

— Не беспокойтесь, любезнейшая сеньора, я спешу туда, чтобы усмирить их,— возразил Бациоши.— Будьте так добры, сядьте на этот диван, сейчас вы все узнаете.

— Мне приятнее было бы уехать отсюда,— ответила она.

Обер-камергер пожал плечами.

— Мне поручено было привести вас сюда,— сказал он, раскланиваясь, и, выходя из комнаты, крепко затворил за собой дверь.

Долорес осталась совершенно одна в этой довольно тускло освещенной комнате; сердце ее сильно билось, и ей было так страшно, как будто ее ожидало нечто ужасное.

— Пресвятая Богородица,— шептала она, сложив руки,— мне страшно, я должна непременно уйти отсюда, но как я найду дорогу через все эти залы?..

Внезапно отворилась высокая, богато украшенная дверь, ведущая в спальню Людовика XIV, и в ней появилась как бы тень этого ненасытного короля, как бы для того, чтобы заманить прелестное существо, привезенное Бациоши, в роскошный покой с многочисленными потайными дверями, мягкими оттоманками, прекрасными картинами и статуями.

Долорес слегка вскрикнула, но подошла к отворившейся двери, вообразив, что это вернулся обер-камергер.

— Пощадите меня, я не хочу здесь оставаться, выведите меня отсюда, обстановка эта душит меня.

С этими словами Долорес приблизилась к стоявшему в тени дверей и внезапно вскрикнула:

— Государь!

— Не бойтесь, сеньора,— сказал Луи Наполеон, протягивая руку отшатнувшейся Долорес, чтобы ввести ее в комнату, из которой вышел.— Будьте так добры, идите за мной. Я пригласил вас сюда для того, чтобы сообщить приятную для вас новость!

— Какая неожиданность, я и не предчувствовала такой чести, Ваше величество,— проговорила Долорес.

— Я виноват перед вами,— сказал Луи Наполеон тихим и мягким голосом, вводя дрожащую Долорес в слабоосвещенную спальню Людовика XIV.

В это время по улице ко дворцу приблизился экипаж с мягкими шинами на колесах, не производящих никакого шума, и остановился у заднего подъезда дворца. Сидевший на козлах лейб-егерь открыл дверцу, и из экипажа вышли две дамы, лица которых были старательно закрыты вуалью.

Одна из них, вся в черном, быстро подошла к запертой двери, уже держа нужный ключ в своей маленькой руке.

У этой двери не было никаких слуг, и отсюда через разные боковые ходы можно было пройти в комнату «Бычий глаз» и к одной из потайных дверей спальни. Людовик XIV часто прибегал к этому ходу, чтобы незаметно уходить из дворца.

Женщина в черном, отворив дверь, пропустила в нее сначала свою спутницу, высокую женщину с гордой осанкой, потом вошла вслед за нею.

Егерь остался за дверью.

— Я не понимаю, чем заслужила я ваше внимание,— сказала Долорес, входя вместе с императором в обширный красивый покой.

— Вы сейчас все узнаете,— ответил рыцарским тоном Луи Наполеон, подводя Долорес к одному из диванов.— Прошу вас садиться! Я бы охотно сам был приятным вестником, но...

— Я очень смущена, Ваше величество.

— Никто нам не помешает, сеньора, никто не знает об этом! И император еще раз пригласил Долорес сесть на диван.

— Меня трогает такая честь со стороны Вашего величества, но я решительно не понимаю, чем заслужила ее.

— Вашей красотой, вашим умом и возвышенной душой. О, я знаю вас уже несколько месяцев и наконец-то могу видеть вас так близко.

Луи Наполеон сел на диван около Долорес.

— Мне страшно, Ваше величество.

— Известие, касающееся генерала Агуадо, успокоит вас. Но разгонит ли оно озабоченное выражение вашего очаровательного лица? Долорес сложила руки.

— То, что вы мне передадите об Олимпио, осчастливит меня,— сказала она, опустив глаза.

— Счастливец! Вы очень его любите?

— Я живу только для Олимпио, Ваше величество.

— Хотел бы я быть на его месте, хотя бы только на один час! Вы понимаете, что император тоже может иметь свои желания! Генерал Агуадо отличился в сражении при Альме, и я бы желал удостоить его знаком моей милости и благодарности!

— О, как вы добры, Ваше величество! — сказала Долорес, и голос ее звучал глубоким чувством благодарности.

Луи Наполеон не спускал глаз со своей прекрасной гостью.

— Я пригласил вас сюда для того, чтобы спросить вас, какую награду хотел бы получить от меня генерал? День этот был бы для

меня вдвойне памятным — признательностью к моему мужественному Агуадо и уважением моим к вам!

Сказав это, император взял маленькую, нежную, слегка дрожащую ручку Долорес.

— Ваше величество! — отшатнулась она.

— Не покидайте меня, сеньора, не вырывайтесь от меня!

— Если вы желаете оказать мне милость, Ваше величество, то милость эта состоит в том, чтобы вы позволили мне немедленно возвратиться в Париж.

— Просите у меня все, что хотите, но только не ускорения конца нашего свидания. Будьте благосклонны! Дайте мне признаться вам, что я не нахожу спокойствия с той самой минуты, как увидел вас!

— Заклинаю вас, оставьте меня, Ваше величество!

— Мы совершенно одни, сеньора, подобный час, может быть, никогда не повторится! Я должен, наконец, признаться вам, что вы покорили мое сердце своей красотой,— говорил между тем Наполеон, придвигаясь к Долорес и хватая ее за руки.

— Отпустите меня, Ваше величество, умоляю вас!

— Я не могу, потому что люблю тебя, прекрасное создание! Знай, я на все согласен, только не покидай меня!

Он хотел было обнять прелестную девушку, но та быстро вскочила... Лицо ее было бледно от испуга, и она бросилась к двери, в которую ее ввел Наполеон. Он поспешил за ней, снедаемый своей разгоравшейся страстью.

— Здесь нет выхода, все двери заперты,— тихо проговорил он.

— Пресвятая Богородица, что же мне делать?.. Откройте двери, или я позову на помощь, Ваше величество!

— Никого нет поблизости, я один только могу вам помочь,— сказал император, подойдя к Долорес и стараясь вернуть ее к дивану.

Наступила ужасная для нее минута! Быстро осмотрела она комнату, ища спасения; она чувствовала, что ей надо было бежать, бежать во что бы то ни стало, но каким образом?

Несмотря на свою растерянность, она все же вырвалась из рук императора и, увидев поблизости небольшую дверь, не думая о том, куда она ведет, схватилась за золотую ручку.

Дверь поддавалась ее движению — испуг придавал силы Долорес. Открыв дверь, она увидела слабоосвещенный и украшенный цветами проход. Она повернула ручку, заперев дверь за собой, и поспешила вперед; в находившемся поблизости темном коридоре ей послышался шелест платья. Но Наполеон не последовал за нею. Ей казалось, что она спасена, но, однако, куда приведет еще этот путь?

В конце хода она увидела высокую и широкую дверь, но дверь эта была заперта.

Тогда она устремилась в темный коридор. Она находилась точно в лабиринте, но торопливо стремясь все вперед, надеялась, наконец, достигнуть выхода.

Ею овладел смертельный страх, дыхание ее замерло. Куда направиться теперь из этого темного хода? Она уже хотела звать

на помощь, но внезапно опять услышала шелест платья, Долорес остановилась...

— Сжальтесь, — сказала она, — кто бы вы ни были, выведите меня отсюда.

Это была дама, одетая в черное, которую мы прежде видели с другой женщиной и которая теперь приблизилась к ней.

— Следуйте за мной, — сказала она тихо.

Долорес благодарила Бога, что нашла кого-то, кто выведет ее из этого страшного лабиринта.

Спасительница взяла ее дрожащую руку и повела по темному коридору.

Они пришли к двери, которую провожатая отворила, и Долорес вступила в большую светлую комнату, в глубине которой стояла высокая дама под вуалью. Дама в черном снова заперла дверь.

Ни одно слово не было произнесено между ними. Дама, стоявшая в глубине покоя, оставалась неподвижна. Провожатая Долорес, лицо которой невозможно было разглядеть под густой темной вуалью, провела ее через несколько зал.

Наконец, они достигли главного входа.

Здесь Валентино ожидал Долорес. У подъезда стояла карета. В ту же минуту, как Долорес с незнакомой дамой сели в карету и Валентино, обрадованный возвращением своей госпожи, вскочил на козлы, карета с бесшумными шинами почти неслышно отъехала от дворца. В ней сидела та же высокая дама, мимо которой за несколько минут перед тем прошла Долорес.

Бедная девушка благодарила Бога, что, наконец, оставила дворец.

Все только что пережитое ею казалось ей каким-то страшным сном.

— Хотя я не знаю, кто вы, но должна выразить вам свою душевную благодарность за то, что вы с такой готовностью вывели меня из этого лабиринта, — сказала она искренне.

Незнакомка ответила с холодной важностью:

— Я провожу вас до вашего дома, сеньора.

Эти слова, произнесенные на испанском языке, еще более расположили к ней Долорес.

— О, так вы тоже испанка! — воскликнула она радостно. — Я узнаю по вашему произношению, что вы из Андалузии, как вас зовут?

— Меня зовут Инессой, — ответила дама, — и я бы хотела почаще видеться с вами.

Как ни холодно и таинственно было поведение незнакомки, ее испанское происхождение произвело такое сильное впечатление на Долорес, что по возвращении в Париж, расставаясь с ней перед своим дворцом на Вандомской площади, Долорес сердечно просила ее бывать у себя.

Эта встреча несколько смягчила тяжелое впечатление Долорес от приключения в Версальском дворце. Она ничего не сказала Валентино, думая, что раз и навсегда разрушила планы Наполеона и теперь будет свободна от его преследований.

Валентино, рассказавшему ей, как невежливо приняли его в галереях замка, она попросила, если еще раз явится этот обер-камергер, даже не докладывать о нем, а просто вежливо отказать в приеме. Этим она надеялась избежать каких бы то ни было неприятных для нее отношений.

Но она не подозревала, какие тяжкие последствия повлекут за собой события этого вечера...

XIV

МАЛАХОВ КУРГАН

Блестящая победа при Инкермане не принесла союзникам ожидаемых результатов.

«Страдания и нужды росли, — пишет профессор Вебер, — и нужно было решиться остаться здесь зимовать».

Если подумать о пространстве, отделявшем воюющих от Франции и Англии, и о том, что для зимовки не было сделано никаких приготовлений, если прибавить к этому, что уже несколько недель как наступили бури и ливни, которые затопляли палатки, то и тогда можно получить лишь слабое представление о страданиях и нуждах войск, сражавшихся в неприятельской стране.

Действительность превосходила все представления.

Недостаток теплой одежды, продуктов питания, отсутствие каких-либо удобств в лагерной жизни при холодной и сырой погоде, в неутепленных палатках без навесов — все это породило различные болезни и приготовило богатую жатву холере, лихорадке и кровавому поносу.

Больше всех страдали турки и англичане. У последних обнаружили большие недостатки в управлении, что еще усугубило несчастья армии. Часть зимней одежды утонула с пароходом «Принц», другой корабль с теплым платьем сгорел у Константинополя.

Сестры милосердия и английские девицы, из которых назовем только одну, мисс Нигтинагл, полные благородного самопожертвования, старались облегчить воинам страдания, причиняемые войной, голодом, холодом и болезнями.

Медлительность, с которой велись военные действия против Севастополя, побудила русского императора к решительному сопротивлению. Он отверг предложенные ему условия мира, хотя следствием этого было открытое присоединение к союзу других западных держав, и Сардиния послала в Крым отряд в 15 тысяч человек под начальством генерала Ламармори.

С наступлением 1855 года и Англия, по настоянию Пальмерстона, стала действовать решительнее и продолжала войну более энергично. Были подвезены припасы, поредевшие полки пополнились новыми отрядами, и военные снаряды спешно подвозились на кораблях.

Французские войска тоже активизировались, и русский государь напрягал все усилия, чтобы противостоять союзникам. Благодаря ополчению, он получил возможность отправить в Крым многочисленное войско, но трудный и долгий путь через заснеженные поля требовал огромных жертв и замедлил их прибытие. Нападение на Евпаторию, предпринятое генералом Хрулевым, было отбито храбрым турецким гарнизоном под командованием Омер-Паши.

Вскоре России постигло несчастье — 18 февраля 1855 года умер император Николай. На престол вступил его сын, Александр II, человек гуманный и с благородными стремлениями. Однако, несмотря на его миролюбие, честь нации и уважение к усопшему императору требовали, чтобы эта война, которая уже унесла более 25 тысяч человек, продолжалась, точно так же, как честь Франции требовала славного разрешения кровавого столкновения.

В январе Наполеон III послал в Крым артиллерийского генерала Нила и опытного военного инженера. Севастополь необходимо было взять, и Нил быстро определил тот слабый участок, на котором следовало повести решительную атаку. Следуя его советам, французы старались с помощью траншей и окопов приблизиться к южному предместью города, но встретили сильные укрепления, рвы и подземные ходы, которые вели к неприступному наружному укреплению, так называемому Малахову кургану.

Войска и укрепления протянулись на громадное расстояние.

Силы противников были огромны. С включением турок численность союзной армии достигла 175 тысяч человек, русская армия имела более 150 тысяч. В оружии, боевых снарядах и военных талантах одна сторона не уступала другой.

Место Меншикова заступил князь Горчаков.

В то время, как на полях перед севастопольскими укреплениями днем и ночью лилась кровь, часть союзного флота отплыла в Азовское море, чтоб уничтожить продовольственные запасы русских в портовых городах Керчи, Еникале и Таганроге.

Осадные работы подвигались очень медленно, потому что на каждом шагу приходилось выдерживать жаркие схватки и сталкиваться с новыми укреплениями и минами. Генерал Канробер, действовавший сообща с Рагланом, не обладал столь железным характером, чтоб с неумолимой последовательностью без всякого уважения к человеческой жизни стремиться к победе. К тому же он был в не слишком хороших отношениях с английским комендантом, и поэтому просил об увольнении от должности главнокомандующего. Командование принял генерал Пелисье, представивший в Африке устрашающие доказательства своей безжалостной энергии.

С благородным самоотвержением Канробер подчинился приказаниям своего бывшего подчиненного, после того как Октавио, называвшийся по матери графом д'Онси, увенчанный славой, был послан им с этим известием во Францию.

Скоро обнаружили последствия этой перемены.

Несмотря на то, что тысячи пали жертвами неприятельского оружия и ярости холеры, траншеи были подведены к самым неприятель-

тельским окопам и отдельные небольшие укрепления были разрушены.

Но приступ, предпринятый союзниками 18 июня, в день сражения при Ватерлоо, был отбит со страшными потерями для наступающих.

Десять дней спустя лорд Раглан умер от холеры; генерал Симпсон принял начальство над англичанами, а 11 июля французская пуля сразила русского адмирала Нахимова в то время, как он осматривал укрепления Севастополя.

Смерть от пуль и болезней одинаково косила всех, как солдат, так и начальников. Брат сардинского генерала Ламармора также погиб от холеры.

Нужно было во что бы то ни стало на что-нибудь решиться, чтоб прекратить все эти ужасы кровопролитной войны.

Пелисье с неутомимой энергией осуществлял свой план, состоявший в том, чтобы возвести траншеи плотно до самых окопов и таким образом, как тисками, охватить укрепления противника. Попытка Горчакова фланговым нападением со стороны Черной речки прорвать неприятельские линии была тщетна и кончилась отступлением с большими потерями, между тем как генерал Фоше в тылу русских удержал берег реки и мост.

Теперь французы удвоили свои усилия. С 17 августа нападения непрерывно продолжались, чтобы не давать русским возможности восстанавливать разрушенные укрепления, число защитников валов уменьшалось под непрерывным градом пуль.

И тем не менее Пелисье видел, что Севастополь, и в особенности Малахов курган, в состоянии выдержать штурм. Потери союзников также росли день ото дня.

В это время в одной из наскоро выстроенных траншей нашли подземный ход, который, без сомнения, вел на страшный Малахов курган. Это было довольно узкое отверстие под кустарником, который французы использовали, чтобы скрыть свое наступление.

Про находку услышал генерал Агуадо и вызвался в сопровождении маркиза де Монтолона на следующий же день пройти по этому подземному ходу, чтоб, по возможности, исследовать, используя его, укрепления и расположения неприятельских войск внутри наружного укрепления, имевшего вид башни.

Пелисье мало надеялся на эту тайную операцию, так как думал, что русские давно загородили этот ход и даже напомнил смельчаку о тех опасностях, с которыми был сопряжен такой план. Олимпио, однако, решил привести его в исполнение, а маркиз так горячо его поддерживал, что Пелисье, наконец, согласился.

Многие офицеры штаба, услышав об этом деле, просили позволения провожать Олимпио, но он вежливо отказывал им, говоря, что с числом людей увеличивается и опасность, и успех становится сомнительнее.

Таким образом, весть о предстоящем смелом предприятии распространялась по лагерю.

Бомбардировка окопов, продолжавшаяся непрерывно целый день и вечер, с наступлением ночи ослабела, но все еще так сильно

беспокоила русских, среди которых ядра производили страшные опустошения, что они не прекращали укрепление всех валов.

Между тем две фигуры подкрадывались к траншее, под которой стал уже заметен вход, прикрытый густыми кустами. Ров был пустым и никем не занятым.

Когда эти люди достигли места, от которого можно было свободно войти в кустарник, они осторожно осмотрелись. Один из них, одетый в офицерский мундир, подошел ко входу и стал прислушиваться. Не слышно было ни малейшего шума.

— Их еще нет здесь, Джон,— тихо сказал он своему спутнику, который рассматривал кустарник сверху. Кусты были воткнуты в землю, образуя подобие фальшивой изгороди.

— Ладно будет, ваше сиятельство,— прошептал тот.— Нам не понадобится даже оружия, если только они не поставят караульных постов.

— Ты думаешь, что мы заманим к себе выстрелами артиллеристов? — сказал стоящий у входа, в котором наш читатель уже, верно, узнал мнимого герцога.— Если мы засядем в засаду и в то же мгновение, как они вступят во вход, выстрелим в них, они, без всякого сомнения, пропали, и мы сможем, пользуясь темнотой, безопасно улизнуть, прежде чем подоспеют канониры.

— Очень хорошо, ваше сиятельство, но все-таки не будем здесь медлить. Наверху я предложил бы вам мой план, и готов держать пари, что он вам понравится.

— Влезай, я последую за тобой. Мне кажется, я слышу в соседних рвах приближающийся голоса.

Англичанин с огромным носом тихо и осторожно достиг края рва, Эндемо следовал за ним с ловкостью кошки.

Вслед за тем оба исчезли в кустарнике. Они легли на землю так, что могли сверху видеть все, что происходило под ними во рву.

Французские пушки с небольшими перерывами все еще гремели, земля вокруг дрожала от выстрелов. С валов соседней крепости на них слабо отвечали.

Было так темно, что о том, чтобы точно прицелиться, нельзя было и думать, можно было только держась прежнего направления, стрелять наудачу.

Раскаленные ядра разрезали воздух, но место, где находился подземный ход, лежало в стороне, так что снаряды падали в отдалении и зарывались в землю. Там и сям они повреждали батареи союзной армии, тогда как ядра последней беспощадно разрушали окопы русских.

Прошло с четверть часа, как двое засели в засаду.

Через один из поперечных рвов к ним приближались три шедшие одна за другой фигуры.

Впереди шел Олимпио, за ним маркиз Монтолон, а шестивие замыкал только что испеченный лейтенант — маленький Жуан Кортина. Он нес потайной фонарь, который слабо освещал идущих. Они пробирались между высокими земляными валами, не произнося ни слова.

— Проклятие,— прошептал Эндемо Джону,— они взяли с собой третьего!

— Мы и с ним справимся. Надеюсь, что он со своим фонарем проведет их прямо в ад!

В это мгновение Олимпио, который обладал очень тонким слухом и приблизился уже на десять шагов к подземному ходу, различил шуму канье и застыл на месте.

— Мне кажется, что я слышал голоса,— тихо сказал он маркизу.

— Тебе показалось, это шелест листьев доносится к нам ветром. Вблизи никого нет. Или ты думаешь, что какой-нибудь отважный русский обход проник в подземелье?

— Нет, нет, это невозможно! Наши форпосты с наступлением ночи подвинулись вперед на сто сажений. Они миновали эту местность, чтобы скрыть от русских открытие входа,— возразил Олимпио.— Не будем медлить. Жуан, дай фонарь! Ты останешься здесь караулить вход и не оставляй его ни в коем случае. Если услышишь выстрелы во входе — зови окружающие посты.

— Положитесь на меня. У меня есть ружье и пистолет. Извольте фонарь.

— Прощай, Жуан,— сказал Олимпио, вступая в проход, между тем как маркиз, следуя за своим приятелем, также пожал Жуану руку.

— С Богом! До свидания,— он им вслед.

Вокруг было темно; опершись на земляную стену рва, Жуан стал всматриваться в темноту.

Погода стояла приятная и теплая. Даже в глубоких траншеях, где обычно бывает влажно и свежо, теперь, после жаркого дня, веяло приятной теплотой.

Жуан думал о своей доброй тете Долорес, об опасности, которой подвергались Олимпио и маркиз, и о предстоящем штурме крепости. Он думал также о принце Камерате, который по желанию Канробера возвратился во Францию, чтоб там выступить под именем Октавио д'Онси. Он хорошо знал опасность, которой подвергся принц, будучи в Париже, если бы его там узнали, но посмеялся над этим, вспомнив, как военная жизнь переменяла принца, сделав очень смуглым его лицо.

Вдруг над ним что-то зашевелилось. Жуан очнулся от своих грез и отступил назад, ко входу, чтобы взглянуть на верх траншеи. Оружие держал в руках наготове.

— Кто там? — спросил он тихо.

Ответа не было.

Жуан приблизился к месту, откуда можно было взобраться наверх: он хотел убедиться, есть ли здесь поблизости форпосты или солдаты.

Когда он влез наверх, гром пушек с обеих сторон стал еще слышнее, и это была большая удача для негодаев, сидящих в засаде. Страшное зрелище летящих снарядов приковало все внимание Жуана, так что он удовлетворился только беглым осмотром окружающей местности. Не заметив ни одной человеческой фигуры, он еще несколько минут прислушивался к пушечной пальбе.

Повернувшись, чтобы спуститься в глубокую темную траншею, Жуан вдруг услышал сзади какой-то шум и в испуге обернулся. Он увидел очень близко за собой приподнявшегося с земли человека, который взмахнул оружием, намереваясь хватить его прикладом по голове, в то время как он почти до плеч был уже за земляной стеной.

Мгновенно поняв опасность, Жуан, не теряя присутствия духа, попытался полностью спрятаться за стеной, но слуга Эндемо был проворнее его — приклад опустился на голову Жуана. Со слабым криком тот, окровавленный, упал в траншею, увлекая за собой куски земли и глины.

Кругом царила мертвая тишина, никто не слышал крика изменчески убитого мальчика, а Джон поспешил к убитому и оттащил его в сторону под стену траншеи и, бросив на землю, поспешил к Эндемо.

— Все идет благополучно, — сказал он сдавленным голосом, — приступим к делу, ваше сиятельство. Когда мы заделаем вход, оба должны будут там или умереть с голоду или сдать неприятелю. С ними скоро справятся!

План мошенника-слуги был ужасен: страшная, верная смерть ожидала обоих друзей, не подозревавших о такой опасности.

— Я помогу тебе, Джон, — сказал Эндемо, — у меня хватит сил, чтобы работать над могилой ненавистных мне людей! На этот раз они не уйдут от нас!

— У нас еще два или три часа впереди, за это время мы успеем выбрать камни, и тогда без всяких усилий с нашей стороны земля сама обрушится. Господа эти, попав в яму, нескоро возвратятся!

— А есть ли внизу какое-нибудь орудие? — спросил Эндемо, нагибаясь над земляной стеной.

Слуга с широким собачьим лицом вынул из-под кафтана короткий крепкий кинжал и показал своему господину:

— Он может служить заступом; ваше сиятельство будет караулить наверху, пока я не подам знака, тогда можно будет приступить к делу.

— Скорее к работе! Никто не узнает, кто виноват в обвале. Его припишут случаю, какому-нибудь случайному сотрясению. Пропали вы у меня оба! Для вас больше нет возврата! Туда вы легко вступили, назад — никогда! Долорес, ты моя! Наконец-то я достигну своей цели! — ликовал про себя мнимый герцог.

Он услышал, как слуга его начал уже свою работу и осторожно отошел от опасного места.

Джон прошел по проходу около десяти шагов и начал свою работу. Камни нетрудно было извлекать из рыхлой от сырости земли и скоро с помощью кинжала он сделал отверстие, расширяющееся к выходу. Он с осторожностью вел подкоп с двух сторон, чтобы земля легче обрушилась. Хотя цемент и куски земли падали ему прямо в лицо, он не обращал на это внимания, работая в темноте ночи почти наощупь. Слуга Эндемо обладал замечательной ловкостью и удивительным терпением, когда нужно было совершить какое-

нибудь злодеяние; он знал щедрость своего хозяина в таких случаях и предвкушал награду.

Через час только пять шагов отделяли его от выхода — половина работы была сделана.

Когда он откапывал очередной камень, та часть стены, которую он уже успел подрывать, вдруг с сильным треском упала и засыпала вход. Джон отскочил.

— Это совершилось скорее и легче, чем я ожидал, — прошептал он.

Он поторопился — камень за камнем падал на основание прохода и через несколько времени даже внешняя его часть обрушилась.

Мошеникам отлично удалось выполнить свой план...

XV

В ПОДЗЕМНОМ ХОДЕ

Олимпио пошел вперед, маркиз следовал за ним шаг за шагом. Было так узко и тесно, что они не могли идти рядом, а Олимпио приходилось даже немного нагибаться.

Воздух в проходе был сыр и заражен гнилью, запах которой все более усиливался.

Там и сям безобразные слизи ползали по стенам, и различного рода черви прятались в трещинах и щелях.

Проход был очень длинен, и мнение Олимпио, что он ведет до самого Малахова кургана, казалось, оправдывалось.

Маркиз дотронулся до плеча шедшего впереди Олимпио.

— Нужно потушить фонарь, — сказал он, — если газы воспламятся, они взорвут проход, и мы погибнем без всякой пользы для дела.

— Черт возьми, ты прав, я об этом не подумал. Но, — продолжал Олимпио, остановившись, — продолжать путь без света, кажется мне, опасно.

— Мы должны идти осторожнее, чтобы не попасть в воду или что-нибудь подобное. Смотри сюда, по проходу только что проходили русские.

Клод нагнулся и поднял немного заржавевший патронташ, который, без сомнения, бросил какой-нибудь русский.

— Если так, то мы можем, кажется мне, без опасения идти дальше, — сказал Олимпио. — Еще одно, Клод. Если я не выйду из этого прохода на свет Божий, поручаю тебе заботиться о моей Долорес! Не оставляй ее и скажи ей, что я ее любил и был ей верен до смерти. Ты согласен?

— Если я останусь в живых, Долорес будет для меня святым завещанием, которое я от тебя получаю! Ты знаешь меня, Олимпио!

— Благодарю тебя, теперь — вперед! Да защитит нас Матерь Божия.

Олимпио потушил маленький фонарь и спрятал под одеждой. Вокруг них стало темно, как в гробу.

Пятнадцать футов под поверхностью земли, отрезанные зверским преступлением мнимого герцога и его слуги от мира, они все дальше и дальше проникали в сырой, узкий и низкий проход.

Если бы им, как они надеялись, удалось счастливо выбраться из этого полного опасностей прохода, если бы они никем не замеченные достигли среди ночи Малахова кургана, на который и было обращено все их внимание, и разузнали о силе и расположении укреплений, они сослужили бы своей армии великую службу.

Пелисье мало думал о людях, этот человек способен был при штурме без всякого сожаления жертвовать тысячами жизней.

Олимпио и маркиз рисковали своей жизнью, чтобы помочь победе.

Благое намерение, которое их воодушевляло, увеличивало их силы, энергию и отвагу, не останавливающуюся перед любой опасностью.

Медленно подвигались они к проходу, ощупывая руками стены. Вдруг они почувствовали, что последние с обеих сторон образуют углы.

— Здесь две дороги,— сказал Олимпио, понижая голос и ощупывая руками стены вокруг себя,— они ведут к наружным укреплениям кургана. Через несколько минут мы будем у наших врагов.

— Если б они знали наш план, то могли бы легко отрезать нам возвращение. Они могут сзади разрушить проход и потом напасть на нас,— высказал маркиз неожиданную мысль.

— Черт возьми, Клод, это было бы скверно,— возразил Олимпио, который до сих пор не подумал даже о такой возможности.— Не хотел бы я быть похороненным в этой проклятой яме! Но что это? — сказал он вдруг, сделав несколько шагов дальше.

Олимпио наступил на какой-то предмет, лежавший около самой стены прохода, и чуть не упал.

«Что здесь за скверный запах»,— подумал в то же время маркиз.

Олимпио нагнулся и твердой рукой пощупал что-то, лежавшее у стены: он подумал сначала, что это зверь, устроивший здесь свое логово, но в ту же минуту отскочил назад, чувствуя дрожь во всем теле.

— Черт возьми,— прошептал он,— это человек, и он, кажется, уже разлагается. Будь что будет, я зажгу фонарь. Мы должны видеть, что нашли!

— У тебя есть спички?

— Вот они.

— Подойди немного поближе к поперечной дороге, там воздух лучше.

Олимпио последовал совету и попробовал при помощи огнива зажечь спичку.

— Они отсырели,— сказал он сердито, бросив третью незажесшуюся спичку.

Наконец, одна спичка зажглась, и Олимпио, засветив фонарь, вместе с маркизом подошел к трупу.

— Наполовину истлевший русский солдат, — бормотал он не без отвращения.

— Бездельники не потрудились даже вынести труп из прохода.

— Он, должно быть, уж долго лежит. Но смотри сюда, — Олимпио осветил место, где лежала голова мертвого. — Он погиб в воде, это видно по его почерневшему и распухшему лицу.

По телу маркиза пробежала дрожь.

— Если его не внесли сюда, чего нельзя предполагать, то в этом проходе была вода. Мне эта мысль уже прежде приходила в голову, — сказал он.

Олимпио выпрямился и посмотрел в лицо своему старому другу.

— Так ты думаешь, что этот проход может заполняться водой из рвов, и что солдат, застигнутый волнами, погиб здесь? — медленно проговорил он.

— Я этого не знаю, но это возможно.

— Вперед, Клод, когда начинаешь задумываться, теряешь напрасно время и покой! Мы сейчас должны быть у Малахова кургана. Этот мертвец не должен нас пугать. Мы должны выполнить свою задачу.

Олимпио опять потушил фонарь и прошел мимо трупа, занявшего большую часть прохода! Он мог служить обоим путникам предостережением! Если бы они теперь возвратились, то еще застали бы слугу Эндемо за работой и могли еще найти выход. Но довести до конца взятую на себя задачу они считали долгом чести и не думали об опасности, предостережением от которой должен был послужить им солдат, погибший в воде.

Серьезно и молча шли они по мокрому темному проходу.

Они находились уже почти под валами выдающейся части крепости, которая носила название Малахова кургана и служила ключом к Севастополю.

Шум пушечных залпов глухо отдавался в проходе, но ядра попадали в отдаленные части крепости. Союзные батареи получили приказ, принимая в соображение опасную экспедицию в подземном ходе, стрелять не по Малахову кургану, а по Севастополю, чтобы заманить туда главные силы защитников и таким образом облегчить продвижение вперед обеих армий.

Спутники не заметили на левой стене заржавевшую дверь, которая могла подниматься вверх, как большой засов, — дверь находилась у самого основания прохода, и руками они не могли ее нащупать.

Уже прошла полночь, когда Олимпио с маркизом приблизились к концу прохода.

Ни один луч света не проникал в проход и никто не давало знать, что они находятся у выхода, как вдруг нога Олимпио ударилась о ступеньку. Он понял, что здесь начинается лестница.

Он подождал маркиза, который шел в нескольких шагах за ним.

— Мы у лестницы, ведущей, наверное, во внутреннюю часть кургана. Наверху должна быть дверь.

— Пойдем, мы достигли своей цели, — отозвался Клод.

Олимпио прислушивался: вблизи наверху не слышно было ни голосов, ни шагов, но издали доносились крики пожарной команды,

разрушавшей дома, зажженные неприятельскими бомбами, и топот скачущих лошадей.

— Я думаю, мы пришли в хорошее время,— прошептал Олимпио, ступая по сырым и скользким ступеням.

Лестница была сложена из камней. Верхние ступени ее были совершенно сухи. Выход состоял из высокого свода, в котором находилась деревянная дверь, ведущая во внутреннюю часть кургана.

Олимпио ощупал ее и нашел место, где холодное железо выдавало существование какого-то замка. Он нажал плечом — послышался трескучий, пронзительный звук, и дверь открылась.

Все было тихо, никого, кажется, не было вблизи. Прохладный, освежающий ночной воздух и тусклый красноватый свет — отблеск пожаров, который в сравнении с темнотой прохода показался нашим героям ярким, благотворно подействовал на них.

Олимпио осторожно выглянул наружу. Незаметно было ни одного караульного поста. Перед глазами Олимпио была поросшая травой площадка, на которой паслось множество лошадей.

Он вступил с маркизом внутрь Малахова кургана, окруженного высокими и толстыми стенами.

На другой стороне обширного участка, на котором стояли орудия и были сложены снаряды, они увидели несколько низких домов с освещенными окнами. Узкие тропинки вели к бастионам и батареям кургана. На левой стороне находились ворота и подъемный мост, через который можно было свободно проходить к Севастополю. Налево от ворот и подъемного моста расхаживали взад и вперед несколько караульных постов.

Несмотря на благоприятствующее друзьям, по-видимому, время, вступить в Малахов курган было слишком рискованным предприятием. Однако они прошли через дверь наружу и осмотрелись.

Если бы какой-нибудь русский обход попался им навстречу, гибель их была бы неминуема. Но Олимпио и маркиз не знали страха. При колеблющемся ненадежном свете они тихо пошли вперед.

Скоро они достигли одной из батарей и вступили в самую крепость. Она была так укреплена, что штурм ее стоил бы близко расположенным французам громадных жертв. Они могли с высоты видеть издали освещаемый выстрелами лагерь своих друзей.

Быстро повернули они к соседнему бастиону, он был пуст: Горчаков стянул всю артиллерию в крепость.

Этот бастион, лежавший правее по отношению к французам, был ниже, и на него легче было влезть. Здесь снаряды могли причинить больше вреда, так как эта часть укреплений была тоньше других расположенных вблизи зданий.

Оба друга сразу поняли это благоприятное обстоятельство, сосчитали расставленные здесь орудия, хорошо заметили их направление и наиболее удобные для штурма пункты и, осмотрев следующие, более мощные укрепления, решили, что штурмовать нужно именно эту часть, которая снаружи мало обнаруживала свою слабость и недостаточное вооружение, но, как убедились оба разведчика, была самым удобным местом для нападения.

— Ни в каком другом месте нападение не может совершиться так удачно,— прошептал Олимпио.— Имел ли ты внизу хоть малейшее понятие об этом слабом месте?

— Мы должны хорошенько заметить себе положение этого шанца, так как снаружи все они имеют одинаковый вид. Он лежит направо от нашей батареи. Лучшего пункта нельзя придумать, именно здесь нужно идти на штурм.

Оба путника намеревались уже оставить укрепление, в которое они во второй раз вступили, чтобы вернее во всем убедиться, как вдруг услышали вблизи барабанный бой.

— Черт возьми,— Олимпио схватил Клода за руку,— если не ошибаюсь, приближается обход. Скорее отсюда — мы ведь узнали все, что нужно было, возвратимся назад.

— Если только не поздно,— пророчески сказал маркиз.

Олимпио дошел до выдающейся части стены, чтобы лучше осмотреться. Проклятие сорвалось у него с языка — меньше чем за сто шагов от себя он увидел отряд русских, направлявшийся к тому шанцу, на котором стояли они с маркизом.

Если бы даже им удалось скрыться на мгновение где-нибудь за орудиями и пушечными передками, солдаты все равно должны были найти их, и тогда они были бы повешены, как всегда поступали русские со шпионами.

Незавидно было положение, в которое попали оба друга, и трудно было найти какой-либо выход.

— Мы должны скрыться во что бы то ни стало,— бормотал маркиз,— иди за мною! Наверху около входа, куда сейчас подойдут солдаты, стоят какие-то снаряды, поспешим туда и спрячемся, и будем лежать там до тех пор, пока сможем незамеченными возвратиться назад. Теперь два часа, около четырех мы снова можем быть в нашем лагере!

Времени нельзя было терять, барабанный бой приближался, и друзья помчались к указанному Клодом месту. Олимпио по дороге потерял свою военную фуражку и не смог ее поднять, потому что едва успел спрятаться с маркизом между орудиями за повозками и шестами. Между тем отряд солдат обогнул окопы, снаружи которых друзья нашли себе убежище; это был патруль, который осматривал батарею и здания.

Солдаты уже прошли то место, где скрывались наши разведчики, и они уже рассчитывали, что как только патруль повернется к ним спиной, добраться до дверей подземного хода, как вдруг командующий отрядом офицер сделал шаг назад — он нашел на земле шапку Олимпио и подумал сначала о небрежности одного из своих солдат. Но когда он саблей поднял фуражку, то увидел, что это головной убор французского офицера.

У него вырвалось несколько непонятных для друзей слов, очевидно, он приказал обыскать весь шанец.

Олимпио и маркиз поняли всю угрожающую им опасность, но не потеряли присутствия духа.

— Что бы ни случилось, мы должны уйти,— прошептал Клод своему другу,— они не должны найти нас здесь!

Русский офицер поставил несколько из своих солдат с заряженными ружьями охранять вход, между тем как другие тщательно обыскивали все пространство.

Дорога от места, где прятались Олимпио и маркиз, до дверей подземного хода занимала не более пятидесяти шагов, но она шла мимо постов, расставленных офицером при входе. Они выбрались из густой тени снарядов, за которыми стояли и поспешили через слабоосвещенную площадь.

Отдаленный гром пушек и крики, которые доносились из крепости, казалось, благоприятствовали им, заглушая шум их быстрых шагов. Но в эту минуту русский офицер увидел две бегущие фигуры.

— Кругом! — крикнул он расставленным постам, показывая на убегающих.— Пали!

Пять выстрелов раздались почти одновременно, пули просвистели мимо Олимпио и маркиза, но ни одна не задела их.

— *Bon soir, monsieur**, — насмешливо крикнул Олимпио офицеру, с яростью гнавшемуся за ними с обнаженной шпагой. Он уже понял, что тот не успеет схватить их, но оставалась опасность попасть в руки солдат.

Офицер увидел, что лазутчики спешат к двери, ведущей к подземному ходу, и ему стало ясно, каким образом они проникли в крепость; выстрелы, посланные им вдогонку, не достигли цели, пули ударились в стену около двери подземного хода.

Вдруг широкое бородатое лицо русского офицера озарила радостная улыбка, видимо, в голову ему пришла какая-то удачная мысль. Он отдал приказ солдатам окружить дверь с заряженными ружьями наготове.

— Вы отвечаете мне за них головой. Если лазутчики попытаются вернуться назад, вы застрелите их или схватите живыми!

Он бросился в сопровождении нескольких солдат к крепостным рвам, наполненным водой; страшна была его цель...

Достигнув места, где находился большой, покрытый ржавчиной железный засов, отделявший подземный ход от воды, наполнявшей рвы, он с помощью солдат поднял его вверх. Сильный плеск и водооборот на поверхности воды показали, что она устремилась в проход и скоро должна была нагнать бегущих.

Еще несколько ударов прикладами о железный крюк засова, и широкое отверстие полностью открылось. Офицер был уверен, что оба лазутчика не уйдут от воды, и мысль о том, какую услугу оказал он крепости, приносила ему большое удовлетворение. Ведь не только шпионы должны были погибнуть, но вода, по его расчетам, прорываясь по проходу, за несколько минут заполнит траншеи осаждающих и заставит замолчать их батареи, уничтожив, таким образом, всю утомительную, тяжелую работу французов еще в эту же ночь.

---

* Добрый вечер, мсье (фр.).

Теперь только он побежал к фельдмаршалу Горчакову, чтоб уведомить его о случившемся и о своем распоряжении.

Князь был так обрадован смелыми действиями находчивого офицера, что тут же повысил его в чине и похвалил перед собранным штабом.

— К утру мы увидим результаты этого решительного шага,— сказал Горчаков.— Неприятель, вероятно, нашел подземный ход при земляных работах и, конечно, очень обрадовался! Но радость эта сейчас сменится унынием, теперь глупцы узнают, что сами навлекли на себя гибель. Их траншеи, стоившие им огромных жертв и полностью укомплектованные вооружением, будут затоплены. Вся их трудная работа послужит к нашей пользе! Пушки замолкнут, и когда взойдет солнце, мы увидим, как вытесненный водой неприятель отступит, оставляя свои пушки. Они узнают, что Севастополем не так просто овладеть! Мы можем поздравить друг друга, господа!

XVI

ПРАЗДНИК ВО ДВОРЦЕ

В то время как все это происходило под стенами Севастополя, принц Камерата под именем Октавио д'Онси прибыл в Париж. Он остановился в одной из лучших гостиниц и без опаски вступил в свет, уверенный, что никто не узнает в нем принца. Камерата очень возмужал в трудном военном походе, а черная густая борода совершенно изменила его внешность; к тому же сильный загар и офицерский мундир довершили его перерождение в совершенно другое существо.

Канробер в одном из своих донесений императору не преминул вместе с именами Олимпии и маркиза де Монтолона упомянуть также и имя храброго графа Октавио д'Онси и отозвался о нем, как о величайшем герое, заслуживающем самых высоких наград. Он и послал его в Париж с новейшими известиями с театра войны затем, чтобы его заслуги были там прилично вознаграждены.

Принц с радостью принял поручение и не столько из честолюбия, сколько потому, что оно давало ему возможность снова увидеть Евгению, которую он когда-то так беззаветно любил. Откроется ли он ей или нет, он еще не решил окончательно и предоставил все течению времени.

Уже в день прибытия Камерата отправился в Тюильри, чтобы получить аудиенцию у императора. Луи Наполеон принял его очень благосклонно, выслушал известия о перемене главного начальства и успехах армии и пригласил участвовать в празднике, который будет дан во дворце на следующий вечер. Он, конечно, не узнал принца и тем более не мог предположить, что под другим именем он снова станет у него на пути.

Камерата должен был рассказать, как он вступил в армию волонтером, как отличился и быстро пошел вверх.

Наполеон при этом рассказе одобрительно кивал головою, и по его обращению с добрым вестником видно было, что он готовит какой-то сюрприз герою, отличившемуся при Инкермане. Своими черными глазами он всматривался в смуглое бородатое лицо молодого графа д'Онси, как будто смутно что-то припоминая, но тот отлично владел собой и спокойно держался все время пребывания у императора.

Наполеон подал ему руку — Камерата ее не поцеловал, он только прикоснулся к ней и поклонился.

Императора, привыкшего к другому обращению своих придворных, это удивило, но ему понравилась гордость молодого графа.

— Итак, до свидания,— заключил он разговор.— Когда вы думаете отправиться назад, на место ваших славных подвигов, граф?

— На другой день после праздника, в котором я буду иметь честь участвовать,— ответил тот.— Я надеюсь еще поспеть к штурму Севастополя.

— Желаю вам успехов. А пока наслаждайтесь здешней жизнью и почестями, на которые вы имеете полное право.

Этими словами Луи Наполеон закончил аудиенцию.

Уже смеркалось, когда принц Камерата отправился к Долорес, чтобы по возвращении в Крым привести своему другу верное известие о ней, а ей передать сердечный поклон от Олимпио. Оставим на время принца и бросим взгляд на события и перемены, происшедшие в Тюильри и его обитателях.

Наполеон III не знал, что Евгения узнала от Бациоши, служившего им обоим за двойное вознаграждение, о его свидании с прекрасной Долорес. Впрочем, насладившись красотой своей супруги и считая ее своей собственностью, он уже ничего не опасался, а любовные интриги и бесчисленные ночные похождения Евгении давали ему право не стеснять и себя в этом отношении.

Графиня Монтихо сумела пленить Луи Наполеона и приковать его к себе до такой степени, что он доставил ей корону. Когда же она достигла цели и стала императрицей, все рассуждения о любви и счастья быть вечно вместе совершенно прекратились. Евгения, конечно, никогда не любила уже не очень молодого и весьма потрёпанного Наполеона, тем более, что ее поразительная красота приводила к ее ногам самых видных людей Франции. Но они были квиты — Наполеон и до, и во время этого брака имел столько любовных связей, что им не из-за чего было упрекать друг друга.

Перед его домогательствами у очаровательной Долорес герцогиня Кастильон пользовалась его любовью, но страсти императора еще недостаточно были удовлетворены, он платил дань красоте графини Гордонне, своей давнейшей любовнице. Обе прелестные графини де Морсо также заслужили его расположение, а о Софи Говард и говорить нечего, ее он, впрочем, использовал преимущественно для любовных целей.

Маргарита Беланже, письма которой в 1870 году нашли в Тюильри с надписью, сделанной рукой императора: «Lettres a garder»*, замыкала длинный ряд метресс императора. Он думал еще когда-нибудь воспользоваться этими письмами.

Луи Наполеон заставил Софи Говард тотчас же после своего брака с Евгенией Монтихо оставить Париж и поселиться во Флоренции. Но она не хотела долго там оставаться. Она была женщина и не могла забыть свою любовь и те надежды, которые когда-то ее воодушевляли.

В то время, когда перед стенами Севастополя разыгрывалась описанная нами драма, Софи Говард возвратилась в Париж. Император сделал ее графиней Беорегард, подарив ей имение того же имени, лежащее между Парижем и Версалем.

Легко понять, что императрица, следуя своим наклонностям, не должна была особенно отставать от своего супруга. Мы в самом деле увидим на предстоящем празднике во дворце, что она не ставила никаких пределов своим сердечным влечениям и необузданно предавалась даже минутным увлечениям.

В то время Евгения боялась Софи Говард несравненно меньше, чем сеньоры с Вандомской площади, и вполне понятно, почему она старалась освободиться от последней, убедившись окончательно в Версале, что Бациоши не преувеличивал.

Луи Наполеон и не подозревал, что его супруга знает от этого сплетника почти обо всех его любовницах. Он доверял ему все, а тот при каждом удобном случае изменял ему. Но не только один Бациоши был дурным и вероломным слугой. Все тюильрийское общество со всеми доверенными лицами Наполеона состояло из подобных людей. Все старались служить и императору, и императрице, извлекая пользу как от того, так и от другой. Это было в высшей степени странное общество, отвратительнейшим образом составленное из государственных чиновников.

Один прусский граф из свиты прусского наследного принца, поставленный в необходимость сделать первый визит в Тюильри, выразился о нем следующим образом:

— Дамы все походят на дам полусвета, а мужчины... При виде их у меня невольно является мысль придерживать свой карман или ощупать свой бумажник и часы, чтобы убедиться в их сохранности.

Во Франции, как и в Испании в это время, образованная часть общества держалась вдали от правительства. Она не только старалась не иметь никаких сношений с новыми обитателями Тюильрийского дворца, но даже смотрела с презрением на тех из своей среды, кого золото Тюильри переманило туда.

Вот что говорили о том обществе, которое семнадцать лет подряд окружало Наполеона и его супругу в прекрасных залах старого французского королевского дворца в Париже.

Господин префект Гаусман, этот наполеоновский ставленник, мог бы оздоровить парижские улицы, но на деле оказалось, что уличный

---

*«Письма хранить».

сор был поглощен салонной атмосферой. Если так продолжится, то столица цивилизованного мира, благодаря буйству черни, станет не лучше, чем какой-нибудь новый город в Канзасе или население на калифорнийских золотых приисках.

И эти-то деморализованные, до мозга костей испорченные люди дерзнули в 1870 году начать войну, полагаясь на гениальность своего вожака. Франция была наказана, но пусть французы не пренебрегут этим предостережением на будущее.

Возвратимся, однако, к тому вечеру, когда должно было состояться торжество в большой Маршальской зале, куда был приглашен Октавио д'Онси.

Здесь, кроме некоторых посланников с их супругами, присутствовали министры Барош, Бильо, Персиньи, министр финансов Фульд, кузен императора Морни, префект полиции Мопя и префект Парижа барон Гаусман, которого все звали императорским пашой. Кроме того, здесь собралось громадное число тех льстивых, вечно подбострастно улыбающихся личностей, в которых нуждался и которыми пользовался двор Наполеона III.

Зала еще со времени победы при Инкермане была украшена прославленными знаменами.

Вторая империя как нельзя лучше сумела приписать себе победу союзников, чтобы поддержать свой престол. Память Наполеона I, презиравшего такого рода комедии и не имевшего в них нужды, была унижена, этого не должен был упустить из виду Луи Наполеон.

В залах только и говорили о походах и делах войны, о Крыме, приковавшем к себе всеобщее внимание. Только осыпанные бриллиантами дамы болтали о туалетах, балах, опере и тому подобных вещах.

Гости все прибывали, наконец, появился и граф Октавио д'Онси, офицер, возвышенный Канробером и уже известный всем своей военной славой.

Единственный человек, которому он представился при вступлении своем в Тюильри, был Персиньи, который пошел ему навстречу и позначкомил его с остальными высокопоставленными лицами.

Гаусман, болтая с Фульдом, делая вид, будто не замечает молодого выскочку, заговорил о таких важных делах, как расширение бульваров, и о своих блестящих планах по украшению города.

Морни, напротив, скоро разговорился с принцем Камератой, и это было для последнего чрезвычайно опасной минутой: узнай его Морни, ему угрожала бы смертельная опасность.

Принц, однако, уверенный в том, что стал неузнаваемым, так хорошо играл свою роль, что Морни и не заподозрил в нем своего ненавистного противника.

Странное ощущение овладело принцем Камератой, когда он снова оказался в этом кругу. Он сознавал всю опасность предпринятой им игры, но эта опасность доставляла ему особенное наслаждение. Он должен делать над собой усилие, чтобы не сказать Морни какую-нибудь колкость, чего ему страшно хотелось. Но роль его далеко еще не была сыграна, и он не хотел преждевременно ее испортить.

Таким образом, он благополучно прошел через второе испытание. Морни даже не почувствовал, с кем имеет дело. Когда при представлении прозвучали слова «граф д'Онси», у него и мысль не мелькнула о принце Камерата, которого он обрек когда-то на пожизненное заключение и которого считал мертвым.

Залы наполнялись. Бесчисленные огни отражались в зеркальных стенах, ослепительно сверкали золотые рамы портретов и в то же время из галереи, украшенной знаменами, неслись звуки музыки, смешиваясь с шуршанием шелка, бархата и атласа волочившихся по паркету длинных шлейфов. Это была вызывающая демонстрация безумной роскоши.

В это время обер-камергер возвестил о появлении императорской четы.

Гости образовали полукруг — император и императрица, сопровождаемые звуками приветственного марша, вошли в залу.

Луи Наполеон, как обыкновенно при своих выходах, был во всем черном и только орден Почетного легиона блеснул на его груди.

Евгения, напротив, превосходила всех своей красотой и блеском наряда.

Вид ее так поразил Камерату, что он не замечал никого и ничего вокруг; та, которую он так любил когда-то, сейчас ослепила его своей красотой и вновь обрела над ним былую власть.

Он не мог отвести взгляда от этих очаровательных черт, от сияющих глаз, глаз, полных в настоящую минуту привета. Пышность ее наряда, роскошные золотистые волосы, украшенные бриллиантами, обнаженные, будто из мрамора изваянные плечи и полускрытая облагораживающими складками платья грудь — это был воплощенный образ идеальной женской красоты. Евгения стала еще красивее прежнего, супружеская жизнь, казалось, способствовала расцвету ее божественной фигуры, все в ней дышало таким соблазном, против которого мало кто мог устоять.

Грациозно и ласково раскланивалась она со всеми, в то время как Наполеон подошел с приветствием к собравшимся мужчинам. Его окружали Флери и генерал-адъютанты, Евгению — блестящие статс-дамы.

Звуки музыки стали тише, император разговаривал с Гаусманом, потом с посланниками Англии и Австрии.

Камерата стал в некотором отдалении от Персиньи, все еще не отводя глаз от Евгении, которая пока не заметила его присутствия. Вот она улыбнулась некоторым супругам посланников, и эта милая и одновременно гордая улыбка сделала ее еще обворожительнее.

— Я должен подойти к ней, — думал Камерата, — пусть узнает, кто такой граф д'Онси, пусть увидит, что я рискую жизнью, чтобы только к ней приблизиться, пусть испугается силы моей любви, которая ничего не страшится и стала теперь еще пламеннее, чем когда-то.

После приветствий император и Евгения удалились в глубину Маршальской залы, где возле галереи, ведущей в Тюильрийский сад, стояли два трона.

Флери подошел к принцу.

— Позвольте мне, господин граф,— тихо произнес он,— остаться здесь, чтобы я мог подвести вас к государю к назначенное время.

Камерата холодно поблагодарил придворного кавалера.

Когда дошла очередь представить графа Октавио д'Онси, Флери коснулся его плеча.

— Прошу вас к трону,— сказал он тихо.

Сердце Камераты забило сильнее, он приближался к императрице, желая, чтобы она его узнала.

Твердой походкой прошел он мимо бесчисленного ряда господ, украшенных орденами; взоры мужчин и дам, кокетливо игравших веерами, устремились на него, но они не мешали ему, он попросту не замечал этого общего внимания, он смотрел в голубые глаза императрицы, которые также пылливо были обращены на него, пока он приближался к трону.

— Граф д'Онси,— громко произнес Флери, в то время как Камерата поклонился.

Наполеон подал знак одному из стоящих вблизи него флигель-адъютантов, и тотчас же появился паж, неся красную бархатную подушечку.

— Мы очень рады, граф, случаю высказать вам нашу признательность за вашу храбрость при Альме и Инкермане,— сказал государь, подымаясь с места.— Господа, мы гордимся тем, что можем в графе д'Онси представить вам одного из тех героев, которыми не может нахвалиться наш генерал Канробер. Примите нашу благодарность, капитан.

— Милость ваша, государь, меня смущает,— произнес Камерата голосом, который обнаружил его волнение.

— Чтобы доказать вам нашу благодарность и милость, которые мы всегда готовы оказывать великим делам, мы награждаем вас орденом Почетного легиона.

Император взял орден с подушки и прикрепил к груди Камераты.

— Не надо скромничать, граф д'Онси, великие заслуги достойны великих почестей.

Мы знаем, что вы намереваетесь через несколько дней снова отправиться на театр войны; мы просим вас взять с собою правительственные депеши и надеемся с окончанием этой достопамятной войны еще более достойно вознаградить вас.

Если бы Наполеон знал, что этот превозносимый им перед всеми капитан — принц Камерата, то несмотря на все его заслуги и геройские дела ему бы не миновать ареста при выходе из Тюильри или в своей спальне.

Евгения во время этой сцены смотрела на мужественного молодого капитана, сперва как бы вспоминая что-то, а потом с интересом. Император обратился к ней:

— Мадам, тот, который спас жизнь Канроберу, не кто иной, как капитан граф д'Онси.

— Геройское, благородное дело, за которое наилучшим образом вознаградило вас ваше собственное сознание,— сказала Евгения принцу, в то время как император уже разговаривал с Морни.

— Величайшая награда, которая только возможна для меня — это слово одобрения из ваших уст,— возразил Камерата тихо, поклонившись Евгению.

— Черты вашего лица при первом взгляде вызвали во мне удивительные воспоминания, господин капитан. Как мне передали, вы вступили волонтером в армию и ваше имя...

— Граф Октавио д'Онси,— подхватил Камерата и, видя, что он один остался около императрицы, прибавил: — имя ложное, Ваше величество.

— Как? Вы меня пугаете!

— Одно лишнее слово может меня погубить! Но вам я должен открыться. Я принц Камерата!

Хотя императрица обладала большим присутствием духа, это известие ее ошеломило. Однако она быстро овладела собой и бросила испытующий взор на окружающих, желая убедиться, не слышал ли кто только что сказанных слов.

— Ради всех святых, неужели это вы? — прошептала она.

— Чтобы быть возле вас, как видите, я готов жертвовать жизнью.

— Безумный, а если вас узнают?

— Страх, который звучит в ваших словах, вознаграждает меня за все, Евгения; я вижу, что вы не равнодушны к моей судьбе — и лучшей награды мне не нужно.

— Нас могут заметить, вас могут услышать. Всего я могла ждать, но только не этой встречи...

— Ваша красота воскрешает мертвых, Евгения! Я должен с вами объясниться.

— Только не здесь, принц, вы подвергаете себя опасности!

— Распоряжайтесь мною, Евгения!

— Но невозможно еще раз увидиться с вами!

— Невозможно — это слово для меня не существует!

— Вы это доказали, принц, но я не вижу средств, не знаю, что делать.

— Примите меня по окончании этого торжества. У вас есть поверенная между дамами?

— Конечно, но вы все-таки не сможете пройти незамеченным.

— Императрица может иметь поручение к капитану д'Онси, отправляющемуся завтра утром на театр войны.

— Пусть будет так, приходите. Пройдите ходом, ведущим в павильон Марсан, там вас будет ждать инфанта Барселоны, которая проведет вас ко мне, но теперь удалитесь.

Принц раскланялся.

— Настала счастливейшая минута в моей жизни!

Церемонно раскланявшись, императрица обратилась к своим дамам, стоявшим поодаль, император беседовал, пока подавали закуски, с испанским посланником Олозаго и другими господами.

Уже после полуночи Евгения, усталая, возвратилась в свои покои; Луи Наполеон также оставил залы, чтобы поговорить наедине с Мопя.

Праздник, на котором чествовали графа д'Онси, рано кончился.

XVII

В БУДУАРЕ ИМПЕРАТРИЦЫ

Инфанта Барселоны не сопровождала Евгению на это торжество. В тот вечер поверенная императрицы исполняла возложенное на нее поручение, что было гораздо важнее для Евгении, чем украшение своего штата присутствием инфанты.

Когда Евгения возвратилась в свои покои, она спросила об Инессе у окружавших ее дам.

Ее сейчас же призвали к императрице, которая, отпустив своих дам, вошла в будуар, превосходивший своей роскошью и великолепием все, что можно вообразить.

Когда из приемной залы, нажав золотую пружину и раздвинув таким образом тяжелые портьеры, посетитель переступал заветный порог, перед ним открывалось волшебное зрелище. Устланную роскошными коврами и благоухающую ароматами экзотических цветов комнату освещал нежный свет, струящийся сквозь полупрозрачный стеклянный потолок, лучи нескольких канделябров, горевших возле высокого венецианского зеркала, усиливали этот приятный свет и отражались в массивных золотых рамах висевших на стенах картин. У мраморных столиков, на которых были расставлены цветы и вазы с плодами, стояли мягкие, изысканной формы кушетки. Окна, выходящие в парк, были завешаны кружевными занавесками.

В глубине будуара виднелась ниша, освещенная висящей золотой лампой, в ней находились великолепное изображение Мадонны, золотое распятие и богато украшенный набой.

Открытый проход, с обеих сторон которого стояли античные статуи, вел в столь же роскошно убранную спальню императрицы. Возле спальни была расположена мраморная купальня Евгении. В будуаре имелось остроумное приспособление, при помощи которого платья, нужные для туалета императрицы, спускались сверху, из устроенной там гардеробной, а здесь их принимали фрейлины.

Другая дверь вела из будуара в дамские покои, в первом из которых ночевала инфанта Барселоны, поверенная Евгении, днем же она постоянно находилась при императрице.

Если император посещал покои своей супруги, он не проходил через залу и будуар. Тайный коридор, доступный лишь ему одному, постоянно освещаемый и отапливаемый, вел в спальню императрицы. Дверь этого хода была замаскирована большой картиной, которая поворачивалась, когда на скрытую за ней пружину нажимали маленьким золотым ключиком. Если император проходил через залу, что, впрочем, очень редко случалось, но что предписывалось этикетом, то всегда, как днем, так и ночью, докладывал о себе через дежурных камергеров.

Когда Евгения, отпустив своих дам, вошла в будуар, инфанта Барселоны, как обычно, одетая в черное, шла уже ей навстречу.

Инесса, прекрасная дочь покойного инфанта, в своем черном одеянии производила какое-то особенное, таинственное впечатление.

Поклонившись императрице, она откинула черную вуаль. Бледность ее лица подчеркивалась темным убором, но нужно признать, что тонкие черты, очаровательная линия розовых губ, белая шея инфанты могли соперничать своей красотой с прелестью императрицы.

Что-то загадочное было в темных, выразительных глазах инфанты, их яркое сияние было подобно блеску моря, которое манит, но всегда может коварно обмануть каждого, кто ему доверится...

— Ты возвратилась? Расскажывай,— сказала Евгения, взяв ее за руку,— я рада видеть тебя здесь!

Лицо инфанты осталось бесстрастным при этой нежной встрече.

— Позвольте мне запереть дверь,— тихо сказала она по-испански.

— Статс-дамы удалены, мы одни,— возразила Евгения, опускаясь на диван у мраморного столика с источающими тонкий аромат цветами.

Инессу, казалось, не убедили слова императрицы, может быть, потому, что жизнь при дворе приучила ее доверять только себе. Она прошла в смежную залу и заперла дверь, затем вошла в свою комнату, расположенную возле будуара, чтобы убедиться, что она пуста и никто не сможет подойти с этой стороны незамеченным.

— Расскажи, чего ты достигла,— сказала императрица,— эта сеньора доверилась тебе, а ты мне предана, я знаю, мне одной!

— Вы ненавидите сеньору?

— Ты знаешь причину моей ненависти, ты была со мною в Версальском замке.

— Я знаю то, что вам угодно было мне передать, но не обмануты ли вы усердным слугой?

— Что за вопрос! Что навело тебя на такую мысль? Боюсь, что сеньора обманула тебя своей поддельной сердечностью. Неужели это возможно, Инесса, чтобы я в тебе усомнилась?

Инфанта минуту молчала, лицо ее было пасмурно и мрачно.

— Вы правы, я ничему больше не верю, только вам! Сеньора уверяла меня, что она вступила в Версальский дворец против желания, она говорила мне, что ее обманули.

Евгения горько улыбнулась.

— Против ее желания? Что, сеньора ребенок? Была она бесильна, когда ты нашла ее в замке? Против желания! Не думаю, чтобы эта ловкая комедиантка могла тебя одурачить, нет, Инесса, я этому не верю, не верю, чтобы ты хоть на минуту могла забыть свой долг по отношению ко мне.

— Вы во мне не ошиблись!

— Так это совершилось?

— Как было вам угодно. Сеньора теперь в доме № 4 по улице Сент-Дидье.

— И она не догадывается, для чего ты ее свезла туда?

— Она уверена во мне!

— В № 4 было какое-нибудь общество?

— Конечно, и мне удалось заманить туда сеньору. Ведь адрес дома внушал доверие. Владельца дома зовут Шарль Готти, а также Пер д'Ор, его супруга — бывшая придворная дама.

— Превосходно,— прервала Евгения,— довольно. Презренная, наконец, устранена!

Темные глаза Инессы были устремлены на императрицу, которая энергично поднялась с дивана и взялась за золотую ручку в стене.

— Сеньора хватится меня,— сказала испанка,— она каждую минуту ждет моего возвращения!

— Не опасайся ничего, через полчаса она откажется от этой глупой надежды! Ты мне оказала важную услугу, Инесса, требуй от меня какой-нибудь милости,— воскликнула императрица с сияющими от радости глазами. Она дернула за ручку, и вдали послышался ясный звук колокольчика.

— Позвольте мне отпереть двери,— ответила инфанта, как будто не слышала последних слов императрицы.

В дверях появилась одна из дам.

— Старшего камергера Бациоши, скорее! — приказала императрица.

Когда дама вышла, инфанта возвратилась в будуар.

— Прежде чем Бациоши придет, я дам тебе еще одно поручение,— сказала Евгения шепотом.— В то время, когда обер-камергер будет у меня, проверь, да хорошенько, нет ли кого-либо около моих покоев, понимаешь? Затем ступай известным ходом к павильону Марсан, там тебя встретит капитан, граф д'Онси. Завтра он возвращается на место военных действий, и я должна ему передать одно важное тайное поручение! Пока Бациоши от меня не уйдет, пусть он будет в кабинете,— Бациоши не должен видеть графа! Ты, по уходе Бациоши,пусти его в будуар и подожди в зале, пока я кончу свой разговор с ним! Иди, я слышу шаги, ты меня поняла?..

Не успела инфанта, поклонившись, удалиться, как в дверях будуара уже показался обер-камергер. Этот преданный слуга ее величества отдал низкий поклон императрице и вошел мимо промелькнувшей инфанты, которая немедленно оставила будуар.

Пройдя несколько шагов по смежной зале, она как бы в нерешительности остановилась, как будто в ее голове блеснула мысль, приковавшая ее к месту.

В этот вечер в инфанте, любившей до сих пор одну только императрицу, пробудилось сомнение: она узнала Долорес, и в ней пробудилось чувство, которого она еще никогда не испытывала. Вся прошлая жизнь Инессы отчуждала ее от людей, сделала холодной и недоверчивой; этому способствовали впечатления прежних лет, детство, проведенное в скитаниях, без родительского крова, без сверстников, без круга общения.

Радушный прием Евгении примирил на время с людьми эту холодную душу, она полюбила императрицу.

Мы уже видели, что Евгения умело пользовалась этой любовью, и надо сказать, что она не могла бы найти более подходящего для ее целей человека, чем эта презирающая всех инфанта.

Инесса, наученная Евгенией сыграть в Долорес злую шутку, была уверена, что императрица имела полное право ненавидеть эту Долорес, но, узнав ее и увидев перед собой чистое и искреннее,

как ангел, существо, она заколебалась: трудно было примириться с мыслью о коварстве и низости в присутствии Долорес. Однако влияние Евгении победило — она поверила ее словам.

Только за несколько часов перед тем, верно исполняя данное ей поручение, она увезла Долорес в своем экипаже. Простодушный Валентино был обманут.

Уговорив Долорес, что она отвезет ее к себе домой, Инесса заманила ее в дом, Шарля Готти, знакомого нам под именем Пер д'Ор тайного агента полиции, который незадолго до этого женился ради карьеры на одной из дам свиты императрицы.

Долорес, свято поверившая своей новой подруге, рассказала ей по дороге о своей любви Олимпио и все испытания, которые ей пришлось перенести. Это произвело большое впечатление на инфанту. Она спросила о событиях в Версальском дворце, и Долорес рассказала ей обо всем и уверила в своей непричастности к этой интриге.

Кому ей было верить? В душу инфанты закралось сомнение...

Поручение, принятое на себя, она исполнила, но хотела попытаться узнать от императрицы, виновна ли Долорес в самом деле. И ее сомнения рассеялись было после слов Евгении, однако с появлением Бациоши, которого Долорес назвала виновником всего, они снова появились, и в душе Инессы, остановившейся посреди зало, вновь вспыхнуло мучительное подозрение.

Она бросилась запереть двери и сейчас же, бледна и вся дрожа, поспешила к портьеру, чтобы подслушать разговор.

К сожалению, она опоздала!

Бациоши, этот верноподданный раб, успел уже изложить свой план, и ей удалось услышать только заключение:

— Потрудитесь, Ваше величество, предоставить все мне.

— С нею поступать снисходительно,— торопливо сказала Евгения. Она ждала принца Камерату.

— Еще сегодня ночью Долорес будет передана в верные руки, Ваше величество! Надеюсь, что и в этот раз вы будете довольны моими делами. Голубку впустят в клетку, и она будет там совершенно безопасна для вас.

Как только инфанта услышала, что Бациоши раскланивается, она вышла из-за портьеры и поспешно прошла через залу к дверям.

Она уже скрылась, когда обер-камергер тоже оставил будуар.

— А я все еще в неизвестности. Я должна предупредить его, я должна увидеть Долорес и поговорить с ней в эту же ночь, пока граф будет в будуаре императрицы! Слава тебе, Святая Дева, я слышу шаги на лестнице.

Инфанта наклонилась над позолоченной и обитой бархатом балюстрадой:

— Это он!

Камерата, закутанный в военный плащ, поднимался по лестнице, ведущей в галерею к тайному ходу. Он сильно волновался: этот ход вел в частные покои Евгении, которую он страстно любил и которая не забыла его даже в новом своем положении. *

Поднявшись и увидев поверенную Евгении, он поклонился.

— Инфанта Барселоны? — спросил он тихо.

Инесса холодно поклонилась и пожелала узнать имя позднего гостя.

— Граф Октавио д'Онси, — ответил Камерата.

— Потрудитесь следовать за мной, — сказала закутанная инфанта и пошла вперед по пустому ходу.

Она провела принца через залу, доложила о нем императрице и лишь тогда впустила его в будуар.

Камерата сбросил плащ и опустился на колено, чтобы поцеловать руку Евгении, которая ласково улыбалась ему. Она стояла перед ним во всей своей ослепительной красоте, и они были вдвоем! Сердце его при этой мысли учащенно забилось.

Императрица сняла кружевную накидку, дрожь пробежала по телу принца, когда он, стоя на коленях, прижал руку Евгении к своим пылающим губам.

— Встаньте, мой принц, — произнесла Евгения, также учащенно дыша. — Какой мучительный страх испытывала я, когда вы открылись мне! Это прямо чудо, что никто вас не узнал.

— Принц Камерата погиб, — сказал герой Инкермана, — граф д'Онси мог к вам приблизиться! О, Евгения, никакая опасность не была мне страшна, когда предстояла встреча с вами!

— Страх, который я испытала, так неожиданно увидев вас перед собой, вас, которого все считают умершим, чуть не выдал вас.

— И тогда я не раскаялся бы в моем поступке. В тот раз мне бы, конечно, не снести своей головы! При помощи моих друзей мне удалось обмануть начальников и бежать из Ла-Рокет. Я вступил волонтером в действующую армию под другим именем, именем своей матери.

— И вы так славно отличились?

— Чтобы иметь возможность быть возле вас, чтобы еще раз вас видеть, Евгения! Я достиг цели, у меня нет выше желания! Когда я вас увидел, я вдвойне ощутил свою пламенную любовь к вам. Вы достигли всего: императорская корона венчает вас, но вы несчастливы, Евгения! Я это знаю. Вы не любите того, кому, ради величия и тщеславия, отдали себя...

— Мой принц...

— Не останавливайте меня, ваши глаза, ваше лицо говорят мне это. Вы не любите Луи Наполеона!

— Нужно перестать думать об этом, мой принц!

— Блеск и величие не могут вас вознаградить, Евгения, дайте хоть в этот святой час свободу вашему сердцу, сбросьте с себя холодное величие императрицы. Истину за истину, любовь за любовь!

— Вы очень взволнованы, принц...

— Евгения, эти минуты никогда не возвратятся для нас, я это чувствую! Нам, смертным, суждено только один раз вполне наслаждаться ими, минуты такого счастья не повторяются! Услышьте меня, вымолвите одно слово любви, которое воодушевляло бы меня в будущих делах. Тогда я с радостью встречу смерть, и высшего блаженства для меня не будет!

Евгения, дрожа, закрыла лицо руками.

— Одно только слово — любите ли вы меня? — пылко спросил Камерата.

Она не находила слов, но руки ее красноречиво выразили все... Спустя некоторое время, принц Камерата оставил покои императрицы. Не замеченный никем, он быстро направился к павильону Марсан. Он был бледен и расстроен.

Инфанта Барселоны бесследно пропала. Она поспешила в улицу Дидье № 4, в надежде еще застать там сеньору Долорес. Без провожатого, без защиты, она стремглав мчалась через улицу, объятые тьмой, к дому, в который она отвезла Долорес. Как черная тень, мелькала она мимо возвращавшихся домой рабочих и пьяных, провожавших ее язвительными насмешками...

Когда она, наконец, достигла дома и сильно позвонила, ее впустили, но было уже поздно.

Сеньору увезли, и никто не мог сказать куда.

XVIII

ЗАЖИВО ПОХОРОНЕННЫЙ

Как нам уже известно, Олимпио и маркиз благополучно достигли подземного хода. Их задача была выполнена, план их удался. Они узнали самое слабое место Малахова кургана, считавшегося до сих пор неприступным, и хотели уже, не подозревая об угрожавшей им опасности, возвратиться в свой лагерь.

Сойдя с мокрой, скользкой лестницы и увидев, что дверь за ними не отворилась, они поняли, что их не собираются преследовать.

— Черт возьми,— размышлял вслух Олимпио, пробираясь с Клодом сквозь тьму,— этак нам плохо пришлось бы. Но эти бездельники напрасно потратили порох и пули!

— Только бы они нас не преследовали, это сильнее всего меня беспокоит,— сказал маркиз Монтолон.— Вперед, вперед, Олимпио; я боюсь, чтобы они сверху не загородили нам дорогу!

— Скверная была бы штука, но это так скоро им не удастся. Ты прав, нужно поспешить, чтобы выйти из их владений.

Они быстро миновали то место, где находилась железная дверь, преграждавшая доступ в ход воде. Еще не зная о страшной опасности, которая следовала за ними по пятам, они все-таки старались двигаться как можно скорей.

— Через час мы будем у Жуана. И если они действительно засыпали за нами ход, невелика беда,— думал Олимпио,— то, что мы узнали...

— Что это,— воскликнул вдруг маркиз, мгновенно остановившись,— ты ничего не слышишь?

— Нет, Клод!

— Я не трус, ты это знаешь, и не щажу себя, когда дело идет о честной, открытой борьбе, но мрак западни я презираю. Тут...

— Теперь я слышу что-то похожее на стук железа о камни. Ты прав, за нами разрушают ход, надеясь на то, что мы еще не очень далеко продвинулись.

— Вперед, Олимпио, мне кажется, что сырее стало под ногами!

Эти слова заставили задрожать даже шедшего впереди генерала Агуадо. Он вспомнил о солдате, обезображенный труп которого они нашли в проходе. Он ничего не сказал — ему ясно стало, что подземный ход может быть заполнен водой из крепостных рвов. И он уже тоже почувствовал сырость под ногами.

Прошло несколько ужасных минут, в продолжение которых оба храбреца быстро шли вперед; они достигли бокового хода, пробежали в полном мраке по направлению к выходу. Вода плескалась у их ног и уже доставала до колен... Оба не произнесли ни слова, потому что знали, в чем дело, и понимали, что им предстоит. Поток увеличивался с каждой секундой.

— Вода не поглотит нас, — произнес, наконец, Олимпио, когда они прошли уже половину пути, — плавать мы умеем, да еще вода имеет сток к траншеям.

Маркиз молчал, он, так же как и Олимпио, знал, что подземный ход, прорытый союзниками, имеет в окрестностях выход, и если последний еще открыт, то вода не могла скапливаться так быстро. Между тем она поднялась уже на два фута, и Олимпио опасался, что русским форпостам удастся засыпать ход; тогда, хотя они и умеют плавать, им не избежать гибели. Вода, которая доходила им уже до пояса, препятствовала продвижению. Олимпио напрягал все свои силы, маркиз пытался не отставать от него.

Воздух, и прежде удушливый, стал совершенно невыносимым, так как вода размыва гниль и плесень подземного хода. К тому же и платье, пропитанное водой, стало тяжелым и очень затрудняло движения.

Ничто не приходило им на ум, не было ни малейшей надежды на спасение, оставалось только, собрав все силы, стремиться к выходу, но двигаться вперед становилось почти невозможно.

— Черт возьми, Клод, — воскликнул Олимпио, задыхаясь, — пора нам читать Отче наш. По моему расчету, мы скоро не сможем бежать взапуски с водой: она прибывает все быстрее и быстрее, а мы идем вперед все медленнее.

— Вперед, Олимпио! Мы скоро должны достигнуть выхода.

— Хотел бы я знать, почему вода не нашла исхода.

— Дай Бог, чтобы мы не наткнулись на какое-нибудь препятствие, — сказал маркиз глухим голосом. — Мне в моей жизни пришлось перенести столько потерь, что было бы ужасно горько, если бы ты должен был погибнуть таким жалким образом, после того как нашел, наконец, свою Долорес! Ее бедное сердце не перенесет этого последнего тяжкого удара.

— В этот час, Клод, не нужно думать ни о чем печальном, — возразил Олимпио, — мы не должны грустить. Как часто нам обоим грозила смерть, но Святая Дева хранила нас.

— Скажи лучше, что она укрепляла наши мечи и руки; здесь же, при этой опасности, сила, искусство, храбрость — все бесполезно, мы должны утонуть, как крысы, норы которых заливают водой.

— Если наше известие достигнет войск, какая это будет удача для армии!

— Оно не достигнет, Олимпио, вода достаёт мне уже до груди.

— Мужайся, мужайся, Клод! До выхода должно быть только несколько сот шагов, — воскликнул Олимпио. Он был значительно выше Клода, голова его достигала свода прохода и потому он мог дольше оставаться над водой. Но и его тело начинало цепенеть в холодной воде.

— Простимся на всякий случай, и если один из нас переживёт эту ночь, то должен устроить дела погибшего, — сказал Олимпио. — Нет ли у тебя ещё чего-нибудь на душе?

— Ты все знаешь, Олимпио, я ничего не скрывал от тебя. Но если я останусь жив, то почту своей священной обязанностью заботиться о Долорес и буду ей таким же преданным покровителем, как ты. Прощай, ещё вершок воды и я погиб!

— Дай сюда свою руку, черт побери, умрем вместе, — воскликнул Олимпио и, собрав все свои силы, потащил маркиза вперед по воде, которая и ему достигала уже до подбородка. — Я не ошибаюсь, выход должен быть близко! Жуан, Жуан!

Ответа не последовало, зов его замер, точно не находил выхода. Олимпио продолжал тащить маркиза, как вдруг нога его увязла в иле и в то же время свободной рукой он схватился за мокрую землю, которой был засыпан выход.

Олимпио отпрянул, проклятие сорвалось с его уст.

— Клод, — сказал он, — мы погибли, выход закрыт, земля, лежавшая над ним, обрушилась!

Только тот, кому пришлось перенести подобную опасность, видеть свою неминуемую гибель, может представить себе состояние и мысли друзей в эту секунду. Потеряв всякую надежду, друзья содрогнулись от ужаса, но уже через мгновение Олимпио собрал всю свою волю, пытаясь вырваться из этой западни.

Рука Клода выскользнула из его руки — вода была только на полфута ниже свода прохода, так что Олимпио должен был запрокинуть голову, чтобы иметь возможность дышать, прошло ещё несколько секунд, и это пространство ещё уменьшилось.

— Мужайся, Клод! Держи рот над поверхностью воды. Жуан, Жуан! — звал Олимпио, но звук его голоса был едва слышен ему самому. В то же время он ощупывал руками стены и крышу хода, чтобы найти слабое место, и вдруг с исполинской силой начал разрывать землю, пытаясь проделать выход.

Он услышал, как маркиз крикнул ему: «Прощай, Олимпио!», и слова эти потрясли его до глубины души.

— Ещё минута — я попробую последнее средство, умоляю тебя всеми святыми, Клод, только ещё минуту! — и Олимпио всем телом бросился на препятствие, одновременно разрывая руками землю.

Вода стала гуще и смешалась с грязью — он подвинулся вперед — ему уже почти нечем было дышать, маркиз ни одним звуком не давал о себе знать. С отчаянным усилием Олимпио все глубже зарывался в ил, грязная вода проникла ему в рот, в нос, в уши; у него зашумело в голове, в глазах потемнело и он лишился чувств. Силы его истощились, еще несколько мгновений тело его механически боролось с водой, заливавшей ход, потом волны потащили его вниз. Неужели подвиг обоих смельчаков должен был остаться безрезультатным и сами они должны были так бесславно погибнуть, став жертвами подлого замысла Эндемо и его слуги?

Нет, удары заступов и звуки голосов становились все ближе и ближе — еще секунда, и вода нашла бы себе выход. Еще минута, и помощь опоздала бы!

Жуан, не убитый, а только оглушенный ударом приклада и лежавший в боковом ходе подкопа, очнулся через несколько часов. Он был совершенно обессилен и не мог собраться с мыслями. Но острая боль в голове и покрытые запекшейся кровью раны пробудили в его памяти воспоминание о случившемся.

Не русский ли нанес ему коварный удар? Он этого не знал. Но как он очутился в таком отдаленном месте окопов, неужели сам дотащился сюда?

Всего этого он не мог ясно себе представить. Мало-помалу он вспомнил о своем обещании, не отходя ни на шаг, сторожить у входа.

Жуан с трудом поднялся на ноги. Обессиленный потерей крови и мучимый болью и головокружением, он бред, постоянно падая на рыхлую землю траншеи, им овладел страх умереть, ему показалось, что он слышит голос маркиза, зов Олимпио.

— Матерь Божия, помоги мне,— простонал мальчик. Потом, собрав все силы, он медленно пополз вдоль рва, опираясь на его вал. Вдали изредка раздавались выстрелы; на востоке занималась утренняя заря. Он не знал, в какой части укреплений находится, вблизи не было ни одного поста, ни одного человека, к которому можно было бы обратиться.

Скоро Жуан заметил, что сбился с дороги, так как все траншеи были похожи одна на другую. Он искал вход в подземный проход, куда отправился Олимпио и маркиз. Он дрожал от слабости и беспокойства, кровь сочилась из ран на голове и плече, он был бледен, как мертвец. Но он должен был во что бы то ни стало возвратиться на свое место.

Прислонясь к валу, он передохнул несколько минут и пошел дальше. Наконец, он, казалось, достиг прохода, он это увидел при бледном свете занимающегося дня.

— Слава тебе, Господи,— прошептал он и с трудом потащился далее, чтобы занять свое место у входа, как этого требовал его долг. Он прошел по траншее до конца, но не нашел хода.

Жуан удивился: неужели он находился в другой части окопов, которые были так похожи один на другой? Мучительный страх овладел им; еще не совсем рассвело, раны его ужасно болели, ноги дрожали от слабости, но, несмотря на все, он должен был идти дальше.

Вблизи не было ни одного часового, слышалась непрерывная пушечная пальба, ядра, летящие из отдаленных укреплений, описывали в небе широкие дуги.

Когда Жуан убедился по близлежащим рвам, что он не заблудился, он пошел назад к ходу.

— Над входом росли кусты,— бормотал он, припоминая все обстоятельства,— вон они там, надо идти скорее, под кустами должен быть вход. Но что это такое, Матерь Божия! Ход засыпан, обрушился, наверное бомба попала в него. Они засыпаны! Помогите!

Жуан побежал к месту входа и при виде закрывавших его камней и кучи земли ужас охватил его. Один он не в состоянии был отбросить землю и разобрать камни, у него не было для этого ни сил, ни орудий. А между тем нужна была самая срочная помощь, иначе смерть Олимпио и маркиза была неизбежна.

Стараясь всеми силами преодолеть боль и слабость, Жуан быстро пошел к отдаленным траншеям, где были расположены артиллерийские отряды.

Солдаты с удивлением смотрели на подошедшего покрытого кровью молоденького поручика. Наконец, он нашел командующего офицера.

— Умоляю вас всеми святыми,— задыхаясь, заговорил он,— откомандируйте возможно большее количество ваших солдат, без которых вы можете пока обойтись, с заступами и лопатами к тому окопу, в котором находится подземный ход.

— Что случилось? Вы ранены?

— Не обращайте на это внимания. Поскорее дайте мне отряд! Подземный ход обрушился!

— Тысяча чертей, неужели?

— Не медлите ни минуты! Генерал Агуадо и маркиз де Монтолон засыпаны.

Офицер быстро откомандировал десять человек из своих солдат с нужными орудиями к означенному месту, но Жуан зашатался, силы его истощились, из раны на голове, не переставая, сочилась кровь, он упал без чувств.

Офицер тотчас сам повел солдат к известному месту траншей, он поверил указаниям Жуана, но не мог ясно представить себе случившееся. Нужна была, однако, скорая помощь, надо было спасти обоих засыпанных.

Побуждая солдат к отчаянным усилиям, офицер сам помогал им. Заступы и лопаты работали, землю, наконец, отбросили — она была мокрой, и офицер начал звать по именам обоих засыпанных смельчаков. Все дальше подвигались по проходу его солдаты, как вдруг один из них закричал, отпрыгнув назад:

— Вода затопила ход, отходите!

В то же мгновение вода полилась, прорвавшись через оставшуюся землю во рвы, промочив офицера и отступивших в страхе солдат.

Поток покатился в окопы, офицер послал солдата известить об опасности ближайших командиров, чтобы немедленно были приняты необходимые меры против затопления.

Наконец, поток воды уменьшился, ход был свободен, вода покрывала его не больше, чем на полфута.

Офицер вошел в проход с несколькими из своих людей, и там они увидели неподвижно лежащего Олимпио Агуадо.

Его подняли из воды и понесли на сухое, освещенное солнцем место. Продолжая поиски, в нескольких шагах от него нашли и бездыханного маркиза. Но оставалась надежда, что жизнь не покинула еще отважных разведчиков.

Пока вновь прибывшие солдаты занялись окончательным освобождением прохода, давая выход воде, обоим пострадавшим начали оказывать первую помощь.

Долго все употребленные средства не приводили ни к малейшему успеху, и все уже стали бояться, что помощь пришла слишком поздно.

В это время приехал Канробер и велел перенести обоих смельчаков в свою палатку и призвать докторов; Жуана также перенесли в одну из его палаток.

Наконец, после нескольких часов усилий появились первые признаки жизни, сначала у Олимпио, затем у маркиза. Олимпио открыл глаза, но взгляд его был неподвижен, губы оставались синими. Однако доктора надеялись, что он останется жив. Маркиз хотя и позже пришел в себя, но поправлялся быстрее.

XIX

КАМЫШСКАЯ КРАСАВИЦА

Одна из следующих за этим происшествием ночей была душной и темной. Тяжелые тучи, предвещавшие грозу, покрывали небо, не пропуская ни единого луча луны.

Во французском лагере, расположенном вдоль Камышской бухты, стояла тишина, нарушаемая только мерными шагами часовых и отдаленным грохотом пушек, которые, не переставая, посылали свои ядра в Севастополь.

Ближайшие к лагерю сады и дороги безмолвствовали в темноте, нельзя было даже разглядеть расположенный недалеко городок Камыш, так как в нем, по приказу союзников, не должно было быть ни малейшего света. Жители Камыша, большей частью русские, повиновались распоряжениям англичан и французов, не выказывая им никакой вражды. Причиной этого был отчасти страх, отчасти то обстоятельство, что торговые английские суда часто посещали городок и контрабандной торговлей доставляли жителям много выгод.

Женщины и мужчины Камыша так же бегло говорили по-английски и по-турецки, как и по-русски.

Около полуночи из палатки, стоявшей вблизи сада, вышел мужчина. Он был закутан в шинель и, прислушиваясь, остановился на минуту, потом тихо шмыгнул под деревья.

Убедившись, что никто из часовых не заметил его и никого нет вблизи, он поспешно пошел через запущенный сад. Видимо, он хорошо знал направление, по которому должен был идти, потому что, хотя густо растущие деревья мешали ему, он быстро возвращался на тропинки, ведущие к той стороне, где был расположен городок Камыш.

Вскоре он достиг низенького забора, грубо сколоченного из досок, проворно перескочил через него и пошел по узкой, обсаженной деревьями дороге.

— Первая хижина с левой стороны, так говорил Джон,— проворно закутанный в шинель ночной путешественник, быстро шагая вперед,— через полчаса я дойду до нее.

Дорога была пустынная, по сторонам ее было тихо, только издали доносился однообразный шум морских волн, непрерывно плещущихся у берегов Камыша. В бухте стоял многочисленный французский флот, но и он не обнаруживал своего присутствия, так как не зажигал далеко бросающих свет сигнальных огней. Все кругом тонуло во мраке.

В это время путник, в котором читатель, конечно, уже узнал Эндемо, увидел по левой стороне дороги низкий бревенчатый домик, скорее заслуживающий названия хижины. Он был окружен темным выкрашенным забором, отделявшимся от него огородными грядками. В заборе была едва притворенная калитка.

Эндемо подошел к калитке, отворил ее и пошел по узенькой дорожке, ведущей к хижине, которая, казалось, тоже была выкрашена черной краской.

Дверь состояла из двух половинок, но разделение было сделано не сверху донизу, а поперек, так что можно было отворять только верхнюю половину, между тем как нижняя не пропускала входившего. С обеих сторон двери располагались маленькие окна, закрытые изнутри ставнями. Эти окна, так же как и вся передняя стена дома, были увиты виноградом, и хижина днем производила, наверное, приятное впечатление.

Закутанный в шинель офицер бросил испытующий взгляд на хижину и подошел к двери.

Начался дождь. Дождевые капли с шумом падали на виноградные лозы, но больше не слышалось никаких звуков.

Он постучал три раза и стал прислушиваться. Ничто не шевелилось. Он постучался сильнее.

Послышалось рычание и лай собаки, которая, судя по этому лаю, принадлежала к породе тех больших, похожих на волков собак, которые нравятся русским.

Он еще раз громко постучал. За дверью послышались шаги.

— Кто это стучится по ночам? — спросил по-русски женский голос.

— Отвори, Марья Наркова,— повелительным тоном сказал офицер.

Русская замолчала, наступила пауза, слышалось только рычание собаки.

— Я слышу, что вы знаете мое имя, сударь, но кто вы, однако? В такое время не всякому можно отворить,— раздалось, наконец, из хижины.

— Мне нужно сообщить тебе нечто важное, но мне некогда ждать, отвори скорее! Мой слуга, Джон, говорил тебе о моем посещении.

— Пошел, Брудо,— закричала женщина на свою собаку и отодвинула задвижку у верхней двери.

Показался свет, и когда верхняя половина двери отворилась, перед Эндемо стояла красивая полная женщина, которая держала одной рукой лампу, а другой придерживала накиннутый на плечи платок, скрывававший ее фигуру. Черные волосы Марьи Нарковой спускались тяжелыми косами на плечи. Ее лицо, представлявшее чистый русский тип, можно было назвать прекрасным. Это была сильная, красивого сложения женщина лет двадцати шести. Небольшие продолговатые глаза ее сверкали лукаво и кокетливо, пурпуровый рот с довольно полными губами, блестящие белые зубы, полные плечи и шея — все в ней было обольстительно.

Марья Наркова держала лампу и смотрела на бледное лицо Эндемо. Большая, косматая собака, оскалив зубы, продолжала рычать.

— Что вам угодно от Марьи Нарковой, знатный господин? — спросила женщина несколько ломаным английским языком.

— То, что я хочу тебе сказать, касается твоего отечества и народа, к которому ты принадлежишь. Здесь, у двери, я не могу тебе этого передать. Впусти меня, только прежде выгони вон эту дикую бестию, которая показывает мне зубы.

— Иди сюда, Брудо,— приказала женщина, пропуская собаку в спальню, из которой сама только что вышла. Она заперла ее в ней, потом открыла и нижнюю половину двери.

Эндемо вошел в хижину, не расстегивая своей шинели, и прошел за хозяйкой в довольно большую и приветливую, хотя и низкую, комнату, на стенах которой висели иконы. Старые, потемневшие плетеные стулья и несколько столов, стояли около стен; на полках, устроенных под самым потолком, стояли блюда и оловянная посуда.

Марья пригласила позднего гостя сесть, потом надела на себя пальто, висевшее недалеко от большой разрисованной печки.

— Говорите, знатный господин,— сказала она.

— Никого больше нет в твоём доме?

— Никого.

— Ну, хорошо. Да ты настоящая русская?

— Да сохранил Господь нашего царя и наше царство!

— Так ты ненавидишь чужестранцев?

— Вы спрашиваете, господин, но я не смею отвечать вам, так как и вы принадлежите к чужестранцам.

— Это только так кажется. Это только так кажется. Во французском лагере есть трое знатных больных, для которых было бы кстати, если бы кто-нибудь частным образом мог за ними ухаживать.

— Дальше, знатный господин, каждая русская жаждет сделать все, что от нее зависит, для истребления чужестранцев.

— Ого, наконец-то я узнаю твое настоящее мнение, камышская красавица. Ты должна увлечь одного или двух из этих больных и взять их в свой дом.

— Ну? Вы можете все договаривать, знатный господин.

— И с помощью какого-нибудь несчастного случая погубить обоих врагов твоего народа.

Глаза Марьи заблестели:

— Вы, сударь, ненавидите тех больных?

— Я думаю! Меня не удивляет то, что ты их ненавидишь, так как это самые знатные враги земли твоих отцов; если они найдут смерть в твоей хижине, ты окажешь этим услугу отечеству.

— Могу ли я верить вашим словам, господин?

— Не сомневайся, Марья.

— Но как мне взять их в мою хижину?

— Приди завтра во французский лагерь и скажи, что хочешь добровольно ухаживать за больными; хвали прекрасный, свежий воздух твоего городка и твоего дома.

— Хорошо, господин,— сказала русская, сверкая глазами.

— Вызываясь ухаживать за двумя опасно больными и пустив в ход всю твою красоту, чтобы привлечь их к себе, убей их, когда они увлекутся твоими прелестями. Ты хороша собой и к тому же довольно хитра, глаза твои говорят мне это.

— Вы слишком снисходительны, господин,— заметила женщина, принимая сконфуженный вид.

— Я вижу, что ты совершенно меня понимаешь и исполнишь мою просьбу. За наградой дело не станет. Отправься рано утром в лагерь. А пока возьми эту сумму.

— Благодарствуйте, господин, я думаю, что вы наш тайный приверженец,— ответила русская, беря туго набитый кошелек.

— Ты должна так думать, Марья. Каждый из нас должен исполнять свой долг и принимать участие в истреблении врагов. На твою долю выпало важное поручение уничтожить двух опасных неприятельских полководцев. Я посмотрю, честно ли ты поступаешь по отношению к твоему отечеству.

— Войдет живым, выйдет мертвым,— прошептала русская.— О, Марья сумеет задушить, она сильна! Марья может направить собаку на врага, и Брудо разорвет его в куски. Я дам собаке яду, чтобы она передала его врагу.

— Именно так,— подтвердил Эндемо, которому понравилась жаждающая крови женщина,— именно так. Марья, ты мне все больше нравишься, однако будь осторожна; хотя я и недалеко от тебя, чтобы снять с тебя всякое обвинение, но все-таки бойся измены. Действуй скорей. В твои руки попадут ведь мужчины, которых ты можешь легко победить своими прелестями! Прощай.

— Благодарю вас, господин.

— Действуй, как я тебе сказал, да будет с тобой архангел Михаил!

Марья сложила руки.

— Прощайте, знатный господин,— сказала она, провожая Эндемо из хижины.

— Теперь они не уйдут из моих рук,— бормотал, выйдя из дома, хитрый подлец.— Камышская красавица нравится мне. Радуйся, Бациоши! Надевай траур, Долорес, ты моя, я заставлю тебя принадлежать мне! Олимпио живуч, но в этой хижине он покончит счеты с жизнью.

Пока Марья запирала за ним дверь, Эндемо уже быстро шел по дороге, возвращаясь в лагерь, которого он достиг до рассвета.

Жуана Канробер взял в свою палатку, Олимпио и Клода перенесли в их палатку. Рана Жуана была не смертельна, но потеря крови в ту роковую ночь привела к сильному упадку сил, которые, благодаря стараниям врачей и внимательному уходу, мало-помалу начали восстанавливаться.

Олимпио было гораздо хуже. После многих усилий опасность для его жизни миновала, однако состояние его здоровья оставляло желать лучшего. Близость смерти развила в нем раздражительность, доходившую до того, что он иногда терял сознание, рассудок и память. Маркиз же на другой день так поправился, что мог сообщить генералу Пелисье, которого позвали к его постели, о результатах опасной экспедиции.

Найти слабую часть в укреплениях, возведенных гениальным Тотлебенем, было такой огромной удачей для союзников, что даже сам Пелисье принял живое участие в хлопотах о наилучшей врачебной помощи для пострадавших смельчаков.

Тесный лагерь и нездоровые испарения долины, увеличившиеся из-за проливных дождей, были, по словам медиков, очень вредны для обоих больных, поэтому необходимо было, для их скорейшего выздоровления, вывезти их из лагеря.

Пелисье велел уже перенести их на один из французских кораблей, стоявших в Камышской бухте, чтобы они могли пользоваться чистым морским воздухом, но в это время один из офицеров привел в лагерь жительницу Камыша, которая, уверяя в своей преданности союзникам, предложила предоставить больным свой прекрасно расположенный и увитый виноградом домик.

Это было так кстати, что Пелисье, узнав о предложении женщины и убедившись в действительно хорошем местоположении ее жилья, позволил воспользоваться для восстановления сил больных этим великодушным предложением.

Итак, Олимпио и маркиз переехали в домик Марьи Нарковой, к которому был приставлен часовой; самих же больных передали попечению камышской жительницы. Никто не мог предположить, что в этом доме скрывается измена, а поведение прекрасной хозяйки, ласково и радушно встретившей обоих друзей, не могло внушить ни малейших подозрений.

Маркиз уже иногда оставлял постель и гулял в маленьком садике, окружавшем хижину, Олимпио, напротив, еще очень страдал от последствий страшной ночи и должен был оставаться в постели, которая, так же как и постель Клода, стояла в комнате с иконами.

Марья предоставила свой домик в полное распоряжение больных, но каждый день приходила ухаживать за ними и при этом оказывала явное предпочтение Олимпио, так что у маркиза невольно возникла мысль, уж не полюбила ли русская женщина его больного друга, что было вполне возможно у такой страстной природы, какой она казалась.

Клод начал следить за нею и заметил, что она заботилась об Олимпио больше, чем следовало, постоянно прикасаясь к нему, чтобы убедиться, нет ли у него лихорадки, и не сводила с него своих обольстительных глаз. Однажды, заглянув из сада через окно в комнату, он увидел, что Марья, уверенная, что маркиз ее не видит, стоит перед Олимпио на коленях, демонстрируя ему свою красоту, а глаза Олимпио устремлены на ее прекрасную обнаженную грудь. И хотя маркиз и не подозревал о предательских планах Марьи, он, думая, что она влюбилась в Олимпио, считал необходимым помешать их неожиданному сближению. Поэтому Клод часто ночи напролет сидел у постели своего больного друга, который нередко бредил во сне, вновь переживая мучительные сцены борьбы со смертью.

Врачи, почти каждый день приезжавшие в Камыш, чтобы следить за Олимпио, уверяли, что он на пути к полному выздоровлению, однако маркиз не так легко смотрел на это и старался ни на минуту не оставлять друга без внимания.

В это время приехал и Жуан, как адъютант офицеров, который должен был быть вместе с ними. Он рассказал Олимпио и Клоду о том, что с ним случилось той страшной ночью и чего он не мог понять. Жуан очень боялся, чтобы офицеры не посчитали предательским его поведение, но друзья, пожав ему руку, успокоили его и уверили в своем уважении. Жуан сообщил, что в следующую ночь начнется штурм Севастополя, уже сделаны все приготовления, и врачи едва ли смогут посетить больного.

Олимпио успокоил на этот счет маленького адъютанта, он чувствовал себя в эти дни уже гораздо здоровее и сильнее, чем прежде.

Маркиз, сожалея о том, что не сможет участвовать в битве, в то же время ни за что в мире не хотел оставить Олимпио одного и отечески просил Жуана быть осторожным и рассудительным. Когда пришло время расстаться, Клод проводил своего любимца до самой дороги.

Впоследствии он раскаивался в том, что пошел провожать Жуана и оставил Олимпио одного в доме Марьи Нарковой...

К вечеру в Камыше ясно слышалось с каждым часом усиливавшаяся пушечная пальба; по-видимому, союзники начали обстрел Севастополя перед первым его штурмом.

Когда стемнело, Олимпио заснул, маркиз же все еще стоял возле маленького низкого окна.

Вдруг отдаленный гул пальбы прервал благодетельный сон больного — он застонал и стал метаться из стороны в сторону. Подойдя к постели Олимпио, Клод увидел, что лицо его горело, лоб покрылся испариной и кулаки судорожно сжимались.

— Помогите! — бормотал он. — Разве ты не видишь, Клод, этой собаки? Это волкодав, он бешеный, видишь — у рта его пена, погоди, я его схвачу!

Маркиз не мог понять лихорадочного бреда Олимпии, он думал, что это плод его больного воображения. Оба они еще не видели собаки Марьи, она держала ее скрытой в яме, так что лай животного ни разу не достигал их слуха. Каким образом, однако, ему представилась в лихорадочном бреду подобная картина, была ли она вызвана каким-то шестым чувством или объяснялась простым совпадением?

Клод старался успокоить своего друга, и слова его скоро оказали свое действие. Олимпии заснул, маркиз сел на плетеный стул возле его постели. Он тоже устал, так как и сам был еще не совсем здоров. Глаза его невольно закрылись, он облокотился на спинку стула, усталость взяла свое, и он погрузился в сон.

Он проспал, сидя таким образом, не более часу, как вдруг проснулся от лая собаки. Он вскочил и прислушался. Лай не повторился, и Клод решил, что он ему приснился под впечатлением от слов Олимпии о бешеной собаке.

Но что такое? — Перед домом слышался тихий шепот.

Маркиз вскочил со стула и стал прислушиваться, он не ошибся — во дворе говорили; слов нельзя было расслышать, но ясно слышались тихие шаги, кто-то прошел перед дверью.

Клод протер глаза, он совершенно проснулся. Послышался тихий звук медленно и осторожно открываемой двери. На дворе перед домом все еще говорили.

Тихонько подойдя к двери, Клод, несмотря на темноту, рассмотрел слабые очертания двух человек около забора: один из них был часовой, оставивший пост у двери дома и стоящий рядом с каким-то незнакомым человеком.

Маркиз удивился: ведь неисполнение своего долга в военное время могло стоить солдату жизни. Тут он разглядел, что незнакомец держит в руках бутылку, по-видимому, предлагая солдату выпить, потом он схватил солдата за руку и потащил его за собой. Они подошли к воротам низкого забора.

Клод, внимательно следя за часовым, пытался найти связь между ним и только что слышанными тихими шагами у дома — он был уверен, что их связывала какая-то не известная ему цель.

Жалость к солдату, которому грозило жестокое наказание за то, что он оставил свой пост, побудила маркиза пойти посмотреть, кто был его соблазнитель. Он тихо открыл дверь, чтобы не разбудить Олимпию, и так же тихо затворил ее за собой. В сенях не было никого. Осторожно приблизившись к выходной двери, маркиз отодвинул задвижку и переступил через порог.

Солдат, которого незнакомец довел уже до забора, противился ему, но тот употреблял все свое красноречие, соблазняя бутылкой крепкого вина и пытаясь увести его от дома. Разговаривая друг с другом, они не видели маркиза, который хотел узнать, кто был этот посторонний человек. Казалось, что это не был солдат.

— Далее ступай один, мне это может стоить головы, — говорил часовой.

— Ты глупец, ну кто нас видит и слышит! Через час ты снова будешь на своем посту. Мы с тобой разопьем еще бутылочку.

— Принеси ее сюда, я охотно выпью еще раз.

— Я тебе обещаю, что до смены ты опять будешь здесь. Еще не полночь, у нас еще больше часу времени. Пойдем, приятель!

Солдат колебался, соблазн был велик. Дом, у которого он стоял на часах, лежал в стороне, уединенно, и никто бы не заметил, что он удалился, если бы он вернулся ко времени смены. Клод подошел к забору, два человека стояли шагах в десяти от него. Он напрягал зрение, стараясь разглядеть обольстителя часового и, наконец, когда тот повернулся в его сторону, увидел его лицо. Это было широкое с большим, как бы раздвоенным носом лицо — незнакомец был похож на бульдога, маркиз никогда раньше не видел его.

Он хотел уже схватить этого человека, который явно что-то замыслил, как вдруг из дома донесся крик, от которого кровь застыла в его жилах. Это был бешеный лай собаки, который, как ему казалось, он слышал недавно во сне!

Что происходило в доме?

Маркиз бросился к двери и тут же услышал голос Олимпио, кричавшего:

— Животное взбесилось, я задушу его, назад, женщина!

Клод рванул дверь, но она была заперта изнутри. Смертельный ужас охватил его.

— Матерь Божия,— вскричал он, пытаясь выломать дверь,— он погиб! Отворите! Измена!

Солдат прибежал, а соблазнявший его незнакомец мгновенно скрылся.

Клод больше не думал о посте, он бросился к окну, тяжелым ударом выбил раму и прыгнул в комнату.

Ему представилось ужасное зрелище. Олимпио, вскочив с кровати, руками сдавливал шею огромного волкодава, с нечеловеческой силой пытаясь задушить его. Зверь рвал когтями обнаженное тело больного, в то время как хозяйка дома, как мегера, нападала на него, стараясь освободить животное. Олимпио должен был переносить и ее удары, так как не мог отпустить шею бешеного животного.

— Прочь, женщина,— закричал маркиз, спрыгивая с окна и хватая стоявшее в комнате ружье,— прочь или я убью тебя!

— Он задушит в безумном лихорадочном бреде мою собаку, мою любимицу, которая на него залаяла, когда он до меня дотронулся!

— Животное бешено! — закричал Олимпио Клоду. Глаза его сверкали, он, казалось, не чувствовал боли, которую причиняли ему рвавшие его тело когти. Кровь текла по полу, а Марья снова, как будто ничего не боясь, бросилась на Олимпио. Если бы Клод опоздал на минуту или Олимпио не проснулся вовремя, и собака успела бы укусить его, он погиб бы ужасной смертью. «Камышская красавица» уже несколько дней не давала собаке воды, изо рта ее текла пена, она, по-видимому, взбесилась. Олимпио сжимал горло животного как в тисках. Если бы Марье удалось освободить своего Брудо, оба ее врага погибли бы безвозвратно и никто не мог бы обвинить ее в их гибели.

Но она не знала, с какими решительными и проницательными людьми имела дело.

Маркиз прицелился в Марью, которая с диким криком бросилась было опять на Олимпио, и грозно закричал:

— Назад, еще одно движение, и я застрелю вас, хоть вы и женщина! Олимпио, поддержи собаку еще одну минуту, и она будет мертва!

Но женщина с яростью, удесятерившей ее силы, вырвала собаку из рук Олимпио и с притворным воплем жалости бросила ее на пол. Брудо напрасно был принесен в жертву, в судорогах он испустил последнее дыхание.

— Вы убили моего любимца,— кричала женщина, ломая руки,— будьте вы прокляты!..

— Благодарите Бога, что вы не заплатились жизнью за свою измену, которую я хорошо вижу,— сказал маркиз с возвратившейся к нему выдержкой и спокойствием,— посмотрите лучше туда, на моего окровавленного друга!

— Оставь, Клод, раны не опасны,— заметил со своим обычным добросердечием Олимпио.

Маркиз уложил его в постель и обратился к Марье Нарковой, все еще стоявшей на коленях возле собаки, со следующими словами:

— Знаете ли вы, что бы с вами было, если бы мы не предпочли милость справедливости? Ваш дом завтра же превратился бы в груды пепла. Вы должны радоваться, что план ваш не удался. Уходите и заберите свою собаку.

Марья, скрепя сердце, покорилась силе, понимая, что осуществить свои намерения уже не сможет.

Раны Олимпио были не опасны; возможно даже, что потеря крови оказала на его организм благотворное действие, а опасность, которая ему угрожала, подстегнула его силы и он стал прежним могучим и мужественным Олимпио. Когда на другой день приехавшие в Камыш медики рассказали, что штурм не удался и многие погибли, Олимпио начал рваться на поле битвы. Его невозможно было дольше удержать в постели. Он успокоился только тогда, когда посетивший их Канробер заверил его, что в ближайшие дни нового приступа не будет. Маркиз же убедительно просил Канробера перевести их обратно в лагерь, причём свою просьбу он объяснил таким образом, чтобы не причинить зла камышской предательнице. Конечно, просьба маркиза была уважена, и он с Олимпио опять перебрался во французский лагерь, куда вскоре после этого приехал и Камерата из Франции. Встреча с другом способствовала окончательному выздоровлению Олимпио. Он уже в это время выходил из палатки, и его первая прогулка в сопровождении друзей была в траншею, к тому месту, откуда они с маркизом начали свою опасную экспедицию на Малахов курган. Подземный ход был уже давно загорожен, и вода, проникающая в укрепления, отведена из них.

Пелисье между тем начал уже готовиться к решительному штурму. Земляные работы союзников подвигались все дальше, а их пушки

произвели заметные опустошения не только в городе, но и в Севастопольской крепости.

Маркиз и Олимпио были назначены главными командирами тех отрядов из войск генералов Боске и Мак-Магона, которым предстояло брать Малахов курган, так как им была хорошо известна слабо укрепленная часть этого кургана, считавшегося неприступным ключом к крепости.

Камерата остался при Олимпио, Жуан — при маркизе.

После мощного артиллерийского обстрела друзья повели свои отряды штурмовать Малахов курган. Они быстро достигли высот, которые нелегко было занять. Смерть свирепствовала в войсках, но они неуклонно шли к намеченной цели, направляемые такими храбрыми и искусными вождями, как Агуадо и де Монтолон. Наконец, Олимпио и Клод водрузили трехцветное знамя на занятом кургане, между тем как Камерата и Жуан вели на него новые войска, так как русские, используя для защиты множество переплетающихся между собой внутренних ходов, все еще отчаянно сопротивлялись.

По описанию профессора Вебера, этот бой был ужасен. Смерть косила людей с обеих сторон, четыре генерала были убиты, часть войска истреблена при взрыве батареи. Сражение продолжалось около 5 часов, пока французам удалось с большими потерями овладеть Малаховым курганом. И здесь они могли взлететь вместе с ним на воздух, если бы по приказу генерала Агуадо Камерата не перерезал фитили, которые были проведены к запасам пороха, скрытым в глубине Малахова кургана.

В то же самое время и на других укреплениях с таким же упорством и ожесточением сражались войска, стараясь овладеть стенами и окопами.

Англичане, уже овладевшие было укреплением Редана, были опять отбиты. Потери их составляли до двух с половиной тысяч человек, потери французов превышали семь тысяч...

Это было кровопролитное, страшное сражение.

Со взятием Малахова кургана судьба Севастополя была решена, и подвиг Олимпио и маркиза едва не стоивший им жизни, сыграл в этом деле первую роль.

С наступлением ночи Горчаков велел взорвать укрепления южной стороны города и потопить в заливе все до единого оставшиеся там корабли военного флота, чтобы они не достались победившему неприятелю.

Затем он повел остатки войска на северную сторону залива, разрушая за собой понтонные мосты.

Так кончилась севастопольская война.

Однако Россия вовсе не была так ослаблена понесенными ею поражениями и потерей крепостей, как думали западные державы, хотевшие свергнуть ее с места, занимаемого ею между европейскими государствами, тем более, что Австрия только недавно стала на их сторону, а Пруссия и большинство союзных государств все больше склонялись на сторону России.

Еще двуглавый русский орел держал в своих когтях полуостров Крым, когда Горчаков занял твердую позицию на восточных высотах Севастополя.

Положение дел мало изменилось от того, что во время двух следующих экспедиций союзники разрушили сперва маленькие русские укрепления Тамань и Фанагорию (перед Керчью), а потом угрожали местностям, лежащим между Кинбурном и Очаковом. Но если союзники уже выражали желание заключить мир, то Россия стремилась испугать свои поражения победами, чтобы не стать побежденной державой.

Цель эта была достигнута. Осажденная русским генералом Муравьевым турецкая крепость Карс (на юг от Трапезунда), геройски защищаемая Васив-пашой, которому словом и делом помогали англичанин Вильямс и венгерский генерал Кмети, принуждена была сдаться 27 ноября 1855 года.

Теперь Россия могла, так сказать, со славою заключить мир.

После того, как в январе 1856 года австрийский уполномоченный князь Эстергази согласился с многими пунктами договора, а Турция обеспечила специальным договором равные права христиан и магометан, в феврале этого года в Париже был заключен мир.

Луи Наполеон, который был тогда на вершине своей славы, содействовал тому, чтобы Турция стала в ряду европейских государств, что могло принести важные выгоды торговле, так как моря и судоходные реки были бы свободны для международных сношений.

Со всех сторон императору приносили поздравления. Его министр Валуевский, побочный сын Наполеона I, вел переговоры о мире. Все взгляды были устремлены на выскочку, ставшего судьей Европы, и на его жену, которая из испанской графини превратилась в императрицу. Супруги купались в лучах военной славы.

XX

ИНЕССА

Мы видели уже, какая судьба постигла бедную Долорес, теперь бросим взгляд на придворные интриги, жертвой которых стала эта бедная девушка.

Инфанта Инесса начала понимать, что она запятнала себя участием в позорной игре, и у нее возникло убеждение, что главный виновник этого — Бациоши, играющий роль преданного слуги Евгении и Наполеона.

С самого начала этот человек произвел на нее отвратительное впечатление. Когда же инфанта узнала его ближе, она стала внимательно наблюдать за ним. В то время, когда Бациоши думал, что его никто не видит, выражение лица изобличало всю низость и подлость его души: коварная улыбка играла на его губах, недву-

смысленно выражая радость, которую испытывал этот человек при удачном исполнении своих козней — это-то и заметила Инесса. Она поняла, что он виновник несчастья Долорес и что версальское свидание — дело его рук, она вспомнила много фактов, подтверждающих это.

У Инессы больше не было сомнений, что обер-камергер был демоном Тюильри, вся мудрость которого состояла в том, что он шпионил за всеми при дворе и плел подлые интриги. И скоро Бациоши почувствовал, что доверенная Евгении, таинственная дама под черной вуалью, видит его насквозь. Он понял, что она может стать опасной его противницей, но не боялся ее, пока она не проявляла своей вражды. Если бы это случилось, то такой человек, как Бациоши, не отказался бы ни от каких средств, чтобы уничтожить соперницу.

Инесса скрывала от Евгении свою тревогу, не решаясь доверить императрице мучившие ее мысли и чувства. Ее терзала неизвестность судьбы бедной Долорес и мысль, что она помогла, хотя и ровно ничего не зная, принести в жертву невинную девушку. В душе Инессы происходила борьба, которая до сих пор была ей незнакома. Если та, которую она любила, использовала ее любовь для преступления, если Евгения сделала ее орудием несправедливой злобы, соучастницей Бациоши, то она заслуживала не любви, а ненависти.

После нескольких бессонных ночей Инесса решила еще раз отправиться в улицу Сен-Дидье № 4, чтобы попытаться разузнать, куда же все-таки исчезла Долорес.

Случай ей благоприятствовал. В один из ближайших вечеров императрица отправилась в оперу, она была свободна на несколько часов и незаметно оставила Тюильри. Почти бегом миновав несколько улиц, она вскоре пришла к дому Шарля Готти.

Папаша д'Ор стал богатым человеком с тех пор, как сделался тайным агентом полиции. Даже наружность его изменилась, манеры и самая походка отражали спокойное достоинство. Он умел, когда нужно было, возбудить доверие к себе, что не мешало ему по первому слову начальства с готовностью употребить оружие против любого указанного лица.

Известный тайный агент Гриццели, так же как Бартолотти, Гонде, Басон, Грилли, Шарль Готти, Тибо и тысячи других, после нескольких доносов получали такую годовую награду, какую у нас едва ли получает президент.

Неудивительно, что эти люди стали членами высшего общества, носили жемчужные булавки и драгоценные кольца, а нередко и орденские ленточки в петлицах. Если же для какой-либо цели они посещали ночные заведения определенного толка, то являлись туда в других костюмах, а их прошлое позволяло им чувствовать себя спокойно и уверенно и в этих сферах, так что и здесь они умели внушить к себе доверие.

Их роль, однако, была вовсе не легка, потому что для нее требовалось иметь натуру хамелеона, у них не должно было быть собственного мнения или убеждения, а только умение беспрекословно

выполнять все предписания Морни, Пьетри, который в это время занимал место Мопя, Персиньи и других декабрьских героев. За это им хорошо и платили.

Пер д'Ор исполнил свои обязанности в кровавые декабрьские дни, устранив не менее 14 ненавистных Наполеону депутатов; конечно, такой героизм не должен был остаться без награды.

Прежний шпистоник, служивший затем в качестве трактирщика полицейским шпионом, женился, как мы уже упомянули, на немолодой, как и он, но еще очень желавшей замужества статс-даме императрицы. Репутация этой бравой персоны, как и ее честного супруга, была безупречной, что, без сомнения, увеличивало счастье их брака.

Своей женитьбой Шарль Готти доказал, что прекрасно знает нравы своего века и своей страны. Человек, умеющий использовать любой случай, чтобы укрепить свое положение в обществе, он не упустил и случая породниться с дамой из высшего света.

Однако те, кто использовал для своих целей его самого, были, как мы скоро увидим, еще хитрее и доверяли ему, как и другим своим агентам, ровно настолько, насколько это было им необходимо. Одному они поручали начало ведения какого-либо дела, а доканчивать его предлагали другому, так что ни один из них не мог увидеть или установить общей связи.

Рабочий кабинет Пер д'Ора был внизу, а семейные и приемные комнаты находились в бельэтаже, куда вела покрытая ковром лестница. Сейчас, вечером, этот господин сидел за своим рабочим столом, подготавливая отчет для префекта Пьетри, когда слуга доложил ему о приходе одетой в черное дамы с закрытым вуалю лицом, которая хотела сообщить свое имя только господину Готти.

В этом было что-то таинственное, но тайного агента не могли удивить никакие неожиданные встречи и связи. Он поднялся, бросил пытливый взгляд в зеркало и, пригладив свои, уже с проседью, волосы подошел к двери, которую подобострастно открыл перед ним слуга.

Инецца появилась на пороге, и когда слуга удалился и она осталась одна с хозяином, приподняла вуаль.

— Ах, милостивая инфанта, — произнес последний с очень низким поклоном, — чему я обязан честью видеть вас у себя?

Надежда на новое тайное поручение и на соединенную с этим наградой придала его лицу особенно милое выражение.

— Ваше высочество, сделайте милость, присядьте, — и он предупредительно указал на несколько мягких бархатных кресел, предназначенных для таких высокопоставленных особ.

— Мое дело не задержит вас долго, господин Готти, — сказала Инецца, садясь. — Умеете ли вы молчать?

Пер д'Ор улыбнулся вежливо, но снисходительно:

— Ваше высочество должны знать, что ваш слуга умеет принимать и выполнять поручения всякого рода и потому считает своим высшим долгом все слушать и ни о чем не говорить.

— Я имею в виду — молчать перед вашей супругой?

— Точно так же, ваше высочество. Долг не имеет ничего общего с семейными отношениями, я умею это различать.

— Это не повредит вам, господин Готти. К делу. Несколько недель тому назад я привозила в ваш дом молодую испанку.

— Прелестная сеньора, имени которой я никогда не знал, Ваше высочество, приходила в тот вечер еще раз — я был несчастлив, что не мог вам услужить.

— Вы можете это сделать сегодня! Я прихожу к вам с тем же самым вопросом — куда отправилась сеньора?

Пер д'Ор разочарованно пожал плечами:

— Извините, Ваше высочество, об этом я ничего не знаю.

— Вы думаете, что я хочу испытать вас? Это не так, милостивый государь. Я щедро награжу вас за каждое сообщение по этому делу, потому что мне чрезвычайно важно узнать, что сделалось с этой сеньорой. Обер-камергер Бациоши был вечером у вас?

Инфанта пылливо взглянула на агента.

— Вы это знаете, ваше высочество,— ответил он вполголоса.

— Какие поручения он вам давал?

— Отвести иностранку в его экипаж.

— Вы это сделали?

— Я должен слушаться, Ваше высочество, это был высочайший приказ.

— Я знаю! Сопровождал обер-камергер сеньору? — продолжала спрашивать Инесса.

— Нет, Ваше высочество, господин обер-камергер не показывался ей.

— Плут,— прошептала Инесса, сверкнув глазами. Потом спросила громко: — Куда он приказал везти испанку в своем экипаже?

— Вот этого я не знаю, Ваше высочество! Господин обер-камергер написал письмо, содержащее несколько слов, на этом столе, пока сеньора садилась в экипаж, и передал его сопровождавшему экипаж егерю, которому приказал отвезти сеньору в то место, которое указано на конверте. Мне этот адрес остался неизвестен.

— Он не назвал адреса егерю?

— Он предоставил ему прочесть его,— с выражающим сожаление жестом сказал Пер д'Ор.

— Он меня перехитрил,— произнесла Инесса.

— Ваше высочество, вы видите, что я готов сообщить вам все, что знаю!

— Еще одно, господин Готти,— знаете ли вы этого егеря обер-камергера Бациоши?

— Если я его увижу вновь, то, без сомнения, узнаю!

— Возьмите эту сумму в задаток за вашу услугу,— сказала инфанта, кладя на стол кошелек, наполненный золотыми монетами.

— Тысячу раз благодарю, милостивая госпожа инфанта!

— Сумму в десять раз большую вы получите от меня, безусловно, господин Готти,— продолжала Инесса тихим голосом,— если известите об адресе, по которому была отправлена сеньора.

— Я приложу все усилия, чтобы заслужить благодарность Вашего высочества, но исполнение этого дела будет для меня довольно трудно. Егерь, преданный слуга, вряд ли выдаст тайну своего господина, но я, однако, постараюсь сделать все возможное. Я отыщу кого-либо, кто сможет выведать прошлое, но для этого потребуются еще деньги. Егерь — испытанный господин; он меня узнает, и потому я должен найти кого-нибудь другого, который смог бы выведать у него необходимые сведения.

Инесса бросила презрительный взгляд на столь откровенно корыстолюбивого человека.

— Ну, будем считать яснее! В кошельке сто наполеондоров, сумма, вдесятеро большая, будет тысяча, но так как вы нуждаетесь в товарище, то я удваиваю сумму! Вы получите за известие 2000 золотых.

— Какое великодушие, Ваше высочество! Я обещаю вам как можно скорее доставить известие, я употреблю для этого все усилия, Шарль Готти не должен быть назван неблагодарным!

— Оставим уверения,— заключила инфанта холодно,— доставьте известие.

Она кивком простилась с низко кланявшимся Пер д'Ором и быстро вышла из его дома.

Выйдя на улицу, она глубоко вздохнула; будто камень свалился с ее груди, она дышала легко и свободно. Но на ее бледном лице появилось такое презрительное выражение, такая злая усмешка, что тот, кто посмотрел бы на нее в это мгновение, отступил бы в испуге. Путь ее был усеян несчастьями, она встречала в жизни лишь презренных людей, и ее нелюдимость и ненависть к людям, развившиеся вследствие несчастья ее отца, имели, таким образом, свое основание. Она содрогалась от ужаса при виде жалких людей, которых ей пришлось узнать, людей, ненавидящих друг друга, терзаемых страстями, которые из жадности, сластолюбия, зависти или честолюбия стали клятвopреступниками, бесчестными предателями и погубили или, по крайней мере, способствовали гибели, быть может, единственной чистой и доброй женщины, которую послало ей небо, чтобы не привести ее душу в совершенное отчаяние.

Инесса, бледная и возбужденная, спешила по улицам, как будто ее преследовали фурии. Перебежав через площадь, она быстро подошла к второму павильону Марсан, потом вошла в свои комнаты. Королева уже возвратилась из оперы, но еще не звала инфанту.

Теперь Инесса должна была скрыть свои мысли и чувства, и она затаила их глубоко внутри себя.

После того как императрица вошла в свою спальню, и инфанта пожелала ей спокойной ночи, она преклонила колени пред образом Мадонны, который висел в нише, и долго молилась. Этот тихий уголок манил к молитве сердце, отягощенное горем и страданием, и Инессе казалось, что она слышит среди непроницаемого мрака ночи слова ободрения:

— Ищи добра, тогда тебе самой будет хорошо! Поступай справедливо, и душа твоя найдет мир. Не бойся никого, но будь милостива

к злым, старайся их спасти, тогда твое сердце исполнится блаженства, и твоя жизнь найдет себе цель и счастье.

Ободренная своей молитвой и найдя утешение в как будто слышанных ею словах, Инесса встала с колен... Ей не хотелось оставлять нишу, она все смотрела на нежные черты Мадонны, которые внушили ей такой покой и такую силу. Она снова опустилась на ступеньки налож, прислонилась к нему усталой головой и ей казалось, что Мадонна смотрит на нее, полная любви и нежности. Она забылась.

Но вдруг до ее слуха донеслись звуки, грубо разрушившие этот волшебный мир.

— Помогите!.. Прочь... прочь... они задушат меня... как темно кругом... прочь... помогите!

Инесса вскочила, убрала волосы с лица и только теперь увидела, где она находилась.

Но откуда же неся этот полный ужаса зов?

Прислушавшись к долетающим до нее стонам, она поняла, что они доносятся из спальных покоев императрицы.

Холодная дрожь пробежала по телу Инессы, и она бросилась к этим покоям, куда никто не имел права входить в ночное время, даже она, поверенная Евгении.

Но тут прозвенел колокольчик, коротко и громко. Инфанта, сразу успокоившись, твердой рукой приподняла шитую золотом портьеру и вошла в спальню, освещенную слабым красноватым светом. В просторной великолепной, наполненной благоуханием цветов комнате никого не было.

Ее взгляд упал на шелковые занавеси кровати императрицы, над которой висел золотой орел, держащий корону. Инесса быстро подошла к постели императрицы. Она увидела, что Евгения тяжело дышит, на лбу ее выступил холодный пот, беспокойно бегающие глаза выражают смятение.

— Вы больны, позвольте я пошлю за доктором,— сказала Инесса с озабоченным видом.

— Ужасное сновидение!.. Останься здесь, Инесса. Оно было так ужасно, что я должна была позвать тебя. Я видела Долорес и людей, грубых людей без числа; миллионы грубых рук хватили меня, они хотели втащить меня в темное пространство, и я не могла убежать... это ужасно... они преследовали меня...

— Вас мучил сон,— тихо произнесла Инесса,— но он имеет глубокое значение; это был предостерегающий голос совести...

— Засвети канделябры и останься у меня; я не знаю, отчего отдельные образы еще являются передо мною: Оссуна, Генри, маркиз де Монтолон, Олимпио Агуадо... Он несет крест...

— Могу ли я предложить вам что-нибудь из успокаивающих напитков?

— Нет, нет, он проходит, этот необъяснимый, ужасный сон. Ложись там, на диване, я надеюсь, что тогда я усну спокойнее.

Инесса исполнила желание Евгении и осталась около нее. К утру сон императрицы стал спокойнее и крепче.

Когда придворные врачи, на другой день позванные на совет, услышали о припадке, они уверили императора, что есть надежда на продолжение династии.

Луи Наполеон был столько же удивлен, сколько и обрадован этим известием. Мысль о престолонаследии не давала ему покоя уже с первого года брака, теперь она должна была исчезнуть.

Говорят, что император никогда не был так весел и в то же время так расположен к печали, как в это исполненное надежд время. И он, конечно, имел все основания считать себя счастливым, потому что, наконец, после почти трехлетнего напрасного ожидания, высшее его желание должно было исполниться.

Припадок Евгении больше не повторялся, она была в очень веселом настроении, блистала здоровьем и красотой, сама теперь смеялась над ужасами той ночи и просила инфанту забыть о них.

Спустя несколько недель, Инесса встретила в приемной зале обер-камергера Бациоши, который по поручению Наполеона только что справлялся о здоровье императрицы.

Отвечая на церемонный поклон корсиканца, инфанта не могла удержаться; чтобы не бросить на него испытующего взгляда.

Но Бациоши давным давно при каждом удобном случае старался показать свое превосходство над гордой и, как ему казалось, домогающейся влияния на него инфантой. Ему казалось, будто она видит его насквозь своими пронизательными глазами, и это расстраивало его, как часто случается с теми, у кого совесть нечиста и низкие намерения.

Теперь он считал момент самым подходящим для того, чтобы намеками пригрозить инфанте и либо привлечь ее к себе, или отделаться от нее. Однако это было не так легко, как он думал.

— Я счастлив, что могу осведомиться о вашем здоровье и положить мою преданность к вашим ногам, дражайшая инфанта,— сказал этот малодушный, но уверенный в себе придворный, наклоняясь, чтобы поцеловать руку отступившей назад Инессы.— Мне так редко выпадает случай, когда я могу к вам приблизиться.

— Правда ли то, что вы говорите, господин обер-камергер? — спросила Инесса, сурово осматривая его своими темными глазами.

— Вопрос по совести, прекрасная инфанта,— может ли быть справедливо все, что говорят? Конечно, в вас еще живы мечты, связанные с вашим свободным прошлым,— произнес в ответ Бациоши с легкой горечью в голосе.— При дворе, да и вообще в человеческом обществе, это называют требованием общественных отношений и воспитания. Плохо, если в общечитии постановляют, что нужно всегда говорить только правду. Ваш вопрос навел меня на это толкование, которого обычно стараются избегать.

— Но не прячется ли под этим правилом общественных отношений и воспитания, как вы это называете, грубая несправедливость, которая не необходима? Мы с вами раскланиваемся, господин обер-камергер, ну, этого и достаточно в отношении общественных приличий. Но к чему тут уверение, что мое появление сделало вас счастливым, когда я знаю совершенно противоположное?

— Вы знаете,— возразил Бациоши, грубо смеясь,— поэтому всякого рода выражения излишни. И я очень рад, что вы питаете ко мне то же чувство, которое подсмотрели во мне.

— Я знаю, что вы меня избегаете, может быть, боитесь.

— На чем основано такое предположение, милостивая государыня?

— На том, что вижу вас насквозь, и вы это чувствуете, господин обер-камергер...

— А? Прелестная послушница двора еще не успокоилась...

Инесса выпрямилась; вся гордость, все презрение, которое она питала к Бациоши, ярко вспыхнули в ее взгляде:

— Послушница должна быть скромной, чтобы не держать себя наравне с креатурами двора и не быть принятой за одну из них, господин обер-камергер; послушница презирает их и объявляет им войну не на жизнь, а на смерть.

— Э, как возбуждена и эмансипирована моя дорогая инфанта де... де... я забыл, где лежит та страна или тот город, которого вы инфанта?

Этим вопросом, иронически улыбаясь, Бациоши попытался как можно более чувствительно унизить свою противницу.

— Я хочу быть инфантой. справедливости и чести, господин обер-камергер, которой лучше обладать не землями, а чистым сердцем. Пусть это будет последним ответом для вас.

— Итак, вы объявляете мне войну?

— Пусть будет так, я к этому готова.

— Вопрос о победе, инфанта,— обоюдоострый; посмотрим, кто победит,— сказал Бациоши на прощанье.

В эту минуту камердинер поднес инфанте письмо на серебряном подносе.

— Еще минутку, господин обер-камергер,— сказала Инесса, принимая письмо.

Слуга удалился.

Инфанта сломала печать и бросила быстрый взгляд на несколько строчек без подписи, содержащихся в письме.

— Вы знаете полицейского агента Грилли, улица Орлеан № 18? — насмешливо спросила она Бациоши.

Она видела, что вопрос остался не без действия.

— Грилли? К чему этот вопрос, милостивая государыня?

— Говорят, что этот человек ваше орудие, ваш поверенный, что он знает нечто, что могло бы вас компрометировать, господин обер-камергер.

— Даже если бы он знал что-нибудь подобное, то, будьте уверены, что не смог бы принести мне вреда.

— Не говорите так, потому что уже поздно. В это самое время, когда мы с вами говорим, эти дела, насколько они мне интересны, уже открыты и выданы.

Бациоши передернуло, казалось, на мгновение он потерял свое обычное присутствие духа, инфанта поймала его врасплох и перехитрила. Но тут же дьявольская улыбка опять заиграла на его широких губах.

— Это было бы смертью для глупца, который один только может быть виновен в этом! О, милостивая государыня, вы считаете обер-камергера, родственника императора, за глупца, который позволит обмануть себя, но так легко вы его не победите! Я благодарен вам за предостережение и постараюсь употребить все, что вы мне сказали, в свою пользу.

— Если у вас еще хватит для этого времени,— отвечала Инесса, держа письмо в руке.

— Я надеюсь, Бациоши будет недостойным человеком, если позволит победить себя так легко. Имею честь...

Он поклонился и поспешил вон.

Письмо, которое Инесса только что получила, было, как она и думала, написано Пер д'Ором. Оно гласило:

«Сеньора привезена к полицейскому агенту Грилли, улица Орлеан № 18. Через час вы получите известие, куда она была отправлена оттуда».

XXI

ДИТЯ ФРАНЦИИ

Летом 1855 года Канробер, как мы уже упоминали, передал свой пост решительному и беспощадному Пелисье; в июле принц Камерата был уже в Париже. Он также отличился при завоевании Севастополя, и вследствие известий из главной квартиры в Париже ему и маркизу де Монтолону были вручены генеральские дипломы.

Но храбрость и подвиги Олимпю Агуадо были оставлены без внимания, казалось, его совершенно забыли или предоставили награждать испанской королеве. Олимпю не был этим огорчен, а, напротив, смеялся над тем, что, должно быть, были найдены веские причины, по которым его лишили награды или хотя бы императорской благодарности. Конечно, это были происки Евгении, которая хотела хоть этим отомстить ему. Ей было недостаточно того, что она проделала с Долорес, она желала еще унижить храброго генерала.

В то время, когда союзные войска возвращались и мир был заключен, 16 марта 1856 года, Евгения одарила императора и народ принцем.

Радость по поводу рождения наследника престола была неописуемой и гордость Наполеона не знала границ. Теперь он достиг вершины своего могущества, теперь престол был упрочен. Он торжествовал, озаренный лучами славы только что одержанной победы, и рождение сына было довершением видимого счастья. Исполнилось последнее желание императорской четы.

Пока дитя оставалось единственным, в известных кругах носились нелепые слухи, обычно не доходившие до Тюильри. Так, рассказывали, что этот мальчик был подмененное дитя, которое украли у одной

бедной роженицы в предместье Сен-Жермен. Отец ребенка, разбойник, умер по дороге в Кайенну, а мать была отведена в тюрьму Ла-Рокет, откуда отправлена затем в дом для бродяг.

Понятно, что такой случай не мог остаться тайною для Тюильри, где сколько-нибудь необыкновенные вещи и даже ссылка и устранение неугодных немедленно становятся предметом обсуждения.

Гораздо понятнее было выражаемое многими в Париже и во всей Франции мнение, что маленький принц был дитя любви супруги, которая не радовала этой любовью своего супруга.

В ночь рождения принца в покоях императрицы находились, кроме ее лейб-медика, доктор Коно, которому очень доверял император, теперешняя герцогиня инфанта Барселонская, и несколько статс-дам.

В блестящем будуаре и смежной зале были господа Билло, Персиньи и Бациоши.

Император через каждые полчаса получал известие от Бациоши. В полночь к нему пришел доктор Коно и сообщил о рождении сына.

Теперь все двери открылись.

— Да здравствует наследный принц! — прозвучало по залам и ходам Тюильри.

— Да здравствует император, да здравствует императрица! — раздавалось по площадям и улицам Парижа.

Пушечные выстрелы возвестили счастливое рождение ребенка, и число их показало парижанам, что это был принц, наследник престола, потому что при рождении принцессы полагалось меньше выстрелов.

Принц получил имена Евгений Луи Жан Жозеф Наполеон.

Императрице было 30 лет, когда она родила этого ребенка, она родилась 5 мая 1826 года. Императору было уже 48 лет, королева Гортензия родила его 20 апреля 1808 года.

Перейдем теперь снова к нашему прерванному рассказу.

Бациоши думал о том, как освободиться от инфанты, которая становилась для него опасной, что он не скрывал от себя. Необходимо было во что бы то ни стало обезвредить ее и внушить императрице подозрение относительно ее поверенной, к чему у обер-камергера был выдающийся талант. Кроме того, он имел много преданных ему людей, которые были так или иначе обязаны ему и старались услужить, а также единомышленников, которые ничего не боялись и ни перед чем не отступали.

Он чувствовал, что должен действовать быстро, если не хочет быть побежденным, но решил, что удар, направленный против инфанты Барселонской, должен исходить не от него, чтобы потом, когда он будет нанесен, он мог сказать ей, торжествуя:

— Это была моя рука! Я гублю тебя, потому что ты отважилась восстать против меня, глупая женщина. Теперь ты свергнута! Раскаивайся в своем безумии и знай, что ты сама искала противника, которого хотела уничтожить. Я знаю все тайны и держу в руках нити всех интриг. Ничто не ускользнет от моего взгляда, и напрасно

ты думала, что можешь победить меня, когда все — в моей власти. Через твою гибель пройдет мой путь!

Несколько дней спустя, по возвращении д'Онси, Монтолона и Агуадо, в церкви Нотр-Дам, с чрезвычайною пышностью происходило крещение наследного принца. Пять тысяч приглашенных заполнили просторную церковь, и ведущие к ней улицы, по которым проходила блестящая праздничная процессия из Тюильри, были полны толпами народа. Не переставая, раздавались крики «Ура» и радостные возгласы.

Издержки, которые были сделаны по случаю этого праздника, достигали почти миллиона франков и сколько еще пошло на награды, которые были розданы по этому случаю! В самом деле, Дитя Франции уже при самом своем рождении было очень дорогим предметом общей радости. Шествие крестин одно только обошлось в 200 тысяч франков, распорядители получили почти такое же вознаграждение.

Врачам было заплачено 30 тысяч и вдвое больше — музыкантам, живописцам, скульпторам и писателям, которые воспевали и прославляли в своих произведениях счастливое событие.

Все это исходило отнюдь не из средств отца ребенка, а из казны города.

Луи Наполеон неустанно заботился о том, чтобы обеспечить себя и Евгению и постоянно вывозить к иностранным банкирам богатства, которые вряд ли мог получить из своих штатных доходов. Уже в это время он имел у фирмы братьев Баринг в Лондоне сумму в 500 тысяч фунтов стерлингов, что равнялось трем с половиной миллионам франков, и кроме того, купил для Евгении много поместий в Испании, чтобы при несчастном случае можно было жить, ни о чем не заботясь.

Со временем Наполеон III предполагал еще в несколько раз увеличить эти богатства, так, что мог вести в Англии лучшую жизнь, чем любой английский принц. Горькие заботы, которые он испытывал прежде, теперь не страшны ему, даже если бы он потерял свой трон, которого добился с таким трудом.

Для наследного принца был установлен после крещения свой собственный блестящий придворный штат. Если бы содержание маленького мальчика увеличивали сообразно росту его сил, оно поглотило бы все государственные средства. Днем и ночью его окружали врачи, которые следили за его сном, за его дыханием и неусыпно о нем заботились.

Счастливая мать каждый вечер приходила в комнаты сына, Луи Наполеон также смотрел на него с любовью. Наследник его трона должен был быть счастлив и любим народом — это была цель всех его планов.

Но, казалось, справедливая судьба уже начала действовать против этого человека, который всю свою жизнь, не задумываясь, приносил в жертву все, что не служило его интересам. Крымская кампания истощила государственную казну, неурожай во Франции и растущая бедность народа возбудили его ропот и негодование.

Дитя Франции должно было смягчить эти несчастья, и хотя принц еще ничего больше не делал, как только кричал, ел и спал, но комедия, связанная с его рождением, имела успех! Император всюду внёс богатые дары от своего имени, хотя и из городских касс. Во всех церквах служили благодарственные молебны за Дитя Франции, и все эти штуки оказывали свое действие!

В шелковых, обшитых драгоценными кружевами пеленках, в золотой колыбели, над которой висела корона, лежал мальчик, судьба которого казалась достойной зависти. Все ему улыбалось, все теснились к нему с видимым благоговением! Охраняемый бесчисленными глазами, окруженный блеском и великолепием, лежал он на мягких подушках. Но разве не счастливее дитя мещанина или работника, которое держит у своей груди любящая мать, которому не предстоит такое сомнительное будущее, как наследование трона, тем более неверного и опасного трона Франции...

Кажется счастливым человек, имеющий от рождения право на престол и корону. Но как часто принц завидует простому человеку, который сумел сам создать себе счастливую судьбу...

XXII

ГРИЛЛИ И ЕГО ТАЙНА

Три храбрых генерала и Жуан приехали в Париж и остановились в отеле маркиза де Монтолона.

Первое место, куда пошел Олимпио, — Вандомская площадь. Все его помыслы были о Долорес и о том, что, наконец, настал момент, когда он заключит с ней такой желанный и долгожданный союз.

С бьющимся сердцем спешил он к знакомому дому, где, как он думал, ждала его возлюбленная. Олимпио представлял себе ее радостное удивление и лучезарную улыбку, с которой встретит его Долорес. Он знал, как горячо она любит его, как сильно желает соединиться с ним!

Вот и заветная дверь, она открыта, и Валентино идет к нему навстречу.

Но Олимпио едва узнал своего слугу, исхудавшего и постаревшего.

— Слава Богу, что вы возвратились, дон Олимпио, — Валентино в отчаянии сжимал руки. — О, это несчастье! Убейте, прогоните своего недостойного, несчастного слугу.

— Черт возьми, Валентино, что случилось?

— Я не осмеливаюсь вам сказать, дон Олимпио! Посмотрите на меня — я лишился покоя, я даже хотел лишиться себя жизни.

— Что значат эти слова! Где сеньора? Отвечай же скорее!

— Сеньоры, убейте меня, дон Олимпио, сеньоры нет, она исчезла...

Олимпио вздрогнул, будто ужаленный змеей.

— Валентино,— сказал он глухим голосом,— ты шутишь, и это непростительно верному слуге, но ты меня знаешь! Прочь с дороги, я пойду в комнаты наверх!

— Они пусты, дон Олимпио! Клянусь моим спасением, я невиновен! Сеньора исчезла.

Генерал Агуадо дрогнул, он больше не мог сомневаться в словах Валентино!

Рука его невольно сжала рукоять сабли, он гневно поглядел на слугу и быстро пошел наверх, как будто желал сам убедиться во всем.

Олимпио доверял своему слуге, всегда полагался на него и все-таки считал немыслимым, невозможным исчезновение Долорес. Не был же Валентино бездельником или неверным слугой, который в его отсутствие мог изменить ему и перейти к его противникам?

Эти мысли промелькнули в голове Олимпио, пока он взбегал по ступенькам, чтобы осмотреть комнаты.

Наверху лестницы навстречу ему вышла, заливаясь слезами, старая дуэнья, которая от волнения не могла вымолвить ни слова.

Он поспешил мимо нее в залы, бросался из одной комнаты в другую, но нигде не было ни следа Долорес. Все стояло так же, как в тот вечер, когда он ее оставил, только без нее...

Это было слишком для Олимпио! Гнев, испуг, мука неизвестности терзали его, казалось, он потерял всякое самообладание.

Валентино следовал за ним по пятам. Бешенство и гнев преобразили благородного дона Агуадо, прежде столь великодушного. Он схватил и нещадно тряс своего слугу, который бросился ему в ноги.

— Подлец! — восклицал он. — Где сеньора?!

— Я знал, что вы меня назовете так, что вы во мне усомнитесь, дон Олимпио! Я сам ненавижу и презираю себя, но вы должны знать, что и телом, и душой я принадлежу вам и сеньоре!

— Что произошло, рассказывай!

— Слушайте! Я предпочитаю смерть подобной жизни! Сколько я вынес до этого часа! Я не так дурен, как это кажется, поверьте мне, дон Олимпио, ради вашего счастья — поверьте мне. Я не подозревал никакой измены и только потому мог ожидать вашего возвращения, потому не лишил себя жизни, чтобы вы не прокляли меня мертвого!

— Ты видишь, что я сгораю от нетерпения! Рассказывай же скорее!

— Недавно явился сюда из императорского дворца знатный господин, я узнал, что это придворный! Он сказал сеньоре, что должен сообщить ей важное известие относительно вас.

— Что это значит? Известие обо мне в Версальском дворце?

— Сеньора, которая вас любит больше жизни, не думала об измене и я оставил свое недоверие, когда господин сказал, что я могу сопровождать сеньору!

— Далее; скорее!

— Мы поехали во дворец, что там происходило, я не знаю! Император говорил с сеньорой, и дама, закрытая черным покрывалом, через час привезла ее назад.

— Почему ты не пошел во дворец?

— Я пошел, дон Олимпио. Но смог проводить сеньору только до галереи, потом вдруг шесть лакеев загородили мне дорогу. Я, разумеется, не сдался и не побоялся этой полдюжины людей, но во время спора сеньора исчезла из моих глаз, и когда я бросился за ней, все двери вокруг оказались заперты!

— Это не останется безнаказанным, клянусь Святой Девой! Какой же плут повез сеньору в Версаль?

— Граф Бациоши, обер-камергер двора.

— Бациоши, этот негодяй, ответит мне! Ну, дальше. Дама, одетая в черное, привезла сеньору сюда обратно?

— Она была как подруга сеньоры, мне казалось, что всякое несчастье нас миновало, и я благодарил всех святых! Вскоре дама повторила свое посещение, и сеньора, казалось, приняла ее любезно. Потом, вечером, часу в девятом, дама пришла опять. Она так вкралась в доверие, что сеньора поехала провожать ее и не взяла меня с собой. Я ждал ее до полуночи, потом вышел дежурить у двери. Всякий шум экипажа казался мне обещанием, но все они проезжали мимо, сеньоры не было. Когда наступило утро, я стал бегать по улицам в надежде найти ее след. Я надеялся увидеть где-нибудь эту даму в черном. Но напрасно! Постоянно возвращался я сюда — сеньора не приезжала... Тогда я опять бросился на улицы, обегал все переулки, осматривал все экипажи, похожие на тот, в котором уехала сеньора, — напрасно! Ни одного следа нельзя было найти!

Со страшным волнением выслушал Олимпио это тяжелое повествование, беспомощно стоя перед Валентино, лицо его было покрыто мертвенной бледностью.

— Это придворная интрига, — сказал он, наконец, — и я узнаю, где ее начало! Горе виновнику, он узнает меня!

— Я отдам свою жизнь за вас и за сеньору, — сказал Валентино тоном, который не оставлял сомнений в том, что он готов на все, чтобы спасти Долорес. — Сжальтесь и не считайте меня неблагоприятным.

— Теперь у меня нет времени для разговоров. Если я тебя оставлю здесь опять, разве могу я остаться спокойным? Я уже получил награду за свое доверие! Ты, конечно, не знаешь, кто такая одетая в черное дама?

— Нет, дон Олимпио! Клянусь Святой Девой, я этого не знаю.

— Меня еще удивляет, что ты смог назвать имя того человека, но пока довольно, он должен мне ответить!

— Будьте осторожны и рассудительны, дон Олимпио!

— Твоя доля вины тоже будет открыта. Горе тебе, если ты окажешься изменником!

Олимпио оставил дом на Вандомской площади и поспешил к Тюильрийскому дворцу, чтобы поговорить с Бациоши.

Бациоши не было дома.

— Так скажи своему графу,— сказал Олимпио слуге,— что я завтра опять возвращусь и что я желаю застать тогда обер-камергера! Если его опять не будет, я буду сидеть в его комнатах и держать их в осадном положении до тех пор, пока он не вернется домой, а это случится с ним непременно!

Слуги не знали, что отвечать на эти вызывающие слова, но они поняли, что с этим геркулесом нужно быть осторожными, и обещали исполнить его приказание.

В то время как Олимпио спешил к Клоду и Камерате, чтоб сообщить им о случившемся и посоветоваться, инфанта Барселоны, покрытая черным покрывалом, приближалась к дворцу на Вандомской площади.

После разговора с Бациоши она в поздний час поспешила на улицу Сен-Дидье № 4.

Пер д'Ора еще не было.

Инесса ждала его в рабочем кабинете. Почти через полчаса возвратился полицейский агент домой и был удивлен, найдя ожидавшую его инфанту.

— Прошу прощения, Ваше высочество.

— Вы пришли?..

— От Грилли, улица д'Орлеан № 18,— продолжил Шарль Готти с многозначительным поклоном.

— Ваше письмо обещало мне известие; вы видите, как я интересуюсь им.

— Тем безутешнее, Ваше высочество, я не могу удовлетворить ваши ожидания!

— Как, вы не сдержали обещания?

— Я думал, что смогу склонить Грилли на откровенность, так как начало мне хорошо удалось. Я бы пожертвовал половиной тех денег, которые получил от вас, чтобы узнать от егеря графа Бациоши адрес. Он, наконец, поддался на это. Я поспешил к нему, и в то же время отправил к вам посла, чтобы сообщить вам об этом первом успехе.

— Он ваш сотоварищ?

— Но, Ваше высочество, при этом недоступный и трудно поддающийся уговорам человек.

Инфанта, понимая эти слова, измерила Пер д'Ора презрительным взглядом с головы до ног.

— Вы предложили агенту Грилли золото? — спросила она медленно.

— Я предложил ему сперва тысячу луидоров, потом, чтобы соблазнить его, всю сумму в две тысячи; он остался тверд, как камень, и лишь улыбался в ответ.

— Я понимаю, граф Бациоши предложил ему больше.

— Не предложил, Ваше высочество, а заплатил.

— Так вы знаете сумму?

— Ужасно! Грилли сказал, смеясь: ты совершеннейший глупец, Шарль, от такой безделицы не придешь в замешательство. Бациоши

человек, который много платит и ничего не обещает! Посмотри сюда — и Грилли выдвинул один ящик своего письменного стола — он был наполнен золотом и банковыми билетами.

— Честный мошенник,— пробормотала Инесса,— и поэтому вы отказываетесь узнать что-нибудь от Грилли?

— Никогда, Ваше высочество! Но граф Бациоши застал меня!

— Как, разве он был уже у Грилли?

— Около часа, но я спрятался от него.

— В таком случае, я побеждена,— прошептала Инесса,— однако так дешево я не уступлю ему победу! Благодарю вас за ваши труды, возьмите эти деньги. Вы могли бы гораздо лучше служить и себе, и мне, если бы не распорядились по собственному усмотрению теми суммами, которые я вам запретила брать.

— Тысячу раз благодарю вас, Ваше высочество,— сказал Пер д'Ор,— я не хотел бы выглядеть бессовестным человеком в ваших глазах, и такое подозрение оскорбляет меня!

Инфанта не могла скрыть насмешливой улыбки при этих словах человека, который хотел показной скромностью прикрыть свою жадность. Настоящая причина, как она догадывалась, заключалась только в том, что в этом деле он недостаточно много мог заработать.

Когда Инесса гордо простилась с ним, он заметил, что не так повел дело.

— Я так бы желал доказать свою готовность служить Вашему высочеству,— начал он,— приказывайте, скажите, какую сумму я могу предложить? И несмотря на то, что сегодня я целый день не был дома и совсем не видел своей семьи, тотчас же отправлюсь к Грилли.

— Это было бы несправедливо с моей стороны, господин Готти! Отправляйтесь к вашему семейству, я не хочу вас долее понапрасну задерживать!

— И днем, и ночью я — покорнейший слуга Вашего высочества!

Инфанта поклонилась агенту, который был обманут, рассчитывая на большое вознаграждение.

— Может быть, в другой раз он мне пригодится,— думала она, выходя из дому.

Не медля, Инесса отправилась в отдаленнейшую Орлеанскую улицу, в дом № 18. Она хотела сама попытаться разузнать тайну Грилли и исправить, если возможно, причиненное зло.

Грилли, итальянец по происхождению, был необычайно ловок и хитер. Бациоши, зная это, давал ему много тайных поручений. Через него император познакомился с танцовщицей Фиоранти, через него же и удалили ее, когда она ему наскучила. Говорят, что Грилли в одну туманную ночь перевез через границу обеих графинь Сен-Марсо, удалив таким образом по желанию Луи Наполеона двух обольстительных сестер, когда о них узнала Евгения. Во всяком случае это был хороший помощник Бациоши, которым он даже гордился.

Обер-камергер воспользовался для своего разговора с инфантой Барселонской ходом через павильон Марсан и там совершенно случайно узнал от старого камердинера, что несколько ранее по этому ходу проходил граф д'Онси. Камердинер предполагал, что инфанта

скрывала кого-то от донны Дианы, которая прельщала всех мужчин. Он думал, что Бациоши, возвращаясь с тайного свидания, нарочно выбрал этот почти никогда не посещаемый ход, чтобы выйти из флигеля императрицы. Бациоши был поражен этим известием и чтобы побольше выведать у старого камердинера, сделал вид, что сильно ревнует. Но так как у него было мало времени, он должен был удовольствоваться рассказом, что инфанта приняла иностранного и загадочного графа на галерее, а потом в полночь увела в верхние комнаты.

— Ого,— подумал Бациоши,— вот дело, из которого можно извлечь что-нибудь интересное!

Он тотчас отправился к Грилли и застал там Пер д'Ора.

Итальянец был чрезвычайно обрадован честью, которую сделал ему граф своим посещением, и повел его в свой удобный кабинет.

— Любезный Грилли,— сказал Бациоши, бросаясь в кресло и закрывая лицо надушенным шелковым платком,— я пришел к вам еще раз повторить мое желание, чтобы вы держали в строжайшей тайне дело с той сеньорой! Вы поняли меня? Для вас может выйти неприятность от последствий, которых я не в состоянии буду предупредить, если вы допустите, чтобы разнесся слух об этом происшествии.

— Ваше превосходительство, можете быть уверены, что я умею молчать и ценить оказанное мне доверие.

— Сколько вы должны получить за вашу поездку, Грилли?

— Я сейчас справлюсь в моей книге.

— Как, вы ведете денежные счета?

— Но так, чтобы не называть того, о ком идет дело,— отвечал Грилли.— Сделайте милость, ваше превосходительство, удостоверить. Здесь есть статья, которою мы выражаем: граф Б. 10000 фр.!

— Хорошо, любезный Грилли! Да, здесь появлялся молодой граф, о котором никто ничего не знает по-настоящему, но который называет себя Октавио д'Онси; он вступил волонтером в армию, отличился при Инкермане и в скором времени должен возвратиться сюда! Я очень желал бы знать, кто на самом деле этот граф д'Онси; он очень похож на искателя приключений, и я мог бы предостеречь одну высокопоставленную даму, которая в нем обманывается.

— Я сделаю все возможное, ваше превосходительство, чтобы удовлетворить вашу просьбу. Известие скоро будет вам доставлено.

— Дама, которой это дело касается, мне очень дорога, Грилли!

— Понимаю, ваше превосходительство,— сказал агент с учтивой и дружелюбной улыбкой.

— Может быть, для нашей цели вам будет полезно знать имя этой дамы, и я вам скажу его. Я думаю, что она находится в связи с этим загадочным графом. Это инфанта Барселонская, первая придворная дама императрицы.

— Ваше превосходительство, можете быть уверены, что я из ваших слов постараюсь извлечь, сколь возможно, больше пользы и сейчас же по возвращении графа приложу все усилия, чтобы сделаться достойным вашего доверия.

— Мне известна ваша преданность, любезный Грилли! Но главное — осторожность и благоразумие. Прощайте! Да, еще... ваш сын еще в армии?

— Да, он служит подпоручиком, ваше превосходительство, ему 21 год.

— Я помню его, красивый молодой человек!

— Много чести, ваше превосходительство!

— Когда он возвратится, он получит следующий чин. Я позабочусь о том, чтобы патент для него был вам доставлен на этих днях.

— Какую радость готовите вы мне, ваше превосходительство!

— Вы ее заслуживаете, мой любезный Грилли! До свидания! Я надеюсь на вас!

Бациоши оставил агента и отправился обратно в Тюильри. Он надеялся теперь, что дело выиграно.

У Грилли была только одна страсть — к картам.

Едва обер-камергер оставил его дом, как он подошел к своему письменному столу и, приняв во внимание предстоявшие ему новые доходы, наполнил свои карманы деньгами, которые хранил в одном из выдвигаемых ящичков. Ночью он должен был быть на службе в Пале-Рояле, где всегда находилось несколько полицейских агентов. Там в первом этаже помещалось много кафе, в задних залах которых шла весьма крупная игра. Никто не знал этого лучше Грилли. Он был всегда самым ревностным участником ночного общества, составленного из разного рода мошенников, шулеров, обнищавших дворян и тому подобных личностей. Когда он занимал место у карточного стола, ему казалось, что он проводит ночь самым приятным образом. Он много выигрывал, но в последнее время стал часто проигрывать, и желание играть мучило его все более и более. Сильное волнение при игре было для него высшим наслаждением. Он оставил свое нуждающееся семейство, которое даже не подозревало, что Грилли получает большие тайные доходы за свою особую службу.

Сейчас же, после ухода Бациоши, Грилли вышел из дома и поспешил в Пале-Рояль. Уже наступал вечер, когда он, побуждаемый своей страстью, торопливо шел по улицам Парижа. Карманы его были полны денег, он мечтал, что поставит хорошую ставку и выигрывает в десять раз более. Игра — это порок, который делает своим рабом каждого, кто хоть однажды поддался ему. Даже более — за ней следуют все другие пороки; страсть к игре столь могущественна, что может толкнуть человека на преступление. До сих пор Грилли только мог проиграть в одну ночь все взятые им с собой большие суммы, но он все сильнее поддавался этой ужасной страсти...

Инфанта Барселонская подошла к дому Грилли как раз в то время, когда он уже спешил по направлению к Пале-Роялю. Но она нашла дома его помощника, который указал ей место, где она может найти Грилли. Инесса поспешила туда, чтобы в пестрой толпе найти нужного ей человека.

Пале-Рояль — необычайно большое здание. В XVII столетии оно было построено кардиналом Ришелье с той целью, чтобы жить напротив Лувра. В то время оно получило название кардинальского дворца. После смерти Ришелье в нем жили королева Анна Австрийская со своими сыновьями Людовиком XIV и Филиппом Орлеанским. С этих пор он назван был Пале-Роялем. Позднее, Людовик XIV подарил его своему брату, женатому на Елизавете-Шарлотте Пфальц-Байернской, которая под именем Лизелотты сделалась любимой народом принцессой. Впрочем, она была очень несчастна в замужестве с герцогом Орлеанским и занимала в Пале-Рояле совершенно отдельные покои. В XVIII столетии герцог Орлеанский перестроил Пале-Рояль, придав ему современный вид. Обнеся весь сад рядом строений, он отдал их внаймы торговцам за весьма дорогую цену. Единственную роскошно убранную часть Пале-Рояля занимал теперь родственник императора, принц Жером, в остальных частях располагались лавки, рестораны, магазины и театр.

Никакое описание не может дать полного представления о великолепии этого здания, в особенности вечером, при волшебном освещении.

Фиакр, в котором приехала Инесса, остановился на северной стороне Пале-Рояля, в улице Нев-де-Пети-Шам.

Инфанта вошла в здание с главного подъезда. Вокруг все шумело, как в муравейнике, все были заняты своим делом, и никто не обратил на нее внимания, так как появление дамы не представляло здесь редкого случая. Дамы очень часто посещали это место, чтобы наравне с мужчинами принять участие в азартной игре.

Единственное затруднение для Инессы состояло в том, чтобы найти Грилли в этом огромном здании. Она прошла уже безуспешно много зал и только когда обратилась к содержателю кафе с вопросом о Грилли, тот послал с ней лакея, который привел ее в большую, великолепно убранную залу. В одной из его стен была дверь, ведущая в игорную комнату. Инесса внимательно рассматривала присутствующих, не обращавших на нее никакого внимания; все они были поглощены игрой. Слышались только восклицания держателей банка, звон денег; бледные, изможденные лица игроков носили на себе отпечаток роковой страсти; женщины также сидели за зелеными столами. В боковых залах рекой лилось шампанское. Многие пили здесь, собираясь с духом для последней попытки, другие, проигравшись дотла, старались утопить в вине свежее горе; наконец, третьи, выбрав жертву, поили ее, чтобы потом заманить в игру и выманить у нее деньги.

У одного из столов стоял Грилли. Инфанта узнала его, несмотря на смертельную бледность, покрывавшую его лицо, и ввалившиеся глаза. Он пил вино, которое ему наливал другой господин.

— Черт возьми, — говорил он, — я опять не выдержал до поворотного круга счастья, который должен был обернуться в мою сторону.

— Вы много проиграли?

— Все, что захватил с собой, и я знаю, что должен был бы теперь выиграть. Я играю с расчетом.

Со мной случилось такое же,— думал его собеседник.

Грилли подошел к двери, и можно было видеть, как сильно влекло его к игорному столу, за которым он только что потерял свои деньги.

Инфанта подошла к нему.

— Господин Грилли,— сказала она ему так тихо, что только он один мог расслышать,— ступайте за мной!

Агент с удивлением посмотрел на закутанную в черное покрывало даму; он не ошибся — было произнесено его имя.

— Пойдемте со мною в сад! — продолжала дама.

Грилли быстро решил и пошел в некотором расстоянии за инфантой через залу, затем через лестницу и, наконец, по волшебным освещенным аллеям сада. Инесса быстро шла впереди мимо огороженного цветника, направляясь к двум рядам вязов, образующим темную аллею. Она была пуста.

Инесса остановилась и, обернувшись к Грилли, заметила, что он пьян; но она должна была непременно сегодня узнать его тайну, другого такого удобного случая может не представиться!

— Я хотела бы поговорить с вами, господин Грилли, только так, чтобы нас никто не мог слышать,— сказала она вполголоса.

— Но с кем я имею честь говорить? — спросил тот, всматриваясь в инфанту.

— С дамой, которая может дать вам возможность удостовериться, действительно ли счастье обернется в вашу сторону.

— Вы заметили, что я проиграл, много проиграл,— сказал Грилли уже гораздо внимательнее.

— Конечно! Я могла бы вам помочь убедиться в справедливости вашего расчета в игре и дать возможность отыграться.

— Но я хотел бы узнать сначала, кто такая моя благодетельница, которая предлагает мне свою помощь.

— Я предлагаю вам не подарок, господин Грилли. Услуга за услугу! Я задам вам один вопрос и хочу получить на него ответ.

— Говорите! Я готов служить вам,— сказал агент с нескрываемым любопытством.

— Вы помните испанскую сеньору, которую обер-камергер Бацциоши отправил к вам?

Грилли внимательно вглядывался в закутанную даму, теперь он понял, что происходит.

— Конечно, я помню ее.

— Куда была увезена эта сеньора из вашего дома?

Грилли пожал плечами.

— Это осталось для меня тайной!

— Вы говорите неправду, господин Грилли. Только вы одни могли увести сеньору.

— Если б даже и так, то разве я могу знать, куда она попала далее?

— Я понимаю, вы употребили третьего помощника! О, этот Бациоши — дьявол,— пробормотала про себя Инесса, затем сказала громче: — скажите мне по крайней мере о том, в чем вы принимали участие! Хотя бы это я хочу от вас узнать! Я предлагаю вам этот банковский билет взамен вашей откровенности. Вы можете с его помощью проверить там, наверху, ваш расчет!

Грилли смотрел на деньги, которые ему предлагали, соблазн был очень велик, страсть к игре охватила все его существо. С этими деньгами он мог снова играть! Он уже готов был взять их и говорить, как вдруг вспомнил слова обер-камергера.

— Это невозможно, я потеряю и звание, и место,— сказал он дрожащим голосом.

— Вы боитесь Бациоши? Клянусь вам, что он никогда не узнает, кто мне открыл эту тайну. Слышите, господин Грилли! Я клянусь вам всеми святыми!

— Пусть будет так,— сказал Грилли, не будучи в состоянии справиться с желанием продолжать игру и все-таки медля,— только я прошу вас сказать мне прежде ваше имя.

— Я вам объявлю его по окончании нашего разговора и объявлю настоящее мое имя! Если же вы станете настаивать, то я буду принуждена придумать ложное! Здесь деньги, с которыми вы можете продолжать ваши опыты, а теперь говорите!

— Я не понимаю, что со мной происходит, вы всецело завладели мной и я как бы принужден открыть вам эту, по моему мнению, довольно странную тайну. Вы знаете, кто была сеньора, увезенная из моего дома?

— Вы должны не спрашивать меня, а говорить мне, господин Грилли,— отвечала Инесса повелительным тоном.

— Это такая таинственная история, что мне самому не ясно, что произошло, но я расскажу вам все, что знаю сам.

— Где были вы при этом похищении?

— Однажды поздно вечером неожиданно у моего дома остановился экипаж графа Бациоши. К счастью, я в это время имел дело...

— Бациоши знал, без сомнения, что вы дома?

— Очень может быть. Егерь графа пошел ко мне навстречу, и в это время я услышал сдержанный плач и слабый крик. Он передал мне письмо Бациоши.

— Что он писал вам?

— Только приказ проводить в эту же ночь по железной дороге испанку, которая находилась в экипаже, до замка По, лежащего близ границы ее родины. Я был очень удивлен этим приказом, но повиновался. Егерь сказал, что ему приказано проводить сеньору и меня на вокзал. Когда я стал поспешно укладывать свой чемодан, ко мне вошел другой полицейский агент. Он должен был сопровождать нас и сказал мне, что испанка, которую мы везем за границу Франции, дочь брата короля Фердинанда, которого, не знаю почему, прозвали Черной звездой! Королева Изабелла изъявила желание видеть ее в Испании.

— Что вы говорите! Сеньора была дочь Черной звезды? — вскричала пораженная Инесса.

— Так сказал мне агент, назначенный вместе со мной сопровождать ее.

— Очень странно! — тихо сказала Инесса.

— Для меня все это тоже странно, тем более, что бедная сеньора была очень хороша собой. Она все умоляла освободить ее! Кажется, ее очень страшила поездка в Испанию, и она рвалась возвратиться в свой дворец, который, как мне кажется, находится на Вандомской площади.

— Говорили ли вы с ней что-нибудь об ее отношении к королеве Изабелле Испанской?

— Нет, и ни на один вопрос она не получила ответа. Ведь за мной наблюдал другой агент, который мог, в случае надобности, напомнить мне о добросовестном исполнении моего долга.

— Далее! Вы привезли сеньору в По?

— Там в замке нас ожидали два монаха, которые представили нам приказ о передаче им сеньоры! Они только за несколько часов до нас прибыли в замок, и лишь один из них понимал по-французски. Впрочем, когда они узнали, что я итальянец, то заговорили со мной по-итальянски.

— Два монаха? А сеньора?..

— Она на коленях умоляла, чтобы мы увезли ее обратно в Францию, но напрасно. Монахи не смели ничего сделать для нее и действовали вследствие такого же приказа, как и мы.

— Куда же увезли сеньору эти монахи?

— Этого они не сказали нам, но они уехали за границу, а мы — обратно в Париж.

— Таким образом, вы ничего не узнали от этих монахов?

— Мы узнали только, что они были из францисканского монастыря, что в Памплуне.

Инесса задрожала: это известие было самым важным во всем рассказе.

— Это вы, наверно, знаете, господин Грилли? — спросила она.

— Младший из монахов сказал мне это.

— И вы думаете, что он сказал вам правду?

— Я вам рассказываю только то, что слышал и видел; кроме этого, я ничего не знаю.

— Вы правы, благодарю вас. Возьмите от меня эту награду.

— Но ваше имя?

Инесса подала агенту банковский билет.

— Я поклялась вам, — сказала она, приподнимая свою вуаль. — Я инфанта Барселонская. Молчите и помните, что наш разговор должен остаться тайной для Бациоши.

Грилли, пораженный, смотрел вслед инфанте, которая, сделав рукой прощальный жест, быстро ушла из Пале-Рояля.

Грилли не знал, что думать об этом странном свидании. Бедный агент, совершенно сбитый с толку, не догадывался, для чего спрашивала его доверенная придворная дама императрицы.

— Для чего ей это понадобилось? — бормотал он, все еще не придя в себя от удивления.

Грилли мог бы разрешить для себя этот вопрос, если бы следил за инфантой, но он поспешил в залы, чтобы снова попытать свое счастье при посредстве полученного им билета, между тем как Инесса торопливо шла к Вандомской площади. Она хотела немедленно сообщить все, что ей удалось узнать, слуге Валентино, которому Долорес вполне доверяла, чтобы он передал все это ее защитнику, о любви и благородстве которого Инесса много слышала. Может быть, спасение еще было возможно, может быть, еще можно было исправить это зло. Если бы Олимпио стал действовать быстро, он мог бы еще надеяться найти Долорес, с которой поступили так подло и жестоко.

Когда Инесса достигла дворца, уже пробила полночь, но она не хотела ждать следующего утра и сильно дернула ручку звонка.

Валентино показалось, что он видит привидение, когда перед ним появилась вся закутанная в черное инфанта.

Она быстро рассказала ему все, что ей стало известно о похищении Долорес, и Валентино поспешил в отель де Монтолона.

Когда он пришел туда, друзья еще не спали, и он передал им полученное известие. Услышав это, Олимпио вскочил со своего места:

— В таком случае мы сегодня же ночью отправляемся в Памп-луну! Ты едешь со мной, Валентино.

— Хоть в самый ад, дон Олимпио!

— Совершенно верное сравнение! Друг Камерата, ты рассчитаешься за меня в Версале с графом и обер-камергером Баццоши. Прощайте, друзья! Утром я уже буду на дороге в Испанию, таким образом я увижу свою родину скорее, нежели предполагал.

Жуан также хотел ехать с Олимпио, но он отклонил его просьбу, так как считал нужным сделать все, что нужно, только вдвоем с Валентино.

Друзья пожали друг другу руки на прощанье. Камерата обещал точно исполнить данное ему поручение, и вскоре Олимпио уже ехал в поезде по направлению к испанской границе.

XXIII

ГРАФ БАЦЦОШИ

Эндемо и его слуга также воротились с театра войны в Париж. Но их отношения изменились самым странным образом. Огромные суммы, которые мнимый герцог похитил из Мединского замка, быстро исчезли, и немалая их часть перешла в карманы Джона, так что теперь у того не было необходимости исполнять требования Эндемо.

Между господином и слугой происходили бурные сцены. Плут с бульдожьей физиономией хорошо понимал, что ему нечего больше

ждать от хозяина и угрожал открыть его тайны, чтобы выжать последние деньги, после чего намеревался оставить его. Эндемо понимал, что теперь жизнь его в опасности, и придумывал средства освободиться от своего жадного слуги. Несмотря на то, что покушение на Олимпии и маркиза не принесло ожидаемых результатов, Эндемо все-таки надеялся, что Бациоши может дать ему в этом деле хороший совет и даже помощь. Он не подозревал, что этот царедворец рассчитывал на то, что оба противника уничтожат друг друга.

Обер-камергер был весьма удивлен, когда ему доложили о герцоге Мединском. Он надеялся при его помощи избавиться от угрожавшей ему опасности со стороны генерала Агуадо, который, объявив его людям, что он еще вернется, но пока не знал, каким образом может извлечь для себя пользу из этой встречи.

— Ах, мой добрый герцог,— радушно встретил Бациоши входящего Эндемо,— что скажете? Мне показалось, что привидение испанского генерала беспокоило моих людей!

Бледное лицо Эндемо только искривилось беспокойной улыбкой.

— Я решительно не могу понять, что защищает этого испанца, он, наверно, заключил договор с самим дьяволом, иначе не смог бы дважды избежать верной смерти.

— Так заключим и мы такой же договор, чтобы иметь в руках больше силы.

— Вы шутите, а для меня это дело очень важно! Я пожертвовал уже всем своим состоянием.

— Это было опрометчиво с вашей стороны, герцог.

— Теперь я приехал к вам просить вас об одолжении!

— Я к вашим услугам.

— Генерал Агуадо уехал в прошлую ночь в Испанию только с одним слугою.

— Что вы говорите, генерал...

— Он отправился, как я слышал, отыскивать сеньору, увезенную в Испанию! Вы знаете это?

— Я очень удивлен этим известием,— сказал Бациоши, очевидно, обрадованный.— Молодая испанка действительно отправилась на свою родину.

— И генерал Агуадо знает куда?

— Если его верно направили, то я вам могу указать, куда он поехал.

— Этого довольно! Говорите!

— Я не знаю, через кого он мог получить эти сведения, но во всяком случае их совершенно недостаточно, так как никто не мог передать ему всего, что следует.

— Так скажите мне, что он мог узнать.

— С удовольствием, герцог, но что из этого выйдет?

— Вы узнаете об этом после!

— О, это было бы замечательно, если бы генерал Агуадо действительно отправился в Испанию,— сказал Бациоши со смехом, радуясь, что избавился от смертельной опасности.— Слушайте, ми-

лый герцог. Вы говорите, что ночью испанец выехал со своим слугою; далее — он направится прежде всего к замку По близ испанской границы, оттуда в Памплуну, где станет разыскивать двух монахов, ха, ха, ха, двух францисканцев тамошнего монастыря! Но эти набожные братья все так похожи друг на друга, что ему трудно будет найти именно тех, кого надо!

— Ваше объяснение успокоило меня. Сеньора еще в Памплуне?

— Нет, она отправлена в Мадрид.

В это время разговор был прерван появлением слуги:

— Господин генерал граф д'Онси, — доложил он.

— Хорошо, проси сюда, — сказал Бациоши, не предчувствуя намерений Камераты.

— Еще одна просьба прежде, чем он войдет, — быстро проговорил Эндемо, — не можете ли вы освободить меня от моего слуги, очень для меня опасного?

— Без сомнения! На днях отходит транспортное судно «Иоанна» из Тулона в Кайенну, как мне говорил герцог де Морни. Вы можете распорядиться. Вы знакомы с графом д'Онси?

— Я слышал его имя несколько раз во время похода, но лично не видел никогда, — ответил Эндемо.

В это время на пороге появился генерал, он быстро поклонился Бациоши и мнимому герцогу, который очень испугался при виде графа. Он старался припомнить, где раньше видел его лицо, ему казалось, что когда он часто наблюдал тайком за тремя людьми, то как будто встречал и этого человека, но не мог припомнить, при каких именно обстоятельствах это происходило. Лицо Камераты, как мы уже говорили, очень изменили окладистая борода, военная жизнь и жаркое солнце Крыма.

Бациоши представил их друг другу, но имя герцога Мединского назвал так невнятно и быстро, чтобы принц Камерата не мог его ясно расслышать. Последний вел себя очень осторожно и на вопрос Бациоши, чем он заслужил честь видеть его у себя, холодно отвечал, что может сказать об этом только один на один и что он друг и собрат по оружию генерала Агуадо.

Тогда только Эндемо по голосу начал яснее припоминать этого господина, он шепнул Бациоши, провожавшему его:

— Задержите его здесь на полчаса!

После чего быстро вышел из комнаты.

— Мы одни, граф, сделайте милость, садитесь; я не знаю, какое обстоятельство доставляет мне счастье и честь принимать у себя героя Инкермана. Вы имеете тайные поручения ко двору?

Камерата с удивлением посмотрел на Бациоши, на лице которого появилась легкая улыбка, целью которой было показать, что он знает более, нежели можно предположить.

— Я не понимаю этого вопроса, граф, — высокомерно отвечал Камерата.

— Он означает только, что мне известны некоторые тайны! Однако я замечаю, что вам неприятен разговор об этом предмете... Переменим его... Правду ли мне сообщили, что генерал Агуадо внезапно уехал?

Я должен заметить, что меня очень удивил его вчерашний внезапный и притом тайный отъезд! В Тюильри еще не было подобного примера; впрочем, очень может быть, что это дурной результат военной жизни! Но во всяком случае, по моему мнению, долг каждого генерала отдавать отчет о своем поведении.

— Это-то требование я и пришел исполнить!

— Но, граф, я едва с вами знаком, а вы уже желаете вмешиваться в дело...

— Именно это дело и дает нам возможность познакомиться. Я заменяю здесь генерала Агуадо, который был принужден внезапно уехать.

— Но что же заставило его так поступить?

— Ваш образ действий относительно одной сеньоры, которая очень дорога генералу.

— Мое удивление возрастает! Будьте так добры, объяснитесь яснее.

Пылкий Камерата, сильно раздраженный насмешливым тоном Бациоши, должен был приложить все усилия, чтобы не проявить кипевшего в нем гнева.

— Вы принудили сеньору посетить Версальский дворец, — сказал он серьезно.

— Доказательство, граф! Признаюсь, я никак не ожидал, что ваш приход может иметь какое бы то ни было отношение к донне.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил Камерата взволнованно.

— Нет, подобного рода вещи не объясняются!

— Ваши слова, кажется, показывают, что вы хотите оскорбить эту сеньору?

— Вы волнуетесь, генерал, от таких вещей, которые менее касаются вас, чем меня. Или вы также близки к этой сеньоре? В таком случае, я опять-таки требую от вас доказательств в этом обвинении.

— Я понимаю вас, граф, вы уверены, что сеньора покинула Париж, и потому никакие доказательства не могут быть вам представлены. Но советую вам быть осторожнее, ваши козни откроются и тогда вам не сдобровать. Все ваше поведение указывает на то, что вы главный виновник случившегося.

— Генерал!..

— Без комедий, господин обер-камергер! Сегодня я у вас, как человек, требующий удовлетворения. Советую вам не пользоваться отсутствием сеньоры и не пытаться ускользнуть от моего требования. Но даю честное слово, что по возвращении ее я публично назову вас негодяем и лжецом.

Бациоши, бледнея, схватился за шпагу.

— Граф Онси, я теряю терпение!

— Вы хотите сказать, что я в вашем доме, и...

— И что у меня есть слуги, которые по моему приказанию избьют меня от ночных оскорблений.

— Итак, если вы отказываетесь дать мне удовлетворение, то я оружием заставлю вас возвратить сеньору.

— В залах Тюильри?

— Где бы то ни было! Лучше не зовите ваших лакеев: первый же из них, кто осмелится подойти ко мне, будет убит. Желание скрыть свои поступки наглой и дерзкой ложью — воровская уловка! Если вам, по вашему положению, и сходили подобные вещи с рук до сих пор, то во мне вы найдете человека, который проучит вас и заставит отдать отчет в ваших действиях!

Бациоши поступал таким образом с целью задержать Камерату, согласно просьбе Эндемо.

— Я бы и сам мог вас проучить,— сказал он с наружным спокойствием.

— Ну так и сделайте так, этим вы докажете, что не желаете отдалять требуемого мною от вас удовлетворения, и если через два дня я не узнаю вашего решения на этот счет, то где и когда бы я вас ни встретил — в гостиной, на улице, в театре, я публично выскажу свое презрение и назову вполне достойным вас именем. Если же и это не поможет, чего, между прочим, я сильно опасаясь, то я с оружием в руках заставлю вас защищаться!

В то время в дверях появился доверенный слуга Бациоши, желающий что-то передать своему господину.

Обер-камергер вздохнул свободно.

— Извините, граф Онси,— сказал он с дьявольской улыбкой.— В чем дело?

— Короткий, но важный доклад,— ответил слуга с поклоном.

Бациоши подошел к нему. Слуга слегка приподнял портьеру, но так, что Камерата не мог видеть другой комнаты, где уже находился мнимый герцог, и Бациоши скрылся за портьерой.

Камерата не подозревал, что там происходит в это время.

— Это — принц Камерата! — прошептал Эндемо,— мнимый покойник!

Бациоши не верил своим ушам:

— Быть не может!

— Я узнал его, когда он назвал себя другом Агуадо. Чтоб удостовериться в этом, я поспешил в отель де Монтолона и там мне удалось узнать правду. Это он! Ложное известие о его смерти было тайной. Понимаете, в чем дело?

Обер-камергер понял, что сообщенное ему обстоятельство очень выгодно для него, хотя бы оно и не подтвердилось.

— Благодарю вас, герцог,— сказал он тихо и возвратился к Камерате, в то время как Эндемо выходил из дому.

— Говорите короче, граф Онси,— сказал он пренебрежительно,— объяснение, которое вы так долго тянете, мне наскучило. У меня есть более важные дела. Вы желаете со мной драться. Извольте, я готов! Даже сегодня вечером, теперь ночи светлые. Знаете ли вы озеро у Сен-Жам, в Булонском лесу?

— Да, оно находится недалеко от Мадридского бульвара.

— Именно! Пришлите туда ваших секундантов около 11 часов, мои в то же самое время будут уже там. Мы же, милостивый государь, встретимся на перекрестке дорог от Сен-Жам и Де-Нельи,

чтобы в одно время прийти к озеру! Но я вам прежде сделаю одно замечание...

— А оружие?

— Наши шпаги, граф.

— Я на все согласен, господин обер-камергер,— отвечал Камерата, не подозревая предательства.

Он молча ушел от Бациоши, который засмеялся ему вслед.

— Попался, любезный друг,— пробормотал он,— подожди, у тебя повыдергают зубы! Действительно ли ты принц Камерата или нет, но твое сходство достаточно для твоей гибели. Скоро я вас всех узнаю! И при том какой удобный случай устранить гордую инфанту. Не будь я Бациоши, если я им не воспользуюсь! Кто хочет бороться со мной, должен быть сильнее вас! Прочь с моей дороги!

Он позвонил в колокольчик и приказал вошедшему слуге:

— Экипаж!

— В отель герцога де Морни! — прибавил он егерю.

— Вот-то изумится герцог,— сказал он самому себе, надевая камергерскую шляпу,— а надобно отблагодарить герцога Мединского.

Бациоши поспешил к Морни и застал его дома.

— Знаете ли вы, кто скрывается под именем графа д'Онси? — спросил он после обычных приветствий.

— Ваша улыбка говорит о том, что вы хотите мне сообщить что-то таинственное,— отвечал Морни.

— Конечно, герцог, и я обязан этим важным известием одному высокопоставленному дворянину, который желает избавиться от своего слуги...

— А, это похоже на договор.

— Я позволил себе дать обещание, что этот опасный индивидуум будет устранен.

— Пусть будет так! Но тайна?..

— Вы помните принца Камерату, герцог?

— Что значит этот вопрос? — спросил Морни, быстро подняв свои серые глаза.

— Говорили, что принц умер, а он жив!

— Как! — вскричал Морни.— Камерата? Принц Камерата?

— Жив, герцог! Он носит фамилию графа д'Онси!

Морни схватил руку обер-камергера, который наблюдал за действием своих слов.

— Так значит известие Ла-Рокет было ложным? — спросил, наконец, советник, а может быть, и брат Наполеона.

— Золото всеильно,— нагло отвечал Бациоши, многозначительно улыбаясь,— те, кто на себе это испытали, могут лучше вам объяснить.

— Этот обман требует примерного наказания, клянусь честью! — вскричал Морни.

— Главного виновника я без всякого шума могу передать в ваши руки,— сказал вполголоса Бациоши.

— Принца Камерату? Когда?

— Сегодня вечером в 11 часов!

— Благодарю вас, дорогой граф, а в каком месте?

— Близ озера Сен-Жам, на перекрестке дорог от Сен-Жам и Де-Нельи. Но дело это необходимо сохранить в тайне.

— Будьте уверены в моей благодарности, я даю вам слово!

— Вы говорили мне несколько дней тому назад, что транспортное судно «Иоанна» отправляется из Тулона в Кайенну?

— Да, и только двух людей недоставало в экипаже, но теперь я их нашел! Принц Камерата...

— И слуга герцога Мединского?

— Да, любезный граф. Еще этой ночью следует сделать приготовления! Если вам когда-нибудь понадобятся мои услуги, смело рассчитывайте на меня!

— Премного обязан, мой милостивый государь, надеюсь, вы согласны, что, идя рука об руку, мы скорее достигнем цели,— сказал Бациоши, крепко пожимая на прощанье руку Морни.

Морни поклонился ему и затем послал к полицейскому агенту Пиетри, который всегда исполнял его тайные поручения. Он точно сообщил ему время, место, словом все, что передал ему обер-камергер, и сделал распоряжения относительно ареста принца.

Бациоши, возвращаясь в Тюильри, размышлял о том, что преследование графа Онси не должно никого удивить, так как можно было бы думать, что дуэль стала известна префекту; его же во всяком случае никто не будет подозревать, так как он явится в условленное место.

Он немедленно известил герцога Мединского, что его желание будет исполнено в эту же ночь и что слуга больше не будет его беспокоить. Затем все пошло обычным порядком.

Камерата уговорил маркиза де Монтолона и Жуана приехать около 11 часов к отдаленному озеру Булонского леса и сказал им, что сам встретится с ними в назначенном месте.

Несколько позже Бациоши просил Флери и Персиньи явиться к условленному часу в Булонский лес, к озеру Сен-Жам, что они охотно ему обещали.

С наступлением ночи маркиз и Жуан отправились в Булонский лес. Они вышли из экипажа на указанном перекрестке дороги и направились к озеру.

На открытом, ярко освещенном луной месте, напротив лежащего на озере островка они встретили секундантов Бациоши и раскланялись с ними самым вежливым образом.

Еще не было 11 часов, когда Бациоши въехал в лес из ворот Де-Нельи. Почти тотчас же вслед за ним обогнул дорогу и экипаж Камераты. Обер-камергер приказал пропустить его вперед. Когда карета принца, направляясь по дороге от ворот Сен-Жам, огибала угол, где росли раскидистые деревья, затенявшие дорогу, она была внезапно окружена десятью муниципальными гвардейцами.

Одни из них схватили лошадей под уздцы, другие приказали кучеру молчать, а остальные бросились к Камерате, который в одну минуту был связан.

Он хотел кричать, выхватить свою шпагу... Напрасно! Слишком неравны были силы...

Бациоши явился к секундантам, как ни в чем не бывало. Вместе с ними он ждал почти целый час, но Камерата не явился, что всех очень удивило.

Принца же в это время везли по дороге в Тулон, куда отправили также Джона, слугу Эндемо.

XXIV

СИЛА ДРУЖБЫ

Тюильрийские тайны к этому времени приняли уже более серьезный, или, как говорят врачи, опасный характер, и подобно тому, как один дурной поступок порождает новые, еще худшие поступки, и как человек, заблуждающийся все глубже и дальше, удаляется от прямого пути, хотя и сознает свое заблуждение, так было и с французским двором, внешне столь блестящим и великолепным. Обычно преступление, порожденное какой-либо страстью, влечет за собой разного рода интриги. Разврат и пошлость достигли при дворе своей кульминационной точки. Отсюда и на средние слои общества все более распространялись его пороки. Испорченность нравов, ложь и бесчестье можно было встретить всюду, куда ни попадет взгляд. Низкие тайны скрывали стены домов, страшные драмы разыгрывались во дворцах, и все это скрывалось под маской благочестия. Юность и красота продавались за деньги; часто румянец щек и ослепительная белизна плеч являлись только пустым призраком, и бриллианты были такими же фальшивыми, как и зубы их владельцев. Все старались обмануть и превзойти друг друга. И когда эти люди, по видимости, молодые и богатые, возвращались в свои комнаты, когда румяна и пудра стирались, снимались парики, исчезали с рук фальшивые драгоценности, горькая усмешка искажала их морщинистые лица, усмешка презрения не только к другим, но и к себе.

Императрица Евгения в это время была еще так хороша собой, что не нуждалась в косметических средствах, хотя и употребляла их, чтобы сделать свое лицо еще более привлекательным. Красота ее была поразительна, но одного ей уже недоставало — первой молодости, этого невозвратимого дара судьбы...

Но сознание положения, которого она достигла, утешало ее, когда печальные мысли о прошедшей юности овладевали ею. Она была могущественной властительницей великой страны, довольно было знака ее руки, взгляда ее глаз, чтобы осчастливить или погубить любого. Корона украшала ее голову, все лежало у ее ног...

Легкая улыбка удовлетворенного самолюбия появилась при этой мысли на ее лице, и она отошла от большого зеркала в золотой раме, чтобы предаться сладким мечтам на оттоманке. Чувство гордости, удовлетворение от сознания достигнутой цели и своего величия

были для нее высоким наслаждением! Всего остального нетрудно было достигнуть, одной ее милостивой улыбки достаточно было, чтобы вызвать восторг. Она могла чувствовать и любовь, но не то глубокое сердечное чувство, которое завладевает всей душой человека, нет, ей нужна была страстная любовь, которая возникает вопреки рассудку и обнаруживает жар крови, любовь; которая требует наслаждений и может перейти в смертельную ненависть в случае измены.

Отдыхая на оттоманке, Евгения думала о принце Камерате, образ которого и пламенная любовь к ней не заключали в себе, однако, ничего опасного. Ей вспоминались те прекрасные мгновения, которые она проводила когда-то с принцем. Но теперь, со времени своего возвращения, он почему-то не показывался при дворе.

Не разочаровался ли он в ее любви? Не удалился ли от Тюильри с каким-нибудь особенным намерением?..

Эта мысль взволновала Евгению.

— Я в его руках,— невольно шептали ее губы,— что, если он меня обманывал с целью похвастать любовью императрицы?..

— Но почему в таком случае он презрел смертельную опасность, чтобы увидеться со мной? А если удалиться теперь от меня его побудила безнадежная страсть, разбитые надежды, отвергнутая любовь? Если он поступает так с целью отомстить мне за то, что я отказала ему и отдала руку императору? Нет, Евгения, это плоды твоей фантазии! Ты скучаешь по нему и раздражаешься оттого, что он не приходит! Ну, а вдруг он не любил меня? О, я погублю его, если только узнаю, что он обманывал меня, что он хвастался близостью ко мне. Если это верно, то в этом его смертный приговор...

Портьера передней зашевелилась, Евгения приподнялась с оттоманки, полная страсти. На пороге появилась придворная дама.

— Обер-камергер граф Бациоши,— доложила она с поклоном.

Императрица сделала знак, что он может войти.

Бациоши подошел с выражением глубочайшей преданности к дружески приветствовавшей его Евгении.

— Вы принесли мне известие от моего супруга, императора? — спросила она, всматриваясь в лицо посетителя.

— Тайное и неприятное известие, мадам!

— Вы придаете вашему лицу какое-то замогильное выражение, граф! Говорите, что случилось!

Бациоши бросил испытующий взгляд на будуар.

— Будьте покойны,— продолжала Евгения, заметив эту предосторожность,— мы одни!

— А инфанта Барселонская...

— Ее также нет здесь; но к чему этот вопрос?

— Виноват, мадам! Непредвиденный случай, сильно взволновавший моего царственного родственника и повелителя, сделался известным.

Евгения изменилась в лице; таинственное и серьезное значение слов Бациоши произвело свое действие, но она сразу же вновь обрела свое хладнокровие и всю свою надменность.

— Без предисловий, граф! Вы видите, я жду! Что случилось?
— Генерал д’Онси, которого император наградил орденом Почетного легиона...

— Что же с ним?

— Он открыт.

— Далее.

— Принц Камерата жив! Он скрывался под именем графа Онси, чтобы иметь вес при дворе, это очень поразило государя! Мало того, известно, что принц проходил ночью через павильон Марсан...— Бациоши замялся: — в этот флигель...

— Ради всех святых, кто осмелился это сказать?! — вскричала Евгения в сильном волнении, глаза ее сверкали, она величественно поднялась.

— Вы молчите? Я требую ответа!

— Не сердитесь на меня, мадам, я так вам предан...

— Ваше известие приводит меня в ужас! Оно поражает меня! И я узнаю, чего бы это не стоило, кто распространил эту наглую ложь!

— Я вам уже говорил, что личность принца Камераты положительно доказана, и он сам говорил об этой ночной прогулке...

— Несчастный,— прошептала Евгения, бледнея.

— Но одна придворная дама дала нам повод объяснить этот случай другим образом.

— Моя придворная дама? Говорите кто, граф!

Бациоши поклонился, пожимая плечами, как бы желая сказать: не заставляйте меня!

— Этого довольно! Эта дама может быть только инфанта Барселонская! О, эти уверения в преданности,— сказала Евгения с горькой усмешкой, выражающей страшное внутреннее раздражение,— привязанность скоро проходит, и резкая холодность заменяет ее место.

— Конечно, это непростительно!

— Я благодарю вас, обер-камергер! Так как я более не желаю видеть инфанты, то будьте добры, предложите ей выйти в отставку, без объяснений, слышите — без комментариев!

— Инфанта может не поверить моим словам... Письменный приказ имел бы больше значения!.

— Я исполню ваше желание,— сказала Евгения и подошла к своему письменному столу.

— Инфанта Барселонская,— писала она, повторяя вслух слова,— вы увольняетесь от службы и оставляете двор затем, чтобы вдали от него вы могли подумать о том, что такое верность!

— Возьмите, обер-казначей! Будьте так добры, сообщите этот приказ императору!

Бациоши взял приказ — он победил! С безмолвным поклоном он вышел из комнаты и торопливо отправился к Инессе. Когда инфанта получила письмо от торжествующего Бациоши, то сразу догадалась в чем дело: она попала в немилость из-за низких и недостойных интриг этого плута. Ей приходилось оставить Тюильри, потерять свое влияние и очистить поле битвы для подлеца.

— Никогда, никогда, — вскричала Инесса, — если бы я и могла уклониться от этих препятствий, я не сделаю этого! У меня еще есть долг, который я должна исполнить, есть задача, которую не должна забывать. Как ни хотела бы я воспользоваться этим позволением, но сила моей дружбы к Долорес, мой долг спасти ее, если я в своем заблуждении способствовала ее гибели, заставляет меня остаться здесь, чего бы мне это ни стоило, чтобы исправить, насколько возможно, мой поступок!

— О, я знаю более, чем ты думаешь, льстивый временщик, желающий подчинить себе государя и государыню, жертвующий всем для своих целей! Ты думаешь, что я беспрекословно сдамся, нет, ты еще не знаешь, что значит иметь дело с женщиной, которая жаждет мщения. Я не поддамся тебе ради дружбы к Долорес, как бы ни было мне тяжело бороться с моей совестью. Ты думаешь, что ты меня совершенно устранил? Ты рассчитываешь на то, что моя гордость не вынесет этого, что я не перенесу этого испытания? Глупец! Женщина, которая сознает, что она должна искупить свою вину, женщина, побуждаемая самым благородным чувством — дружбой, готова на все, и она перехитрит тебя! Твои интриги скоро будут раскрыты, твоя наглость разоблачена. Не спеши гордиться своей победой. Действительно, после этого письма труден будет шаг, и ты, придворный лакей, хорошо знаешь это. Но Инесса переборет себя и сделает все возможное. Может быть, она не решилась бы, может быть, и позволила тебе наслаждаться своим торжеством, но не сделает этого в силу дружбы, в силу сознания своей вины!

Правда, ты, Бациоши, могуществен с твоей черной душой, но и Инесса имеет еще настолько влияния на императрицу и на народ, что не уступит тебе! Иначе да будет проклят преступный Тюильри! Я знаю, что ты не пренебрегаешь никакими средствами для достижения своей цели. Я оценила тебя вполне, я вижу насквозь твою грязную душу, которая не отступит ни перед каким преступлением! Но так же, как ты используешь все злое, я буду действовать добром! Я чувствую в себе довольно силы, чтобы спасти бедное существо, которое ты преследуешь из-за каких-то целей. Горе тебе, если ты заставишь меня употребить против тебя твое же оружие. Я ненавижу тебя, как только можно ненавидеть и презирать преступление! Ты прибегаешь и к ссылке, и к мечу, и яду, чтобы добиться своего.

Око за око, граф Бациоши! Ты встретишь во мне равную по силе противницу, и если мне придется применить низкие средства, то это твоя вина! Горе тебе, когда пробьет твой час, горе и мне, если я из сострадания сделалась преступницей! Я могу следовать только движению моего сердца! Долорес, чистое, как ангел, существо, которое я, к несчастью, поздно узнала, только ради тебя я решилась на все! Я подчиню себе тебя, граф Бациоши! Я вымещу на тебе всю свою злость, уничтожу тебя, я употреблю все средства, какие только может употребить женщина!

Все эти мысли и чувства кипели в Инессе, когда она увидела, что стала жертвой подлой интриги Бациоши. Она говорила себе, что, если он обвинил ее в измене и предательстве, то обвинение это

могло относиться только к ночному посещению графа д'Онси; уничтожить это обвинение она не могла, зная хитрость графа Баццоши, хотя была совершенно невиновна. Если она возразит что-нибудь императрице против этого, то обвинение только возрастет и все-таки возразить необходимо, хотя это и не послужит ей на пользу. Но она думала другим способом достичь своей цели, она прошла такую школу, которая сделала ее достаточно предусмотрительной.

Когда инфанта вошла в покои императрицы, та отвернулась.

Инесса это предвидела, она остановилась в глубине комнаты и ожидала первого слова Евгении.

— Получили вы мое приказание? — спросила надменно Евгения.

— Из рук господина Баццоши.

— Я думаю, наши счета окончены, мне, поверьте, надоело видеть около себя людей, которые насквозь проникнуты обманом! Я слепо верила вам, когда граф д'Онси...

Инфанта увидела, что она не ошиблась.

— Когда граф д'Онси получил от меня тайное поручение... Я хотела спасти его, несчастного,— продолжала Евгения,— потому что знала, что принц Камерата скрывался под его именем...

Инесса тоже знала, что Евгении это было известно, ведь она была посвящена во все тайны.

— Выслушайте меня,— сказала она, падая к ногам императрицы,— не прогоняйте меня, не выслушав!

— Мне интересно знать, что вы скажете, инфанта!

— Граф Баццоши сообщил вам, что я изменила вам, выдав визит генерала...

— Разве это неправда?

— Я пришла сюда не лгать, а предстать перед вашим судом!

— Если так, то выскажитесь, инфанта...

— Когда молва о посещении генерала всюду распространилась, я сказала открыто, что он приходил ко мне...

— Как! — воскликнула Евгения.— И этому верят?

— Верят, что я злоупотребила вашим доверием и приняла графа в этих покоях. Они отвернутся от меня, когда вы меня удалите.

Императрица посмотрела на стоящую перед ней на коленях инфанту с удивлением:

— Так ты пожертвовала собой...

— Для того, чтоб устранить всякую опасность, прекратить всякую молву,— спросите графа Баццоши.

— И ты не знала, что посетивший дворец был принц Камерата?

— Клянусь всеми святыми, нет!

— В таком случае император может простить мне эту оплошность,— сказала Евгения, поднимая инфанту и горячо пожимая ей руку.

— Теперь я понимаю все, я поступила с тобой несправедливо.

Евгения поняла всю самоотверженность Инессы и не подозревала здесь какой-либо интриги. Как бы то ни было, инфанта была прощена.

— Теперь надо заставить молчать того, кто, как сообщил Бациоши, хотел обнародовать свой ночной визит, — сказала императрица, обняв инфанту. — Ты не должна страдать от последствий этого происшествия, уничтожь письмо, написанное мною, и прости меня. Ты останешься подле меня. Я выхлопочу у моего супруга прощение, которое ты тысячу раз заслужила. Пусть эти слова, сказанные от чистого и любящего сердца облегчат твою печаль! Ты заставила меня покраснеть за мой поступок. Гнев и ненависть я чувствую теперь только к тому, который хвалился тем, что посещал мой будуар. Не старайся защищать его. Я жестоко отомщу ему за этот обман!

— Но виноват ли он на самом деле? — медленно и резко спросила Инесса.

— Только он и никто другой! Он или ты! Кто, кроме вас, мог мне изменить? О, Инесса, я завидую тебе, ты не любишь ни одного мужчину! — вскричала императрица, с рыданием падая на грудь инфанты. — А я учусь их презирать и ненавидеть!

XXV

БЕЛЬВИЛЬСКАЯ ОТРАВИТЕЛЬНИЦА

Довольно большой квартал Парижа, который теперь отделяется улицами Мексика, Пуэбло и, кроме того, крепостными укреплениями, в то время, когда происходили описываемые нами события, представлял собой жалкое предместье. Его называли Бельвилем.

Недалеко от этого места находится большой парк Лебут-Шомон и пустая площадь, окруженная немногими строениями, которая служила в Париже местом казни.

Вся эта местность сама по себе наводила страх. Днем все немощенные улицы, ведущие от этой площади, были погружены в какое-то мертвое спокойствие, но с приближением ночи они оживлялись. Шум и дикие возгласы раздавались из трактиров; преступники и женщины сомнительного поведения возвращались в это время в Бельвиль из оживленных и отдаленных улиц Парижа, где они завлекали в ловушки свои жертвы или же прямо нападали на чужую собственность.

Полиция была не в состоянии открыть и уничтожить все притоны этого квартала, во-первых, потому, что там постоянно заводились в большом количестве новые, а во-вторых, преступники, наполнявшие Бельвиль, были уже люди опытные, большей частью бежавшие с галер, так что они умели перехитрить и обмануть полицейских сыщиков.

Про Бельвиль ходила самая дурная слава, и каждый, если только не было крайней необходимости, старался не ходить по этим улицам, самый вид которых уже показывал пристанище порока. Но вечером отправиться туда было отчаянным поступком, в особенности в приличном платье, с цепочкой на виду, или с деньгами.

Разврат до такой степени бесстыдно укоренился на этих улицах, что он уже не скрывался за красными занавесками — девицы открыто, почти обнаженные, смеясь, с вызывающим видом появлялись в окнах. Они разговаривали через улицу со своими любовниками, которые при каждом удобном случае предъявляли на них свои права и, по-видимому, совершенно не думали о своем будущем. Несчастные существа, они сами были «дети любви», другой жизни они никогда не знали и не видели и, конечно, никогда не испытали истинной любви.

Один из таких бельвильских домиков, из которых выглядывали смеющиеся девушки, был несколько больше других. Это был трактир, который открыто показывал, для какого общества он предназначен. Над низенькой входной дверью красовалась вывеска, на которой было написано: «Гостиница для маникле».

Кто не знает значения этого слова, тот не поймет, какую злую насмешку над начальством выражала эта вывеска. «Маникле» называются надеваемые на ноги ссыльных на галеры стальные кольца, к которым прикрепляется цепь, соединяющая двух каторжников. Вывеска приглашала всех бывших каторжников и закоренелых преступников, суля им безопасность и подходящее общество.

Общая нижняя зала казалась довольно большой, по обеим сторонам ведущей в нее двери находилось по три окна, закоптелые занавески которых показывали, что они принадлежали к гостинице.

Резкую противоположность этому подземелью представлял второй этаж, хотя окна его тоже были низкими, так как почти упирались в крышу. Но стекла в них блестели, хотя и имели зеленоватый оттенок, занавески на окнах были белы, как снег, хотя и заштопаны во многих местах. На подоконниках стояли горшки с цветами, а между ними висела далеко не изящная клетка с весело прыгавшей в ней канарейкой.

Имели ли эти комнаты сообщение с гостиницей? Очевидно, имели, поскольку в доме был только один вход и выход, и все жильцы, обитающие наверху, должны были пройти общую залу, чтобы выйти на улицу или вернуться к себе обратно.

— Вот прелестная Маргарита...

— Глупая Маргарита!

— Она дает воду птице и поет с ней взапуски,— разговаривали между собой две живущие напротив девушки, которые пересмеивались, глядя из окна на гостиницу.

— Мне кажется, она горда.

— Это с чего бы, Лоренца?

— Потому что глупа, она могла бы уже давно иметь любовником виконта.

— Да, если бы она выполняла желания старой Габриэли, это бы так и было.

— Старая ведьма бьет и мучает ее.

— Маргарита — вздорная девчонка! Я ее терпеть не могу! Ты думаешь, что она когда-нибудь покорится? Всякий знает, старуха очень дурного поведения.

- Она prepares разные зелья.
- Ха, ха, ха! А также сладкие и душистые порошки.
- Коротко и ясно, она отравительница!
- Это ей очень выгодно. Старуха гораздо хитрее, чем эта глупая девчонка!

Маргарита, о которой шла речь, не обращала на девушек никакого внимания. Ее голос звучал на всю улицу: она пела народную песню, кормя свою канарейку, сама точно птичка, сидящая в клетке. Черты ее лица носили отпечаток невинности и сердечной чистоты и были так прекрасны, что невольно вызывали симпатию. Во всем квартале не было девушки милее и привлекательнее. Черные ее волосы с пробором посередине были гладко причесаны, на щеках горел свежий румянец, алые губы маленького рта открывали при пении два ряда ослепительно белых зубов, а синие, с длинными ресницами глаза как бы излучали мягкий свет. На ее нежной шее был повязан пестрый платочек, чисто выстиранное платье, уже несколько короткое для нее, позволяло видеть маленькие ножки, обутые в чистые чулки и хорошенькие ботинки.

Она была одна в бедно убранной коморке. Ее мать почти всегда сидела в своей комнате, куда Маргарита не смела входить. Дочь не знала, чем она занимается, сидя одна, и когда однажды спросила ее, то получила резкий ответ — никогда более не спрашивать об этом. Бедной Маргарите не слишком хорошо жилось у бездушной старухи, во всей повадке которой было что-то мужское.

Вечером приходили к ней гости — мужчины, а иногда и женщины, которые разговаривали и вели себя очень таинственно. Летом она сама очень часто по целым дням пропадала из дому и только на ночь являлась с крепко завязанным узелком, который сейчас же уносила в комнату, закрытую для Маргариты.

Про эту старуху говорили много плохого, хотя глядя на ее выразительные глаза, представительную наружность, темное, почти квадратное лицо и всегда чистое платье, ни в коем случае нельзя было сказать, что она похожа на ведьму, скорее можно было подумать, что это служанка из какого-нибудь важного дома, что и было на самом деле во время оно, как говорили в Бельвиле.

Габриэль Белланже, мать Маргариты, была, судя по этим слухам, служанкой в расположенном на Компьенской возвышенности замке дюка де Бриенна, жившего в нем бездетно с супругой, которая была старше своего мужа, женившегося на ней по расчету.

Однако несметные богатства герцогини скоро исчезли, да и сама она как-то внезапно умерла. Говорили, что Габриэль Белланже отравила ее, но доказать это никто не мог.

Сейчас же после того она родила девочку и все заключили, что все это последствия одного и того же преступного замысла ее и герцога. Это дитя и была Маргарита, ничего не знающая о прошлом своей матери. Сама Габриэль не могла предположить, чтобы слухи эти могли достигнуть Парижа, где она считала себя от них в полной безопасности.

Герцог Бриенн вскоре последовал за своей супругой и также внезапно. Но Габриэль, надеясь наследовать все богатства герцога, жестоко ошиблась в расчете. Она попала в критическое положение: могилы вскрыли и нашли следы яда в телах. Габриэль возражала, улыбаясь в ответ на все вопросы, она знала, что никто не может представить против нее явных улик, и ее должны были оставить в покое.

Тогда она с малюткой Маргаритой отправилась в Париж и поселилась здесь, используя любые средства для пропитания.

Никто не обращал на нее внимания. Правительство позволяло ей заниматься своим делом, не зная о его содержании. Между тем тайное занятие ее было ужасно.

Под одной из половиц комнаты она прятала ядовитые зелья, которые так искусно смешивала в разных сочетаниях, что никто не мог заметить в них присутствие яда, которым все они были приправлены. Она шла осторожно своим путем, и никто еще не разоблачил ее.

В наследстве герцога она ошиблась, зато теперь избрала более верную дорогу, заставляя щедро платить за ее, как она называла, адские средства.

Это была одна из тех злодейских натур, которые не отступают перед смертью, не знают ни веры, ни любви и по какой-то страшной, необъяснимой причине должны убивать, как будто они присягнули уничтожить род человеческий.

Наступила ночь. Улицы заполнили мужчины и раздетые девушки.

С ближайшей церковной башни глухо раздавался звон колоколов, возвещающая полночь. Глухой шум слышался в домах, не видно было ни одного полицейского. Только сторожа время от времени, не обращая никакого внимания на крики, несущиеся из гостиницы, по двое ходили около домов. Лишь в крайнем случае, при громких криках о помощи, они входили в дома, но при этом более чем когда-нибудь оказывались непригодными для охраны этого предместья, хотя и выбирались для этой цели самые крепкие, здоровые люди.

В это время, осторожно прокрадываясь по одной стороне улицы, какой-то господин быстро спешил к гостинице под вывеской «Маникле». Окна гостиницы были завешены, и только слабый свет показывал, что там еще есть посетители.

Поздний посетитель Бельвиля, одетый в старый плащ и шляпу, вышел на середину улицы и поглядел на темные верхние окна. Он постоял с минуту, как вдруг дикий крик донесся из гостиницы, через которую он должен был пройти, чтоб попасть в верхний этаж дома. Казалось, он надеялся найти гостиницу пустой, а теперь увидел, что буйство в «Маникле» будет продолжаться до утра.

Быстро подошел он к двери и твердой рукой открыл ее. Оглушительный чистый звон колокольчика известил о приходе нового посетителя. Комната, в которую он вошел, была так наполнена отвратительными запахами и густым табачным дымом, лампы, спускающиеся с потолка и сидящие вокруг стола посетители были еле видны в этом тумане.

Прибывший гость захлопнул за собой дверь, желая, очевидно, указать своим шумным входом, что он не скрывается от заседающего здесь общества. Но никто не обратил на него внимания. Все посетители сидели у столов в разных позах, подперев руками головы и куря свои короткие трубки, они пели, кричали и, смеясь, разговаривали друг с другом.

Вошедший направился через всю комнату к находящейся в глубине залы стойке, за которой стояли мужчина и женщина с разбойничьими лицами и тихо переговаривались между собой. Это были хозяева «Маникле». Они внимательно посмотрели на подходящего к ним нового посетителя.

Незнакомец, очевидно, опасался чего-то, подозрительно оглядываясь по сторонам, он не снимал своей шляпы, которая была надвинута глубоко на глаза, и даже еще плотнее закутался в плащ.

Бродяги между тем продолжали пить и кричать, не глядя даже в его сторону, что ему, очевидно, и нужно было. Заметив около стены свободный стол, он сел. Тогда хозяин подошел к незнакомцу, рассматривая его с любопытством. Он хорошо знал всех своих прилично одетых посетителей, но этого видел впервые.

— Что прикажете подать, сударь? — спросил он.

— Вина, — отвечал тот коротко.

Хозяин подал требуемое, а сам остановился в стороне, как бы ожидая дальнейших приказаний.

Тогда незнакомец вынул из кармана пятифранковую монету и снова подозвал к себе трактирщика.

— Одно слово, — сказал он ему тихо, показывая деньги, — у вас ли наверху живет Габриэль Белланже?

Хозяин, понявший теперь причину внезапного появления незнакомца, утвердительно кивнул головой.

— Могу я пройти к ней, только незаметно?

— Выберите минутку, сударь, когда все станут смеяться и кричать, подойдите к той коричневой двери сзади стойки и быстро отворите ее. За ней вы найдете лестницу налево, в конце коридора, вверх постучитесь, она дома.

— Возьмите, — шепнул незнакомец, опуская монету в большую грубую руку хозяина, который поклонился ему и тихонько проговорил, как будто исполнял свой долг, заботясь о выгодном госте:

— Вы желаете иметь дело с Белланже?

Незнакомец кивнул, делая вид, что пьет вино.

— Воспользуйтесь же удобной минутой, я сумею скрыть ваше отсутствие, — сказал плечистый хозяин и вернулся к своей не менее полной супруге.

Поздний посетитель отвернулся от соседей и глубже надвинул свою шляпу. Он только подносил стакан к губам, но совсем не пил вина.

Вдруг за одним из столов поднялся спор между одним из сидевших там мужчин, высоким, худощавым, с желтым, как пергамент, лицом, и его рассерженным до бешенства соседом. В одну минуту образовались две партии, поднялся страшный крик, стулья полетели,

стаканы падали и разбивались, ножи, бутылки и скамьи были пущены в ход. Все это производило адский шум.

Незнакомец встал и быстро прошел за стойку, тогда как хозяйин и его решительная супруга, кинулись к своим рассвирепевшим гостям, которые с воплями разбивали стаканы, бутылки и стулья. Незаметно подошел он к тяжелой деревянной двери, выкрашенной коричневой краской, отворил ее и вошел в узкий темный коридор, дверь сама захлопнулась за ним. Протянув вперед руки, он отыскал в темноте узкую крутую лестницу и стал подниматься по скрипящим под его шагами ступеням.

Вокруг было темно, как в могиле, а снизу доносились крики спорящих и шум драки.

Незнакомец осторожно поднялся по лестнице. Ему было небезопасно оставаться в доме, так как при возвращении нужно было снова проходить через общую залу, а он очень не хотел встретиться там с полицейскими. Действительно, сцена внизу переменялась. Колокольчик у двери сильно зазвонил. Верхние жильцы должны были также услышать шум. Заметив узкую полоску света из щели не совсем плотно сколоченной двери, незнакомец поспешно постучал.

— Кто там? — спросил молодой голос.

— Отоприте! Мне нужно видеть Габриэль Белланже.

— Гоподи, ночью, и такой шум внизу!

— Не бойтесь ничего, у меня важное дело.

Послышались легкие шаги, и дверь отворилась.

Маргарита, держа в руках зажженную свечу, появилась перед незнакомцем. На ней было платье, накинутое второпях, черные волосы падали на плечи длинными косами. Синие глаза со страхом смотрели на неприятное лицо незнакомца, обрамленное черной бородой. Она быстро отступила на несколько шагов, тогда как незнакомец, пораженный ее красотой, остановился на пороге и любовался ею.

Маргарита была прекрасна. Стыдясь, она приподняла левой рукой свое длинное платье, стараясь прикрыть шею и грудь, от этого движения обнажились ее маленькие ножки. На всем ее существе лежал отпечаток невинности, и при взгляде на нее незнакомцу, видимо, пришла какая-то мысль, от которой он улыбнулся самым неприятным образом.

— Кто вы, прекрасное дитя? — дружески спросил он вполголоса.

— Этот вопрос мне следовало бы задать вам, сударь. Я Маргарита Белланже, а вы?

— Так вы дочь Габриэли? Скажите, пожалуйста, мне и в голову не приходила подобная встреча,— сказал незнакомец и расстегнул свой плащ, так что Маргарита заметила бриллиантовую булавку в его галстукe и орденскую ленту, что отличало знатного господина.— Ваша мать спит?

— Я не знаю. Вы видите в той половине дверь, постучитесь в нее. Если вам не отворят, значит, матушка уже спит, и вам придется прийти в другой раз.

— Как бы я ни хотел этого, но не могу, это для меня опасно! Вы слышите внизу шум, там льется кровь.

— Правда, сударь, это очень дурной дом,— согласилась девушка.— Идите, стучитесь, я вам посвечу.

— А не лучше ли мне отправиться в вашу комнату вместе с...

— Поспешите, сударь, если вам нужно говорить с моей матерью,— отвечала Маргарита, как бы не расслышав последних слов незнакомца, который вынужден был отправиться к указанной двери. Он сильно постучал.

Но, казалось, все вымерло кругом, напрасно прождал незнакомец некоторое время, за дверью никто не шевелился и не отворял ее.

— Постучите сильнее, сударь, может матушка в задней комнате.

Незнакомец повиновался. Из-за двери раздался глухой, почти мужской голос:

— Кто там?

— Отворите, госпожа Габриэль, мне нужно сообщить вам важное известие!

— Вы одни?

— Я думаю, что, имея тайные дела, не приводят с собой свидетелей!

Но мать Маргариты была недоверчива. Слышно было, что она что-то делала за дверью прежде, чем отворить. Маргарита и незнакомец, стоя друг против друга, молча ждали.

Габриэль Белланже была очень высокая, крепкого сложения женщина, с лицом, как бы высеченным из камня, черты ее были грубы, резки и неподвижны, взгляд больших глаз холоден и непроницаем. На ней было старое платье, редкие седые волосы покрывала черная шапочка. В общем она производила устрашающее впечатление.

Она внимательно посмотрела в ярко освещенное лицо своего позднего гостя, потом взглянула на Маргариту, и та, будто повинувшись этому взгляду, быстро вышла и заперла за собой дверь.

Движением руки Габриэль Белланже пригласила незнакомца в свою комнату.

Комната была обставлена очень просто, стол, несколько стульев и кровать составляли все ее убранство, на маленьком столике у кровати горела лампа. Старуха, впустив посетителя, заперла за ним дверь и пригласила сесть на один из стульев.

— Садитесь, ваше сиятельство! — сказала она при этом своим глухим, твердым голосом.

Незнакомец посмотрел на нее с удивлением.

— Разве вы меня знаете? — быстро спросил он.

— Вы обер-камергер Бациоши, я не ошиблась,— отвечала Габриэль, не изменяя ни выражения лица, ни тона голоса.

— Вы меня изумляете...

— Почему же? Разве я неверно назвала вас?

— Но откуда вы знаете меня? — спросил Бациоши, снимая шляпу.

— Пять лет тому назад вы побывали в замке Бриенн,— отвечала мать Маргариты.

— У вас хорошая память, моя милая! Но разве вы были в то время в замке? Мне кажется, я вас там не видел.

— К делу, ваше сиятельство! То, что я вас знаю, только облегчит наши объяснения. Что привело вас сюда в этот поздний час?

— Я объясню вам это в немногих словах, Габриэль Белланже. Прежде всего, один вопрос: говорят, вам известны многие тайны природы?..

— Немногие, очень немногие! Нужно удвоить нашу человеческую жизнь, чтобы проникнуть хотя бы в некоторые из них!

— Но вы открыли способ сократить человеческую жизнь так, что ни один ученый не может заподозрить причину!

— Это очень легко, ваше сиятельство! Я нисколько не горжусь этим, всякий в состоянии сократить, но продлить — никто!

— Однако, если вы нашли одну тайну, то можете надеяться открыть и другие. Но я пришел сюда затем, чтобы узнать, за какую сумму я могу получить у вас одно из ваших средств.

Старуха обратила на него свой холодный взгляд, как бы читая его мысли.

— Я не продаю моих тайн, граф,— сказала она, наконец, твердым голосом.

— Я вовсе не хочу вмешиваться в ваши тайны. Дайте мне только порошок или скляночку вашего экстракта!

— Но его можно употребить во зло.

— О, я понимаю вас! Вы ничего не доверяете чужим рукам!

— Нет, ваше сиятельство!

— А посещаете ли вы больных?

— Иногда.

— Можете ли оказать мне услугу?

— Какую?

— В замке Борегар, недалеко от Парижа, живет одна дама...

— Графиня Борегар, Софи Говард!

— Мне кажется, нет ничего такого, чего бы вы не знали!

— Поэтому вы можете говорить прямо, граф.

— Графиня Борегар желает умереть!

— Я понимаю, далее!

— Ей опротивела жизнь с тех пор, как она не достигла своей цели, и к тому же она страдает от болезней.

— Так вы хотите избавить графиню от ее страданий?

— Посредством вашего искусства, Габриэль!

— Это можно сделать, граф. Говорите далее!

— Я даю вам 10 тысяч франков за ваше средство.

— Могу ли я видеть графиню, оставаясь незамеченной?

— Если необходимо, да!

— Так ведите меня к ней, и скоро Софи Говард не будет более стеснять императрицу!

— Прекрасно! Время я вам скоро назначу, тогда мы вместе отправимся в замок графини, а пока примите половину платы в виде задатка, остальное получите при успешном окончании дела.

— Благодарю, граф! — сказала Габриэль, и серые глаза ее блеснули, когда она брала деньги.— Укажите, где я смогу увидеть вас.

— Пошлите завтра вечером вашу дочь в Тюильри вот с этой карточкой.

Обер-камергер открыл дорогой бумажник, вынул одну из карточек и хотел передать Габриэли. Но, передумав, снова положил ее в бумажник.

— Нет, скажите лучше вашей дочери, чтобы она спросила там графа Бациоши. Ее сейчас же проведут ко мне, и я сообщу ей, куда смогу проводить вас в замок.

— Это невозможно, граф.

— Вы меня удивляете — почему?

— Моя дочь не должна ничего знать о наших переговорах!

— В таком случае я могу вам написать. Пришлите вашу дочь, прошу вас, она вовсе не будет знать в чем дело! Я ничего не скажу ей. В назначенный вечер, около девяти часов, я буду на площади Конкорд, откуда мы поедем в Борегар. Обо всем остальном я позабочусь.

В эту минуту раздался тихий стук в дверь комнаты.

Бациоши в страхе приподнялся, даже сама хозяйка слегка побледнела, но хладнокровие тут же вернулось к ней.

— Оставайтесь на месте,— сказала она графу, удивленному подобным спокойствием. Она твердыми шагами подошла к двери и открыла ее.

За дверью бледный, взволнованный, дрожа, как осинový лист, стоял толстый хозяин гостиницы.

— Здесь ли еще,— прошептал он, входя в комнату,— ваш гость? Да, да, он еще тут! Вы должны бежать! Через час весь дом будет окружен и обыскан! Один из этих мошенников убил человека и скрылся, его будут искать, а говорят, что это вы совершили убийство и убежали сюда!

Бациоши побледнел, ему вовсе не хотелось встречаться с полицией, хотя стоило только сказать свое имя, чтобы его сейчас же освободили.

Старая отравительница смотрела на него.

— Благодарю вас, что вы предупредили меня,— сказал он хозяину и обратился к Габриэли.

— Я жду завтра вечером вашу дочь,— тихо произнес он.

— Она придет! Но бегите!

— Проводите меня, любезный, вам нечего бояться,— сказал Бациоши хозяину дома, который и вывел его незаметно через маленькую заднюю дверь, о которой никто из посетителей не знал.

XXVI

КАБИНЕТ ИМПЕРАТОРА

На следующий день маркиз де Монтолон отправился в Тюильри. Брат его отца в свое время весьма близко сошелся с Луи Наполеоном, и Клод рассчитывал на благоприятный исход своего разговора с императором.

Дело Камераты, его мнимая смерть и возвращение дали повод к обстоятельным розыскам. И хотя последние ни к чему не привели, однако один чиновник был послан в Ла-Рокет, а префект Пиетри и министр серьезно взялись за это дело, так как император высказал им свое неудовольствие. Конечно, принц Камерата снова был обезврежен, благодаря предусмотрительности Бациоши, и это еще более расположило его к обер-камергеру. Тем не менее, дело все-таки сохраняло свой таинственный характер, и император, так же как и императрица, глубоко ненавидел изгнанного принца. Разговор между императором и Клодом был длинным и бурным. Маркиз горячо требовал разъяснений по поводу исчезновения Долорес и Камераты, приписывая главную вину дурным советникам императора. Он требовал строгого расследования и просил освободить обе жертвы придворных интриг, обращая внимание императора на то, что этим покажет, как он далек от происков недостойных доверенных лиц.

Наполеон, еле сдерживая свой гнев, с наружным спокойствием, выслушал маркиза и объявил, что дело сеньоры Долорес Кортины его не касается, что же до принца, то он ничего не может сделать, так как и сам должен уважать законы, а принц Камерата поступил весьма опрометчиво, открыв другим свое имя и нарушив требование, запрещающее дуэли.

Маркиз напрасно пытался обратить внимание императора на военные заслуги молодого генерала. Наполеон пожал плечами и снова повторил, что он не может отменить судебного приговора, соответствующего закону.

Конец разговора был резок и не предвещал ничего хорошего. Клод не мог удержаться, чтобы не обрисовать в сильных выражениях беспорядков в управлении страной, не напомнить о неизбежных дурных последствиях этого и необходимости улучшений. Наполеон же с трудом воздержался от грубого ответа; он понял, что люди, подобные маркизу, могут быть очень опасны для его правления и решил про себя как можно дольше продержат принца Камерату на каторге, чтобы навсегда обезопасить себя от него, так что Клод достиг результата, совершенно противоположного своему желанию. Все благородство этого человека разбивалось о ненависть и беспощадность Наполеона. Наглая ложь и несправедливость императора вывели из равновесия даже маркиза, известного своей выдержкой и рассудительностью.

Маркиз вышел от императора, чувствуя, что совершенно даром тратил слова. Но он утешал себя мыслью, что хотя и не достиг цели, зато хорошо узнал, кого украшала французская корона.

Когда Клод возвратился домой, Жуан при одном взгляде на его лицо понял, что нет никакой надежды спасти Камерату. Он подошел к маркизу.

— Я не остановлюсь перед тем, чтобы освободить несправедливо осужденного из рук палачей хитростью, или с помощью тех несчастных, которых в этой больной стране отправляют на гильотину!

— Не поступай опрометчиво, Жуан,— уговаривал его маркиз.

— Принц должен быть спасен! Я готов пожертвовать для этого своей жизнью. О, Пресвятая Матерь Божия! Такой ли должна быть судьба героев Франции? Проклятие выпадает на долю тем, кто сражается в этих рядах, и в конце концов наступит время, когда французское войско будет состоять только из неспособных и недостойных людей.

— Ты прав, Жуан, наказание не замедлит, — согласился маркиз. — Пусть только небо дарует испытать это наказание не моему отечеству, но тому, что его заслужил!

Жуан решил во что бы то ни стало освободить изгнанного принца. В продолжение всех следующих недель он составлял планы, которые не сообщал маркизу, пока они не были им полностью обдуманы.

Когда маркиз вышел из кабинета императора, в него вошел достопочтенный обер-камергер, так называемый родственник Луи Наполеона.

О чем говорили между собой эти два человека, какие открытия сделал Бациоши императору, принудил ли он его выполнить все свои требования, этого никто не знает, так как никто не слышал их разговора. Трудно было бы подумать, чтобы Наполеон и Евгения, как можно было заметить по многим обстоятельствам, приняли участие в последовавших вскоре за тем гнусных деяниях Бациоши, чтобы они желали тех последствий и выгод, каких желал он. Евгения ненавидела Софи Говард так же, как Наполеон ненавидел Камерату, а какую Бациоши имел таинственную власть над Луи Наполеоном, видно из того, что он постоянно получал большие деньги и почетные должности и все его преступления скрывались и оставались безнаказанными. Ведь Бациоши был такой человек, который непременно выдал бы своих соучастников, если бы его подвергли суду.

Обер-камергер после дружественной беседы с императором в его кабинете был милостиво приглашен к императорскому столу. Однако и это было сделано с особой целью: когда наступил вечер, и встали из-за стола, Бациоши опять прошел с императором в его кабинет, приказав своим слугам провести девушку, которая будет его спрашивать, в императорские покои, минуя комнаты, где находились камергеры и адъютанты. Впрочем, подобные распоряжения Бациоши не были редкостью.

Очень часто проходили прекрасные молодые девушки через пустые залы Тюильрийского дворца; в этом отношении обер-камергер был знаток и человек со вкусом. Он очень хорошо знал, что нравится императору, и был именно тот слуга, какого только мог пожелать могущественный человек, любивший удовольствия и располагающий миллионами.

Маргарита Белланже отправилась в Тюильри по приказанию своей матери, она очень боялась ее и всегда беспрекословно исполняла ее приказания. Прелестная девушка надела старый платок поверх чисто-го светлого платья, плотно завязав его спереди. Маленькая, простенькая шляпка покрывала ее роскошные темные волосы.

Она дрожала, как будто предчувствовала несчастье, когда поднималась по лестнице к той части дворца, где жил Бациоши, она не решалась войти и не смела вернуться назад... Зная строгость и неумолимую жестокость матери, она и думать не могла о том, чтобы возвратиться без успеха. Бедная голубка между двумя ястребами — и здесь, и там поджидала ее опасность.

Наконец, она решилась и, переступив порог, спросила у слуг о графе.

Она застенчиво потупила свои прекрасные глаза, когда наглые парни с улыбкой осматривали ее и перешептывались, потом последовала за одним из слуг, который повел ее через ряд пустых комнат к императорскому флигелю.

В зале, возле кабинета императора, Маргариту принял Бациоши, он нашел ее очаровательной и вполне соответствующей вкусу его господина. Обер-камергер, заранее предвкушая вознаграждение за услугу, повел застенчивую девушку в кабинет, сказав ей, что там она получит ответ.

И невинное дитя последовало за сводником, который, введя ее, вышел из кабинета.

Здесь разыгралась одна из тех тюильрийских сцен, каких было бесчисленное множество.

Маргарита Белланже не вымышленное лицо — она действительно существовала, бумаги ее найдены в 1870 году среди секретных документов Тюильри.

Что произошло в этот вечер в кабинете, какие предложения и обещания давались бедной девушке, мать которой отдала ее на растерзание, наконец, какую употребили силу, чтобы овладеть этим прекрасным существом, сопротивляющимся с мужеством непорочности, — мы предоставляем догадываться нашим читателям. Довольно того, что жизнь ее, ее молодость были отныне загублены и ее ожидал один путь — тернистый путь разврата.

Через некоторое время Маргарита выбежала из комнаты в пустую переднюю, без шляпы, с распущенными косами, с блуждающим взглядом, как испуганная косуля, спасающаяся от гибели. Она мчалась по коврам пустых комнат и готова была выскочить из окна, если бы двери были заперты, она чувствовала, что должна бежать, бежать как можно дальше отсюда.

Бледная и запыхавшаяся, пробежала она мимо слуг, добежала до лестницы, быстро спустилась по ней до выхода и через несколько секунд достигла главного подъезда Тюильрийского дворца. Здесь она остановилась, чтобы перевести дыхание, но медлить было нельзя, хотя она смертельно устала, — может быть, ее преследовали.

Как тень шмыгнула Маргарита вдоль стены, через весь длинный двор, чтобы скорее достигнуть ворот. Она бежала все дальше, побуждаемая мучительным страхом, и не заметила, в какую улицу завернула. Каждый шорох пугал ее и принуждал бежать еще быстрее. Дворец уже давно остался далеко в стороне, а она мчалась, не останавливаясь и не размышляя, через темные улицы по направлению к Бельвилю. И только приблизившись к ненаселенной части этого пред-

местья, она увидела, что бежала по дороге к дому. Направлял ли ее шаги инстинкт ребенка, заставляющий его невольно обращаться во всех нуждах к матери? Искала ли она у нее помощи и защиты?

Бедная Маргарита! Ей было отказано в том, что бескорыстно дается другим детям. Она не найдет защиты у любящего материнского сердца, она покинута и беспомощна.

Изнуренная долгим бегом, девушка остановилась и застыла на месте, как преследуемое животное, которое, увидев перед собой новую опасность, замирает на мгновение, чтобы броситься затем в другую сторону.

Грудь Маргариты бурно вздымалась, капли пота выступили на лбу. Домой, к матери, она не смела возвратиться, мучительный страх овладел ею; слезы брызнули из ее глаз, она с трудом дышала.

Вдруг в темноте послышались шаги. Боясь оглянуться, она поспешила дальше и приблизилась к рельсам проходившей тут железной дороги.

Вблизи не было ни одного дома, ни одного человеческого существа.

Она осматривалась и несколько минут прислушивалась, колени ее дрожали от усталости. Борьба, мучительный страх и чрезмерное напряжение во время бега лишили ее сил. Потеряв сознание, она упала возле самых рельсов, не чувствуя холода железа и не сознавая угрожающей ей здесь страшной опасности.

Ночной ветер рассыпал ее волосы по мертвенно-бледному лицу, маленькие руки и ноги лежали неподвижно. Но она была молода и здорова, и бесчувственное состояние вскоре перешло в глубокий крепкий сон.

Так, лежа на земле, вплотную к рельсам, Маргарита проспала более часу. Полночь уже миновала, светлая четверть луны выглядывала из-за облаков, бросая бледный свет на безлюдную местность и спящую девушку.

Вдали послышался слабый стук колес, рельсы едва заметно задрожали. Но это не прервало глубокого сна изнуренной девушки. А поезд приближался. Еще несколько минут — и случится непоправимое! Машинист только тогда откроет ее присутствие, когда уже не сможет остановить паровоз.

Вдруг невдалеке послышалось хрустение гравия под тяжелыми шагами, показался свет, и из темноты выступила фигура мужчины, который шел по другой стороне вдоль рельсов, держа в правой руке флаг, а в левой фонарь; он вышел из возвышающейся вдали сторожевой башни.

Однако сторож смотрел на приближающийся поезд, а не на рельсы, и не заметил несчастной Маргариты. Между тем гроыхающее чудовище уже приближалось, раздавая громкий свист.

Маргарита проснулась, но не могла сразу очнуться от сна и понять, где она находится. Она поднялась, в смущении озираясь кругом, и только теперь сторож заметил движение, взглянул в ту сторону и увидел девушку. С криком ужаса он, сам подвергаясь смертельной опасности, бросился через колею. Он видел перед собой смерть и все-

таки не устрасился ее — ведь стоило ему споткнуться, и он погиб бы вместе с той, кого пытался спасти!

Но рука Божия помогла благородному человеку. В два прыжка перескочив через рельсы, он успел столкнуть ее с дороги в тот момент, когда паровоз уже был рядом, и поезд уже мчался мимо, задев только платье девушки и изорвав его на куски. Сторож, дрожа от испуга, крепко держал спасенную в своих руках.

С быстротой молнии промчались мимо вагоны.

Маргарита избежала смерти. Безмолвно стояла она на месте, пристально глядя на удаляющийся поезд, ни один звук не сорвался с ее губ.

— Ну, милая моя, можно сказать, что вы были на волосок от смерти,— воскликнул сторож, снова протягивая девушке свою руку, чтобы поддержать ее.— Но, черт побери, как вы сюда попали?

— К несчастью, я здесь заснула,— отвечала Маргарита открыто и беззвучно.

— И местом для сна вы выбрали себе рельсы? — проговорил, качая головой, сторож.— Это не совсем правда! Мне кажется, вы искали смерти... Кто вы и откуда идете так поздно?

Маргарита пробормотала несколько невнятных слов, но потом силы оставили ее, и она опять опустилась перед сторожем на землю.

— Странно,— сказал он про себя,— но мне ее жаль! Возьму ее к себе домой, хотя жена моя и будет немного ворчать.

Сторож поднял Маргариту на руки и направился со своей ношей к отдаленному дому, где его ожидала жена.

XXVII

ДОРОГА В КАЙЕННУ

Прежде чем мы опишем путешествие Олимпио, который спешил в Испанию, чтобы отыскать Долорес, посмотрим как сложилась судьба принца Камераты.

Когда Бациоши отдал его в Булонском лесу в руки гвардейцев, принц понял, что это предательство и его ожидает тяжелая участь. В первую минуту он хотел освободиться силой или искать смерти в борьбе с напавшими на него вооруженными людьми, но, как мы видели, это было невозможно, у него вырвали шпагу и мгновенно связали.

Он сидел в карете мрачный и в полном отчаянии.

Один из поверенных Пиетри сел вместе с кучером и указывал дорогу. Они ехали довольно долго, потом Камерата увидел, что они миновали крепость и стали удаляться от города.

Ни слова не проронил Камерата всю дорогу, ему было совершенно ясно, что его, как бежавшего из Ла-Рокет, везут в один из отдаленных фортов, находящихся в окрестностях Парижа.

Он не ошибся.

Через час карета остановилась у стены форта Иври. Сюда обыкновенно отправляли несчастных, приговоренных к ссылке на каторжные работы, и принц с ужасом отступил назад, когда вышел и увидел, куда его привезли.

— Иври! — воскликнул он дрожащим голосом. — Что это значит, я требую ответа! Что хотят сделать со мною?

— Следуйте за нами к коменданту, — ответил один из гвардейцев, окружавших Камерату. — Узнаете все от него!

— Черт побери, меня хотят сослать на каторгу, как преступника!

— Я этого не знаю, сударь, мне неизвестно даже ваше имя. Следуйте за нами!

Камерату повели в форт и до утра держали в караульне.

Потом его под конвоем отвели к коменданту, высокомерному человеку, который получил эту должность за заслуги в декабрьские дни. Он приказал письмоводителю записать имя Камераты и отвести его в крепость.

— Позвольте мне спросить вас, причислен ли я к ссыльным? — спросил Камерата.

— Вы сосланы на Чертов остров, милостивый государь, — ответил комендант коротко и спокойно, как будто речь шла об увеселительной прогулке.

— На Чертов остров, в Гвианские болота! — воскликнул принц, ужаснувшись. — Уж лучше бы дали мне умереть здесь на гильотине. Неужели меня будут постепенно убивать на том ужасном острове, с которого никто не возвращается?

— Приговор так гласит, и я должен его исполнить!

— Приговор! Да будет проклята рука, управлявшая шпагой моих убийц! Да будет проклята эта орденская лента, которую я топчу ногами! Проклятие презренным, произнесшим этот приговор, всех их постигнет кара! Хотя сегодня вы еще наряжены в пурпур и имеете сильную власть, которой позорно злоупотребляете, но настанет день, когда этот пурпур будет изорван в клочья, когда вас будут топтать в пыли и вы будете прокляты всем светом. Клянусь, день этот наступит, потому что Бог справедлив! Стоны и жалобы несчастных, невинно убитых здесь, достигнут престола Вечного Судьи, и он уничтожит преступных. Не зовите конвоиров, передайте лучше мое проклятие тем бездельникам и подлецам, которым вы служите! Когда-нибудь и вы согласитесь со мною, вспомните мои слова и ваши уста также произнесут проклятие. Ваше отечество ждёт бедствия, его разорили и обесчестили эти люди, не имеющие стыда, и я так ненавижу и презираю их, что отправляюсь в ссылку, с таким чувством, как будто бегу от чумы! Я готов, исполняйте ваш долг!

Камерата бросил на пол орден Почетного легиона, который собственноручно пристегнул ему император, и растоптал его ногами.

— В крепость этого бунтовщика, — вскричал комендант. — Отведите его в самый худший каземат, чтобы он лучше почувствовал свое бессилие и наказание!

— И вы действительно думаете, что можете меня усмирить, когда я в этот час покончил с миром, чтобы идти на такую мучительную

смерть, какую только черт может придумать? Придумывайте больше мучений, но не надейтесь, что мои уста произнесут другой звук, кроме проклятия! Назад,— крикнул он подступающим к нему служителям коменданта,— первого, кто дотронется до меня, я задушу собственными руками. Принц Камерата пойдет сам в определенную для него камеру!

— При малейшей попытке к бегству,— крикнул комендант, взбешенный гордым видом узника,— стреляйте в этого бунтовщика! Впрочем, нет, можете только ранить его, чтобы его можно было, закованного в цепи, перевезти в Кайенну.

Принц, не обращая внимания на эти слова, вышел.

Смотритель крепости исполнил приказ, доставленный от коменданта, и поместил его в самую страшную камеру. Это была узкая конура, где он должен был находиться с двумя другими заключенными.

Немного соломы было брошено на пол вместо постели, ему принесли хлеба и воды, как и обоим другим узникам.

Один из них был галерный преступник, другой, с лицом бульдога, напоминал ядовитую змею, ищущую добычи, чтобы вонзить в нее свои ядовитые зубы. Это был Джон, слуга мнимого герцога Медины. Поскольку принц Камерата не желал участвовать в грубых шутках своих соседей, они начали открыто насмехаться над ним.

Принц долго не обращал внимания на оскорбления, не желая входить с ними в какие бы то ни было отношения. Оба этих разбойника, хвастающихся силой, приняли его поведение за трусость и становились с каждым днем все наглее. В особенности длинноносый англичанин выходил из себя от ярости.

Столкновение произошло в вечер перед их отправкой в Тулон.

Камерата, завернувшись в шинель, лег на солому. Галерный преступник еще ел свой хлеб с водой.

— Послушай, ты,— закричал ему Джон, указывая на принца,— каждый из нас должен спеть воровскую песню, и этот должен начать! Мы должны весело провести время и отпраздновать наш отъезд отсюда.

— Исполнит ли он это? — усомнился преступник.

— Как, ты думаешь, он осмелится противоречить мне, когда я ему приказываю? Подожди!

Длинноносый подошел к постели Камераты и думая, что он заснул, грубо толкнул его:

— Эй ты, проснись, мы хотим отпраздновать наш отъезд!

Принц вскочил при этой вольности парня.

— Мое терпение истощилось,— воскликнул он, дрожа от возмущения.— Смотрите, чтобы это прощание не стоило вам слишком дорого!

— Что ты говоришь,— вскочил Джон, желавший покрасоваться перед своим сотоварищем,— ты, кажется, угрожаешь мне! Пой или я тебе проломлю череп!

Едва только успел негодая, поднимая кулак, произнести эти слова, как Камерата уже схватил его и отбросил на несколько шагов

так, что Джон, которому малое пространство камеры не дало упасть на пол, сильно ударился о стенку.

Крик бешенства вырвался из его груди, и в то время как его товарищ оставался праздным зрителем, он вторично бросился всей тяжестью на принца и обхватил его руками, стараясь сломать ему ребра.

Благодаря этому броску, перевес оказался на его стороне, он бросил Камерату на пол, собираясь ногами выместить свой гнев.

Преступник одобрительно смеялся, поощряя победителя к еще более решительным действиям.

— Ты узнаешь меня,— орал Джон,— и в другой раз будешь слушаться.

Принц чувствовал сильную боль от падения, но, стиснув зубы, схватил за руки своего противника, который собирался нанести ему смертельный удар, и сжал их своими тренированными, мощными руками. Джон, считающий себя непобедимым и действительно физически сильный человек, пытался освободить руки, но они были сжаты, как в железных тисках.

Камерата, поднявшись с пола и не говоря ни слова, продолжал сжимать руки противника, который делал отчаянные попытки освободиться. Наконец, Джон застонал от боли и произнес проклятие.

— Ты переломишь мне кости,— пробормотал он сквозь зубы.

— Пусть это будет вам уроком и не пробуйте больше сердить меня. Если вы повторите это еще раз, я сделаю вас безвредным на всю жизнь. На сей же раз вы только пролежите несколько часов в беспомощности.

Действительно, руки парня бессильно повисли, когда Камерата выпустил их, как будто все жилы и связки их были порваны.

— Будьте вы прокляты,— бормотал Джон,— вы мне переломали руки.

— Я сделал вас на некоторое время безвредным! Берегитесь меня! Я доказал мое великодушие, но также показал, что могу самовластно распорядиться вами, если только вы принудите меня к этому. Пока я вам ничего не сломал, завтра или послезавтра вы уже будете в состоянии пользоваться своими руками. Но при втором нападении вы не отделаетесь так дешево!

Преступник с возрастающим удивлением смотрел на этот исход; он слышал, как Джон стонал, и видел, что тот с висящими, как плети, руками пополз к своему ложу. Принц же как ни в чем не бывало лег на солому и беспечно заснул.

Перед рассветом узники, назначенные к ссылке, в больших железных каретах, окруженных солдатами с заряженными ружьями, были доставлены на железную дорогу. Там уже для них были приготовлены вагоны с окнами, заделанными решетками. Их отвезли в Тулон, где в гавани ожидало транспортное судно «Иона».

Сюда были со всей Франции привезены политические преступники и противники Наполеона для отправки в Кайенну, на острова, лежащие возле Гвианы, на севере южной Америки, вблизи экватора.

«Иона» был трехмачтовый морской фрегат с многочисленным военным гарнизоном.

Когда несчастным позволили выйти, чтобы идти на берег, подъехали шесть пушек и были расставлены за вооруженным караулом, чтобы воспрепятствовать какому-либо возмущению или бегству.

С глубоким презрением смотрел Камерата на все эти меры предосторожности. Все ссыльные должны были идти в нижние каюты корабля, обнесенные решетками. Здесь, в страшной тесноте, в спертый атмосфере трюма принц должен был находиться вместе с самыми отвратительными извергами.

В соседних караульных расположились сержанты с заряженными ружьями в руках, которые могли обозревать все пространство через решетчатые окна.

«Иона» отправился в путь. Дорогой узникам не позволяли даже дышать свежим воздухом и смотреть на красоту океана, чтобы участь их казалась им еще тяжелее. Пищу им приносили скудную и часто негодную, между тем как офицеров и солдат кормили очень хорошо. Если же кто-то из узников получал позволение выйти на палубу, его сейчас же окружали наверху четыре жандарма.

Капитан «Ионы» был такой же суровый и высокомерный человек, как и комендант Иври. Старшие офицеры, казалось, считали за честь дурно обращаться и мучить ссыльных.

Директор крепости Иври велел дать каждому пленному по ложке и горе было тому, кто забыл эту драгоценную вещь.

Камерата не взял с собой ложку, никак не думая, что ему откажут в самом необходимом. Ему повезло — один из ссыльных подарил ему свою ложку, которую хранил как сокровище. Не более десяти человек имели по ложке, большинство же ели руками. Недостаток воздуха и движения, постоянное заключение в маленьком зловонном пространстве, мысли о своем страшном будущем и тоска по родине не замедлили произвести свое пагубное действие.

Между пленными распространились всевозможные болезни, и никто ничего не предпринимал, чтобы остановить начавшуюся эпидемию. Вскоре лазарет корабля был переполнен, а врач напрасно требовал для больных хоть порцию вина — господа офицеры сами выпивали его.

Принц стойко переносил все мучения. Но это был уже не тот полный жизни человек, который готов был с достоинством встретить смерть. У него осталось одно желание — отомстить тем, кто уготовил ему эти муки. Он часто вспоминал о своих друзьях, Олимпио и Клоде, о Жуане, и тогда тосковал еще сильнее.

Наконец, на «Ионе» разнеслась весть, что путешествие приходит к концу.

Был вечер, когда они пристали к острову. Медленно догорало солнце, золотя верхушки столетних деревьев, вокруг щебетали и чирикали птицы, то ли приветствуя прибывших, то ли сожалея об их горькой участи.

Тихо катились волны, как бы тоже напевая путешественникам свою грустную приветственную песнь. Казалось, само солнце с нежностью смотрит на отверженных, медля уходить за горизонт.

За исполинским деревом с толстыми сучьями и далеко простирающимися ветвями, за вечнозеленой листвой, в которой играют солнечные лучи, находились ужасные крепости и тюрьмы. По дорогам, так привлекательно вьющимся между покрытыми зеленью холмами, бесконечным потоком двигались ссыльные и преступники.

Три острова возвышаются над морем вблизи Гвианского берега континента. Один из них называется Королевским островом, другой — Чертовым, третий — носит название острова Св. Жозефины. Комендант этой страны ссыльных живет на Королевском острове; Чертов остров назначен для политических преступников, а остров Св. Жозефины — для галерных преступников. Чертов остров представляет совершенно другой вид, нежели роскошный, зеленый, улыбающийся берег Королевского острова.

Высадив преступников на берег острова Св. Жозефины, Камерату и его товарищей одинаковой с ним участи отвезли на Чертов остров.

XXVIII

ПАМПУНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Как уже известно читателю, Эндемо последовал за Олимпио в день его отъезда, чтобы воспрепятствовать его намерениям и, если будет возможно, убить его. Мнимый герцог, потерявший все свое несправедливо добытое состояние, не подозревал, что Бациоши, которого он считал своим другом и покровителем, только и думал о том, как избавиться и от него после того, как он устранил Олимпио.

По ту сторону пограничного города По, откуда нужно было ехать в дилижансе или частном экипаже, Эндемо был уже так близко от дона Агуадо и Валентино, что их разделяло только несколько миль. Олимпио, побуждаемый нетерпением, раздавал значительные суммы, чтобы как можно скорее продвигаться вперед, однако и мнимый герцог был щедр, спеша нагнать своих противников.

Путь через Пиренеи был труден и небезопасен. Олимпио, естественно не мог предполагать, что подлец, мучитель Долорес, едва не погубивший и его самого, находится вблизи него, чтобы снова стать на его пути.

Монастырь в Пампуне был для обоих этих людей тем местом, где они должны были достигнуть своей цели.

В этом испанском городе было не менее четырнадцати монастырей. Большая часть из них лежала внутри городской стены, укрепленной двумя крепостями, на противоположной же стороне возвышался францисканский монастырь, на расстоянии не более четверти мили от города, возле сосновой рощи, от которой его отделял не принадлежащий монастырю дом, расположенный на большой дороге в Пампуну. Это мрачное древнее строение грязно-серого цвета была гостиница «Гранада», где путешественники могли найти ночлег и подкрепляющие напитки.

Говорят, что этот дом был выстроен в XII столетии и что вдова короля Генриха I, бежавшая со своими детьми во Францию, проживала здесь тайно несколько времени.

Говорят также, что несколько лет спустя, когда в Памплуне происходило кровопролитие, многие офицеры, спасавшиеся в гостинице «Гранада», погибли в ней.

Дверь главного входа и окна дома имели стрельчатую форму, толстые стены в некоторых местах осыпались; несколько массивных, широких каменных ступеней вели к двери, через которую входили в прихожую, отсюда по старинной крутой лестнице поднимались в комнаты для приезжих, а налево располагались комнаты хозяина.

Через несколько дней после отъезда Эндемо, вечером, когда уже начало смеркаться, три человека шли вдоль стены монастыря, направляясь к гостинице, окна которой в нижнем этаже были освещены, комнаты для гостей не были видны с улицы. Двое из приближающихся людей были монахи с низко надвинутыми на лоб капюшонами, третий, с испанской остроконечной шляпой на голове, одет в плащ.

Прежде чем войти в гостиницу, они внимательно осмотрели обе стороны большой дороги и удостоверились, что никто не приближается.

— Войдем, благочестивые братья, и за бутылкой хереса условимся о нашем деле,— сказал господин в остроконечной шляпе,— мы должны поспешить! Я уверен, что обожатель сеньоры и его слуга в эту же ночь приедут сюда, а до тех пор хочу покончить дело с вами.

— Я хочу спросить вас еще об одном, благородный дон,— произнес старший из монахов,— чем вы нам докажете, что вы действительно тот, за кого себя выдаете? Извините меня за мою осторожность! Но я уже не так молод, чтобы довериться незнакомцу.

— Я не осуждаю вас за эту осторожность, благочестивый отец,— возразил светский господин, вынув из кармана бумагу и подавая ее монаху.— Здесь вы увидите, что я действительно герцог Медины и прибыл к вам по поручению знатного господина, чтобы предостеречь вас и воспрепятствовать дерзкому человеку, желающему освободить сеньору.

— Я узнаю подпись, это та же самая, по которой мы должны были тогда увезти сеньору из По,— подтвердил старший монах, поднося бумагу к глазам.— Рассмотрите и вы ее, брат Антонио,— обратился он к молодому монаху, передав ему бумагу.

— Для меня достаточно, что ты удостоверился, благочестивый Бернардо,— сдержанно возразил тот.

— Значит, мы можем войти и за бутылкой вина переговорить о деле,— сказал светский господин, сложив бумагу и спрятав ее в карман пальто.

Это был Эндемо.

Оба монаха приняли его приглашение и поднялись с ним по каменным ступенькам, потом все трое вошли в гостиницу, которая, к удовольствию Эндемо и монахов, оказалась совершенно пустой. Освещенная просторная комната со сводчатым потолком свидетельствовала о древней архитектуре здания. Возле четырехугольных, выкра-

шенных белой краской столбов, поддерживающих своды, стоя старые, неудобные столы и старомодные стулья с высокими спинками.

В задней части комнаты, в глубокой нише находилась низкая дверь, ведущая в соседние комнаты. Перед нишей стоял длинный накрытый стол, на нем были расставлены стаканы, бутылки и блюда с любимым испанским кушаньем пухеро — смесью нескольких сортов говядины, овощей и сухих бобов.

Гости подошли к хозяину, человеку среднего роста с черной бородой и бакенбардами. В глазах его светился какой-то зловещий огонек, когда он недоверчиво рассматривал своих посетителей. Двое монахов были ему знакомы, поэтому он сосредоточил свое внимание на третьем человеке.

— Мое почтение, благочестивые отцы,— ответил он на приветствие.

— Принесите нам бутылку хереса,— сказал ему Эндемо по-испански.

— Вы приказываете, а я слушаю, сударь,— отвечал он по обыкновению испанских хозяев.

Гости заняли места, придвинув к столу тяжелые стулья. Монахи откинули назад свои капюшоны, Эндемо снял шляпу. Он имел некоторое сходство с хозяином по грубому типу лица, свидетельствующему притом о внутренней развращенности. Хозяин принес вино и три стакана.

— Послушайте, любезный,— сказал ему Эндемо,— вы оказали бы нам услугу, если бы в то время, как мы будем опорожнять эту бутылку, пошли покараулить на большую дорогу. Мы не хотим, чтобы другие гости застали нас врасплох.

— Я исполню ваше приказание, сеньор и благочестивые отцы, а в случае крайности, если будет необходимо...— тут хозяин замолчал и вопросительно взглянул на монахов, видя, что не должен продолжать дальше.

— Идите и окажите нам эту услугу,— прервал его старший монах, прекращая разговор.

Хозяин вышел из дому.

— Не думаю, чтобы он мог приехать уже сейчас, по моим расчетам, он должен быть здесь через несколько часов,— сказал Эндемо, наполняя стаканы.

— Этот дон дурак, если надеется отыскать сеньору,— проговорил старший монах.

— Не говорите этого, брат Бернардо! Он ее найдет, если она еще находится между живыми. Для дона Агуадо и его слуги не существует препятствий.

Оба монаха с удивлением посмотрели на мнимого герцога.

— Santa Madre будет закрыт для него, сударь,— произнес старший монах (Santa Madre был большой монастырь инквизиции в Мадриде).

При этих словах Эндемо чуть не проболтался, что сам только сейчас узнал, куда отвезли Долорес, мнимую инфанту Барселонскую.

— И там сеньора не будет в безопасности от него! Вы не знаете

дона Агуадо, бывшего предводителя карлистов! — сказал он. — Пока он жив, мы должны всего опасаться, благочестивые отцы!

— Поэтому он умрет, — отозвался Антонио, молодой монах с мрачным взглядом. — Santa Madre не позволит шутить над собой! Там сила его должна будет уступить.

— Вы хотите этого, благочестивые отцы?

— Вам известна тайна, окружающая эту сеньору? — спросил Бернардо.

— Да, я знаю ее!

— И потому вы должны понимать, что инфанта не покинет стен монастыря до конца своих дней, — продолжал Бернардо.

— Ваши слова достойны доверия, благочестивые отцы, и все-таки я уверяю вас, что этот любовник сеньоры освободит ее, если только ему удастся достигнуть Мадрида!

Монахи обменялись взглядами.

— Поэтому он не должен добраться и до Памплуна, — повторил Антонио.

— Это и мое желание, я только хотел спросить вас, можете ли вы мне осуществить его, благочестивые отцы. Это ваш долг!

— Вы можете не напоминать нам об этом, сударь, — возразил Бернардо.

— Простите мою горячность! Дон Агуадо должен умереть прежде, чем достигнет цели!

— Вы говорите, что с ним слуга?

— Который так же опасен, как и его господин, — сказал Эндемо и выпил за здоровье монахов. — Оба они придут в эту ночь сюда.

— Вы сами удостоверитесь в этом?

— Хорошо, если это вам кажется необходимым. Однако я должен соблюдать величайшую осторожность, так как и дон, и слуга знают меня. Мое лицо, я думаю, хорошо запечатлелось у них в памяти. Еще одно слово, благочестивые отцы! Скажите мне, правду ли я слышал от одного старика по дороге сюда, что в гостинице «Гранада» было несколько таинственных случаев, которые так и не разъяснились.

— Вы медлите, скажите откровенно, что вы слышали?

— Говорят, что несколько путешественников, вступившие в этот дом, не вышли из него!

— И что если это правда? — спросил Антонио.

— Тогда дон Агуадо и его слуга могут подвергнуться подобной же участи, — тихо и выразительно сказал Эндемо.

В эту минуту в комнату вбежал хозяин.

— Что случилось? — вскричал Эндемо, вскакивая с места. Оба монаха также поспешно встали.

— Два всадника подъезжают сюда, они так мчатся, что пыль на дороге поднимается столбом; они уже совсем близко, а на улице так темно, что раньше я не мог их заметить.

— Проклятье! Значит, мы не успеем выйти отсюда так, чтобы они нас не заметили!

— Нет, но если желаете...— хозяин медлил, вопросительно глядя на обоих монахов.

Бернардо поспешно схватил Эндемо за руку.

— Вы должны возвратиться с нами в монастырь по другой дороге,— сказал он и потянул за собой мнимого герцога к низкой двери в нише. Антонио поспешил за ними.

Хозяин проводил их, чтобы закрыть за ними дверь.

Когда Бернардо, который, видимо, хорошо знал дом, открыл дверь, на улице послышался громкий топот копыт, всадники остановились у входа.

— Эй! — крикнул громкий сильный голос,— куда же скрылся конюх?

— Это он, это Олимпио Агуадо,— пробормотал Эндемо, следуя за идущим впереди Бернардо. Антонио вошел за ними в высокий сводчатый, выкрашенный белой краской коридор, слабо освещенный маленькой лампой.

Хозяин запер за ними дверь и поспешил навстречу двум новым гостям.

— Куда мы идет, благочестивые отцы? Останемся здесь в доме, пока господин и его слуга не успокоятся.

— Нет, сударь, мы отправимся в монастырь и по такой дороге, где нас никто не увидит.

— Разве гостиница «Гранада» принадлежит монастырю? — спросил Эндемо.

— Да, прежде она соединялась с ним и с тех пор здесь существует подземный ход,— тихо сказал Бернардо.

Теперь только мнимый герцог увидел, что все, что ему говорил по дороге старик, оказалось верным. Гостиница соединена с монастырем.

Старый монах, шедший впереди, повернул за угол белой стены прохода, здесь нужно было спуститься по ступенькам вниз, в подвал.

— Внизу темно,— сказал он,— будьте осторожны, держитесь все время рукой за стену.

— Я иду за вами,— сказал Антонио тихо,— ничего страшного не может случиться.

Все трое спустились по лестнице и вошли в темный проход, который, по-видимому, тоже был высоким и сводчатым, потому что шаги Эндемо гулко раздавались во тьме, монахи же, носившие сандалии, шли почти бесшумно. Через несколько минут Бернардо остановился, вынул из кармана ключ и отворил какую-то дверь.

Они вошли в новый боковой коридор и монах запер дверь за собой.

Пройдя несколько шагов, Бернардо отодвинул с дороги какой-то большой деревянный предмет, трещащий и скрипящий.

Антонио схватил Эндемо за руку и потащил его вдоль стены мимо этого предмета, который Бернардо снова поставил на место. Очевидно, это была доска, скрывавшая продолжение коридора.

— Осторожно,— предупредил шепотом Антонио,— здесь десять крутых ступенек. Тот, кто не знает о них, может упасть вниз.

Эндемо должен был крепко держаться, чтобы не свалиться с узких каменных ступенек.

Внизу был старинный, со сводами, ход к монастырю. Три человека вошли в него и через несколько минут достигли большого монастырского сада, где находился широкий, древний минеральный источник.

Сад был пуст, в тенистых аллеях стояла тишина. В конце сада возвышалась красно-бурая кирпичная стена, отделявшая монастырь и сад от мира.

Трое мужчин поспешили к крытой галерее, тянувшейся вдоль монастыря и вскоре исчезли в главном входе последнего.

В это время хозяин «Гранады» поздоровался с доном Олимпио и его слугой Валентино.

Он осматривал своих новых гостей, восхищаясь могучей фигурой Олимпио, и видно было, что она внушает ему истинное уважение.

Валентино держал лошадей, хозяин показал ему конюшни, находившиеся за домом, куда он сам хотел отвести животных, между тем Олимпио с хозяином, следовавшим за ним, вошел в дом.

— Черт возьми, как у вас пусто и тихо,— сказал он с удивлением.

— Да, наступили плохие времена, мой благородный дон,— отозвался хозяин, не перестававший рассматривать Олимпио,— и очень даже плохие времена. Часто проходят дни, и я не вижу у себя ни одного гостя! Прежде было иначе.

— Францисканский монастырь находится возле самой вашей гостиницы, не правда ли? — спросил Олимпио, входя в комнату, которую только что оставили Эндемо и два монаха.

— Да, благородный дон, монастырь Санта-Педро,— отвечал хозяин, закрывая дверь.

— Дайте мне бутылку вина и немного пухеро, то же самое подайте моему слуге. Бывают ли у вас монахи?

— Нет, благородный дон, у благочестивых отцов свои собственные винные погреба и кухни,— отвечал хозяин, неся требуемое.

— Я это хорошо знаю, у них есть винные погреба и кухни, где имеется все самое лучшее. Однако это что значит? — вдруг спросил Олимпио и, нагнувшись, поднял с пола какой-то маленький предмет и показал его хозяину.— Вы говорите, что я монахи не бывают вашими гостями? Разве вы не слышите, что я испанец, что я думаете ли, что мне незнаком крест, который носят францисканцы?

Хозяин был смущен находкой Олимпио, которую он продолжал держать в руках. Видимо, один из монахов, поспешно вставая из-за стола, уронил свой крест.

— Я совершенно позабыл, благородный дон, здесь действительно были недавно два монаха, которые привезли послушницу в Санта-Педро.

— Так, и они здесь подкреплялись,— проговорил Олимпио, придвигаясь с неудобным деревянным стулом к столу и наливая себе в стакан вина.— Вы знакомы с монахами?

— Конечно, я знаю большинство из них, ведь мы соседи.

— Вы, может быть, знаете, не привозили ли сюда два францисканца одну сеньору?

— Нет, благородный дон, я об этом ничего не знаю.

— Есть ли в Санта-Педро аббат?

— Настоятель, преподобный отец Франциско, мой благородный дон.

Олиμπю попробовал вино и принесенное ему кушанье.

В это время вошел Валентино, лицо его выражало неудовольствие и недоверие.

— Садись и ешь,— сказал Олиμπю, взглянув на своего верного слугу. Потом он снова обратился к услужливому хозяину, который, казалось, один управлял домом, так как никто больше не показывался.

— Настоятель Франциско доступный человек?

— Он суровый, благородный и благочестивый человек,— уверил хозяин,— у вас к нему дело?

— Да, к нему или, собственно, к двум его монахам.

— Тогда вы должны будете здесь переночевать, а утром, с восходом солнца, сможете увидеть его, так как после захода солнца не разрешено входить в монастырь.

— Гм, это мне не нравится; впрочем, я устал после долгого путешествия и ты тоже, Валентино.

— Позвольте, дон Агуадо, что касается меня, то я готов в эту же ночь ехать дальше,— отвечал слуга.

— Я должен переговорить с настоятелем и потому мы переночуем здесь. Есть ли у вас кровать, которая бы мне годилась?

— Вы настоящий Геркулес, мой благородный дон! Но наверху есть комната с подходящей для вас постелью.

— Дон Агуадо желал узнать...— Валентино хотел сказать об Эндемо, но медлил, бросив взгляд на своего господина.

— Ты прав! Я хотел вас спросить, не заезжал ли к вам сегодня незнакомец в пальто и в испанской шляпе, с рыжей взъерошенной бородой? Мы издали видели его по дороге.

— У меня нет более гостей, кроме вас, мой благородный дон, и вашего слуги,— уверял хозяин.

— Это был он, я ручаюсь головой,— сказал Валентино. Он осушил свой стакан, поел и встал, чтобы получить приказания от своего господина.

— Есть ли возле той комнаты, которую вы мне предлагаете, другая, где бы мог спать мой слуга,— спросил Олиμπю, также вставая.

— Нет, мой благородный дон, это совершенно отдельная комната. Мне кажется, вашему слуге было бы лучше остаться возле лошадей. Там есть комната с кроватью.

Валентино хотел что-то возразить.

— Я согласен,— предупредил его Олиμπю,— проведите меня наверх! Далекий путь верхом порядком утомил меня. Доброй ночи, Валентино, в пятом часу утра оседлай лошадей, потом разбуди меня!

Хозяин взял свечу, чтобы провести дону наверх в спальню.

Валентино остался в гостинице. Осторожный слуга, однако, нашел гостиницу очень подозрительной. Что, если мы опять попали в западню,— думал он.— Я узнал мнимого герцога, благородный дон не дорожит своей жизнью. Нет, здесь необходимо держать ухо востро. Я буду следить, как еще не следил никогда!

Ни души не видно было ни в доме, ни на улице, ни в конюшнях, везде стояла неестественная тишина, к тому же у хозяина лицо мошенника. Отдельная комната наверху также может быть предложена с определенной целью.

Мне следовало остаться возле донна Олимпио, он спит крепко, а здесь, как мне кажется, необходимо, чтобы по крайней мере один из нас не спал! Я буду лежать внизу и караулить, тогда я при малейшем шуме смогу быть на ногах. Где-то теперь находится бедная, милая сеньора!..

Валентино вышел из дома и прислушивался — кругом господствовала все та же глубокая ночная тишина.

XXIX

ПОКУШЕНИЕ

Хозяин повел донна Олимпио по широкой старой лестнице, которая вела в верхние этажи гостиницы, производившие неприятное впечатление своими сводами, арками, длинными переходами, столбами и нишами. Необыкновенно толстые стены и все массивное древнее строение были еще крепки, только полы и деревянные части в некоторых местах пострадали от времени.

Олимпио сделал несколько шуточных замечаний насчет мертвой тишины «лесного замка», как он называл гостиницу, и хозяин посмеялся этим шуткам.

Подозрительный вид и поведение хозяина не насторожили Олимпио даже тогда, когда он привел его в маленькую комнату, находящуюся в конце длинного, темного коридора и, поставив свечу на стол, оставался посмотреть, как Олимпио начал раздеваться, положив свой револьвер и шпагу на стул возле кровати.

— Клянусь, что я ничего не заплачу вам, если провалюсь здесь сквозь пол,— проговорил Олимпио, указывая на подгнившие доски пола.

Хозяин уверял, смеясь, что бояться нечего и что доски достаточно плотно прилегают друг к другу.

— Покойной ночи, мой благородный дон,— сказал, наконец, хозяин, прощаясь со своим гостем и бросив при этом взгляд на оружие и другие его вещи,— здесь никто не нарушит ваш сон. Не нужно ли вам еще чего?

— Ничего, кроме ключа от этой двери,— ответил Олимпио.

— Вот он, мой благородный дон! Но едва ли вам нужно запира-
ться!

— Я делаю это не ради себя, между нами будь сказано,— объяснил Олимпио с величайшим спокойствием, вынимая из кармана

кошелек и некоторые другие предметы, — этим я более предостерегаю другого от опасности.

— Другого? — спросил хозяин, будто не понимая значения этих слов.

— Я привык на ночь запирается в своей комнате, чтобы никто не нарушил моего сна. К тому же, любезный хозяин, я вас предупреждаю, что всякий, кто осмелится войти ко мне, поплатится за это жизнью, так как мой револьвер никогда меня не покидает. Вы поняли?

— Да, да, — ответил хозяин в замешательстве.

— Впрочем, я предупреждаю об этом в каждой гостинице, где ночую, — заключил Олимпио разговор. — Покойной ночи, завтра утром я оплачу свой счет.

Хозяин исчез, за дверью прозвучали его удаляющиеся шаги, затем снова воцарилась глубокая тишина.

Олимпио запер дверь и еще раз внимательно осмотрел комнату. Он часто жил и ночевал во всевозможных гостиницах и был достаточно опытен, чтобы определить впечатление, которое они производили на него.

«Гранада» и ему показалась немного подозрительна, но он не придал этому большого значения.

Отведенная ему комната, как и другие помещения этого дома, имела сводчатый потолок, в ней была одна дверь и на противоположной стороне — круглое окно, которое, как убедился Олимпио, выходило на двор, где находились конюшни.

Опрятная, чистая комната со скромной старинной обстановкой производила приятное впечатление. Кровать была хотя низкой и узкой, но достаточно длинной для Олимпио. Старинный диван, зеркало, висящее над ним, образ Божьей Матери и несколько стульев дополняли меблировку, вполне удовлетворявшую скромным требованиям.

Ничто здесь не возбуждало недоверия и подозрения. Да Олимпио и вообще был совершенно спокоен, он не знал страха, всегда уверенный в своей исполинской силе и своем оружии.

Он разделся, погасил свечу и лег в постель, с удовольствием предвкушая отдых после трудного путешествия. Вскоре он заснул так крепко, что едва ли тихий шум мог разбудить его.

В комнате было почти темно, только слабый свет луны, проникая сквозь окно, немного освещал эту маленькую келью.

Оставив своего гостя, хозяин возвратился в нижние комнаты и, не найдя там слуги, отправился в конюшню.

Тихо отворил он дверь, осторожно прокрался в темноте в соседнюю с конюшней комнату и убедился, что Валентино крепко спит на стоящей там кровати.

Потом хозяин «Гранады» возвратился в дом и увидел при лунном свете человека, стоящего у лестницы, которая вела в подвал к подземному ходу.

— Эй, кто там? — окликнул он вполголоса.

— Тише, разве вы меня не узнали, мой друг?

— Вы тот сеньор, что был у меня недавно с благочестивыми братьями.

— Второпях я забыл заплатить вам за вино! Незнакомец и его слуга еще внизу?

— Нет, сеньор, оба отправились спать.

— Хорошо, мне нужно с вами переговорить.

— Сделайте одолжение, войдем в гостиницу.

— С условием, что вы затворите все двери, чтобы никто не застал нас врасплох,— сказал Эндемо, еще более понижая голос.

— Я исполню все, что вы пожелаете, сеньор! Вы возвратились из монастыря по той же дороге? — спросил тихо хозяин, идя вперед по коридору, чтобы отворить дверь в освещенную нижнюю комнату гостиницы.

Эндемо не отвечал и последовал за ним только тогда, когда хозяин запер дверь коридора, откуда вела лестница в верхние этажи.

Теперь хозяин и Эндемо, оставшись наедине, могли свободно вести беседу, так как никто уже не мог им помешать.

— Я хочу поговорить с вами откровенно,— начал Эндемо,— у незнакомца наверху много денег.

Хозяин вопросительно посмотрел на сеньора; зная монахов, он думал, что этот человек метит на богатство незнакомца и, следовательно, он его соперник, так как и его привлекали деньги Олимпио.

— И что же? — спросил он, ожидая ответа.

— Я думаю, что эти деньги будут принадлежать вам, если вы исполните мое желание! Этот человек должен умереть здесь.

— Как, сеньор, я вас не понимаю!

— Я уверен, что вы меня понимаете, и знаю также, что вы хотите получить эти деньги,— отвечал Эндемо тихо.— Незнакомец должен умереть, он враг монахов Санта-Педро и враг короля.

— Ваши слова достойны уважения, но подумайте об этом исполнине, который сразу же убьет своего противника, подумайте также о славе моего дома. Ведь дело может обнаружиться.

— А слуга спит вблизи своего господина? — спросил Эндемо, как бы не слыша последних слов хозяина.

— Нет, сеньор, слуга спит в комнате возле конюшни, господин же его наверху, в последней комнате.

— Это вы хорошо сделали, и я полагаю, что мне можно было вообще не приходить сюда! Вы и без моего требования погубили бы этих двух людей.

Хозяин понял, что Эндемо знает больше, чем он предполагал.

— Не думаю, сеньор,— прервал он его.

— В подобных вещах не признаются, конечно,— засмеялся мнимый герцог.— Вы считаете, что этот широкоплечий незнакомец убьет одного противника, а я полагаю, что напротив, двое убьют его!

— Может быть, вы и правы! Будете ли вы?..

— Я готов быть вторым, если вы желаете быть первым.

Глаза злодея-хозяина, убившего уже не одного богатого путешественника, сверкнули.

— Я согласен, сеньор!

— Есть ли у вас в доме снаряды, которые бы облегчили наше предприятие.

— Не беспокойтесь, это мое дело! Вам легко будет скрыть всякий след незнакомца и его слуги! Вы думаете, что о нем будут справляться?

— Не думаю, но даже если и так, кто сможет доказать, куда исчезли два всадника, если вы уничтожите все, что могло бы нас выдать?

— Это справедливо, сеньор.

— Давно спит незнакомец?

— С час!

— А его слуга?

— Также около того времени.

Эндемо убедился, что хозяин сам, без него, уже достаточно хорошо распорядился, чтобы избавиться от своего богатого постояльца.

— Еще одно,— сказал он тихо,— есть ли у дона возле кровати оружие?

— Да, сеньор, у него заряженный револьвер и шпага. Он запер свою дверь и объявил мне, что делает это всегда, потому что имеет обыкновение стрелять в того, кто приближается к нему ночью!

— Гм, ведь он проснется, если мы каким бы то ни было образом отворим дверь! Разве в спальне нет другого хода?

— В стене сделано недавно отверстие, снизу прикрытое дверью.

— Заметил ли незнакомец этот вход внизу?

— Нет, сеньор, кровать скрывает его.

— Из соседней комнаты можно отворить эту дверь?

— Но пройти в отверстие можно только ползком, так как оно имеет не более двух футов в высоту и три фута в ширину. В доме много крыс и потому, если комнаты не заняты, я отворяю все двери внизу, чтобы мои коты могли вести охоту!

— Понимаю. Но я думаю, что прежде необходимо хорошенько осмотреть вход. Вы идите вперед, а я последую за вами. Захватите все необходимое, и мы легко справимся с нашей работой.

— А что мы сделаем со слугой в конюшне? — спросил хозяин.

— Прежде покончим с господином, а потом очередь дойдет и до слуги,— отвечал Эндемо.

— Ладно, сеньор, примемся за дело! Ведь вы говорили, что оно очень важно?

— Да, если вы хотите успокоить свою совесть! Кроме того, вы получите много денег, так как я уверен, что дон везет их с собой немало.

Эндемо заметил, что хозяин спрятал в карман какой-то блестящий предмет.

— Я этим также запасся,— сказал он, желая дать понять хозяину, гасившему лампу, что они становятся соучастниками, ведь преступники всегда не доверяют друг другу, а каждый из них чувствовал, что другой способен на все.

Вскоре они, крадучись, вышли из совершенно темной гостиницы.

Хозяин осторожно и без шума запер входную дверь дома, затворить же задний ход он не считал нужным, чтобы не создавать лишнего шума; кроме того, через ту дверь никто не мог войти, потому что слуга, как он убедился, спал в комнате возле конюшни.

— Наверху будьте осторожны,— шептал хозяин мнимому герцогу,— следуйте за мной по пятам.

— Кроме вас и незнакомца, в доме никого нет? Ни слуг, ни служанок?

— Никого, сеньор!

— Вы все очень умно устроили,— признал Эндемо, и оба негодяя осторожно и тихо стали подниматься по лестнице в комнату незнакомца.

XXX

СТРАШНАЯ НОЧЬ

Олимпии снилась Долорес, которая ради любви к нему вынесла столько страданий. Он видел ее стоящей рядом с собой в роскошном брачном наряде. Он хотел уже вести ее к алтарю, она приникла к его груди, и слезы радости струились по ее щекам. Она шептала ему горячие слова любви, и Олимпии был наверху блаженства, он трепетал от радости, прижимая к груди свою возлюбленную, сердце его учащенно билось.

— Наконец, ты моя,— шептал он, с любовью смотря на прелестную Долорес,— теперь мы уже никогда не разлучимся, мы принадлежим друг другу навеки.

— Я всегда была твоей, дорогой Олимпии,— отвечала Долорес,— даже тогда, когда была так далеко от тебя. Я знала, что ты найдешь и спасешь меня, знала, что время испытаний пройдет, и я снова буду с тобой, мой любимый.

Ничто не дается в жизни без борьбы и без нее нет настоящего счастья и отрады — только теперь оценим мы всю глубину нашего счастья.

— Ты прощаешь меня, Долорес, ты забыла все страдания, которые я причинил тебе! Я читаю свое прощенье в твоих чудных глазах.

И он привлек к себе девушку, осыпая ее поцелуями. Ведь и он выстрадал столько, столько препятствий преодолел, пока достиг заветного счастья.

Это был прекрасный сон! Месяц высоко поднялся на небе и бросал свои лучи на лицо спящего.

Но сон, так хорошо начавшийся, готовил Олимпии ужасный конец.

В коридоре послышались очень тихие крадущиеся шаги. Вот они миновали дверь, предусмотрительно запертую Олимпии, который

спокойно и крепко спал, не зная о приближающейся смертельной опасности.

Полночь уже миновала.

Близ комнаты, где спал Олимпио, тихо отворилась дверь, крадущиеся шаги приблизились к стене, у которой стояла его кровать, и затихли.

Злодеи рассчитывали напасть на спящего дона Олимпио и убить его прежде, чем он очнется от грез и осознает опасность.

А Валентино? Он, не заметив ничего подозрительного, тоже крепко спал.

Ничто не нарушало ночной тишины. Злодеи ловко и обдуманно совершали свое дело.

Что-то тихо зашелестело внизу у стены, где стояла кровать, на которой спал Олимпио, и снова смолкло.

Но вот из-под кровати осторожно выполз человек — это был хозяин, с бледным лицом и настороженным взглядом он приближался к своей добыче.

Он уже поднял голову, чтобы, убедившись в том, что его гость спит, совершить свое злодейское дело.

В это время Олимпио пошевелился. Что, если бы он проснулся в этот момент!

Не разбудили ли его тихие шаги в коридоре?

Он, действительно, приподнялся в кровати.

Голова хозяина мгновенно скрылась.

Наверное, какое-то предчувствие опасности разбудило Олимпио.

— Кто там, — спросил он громко, окинув комнату быстрым взглядом. Но не увидев ничего подозрительного, снова опустил голову на подушки.

— Бедная Долорес, — прошептал он, думая о своем сне, и скоро опять погрузился в забытие, не подозревая о близости своих врагов.

Спустя четверть часа хозяин осторожно выполз из-под кровати, подобрался к стулу, на котором лежало оружие Олимпио, и, взяв тихонько револьвер, положил его на пол в отдалении таким образом, чтобы Олимпио, проснувшись, не мог его достать; затем он точно так же положил саблю дона.

Приготовления к злодейскому нападению были закончены. Спящий был обезоружен.

И все-таки Олимпио, если бы он теперь проснулся, легко справился бы с убийцами.

Но он не просыпался.

Хозяин тихо приподнялся, вслед затем показалась фигура Эндемо, который тоже вылезал из-под кровати.

Хозяин стоял у изголовья, готовый каждую секунду вонзить нож в тело дона, если тот только пошевелится. Но он ждал Эндемо, чтобы вместе с ним совершить злодеяние и сделать его своим соучастником в этом кровавом деле, только так он считал себя в безопасности. Готовый к убийству, с ножом в руке, он стоял с таким решительным

видом, что можно было не сомневаться, что он с успехом выполнит свое намерение.

Но в ту минуту, когда Эндемо уже готов был стать рядом с ним, до слуха преступников донесся звук, от которого они застыли на месте: внизу, на дворе, со скрипом отворилась дверь. Был ли причиной этого ночной ветер или, действительно, кто-то входил в дом, но оба злодея замерли, не решаясь пошевелиться, ужас сковал их члены — еще один стук, и они, кажется, опрометью бросились бы из комнаты, оставив в живых намеченную жертву.

Хозяину, которому был знаком каждый скрип дверей в его владениях, показалось, что кто-то отворил конюшню, но как это могло быть, когда слуга Олимпио спал непробудным сном и седлать лошадей было слишком рано. Может быть, он принял свет месяца за рассвет и вышел, чтобы убедиться, не пора ли уже отправляться в путь?

Нельзя было терять более ни одной секунды, и хозяин молча показал Эндемо на спящего, как бы говоря: отчего мы медлим — пора!

И оба злодея одновременно бросились на Олимпио, который при столь внезапном нападении лишен был возможности защищаться. Хозяин сжал обеими руками его горло, Эндемо вонзил кинжал в его грудь. Удар был верен и силен, но Эндемо собрался ударить еще раз. Однако хозяин остановил его:

— Старайтесь не проливать крови, подумайте о постели, я задую его, и мы сбросим тело в яму.

Злодей заботился о своей постели и не допустил второго удара. Он слышал хрипение Олимпио и крепко обхватил его руки, чтобы сделать дальнейшее невозможным какое бы то ни было сопротивление.

Это была страшная и неравная борьба. Двое вооруженных старались прикончить одного безоружного. Лицо Олимпио побагровело, хрипение вырывалось сквозь судорожно сведенные губы, глаза выкатились из орбит и налились кровью, кровь текла из раны на груди. Через несколько секунд хрип прекратился и Олимпио затих...

— Проклятье,— прошептал хозяин, увидя, что кровь Олимпио все-таки запачкала всю постель.— Эти пятна никогда не смоются, помогите мне — на полу не должно быть ни капли крови. Он умер.

— Куда же мы его бросим? — поспешно спросил Эндемо, которому все казалось, что он слышит какой-то шум.

— Сейчас увидите, отступите немного в сторону! Он без нашей помощи провалится в подвал,— ответил хозяин, поднимая доски пола.

Эндемо пристально посмотрел вниз, затем обратился к хозяину: «Он действительно умер?».

— Я думаю, но если в нем и осталась хоть капля жизни, то при падении он уж окончательно испустит дух.

— Ну, так сбрасывайте его поскорее!

Эндемо схватил окровавленные подушки и швырнул их в подвал. Затем оба злодея подняли безжизненное тело донна Олимпио и уже хотели бросить его вслед за подушками, как вдруг раздались сильные удары в дверь.

— Скорей, скорей бросайте — это, наверно, слуга, и он должен последовать за своим господином!

Вдвоем они опустили тело Олимпио в темную бездну подвала.

I

АДСКИЕ МАШИНЫ

1858 год только что начался.

Императорское правительство занято было раздачей работ простому народу, заставляя его ремонтировать дома и мостовые, чтобы этим отвлечь от постоянно возникающих смут и волнений.

Сидя на своем блестящем троне, Луи Наполеон всего опасался и вечно дрожал за свою будущность. Прежде всего он старался удовлетворить честолюбие французов, так как хорошо знал эту слабую сторону нации. С помощью приближенных он удалил всех недовольных из своего государства, Африка и Кайенна все более населялась несчастными, казавшимися опасными подозрительному императору. Но совесть мучила Наполеона и его супругу, сознание совершенных злодеяний и несправедливости не давало им покоя. Всюду следовали за ними телохранители, и переодетые чиновники оглашали воздух радостными приветствиями, обманывая таким образом народ и самого императора, утешавшего себя мыслью, что среди этих лживых людей есть не одни только наемные полицейские служители. Действия правительства и все сложившиеся обстоятельства вели к быстрому и неизбежному падению Франции. В этом обвиняли популярных писателей, но такое обвинение, достойное осмеяния, доказывает только близорукость Наполеона III и его министров. Нет, не драмы и романы вызвали страшные последующие катастрофы, они были лишь следствием, а не причиной тогдашнего положения дел в стране.

Главная беда Франции заключалась в неразумных отношениях между правительством и народом. Париж становился современным Вавилоном. Внутреннее разложение господствующих слоев и разъединение с народом, примеры которого мы видели в предшествующих главах, было делом рук подкупленных золотом приближенных и советников Наполеона, старавшихся не замечать народных бедствий.

Министр Александр Валевский, побочный сын Наполеона I, посоветовал своему царственному родственнику отвлечь внимание народа от внутренних дел и обратить его на внешние, иностранные дела. Наполеон последовал совету и задумал расширить пределы своего государства за счет Италии, что позволило бы ему уменьшить влияние Австрии и одновременно польстить самолюбию французского народа.

Расстроенное положение дел Италии было хорошо известно Луи Наполеону. Сам он за несколько лет перед этим принадлежал к тайному обществу карбонариев, поклявшемуся пожертвовать жизнью и имуществом для блага и единства Италии. Дав эту священную клятву, он скоро нарушил ее и изменил обществу. Но неожиданное обстоятельство, подобно удару грома, напомнило ему его клятвенное преступление.

В один дождливый январский день 1858 года множество посетителей собрались в кафе на улице Св. Георга и, весело болтая, расположились за бесчисленными столами. Одни из них обедали, так как было около пяти часов пополудни, другие сидели за бутылками вина. К числу этих последних принадлежали три человека, которые заняли места в самом уединенном углу залы и с жаром о чем-то разговаривали вполголоса. По лицам их можно было принять за итальянцев, что, впрочем, не привлекало ничьего внимания, так как иностранцы часто посещали кафе.

На вид им всем было лет за 40, их лица носили черты перенесенных испытаний, возможно, и тюремного заключения. Разговаривая, они переводили беспокойные взгляды с одного посетителя на другого, как бы следя, не наблюдает ли за ними кто-нибудь из присутствующих.

— И ты уверен, Пьери, что это действительно тайный агент полиции? — спросил безбородый итальянец на своем родном языке сидящего рядом с ним товарища.

— Да, Гомес, я не сомневаюсь в этом, за нами давно уже следят, — ответил Пьери и, обратясь к третьему, прибавил, — ты, Рудио, также ведь сказал, что третьего дня за тобой следовали по пятам, когда ты шел по Итальянскому бульвару в театр.

— Правда, но мне удалось скрыться, — едва слышно отвечал Рудио.

— Нужна величайшая осторожность, потому что если нас подозревают, то, наверное, хотят выпытать тайну и разрушить все задуманные нами планы, — мрачно проговорил Пьери.

— Не думаю, друзья мои, чтобы нам угрожала большая опасность, — сказал Гомес, — мы живем в различных частях города под фальшивыми именами, и если хоть одного побеспокоит полиция, то мы поможем ему перебраться за границу, где он будет в безопасности. Феликс поступил очень благоразумно, наняв отдельное помещение: если даже его схватят, то все равно ничего не узнают о нашей тайне.

— Но где же мог Феликс так долго задержаться? Между четырьмя и пятью часами обещал он непременно быть здесь, — пробормотал Рудио, внимательно осматривая каждого нового посетителя.

— Самые легко осуществимые мечты часто рушатся, — сказал Пьери Гомесу. — Правда, что груши хранятся в уединенном доме

улицы Леони, но если взять в расчет неумолимую слезку и допустить похищение ящика...

— То при открытии в нем не найдут ничего, кроме орехов и фруктов.

— Это верно, но ты забыл, что агенты полиции — стреляные воробьи, их не так просто провести, они докапываются иногда до самого, казалось бы, невозможного. Вспомни-ка историю тайной полиции в Лондоне и Париже, что ты на это скажешь?

— Да, но даже и открыв машины, агент не доберется до тех, кому они принадлежат и кто их туда поставил.

— А что если в доме устроят ловушку, окружают его со всех сторон и не выпускают людей, посещающих его? Тогда не только поймут того, кто явится за машинами, но доберутся и до всех нас! Кто поручится мне, что во время нашего разговора Феликс Орсини не попал уже в подобную ловушку? Долгое отсутствие его страшно беспокоит меня.

— Ты постоянно видишь все в черном цвете, Пьери,— возразили Гомес и Рудио.

— Клятвопреступник Бонапарт не избежит смерти, если только хоть один из нас останется жив и свободен,— проговорил тихо, но явственно Гомес, и глубокая ненависть выразилась в этих словах.

Три заговорщика с нетерпением ожидали своего товарища.

— Клятва связывает нас, и мы во что бы то ни стало сдержим ее,— сказал Пьери.— Бонапарт умрет со всеми своими приближенными, и это случится скоро, очень скоро! Сегодня приснились мне потоки крови, текущие с эшафота... О, это был ужасный сон.

— По какому же случаю эшафот обогрился кровью, Пьери? — тихо спросил Гомес.

— О, ужасный, отвратительный сон!.. И знаете, друзья мои, чья кровь струилась?

— Чья? — прошептал Рудио.

— Моя,— мрачно ответил Пьери,— я сам лежал на эшафоте, лежал с отрубленной головой...

— И все-таки узнал себя,— тихо засмеялся Гомес.

— Сон этот не предвещает ничего хорошего,— продолжал Пьери,— что если отыщут груши и схватят Феликса?

— Он нас не выдаст,— успокоил его Рудио.

— Мы бежим в Англию, чтобы соорудить новые машины. Рег Дио, нам известно изобретение, и мы достаточно наловчились в этом деле! — прошептал Гомес.— Но смотрите, вот и Феликс!

— По выражению его лица не видно, чтобы агенты напали на его след. Борода делает его неузнаваемым. Готов прозакладывать голову, что он является с приятными вестями, если судить по его торжествующему взгляду!

Вновь прибывший был Феликс Орсини, довольно пожилой господин с характерным итальянским профилем и спокойным взглядом. Он был главой заговора, вождем этих людей, воодушевляемых ненавистью к человеку, над которым они произнесли свой смертный приговор и для гибели которого жертвовали личной безопасностью и даже жизнью.

Орсини, подобно Луи Наполеону в свое время, был членом общества карбонариев. Во время своего заключения в Мантуе он познакомился с Пьери, Рудио и Гомесом, брошенными в тюрьму в качестве политических преступников. Всем им удалось бежать из заточения.

Они отправились в Англию, дав клятву страшно отомстить врагам и клятвopреступникам. Первый свой приговор они произнесли над императором Наполеоном III, так как он считался самым опасным изменником. Феликс Орсини возлагал на него все свои надежды, считал его единственным человеком, могущим освободить Италию; теперь же, когда надежды его рушились, и человек этот оказался главным препятствием к освобождению родины, Орсини объединился с другими заговорщиками, с целью погубить Наполеона.

Все приготовления были сделаны с величайшей осторожностью, необходимой в таких важных делах; кажется, все случаи были предусмотрены, чтобы успешнее выполнить трудную задачу и осуществить мщение.

В Париже никто не знал настоящих имен этих четырех итальянцев, живших в различных частях города; никто не подозревал их заговора, не знал их планов и таинственного изобретения, позволяющего уничтожить осужденных, не причинив при этом ни малейшего вреда окружающим.

Соединясь в Бермингеме с французом Бертраном, оставшимся в Лондоне, они изобрели ужасное орудие, которое должно было произвести до сих пор неслыханное гибельное действие.

Феликс Орсини приблизился к своим друзьям и сел рядом с ними. Прежде чем начать разговор, он окинул все общество внимательным взглядом, как бы желая проникнуть в душу каждого, потом лицо его приняло торжественное выражение, на губах мелькнула радостная улыбка, темные глаза заблестели; вся его фигура выражала желание поскорее поделиться приятной новостью.

— Час мести близок, роковая минута наступила!

— Предчувствия мои сбываются,— подумал Пьери.

— Говори, что случилось? — спросили Гомес и Рудио.

— Медлить дальше незачем, такие благоприятные обстоятельства складываются редко! Сегодня около десяти часов вечера Луи Наполеон отправится в театр на улице Лепелетье,— тихо и торжественно сообщил Орсини.

— На улице Лепелетье! — повторил Рудио.— Но подумал ли ты о громадном стечении народа и возможных последствиях?

— Для достижения великой цели не останавливаться же перед двумя или тремя лишними жертвами,— пылко произнес Орсини,— мы служим интересам родины!

— Произойдет настоящая бойня,— пробормотал Пьери.— Но ты прав, медлить и откладывать нельзя. Знаешь, что я думаю, Феликс?

— Говори, брат Пьери.

— Сегодня все мы погибнем!

— И ты страшишься этого?

— Меня ли спрашивать об этом, Феликс!

Наступило молчание, как всегда бывает при мысли о неизбежной гибели.

— Я знаю и люблю тебя, Пьери,— прервав тягостное молчание, сказал Орсини,— и всегда относился к тебе с полным и глубоким уважением. Что может быть, друзья мои, лучше и честнее смерти за нашу дорогую родину?

— Мечтать о спасении глупо,— проговорил Гомес.— Всех нас ждет неминуемая гибель. Не взорвут нас бомбы, так мы попадем в руки ожесточенной толпы, а там ожидает нас один конец — все мы сделаемся на голову ниже!

Рудио молчал.

— Когда изменник будет наказан, я смело посмотрю в глаза смерти,— с одушевлением произнес Орсини.

— Уже шестой час,— прошептал Пьери.

— Остается четыре часа, чтобы сходить в улицу Леони за машинами и занять удобные места перед театром. Выслушайте мой план: Гомес остается на Итальянском бульваре и известит нас о приближении экипажа Луи Наполеона; Пьери, Рудио и я возьмем каждый по бомбе и станем на близком расстоянии друг от друга. Лишь только Гомес подаст нам условленный знак, составим цепь — и тогда...

— Тогда наступит царство смерти,— мрачно dokonчил Пьери.

— Темнота благоприятствует нам,— сказал Гомес,— опорожним бутылку сиракузского и двинемся в путь.

— На улицу Леони мы пойдем разными дорогами. Будьте осторожны, один неловкий шаг, и все дело проиграно,— прошептал Орсини.

— Не хочешь ли сообщить еще что-нибудь, Феликс? — спросил Пьери после небольшой паузы, во время которой слуга принес новую бутылку вина.

— Нечего сообщать, брат мой, при мысли о родине исчезают все мои личные планы и желания. Выпьем же за благо и свободу Италии и за успех нашего предприятия!

Четыре заговорщика соединили свои стаканы, которые Орсини снова наполнил вином.

— Теперь, друзья мои, за тех, кто после нашей смерти довершит освобождение Италии и позаботится о ее единстве! — страстно проговорил Орсини.

Снова зазвенели стаканы, заговорщики осушили их и, быстро встав из-за стола, вышли из кафе.

У подъезда они расстались и разными путями направились к одной общей цели на улицу Леони.

Театр на улице Лепелетье уже заполнялся зрителями: экипажи то и дело проезжали по Итальянскому бульвару и Монмартру, направляясь к театральным подъездам.

После обеда шел мелкий холодный дождь, который скоро прекратился, но тротуары были сыры и скользки, небо покрыто тучами, угрожавшими новым дождем или снегом. Да лучшей погоды нельзя было и ожидать четырнадцатого января, поэтому, не обращая внимания на сырость, публика спешила в теплые и ярко освещенные помещения театра.

Уличные фонари распространяли слабый свет. Около девяти часов вечера театральные подъезды опустели, большинство публики заняло свои места, только изредка показывались немногие запоздалые посетители. Но вот показалось множество чиновников и полицейских агентов, возвестивших своим появлением приближение императорской четы, запоздалый приезд которой публика объясняла себе тем, что вначале давалась старая опера, уже много раз виденная Евгенией и Наполеоном, под конец же назначен был новый балет, вероятно, заинтересовавший их.

Публика стеснилась возле императорского экипажа, чтобы рассмотреть блестящий туалет и полюбоваться красотой Евгении. Но увидеть все это вблизи не было никакой возможности, так как карету окружали чиновники и полицейские, только на расстоянии 20 шагов и то с высокого места можно было довольно хорошо разглядеть Наполеона и его супругу.

Публика ошиблась, однако, в своих предположениях относительно позднего приезда королевского семейства.

Евгений вздумалось посетить театр еще утром этого дня. Наполеон же, руководимый каким-то тайным предчувствием, ни за что не согласался, что-то, чего он сам не мог объяснить себе, удерживало его. Преодолев себя, наконец, и успокоив мысль о безопасности появления при большом стечении народа, он приказал приготовить к девяти часам вечера экипаж, окованный железом.

Этот прекрасный экипаж вполне соответствовал своему назначению, он мог защитить императора от любого покушения. Пользование им доказывало, как мало доверял Наполеон своему народу.

Сидя с супругой в экипаже, Наполеон казался сильно расстроенным. Евгения же, напротив, была в полном блеске своей красоты.

В сопровождении двух придворных карет императорский экипаж направился в улицу Лепелетье.

Гомес, заметив с угла Итальянского бульвара блестящие ливреи лакеев и кучеров, подобно тени перебежал узкую улицу, чтобы подать друзьям условленный заранее знак. Необходима была при этом величайшая осторожность, так как всюду шныряли тайные полицейские агенты.

Орсини, Пьери и Рудио стояли вблизи театрального подъезда, скрывая под плащами свое смертоносное оружие — бомбы грушевидной формы, легкие и удобные, которыми нетрудно было попасть в избранную цель; это были «адские машины», заключавшие в себе состав, могущий разнести вдрызг все, во что бы они ни попали.

После нескольких секунд лихорадочного ожидания появился Гомес, показывая друзьям, что давно ожидаемая минута приближается.

Никто из окружающих не заметил, что они знакомы друг с другом, никто не подозревал о страшных орудиях под их плащами; все это ободряло друзей и обещало полный успех задуманного предприятия. Им удалось занять удобные места, с которых можно было бросить бомбы в королевскую карету, не причинив вреда окружающим. Евгения, как соучастница Наполеона, должна была погибнуть вместе с ним.

Экипаж повернул в улицу Лепелетье, настала решительная минута. С бледным лицом и затаив дыхание, Феликс Орсини ближе всех

подошел к карете, в пяти шагах от него стоял Пьери и на таком же расстоянии — Рудио.

Сейчас адские машины исполнят свое роковое предназначение!

Как только экипаж остановился у подъезда, и прежде чем публика успела прийти в себя, заговорщики бросили бомбы прямо в карету; три оглушительных взрыва потрясли воздух, стекла растрескались, земля поколебалась и покрылась разорванными телами.

Раздались отчаянные крики раненых и умирающих. Это была минута всеобщего смятения. Адские машины исполнили свое дьявольское назначение... Жители с ужасом выбегали из соседних домов и бросались в отдаленные улицы, так как никто не мог знать, не последуют ли за первыми взрывами что-либо еще более ужасное.

Брошенные бомбы разорвались под экипажем, в котором сидели Наполеон и Евгения, но сами они, благодаря толстым железным стенам кареты, получили только незначительные царапины, тогда как многие из публики и некоторые придворные были убиты или изувечены.

Хотя император и императрица были страшно потрясены и перепуганы, однако для успокоения народа они вошли в театр и пробыли там до конца представления.

Нетрудно представить себе, что думали и чувствовали они во весь этот вечер.

Луи Наполеон тотчас же отдал своим чиновникам все необходимые приказы, и четыре заговорщика, несмотря на всеобщую панику, в ту же минуту были пойманы.

Когда Орсини узнал, что те, кому назначались его бомбы, остались невредимы, а невинные поплатились жизнью, он пришел в неистовство. Он буквально рвал на себе волосы, проклиная себя за неудавшееся покушение и несостоявшуюся месть. Он видел, что Наполеон и его супруга не получили даже сколько-нибудь значительных повреждений, иначе они не отправились бы в театр. Кругом же на громадном пространстве разбросаны были несчастные жертвы, которые посылали ему и его товарищам справедливые проклятия.

В то время как полиция занялась очисткой улицы от мертвых тел, Феликс Орсини, Пьери, Рудио и Гомес были отправлены в тюрьму Ла-Рокет.

II

ЭМИЛЬ ЖИРАРДЕН

Благосклонный читатель простит нас за еще одно маленькое отступление, если, оставив на время героев романа, мы расскажем о последствиях неудавшегося заговора.

Евгения была страшно потрясена и озлоблена покушением как на свою собственную жизнь, так и на жизнь царственного супруга. Ярость ее была так велика, что в эту же ночь она произнесла смертный приговор недовольным и протестующим против императора и беспощадно осудила их на гибель. Однако истребить миллионы, уничтожить целую нацию, воодушевленную общим чувством ненависти,

не только в высшей степени трудно, даже невозможно! Только нововведения и реформы в пользу народа могли смягчить народ, изменить его настроение, а эта мысль ни разу не приходила в голову Евгении и тем более Наполеону, окруженному льстецами и лицемерами.

На другой день после покушения настал ужас всеобщей расправы, невиданной по своей жестокости. Но все совершалось тайком от народа, газетам было запрещено упоминать о распоряжениях правительства. Бросим беглый взгляд на бесчисленные приговоры — именно они стали основной причиной падения Франции.

На всем протяжении государства — от Рейна до океана и от Северного моря до Пиренеев — развернули свою неутомимую деятельность тайные агенты Луи Наполеона.

Все недовольные или просто подозреваемые в недовольстве лица подвергались аресту, будь то дома, на улице или в мастерской, но в большинстве случаев ничего не подозревающие люди были схвачены ночью, в постели и заключены в тюрьмы. Аресты эти совершались без суда и следствия, и уже через несколько дней все темницы страны были переполнены.

Хотя в процессе Орсини обвинялись одни только итальянцы, но правительство, пользуясь благоприятным случаем избавиться от всех, кого оно считало опасным, осудило бесчисленное множество французов, выслав их на вечное поселение в африканские степи или болотистую Гвиану. Гильотина не успевала высохнуть от крови жертв, как вновь возобновляла свою бесчеловечную работу, чтобы избавить «темного человека», занявшего престол, от людей, казавшихся ему подозрительными.

Президентом законодательного корпуса был назначен в это смутное время Морни. Министерством внутренних дел руководил Эспонасс, принадлежавший прежде к иностранному легиону в Африке. Валевский, побочный сын Наполеона I, также занимал одно из видных мест в правительстве. Прежний вахмистр, министр Персиньи из всех сил угождал императору, чтобы отблагодарить его за титулы герцога и пэра Франции, а главным образом — за наворованные им миллионы.

Все эти люди, пользуясь благоприятными обстоятельствами, истребляли ненавистных им честных людей. Все они представляли примечательное сборище проходимцев, авантюристов, отличающихся, как известно, большим жестокосердием, чем остальные смертные.

Трудно определить число арестованных, казненных и исчезнувших без следа в это время. Бесспорно только то, что всякий мало-мальски влиятельный человек мог безнаказанно избавиться от своих личных врагов и завистников.

Объем этих исторических заметок не позволяет нам останавливаться на частностях, из которых многие поражают своим зверством и бесчеловечностью. Тысячи невинных погибли в ссылке или заточении!

Газета, осмелившаяся выразить малейшее порицание действиям правительства, немедленно запрещалась, издателя хватили и бросали в тюрьму.

Правительство специально наняло людей, которые следили за каж-

дым словом прессы. Назовем для примера только некоторых из «благородных защитников» и охранителей Морни: к ним принадлежали оба Дюрюи и Кассаньяк, считавшиеся львами, цветом тогдашней парижской молодежи.

Оба Дюрюи были сыновьями королевского наставника и отличались особой низостью и жестокосердием. Эти достойные парижские львы, прогуливаясь однажды по бульвару в обществе подобных им личностей, между которыми был также Кассаньяк, с дубинками в руках, бросились на одного писателя, осмелившегося упомянуть о подлости какого-то сановника. Подобные дерзкие выходки были в моде и сделались знаменем времени.

Во всем противном лагере Наполеон больше всего опасался одного человека, только его старался он всеми силами или подкупить, или сделать безвредным, и первое имело иногда успех. Человек этот был Эмиль Жирарден, сын бедной прачки и богатого, знатного вельможи.

Фамилия матери, по которой он числился незаконнорожденным, не могла удовлетворить этого честолюбивого человека, и он силой принудил своего отца усыновить его, хотя господин де Жирарден мало заботился о сыне и еще менее желал дать ему свое имя. Ссора с отцом была первым важным шагом, выдвинувшим Эмиля, который скоро стал популярным писателем и журналистом, а также опаснейшим соперником, наводящим ужас на Луи Наполеона.

Эмиль написал книгу, где выставил самого себя и своего жестокого отца, имя которого, впрочем, скрыл от публики. Сочинение это могло служить верным и характерным изображением тогдашних нравов, так как судьбу автора разделяли тысячи, ведь не одни только дворы изобилуют незаконнорожденными детьми.

Следствием этой книги, которая произвела сильнейшее впечатление на публику, было то, что господин де Жирарден, которого Эмиль настрашал продолжением, сдался и исполнил его желание. Так Эмиль тоже стал де Жирарденом. Успех в обществе был ему обеспечен — он занялся изданием газеты.

Для распространения этой газеты и для того, чтобы придать ей больше веса, он употреблял не совсем честные средства, но мы не будем останавливаться на этом, достаточно сказать, что имя его прославилось, и даже высокопоставленные лица льстили ему, стараясь задобрить его злой язык.

Сам же он пользовался приобретенным могуществом для одних только собственных выгод, копил богатство и делал все для удовольствия своего честолюбия. Наполеон попробовал столкнуть этого влиятельного человека, ставшего поперек его дороги, но денежные штрафы и тюремное заключение не могли погубить Эмиля Жирардена. Он выпускал все новые газеты, и император убедился, что ему остается только одно средство бороться с этим человеком, а именно подкупить его, осыпать наградами, одним словом, удовлетворить его безмерное честолюбие и привлечь таким образом на свою сторону.

Началась ли какая-нибудь реформа или обвялялась война, обязанность Жирардена состояла в том, чтобы воодушевить народ, и если только писатель этот, знавший французскую нацию лучше

самого императора, брал перо в руки, можно было поручиться за верный успех предприятия. Подобные люди были необходимы Наполеону, поэтому он всеми силами старался задобрить Жирардена, красноречие и влияние которого были ему чрезвычайно полезны. Задумав начать войну с Австрией из-за Италии, Наполеон поручил Жирардену подготовить к этому французский народ.

Все сказанное нами клонится к тому, чтобы показать, как много значили в то время богатство и императорская милость. Но там, где прибегают к подобным средствам, где нет ничего святого, где общество держится на столь неестественных подпорах, — там неизбежно падение и остановить его невозможно.

Эти люди уже давно сошли с жизненной арены, роли их исполнены и печальный конец их положил предел всем их жестокостям и козням. Над ними разразилась страшная буря, какой они, надо думать, совершенно не ожидали, ослепленные мишурным блеском придворной жизни.

III

ПРОИСШЕСТВИЕ В СОБОРЕ ПАРИЖСКОЙ БОГОМАТЕРИ

Прошла неделя после кровавой драмы, разыгравшейся на улице Лепелетье. Кровь с камней была смыта, окна вставлены, дома обновлены, все предметы, напоминающие о катастрофе, были поспешно устранены, так как народу не следовало слишком долго любоваться этим зрелищем и задумываться над ним.

Первые три дня весь Париж был занят разговорами об Орсини и его бомбах, толпы народа стекались в улицу Лепелетье, чтобы собственными глазами увидеть место действия кровавой драмы, но мало-помалу все затихло, успокоилось, и жизнь парижан вошла в обычную колею. Довольно быстро они забыли об адских машинах и их уже интересовал только процесс и приговор над заключенными, которые удостоились такого внимания публики, что окна домов на улице Ла-Рокет, несмотря на баснословные цены, были положительно нарасхват.

Страх, гнев и волнение стихли даже в самом Тюильри. Царапины Луи Наполеона и Евгении скоро зажили, придворные же старались не упоминать о покушении, заметив, что эта тема неприятна императору.

Однажды вечером Евгения, окруженная своими гофмейстеринами, весело болтала, сидя в своем будуаре; она только что оставила приемную залу, где толковала с женами министров и посланников.

Часы на камине пробили десять часов, когда императрице доложили о приходе Бациоши. Придворным дамам было известно, что поверенный Наполеона нередко просил аудиенции у его супруги, поэтому они удалились в другую комнату, где и остались в ожидании приказаний.

Обер-камергер быстро вошел в будуар. По выражению его лица можно было понять, что он явился с важными и интересными новостями. В то время Бациоши находился наверху своего величия, он был несметно богат и чрезвычайно влиятелен. В одной из следующих

глав мы увидим, чего он добился в промежуток между тем днем, когда доставил в Тюильри прелестную Маргариту Белангер, и настоящим временем.

Он низко, раболепно поклонился Евгению.

— Как здоровье императора, граф? — спросила она.

— Он почти совершенно поправился, мадам, и занимается делами с секретарем Моккуардом; я же, пользуясь этой минутой, явился к вам, чтобы сообщить весьма важную новость.

— Что такое, граф, говорите!

— Я пришел сообщить вам о свадьбе в соборе Парижской Богоматери.

Евгения бросила на графа удивленный, вопросительный взгляд: она не понимала значения слов, произнесенных им с каким-то особенным ударением.

— Напрасно ломал я голову и старался разъяснить себе это дело, — продолжал Бациоши в ответ на этот взгляд императрицы, — генерал дон Олимпио Агуадо венчается с сеньорой Долорес Кортиной, которая...

Евгения в ужасе перебила графа, едва скрывающего насмешливую улыбку:

— Как? Не вы ли уверяли, что сеньора в Мадриде?

— Точно так, но дон Агуадо человек странный, которого как будто страшится даже сама смерть. Признаюсь, что внезапное его появление ошеломило меня.

— Вас обманули? Здесь, верно, что-нибудь не так, — проговорила императрица.

— Прежде чем сообщить вам новость, я убедился в ее достоверности и для этой цели специально заходил в собор. Завтра вечером назначена свадьба.

— И я ничего не знала об этом, — с упреком сказала Евгения. — Да, я права, когда говорю, что нас плохо охраняют и еще того хуже служат нам.

— Упрек этот несправедлив! Недавно только я узнал, что оба друга вместе с Долорес находятся в Париже. Генерал еще не совсем поправился после его опасной и продолжительной болезни, — сказал Бациоши. — Я узнал между прочим, что он состоит при испанском посольстве.

— При посольстве! Вместе с Олозаго! — вскричала императрица в волнении. — Но кто же устроил это? Скажите, ради всего святого!

— Говорят, что герцог де ла Торре в Мадриде.

— Серрано?

— Он друг Олимпио, которого и присоединил к дону Олозаго. Дона Агуадо сопровождают генерал Прим и один молодой граф в качестве атташе.

— Его имя?

— Если я не ошибаюсь, то зовут его дон Рамиро де Теба, — произнес Бациоши, пристально глядя на Евгению, чтобы видеть какое впечатление произведут на нее произнесенные им слова.

Евгения должна была приложить невероятные усилия, чтобы ни одним движением не выдать внутреннего волнения, охватившего ее при столь неожиданном известии.

— Довольно, граф,— произнесла она тихим и беззвучным голосом,— благодарю вас за сообщенные новости.

С этими словами Евгения подошла к стене и нажала золотую пружинку.

— Подождите одну секунду,— сказала она Бациоши, от пронизательного взора которого, однако не скрылось ее волнение и мрачное выражение лица.

В будуар вошла инфанта.

Увидев Бациоши, она догадалась, что замышляется новая низость и что не миновать бури. Но она скрывала от императрицы свою ненависть к этому презренному человеку, выжидая удобного случая, чтобы уничтожить его.

— Инфанта,— произнесла Евгения резким, металлическим голосом,— вы и господин обер-камергер проводите меня завтра вечером в собор Парижской Богоматери. Мы отслужим благодарственный молебен за наше чудесное избавление от смерти.

— Приказ ваш, мадам, будет исполнен в точности,— церемонно кланяясь, ответила Инесса.

— При этом мы будем свидетелями свадьбы, о которой только что сообщил мне граф Бациоши. Та сеньора с Вандомской площади... Вы, вероятно, помните ее?

Инесса едва заметно вздрогнула.

— Да,— сказала она,— я хорошо ее помню.

— Выходит замуж за испанского генерала дона Агуадо и почему-то совершает это тайком от всех,— произнесла Евгения и вдруг засмеялась так злобно и язвительно, что у Инессы пробежала по телу невольная дрожь, а Бациоши понял действие, произведенное его новостью на императрицу.

Он удалился.

Евгения пожелала остаться одна. Не менее чем известие о неожиданной свадьбе поразило ее еще одно имя, упомянутое графом, имя это — граф Рамиро де Теба.

Вернувшись в свою комнату, Инесса поспешила к письменному столу и быстро набросала следующие строки.

«Господин генерал! О свадьбе, назначенной вами завтра вечером, узнали. Будьте осторожны! Уничтожьте эти строки, написанные подругой сеньоры, перед которой она очень виновата!»

Она сложила письмо, запечатала и, поручив верной служанке, отправила его во дворец на Вандомской площади. Инесса не представляла себе, на что решилась Евгения, но она знала пылкость императрицы, видела ее внутреннюю борьбу, и когда та выслала ее из будуара, пожелав остаться одной, поняла, что Евгения замышляет новые предательские планы, хотя, может быть, на этот раз она действительно была так сильно взволнована, что не хотела видеть людей.

И то, и другое было правдой, и Инесса скоро убедилась в этом.

Душа Евгении ожесточилась, оцепенела, она потеряла покой. Сердцем ее владели только честолюбие, гордость и зависть, эти три непримиримых врага человека, умерщвляющих в нем все доброе и честное.

Инесса не смыкала глаз в продолжение всей этой ночи. Страх и радость волновали ее; она не знала, каким образом встретил Олимпио свою Долорес, но молилась за обоих и их счастливое соединение.

Неожиданная новость, в возможность которой, кажется, невозможно было поверить, была, однако, совершенно справедлива. Пер д'Ор первый поведал ее графу, Грилли подтвердил ее.

В слудующей главе мы увидим, как Олимпио избежал смерти и где встретил свою Долорес.

Наконец, наступил вечер, которого не могла дожждаться Евгения. Весь день в нетерпеливом ожидании она не находила себе покоя, и не молитва влекла ее в собор, а жажда мести, кровавой, непримиримой мести.

В шестом часу вечера у подъезда дворца остановились два придворных экипажа: в один из них села императрица с Инессой, закутаные в длинные плотные вуали; в другой вошли Бациоши с камергером. Они направились к собору Парижской Богоматери, высокие окна которого были ярко освещены.

Множество роскошных экипажей стояло возле собора, откуда неслись величественные звуки органа.

Слуги в богатых ливреях толпились на паперти, болтая и с любопытством заглядывая в двери.

Карета императрицы подкатила к паперти, Бациоши и камергер помогли дамам выйти. Евгения страшно побледнела под вуалем, увидев роскошные экипажи и заключив из этого, что свадьба действительно происходит.

Камергер растворил высокую дверь, ведущую во внутренность собора, слуги почтительно расступились. Евгения и инфанта вступили в наполненную фимиамом и ярко освещенную церковь, за ними следовал Бациоши, камергер остался возле дверей.

Взглянув по направлению к главному алтарю, можно было увидеть множество людей, стоявших на ступенях и возле самого алтаря. На большом расстоянии трудно было разглядеть фигуры людей, одетых в дорогие блестящие мундиры.

Евгения направилась к боковому алтарю, все ее тело трепетало от жажды мести, которую она не могла удовлетворить. Не в ее власти было нарушить службу, совершающуюся в эту минуту. Олимпио принадлежал к посольству, он был неприкосновенен, теперь же охраняла его еще и церковь. Но он должен был погибнуть! Евгения ломала голову, придумывая средство расстроить свадьбу. Уже смолкли звуки органа, через минуту все будет кончено.

Бациоши, переговорив с какими-то людьми, которые, видимо, сообщили ему что-то важное, так как он быстро подошел к императрице.

— В доме на Вандомской площади только что произвели обыск, найдены доказательства участия Олимпио в заговоре с адскими машинами!

Евгения воспряла духом — обстоятельство это отдавало в распоряжение Бациоши людей, осужденных ею на неизбежную гибель.

— Исполняйте вашу обязанность, господин граф,— произнесла императрица, между тем как Инесса, услышав об этой новой подлости, замерла на месте.

Евгения, шепнув что-то Бациоши, направилась к боковому алтарю, инфанта должна была следовать за ней.

Какую страшную злобу и ненависть чувствовала императрица и какая нестерпимая мука наполняла сердце Инессы, когда обе они опустились перед алтарем на колени.

Настала минута лихорадочного ожидания. Олимпио стоял рядом с Долорес на ступенях главного престола, он был бледен и лицо его еще носило следы недавней болезни, бриллиантовый крест ярко блестел на его груди. Долорес, хотя тоже бледная от волнения, была прелестна, как только что распутившаяся роза.

Их окружали Олозаго, маркиз де Монтолон, генерал Прим и тот молодой красивый атташе, которого обер-камергер назвал графом Рамиро де Теба.

Орган замолк, к ярко освещенному алтарю приблизился священник.

В ту же минуту Бациоши вошел в круг одетых в блестящие мундиры испанцев.

— Я принужден,— проговорил обер-камергер в то время, как сзади него показались личности, присутствием своим объясняющие смысл его слов,— я принужден по высочайшему повелению нарушить предстоящую церковную службу!

Священник, Олимпио и присутствующие с удивлением взглянули на внезапно появившегося в их кружке Бациоши.

В первую минуту Долорес не поняла причины всеобщего смятения, но при взгляде на графа по телу ее пробежала дрожь, и она невольно схватила руку своего возлюбленного.

— Кто вы и что вам надо? — спросил Олимпио, гордо выпрямляясь и бледнея еще больше.

Бациоши подошел к священнику и сказал ему на ухо несколько слов, после которых тот удалился, затем он обернулся к присутствующим.

— Хотя и неприятно нарушать обряд,— проговорил он,— но обязанность моя требует этого.

— Обер-камергер, граф Бациоши? — перебил его вопросом Олозаго.

— Во дворце дона Агуадо на Вандомской площади найдены орудия, свидетельствующие о том, что люди, живущие в этом доме, замешаны в процессе об адских машинах.

— Как,— вскричал Олимпио,— разве дозволены аресты в святом храме? Кто осмелится дать такое дерзкое приказание?

— Вы забываете, господин генерал, где мы находимся,— проговорил Бациоши, между тем как присутствующие с любопытством

столпились около алтаря,— я только что получил это повеление и прошу вас, сеньору, живущую в вашем доме, и маркиза Монтолона немедленно следовать за мной.

— Найдены орудия, относящиеся к адским машинам,— вскричал Олимпио,— но ведь это наглая ложь и низкая клевета!

Клод подошел к взволнованному другу и взял его за руку.

— Все это потом разъяснится. Успокойся, постараемся избежать сцен, недопустимых в этом священном здании.

— Но я потребую отчета в этом оскорблении,— продолжал Олимпио, и слова его громко отдавались под высокими сводами храма.— Не бойся,— нежно проговорил он, обращаясь к Долорес, которая прильнула к нему дрожа всем телом.— Я догадываюсь, кому обязан этой ловушкой, но на этот раз виновные дорого заплатятся мне!

— Будьте добры, следуйте за мной,— холодно и резко проговорил Бациоши.

— Это прекрасно обдуманый план,— сказал Олимпио Долорес,— враги мои знали, что я не оскверню этого места. Пойдем, дорогая, посмотрим, чем кончится эта комедия или, вернее, эта подлая и гнусная игра.

— У вас должен я просить извинения, дон Олозаго,— оборачиваясь к дипломату, проговорил Бациоши,— хотя дон Олимпио и принадлежит к посольству, но, надеюсь, что дружеские отношения между Францией и Испанией не нарушатся вследствие такого ничтожного обстоятельство.

Евгения стояла в тени, возле среднего алтаря, и радовалась успеху хитроумной ловушки. Олимпио под руку с Долорес гордо направился к выходу из церкви, за ними следовал маркиз де Монтолон, потом Прим вместе с молодым испанским офицером. Взгляд Евгении остановился на Рамиро де Теба, имеющего сходство с нею самой.

Но тут ей бросился в глаза бриллиантовый крест на груди Олимпио, который проходил мимо нее. Она вспомнила некогда произнесенные им слова и затрепетала, увидев, что в кресте недостает уже очень многих камней.

Но что же заставило ее так содрогнуться? Число пустых мест на кресте увеличилось, эти таинственные знаки, так сильно волнующие ее, должны исчезнуть, и она во что бы то ни стало добьется этого. Благодаря ловкости Бациоши Олимпио находился теперь в ее руках, и не один, а вместе с Долорес.

Она облегченно вздохнула.

В это время дон Агуадо пристально посмотрел на закрытых вуалями дам, и догадался, что ближайшая из них — императрица.

— Берегитесь,— прошептал он,— посмотрите на того, кто следует за мной.

Евгения, услышав эти слова, поспешно обернулась — Рамиро де Теба приближался к ней... Не оставалось ни малейшего сомнения, что глубочайшая и сокровеннейшая ее тайна известна дону Олимпио Агуадо.

МАДРИД И ПОМПУНА

Прежде чем продолжать наш рассказ, сообщим читателю, что случилось в ту памятную ночь в гостинице «Гренада».

Приподняв доски, хозяин и Эндемо только что бросили в отверстие безжизненное тело дона. В дверь сильно стучали.

Негодяи переглянулись — это слуга Олимпио, до их слуха долетел его голос, заставивший на минуту их окаменеть.

— Слуга,— пролепетал хозяин.

— Отворяйте,— кричали снаружи громко и повелительно,— или я выломаю дверь! Вы здесь, дон Агуадо?

— Валентино! Мы убьем его,— прошептал Эндемо.

Удары в дверь, сильные и решительные, действительно грозили выломать ее.

Эндемо с быстротой молнии бросился к тому месту, где лежал револьвер, и быстро схватил его.

Хозяин подбежал к двери, чтобы неожиданно напасть на Валентино; зияющее отверстие в полу он оставил незакрытым, рассчитывая, что слуга сам свалится в него.

В этот момент дверь подалась натиску Валентино, и он очутился в комнате, где при слабом свете луны он увидел негодяя Эндемо.

Проклятие сорвалось с губ слуги, который, взглянув на пустую постель и поднятые половицы, понял все, что случилось с его господином.

Валентино бросился на Эндемо, но, в то же мгновение чья-то рука схватила его за горло. Хозяин повалил его на пол и старался задушить.

Ошеломленный этим неожиданным нападением, Валентино оказался беспомощным.

— Я сейчас помогу вам, держите его,— закричал Эндемо.

— Подлые негодяи,— задыхаясь, прохрипел Валентино, но смертельная опасность удвоила его силы, он уперся руками в грудь врага с такой силой, что ему удалось оторвать его от себя.

Видя, что неприятель получает перевес, Эндемо прицелился из револьвера, выжидая удобной минуты, чтобы выстрелить в голову Валентино, стрелять сразу было опасно, так как пуля могла попасть в хозяина.

— Проклятие,— зарычал этот последний, чувствуя, что изнемогает под сильными ударами Валентино,— помогите же мне!

Бросив револьвер, Эндемо подбежал на помощь к хозяину.

— Туда его,— вскричал тот, кивая головой на отверстие в полу.

Ярость и отчаяние овладели Валентино, когда он почувствовал на себе еще и кулаки Эндемо. Напрягая все силы, он рванулся из рук врагов и быстрым неожиданным ударом повалил хозяина на пол, потом выхватил кинжал и замахнулся им на Эндемо, в руке которого тоже блеснуло оружие.

— Столкните его вниз,— простонал хозяин, пытаясь проткнуть ножом грудь противника, но тот предупредил его.

— Вот тебе, негодяй! — вскричал Валентино, по самую рукоятку всаживая кинжал в его горло.

Услышав предсмертное хрипение хозяина и увидев брызнувшую из его раны кровь, Эндемо снова схватил револьвер, казавшийся ему удобнее сабли.

Валентино обернулся к другому врагу — опасность была велика, но не страшила Валентино. При слабом лунном свете Эндемо трудно было верно прицелиться, да и Валентино не стоял на месте.

— Сдавайся, бросай оружие, негодяй,— закричал он, бросаясь на мнимого герцога,— на этот раз ты так легко не отделаешься! Убийцы, что сделали вы с доном Агуадо, что означают эти кровавые пятна на полу и постели?

Страшные эти знаки, свидетельствующие о верной смерти Олимпио, привели Валентино в такое неистовство, что он ничего уже более не страшился.

Раздались два выстрела подряд, пули, просвистев над его головой, вонзились в стену; торжествуя, Валентино бросился на своего противника, но тому удалось выстрелить еще раз. Раздался крик, свидетельствующий о том, что слуга Олимпио ранен, но уже через секунду он схватил руку Эндемо и вывернул ее. Мнимый герцог застонал от боли.

Валентино хотел уже убить негодяя, но опомнился — ведь только от него одного он мог узнать, что случилось с Олимпио и где находится сеньора. Он вырвал у Эндемо оружие, продолжая выкручивать его руку.

— Ты в моей власти, подлец,— вскричал он,— не двигайся, или я сломаю тебе обе руки! Признавайся, что с доном Агуадо?

— Я не знаю,— отвечал Эндемо сдавленным голосом, бессильная ярость и нестерпимая боль душили его.

— Говори и не смей лгать, иначе раздроблю я твою подлую голову. Говори, что сделали вы с благородным доном?

— Хозяин столкнул его в подполье!

— После того как вы обезоружили его во время сна! Говори далее, где сеньора, невеста моего повелителя?

Глаза Эндемо сверкнули, вопрос этот пробудил в нем надежду на спасение.

— Ты колеблешься!

— Сию минуту я скажу тебе это!

— Скорее, если ты дорожишь еще жизнью!

— Я сведу тебя туда, где находится сеньора,— едва слышно проговорил мнимый герцог.

— Чтобы бежать и замысливать новые подлости! Нет, шутишь! Признавайся, или...

— Ответ мой не поможет вам, без меня вы ни за что не отыщете сеньору!

— Где она, говори! Или, клянусь, я разобью твой череп, не медля больше ни минуты! Говори, негодяй, довольно я натерпелся от тебя

твои козни мне надоели, говори, или ты сейчас же отправишься туда, откуда еще никто не возвращался. Где сеньора?

— Она в Мадриде,— проговорил тот, наконец.

— Мадрид велик, говори яснее!

— Спросите отца Кларета, духовника королевы.

— Негодяй, мне кажется, что даже в ту минуту, когда нож приставлен к твоему горлу, ты строишь дьявольские планы. Говори правду!

— Убей меня, я ничего не знаю более, клянусь вечностью!

— Не клянись, эта вечность наступит для тебя очень скоро!

— Умертвив меня, ты ничего не узнаешь.

Валентино задумался на минуту, сознавая, что негодяй прав. Он решил, что его следует связать, потом помочь дону Агуадо, а уже затем повезти с собой в Мадрид.

Размышлять долго не было времени. Конечно, самое лучшее было бы предать его заслуженной смерти, потому что, пока он жив, никто из них не может поручиться за свою собственную жизнь и безопасность. Валентино остановился на том, чтобы крепче связать его, оставить на полу и как можно скорее отправиться на розыски своего повелителя.

— Не трогайся с места! — приказал он, выпуская руку Эндемо, чтобы взять с кровати простыню и надеть из нее веревки.

Но лишь только он отвернулся, как Эндемо бросился на него, пытаясь столкнуть его в отверстие в полу.

Валентино, однако, успел увернуться и забыв все свои расчеты, с такой яростью швырнул бандита на пол, что тот, даже не вскрикнув, в судорогах упал замертво.

— Так тебе и надо, убийца,— вскричал Валентино, толкнув его ногой и убедившись, что перед ним лежит уже только труп.— Я не мог поступить иначе, да простит Господь все его преступления,— прошептал Валентино, отворачиваясь.

Во всем доме царила теперь глубокая тишина, наводящая ужас на Валентино. Уже наступало утро и лучи раннего солнца золотили стены этой злополучной гостиницы.

Валентино решил спуститься в подвал, куда бросили Олимпио. Сердце верного слуги разрывалось от горя и отчаяния, он не замечал своей раны, которая, к счастью, была не опасна, так как пуля лишь порвала кожу, не задев ребер.

Он думал только о своем господине, переходя из комнаты в комнату и отыскивая ход в подвал, где находился благородный дон, который, может быть, был уже мертв, не дождавшись его помощи.

Картины одна другой ужаснее представлялись его воображению, и он с нарастающим отчаянием все быстрее перебежал из одного коридора в другой, внимательно осматривая все углы и стены.

— Презренные убийцы! — шептали его губы.

Вдруг в задней части дома он заметил лестницу, ведущую в подвал, где царил глубокий, непроницаемый мрак.

— Дон Агуадо! — громко закричал Валентино, припав к полу.— Отзовитесь, дон Агуадо, где вы? Валентино спешит вам на помощь!

Ни звука, ни малейшего шороха не послышалось в ответ...

Воротясь в приемную, Валентино зажег найденный там фонарь и начал спускаться по лестнице.

Вдруг он остановился.

— Что, если в дом войдут люди? Они найдут убитых и подумают, что это ты, Валентино, умертвил своего господина. Но будь, что будет, я должен немедленно отыскать его...

Освещая фонарем дорогу, спустился он с лестницы, ведущей в подвальную комнату, сырую, длинную и устроенную на манер старых монастырских погребов. Здесь было несколько плотно запертых дверей, и ни малейшего шороха не раздавалось за ними. В потолке не было ни одного окна, ни одного отверстия.

Минута проходила за минутой, Валентино уже терял надежду найти своего господина. Увидев в стороне коридор и дойдя до его конца, он вдруг остановился — до него долетел звук, похожий на тихий сдавленный вздох.

Валентино остановился, затаив дыхание, и услышал где-то вдали слабый крик, как будто исходящий из груди человека, зовущего на помощь.

— Боже мой, он жив, он зовет! Но где же он, где мой несчастный, умирающий господин? — с отчаянием вскричал Валентино. — Дон Агуадо, еще раз подайте голос и я немедленно отыщу вас!

Ответом была мертвая тишина.

— Пресвятая Богородица! Где же мне искать его, здесь не видно ни одной двери!

Но тут Валентино, осматривавший с помощью фонаря все углы коридора, вскрикнул от радости, — он увидел в полу узкое, едва заметное отверстие. Подойдя к нему, он задрожал всем телом, его обдало отвратительным запахом разложения. При свете фонаря он разглядел в отверстии несколько каменных ступеней. Не колеблясь ни минуты, он пролез в узкую дыру и очутился в подземной комнате. Ему показалось, что он опустился в глубокую могилу, полную разлагающихся трупов; дыхание сперло, голова закружилась и он невольно осенил себя крестным знамением.

— Вперед! — подбадривал он себя, — не робей, не сдавайся! Дон Агуадо, где вы?

Пока Валентино старался разглядеть получше комнату, в которой находился, до него опять долетел тихий стон.

Только теперь он заметил вверху отверстие, сделанное, видимо, в полу той комнаты, где спал Олимпио. Дневной свет проникал оттуда, но из-за страшной высоты он был так слаб, что нисколько не освещал этой могилы.

— Притон убийц, разбойничье гнездо, — бормотал Валентино, — негодяи должны радоваться, что я отправил их на тот свет, потому что в Памплуне теперь начнется следствие. Но где же мой несчастный господин? Вон, кажется, лежит что-то белое, что-то шевелится. Боже мой, это он, он! Он весь окровавлен, он без сознания! Проклятие вам, подлые убийцы! Мой добрый, мой бедный дон Агуадо...

Валентино наклонился над своим господином.

К счастью, тот упал на подушки, которые негодяи сбросили в подвал до Олимпио, иначе Валентино, без сомнения, не застал бы его в живых.

— Дон Агуадо, это я! Неужели вы не узнаете вашего Валентино, который наконец-то отыскал и спасет вас!

— Поздно,— прошептал, приходя в себя, Олимпио. Могучее тело его было бессильно распростерто на полу подземелья, язык и губы высохли и страшно пылали, левый бок покрыт запекшейся кровью, и она все еще сочилась из раны.

— Воды, воды! — невнятно шептали его губы.

Потрясенный Валентино сжал кулаки. Он видел, что смерть витает над его господином. Необходимо было немедленно принести воды, чтобы напоить Олимпио, обмыть и перевязать его рану.

Зная теперь ход, Валентино выбежал из подвала и помчался по коридору назад в приемную комнату, схватил там ведро воды и бутылку вина. Минуту спустя он был уже возле своего господина.

Смешав вино с водой, он напоил его, потом разорвал его рубашку и, обмыв рану, тщательно перевязал ее. С радостью он заметил, что уже эта первая помощь значительно облегчила боль Олимпио.

— Ты добрая, честная душа,— проговорил дон Агуадо,— без тебя я был бы уже мертв...

— Я отомстил за вас, дон Олимпио!

— Это сделали со мной хозяин вместе с мнимым герцогом.

— Благодарю Пресвятую Богородицу, что вы в полной памяти, это дает мне новую надежду. Оба негодяя заплатились жизнью за свои злодеяния. Я подоспел как раз во время. Если бы я проспал, мы оба распроспались бы с жизнью! Выпейте еще глоточек, вино не повредит вам, мой дорогой дон Агуадо!

— Рана как будто не болит, но очень ноет плечо, на которое я упал,— говорил Олимпио прерывающимся голосом.— Это было ужасное падение и если бы не подушка, я непременно сломал бы себе шею.

— Надо спешить отсюда, иначе эта атмосфера вас окончательно погубит. Позвольте, я перенесу вас, благородный дон.

— Это будет очень трудно, потому что я не в состоянии двинуть ни одним членом! Тело мое точно кусок свинца.

Поставив фонарь в проход, так что он освещал отверстие, Валентино вернулся к своему раненому господину, нагнулся и с трудом поднял его на плечи. Он стонал под тяжестью его тела, но, напрягая все свои силы, тащил дона Агуадо вон из этой могилы.

Добравшись до отверстия в стене, он протолкнул в него своего господина, потом вслед за ним вылез сам. Ему пришлось оставить фонарь, так как он не мог нести его вместе с Олимпио, но Валентино хорошо запомнил дорогу и уверенно шел по ней впотьмах со своею ношей.

Когда он добрался до конца лестницы, ведущей в прихожую, ему послышался какой-то слабый шум, как будто кто-то скребся и шаркал по полу, но он не обратил на это внимания, так как каждая минута промедления была смертельно опасна для его господина. Между тем

это был человек, который плотно прижался к стене, как только Валентино, неся на плечах Олимпио, взобрался по лестнице в прихожую. Если бы Валентино разглядел лежащего на полу у самой стены человека, то немедленно положил бы дона Агуадо на пол, чтобы покончить с ним. Человек этот был Эндемо, который очнулся и в темноте пытался отыскать тайный подземный ход в монастырь.

Валентино считал его убитым, но мнимый герцог был живуч, как кошка; оглушить его было трудно, умертвить же почти невозможно. Разбитая голова и вывихнутые руки причиняли ему нестерпимую боль, но, несмотря на это, он надеялся пробраться в монастырь и найти приют у благочестивых братьев Бернардо и Антонио.

Он настолько пришел в себя, что спрятался от Валентино и не издал ни малейшего звука.

Лишь только тот вышел из прихожей и повернул в приемную, где положил Олимпио, Эндемо пополз вниз по лестнице в проход, ведущий в монастырь.

В эту минуту Валентино и не думал о негодях, убитых им наверху; все свое внимание он обратил на дона Агуадо, которого необходимо было доставить в Помплуну, поручив там врачу и затем немедленно известить обо всем полицию. Он видел, что, хотя Олимпио и находится в полном сознании, но положение его крайне опасно, и обдумывал, каким образом доставить его в город. Поездка верхом была невозможна, даже если бы Валентино шел рядом с лошадей, поэтому он отправился в конюшню, чтобы разыскать экипаж.

Он нашел маленькую повозку, запряг в нее одну лошадь, другую же привязал сзади и шаг за шагом повез своего господина в Помплуну.

Благополучно добравшись в город, он нашел врача и, сообщив ему о случившемся, отправился в полицейское бюро. Врач нашел положение благородного дона чрезвычайно опасным и советовал отправить его в Мадрид, где можно будет обеспечить ему лучший уход и лечение.

Валентино понял, что врач этот хотел отвязаться от опасного больного, на выздоровление которого он не надеялся, поэтому, наняв удобный экипаж, он двинулся со своим господином по направлению к столице Испании.

Прибыв в Мадрид и обратившись к врачам, Валентино узнал, что хотя болезнь Олимпио и продлится несколько месяцев, но исход ее должен быть благоприятным. Обрадованным Валентино сообщил своему господину, что Долорес в Мадриде; дон Агуадо тотчас послал его к своему знакомому маршалу Серрано.

К несчастью, тот был в отлучке. Только через несколько недель вернулся он в Мадрид и поспешил к Олимпио, которого глубоко уважал.

Противники во времена войны карлистов и хрестиносов, теперь они дружески пожали друг другу руки, и Серрано уверил Олимпио, что готов сделать для него решительно все на свете.

Валентино повеселел, потому что маршал был весьма влиятельным лицом при испанском дворе. Королева Изабелла любила своего протеже еще больше, чем когда-либо, и можно было надеяться, что с его помощью они легко узнают о местопребывании сеньоры Долорес.

Выслушав рассказ Олимпио, Серрано обещал сделать все, что только в его власти, и скоро сообщил ему, что сеньора, вследствие ложных сведений о том, что она дочь Черной звезды, заключена в монастырь на улице Фобурго.

Когда Олимпио услышал, что бедная девушка томится в иезуитском монастыре, известном под именем Санта Мадре, он стал умолять Серрано устроить так, чтобы с нее сняли это обвинение; сам же он все еще не мог встать с постели.

Серрано удалось выполнить обещание, данное дону Агуадо, и через несколько времени Долорес была в объятиях своего Олимпио.

Попеременно с Валентино ухаживала она за своим любимым, и когда он через много дней совершенно выздоровел, Серрано доставил ему место в испанском посольстве, отправлявшемся в Париж. В сопровождении верного Валентино Олимпио отправился туда, чтобы обвенчаться со своей Долорес.

Мы уже видели, каким образом был прерван брачный обряд в соборе Парижской Богоматери.

V

СМЕРТЬ ГРАФИНИ БОРЕГАР

Отчасти из благодарности, но в основном для того, чтобы задобрить общественное мнение, Наполеон III подарил Софи Говард титул графини и замок Борегар, находящийся вблизи Парижа.

Евгений известны были прежние отношения императора с этой англичанкой, и мысль об этом была ей так неприятна, что она не давала покоя Бациоши, прося его погубить эту женщину.

Софи Говард, или графиня Борегар, встретившись однажды в театре с императрицей, вела себя так гордо и надменно, что привела ее в сильнейшую ярость, тем более, что общество знало о прежнем соперничестве этих двух женщин.

Евгения решила, что гордая Софи должна быть убрана с ее пути. Для исполнения своего плана она, естественно, опять прибегла к всемогущему негодяю Бациоши.

Мы уже слышали его разговор с Габриэль Беланже, отравительницей из Бельвиля, расскажем теперь о последствиях этого разговора.

Поскольку Маргарита не хотела вернуться к своей жестокой матери и только долгое время спустя была найдена у железнодорожного сторожа, который спас ее, дела приняли неожиданный поворот.

Габриэль Беланже пришла в страшное негодование, узнав от Бациоши, что ее безумная дочь отказалась от блестящего предложения, сделанного ей в Тюильри.

Не вмешайся в это дело граф, бесчеловечная женщина изуверчила бы несчастную девушку, а возможно, ослепленная яростью,

и убила бы ее. Он разыграл роль защитника и освободителя Маргариты, отправив ее в верное убежище, куда мы в одной из следующих глав последуем за ней.

Прежде всего он договорился с отравительницей относительно ничего не подозревавшей Софи Говард. Торг их окончился тем условием, что она после благополучно совершенного преступления получит 15 тысяч франков, составляющих капитал, ради которого старая ведьма согласилась бы на любую подлость.

Графиня была больна. Говорили, что она страдает расстройством нервов, которое хотя и не опасно для жизни, но часто очень мучительно для нее. Так, прислуга графини рассказывала, что Софи нередко просыпается среди ночи в бреду, с невыносимой головной болью.

Однажды вечером, когда Софи только что отослала свою горничную и легла спать, к ее замку подъехал экипаж. Из него вышли плотно закутанная дама и господин, не обменявшиеся между собой ни единым словом.

В то время как они направлялись к замку, экипаж остался ждать их возвращения.

Замок Борегар, окруженный парком и красивой решеткой, был построен на горе. Старые ветвистые каштаны придавали ему меланхолический вид, и все здание, окрашенное в серый цвет, с высокими окнами и уединенными порталами, напоминало о старом предместье. Софи Говард не любила окружать себя многочисленной прислугой, она не гналась за блеском и роскошью. Жизнь ее была сломана, и она сознавала это так хорошо, что радость и веселье стали чуждыми ей навсегда. Она обманулась в самых заветных своих мечтах и грезах; но если порой оскорбленное самолюбие и восставало в ней, если в горестную минуту она чувствовала злобу и ненависть к тем, кто погубил ее и сделал несчастной, то даже в такие минуты Софи Говард не походила на Евгению Монтихо, которая из одного только тщеславия не останавливалась ни перед каким средством для достижения своей цели.

У Софи были только одна горничная и лакей, служившие ей еще с того времени, когда Наполеон посещал ее. Садовник и женщины, присматривающие за садом и парком, жили в нижнем этаже замка.

Когда закутанная дама и следовавший за ней господин повернули в каштановую аллею, ведущую к подъезду замка, слуга вышел из него, чтобы проверить, нет ли кого-нибудь поблизости.

Он прислушался, тихие торопливые шаги приехавших не испугали его, казалось, что он ожидал их.

Глубокая тишина стояла в замке. Лампа, горящая в прихожей, распространяла спокойный неяркий свет; на покрытой коврами лестнице, ведущей в комнаты графини, не показалось ни души, даже горничная, по желанию измученной госпожи, удалилась в свою комнату, слуга же только что вышел в парк.

Стоя в тени деревьев, он увидел двух приближающихся особ.

— Десять часов, он аккуратен, — прошептал слуга.

— Это вы, Лепиньоль? — спросил его тихий голос.

— К вашим услугам, господин граф.

— Как поживает ваша госпожа,— продолжал, приблизившись, гость, в котором мы узнаем Бациоши.

— Как и всегда! Многоуважаемая графиня отослала горничную и теперь поживает.

— Можно ли пройти в ее комнату вместе с этой дамой? Но смотри, я не желаю, чтобы нас кто-либо встретил, наше посещение должно остаться тайной.

— Если вы желаете, господин граф, я тотчас проведу вас обоих по задней лестнице.

— Хорошо, Лепиньоль, вот вам небольшая награда за оказанную услугу,— прошептал Бациоши, подавая слуге наполненный деньгами кошелек.

— Покорно благодарю, господин граф!

— Идите вперед, любезный,— приказал Бациоши и затем обернулся к своей спутнице.— Довольны ли вы, мадам Беланже, этим приемом?

— Совершенно,— ответила Габриэль тихо, чтобы шедший впереди слуга не услышал ее.

— Будьте покойны, завтра же он пропадет без следа,— проговорил Бациоши, идя вместе с отравительницей по тенистой аллее парка вдоль стены замка.

Скоро все трое дошли до маленькой двери, слуга отворил ее и пропустил вперед Габриэль с графом.

Перед ними находилась лестница, освещенная лампой, висящей наверху в коридоре.

Ничто не нарушало тишины.

Лепиньоль, подкупленный слуга Софи Говард, повел обоих гостей наверх.

Мягкие ковры заглушали их шаги.

— Ваше сиятельство, прошу обождать одну минуту,— прошептал слуга, отворяя одну из высоких дверей.

Она вела в кабинет графини, рядом с которым находилась ее спальня.

Так как Лепиньоль не затворил за собой двери, то Габриэль и Бациоши заметили, что кабинет был освещен и отделялся от спальни только одной портьерой.

Осторожно просунув голову сквозь занавеску, слуга убедился, что графиня спит, и сделал знак людям, находящимся внизу.

Тихонько вступили они в кабинет и Бациоши осторожно запер за собой дверь на ключ.

Что, если Софи Борегар проснется, если она позвонит или позовет свою горничную?

Но Бациоши верил в свою удачу, которая никогда не оставляла его, он обладал способностью вывертываться из самых, казалось бы, неизбежных бед.

Габриэль Беланже откинула вуаль. Лицо ее было мрачно и неподвижно, глаза холодны, как лед; казалось, что лицо это высечено из камня, и никогда оно не улыбалось никому в жизни.

— Подойдите ближе,— шепнул Лепиньоль,— я позабочусь, чтобы вам не мешали.

Бациоши приблизился к портъере, приподнял ее и заглянул в уютную спальню графини, убранную со вкусом, но без роскоши.

Большая лампа висела на потолке и слабый свет ее создавал в комнате приятный полумрак. Превосходные картины украшали стены, у которых стояли зеленые бархатные кресла и столики с резными ножками. Дорогой мягкий ковер покрывал весь пол. Кровать графини задерживалась шелковыми занавесками, которые были сейчас приподняты, на мраморном столике у кровати стояли наполовину наполненный водой стакан, блестящий графин и красивый золотой колокольчик.

Графиня дышала так тихо, что звук ее дыхания не долетал до слуха Бациоши.

Он подал стоящей позади него женщине знак войти в комнату.

Габриэль вошла и, даже не извинившись перед графом, опустила за собой портьеру, она хотела совершить преступление одна, без свидетелей.

Быстро достала она маленький пузырек и тихо подошла к столику.

Софи не просыпалась.

Габриэль открыла пузырек и вылила содержащуюся в нем бесцветную жидкость в стакан. Последние капли ее попали на занавеску, странный, необычный запах наполнил комнату.

— А что если она не выпьет? — спросил Бациоши, наблюдая за всеми этими действиями из-за портьеры.

— Она выпьет,— спокойно возразила Габриэль с уверенностью, удивившей даже графа.— Слышите?

Едва произнесла она эти слова, как глубокий вздох раздался в комнате.

Бациоши услышал его и заглянул в узкую щель портьеры.

Софи Говард проснулась; нестерпимая жажда мучила ее, что было, надо полагать, следствием быстро испарившихся капель жидкости.

Бациоши побледнел и затаил дыхание: а вдруг графиня схватит колокольчик, который забыли убрать со стола?

— Где ты? — спросила Софи, обращаясь к своей горничной.— Да, да, я отослала тебя спать, покой необходим и тебе.

Судорожно схватила она стакан с ядом и залпом выпила его, потом поставила стакан на прежнее место.

— Готово! — пролепетал Бациоши.

— Уйдем поскорее!

— А оставшиеся в стакане капли? — спросил осторожный граф.

— Могут в нем оставаться,— коротко ответила Габриэль.

— Значит, бояться нечего?

— Конечно, в стакане осталась только вода.

— Тем лучше! Я удивляюсь вашей ловкости!

— Нам нужно спешить, через некоторое время графиня почувствует страшную жажду и позовет горничную, прося воды,— проговорила Габриэль, хорошо зная действие своего яда.

— И горничная нальет свежей воды в стакан, уничтожив, таким образом, малейший след отравы. Вы очень предусмотрительны! Идите вперед.

Не успели Бациоши и Габриэль вернуться в коридор к Лепиньолю, как из спальни до них долетел крик: «Воды!»

Яд, как видно, подействовал очень быстро.

Бациоши остановился, он соображал, как избежать встречи с горничной, которая, услышав крик своей госпожи, поспешит в спальню.

— Идите вперед! — сказал он по-прежнему спокойной отравительнице, а сам тихими шагами снова поспешил к портьеру.

Мучимая страшной жаждой и болью, Софи Говард протянула руку к колокольчику. Бациоши одним прыжком очутился возле кровати и схватил графиню за руку. Ужас и удивление отняли у нее язык, и прежде чем она успела вскрикнуть, он бросил ей на лицо подушку и прижал так крепко, что она не могла не только крикнуть, но даже дышать. Все старания ее освободиться были тщетны, к тому же действие яда усилилось, только один слабый вздох и предсмертное хрипение услышал Бациоши.

Софи Говард боролась со смертью...

Когда она затихла, он снял с ее лица подушку.

В дверях показался Лепиньоль и жестами стал звать его. Со всех ног бросился граф из спальни и, не сказав ни слова, вошел в коридор, где ожидала его Габриэль. Убийство совершилось, графини Борегар не было больше на свете...

Слуга вывел их через ту же дверь из замка в парк.

Минуту спустя они уже сидели в экипаже и вернулись в Париж, не возбудив ничего подозрения.

Дорогой Бациоши вручил отравительнице условленную сумму.

На другое утро горничная нашла Софи на кровати без признаков жизни. Сначала она приняла ее за спящую, но видя, что она не пробуждается и не отзывается на ее зов, ломая руки, прибежала к Лепиньолю!

— Доктор! Как можно скорее доктора! Графиня... О, милосердный Боже, графиня...

— Что такое? Что случилось?

— Графиня не дышит, вся похолодела... Скорее зовите доктора! Лепиньоль полетел в город и привез докторов, которые констатировали внезапную смерть графини.

Никто, кроме слуги, не подозревал о случившемся. Лепиньоль же неожиданно был схвачен и отправлен в Бисетр. Все просьбы его и доказательства, что он в здравом уме были напрасны, его желание повидаться с графом и даже рассказ о той ночи не приняты были во внимание. Как и многими другими, им воспользовались, а затем безжалостно растоптали. Никто не слышал его проклятий, их заглушили толстые стены Бисетра.

Несколько дней спустя тихо и просто похоронили бедную графиню. Никто не провожал ее гроб, она умерла одна, как и жила без счастья и дружеского привета. Так кончила жизнь эта женщина, которой столь многим был обязан император французов Наполеон III.

VI

ТАЙНЫЙ КАБИНЕТ

Тюильрийские тайны разрастались до такой степени, что был учрежден специальный кабинет, предназначенный только для сохранения тайн и исполнения приказов, о которых никто не должен был знать. Он состоял из испытанных людей и назывался «Тайным кабинетом».

Заседания в нем происходили ночью.

Долгое время никто ничего не знал ни об этом тайном суде, ни о его членах.

С Карусельской площади к императорскому флигелю вели маленькие ворота, которыми, по-видимому, никогда не пользовались, так как они постоянно были заперты.

Однажды ночью два господина, закутанные в плащи, приближались к этой тайной двери. Они шли по широкой безлюдной площади, где слышны были только отдаленные размеренные шаги часовых. Многие окна в Тюильри еще были освещены.

Близилась полночь.

Оба господина разговаривали о предстоящей казни Орсини и Пьери. Никто не наблюдал за ними и не подслушивал их.

Один из них — высокий, это был Флери, вынул из кармана ключ, отпер дверь и пригласил войти в них своего маленького спутника, маркиза Фульеза, женатого на родственнице Наполеона.

В длинном узком коридоре, лежащем перед ними, было тепло и светло. Он вел к удобной витой лестнице.

Когда Флери опять тщательно запер дверь, они поднялись вверх. Там они вошли в коридор, украшенный цветущими экзотическими растениями, этот коридор соединял покои императора и Евгении. Наконец, дойдя до бокового коридора и отворив еще одну дверь, они вошли в Тайный кабинет.

В нем уже присутствовали три личности: герцог Морни, генерал Боскет и обер-камергер Бациоши.

Вот эти-то пять господ и составляли тайный суд Франции и осуществляли правление Тюильри. Комната, где заседал Тайный кабинет, была, однако, не велика. Посредине ее стоял длинный, покрытый черным сукном стол, на котором стояли письменные принадлежности и урна из черного мрамора. К столу были придвинуты пять стульев, у одной стены находился большой несгораемый шкаф, в другой стене была дверь, выходившая прямо в императорские покои, а у третьей — камин, в котором пылали угли. На камине стояли старинные часы; у четвертой же стены находилась дверь, завешенная изнутри черными портьерами и выходившая в коридор.

Мужчины, поздоровавшись, заняли свои места, а маркиз де Фульез снял с шеи маленький ключик и отпер несгораемый шкаф. Он был секретарем Тайного совета. Возле его места висел звонок, которым вызывали слуг.

— Примемся за дело,— сказал Морни.— Господин маркиз, что сегодня самое важное?

У маленького худого маркиза де Фульеза был пепельный цвет лица. Первая жена его, оставив ему несметные богатства, внезапно умерла два года тому назад, и он вступил во второй брак с родственницей Наполеона. Сейчас он был в трауре, так как несколько недель тому назад у него умер ребенок от первой жены. Маркиз взглянул на документы, лежащие перед ними. Это были тайные документы процесса об адских машинах.

— Я нашел в конце три имени без замечаний,— начал маркиз скрипучим, громким голосом.

— Какие именно? — спросил Морни, председатель; перед ним стояла мраморная урна.

— Генерал Агуадо, маркиз де Монтолон и сеньора Долорес Кортина,— прочел Фульез.

— Потрудитесь позвонить, господин маркиз,— сказал оберкамергер.— Новый тайный агент нашего кабинета, Эндемо, доставит нам сведения относительно этого дела.

— Вы ручаетесь за этого Эндемо, как за надежного человека? — спросил Морни, в то время как Фульез позвонил.

— Совершенно надежный и способный человек,— отвечал оберкамергер.

— Позвольте мне, прежде чем он войдет, упомянуть об одном обстоятельстве,— сказал генерал Боскет, мужчина лет пятидесяти с суровыми и грубыми чертами лица.— В корпусе зуавов находится опасный и ненадежный офицер, который должен быть устранен.

— Вы, конечно, говорите о генерале д'Арси? — спросил Флери, сидевший рядом с маркизом.

— Точно так. Вчера в обществе офицеров этот человек, будучи пьян, осмелился произнести с громким хохотом имя Бандигведа*. Понятно, что в кружке не было никого, кто бы не знал, кто подразумевался под этим именем.

— Это неслыханно,— воскликнул Морни,— подобные офицеры опасны! Он должен быть немедленно устранен.

— Что ж, он раскается, что высказал это слово, и забудет его в колонии Сиди-Иврагим,— проговорил Фульез.

Сиди-Иврагим был местом наказания в африканской степи.

В Тайном кабинете все приговоры и решения составлялись очень быстро, все члены этого заседания в знак согласия склонили головы, и акт был подписан. Таким образом Боскет разделался со своим непримиримым врагом.

В это время дверь тихо отворилась, и у черной портьеры показалась фигура Эндемо. Члены кабинета осмотрели своего нового товарища и, казалось, он произвел на них хорошее впечатление.

— Господин Эндемо,— сказал Морни,— вы желаете поступить на тайную службу в Тюильри?

---

* Бандигведом звали каменщика, в платье которого Наполеон бежал из Гама. С тех пор это имя стало его насмешливым прозвищем.

— Да, если мне дадут работу и вознаграждение,— отвечал мнимый герцог, приближаясь к столу.

Маленький маркиз посмотрел на него с большим интересом.

— Вы будете получать ежегодно 8 тысяч франков,— объявил Морни,— и, кроме того, награды за особые услуги и квартиру в Тюильри.

— Я согласен.

— Сообщите нам, что вы нашли в доме на Вандомской площади.

Маркиз писал.

— Я узнал, что в этом доме сохранялись орудия, находящиеся в связи с преступлением Орсини. Жители этого дома были в тот вечер в соборе Парижской Богородицы. Я воспользовался этим обстоятельством.

В седьмом часу вечера я вошел в дом и нашел в его отдаленной комнате бомбу, походившую на те, которые употребили преступники. Я поспешил к обер-камергеру, потом к агенту Лагранжу, сопровождавшему господина графа в собор, где арестовали дону Агуадо, маркиза Монтолона и сеньору, как подозрительных людей.

— В Тюильри давно смотрели с подозрением на этих личностей, как на друзей принца Камераты,— добавил Бациоши,— поэтому мне кажется, что ничто не может оправдать их.

Читатель, бесспорно, понял всю низость этого обвинения: Эндемо сам доставил бомбу во дворец на Вандомской площади.

— Эти три личности задержаны? — спросил Морни.

— Господин граф обезвредил сеньору, а дон и маркиз заключены в тюрьму,— отвечал Эндемо.

— Вы будете вознаграждены за бдительность! Успели ли вы записать показания? — обратился Морни к Фульезу.

Тот, продолжая писать, наклонил голову.

Бациоши знаком дал понять Эндемо, что он может удалиться, и когда он вышел, граф сказал:

— Сеньору отвезли в дом Маргариты Беланже, окруженный караулом.

— Еще не все обстоятельства дела об адских машинах открыты,— начал опять Морни.— Вы знаете, господа, что главный виновник его еще не в наших руках!

— Мадзини? — спросили Флери и Боскет почти одновременно.

— Он должен быть схвачен! Орсини и Пьери умрут на эшафоте, Мадзини же должен пасть под ударом кинжала.

— Я предлагаю послать нескольких верных людей во Флоренцию, где живет глава этого заговора,— проговорил маркиз де Фульез.

— Пошлем в эту же ночь агентов Лагранжа, Грилли и Перд'Ора. Первый из них смелый и надежный парень, который нанесет смертельный удар,— продолжал Морни.— Пообещаем ему

несколько тысяч франков и освободим императора от опасного Мадзини!

Остальные члены Тайного кабинета согласились с ним и тут же написали приказ агентам и билет о выдаче им денег.

Распоряжение было сделано, но Фульез, казалось, хотел еще что-то сказать. Он знал, что обер-камергер одобрит его предложение и мог также надеяться на согласие Морни, поскольку Наполеон, должен был в любом случае устранить личность, которую он подготавливал.

— В загородном квартале Бельвиль живет личность, которая занимается противозаконным ремеслом,— начал маркиз своим отворотным голосом (эта личность помогала ему также умертвить его первую жену и ее ребенка, после которых он получил огромное богатство).— Она живет в гостинице «Маниклэ» и известна под именем Габриэль Беланже. Я предлагаю устранить эту опасную личность.

Багиоши переглянулся с Фульезом, эти слова были ему по душе.

— Вы ручаетесь, что эта жительница Бельвиля виновна? — спросил Морни, так же не возражавший удалить корыстолюбивую мать любовницы императора.

— Эта женщина — самая опасная личность в Париже, потому что она знает, как избежать правосудия,— подтвердил маркиз.

— Давайте решим ее участь баллотировкой,— предложил Морни, вставая.

Черная мраморная урна была пуста, каждый из пяти присутствующих должен был положить в нее черный или белый шар так, чтобы никто из остальных не видел, какой цвет он выбрал.

Когда шары были опущены в урну, Морни опрокинул ее и объявил решение.

В ней находились три черных и два белых шара; должно быть, два последних опустили Флери и Боскет, которые еще не имели случая воспользоваться искусством отравительницы для своих целей.

— Будьте добры, поставьте черный крест возле имени этой личности,— сказал Морни маркизу, указывая на шары.

Фульез исполнил это, причем лицо его не выражало того удовлетворения, которое он чувствовал. Он знал, что опасная поверенная его тайн будет устранена в самое короткое время. Решения Тайного кабинета исполняются очень скоро.

Когда около четырех часов пополудни заседание окончилось, Флери напомнил, что в седьмом часу утра назначена казнь двух политических преступников и предложил господам быть свидетелями этого зрелища, которое он ни за какие блага не хотел бы пропустить.

Маркиз де Фульез отказался, отговариваясь усталостью, граф же Багиоши объявил, что у него есть важное дело по службе.

Флери, Боскет и Морни остались еще на некоторое время в комнате заседаний Тайного кабинета и в шесть часов утра отправились на место казни в Ла-Рокет.

VII

ГИЛЬОТИНА

12 марта 1858 года Наполеон подписал приговор, которым Орсини и Пьери были присуждены к смертной казни, а Гомес и Рудио к ссылке в одну из колоний Южной Америки.

На следующее утро была назначена казнь двух заговорщиков.

В ту ночь, когда члены Тайного кабинета проводили только что описанное нами заседание, парижский палач Хайдеман ставил обитый черным сукном эшафот на площади против тюрьмы Ла-Рокет.

Кто был в Париже и проходил через площадь мимо этой тюрьмы, тот наверно заметил стоящие там железные столбы с кольцами — сваи, на которых воздвигается из переносных балок эшафот.

Утром 13 марта эшафот уже возвышался на площади и помощники палача еще работали, укрепляя по его указаниям гильотину. Расположенная на троне смерти, она представляет собой высокую раму из чисто вымытых балок, нижняя ее часть имеет форму блока. К ней прикреплены ремни, которыми привязывают приговоренного, на левой же стороне балок виден блестящий острый нож-гильотина, которую палач одним нажатием приводит в движение, и она, падая на блок, тяжелым ударом отделяет голову от тела преступника. Эта ужасная машина для казни изобретена в конце прошлого столетия доктором Гильотэном, прославившимся благодаря этому изобретению, которое было названо его именем. Гильотина, на которой были казнены королева Мария Антуанета и ее супруг и теперь еще регулярно исполняет свою работу.

С наступлением утра окна и крыши соседних домов были заняты любопытными; войска были расставлены шпалерами, чтобы удержать народ на некотором расстоянии от эшафота. Толпы любопытных спешили из смежных улиц, чтобы посмотреть на казнь Орсини и Пьери. Площадь была так заполнена народом, что нередко раздавались страшные крики задавленных, но никто не обращал на это внимания. Немало несчастных падали под ноги толпы и были раздавлены, а о помощи нечего было и думать, так как со всех сторон беспрерывно текли новые толпы народа.

Экипажи знатных господ, к которым принадлежал и Морни со своими друзьями, должны были ехать через маленькие переулки Фокери, занятые войсками, чтобы достигнуть свободного места возле эшафота и оттуда смотреть на зрелище, к которому парижане всегда стремятся с таким удовольствием, что даже опасность погибнуть в толпе не может их остановить.

На часах башни Ла-Рокет пробило семь часов утра; в толпе слышался шепот, раздался звон колокола — для Орсини и Пьери он прозвучал в последний раз, призывая их на эшафот.

Отворили ворота тюрьмы; забили барабаны; вокруг стояла глубокая тишина, тысячи людей — и ни одного звука, как будто дух смерти веял с высокого черного эшафота на толпу. Все взгляды были при-

кованы к воротам тюрьмы, где показалось длинное мрачное шествие, направившееся к эшафоту.

Впереди шел отряд карабинеров, потом судьи в своих черных одеждах. За ними следовал палач Хайдеман, его высокая фигура, облеченная в широкий черный плащ, казалось, вышла прямо из средних веков. Большая голова его была не покрыта, длинная борода спускалась на грудь, лицо хранило холодное, неприступное выражение.

Ни один из его помощников не сопровождал его, они ожидали своего хозяина внизу, у эшафота.

За палачом шли окруженные со всех сторон карабинерами приговоренные — Орсини и Пьери.

Орсини шел твердо, не сгибаясь, Пьери также не потерял силы духа — оба итальянца готовы были умереть за свои убеждения.

Они не имели вида преступников, осужденных к смерти, — достойно шли они к смерти!

Два капеллана следовали за ними; шествие заключали солдаты.

Все взоры обратились на палача и его жертвы.

— Смотрите, вот они идут! Орсини ступает так твердо, как будто его ведут на праздник! — кричали зрители, перебивая друг друга.

Наконец, шествие приблизилось к эшафоту, судьи, священники, приговоренные, палач и его слуги взошли на него.

В толпе наступила тишина. Первые лучи весеннего солнца проникли через облака.

Судья громким голосом прочел смертный приговор, отдал палачу приказ совершить казнь над обоими преступниками и подал ему пергамент, завершая эту церемонию.

В эту минуту Орсини взошел на ступеньки; он возвысил голос, обращаясь к народу, но едва только раздались его первые слова, как Хайдеман накинул ему на голову плотное черное покрывало, которое до сих пор на всякий случай прятал под плащом. Орсини вынужден был замолчать, двое помощников палача отвели его назад, к капелланам, и сняли с его головы черное покрывало.

В густой толпе раздался ропот, люди выражали свое негодование.

— Приговоренные принадлежат мне, — крикнул палач вниз. — Эшафот — не ораторская кафедра!

Он сделал знак помощникам, стоящим позади Пьери, — те схватили его, чтобы пристегнуть ремнями к гильотине.

Пьери противился всеми силами: он хотел сам положить свою голову на плаху! Он, казалось, гордился тем, что должен умереть за свои убеждения.

Он стал на колени, помолился и вложил голову в отверстие.

Однако слуги Хайдемана бросились на него, в одну минуту зашнуровали его ремнями, и лишь потом отступили назад.

Палач нажал пружину, удерживающую гильотину; блеснул тяжелый нож, раздался грозный удар, и голова Пьери покатилась по черному сукну, между тем как кровь ручьем хлынула из тела.

Помощники палача поспешно убрали с дороги голову и тело. Теперь очередь дошла до Орсини, который смотрел, как умирал его друг и соратник. Ни один мускул его лица не дрогнул, ни разу не отвел он своего взгляда от страшной картины смерти.

Он также попытался говорить с толпой, из которой неслись громкие крики одобрения.

Орсини сделал несколько шагов вперед, однако прежде чем он успел выговорить слово, ему накинули на голову черное покрывало палача, потащили к гильотине и крепко связали ремнями.

Хайдеман считил в это время кровь с ножа, поднял его и вновь нажал пружину ужасного механизма. И снова блестящее железо, повинувшись его движению, опустилось в отверстие блока.

Орсини был казнен; его содрогающееся тело лежало по одну сторону эшафота, а голова по другую. Кровь текла с черного сукна на камни площади и женщины собирали ее в свои платки...

Опять раздался барабанный бой, возвещавший, что приговор приведен в исполнение, и кровь, пролитая в улице Лепелетье, отмщена.

Вскоре после этого император составлял свои планы вместе с итальянским министром Кавуром. Первым знамением мира между двумя странами было бракосочетание принца Наполеона, двоюродного брата императора, с шестнадцатилетней дочерью Виктора Эммануила, короля Италии.

Тогда началась война между Францией и Австрией. За победоносным сражением при Мадженте последовала кровопролитная битва при Сольферино.

24 июня 1859 года был страшный день, когда два воинственных народа мерились силами в продолжение двенадцати часов. Казалось, французское войско и армия короля Сардинского и здесь должны были победить геройски сражающихся австрийцев. С обеих сторон потери были огромны и не видно было конца этой борьбы. В то время, как французы принудили австрийцев отступить, последние отбросили сардинцев в другом месте, и этот переменный успех позволял ожидать скорейшего мира, чем предполагали другие государства. И он действительно был заключен в Виллафранка через несколько дней после сражения при Сольферино.

Ломбардия досталась Наполеону, и он отдал ее королю сардинскому, за что вскоре после этого Савойя и городской округ Ниццы были уступлены французам.

Союз, возникший между верхними и средними итальянскими государствами, послужил основанием для создания новой империи во главе с Виктором Эммануилом.

Между тем в Париже один за другим следовали торжественные праздники, и Луи Наполеону опять удалось на несколько лет спасти от падения свой престол. И в этот раз также пали жертвами тысячи. Число жертв постоянно увеличивалось, на них основывал Наполеон свою династию, и отзвук его грязных дел заглушали шумные пиры и придворные празднества.

VIII

ЧЕРТОВ ОСТРОВ

Во время этого военного похода Олимпио и маркиз Монтолон томились в тюрьме как соучастники заговора Орсини.

Олимпио больше всего страдал из-за Долорес, так как не знал, какая участь ее ожидает. У него отобрали бриллиантовый крест и поместили в каземат отдельно от маркиза.

Бриллиантовый крест передали императрице.

Но прежде чем мы отыщем наших друзей, вернемся к Жуану, который после внезапного ареста Олимпио и маркиза куда-то скрылся.

Жуан решил во что бы то ни стало избавить принца Камерату от каторги в Кайенне.

Его не пугали опасности и непреодолимые трудности, о которых ему рассказывал маркиз, и он объявил последнему, что пойдет на все, чтобы спасти принца. Клод, хотя и удерживал Жуана, но в душе радовался, видя его мужество и решительность, и снабдил его всем необходимым, в том числе деньгами, для далекого путешествия.

Жуан выехал из Гавра на одном из пассажирских кораблей, отправлявшихся в Южную Америку.

Ему не были известны многочисленные трудности, которые он должен был встретить на своем пути, но он обладал качествами, которые позволяют преодолеть любые препятствия,— мужеством и юношеской отвагой.

Мы описывали уже три острова, находящиеся вблизи континента и возвышающиеся над морем. Один из них — Чертов остров, служил, как уже говорилось, местопребыванием для ссыльных. На нем нет ни веселых равнин, ни цветущих берегов, ни банановых и пальмовых рощ. Это печальная пустыня, иссохшая из-за постоянного солнечного жара. Здесь вырубili все деревья, чтобы ссыльные сильнее чувствовали свое наказание, всю безотрадность своего положения, и были лишены малейшей надежды на бегство.

Среди изломанных колючих кустов были выстроены из глины и камня хижины, крытые маисовой соломой, по сравнению с которыми жалкие крестьянские избы можно было назвать дворцами; в жилища были обращены и пещеры в голых скалах, большие и маленькие отверстия в них служили дверями и окнами.

Чертов остров справедливо носит свое название, так как несчастные, сосланные сюда на десятилетия, т. е. на всю жизнь, испытывали действительно адские мучения.

Большинство из них не могли перенести убийственный климат, болезни и отвратительное питание даже короткое время.

Когда Камерата вступил на остров, на нем находилось около сорока ссыльных; их одежда представляла лохмотья, башмаки были порваны, силы и здоровье совершенно подорваны. Такая же участь ожидала и его.

Надзиратель, который встретил принца и повел в жалкую хижину, был жандармский полковник. Он сказал принцу, что будет посещать

его три раза в день — в пять часов утра, в четыре часа после обеда и вечером, в десять часов.

Камерата мрачным взглядом осматривал мертвую пустыню, о бегстве, видимо, нельзя было и думать. Кто раз попал на Чертов остров, тот покончил навсегда с внешним миром, его можно было оплакивать как мертвого.

Хижина, назначенная для принца, была так мала, что в ней едва помещались деревянный стол и такой же стул; солома, брошенная на полу, должна была служить ему постелью. Низкая дверь не запиралась, свет и воздух проникал через маленькое квадратное отверстие в эту конуру, в которой было невыносимо жарко. Воду, которую ссыльные должны были сами себе приносить, была непригодна для питья, пища, привозимая каждый день с Королевского острова, была далеко не свежей: сухари покрыты плесенью, в муке и рисе ползали черви; изредка доставалась им гнилая говядина.

Ссыльные, если не желали есть свою порцию в сыром виде, должны были сами приготовить себе кушанья, но очень немногие из них имели для этого необходимую посуду.

Принцу Камерату, изнуренному голодом и жаждой, понадобилось, однако, несколько дней, чтобы преодолеть свою брезгливость.

Один из ссыльных согласился приготовить ему жалкий обед на разведенном огне.

Днем стояла невыносимая жара, от которой нигде невозможно было укрыться, но и ночью не было надежды освежиться. Маисовая солома, полная насекомых, была адской постелью, и всю ночь в хижине жужжали мухи и летало множество комаров.

Комендант Мальет, мрачный, неразговорчивый человек, честно исполнял свою должность и во всякое время заглядывал в хижины, чтобы убедиться, спят ли ссыльные на своих местах, хотя, казалось бы, невозможно было и думать о бегстве с острова.

Камерата покорился судьбе. Проходили месяцы. Благодаря своей крепкой натуре он стойко переносил все лишения и был исполнен ненависти и жаждой мести. Но ненависть к тем, кто обрек его на это проклятое существование, была бессильна и потому еще более мучительна. Принц без конца думал о том, как возвратиться в далекую Европу.

Сначала он надеялся найти какой-нибудь путь к бегству, но когда увидел с прибрежной скалы необозримое море и ближе узнал бдительность Мальета, потерял всякую надежду на спасение.

На Королевском острове распространился слух, будто несколько ссыльных, несмотря на все принимаемые меры, составили заговор с целью убить старого Мальета и бежать с Чертова острова. Поэтому комендант решил послать смотрителю помощника, и этим помощником был не кто иной, как Джон, бывший слуга мнимого герцога. Мошенник отнюдь не забыл боль и оскорбление, нанесенные ему принцем в крепости, и потому торжествовал, когда был избран помощником его тюремщика.

Комендант избрал парня с лицом бульдога из-за того, что тот проявил особое усердие к службе и отличался огромной физической

силой. Он переехал в хижину зрителя и вскоре проявил в полной мере свою ярость и преимущество своего положения перед Камератой, который должен был подчиняться его распоряжениям.

Однажды вечером принц отправился на одну из скал, выдающихся в море. Вечернее солнце отражалось в волнах, вдали темная вода сливалась с небом в фиолетовых облаках, образовавшихся из испарений кончающегося жаркого дня.

Камерата заметил черную точку в том направлении, где находился континент, которая как будто увеличивалась.

Он еще раз взглянул в ту сторону, стараясь рассмотреть, что развивается из этой темной точки. В это время с Королевского острова раздался пушечный выстрел, призывающий на смотр. Какая-то сила удерживала, однако, принца на скале, желание узнать, прежде чем поспешить к дому зрителя, что означает эта медленно приближающаяся черная точка, может быть, это лодка или маленький корабль? Вдруг он вспомнил ненависть Джона, заменявшего в тот день заболевшего Мальета, и, поспешно покинул скалу, он побежал к дому Мальета.

Путь, который он должен был пройти, был длинен, и чтобы преодолеть его, даже бегом, требовалось более получаса.

По дороге Камерата все время думал о корабле, приближающемся к острову,— был ли он в действительности или только в его воображении. Он остановился на последнем, так как знал, что корабль было запрещено близко подходить к острову ссыльных.

А вдруг это все-таки было судно? Корабль, который спешил сюда, чтобы освободить его?.. Камерата переходил от надежды к отчаянию, как всякий несчастный, все еще надеющийся на спасение.

Солнце давно уже зашло, когда он приблизился к дому, кругом все было тихо, смотр уже был окончен, он опоздал.

Перед домом зрителя стоял отвратительный длинноносый плут, как видно, ожидавший принца, который за нарушение порядка должен был подвергнуться наказанию.

— Ну, счастье ваше, что вы пришли, я только что намеревался бить тревогу,— закричал он.— Вы, верно, задумываете бежать! Знаете ли, что вам угрожает за это?

Камерата видел, что Джон пользуется случаем показать ему свое превосходство.

— Я запоздал и перенесу без ропота заслуженное наказание.

— Вас нужно заключить в клетку! Мне кажется, вы и теперь не повинуетесь мне. Черт меня побери, вы должны быть за это наказаны,— продолжал негодая, багровея от злости.— Подождите, вы меня узнаете! Сегодня мы находимся не в прежних отношениях!

— Вы имеете право только назначить мне наказание, которое я заслужил,— отвечал Камерата.

— Я могу осудить вас по собственному желанию, и если вы будете еще возражать, то завтра же вас закуют в цепи.

— Не раздражайте меня,— с трудом сдерживаясь, проговорил Камерата, терпение его истощалось.

— Я отправлюсь к скале и осмотрю море, может, и узнаю причину вашего промедления. Без причины вы не могли запоздать,— сказал Джон.

Камерата дрожал от бешенства, он мог одним ударом уложить мошенника, но, уступив благоразумию, удержался.

Джон повел принца в стоящий неподалеку рабочий дом. Уже несколько лет никто не входил в него, потому что Мальет, хотя и был строг, однако никогда не наказывал за опоздание. Принц повинился своей участи, опустив голову, он медленно шел за Джоном.

Тот отпер низкую, но крепкую дверь дома.

— Входите,— крикнул он грубым голосом,— здесь вы забудете о своих наблюдениях на море!

Камерата вошел в обнесенную решеткой комнату размером не более шести квадратных футов. Его не так мучило наказание, как угроза Джона, который, заперев дверь, отправится теперь к скале.

На улице раздался хохот этого подлеца:

— Теперь сидите в яме, пока ваше тело не превратится в сплошную рану,— это усмиряет. И он пошел по направлению к скале, откуда можно было видеть море на огромном пространстве. Проходя мимо хижины ссыльных, он заглядывал в оконные отверстия, проверяя, на местах ли их обитатели.

Комендант не мог найти лучшего сторожа. Джон чувствовал, что своим изгнанием был обязан мнимому герцогу, и мечтал о мщении.

Он был уверен, что рано или поздно ему удастся тем или иным способом возвратиться во Францию, и тогда он первым делом оплатит своему коварному господину.

Черная точка, которую Камерата заметил на море, была маленьким рыбацким судном, вышедшим после обеда из бухты вблизи Кайенны. Только один человек находился в нем, молодой рыбак в обычной одежде прибрежных жителей — полосатой рубашке, полотняных панталонах и в шляпе с широкими полями.

Направив свое суденышко к острову, он натянул парус, и когда наступил вечер, перед ним уже возвышались освещенные луной скалы Чертова острова.

— Ободришь, мой бедный принц,— воскликнул молодой человек, и темные глаза его заблестели,— час твоего освобождения приближается! Да поможет мне Пресвятая Дева, чтобы там, наверху, не подстергал меня изменник.

Это был Жуан, осуществляющий свое отчаянное предприятие.

Жуан доверился одному бедному старому рыбаку вблизи Кайенны, у него он купил эту лодку и запасся советами, за которые тоже щедро наградил его. Этот старик познакомил Жуана со всеми опасностями Чертова острова и предупредил, что подплывать к острову строжайше запрещено.

Но Жуана ничто не могло испугать, он готов был пожертвовать собственной свободой и даже жизнью, чтобы спасти принца, которого очень любил.

Был роскошный вечер, темнота нежно окутывала мрачный остров с его ссыльными жителями. Горизонт был совершенно чист, кругом

царила спокойная тишина, и лодка беспрепятственно скользила по волнам, неся отважного юношу к острову. Он опустил парус. При бурной погоде подъехать к избранному им месту берега было бы невозможно, так как буруны разбили бы судно о крутые прибрежные скалы. Но море было спокойно, а старый рыбак указал смельчаку место, где был узкий проход между двумя черными стенами, и Жуан вскоре увидел его перед собою.

Это была узкая и темная трещина между скалами.

Стараясь держаться как можно ближе к скалистым стенам, он скоро достиг выступа, позади которого вдруг показалась тихая, гладкая вода. Природа как будто специально образовала здесь вход через несколько выдающихся наподобие ступенек уступов.

Лицо Жуана прояснилось. Ему удалось пристать к низкому месту и привязать свою лодку к пню срубленного дерева, выходящего из трещины скалы.

Едва успел он окончить эту работу и собирался уже перескочить на ближайший выступ, как услышал приближающиеся шаги. Осторожно и тихо он спрятался на уступе скалы и посмотрел на расширяющуюся трещину впереди, которая, по всей видимости, вела на остров.

В это время на ней показалась фигура мужчины.

Жуан присел на корточки, он заметил на шляпе человека бляху сторожа. Это был Джон, осматривающий море.

Уступ, где стоял Жуан был узким, он легко мог потерять равновесие, и тогда плеск воды выдал бы его.

Опасная минута! Сторож приближался; он должен был пройти в пяти шагах от того места, где затаился Жуан. Правда, лодка стояла под скалой в темном глубоком месте, но если бы сторож подошел ближе и глянул вниз, он мог заметить Жуана, и тогда все было бы потеряно...

К счастью, сторож прошел мимо и вскоре исчез из глаз.

Жуан не мог оставаться долее на узком скользком выступе. Он поднялся на холм, к которому вела дорога. Сторож ушел направо, и Жуан направился влево, надеясь найти выход из прибрежных утесов.

Он прислушивался, кругом было все тихо.

Он стал прокрадываться вперед по тропинке между каменными стенами и вскоре добрался до места, откуда перед ним открылся широкий вид на низменную часть острова.

Старый рыбак предупредил его, что на острове совсем нет деревьев, и советовал спрятаться в расселине скалы, откуда ссыльные каждый день носят воду. Там он должен был подождать, пока не явится тот, кого он хотел освободить. Приблизиться же к хижинам было бы безумием.

Жуан пошел по тому направлению, где по описанию старика была расселина с источником пресной воды. Он быстро нашел это место.

Возле естественного колодца острова, находящегося между крутыми каменными стенами, Жуан заметил несколько больших камней,

за которыми можно было скрыться и ожидать наступления утра. Он взял с собой рис и бутылку вина, так что мог пробыть здесь до следующего вечера. В течение дня, если бы ему даже удалось у колодца предупредить принца о бегстве, совершить его было невозможно.

Наступило утро, и показался длинный ряд несчастных, которые должны были носить воду в водоем для потребностей дня.

Сердце Жуана сильно забилося, когда он, скрываясь за камнями, увидел, что ссыльные приближаются со своими ведрами. Теперь нужно было только узнать принца и сделать ему знак! Но сделать это необходимо было так, чтобы его товарищи ничего не заметили, потому что никто не мог поручиться, что между ними не было изменника.

Медленно приближались ссыльные к источнику, чтобы наполнить свои ведра.

Жуан внимательно рассматривал каждого из них, но принца между ними не было.

Наконец, когда вся шеренга окончила свою работу, и первые пары уже собрались в обратный путь, к источнику подошел еще один ссыльный в сопровождении человека, которого Жуан видел ночью.

Этот ссыльный был Камерата, худой и жалкий, однако Жуан узнал его.

Как же подать ему знак? Сторож, не отходя от него ни на шаг, ждал, пока он наполнит ведро. Необходимо поскорей на что-нибудь решиться, иначе будет поздно, и другого случая, возможно, не представится.

Жуан воспользовался минутой, когда Камерата вытащил из глубины ведро, а сторож смотрел вслед удаляющимся; он поспешно высунул голову из-за камней, Камерата, взглянув в его сторону, от неожиданности чуть не выдал его. Жуан прижал палец к губам и снова скрылся за камнями, потому что в это время сторож обратился к принцу.

— Долго вы будете прохлаждаться? Должно быть, сидеть за решеткой не особенно приятно,— насмеялся он.

Камерата, узнавший Жуана, не отвечал; уходя, он оставил свою шляпу у колодца, чтобы иметь повод возвратиться одному.

— Неужели это ты, Жуан? — тихо воскликнул он.— Клянусь всеми святыми, ты подвергаешься смертельной опасности!

— Я пришел освободить тебя! Все уже приготовлено,— поспешно отвечал Жуан,— сегодня вечером мы будем далеко отсюда.

— Я сижу под замком в рабочем доме.

— В таком случае, когда все успокоится, я приду и помогу тебе покинуть его!

— Черт побери, где это вы так долго? — раздался бешеный голос сторожа.

Камерата исчез, и Жуан провел весь день в своем убежище. Солнце сильно палило, небо затягивало облаками, и Жуан опасался, что к вечеру может начаться гроза, что было бы ужасным ударом для

Камераты и для него, потому что, если поднимется буря, их гибель на маленьком суденышке будет неизбежна.

С возрастающим беспокойством следил он за собирающимися тучами. Вскоре они покрыли все небо, и ночь наступила раньше, чем обычно. До десяти часов Жуан не смел и думать приблизиться к рабочему дому. Мрак быстро сгущался, и, наконец, раздался глухой пушечный выстрел с Королевского острова, означавший конец рабочего дня. Теперь все успокоилось, крупные дождевые капли уже падали на каменистую почву.

Нетерпение Жуана увеличивалось, он не хотел терять ни одной секунды, ведь господствующий над островом мрак благоприятствовал его намерению. Быстро выйдя из скал, он поспешил к отдаленным хижинам, подробно запомнив дорогу к ним. Достигнув их, он на минуту остановился прислушиваясь — ссыльные уже улеглись.

Жуан заметил стоявшее отдельно от других хижин деревянное строение и был уверен, что в нем заперт Камерата.

В ту минуту, когда Жуан был уже у дверей этого дома, раздался первый раскат грома.

— Проклятие,— прошептал Жуан.— Но да поможет нам Святая Дева.

Он тихо постучал. В это время поднялся уже настоящий вихрь.

— Принц,— спросил он шепотом,— вы здесь?

— Еще рано, Жуан,— отвечал Камерата,— сторож еще не спит.

— Мрак и шум бури облегчат наше предприятие, мы должны выломать дверь.

— Это опасно!

— Нет, принц, гром заглушит шум, я вырежу замок, и достаточно будет одного сильного удара, чтобы освободиться!

Жуан вынул из кармана нож и стал вырезать замок. Он не слышал шороха, приближающегося со стороны дома смотрителя, дождь и буря заглушали все звуки.

— Теперь, принц,— воскликнул он,— напирайте на дверь, я помогу!

И в ту же минуту, когда раздался треск выламываемой двери, вблизи Жуана грянул выстрел. Камерата вышел, а пуля вошла в стену недалеко от него.

— Мы погибли,— вскричал он, увидев в пяти шагах от себя сторожа, который уже снова прицелился из своего двуствольного ружья. Этого нельзя было допустить, потому что выстрелы услышали бы на Королевском острове и через несколько минут забили тревогу.

Камерата бросился на Джона и ударил по стволу ружья, раздался выстрел, сопровождаемый шумом грома; принц с силой отчаяния вырвал у него ружье и прикладом разбил ему голову.

— Бежим скорее,— вскричал он,— иначе мы погибли!

В доме смотрителя и в хижинах возникло движение. Старик Мальет услышал выстрелы; он вскочил, несмотря на свою слабость, из всех хижин также поспешили сюда. Жуан и Камерата изо всех

сил бежали к скале. При сильных ударах грома под струями дождя взад и вперед бегали люди, не понимая, в чем дело.

Но тут и на Королевском острове забили тревогу: видимо, несмотря на грозу, там тоже услышали выстрелы.

Камерата знал, что произойдет через несколько минут. Несколько барок перевезут на эту сторону пикет солдат и в то же время с вершины скалы пустят ракеты, извещающие Кайенну о бегстве ссыльных.

— Мы идем на смерть,— сказал принц Жуану, бегущему вместе с ним к скале,— я не страшусь ее, потому что лучше умереть, чем оставаться здесь! Но мне жаль тебя, ты еще так молод!

— Я не теряю надежду, принц, и хотя опасно в такую бурю пуститься в море на маленькой барке, мы это сделаем. Ни в коем случае мы не должны оставаться на острове до утра.

— Иди рядом со мною, чтобы в этой темноте ты не свалился в какую-нибудь трещину в скале,— сказал Камерата.

Беглецы достигли уже узкой тропинки, ведущей к месту, где было привязано судно, но ужас охватил Жуана при мысли, что волны могли оторвать его и угнать в море...

Наконец, они благополучно добрались до трещины в скале. Вдали у хижин сверкали факелы; найдя Джона с разбитой головой, все разделились и отправились в разные стороны разыскивать беглеца.

С Королевского острова между тем уже прибыли солдаты.

Жуан и Камерата, спустившись со скалистого берега, к своей великой радости увидели маленькое суденышко, стоящее невредимым на своем месте.

— Слава Богу, оно здесь, но спускайтесь осторожно, принц,— воскликнул Жуан.— Подождем, пока сверкнет молния; вот теперь я увидел выступ, поспешим вниз. Небо помогает нам!

Камерата последовал за своим спасителем; проворно и ловко спустились они по скалисту утесу и прыгнули в лодку, которая при этом чуть не опрокинулась. Гроза все еще продолжалась, волны подымали и опускали судно, но медлить было невозможно.

Оба беглеца вытолкнули лодку из расселины, но чем дальше они продвигались вперед, тем сильнее били волны. Лодку бросало, как ореховую скорлупу; они приблизились к выходу в открытое море и только тогда увидели, что все старания их были напрасны: волны с ужасным шумом разбивались о скалы и невозможно было справиться с суденышком, которое буруны неудержимо гнали вперед. Через несколько секунд они были уже далеко от скал, но вскоре новая высокая волна отбросила их назад.

Жуан и Камерата промокли до костей, волны захлестывали лодку, напрасно пытались они удержать руль — он не слушался их. Они были беспомощны перед разбушевавшейся стихией, раскаты грома и непрерывно сверкающие молнии как будто еще больше подчеркивали это.

— Пресвятая Матерь Божия, помоги нам! — молились Камерата и Жуан, которые должны были привязаться к борту лодки, чтобы волны не унесли их.

Они были уже в открытом море. Их маленькое суденышко то оказывалось высоко на гребне волн, то проваливалось в бездну между ними. Буря уносила их все дальше от Чертова острова и беглецы, отдавшись на произвол судьбы, ожидали своего последнего часа.

В это время на прибрежных скалах острова вспыхнули сигнальные ракеты, поднимая до самых облаков красные огненные шары.

На кайенском берегу стало, таким образом, известно, что сделана попытка к бегству, и вдоль всего берега была расставлена стража, чтобы поймать беглецов, если не найдут смерти в волнах и смогут пристать к берегу.

Жуан и Камерата уже утратили надежду на спасение. Лодка все больше погружалась в воду, буря сломала мачту и тяжелые снасти наклонили судно на одну сторону, грозя опрокинуть и потопить его.

— Будем бороться до последней минуты,— воскликнул Жуан и взялся за топор, чтобы отрубить мачту и канаты. Камерата неутомимо выгребал лопатой воду из лодки. Положение беглецов было отчаянное — на берегу ожидали их сыщики, кругом, ни на мгновение не утихая, бушевали волны. Они даже представить себе не могли, куда их уносило. Жуану показалось при свете молнии, что они удаляются не только от острова, но и от континента. Но вдруг нос лодки резко поднялся вверх, задняя ее часть опустилась под воду, огромная волна перекатилась через нос и на несколько минут исчез всякий след судна и обоих беглецов. Потом лодка всплыла килем вверх, и на поверхности показались судорожно вцепившиеся в нее руки.

Но как долго смогут несчастные удержаться на воде со своей столь непрочной опорой?..

IX

НОЧЬ В СЕН-КЛУ

Императорский двор переехал на летние месяцы в увеселительный замок Сен-Клу, находящийся за Булонским лесом и Сеной.

Было одиннадцать часов вечера, когда экипаж проезжал мимо парка к террасе. Евгения сидела в зале, открытые окна которой выходили в парк.

В переднюю, где находилась дежурная статс-дама, вошел слуга.

— Будьте добры, сударыня, доложите ее императорскому величеству о девице Беланже.

— Императрица никого не принимает в такой поздний час,— ответила удивленная придворная дама.

— В таком случае девица Беланже просила немедленно доложить о ней инфанте Барселонской.

— Странное требование!

— Она клянется, что дело очень важное.

В эту минуту в передней показалась запыхавшаяся молодая дама. На ней был дорогой наряд, и она была необыкновенно хороша. На вид ей было не более шестнадцати лет. Все движения ее выражали поспешность. Молодая дама, ворвавшаяся в императорские комнаты, как будто имела на это право, была Маргарита Беланже.

— Доложите обо мне поскорей инфанте,— воскликнула она, в то время как слуга удалился.

— Как ваше имя? — спросила статс-дама, которая растерялась, потому что никогда не встречалась с подобным случаем. Даму можно было принять за графиню.

— Маргарита Беланже. Поскорее, пожалуйста.

Придворная дама, покачивая головой, поспешно удалась.

Инесса, наконец, после многих напрасных стараний, узнала, что Олимпио и маркиз заключены в тюрьму, а Долорес живет в охраняемом боковом флигеле роскошного дома Маргариты Беланже.

Хотя она считалась любовницей императора, но он до сих пор не мог похвастаться ее расположением. Как ни старался он окружить ее роскошью и предупредал все ее желания, ничто не помогало, Маргарита была непреклонна.

Инфанте удалось увидеться с Олимпио в тюрьме. Она сообщила ему, где Долорес, скрыв от него свою прежнюю роль в ее судьбе. Инфанта обещала ему помочь во всем, и Олимпио поверил ей.

После доклада статс-дамы инфанта велела пригласить Маргариту Беланже в свою комнату, отделяющуюся от покоев императрицы цветочной залой. Евгения перед сном обычно прогуливалась по этой зале.

В свите императора в это время находился молодой, красивый француз, который произвел впечатление на Евгению. Граф Мувильон де Глим обладал качествами, привлекающими женщин. Он был красив, вежлив, нежен и любезен.

Граф, как было видно, был страстно влюблен в прекрасную императрицу. Он преследовал ее, стараясь на каждом шагу показать свою глубокую и верную любовь.

Все знатные дамы Парижа обратили свое внимание на молодого француза, но он едва достаивал взглядом своих поклонниц и преклонялся единственно перед Евгенией, которая тоже полюбила его, если можно назвать любовью желание видеть у своих ног красивого и преданного мужчину.

Этот француз был настоящий дон Жуан, изучивший женщин и очень хорошо знавший, что чувства императрицы несколько не отличаются от чувств других женщин, которым нравятся сладкая речь и отважный взгляд.

Евгения не отвечала отказом на его первые осторожные просьбы, ей нравилось, что граф дольше, чем другие, прикасается своими горячими губами к ее красивой руке, что он смелее бросает на нее пламенные взгляды. Наконец, он решился просить ее о свидании, и императрица обещала его ему, после того как принцесса Берри и графиня Меттерних признались ей, что отдали бы полжизни за одно свидание с графом.

Сен-Клу был удобным местом для тайных приятных свиданий, и Евгения обещала графу прийти к маленькому пруду в парке именно в тот вечер, когда Маргарита Беланже так неожиданно явилась к Инессе.

Инфанта не знала о тайной ночной прогулке императрицы. Она думала, что та находится в своей цветочной зале.

Но Евгения вышла уже более получаса назад и, пройдя через заднюю лестницу, отправилась в парк. Она накинула на плечи легкий платок и пошла по тихим безлюдным дорожкам, ведущим к крытым аллеям, прудам и бельведерам.

Император со свитой давно уже был в комнатах, выходящих на террасу, а придворные дамы громко смеялись и шутили в зале, проводя время в играх, которые удивили бы незваного зрителя. Две из них надели блестящие мундиры и исполняли роли влюбленных кавалеров. Подобные забавы доставляли большое удовольствие всем участницам, что вполне обнаруживало их сладострастие и развращенность французского двора того времени. Придворные следовали прекрасному примеру своего императора и императрицы.

Евгения, оставив замок, спешила по дорожкам при свете луны в тень старых ветвистых деревьев, чтобы под их защитой достигнуть маленького пруда, где было много заманчивых дерновых скамеек и темных аллей. Приближаясь к этим аллеям, она внезапно остановилась: ей показалось, будто она слышит вдали, возле замка, тихие шаги, и она невольно вспомнила ту ночь, когда сидела с Олимпио в дворцовом парке Мадрида, а затем другую ночь, когда она гуляла с Олозаго в Аранжуесе. Имя Рамиро заставило ее затрепетать...

Между тем перед нею возникла фигура графа де Глима, высокого стройного мужчины, ожидавшего ее и теперь подходившего к ней, чтобы воспользоваться оказанной ему милостью.

Увидев приближающуюся Евгению, граф в восторге подумал, что подаренные ему минуты нескоро кончатся, потому что если бы она не желала принадлежать ему, то не явилась бы на это свидание.

Он запечатлел горячий поцелуй на ее руке и повел ее в темную крытую аллею, нашептывая слова любви, на которые Евгения, улыбаясь, тихо отвечала.

Но вдруг она увидела в конце аллеи инфанту Барселонскую.

— Уходите скорей,— в волнении шепнула она,— кто-то идет, скройтесь!

— Счастливейшие минуты моей жизни оборвались,— так же шепотом ответил граф и исчез в тени кустарников, между тем как Евгения, делая вид, что прогуливается, пошла навстречу инфанте, которая казалась расстроенной.

Заметив императрицу, она поспешно подошла к ней.

— Я тщетно искала вас в комнатах, чтобы передать это письмо, только что принесенное во дворец,— проговорила Инесса.

— Письмо без надписи.

— Как видно, оно заключает в себе тайну, потому что меня настоятельно просили передать его вам.

Евгения в сопровождении инфанты поспешно возвратилась в комнаты; там она распечатала письмо и, прочитав его, побледнела.

«Вы получите эти строки в виде предостережения,— гласило письмо.— Жертвы, арестованные, благодаря вам в соборе Notre-Dame, должны быть через несколько дней свободны, иначе Рамиро проклянет вас.

Из этого письма вы можете заключить, что находитесь в руках пишущего эти строки, которого вы знаете с той ночи, когда были похищены из Аранжуеса!»

Письмо было без подписи, но Евгения знала, кто его писал, кто осмеливался ей приказывать и угрожать! Это был Олимпио Агуадо, ему была известна тайна, связывающая ее с Рамиро де Теба! Она была в его руках!

Это было письмо, переданное Инессе Маргаритой.

Мучительный страх охватил Евгению, пальцы ее судорожно комкали письмо, капли пота выступили на лбу. Она стояла неподвижно, не произнесла ни звука, потом ею овладело бешенство — глаза ее гневно засверкали, лицо искажилось.

— Нет,— прошептала она,— ты не победишь меня, не так-то легко дамся я тебе в руки. Ты погибнешь, а не я, твоя злоба мне не страшна! Мы сведем с тобой счеты, мой благородный дон!

Императрица провела ночь в ужасном волнении в зале и совсем не входила в спальню.

Инесса догадалась, какое решение приняла императрица, когда утром к ней потребовали обер-камергера Бациоши.

Х

МАРГАРИТА БЕЛАНЖЕ

У бульвара Bohne Nouvelle, против Гаутвильской улицы, находилось огромное, великолепное здание, принадлежавшее прежде герцогу Амбаскаду. Когда он, разорившись, уехал в Америку, Флери купил очень дешево этот дом для императора, а тот подарил его Маргарите Беланже, которая ему очень нравилась.

Великолепный этот дом походил на один из тех храмов любви, что богатые аристократы устраивают для своих молодых жен или любовниц, чтобы провести в нем медовый месяц.

Здесь есть все, что услаждает чувства. Великолепные залы с дорогими картинами, зеркальными стенами и позолоченной мебелью, ротонды с мягкими диванами; цветочные залы, украшенные тропическими растениями, фонтанами и искусственными беседками; превосходно устроенные спальни, купальни и столовые; сараи с красивыми экипажами, конюшни с мраморными яслями, где стоят красивые благородные кони.

Эти здания, наподобие больших дворцов, разделены обыкновенно на несколько флигелей, которые, хотя и отделены друг от друга

коридорами, но в то же время и соединены между собой. Один из этих флигелей предназначен для хозяйки дома, другой — для приема гостей, третий для богатого или обремененного долгами владельца, ожидающего смерти или наследства старого скупого дяди.

Дворец герцога Амбаскада был силой навязан Маргарите после того, как она была найдена у сторожа железной дороги.

Подобный случай был редкостью в кругу знатных куртизанок, так как большая часть из них считает такой подарок доказательством любви, из которой они стараются извлечь все возможные выгоды.

Маргарита же не принадлежала к тем, счастливым или несчастливым, девушкам, которые своей красотой привлекают внимание знатных людей, и только ее расчетливая мать заставляла ее принимать драгоценные подарки.

Внимание государя не соблазнило ее, и она не покорилась ему, как и другим мужчинам, добивавшимся ее любви. Маргарита еще никогда не любила, она была невинна и чиста, как голубка.

Луи Наполеон только иногда проводил с нею вечера, не получая от своей недоступной жертвы того, к чему стремился. Но, может быть, именно эти вечера доставляли ему до сих пор неиспытанное удовольствие и прельщали его больше, чем хитрости расчетливых кокеток.

Маргарита могла похвастать тем, что она пленяла «темного человека» дольше, чем другие, чем даже прекрасная испанка, графиня Теба, которая сумела искусно привязать его к себе ровно на столько времени, на сколько это было необходимо, чтобы сделаться императрицей.

Однако и Маргарита в то время, когда Наполеон был занят планами, касающимися Мексики, была забыта, так что Бациоши решил воспользоваться ею для других целей. Он ввел в ее дом императорского чиновника Мараниона, который должен был жениться на ней.

В ту ночь, когда императрица получила письмо от Олимпии, были сделаны быстрые приготовления к этой свадьбе, которая и была совершена на следующее утро. Маргарита согласилась на этот брак, чтобы как-то изменить свое двусмысленное положение.

Маранион, виртуозно выполнявший до сих пор роль влюбленного, после свадьбы совершенно изменился.

Маргарита видела, что он был в постоянных сношениях с Бациоши, и что эти два человека собирались воспользоваться ею для каких-то тайных целей. От инфанты она узнала, что девушка, заточенная во флигеле ее дома, страдала невинно, и Маргарита с того времени тайно заботилась о ней, насколько возможно облегчая участь несчастной. От Мараниона она скрывала эти заботы, так как заметила, что он с какой-то непонятной ненавистью всячески старается заставить Долорес страдать еще больше.

Однажды Маранион после дружеского разговора с Бациоши явился в комнату, где находилась Маргарита.

— Знаешь ли ты,— сказал он, убедившись, что его супруга одна,— кому мы обязаны нашей счастливой жизнью? Теперь твоя очередь оказать услугу.

Маргарита, которую инфанта научила притворно соглашаться на все планы Бацциоши и Мараниона и потом как можно скорее передавать их ей, посмотрела вопросительно на своего мужа. Она чувствовала все больший страх перед этим злым и корыстолюбивым человеком.

— Говорите,— отвечала она коротко (она до сих пор не могла решиться говорить ему ты, несмотря на то, что Маранион обращался к ней только так).

— Ты должна оказать тайную услугу! Ты знаешь, где находится тюрьма?

Маргарита слушала; ее муж не подозревал, что она уже познакомилась с Олимпио через Инессу.

— Что же там такого? — спросила она.

— Ты завтра посетишь тюрьму, сторожа будут предупреждены о твоём приходе и проведут тебя в одну из камер. Запомни все, что я тебе говорю! В этой камере находится человек, не знакомый тебе, он изменил императору! Отнеси ему бутылку вина, которую я тебе здесь вручу, спрячь ее и не переменяй!

— Вино изменнику? — спросила Маргарита, начинавшая понимать тайну этого плана.

— Ты думаешь, он удивится, что незнакомая дама приносит ему этот подкрепительный напиток? Он не удивится и поверит тебе, когда ты скажешь, что вино прислала сеньора Долорес.

— Которая находится в этом доме?

— Конечно, ты должна выдать себя за ее подругу и сказать ему, что сеньора свободна, поняла?

— Если только дело заключается в этом, то можете быть уверены, что я прекрасно исполню эту роль.

— Не сомневаюсь в твоём искусстве. От тебя много зависит, и я буду тебе очень благодарен, если ты выполнишь мое поручение.

— Я все поняла — изменника хотят погубить! Все будет точно исполнено. Вы останетесь мною довольны.

Лицо Мараниона выразило удовольствие, когда жена согласилась оказать эту услугу.

— Не поменяй эту бутылку нечаянно с другой,— предостерегающе сказал он,— это не принесет тебе пользы. Чтобы убедиться, что ты не подменила вино, я велю исследовать остаток.

Маранион вышел из комнаты, уверенный, что Маргарита исполнит его поручение. Он хотел наблюдать за ней из коридора тюрьмы.

Почему же он заставил ее отнести вино? Почему не сам отнес ее заключенному? — думала Маргарита рассматривая бутылку.

Ее размышления были прерваны тихим стуком, и она поспешила отворить высокую дверь комнаты.

Перед нею стояла инфанта Инесса.

— Небо посылает вас ко мне в такой поздний час! — сказала Маргарита.— Но что если бы вас увидал Маранион?..

— Несколько минут назад он вышел из дому,— отвечала Инесса, входя.— Что случилось, он дал вам поручение?

— Вы уже все знаете!

— Я предчувствовала. Это поручение касается Олимпио?

— Точно так, милостивая государыня.

— А это вино для чего?

— Я должна отнести его благородному дону.

— Я уверена, что оно отравлено.

— Маранион, наверно, хочет удостовериться, отнесу ли я дону Олимпио бутылку и выпьет ли он именно это вино.

— Исполните поручение, но предупредите Олимпио о том, что находится в этой бутылке.

— Я это сделаю. О милосердный Бог, в каких руках я нахожусь!

— Соглашайтесь на все, таким образом вы можете оказывать неосценимые благодеяния, Маргарита! Скажите дону Олимпио, пусть употребит все старания, чтобы выйти из тюрьмы. Без сомнения, сделают новую попытку умертвить его, увидев, что яд не подействовал.

— Я очень хочу помочь его бегству, но как это исполнить?

— Это могло бы выдать вас. Мы можем только предостеречь Олимпио, все остальное нужно предоставить ему. Я пришла сюда, чтобы повидать Долорес.

— Я провожу вас к ней.

— Не говорите ей ничего о покушении на жизнь ее возлюбленного, этим вы только увеличите ее страдания. Можно ли с ней поговорить?

— Я думаю! Но мы не сможем попасть в ее комнату, так как даже ночью две прислужницы охраняют вход. Вам придется удовольствоваться разговором с ней через одну из запертых дверей, к которой мы пройдем по заднему коридору.

— Проводите меня, Маргарита,— попросила инфанта.

Они направились в коридор, проходящий через заднее здание к флигелю, где помещалась Долорес.

Хотя было уже поздно, заключенная еще не спала. Она не решалась прикоснуться к подушкам, боясь, чтобы ее не застали врасплох. Ведь она была в руках своих врагов. Разлученная с Олимпио, мучаясь постоянными опасениями за его жизнь, Долорес потеряла всякую надежду на более радостную будущность.

Были минуты, когда эта многострадальная девушка окончательно падала духом, когда ее любовь и вера уже не могли поддержать ее. В такие мгновения ей опять представлялся образ Олимпио, его любящий взгляд и нежные речи. Она слышала его слова:

— Будь мужественна, моя любимая, мы победим, не сомневайся. Для нас настанет лучшее время, и тогда я вознагражу тебя за все эти муки. Надейся на Бога и на нашу любовь!

Но действительность заставляла забывать эти прекрасные мечты. Хотя Долорес была окружена роскошью, она видела перед собой только тюрьму, где должна была безнадежно томиться.

Точно так же сидела она и в этот вечер, проливая слезы, в комнате, двери которой день и ночь охранялись.

Вдруг у одной из запертых дверей послышался тихий звук. Она прислушивалась: кто мог подойти так поздно к этой двери? Прислуга была в передней.

Что должна была она чувствовать — страх или радость?

В это время в дверь очень тихо постучались, и в коридоре чей-то голос едва слышно назвал ее по имени.

— Это Инесса,— проговорила Долорес и тихо подошла к двери.— Это вы, добрая душа, хотите облегчить мое заключение? — спросила она.

— Долорес, вы одна? — спросил голос инфанты.

— О какое счастье,— отвечала Долорес шепотом,— мы можем свободно поговорить, за нами никто не наблюдает и не подслушивает. Лишь бы только Эндемо не явился внезапно.

— Эндемо ваш враг? — спросила с удивлением Инесса.

— Разве вы не знаете? — отвечала Долорес.— Ведь я нахожусь в его власти.

Инфанта с ужасом посмотрела на Маргариту, не решаясь высказать то, что думала. Ей показалось, что Долорес сошла с ума, что было неудивительно после всех ее бесконечных мучений.

— Ради Бога,— проговорила она, наконец,— что вы говорите?

— Маранион и Эндемо — один и тот же человек,— отвечала тихо Долорес.

Инесса и Маргарита обменялись взглядами.

— Теперь мне все ясно,— прошептала инфанта.— Бациоши пользуется им для своих целей, им и вами, бедная Маргарита. Не отчаивайся, моя бедная Долорес, два человека заботятся и охраняют тебя. Тебе и Олимпио никто не посмеет причинить зло — ложись на меня.

— Я сделаю это с удовольствием, я знаю, что вы мой искренний друг,— отвечала Долорес.

— Маранион и Эндемо — одно лицо,— повторила Инесса, точно не могла этому поверить.— Будь тверда и мужественна, Долорес! Небо заступится за тебя! Грех не может торжествовать, иначе нет Бога и правды на земле! Я с тобою и буду бороться за тебя, и мы победим, потому что наше дело чисто и свято.

— Примите и меня в число сообщниц,— сказала Маргарита, воодушевленная словами инфанты.

— Прекрасно, сообщники нужны, чтобы дело было более безопасно! Начало положено именно тем, что вы стараетесь препятствовать преступным планам.

— Да поможет вам небо!

XI

ТЮРЬМА

Западная часть большого острова Ситэ на Сене, на противоположной стороне которого находится собор Парижской Богоматери, занята многочисленными домами. Среди них возвышается дом министерства юстиции, южнее — полицейская префектура, а севернее, возле самой Сены, находится тюрьма.

Старые стены и мрачные угрюмые башни этого страшного здания отражаются в воде.

За этими каменными стенами с незапамятных времен сидели большей частью политические преступники до тех пор, пока не всходили на эшафот; сюда была привезена и несчастная королева Мария Антуанетта, прежде чем пала от руки палача. Комната, где томилась достойная сожаления супруга короля Людовика XVI до своей казни, была обращена теперь в ризницу тюремной капеллы.

Стены с большими окнами внизу и маленькими наверху возвышались над самыми берегами Сены.

Перед входами этого огромного старого здания днем и ночью ходили взад и вперед часовые с заряженными ружьями. В нижнем этаже находились судебные комнаты, и некоторые из них с северной стороны выходили на Сену. Наверху же были камеры преступников, совершенно отделенные от нижних комнат и постоянно надежно охраняемые.

Если бы эти мрачные стены внезапно обрели дар речи, они могли бы дополнить историю Франции и рассказать о многих из тех исчезнувших без следа, кто был во время царствования Луи Наполеона привезен сюда и не вернулся обратно.

Олимпио и маркиз, обвиняемые в участии в заговоре Орсини, были заключены в отдельные камеры, находившиеся на третьем этаже тюрьмы. С такой высоты нечего было и думать о бегстве, поэтому маленькие окна не были даже заделаны решеткой.

Складная кровать с тонким одеялом, пара стульев, стол, распятие и маленький камин составляли всю обстановку этих совершенно одинаковых камер.

Олимпио не имел ни малейшей возможности войти в какие-либо сношения с маркизом, так как сторожа здесь строго исполняли свои обязанности.

Несмотря на это, ему удалось приобрести расположение одного из них, после того как инфанта Барселоны нашла к нему доступ и принесла давно ожидаемые известия об участии Долорес.

Этот сторож, бедный человек, имевший троих детей и получавший маленькое жалование, согласился за большое вознаграждение принести Олимпио чернила и перо и передал два письма, написанные им Маргарите Беланже. Эта оказанная заключенному услуга могла не только стоить ему должности, но доставить место в Алжире.

Одно из писем предназначалось императрице, и мы увидим его...

действие; другое было адресовано Долорес, и Маргарита передала ей его в щель двери.

Олимпио ожидал, что его или освободят в один из следующих дней, или погубят. У него отобрали бриллиантовый крест, и он знал, что Евгения его получила, как знал также действие, которое он произволил на императрицу.

Проклятие срывалось с его губ, когда он вспоминал о Тюильри. Он предвидел ужасную судьбу, которая должна была постигнуть лицемерную женщину, думавшую о мести в то время, как ее уста произносили молитву.

— Вы стоите над бездной,— размышлял он в своей жалкой келье,— вы сами роете себе могилу, и гибель ваша неизбежна. Не я хочу мстить, моя рука не будет запачкана вашей кровью, клянусь в этом; вы сами будете себе судьями. Горе вам, когда настанет этот час — он превзойдет все, что вы приготовили другим! Но, кажется, звенят ключи, это, должно быть, смотритель.

Дверь отперли, и Олимпио увидел на пороге молодую, не знакомую ему даму.

В первую минуту он, не разглядев в полумраке, решил, что это инфанта, но когда незнакомка вошла в камеру, и смотритель запер за нею дверь, он увидел, что не знает этой женщины.

— Мы должны скорей переговорить о деле, дон Агуадо,— сказала она вполголоса, убедившись, что смотритель вышел из комнаты,— меня зовут Маргарита Беланже.

Олимпио протянул ей руку.

— Очень рад с вами познакомиться, сударыня, я вижу вас впервые, но знаю вас уже давно! Примите мою благодарность за все, что вы делаете для моей Долорес и для меня.

— Я не принимаю благодарности, дон Агуадо, так как все, что я делала, слишком ничтожно! Вы думаете, возможно, что я принесла вам средство к бегству, а между тем у меня поручение, угрожающее вашей жизни: вот это вино должна я вам передать с ложным известием, что его прислала Долорес. Оно отравлено, не пейте его, но вылейте так, чтобы подумали, что вы его выпили! Вас поклялись умертвить и потому будьте осторожны.

Олимпио улыбнулся, видя страх и волнение Маргариты.

— Я знал наперед, что мне угрожает гибель,— сказал он совершенно спокойно.

— Вы знали?

— Я не знал только, что они будут так низки, что пришлют подобный подарок от имени моей возлюбленной и воспользуются для этого вами!

— Дон Агуадо, никто не знает, что я предостерегла вас.

— А Долорес?

— Не бойтесь, я охраняю и защищаю ее, насколько это возможно, чтобы не выдать себя.

— Благодарю вас от всей души,— воскликнул Олимпио.

— За нами наблюдают, я не смею дольше говорить с вами, не подавайте мне руки, это тоже могут увидеть! Я не могу сегодня спо-

собствовать вашему бегству, но скоро, скоро вы выйдете отсюда, если только, несмотря на мое предостережение, но помните, что вы все равно подвергаетесь опасности быть отравленным, приготовят вам в другом виде, если вино не подействует.

— Посылают ли такие любезные подарки и маркизу де Монтолону? — спросил Олимпио.

— Я не знаю, мое поручение касается только вас, дон Агуадо! До свидания. Да сохранит вас небо и ускорит ваше свидание с Долорес!

— Поверьте, благородное существо, я никогда не забуду услуги, которую вы оказали мне сегодня. Я и Долорес будем до гроба благодарны вам.

Маргарита поставила вино на стол и направилась к двери.

Когда зритель отпер, Олимпио, смотревшему ей вслед, показалось, что в тени коридора стоит фигура, заставившая его содрогнуться, представился образ Эндемо.

Дверь заперли.

— Глупости, — пробормотал Олимпио и улыбнулся, — может быть, черт предстал передо мной, чтобы появление этого ангела показалось еще прекраснее.

Он подошел к столу и схватил бутылку.

— Благодарю тебя, Евгения, за любовный напиток! Интересно, кто его приготовил, неужели ты сама? Нет, для этого ты слишком малодушна. Ты, верно, велела кому-нибудь составить жидкость. Благодарю тебя за добрые намерения! Я не хочу лишать тебя удовольствия верить, что твой напиток подействовал. Какую радость почувствовала бы ты, когда тебе доложили бы: дон Агуадо выпил вино и умер! Я вижу, как наяву, торжествующую улыбку на твоих губах. Должно быть, очень приятно виноватому мысль, что он заставил молчать того, кто знает больше, чем ему бы хотелось! Ты встретила Рамиро де Теба в Тюильри, и он еще не знает своей матери, которая должна была отречься от него! Бойся меня, Евгения, я сдержу свое обещание! Ты преклонишься передо мною и погибнешь, в то время как желаешь гибели мне.

Но я хочу продлить твоё ожидание и этим увеличить твоё удовольствие! Завтра или послезавтра тебя еще не известят, что узник осушил бутылку. А потом и приготовлю тебе зрелище, которое вознаградит тебя за долгое ожидание.

Ты думаешь, что можешь меня уничтожить, но я вижу тебя насквозь и ты в моих руках! Я отниму у тебя роковой бриллиантовый крест, и тебе покажется, что ты видишь привидение.

Помни, счеты мои с тобой еще не сведены, мы еще увидимся и не один раз, и я не скрываю от себя, что хочу, чтобы ты в прахе лежала передо мною, гордая и честолюбивая испанка, я покажу тебе, что есть кое-что сильнее твоего призрачного могущества!

Во время этого грозного монолога Олимпио отнюдь не был похож на узника тюрьмы, из которой нет пути к свободе, казалось, для него не существует препятствий, и все дороги перед ним открыты.

Начало смеркаться, Олимпио в раздумье сидел на кровати. Бутылка с вином стояла на столе.

Вскоре явился сторож, принес заключенному ужин и зажег лампу, висевшую посреди потолка. Он, видимо, знал, что дону принесли бутылку вина.

— Эй, да вы еще не попробовали его,— проговорил он с удивлением, держа свой фонарь у бутылки и видя, что она еще полна.

— Хотите выпить? — с улыбкой спросил Олимпио.

— У кого полдюжины детей, тот не может угощаться вином, мой благородный дон,— отвечал сторож.

— Из этой бутылки я не могу угостить вас, я должен сам ее выпить! Не правда ли, какой я эгоист? Видите ли, я и сам не решаюсь попробовать это вино, сегодня я только люблюсь им, чтобы доставить себе удовольствие, завтра же буду наслаждаться, как ребенок, которому подарили новую игрушку!

— Когда же вы будете пить?

— Когда не смогу более выдержать и терпение мое истощится,— отвечал Олимпио двусмысленно, но сторож поверил ему.

— Странный вы господин,— проговорил он, качая головой.

— У вас шестеро детей? — спросил Олимпио.

— Да, сударь, шесть и мы ожидаем седьмого. Придется жить впроголодь.

— Если бы я отсчитал на каждого вашего ребенка по тысяче франков, любезный, доставили бы вы мне для этого случай?

— Вы согласны, милостивый государь, что для этого вы должны быть свободны?

— Да. И потому?

— Я скажу вам на это: оставьте себе ваши деньги! Освободить вас я не могу, мой господин, если бы даже я и открыл вам двери камеры, то и это не помогло бы, так как мы оба не сможем выйти отсюда! Не могу ли я оказать вам другую услугу?

— Принесите мне еще раз перо и листок бумаги.

— С удовольствием,— сказал сторож, и вскоре вернулся, принося требуемое.

Олимпио написал что-то на одном листе.

— Умеете ли вы читать? — спросил он.

— Наверное я разберу ваш почерк, вы пишете большие буквы, которые как раз соответствуют нашим чинам.

— Возьмите и прочтите, я дарю вам эту записку.

Сторож, не подозревая о ее содержании, взял листок в руки и, поднеся его к фонарю, прочел:

«Господин Мирес, прошу выдать подателю сего семь тысяч франков. Олимпио Агуадо».

— Что это значит? — спросил сторож, глядя на листок.

— Я не могу дать вам вина, и потому по моей записке банкир Мирес должен отсчитать вам семь тысяч франков.

— И я могу оставить их себе?

— Это вашим шестерым детям и седьмому, которого вы ожидаете.

— О Царь небесный,— воскликнул сторож, и слезы радости брызнули из его глаз.— Не шутите ли вы со мной, благородный господин?

— Нет, нет, любезный! Вы мне ничего не должны за это, и я не подвергну вас опасности. Я хотел только облегчить вашу жизнь и ваше будущее. Однако вы, кажется, собираетесь стать на колени? Не делайте этого, только перед Богом становятся на колени, а я ваш пленный.

— Вы не знаете, благородный господин, какую услугу оказали бедному человеку,— слезы благодарности текли по лицу сторожа.

Олимпио смотрел на него и радовался, что ему хоть раз в жизни удалось осчастливить человека.

ХИ

ПАСТОРАЛЬ И ТРАГЕДИЯ В ФОНТЕНБЛО

Двор на время удалился в огромный старый замок Фонтенбло, с залами и галереями которого связано немало исторических событий.

Здесь Наполеон I развелся с Жозефиной, а впоследствии прощался со своей гвардией; здесь заключены были папа Пий VI и король Карл IV Испанский; здесь же Наполеон I подписал свое отречение от престола.

За дворцом находился английский сад, красивый, тенистый, с виноградными беседками и темными аллеями.

Евгения любила изредка собирать в Фонтенбло большое или маленькое общество. Она развлекалась здесь спектаклями и представлениями, исполняемыми веселыми членами двора.

Сам Наполеон не прочь был посмотреть на нескромную игру придворных дам, между которыми первое место в этом отношении занимала графиня Меттерних, известная своей развязностью и остроумием.

В тот вечер, о котором мы намерены рассказать, в высоких, украшенных великолепными картинами залах собралось множество гостей императорской семьи.

Это было блестящее общество, в котором дамы и мужчины щеголяли друг перед другом блеском и роскошью.

Тут были принцесса Матильда, герцогиня Конти, графиня Эслинген, граф Меттерних, принц Наполеон, граф Таше де ла Пожери, министры, посланники и генералы, но не было видно герцогини Бассано, графини Меттерних, маркизы Фульез, Флери, Мак-Магона, Клапареда и других блестящих знаменитостей двора.

Гости таинственно передавали друг другу, что в этот вечер для императорской четы приготовлен необыкновенно веселый сюрприз.

Ослепительно освещенные роскошными люстрами залы заполнялись гостями. Шелк шумел по паркету, драгоценные камни и орден

соперничали своим блеском со светом бесчисленных канделябров. Гости хотели, казалось, перещеголять друг друга великолепием своих нарядов.

Скоро в залу вошли император и императрица.

Наполеон, как всегда, был одет в простой штатский фрак с орденской лентой через плечо, Евгения же, задавшаяся целью затмить всех роскошью своего туалета, была в усеянном бриллиантами зеленом атласном платье и прозрачной кружевной мантилье, которая открывала ее пышные формы; светлые волосы были украшены не-большой диадемой из бриллиантов и изумрудов.

Свобода и непринужденность, поощряемые Евгенией, были стилем праздников в Фонтенбло. Гости шутили, болтали, смеялись и острили; мужчины восхищались туалетами дам, их маленькими ножками и красивыми ручками и, не стесняясь, произносили вслух свои замечания.

Ирония, осмеяние всего разумного, внешний блеск и внутренняя пустота были в моде в высшем кругу общества, где нравственность и скромность назывались глупостью.

Евгения, переговорив с графиней Эслинген, подошла к Меттерниху, чтобы выслушать обращенные к ней хвалы и комплименты. Красота и рассчитанный туалет прекрасной супруги Луи Наполеона ослепляли и как будто с вызовом говорили обществу: «Посмотрите и сознайтесь, что время не властно надо мной, я по-прежнему затмеваю всех, никто не может пройти мимо меня без восторга и удивления!»

К ним приблизился граф Таше де ла Пожери, по виду которого Евгения поняла, что он хочет что-то сообщить ей. Быстро закончив свой разговор с Меттернихом, она обернулась к своему обер-церемониймейстеру.

— Вы хотите говорить со мной, господин граф?

— Прошу вас, государыня, уделить мне несколько минут и выслушать весьма важную новость,— проговорил тот, кланяясь с весьма таинственным видом.

— Говорите, господин граф.

— Директор тюрьмы только что сообщил мне об одном странном случае, который еще не успел объяснить,— тихо сказал обер-церемониймейстер.

Евгения взглянула на находящиеся поблизости придворных, и те быстро удалились.

— Что случилось? — спросила она также тихо.

— Сегодня утром в комнате донна Агуадо найдена почти пустая бутылка вина, и есть признаки того, что с генералом в эту ночь, вероятно, случилось несчастье.

— Далее!

— Действие вина было необыкновенно сильно: похоже, что у генерала припадок сумасшествия.

— Из чего же это заключили?

— Возле окна найдены следы крови и клочья одежды.

— А сам генерал?..

— В припадке безумия, по-видимому, выбросился из окна! Стена проломана, комната пуста!

— Отыскали ли труп несчастного? — произнесла Евгения с участием, между тем как в душе она торжествовала.

— Он упал в Сену и исчез в ней без следа.

— Ужасное происшествие! Позаботьтесь, пожалуйста, господин граф, чтобы о нем не узнали мои гости, это может испортить их веселое настроение.

Тем заключила Евгения свой разговор с обер-церемониймейстером, который не подозревал, какую радость доставил этой новостью своей государыне.

Евгения вздохнула свободно — она избавилась от того, кто осмелился угрожать ей.

Взгляд ее невольно упал на Рамиро де Теба, стоявшего рядом с испанским посланником Олозаго. В этой группе находились также посланник Англии и маршал Прим. Наполеон разговаривал с маршалом и некотормы из своих генералов. Готовился поход в Мексику, и император старался привлечь на свою сторону Испанию и Англию, чтобы затем одному воспользоваться блестящим результатом войны. Почти все необходимые приготовления были сделаны, и Наполеон, обращаясь к стоявшему рядом с ним префекту Гаусману, смеясь, заметил, что все новые улицы и площади Парижа он назовет именами предполагаемых побед.

В то время как Евгения с волнением следила за молодым графом Рамиро, посреди залы появились четыре восхитительные пары; казалось, что они намеревались танцевать кадрили. Однако манеры и костюмы танцоров и танцовщиц вовсе не соответствовали этому танцу. Дамы с обнаженными плечами изображали аркадских пастушек, их короткие юбочки открывали прелестные ножки, головы украшали маленькие шляпки. Мужчины, затянутые в трико, были пастухами и отличались необыкновенной гибкостью.

Взоры присутствующих обратились на прелестные пары, все восхищались их фигурами, из которых одна была красивее другой. С галереи раздались звуки того страстного танца, который так характерно изображают парижане; нескромные костюмы делали его еще более чувственным. Несмотря на то, что танцоры были в полумасках, имена каждой пары были известны. Герцогиня Бассано танцевала с Флери, граф Клаперед — с одной княгиней, графиня д'Э — с генералом Кастельно и молодой богатый маршал Мак-Магон — с маркизой де Фульез.

Канкан был исполнен превосходно, с таким огнем и пафосом, что танцоры заслужили всеобщее одобрение. Юбочки взлетали, маленькие ножки то выдвигали замысловатые па на полу, то поднимались в воздух, плечи пастушек сверкали, губы пылали и улыбались под маленькими масками, кавалеры становились на колени и, подобно дамам, делали ловкие и весьма откровенные скачки. Это был опьяняющий чувства, зажигательный танец, становившийся с каждой минутой все отчаяннее и смелее. Довольные зрители улыбались и шептали:

— О, Аркадия, это настоящий рай, если там действительно такие пастухи и пастушки!

Даже Наполеон с удовольствием следил за порхающими парами, а Евгения тихо призналась княгине Меттерних, что сюрприз этот доставил ей большое удовольствие.

Убить человека и в то же время наслаждаться канканом — не это ли доказательство величайшей безнравственности и развращенности?

Инфанта Барселонская была права, жалея о времени, когда она избегала людей, теперь она еще больше презирала их.

Когда танец кончился и пастушки, подобно красивым пестрым бабочкам, вместе с кавалерами улетели из зала, все сожалели, что этот вечер более не повторится. Он доставил удовольствие всем, в особенности же дамам, которым неудобно было посещать балы в *Mabille* и *Grand opera*, где подобные танцы исполнялись профессионалами.

Канкан в Фонтенбло! Да это такая остроумная, великолепная мысль, что все пришли в восторг и надеялись на скорое повторение танца. Изобретательницу этого номера называли гением и, распивая шампанское, острили по поводу костюмов и нескромных поз пастухов и пастушек.

Княгиня Меттерних приготовила еще один сюрприз, стоивший ей много труда и денег, но могущий доставить неисчерпаемое удовольствие хозяевам.

Красивая, развязная дама, заслужившая симпатию Евгении своей веселостью, могла позволить себе то, на что другие гости не осмелились бы или не согласились.

В это время в Париже появилась знаменитая певица, пользовавшаяся таким успехом, что слава ее распространилась за границы Франции. Ее песни и характерные жесты как нельзя более подходили к духу времени. Можно сказать, то она воспевала канкан. Ее выступления собирали множество зрителей разных сословий, которые осыпали ее громкими похвалами.

Думая доставить удовольствие двору и приятно удивить всех, княгиня Меттерних за щедрое вознаграждение взяла у певицы несколько уроков и приготовила к празднику песню.

Наступил этот вечер. Дамы заняли места на стульях, расставленных вдоль стен, за ними поместились мужчины. Лакеи беспрестанно подносили гостям шампанское на золотых подносах, фрукты и лакомства.

Евгения сидела в украшенном короной кресле на возвышении, откуда виден был соседний зал, где беседовали несколько придворных. В одном из его углов Наполеон разговаривал с посланниками. Непринужденная веселость, усиленная приличной дозой шампанского, все более овладевала гостями, они болтали, смеялись, отдавались минутному удовольствию. Вдруг посреди комнаты появилась очаровательная княгиня в роскошном костюме.

Мгновенно все вокруг умолкло, глаза всех обратились на прелестную Евгению.

Императрица бросила благосклонный взгляд на певицу, но в это время в соседней зале послышался какой-то шум. Не понимая его причины, Евгения быстро посмотрела туда, гости же, занятые певицей, не обратили на него внимания.

Евгенией овладело невольное беспокойство; окинув соседнюю комнату внимательным взглядом, она едва не вскрикнула от страха: знакомая фигура поразила ее. Это был ужасающий контраст со всеобщей веселостью! Но нет, она ошиблась, обманулась! Она видела, как Бациоши подошел к незнакомцу и несколько камергеров окружили его. Это сходство!.. Евгения страшно побледнела, сердце ее замерло — загорелое лицо, большие черные глаза, осанка — все напоминало ей принца Камерату.

Но каким образом мог он, осужденный на «сухую гильотину», явиться на праздник в Фонтенбло?

К трепещущей императрице приблизился Бациоши; она пристально посмотрела на него, даже он был бледен. Из соседней комнаты доносились громкие голоса, призванные агенты полиции окружили незнакомца. Пение продолжалось, но гости уже заметили смятение.

— Явился принц Камерата,— прошептал Бациоши, наклоняясь к императрице, и в то же время портьеры, разделяющие обе комнаты, быстро опустились.

— Невозможно, вы ошиблись! — прошептала Евгения.

— Это он, и необходимо прибегнуть к насилию!

— Спешите, употребите все средства, я беру на себя ответственность,— произнесла Евгения глухим голосом.

Бациоши быстро вернулся в соседнюю комнату. Смятение в ней усилилось, слышались громкие голоса, затем подавленный, но раздирающий душу крик. Гости бросились к портьеру, стали расспрашивать, мужчины хотели проникнуть в комнату, но Бациоши загородил им дорогу.

Мелодия прервалась и тотчас же по знаку обер-камергера загремели барабаны и раздалась духовая музыка, заглушившая шум и смятение. В зал вошла инфанта и быстро приблизилась к Евгении.

— Принц Камерата,— прошептала она,— о, это ужасно, весь ковер в соседней комнате забрызган кровью!

Императрица гордо и медленно поднялась со своего места, язвительная улыбка быстро мелькнула на ее лице. Все смотрели на нее, и ее хладнокровие окончательно успокоило гостей. Они продолжали весело болтать, как будто ничего не случилось.

В соседней же комнате только что разыгралась трагическая сцена.

Принц Камерата, которому удалось пробраться в Фонтенбло, чтобы увидеть Евгению, был окружен со всех сторон. Агенты Лагранж и Маранион угрожали ему оружием, он хотел защищаться, но тут опустилась портьера, и по знаку Бациоши оба агента пронзили принца своими шпагами. Он был убит посреди всеобщего веселья в зале Фонтенбло. Предсмертный крик, вырвавшийся из груди несчастного юноши, кровь, брызнувшая из раны,— и вот уже труп убитого вы-

несли в отдаленный кабинет, а быстро сбежавшиеся лакеи по приказанию Бациоши, вынесли окровавленный ковер.

В соседнем зале в это время раздавались звуки музыки, слышались шутки и остроты...

Такова была пастораль в Фонтенбло, таков был конец одного из возлюбленных королевы.

ХІІІ

РАМИРО ДЕ ТЕБА

Мы оставили принца с Жуаном в то время, как они боролись с морскими волнами и, казалось, потеряли всякую надежду на спасение. Бегство с острова удалось им как нельзя лучше, и тем не менее смерть подстерегала их. Небо прояснилось, но ветер по-прежнему гнал огромные, пенящиеся валы, и море как будто хотело показать свою силу и могущество человеку, вся храбрость и энергия которого были так неоспоримо слабы в борьбе с ним.

Когда маленькое суденышко наших беглецов опрокинулось и они были накрыты гигантской волной, принц и Жуан не потеряли присутствия духа. Вынырнув, они ухватились за обломки лодки, которые неслись вперед, увлекая за собой свои жертвы. Уцепившись руками за показавшийся из воды руль, они то поднимались на водяные горы, то снова погружались в темную бездну. Они погружались в темную бездну. Они понимали, что рано или поздно силы изменят им, набегающие волны оторвут их от руля, или даже самый руль от остатков лодки.

И все-таки, напрягая все силы в борьбе с разъяренными волнами, не зная, куда эти волны прибьют их, они не теряли последней надежды.

А ночь длилась бесконечно, и силы их иссякали... Наконец, на востоке показались первые лучи зари. Разорванные облака неслись по небу, волны стихли; казалось, что и море истощило свои силы. Теперь, в успокаивающейся воде, руки беглецов стали дольше оставаться на поверхности, но все члены их дрожали от напряжения, на лицах написано было отчаяние.

— Я не в силах держаться более,— проговорил Жуан. Он был еще юн, и мускулы его недостаточно крепки.— Еще минута, и я выпущу руль...

— Ради всего святого, потерпи еще! Уже светло и буря стихла.

— Руки мои окоченели и затекли! Прощайте, мой дорогой принц.

— Я умру вместе с тобой, Жуан, ведь ты пожертвовал для меня своей жизнью,— вскричал Камерата,— но приложим последние усилия, чтобы спастись! Смотри, волны уже не захлестывают нас, и обломки лодки плывут по поверхности. Постарайся взобраться на киль, я помогу тебе, а потом взберусь и сам. Тогда у нас будет больше надежды на спасение, и мы увидим, по крайней мере, нет ли поблизости какого-нибудь клочка суши.

В лучах рассвета, разгоравшегося все ярче, стали лучше видны обломки лодки.

Жуан, собрав последние силы, с помощью Камераты взобрался на сохранившийся киль лодки и сел на него, едва переводя дух от усталости и напряжения.

— Благодарю тебя Пресвятая Богородица,— вскричал Камерата, видя своего спасителя наверху.

С меньшим трудом взобрался на киль и Камерата, откуда Жуан уже протягивал ему руку.

Таким образом, оба друга, сидя теперь на обломках лодки и крепко держась за них, чтобы не соскользнуть в воду, могли оглянуться вокруг.

Солнце уже взошло и осветило беспредельную морскую гладь. Не было видно ни малейшего следа земли — вода и небо сливались на горизонте. Ждать помощи было неоткуда.

— Всюду пусто! — проговорил Камерата, и слова эти прозвучали как смертный приговор.

— По крайней мере, мы спаслись от солдат. Если бы они поймали нас, не миновать бы нам цепей и заключения в такое место, которое в тысячу раз хуже Чертова острова!

— Твоя правда, дорогой Жуан, лучше погибнуть в волнах, чем мучиться в болотах Гвианы. Но почему должен жертвовать жизнью ты, которому ничто не угрожало?

— Принц, если вы меня любите и уважаете, не говорите так. Никакая опасность не страшит меня, если бы только я мог помочь вам.

Солнце совершало свой путь по небу, обломки лодки колыхались на золотистых волнах и неслись по бесконечной водной пустыне, и ничто не нарушало ее однообразия, ни паруса, ни дыма не было видно на горизонте, ни одного луча надежды на спасение!

День уже клонился к вечеру. Голод и жажда мучили несчастных, а впереди снова была ночь — длинная, безнадежная ночь.

Отчаяние, овладевавшее беглецами, усиливалось по мере того как темнело. Должны ли они умереть с голоду или лучше броситься в море, которое еще так недавно едва не поглотило их?

Молча смотрели они то на спокойную уже поверхность моря, то на звездное южное небо.

В глубине души они уже решили броситься в волны, и этим прекратить свои мучения.

Наступившее утро снова ободрило их; они решили дожидаться следующей ночи, и если не явится к ним помощь, броситься в море. Так трудно расстаться с жизнью, и человек всеми силами старается отдалить этот момент.

Жуан и Камерата, ослабевшие от голода и жажды, с отчаянием всматривались в темнеющую даль, все еще надеясь, что там мелькнет луч надежды.

— Жуан,— проговорил Камерата, когда окончательно стемнело, и вечер не принес с собой ничего утешительного,— покончим наши мучения и простимся с жизнью!

— Я готов! — отвечал юноша. — Простимся и погибнем вместе!

— Дай мне твою руку, Жуан, чтобы я еще раз мог пожать ее! Наступает ночь, бороться мы не сможем больше. Прощай, Олимпио, прощай, Клод! Тщетно будете вы ждать нашего возвращения. Никто не известит вас о нашей смерти, но вы сами догадаетесь о ней, когда пройдут годы. Простим врагов наших, Жуан, — я хочу умереть без злости. Даже тебя, коварная, лицемерная Евгения, я прощаю за то, что ты предала меня в руки того презренного человека, погубившего меня. Проклятие не сорвется с губ моих! Если бы я живым вернулся в Париж, то не стал бы избегать тебя; напротив, я предстал бы пред тобой в ту минуту, когда предаешься удовольствиям, и заставил покраснеть за прошлое — теперь же пусть совесть напомнит тебе о моей гибели! Ты не сможешь заглушить ее молитвами и вакханалиями, тени твоих жертв последуют за тобой и к подножию креста, и в пышную залу, и к изголовью твоей постели. «Камерата», — вечно будет раздаваться в твоих ушах, ты услышишь это имя и в час той страшной бури, которая когда-нибудь погребет тебя. Итак, Жуан, в пучину!

Принц протянул своему товарищу руку, глубоко тронутый Жуан схватил ее, и они бросили последний взгляд на море, над которым уже расстилалась ночь. Но в ту минуту, когда они готовы были броситься в пучину, из груди Жуана вырвался радостный крик.

— Туда! Смотрите туда! Я вижу свет вдали на горизонте!

— Это звезда, милый мой Жуан.

— Нет, еще за минуту там было совершенно темно! Неужели, принц, радость помрачила ваши глаза, и вы не видите светлой точки? Это не звезда, это сигнальный огонь на мачте корабля!

— Он не спасет нас и пройдет мимо, ведь мы не можем подать ему знака.

— К чему лишать себя последней надежды! — сказал Жуан, не отводя глаз от блестящей точки. — Не будем отчаиваться, огонек растет, он приближается, и корабль может пройти так близко, что наш крик будет услышан. Сила и мужество как будто снова вернулись ко мне!

Камерата тоже стал следить за блестящей точкой и скоро должен был признать, что Жуан прав и что светящаяся звездочка действительно растет и приближается.

Но надежда на спасение была призрачна — в такой темноте, только при свете звезд очень трудно было разглядеть с корабля две маленькие фигуры на обломках лодки. Если бы судно приблизилось с наступлением утра, тогда совсем дело другое, но на это плоха была надежда, потому что светящаяся точка быстро двигалась по направлению к ним.

— Какое счастье, — воскликнул Жуан. — Это пароход!

Он весь светился радостью, как человек, стоящий над бездонной пропастью и вдруг увидевший тропинку, ведущую вниз и дающую ему надежду на спасение.

— Если бы можно было как-нибудь подать сигнал!

— У меня есть револьвер,— сказал Жуан, вынимая оружие из кармана,— но он вымок и, наверно, разрядился.

— Дай его сюда, может быть, солнце за эти дни и высушило порох. Жуан, ведь это действительно пароход, и он пройдет так близко, на нем могут заметить выстрел!

Оба друга уже видели темную массу парохода, дым его поднимался все выше и расстилался по усыпанному звездами небу.

— Мы спасены, спасены, само небо услышало наши молитвы и посылает нам помощь!

Беглецы уже слышали плеск воды от колес парохода.

Махая руками в воздухе, Жуан, балансируя на киле лодки, кричал что было сил; оба они, одушевленные новой надеждой, уже видели мачты корабля, трубу и капитанский мостик. Но крики Жуана не произвели ожидаемого действия, пароход продолжал свой путь.

Камерата поднял револьвер.

— Наступила решительная минута, или мы спасены, или найдем смерть в этих волнах,— и с этими словами принц спустил курок.

Револьвер не подвел — оглушительный выстрел прогремел над морем.

Принц и Жуан с лихорадочным нетерпением ожидали его последствия.

Сигнал о помощи был услышан на пароходe: колеса его стали работать медленнее, и с борта начали спускать лодку.

Безумная радость охватила наших беглецов. Они следили за тем, как лодка отделилась от корабля и стала приближаться к обломкам лодки, которым они тоже были обязаны своим спасением.

Потерпевших кораблекрушение, как считали на корабле, немедленно перевезли на борт. Это было торговое судно, направлявшееся из Рио-де-Жанейро в Кадикс. Капитан отвел их в каюту, велел принести вина и небольшое количество пищи и, когда друзья утолили жажду и голод, выслушал всю историю их мук и страданий.

— Спасение ваше нужно считать чудом,— сказал он.— Подумайте только, вы на 15 миль удалились от Кайенны и три дня продержались на обломках судна!

Жуан и Камерата бросились друг другу в объятия, горячо пожали руку капитану, благодаря его за спасение, и просили его взять их с собой в Кадикс.

— Не за что благодарить, господа,— отвечал капитан на их пылкую признательность.— Вы имеете дело с честным человеком, со старым морским волком, который всегда счастлив помочь. Благодарите одного Всевышнего, так неожиданно доставившего вам спасение. Теперь же укладывайтесь спать, а то вы не вынесете всего этого! Три дня на обломках! Это дело рук Божьих!

Неизъяснимое чувство счастья наполнило души беглецов, когда они успокоились после трехдневной пытки. Минуту спустя они спали, как убитые, «старый морской волк» был прав, сказав, что организм их необыкновенно силен и крепок.

Голод их не был полностью утолен, но осторожный капитан знал, что нельзя сразу досыта накормить три дня голодавших людей, и в первые дни им давали по несколько глотков вина и немного пищи. Благодаря этой умеренности силы друзей быстро восстановились, и уже на третий день они, хотя и были еще немного бледны, чувствовали себя совершенно здоровыми.

Когда пароход благополучно прибыл в Кадикс, Жуан и Камерата, еще раз поблагодарив капитана, простились с ним. Честный моряк отказался от награды и денег, которые принц взял в банкирской конторе города.

— Не за что,— повторил он свое любимое выражение,— или вы хотите оскорбить меня, господа? Это такая ничтожная с моей стороны услуга. Но советую вам в другой раз быть осторожнее, потому что корабль мой не всегда будет у вас под руками!

Он крепко пожал руки друзьям и пожелал им удачи.

Несколько дней спустя Жуан и Камерата оставили Кадикс и направились в Мадрид, а из него — во Францию. Путешествие это представляло немало трудностей, потому что у них не было с собой паспортов.

Перебравшись через границу, они медленно и осторожно стали двигаться по направлению к Парижу.

Близость французской столицы возбудила в них весьма различные чувства. Жуан был счастлив не только мыслью, что он спас принца, но также и возможностью скоро увидеть маркиза и дону Олимпио. Камерата был угрюм и серьезен, он решил явиться к Евгении, но ни словом не намекнул об этом Жуану.

Благополучно достигнув Парижа, они поспешили в отель маркиза Монтолона и узнали там о случившемся. Валентино рассказал о том, что произошло в соборе Парижской Богородицы, и прибавил, что оба друга заключены в тюрьму.

Услышав это, Камерата еще более утвердился в своем решении, но он ничем не выдал своих планов. Он позаботился только о том, чтобы Жуан поселился в отеле испанского посольства на улице д'Орси № 25. Сам он поселился в квартире, удобной для того, чтобы укрыться от преследований тайной полиции.

Жуан познакомился с молодым графом Рамиро де Теба, и скоро между юношами завязалась дружба, которая с каждым днем становилась теснее. Олозаго был доволен ими, тем более, что он от души любил не только Рамиро, но и Жуана.

Но несмотря на дружбу с Рамиро, Жуана страшно беспокоила неизвестность относительно принца, которого он напрасно разыскивал. Не подозревая о намерениях Камераты, он продолжал свои бесплодные поиски, в которых ему помогал и Рамиро.

Но принц исчез без следа.

На другой день после праздника в Фонтенбло Олозаго решил открыть своему сыну тайну его происхождения. Он считал юношу, не знавшего до сих пор имени своей матери, уже настолько взрослым, чтобы ничего более не скрывать от него. Он видел, что Евгения оказывает ему больше расположения, чем кому бы то ни было. Она

не только позволяла Рамиро быть с нею и целовать ее руку, но даже, пользуясь благоприятным обстоятельством, сделала ему подарок, бросивший свет на их близкие отношения.

Недалеко от Мадрида находились развалины замка де Теба, окруженные лесом и полями. Здесь жил один из предков Евгении, впавший в немилость короля. Замок его стал грудой камней, окрестности заросли дремучим лесом.

И вот по приказанию Евгении здесь был построен новый дворец, разбит великолепный парк, и все это перешло во владения молодого испанского офицера, который получил имя де Теба.

Олозаго не хотел долее оставлять сына в неведении и поздно вечером, когда они остались вдвоем в зале отеля, открыл ему все прошлое. Это было ему нелегко, но он не мог поступить иначе. Он был виноват перед сыном, которого бесконечно любил, и тот отвечал ему такой же любовью и никогда не расспрашивал о матери, заметив, что это вызывает у отца тягостные воспоминания.

Было время, когда Олозаго безумно любил Евгению, которая была тогда приближенной и любимой фрейлиной королевы Изабеллы. Он надеялся на ее верность и верил ей, так как она разделяла его горячую любовь.

— В то время я еще не посвятил себя дипломатии и был наставником молодой королевы,— рассказывал Олозаго сыну,— часто виделся с придворными дамами, из которых Евгения Монтихо произвела на меня сильнейшее впечатление. Она была молода и, казалось, разделяла мою симпатию. Что за чудное незабвенное время, озаренное первыми лучами любви, которая в конце концов поработила меня так, что я не мог думать ни о чем и ни о ком, кроме графини!

Как бы случайно, мы часто оставались наедине, сердца наши были полны страсти, мы наслаждались своей любовью, забывая обо всем на свете.

Это было в Аранжуесском парке. Мы встретились поздно вечером и вошли в одну из тех благоухающих беседок, где забывается внешний мир, слышится только пение соловья да слабый шелест листвы, освещенной волшебным лунным светом. Я признался ей в любви и должен был узнать, согласна ли она принадлежать мне навеки. Стоя перед ней на коленях и обнимая ее, я чувствовал, что любим, что она отвечает на мои поцелуи. Блаженство опьянило нас, и, позабыв весь мир, мы вполне отдались наслаждению.

Я не предвидел, что минута эта принесет нам разлуку, напротив, я был уверен, что мы никогда более не расстанемся.

Но мать Евгении сделалась необыкновенно резка со мной и старалась отдалить меня от нее. Я не был подходящим женихом для ее дочери, потому что не обладал высокими титулами, а она мечтала выдать ее за принца или, в крайнем случае, за герцога. Я не достиг тогда еще той высоты, на которой нахожусь теперь, еще не был влиятельным лицом и министром.

Госпожа Монтихо уехала из Аранжуеса и увезла дочь. А в скором времени родился ты, Рамиро.

Евгения передала мне тебя у развалин замка Теба, я еще и теперь слышу ее слова, сказанные при разлуке:

— Мы должны расстаться, дороги наши различны.

— И ты можешь забыть прошлое, изменить данной клятве? — вскричал я в страшном волнении. — Евгения, возможно ли, чтобы женщина забыла первую свою любовь?

— Я не в силах отвечать вам, вы требуете слишком многого, — проговорила твоя мать, — я никого не люблю, верьте мне, вы тоже старайтесь избегать этого чувства, потому что любовь преграждает дорогу ко всему высокому и честному.

Евгения передала мне тебя, Рамиро, и, поцеловав тебя в последний раз, сказала:

— Вот твой отец, Рамиро, о котором я так часто рассказывала тебе, люби и уважай его.

Потом она обернулась ко мне:

— Я расстаюсь с вами, вручаю вам его судьбу. Мою судьбу отдать вам мне не суждено, и если может утешить вас одно из моих убеждений, то вот оно: самые страстные желания человека никогда не осуществляются, вероятно, потому, чтобы напомнить нам, что мы простые смертные. Прощайте, будьте счастливы, дон Олозаго!

Твое раннее детство ты провел под присмотром одной дамы, которой я вверил твоё воспитание, сам же старался заглушить свою скорбь на поле битвы.

После долгих лет мы снова увиделись с твоей матерью в Париже. В это время она уже была супругой Наполеона.

— Императрица — моя мать?! — вскричал Рамиро, затаив дыхание, слушавший исповедь Олозаго.

— Все остальное тебе известно! Когда ты подрост, я поручил тебя старому Фрацко, жившему в замке Теба; впоследствии ты начал служить в войске. Только ты один был утешителем в горестной моей жизни, только в тебе сосредоточилась моя любовь. Ведь я нестерпимо страдал, Рамиро.

— Дорогой мой отец, — пылко вскричал молодой человек, бросаясь в объятия Олозаго.

— Теперь ты знаешь все, Рамиро, не проклинай меня, я и без того жестоко наказан.

— Я буду любить тебя, отец, еще горячее, — страстно проговорил юноша, — я постараюсь смягчить твою боль при воспоминаниях, и наша душевная связь с тобой станет еще крепче и неразрывнее.

Отец и сын до глубокой ночи просидели вместе, обмениваясь своими мыслями и находя в них утешение и поддержку, между ними не было больше тайны, сердца их были открыты друг другу. Рамиро выслушал и довольно легко перенес исповедь отца, потому что любил его и доверял ему безмерно.

Было уже далеко за полночь, когда они разошлись по своим комнатам, и каждый из них думал о прошлом. Олозаго одержал победу в самом тяжелом испытании — он нашел в себе силы видеть женой другого ту, которую любил безгранично.

Но Рамиро?..

Отчаянная борьба завязалась в его душе, и развязка ее наступила раньше, чем можно было ожидать.

На другой день после беседы с отцом в комнату его вошел Жуан с таким убитым видом, что Рамиро испугался.

— Совершенно неслыханное злодейство,— глухим, беззвучным голосом сказал он.

Рамиро схватил его за руку.

— Ты пугаешь меня! Что случилось?

— Принца Камерату убили!

— Убили, о ужас! Где и кто это сделал? Кому мы должны отомстить за его смерть?

— Ты был на празднике в Фонтенбло?

— Почему ты спрашиваешь?

— Не слыхал ли ты в боковой комнате неожиданного шума и смятения?

— Действительно там опустили портьеры и не позволили присутствующим удовлетворить свою любопытство.

— Так вот — в то время, как компания гостей смеялась и развлекалась, в этой комнате умертвили принца Камерату!

— Не может быть, тебя обманули! Кто мог совершить такое злодеяние?!

— Обер-камергер Бациоши по приказанию вероломной Евгении. Пролилась кровь праведника, а в соседней зале происходила вакханалия...

С широко раскрытыми глазами слушал Рамиро это известие, потом закрыл лицо руками и застонал.

— По приказанию Евгении,— прошептал он. Плечи его согнулись под тяжестью этой страшной новости, он должен был собрать все силы, чтобы удержаться на ногах.

— Точно так, Рамиро, она одна в этом виновата!

Молодой офицер зашатался, он дрожал, дыхание его прерывалось.

— Пресвятая Мадонна, что с тобой? — испуганно вскричал Жуан, подбегая к своему другу.

Рамиро не мог произнести ни слова, он страдал невыносимо, ведь Жуан не подозревал, то Евгения — его мать.

— Ничего, это пройдет... Эта самая мучительная минута моей жизни... — прошептал Рамиро. — Не спрашивай меня ни о чем. Известие это убивает меня! Не сердись на меня, Жуан, если я с тобой расстанусь, но будь по-прежнему моим другом.

— Я не тронусь с места, Рамиро, мне кажется, ты замышляешь что-то ужасное...

— Если от жизни нечего ждать, не лучше ли смерть? Тогда смотришь бесстрашнее в ее глаза.

— Самоубийство — величайшее из всех преступлений, скажи мне, неужели ты хочешь лишиться себя жизни? Неужели ты испугался?

— Ты не можешь понять, Жуан, хаоса чувств и мыслей в моей голове! Меня окружает гибель и проклятие! Женщина, по воле которой убит принц Камерата,— моя мать!

Страшная тишина наступила вслед за этими словами; только теперь понял Жуан всю боль и отчаяние, испытанное его другом.

— Иди, оставь меня одного! Расстанемся, Жуан, чтобы никогда больше не свидеться в этом мире. Эти страдания, это бесчестие — выше моих сил, забыть их я смогу только в могиле!

Глубоко тронутый, Жуан заключил в объятия своего друга.

— Будь тверд, — уговаривал он его. — Искать смерти, когда жизнь представляет мало веселого — мысль эта недостойна тебя, мой друг! Нет, смело встречать невзгоды — вот что должно быть нашей целью. Только собственная вина может привести нас в отчаяние, проступки же других мы обязаны сносить и искупать!

— Жуан, Жуан, твои слова возвращают мне силы.

— Смерть не может спасти нас, Рамиро, она только преграждает путь к спасению! Посмотри на природу, посмотри на небо и звезды, слушайся только одного голоса, голоса твоей совести! Борись и побеждай, Рамиро, это самая святая цель, и я выбрал ее для своей жизни!

— Да, Жуан, я тоже буду бороться и побеждать, но только не здесь, подальше от воспоминаний прошлого. Прощай, я вернусь в Испанию, и там, среди новых тревог и забот, мир вернется к моей душе.

— Расстанемся, Рамиро, если так суждено.

— Мы еще встретимся, Жуан, встретимся с обновленным сердцем. Тогда воскреснет наша дружба и сделается сильнее прежней!

— Прощай же, Рамиро! Перед обоими нами лежат тернистые дороги! Дай Бог, чтоб встретились с иными, более радостными чувствами.

Друзья обнялись, на глазах Жуана навернулись слезы, он быстро вырвался от Рамиро, пожал ему руку и поспешно скрылся.

Какая бездна чувств и мыслей волновала сердце, какие пытки терзали душу юноши, унаследовавшего честность своего отца... Жуан удержал его от смерти, но кто мог избавить его от душевных мук?

Рамиро сказал дону Олозаго о своем намерении вернуться в Мадрид, и тот решил, что он хочет повидаться с инфантой Марией, дочерью Изабеллы, к которой он был не совсем равнодушен.

Заговорила ли в Евгении совесть или дон Олозаго рассказал ей о желании Рамиро оставить Париж, но через несколько дней после описанных событий графу Теба принесли письмо от нее. Что должен был чувствовать Рамиро, распечатывая записку своей матери...

«Приходите завтра вечером в замок Мальмезон, — читал он. — Если вы хотите исцелить душу той, которая близка вам более, чем вы предполагаете, то не отвергайте этой просьбы! Видеть вас еще раз и говорить с вами без свидетелей — самое страстное желание той, кто пишет вам эти строки».

Руки Рамиро дрожали... Ведь у него не было каменного сердца женщины, которая была его матерью.

ЗАМОК МАЛЬМЕЗОН

Вечерняя темнота покрывала густой Рюэльский лес, простирающийся за Мон-Валерьеном до самой Сены.

Посреди этого леса построен старинный, романтический замок Мальмезон. Он совершенно скрыт за широколиственными, тенистыми деревьями и напоминает охотничий дворец, хотя возле него находится сад с ухоженными цветочными клумбами, который, как и замок, окружен высокой, поросшей мхом стеной.

Когда-то здесь жила императрица Жозефина, разведенная с Наполеоном, она почти не покидала этого замка до самой своей смерти в мае 1814 года.

Привлекло ли в Рюэльский лес Наполеона I раскаяние после смерти своей супруги — неизвестно, но говорят, что он довольно часто молился в маленькой церкви, где покоится прах Жозефины. После Ватерлоо он поселился в этом уединенном замке, который оставил только при приближении неприятеля.

Впоследствии замок Мальмезон перешел во владение Марии Христины Испанской и уже Наполеон III снова купил его, вероятно, ради воспоминаний.

Замок редко посещался королевской четой, потому что не был приспособлен к блеску и роскоши, а более располагал к размышлениям и раскаянию.

Солнце уже почти закатилось, когда придворный экипаж, запряженный парой лошадей, повернул в аллею, ведущую к стенам замка.

В экипаже находилась закрытая вуалью дама.

Лучи заходящего солнца едва проникали сквозь ветви деревьев, длинные тени покрывали безлюдную дорогу, по которой направилась карета.

Какой огромный контраст был между шумными улицами Парижа, откуда прикатил экипаж, и этим дремучим, безмолвным лесом, с его вечерним меланхолическим освещением! Карета доехала уже до стены, высокие решетчатые двери были отворены настеж и она повернула в сад, примыкающий к замку, в сводчатых окнах которого отражались последние солнечные лучи.

Прислуга, казалось, не была извещена об этом посещении, хотя лакеи и смотритель замка бросились к подъезду.

Егерь, держа в одной руке шляпу с перьями, быстро соскочил с козел и откинул подножку кареты, жестами дав понять прислуге, кто так неожиданно приехал в уединенный замок Мальмезон.

Закрытая вуалью статная дама вышла из экипажа и направилась в прихожую, прислуга, почтительно кланяясь, отошла на приличное расстояние.

Евгения сделала знак старому смотрителю.

— В молельню, — произнесла она коротко.

Старик последовал за императрицей по широкой лестнице, ведущей в комнаты; в руках он держал ключи, чтобы отворить дверь молельни.

— В замок Мальмезон никто не приезжал? — спросила она смотрителя, поднимаясь по лестнице.

— Не было ни одного человека, — отвечал старик.

— Ну, значит, он приедет! Проведите его тогда в молельню!

— Прикажет ли государыня зажечь свечи в канделябрах?

— Нет, осветите только портал и лестницу. Но что это?

— Стук копыт, наверное, это всадник, которого ожидает мадам.

— Торопитесь! Отворите двери молельни, первой залы, и немедленно проводите всадника ко мне!

Старик повиновался, высокие стеклянные двери отворились, Евгения вступила в залу и затем в прилегающую к ней комнату.

Это была молельня королевы Жозефины, ее сохранили в том же виде, в каком она была полвека назад.

Сквозь сводчатые окна проникали золотые лучи солнца, освещая довольно мрачную комнату. Здесь не было предметов роскоши, все убранство было просто и безыскусственно.

Возле одной из стен помещался налой с распятием без малейших украшений; в подсвечниках оставались огарки свеч, и даже молитвенник несчастной королевы не был закрыт, никто не смел прикоснуться к нему. На стене висела большая картина, изображающая Тайную вечерю.

Старомодные стулья, покрытые вылинявшей материей, резной стол с книгами, камин, на котором стояли ваза и часы — вот и все убранство этой комнаты, освещенной большой стеклянной лампой под потолком. Часы остановились, когда умерла Жозефина.

Евгения затрепетала, мысль о бренности жизни и непостоянстве славы впервые возникла в ее душе. Это ведь тоже была королева, супруга Бонапарта, как и она, но ее забыли, осудили на одиночество и смерть...

Звук шагов вывел ее из раздумья, старый смотритель отворил дверь, и в них показалась фигура Рамиро. Он явился. Известна ли была ему тайна, связывающая их?

Сердце Евгении замерло, когда она по выражению лица хотела проникнуть в его мысли и увидела, как холоден и суров был его взгляд.

Рамиро де Теба переступил порог и поклонился. Смотритель опустил портьеры.

Какие чувства волновали в эту минуту двух человек, стоящих друг против друга в молельне замка Мальмезон! Как различны были их мысли и ощущения!

Долго смотрела Евгения на юное, прекрасное, но в эту минуту бледное и серьезное лицо Рамиро, как будто хотела навеки запечатлеть его в своей памяти.

— Вы исполнили мою просьбу, граф Теба, благодарю вас за это. Знали ли вы, кто писал строки, присланные вам без подписи?

— Да, мадам, я знал это, так как достойный отец мой, дон Олозаго, открыл мне тайну моего рождения,— твердо и спокойно проговорил Рамиро.

— Стало быть, вы знаете...

— Все, мадам.

Евгения зашаталась; Рамиро видел это, и сердце его готово было разорваться; страстное желание прижаться к материнскому сердцу охватило его, он не в силах был ему противиться и, рыдая, бросился в распростертые объятия своей матери.

И Евгения не была уже той гордой, холодной как мрамор, честолюбивой императрицей, сейчас она была матерью, снова увидевшей своего сына.

Но Рамиро вырвался из ее объятий, воспоминание пробудило его, слезы застыли на щеках, смертельная бледность покрыла лицо.

— Извините, мадам,— произнес он прерывающимся голосом,— это совершенно не подходящее для меня положение. Не приучайте меня к тому, что я принужден считать для себя недоступным. Я явился сюда по вашему приказанию. Я знал, что это вы прислали мне записку без подписи, вы писали ее в минуту волнения и все-таки не забыли; что в подобных письмах называть себя не следует, вы опасались назваться моей матерью, потому что стыдились быть ею! Поэтому я явился сюда, чтобы навеки проститься с вами!

— Рамиро, этот тон... эта суровость... ты отворачиваешься от меня! — с глубоким отчаянием произнесла Евгения.

— Я достаточно горд, мадам, чтобы не признать своей матерью ту, которая стыдится быть ею! Лучше думать, что у меня нет матери! — голос Рамиро дрожал от волнения.— Приехав в Париж, я не знал, что принужден буду бежать от вас, бежать навеки! Между нами преграда, которую никто не сможет уничтожить.

— Позволь, Рамиро, я уничтожу ее, я всемогуща!

Рамиро покачал головой, на лице его мелькнула насмешливая улыбка.

— Только Бог один всемогущ, мадам, мы же, простые смертные, все без исключения немощны! Пустите, не держите меня, это место не для меня.

— Останься, не уходи, я хочу быть твоею матерью, хочу сделать все, что ты потребуешь!

— Мне ничего не нужно, мадам. Решение мое твердо и ничто не поколеблет его! Замок, подаренный молодому чужестранцу, не знавшему, какие чувства руководили вами, я возвращаю вам обратно, вот все документы.

— И ты отвергаешь даже этот ничтожный знак моей любви? Как ты жесток, Рамиро,— пролепетала Евгения, выпрямляясь и тяжело дыша,— ты терзаешь меня этими словами! Если б ты знал, как невыразимо тяжела мне разлука с тобой!

— Говорят, мадам, что и на земле есть правосудие; но свидание на небе, без горя и забот, самое блаженное свидание для тех, кто был честен и добр в жизни. Так будем оба достойны этого свидания!

Евгения прижала руку к сердцу. Что означали эти, с ударением произнесенные слова? Неужели ее сыну известны преступления, совершенные ею в продолжение всей бурной жизни, неужели он знал о тех жертвах, тени которых так часто преследовали ее? Эта мысль заставила ее окаменеть.

— Я не хочу такого утешения с оговорками,— произнесла она глухо и медленно, в то время как холодный пот выступил у нее на лбу.

— Я думал облегчить им нашу разлуку, мадам. Я счастлив был бы возможностью защищать невинных и вечно буду делать добро, насколько это для меня возможно.

— А замок Теба,— быстро прервала его Евгения, меняя тему разговора,— ты отвергаешь его и это последнее твое слово?

— Если бы, взяв его, я сделал вас способной на доброе дело, тогда я с радостью и благодарностью принял бы его.

— Твоя жестокость убивает меня... Рамиро... Рамиро,— вскричала Евгения голосом, полным отчаяния, закрывая лицо руками.— Мучения эти хуже самой смерти!

— Будем тверды в борьбе со своими чувствами!

— Знаешь ли ты, что делаешь, оставляя меня таким образом: уносишь с собой, отнимаешь у меня последние искры человечности. Непроницаемый мрак в моей душе отзовется ужасом для всех, подобно тебе, я оттолкну от себя всех умоляющих, буду разрушать, уничтожать счастье других и наслаждаться всеобщим бедствием — тогда отвернись, тогда прокляни меня!..

Евгения произнесла эту угрозу, не переводя дыхания, отчаяние и гнев исказили ее лицо.

Рамиро молча подошел к ней и взял за руку, с торжественной серьезностью сын подвел мать к маленькому алтарю молельни.

— Опустимся здесь на колени,— тихо и нежно проговорил он.

Побежденная этой нежностью, Евгения стала на колени рядом с Рамиро и сложила руки, слезы брызнули из ее глаз.

Сердца их в молитве неслись к престолу Всевышнего. Эта минута никогда не изгладится в памяти французской королевы... И все же наступило время прощания... Рамиро грустно склонил голову, и Евгения положила на нее свои трепещущие руки; казалось, уста ее скваны, она не могла произнести ни слова.

— Прощайте, мадам,— проговорил Рамиро, поднимаясь с колен,— да исцелит Пресвятая Богородица ваше сердце и да укрепит вас.

Евгения сделала ему знак удалиться, она не хотела, чтобы он был свидетелем ее бессильного отчаяния.

Рамиро де Теба повиновался, он поклонился и вышел.

Потрясенная, измученная Евгения лежала у подножия алтаря, тихие рыдания долго раздавались в комнате, озаренной уже серебристым светом луны.

Но вот она поднялась, глаза ее снова заблестели; на лицо вернулось обычное холодное, надменное выражение.

Рамиро исчез для нее навеки.

— Это последняя слабость, последняя борьба в моей жизни,— говорила она себе. Тщеславие и непомерная гордость лишь на минуту были побеждены другими, более благородными чувствами.— Прочь сомнения и воспоминания, никто не смеет стоять на моей дороге, а если станет поперек — неминуемо погибнет, вы убедились в этом, Олимпио и Камерата. Было бы непростительной слабостью свернуть с избранного пути только из-за безумных слов неопытного юноши, он ушел, и не осталось ни одного человека, который мог бы помешать мне!

Евгения вздрогнула — кто-то подходил к комнате. Неужели Рамиро вернулся?

— Вы ошибаетесь, Евгения Монтихо,— раздалось из-за портьеры,— остался еще один человек, который смеет и может стать поперек вашей дороги!

Евгения отшатнулась. Что это, неужели следствие ее расстроенного воображения? Но голос показался ей хорошо знакомым.

Евгения не сводила глаз с портьеры. Она была одна во всем замке, прислуга находилась внизу, бежать было невозможно, потому что комната имела только один выход и именно сюда кто-то шел. Мощная фигура вдруг выступила из-за портьеры. Евгения пронзительно вскрикнула: лунный свет упал на вошедшего мужчину с бледным, как у привидения, лицом.

— Олимпио,— прошептала она с ужасом.

— Да, это Олимпио, Евгения Монтихо, мертвые встают из гробов, чтобы преградить вашу позорную дорогу.

Императрица в ужасе смотрела на своего врага, которого давно считала мертвым, а теперь увидела как живой упрек за совершенные ею злодейства.

Скоро, впрочем, она убедилась, что это был Олимпио во плоти. Как прежде, он стоял перед ней гордый и непреклонный, глядя на нее с презрением и негодованием. На его мощной груди сиял крест, но большинства бриллиантов на нем уже не было...

Императрица потеряла дар речи. Бессильно опустила она на ступени наложья, беззвучно шепча молитву, как будто пытаясь изгнать страшное видение.

Но оно не двигалось с места.

— Вы видите крест, Евгения Монтихо, символический крест с потухшими камнями? — спросил Олимпио.— Отняв его у меня, вы думали, что навсегда отделались от меня. Вы радовались, что вам больше некого опасаться после того, как отравили пленного.

— Прочь!.. Я умираю... Пресвятая Богородица, сжалясь!

— Не призывайте святых, Евгения Монтихо, они вас не услышат. Утешение доступно только честным людям, а не вам, погрязшей в преступлениях. Перед вами стоит не привидение, но ваша собственная совесть! Олимпио жив и будет жить, если даже вы проткнете его бесчисленными мечами! Вам не удастся погубить его, он живет, чтобы напоминать, наказывать и ослаблять вас!

— О ужас! Помогите!..

— Не кричите, это напрасно, мы с вами одни. Будьте добры ответить на мои вопросы: где Софи Говард, графиня Борегар? Где принц Камерата, отец...

— Я боюсь вас... Вы не человек... вы дьявол!

— Называйте меня вашим злым духом, Евгения Монтихо, но слушайте меня: я приказываю вам освободить немедленно маркиза Монтолона и сеньору Долорес.

— Нет, никогда! Вы даете мне власть над собой, и я воспользуюсь ею, — вскричала Евгения, быстро вставая с колен.

— Слыхали вы о Храме заточения, Евгения Монтихо?

Евгения затрепетала. Олимпио говорил о месте, где замучили подобную ей императрицу.

— Сеньора и маркиз уже свободны!

— Свободны? — глухо повторила Евгения.

— Да, и, приказывая вам, я лишь хотел польстить вашему кажущемуся могуществу.

Евгения видела свою полную беспомощность перед этим человеком, она была в его власти. Но как это случилось, никак не могла понять озлобленная императрица.

— Сделаете вы то, что я прикажу вам? — спросил Олимпио.

— Да, сделаю!

— Не вздумайте завтра же изменить вашему слову и пытаться убить меня, клянитесь, что не будете преследовать более меня, маркиза и сеньору. Вы и без того бессильны, но все-таки клянитесь, Евгения Монтихо!

— Клянусь! — прошептала Евгения, как бы пробуждаясь от страшного сна.

— Позаботьтесь, чтобы я и маркиз могли явиться при вашем дворе!

Евгении казалось, что земля заколебалась под ее ногами.

— Высказывая это желание, я хлопочу о вашем благе и спасении, а не о своем личном счастье. Клянитесь же, Евгения Монтихо!

— Клянусь! — снова прошептала императрица, которая едва стояла на ногах.

— Вы сдержите клятвы не ради чести и религии, над которой вы насмеялись, но из страха, так как только он один может удерживать вас. Итак, бойтесь меня, Евгения; вы достаточно узнали меня и потому можете угадать, что ожидает вас, если, понадеясь на свою безопасность в Тюильри, вы нарушите эти клятвы. Я уничтожу вас и уничтожу искуснее, чем вы пытались это сделать со мной. Подумайте о Храме заточения и о гильотине!..

Евгения в глубоком обмороке упала у ступеней алтаря, где некогда стояла коленопреклоненная несчастная Жозефина.

Олимпио, не оглядываясь, вышел из комнаты.

Уже внизу, в портале, приказал он смотрителю помочь императрице.

За решетчатой стеной замка его ожидал с лошадьми Валентино.

Пока в молельне приводили в чувство императрицу, оба всадника скрылись в лесу, направляясь на парижскую дорогу, по которой за час перед этим, опустив поводья, в грустном раздумье ехал граф Рамиро де Теба.

XV

МЕКСИКА

Злополучная война против Мексики была начата.

Войска испанцев под командованием генерала Прима, англичан под началом сэра Уайка и французов — Форея, снялись с якоря.

Намерение французского императора сделать из Мексики подвластную ему монархию было уже в 1860 году решенным делом между ним и Морни.

Наполеон III привлек на свою сторону эрцгерцога Максимилиана, только что вступившего в брак с Марией Шарлоттой Бельгийской. Он обещал сделать его императором Мексики, думая польстить этим честолюбию эрцгерцога, который, не подозревая опасности, шел вместе с женой на верную гибель.

Войну с Мексикой, начатую Наполеоном III, можно было попросту назвать денежной спекуляцией.

Морни вступил в сношения со знаменитым спекулятором Хекером, так что по началу похода можно было судить о его конце.

Хекер дал взаимнообразно мексиканскому генералу Миромону, известному негодю, стремившемуся к деспотии, 8 миллионов франков и получил от него взамен вексель из государственной кассы мексиканской республики на 70 миллионов франков.

Хекер продал этот вексель Морни, который немедленно заинтересовал этим делом своего сводного брата Наполеона.

Когда же Мексиканская республика отказалась выплачивать деньги по векселю, точно так же как и 8 миллионов, которые на деле уже давно были возвращены, Наполеон тотчас объявил ей войну.

Это была одна из тех тюильрийских тайн, о которых никто не подозревал или не смел заикаться.

Кровавая война эта началась не за оскорбленную честь Франции, не ради защиты французов, испанцев и англичан, населявших Мексику, но для того, чтобы наполнить незаконными деньгами карманы двух людей, взаимно надувающих друг друга.

Испанцы и англичане скоро заметили, что хитрый Бонапарт использовал их, как средство для достижения собственных целей. Потерпев значительные убытки, они вернулись назад, предоставив французам одним продолжать эту позорную экспедицию.

Испанский генерал Прим, женатый на племяннице мексиканского министра Эштеверия, узнал от него, что Мексика никогда не согласится быть подвластной Франции, потому хотя бы, что

Соединенные Штаты Северной Америки тотчас же восстанут против этого.

Но Наполеон не отступал от своего намерения и отправил в Мексику новые французские войска под началом генерала Базена, того самого, который в 1870 году потерпел совершенное поражение при Меце и со всем войском был захвачен в плен пруссаками.

Базен, этот преданный слуга Наполеона, был настоящим злым духом короля Максимилиана и Шарлотты, которых он после завоевания Пуэблы и столицы Мексики совершенно забрал в свои руки. Собственно Базен был ставленником Наполеона в Мексике, и над ним тяготеют потоки пролитой здесь крови.

Он без устали преследовал благородного эрцгерцога и его супругу, «los Emperadores», как называли мексиканцы Максимилиана и Шарлотту, которые пытались царствовать, но скоро убедились в своем бессилии.

Подобно своему тьюльрийскому учителю, Базен использовал устрашение, чтобы смирить непокорную Мексику.

По его приказанию Максимилиан 3 октября 1863 года подписал ужасный декрет, по которому все мексиканцы, защищающие свое отечество, были объявлены шайками грабителей и разбойников, подлежащих немедленной казни.

Король Максимилиан не подозревал, что этим декретом он подписал свой смертный приговор. Собственноручно написал он злополучную бумагу, которую слово в слово продиктовал ему Базен, окончательно подчинивший себе таким образом Максимилиана и его супругу.

Шарлотта первая поняла, что за человек этот Базен, но даже она не предвидела, что он станет палачом ее мужа.

Кровавый декрет без малейших колебаний был разослан по всем местностям, где находились приближенные императора, первыми его жертвами стали два генерала, за ними последовали тысячи.

Только теперь понял Максимилиан, что трон его шатается, что советник его — отъявленный негодяй. Одного из своих приближенных, Альмонте, он отправил в Европу, чтобы просить помощи у Наполеона, папы и Австрии.

Но «los Emperadores» тщетно ожидали кораблей с золотом, войском и оружием. Луи Наполеон рассчитал, что пора уже предоставить Максимилиану одному выпутываться из расставленных сетей, папа пожал плечами, а австрийским волонтерам запрещено было ехать в Мексику.

На Шарлотту и Максимилиана обрушились все несчастья. Базен же как раз вовремя оставил управление, получив от Наполеона приказ возвратиться во Францию, и оставил несчастных самим выпутываться из беды. Так французский император выразил им свою признательность после того, как использовал для своих целей.

Понятно, что Максимилиан, возбудивший декретом Базена ненависть всего народа, не мог удержаться у власти один, без войска Наполеона. Ему изменили, постыдно продали его, и корона, пожало-

ванная клятвopепрyпным императором, стала проклятием этой бедной королевской четы.

Скоро в руках Максимилиана осталась самая незначительная часть Мексики, но и ту защищать он был не в состоянии. Обманутый Наполеоном, он решил бежать из земли, королем которой назывался.

Базен снялся с якоря, чтобы вместе с войском отправиться во Францию. Напрасно умоляла его Шарлотта не покидать их, он был непоколебим. Только несколько друзей, между которыми находился принц Феликс фон Сальма, остались верны королю. В то время как в Париже праздновали победы, называли площади и улицы в честь захваченных местностей, в то время, как изменника Базена награждали маршалским чином и с триумфом встречали деморализованных солдат, король Максимилиан ясно увидел, что он гибнет, что генералы президента Хуареса все более и более теснят его.

Вернемся теперь к Олимпио и посмотрим, как избежал он почти неминуемой смерти.

Отравленное вино, принесенное в его комнату Маргаритой Беланже, которая предостерегала Олимпио, конечно, не было им выпито.

Олимпио придумывал различные средства бежать и без конца размышлял над тем, как обмануть врагов, приговоривших его к смерти.

Спуститься из окна было безумием, так как оно находилось на недостижимой высоте и как раз над водою. К тому же негде было достать веревки, простыни хватило бы только на одну треть высоты, да и не к чему было привязать ее, так как он не мог отыскать ни одного гвоздя, ни одной перекладки. Кроме того, он не хотел, чтобы из-за него пострадал сторож.

Необходим был другой выход, и Олимпио отыскал его после долгих головомных размышлений.

В камере был камин с дымовой трубой, почти совершенно прикрытый каменной стеной. Олимпио открыл, что труба эта проходила в камин нижнего этажа, где, как сказал ему сторож, был устроен архив, и происходили заседания. Выход был найден! Он хотел оставить своих врагов в приятном заблуждении, сделав вид, что выпил отравленное вино, и выбросился из окна. Тем более поразит он их впоследствии своим неожиданным появлением. Они не должны были подозревать, каким образом он, вместо того чтобы погибнуть, спасся.

План Олимпио был чрезвычайно остроумен.

Вылив вино за окно, он оставил в бутылке только несколько капель, чтобы враги убедились в том, что вино было отравлено. Разрезав руку, он забрызгал пол кровью, потом разорвал рубашку и проломив кусок стены возле окна; все это должно было убедить его врагов, что он выбросился из окна и упал в Сену.

То, что план его удался, мы видели уже на празднике Фонтенбло, когда обер-церемониймейстер сообщил королеве о случившемся.

Все приготовления были окончены, оставалось только предпринять опасное путешествие по дымовой трубе.

Действовать приходилось очень осторожно, чтобы не шуметь, не повредить стены и не открыть таким образом своим врагам при-

думанный им выход из тюрьмы. Сердце его сжималось только при мысли, что, опустясь в нижнюю комнату, он не найдет в ней никаких средств к бегству: если двери заперты, а окна закрыты решетками, тогда весь план, все старания его напрасны...

— Черт возьми, не буду медлить! Вперед! — пробормотал он, убедившись, что никто не подслушивает у двери и не помешает ему.— Правда, труба узка, и я вылезу из нее настоящим чертом, но стоит ли думать о подобных пустяках. Уже полночь. К делу же, Олимпио! Вы увидите, на что я способен! Берегись, трепещи, Евгения Монтихо, мертвые встают из гробов!

Окинув еще раз испытующим взглядом свою камеру, Олимпио с удивительной для его роста и веса ловкостью спустился в трубу, ведущую в нижний этаж. Упираясь то спиной, то коленями в стенки трубы, он начал быстро скользить вниз; если и могло случиться при этом несчастье, то разве только то, что он оцарапал бы себе кожу. Но путешествие в глубину удалось как нельзя лучше. Без малейших повреждений добрался он до нижнего камина, который был значительно больше и красивее верхнего.

Он очутился в длинной, высокой комнате, окна которой действительно были заколочены решетками. Посредине комнаты стоял стол с письменными принадлежностями, вокруг — скамьи, стулья, у стен — несколько шкафов. Это была аудитория или судебная комната. Глаза его привыкли к темноте, и он внимательно осмотрел все.

Здесь были две двери: одна из них, вероятно, вела в соседнюю комнату, другая же, без сомнения, — в коридор и служила входом и выходом для судей.

Обе двери, как убедился Олимпио, были заперты. Он стал разыскивать ключи, но не нашел ни их, ни чего-либо такого, что могло бы помочь ему выбраться из комнаты.

Ему стало страшно — здесь, внизу, он оказался таким же пленником, каким был наверху. Ломать двери он не решился, так как сразу привлек бы внимание стражи.

Олимпио стоял и раздумывал: он попал в ловушку и не видел из нее пока никакого выхода.

Но вдруг в голову ему пришла, по-видимому, блестящая мысль, потому что он спокойно, точно имел на это полное право, уселся в самое удобное кресло и хладнокровно, со спокойной душой стал ждать утра.

Когда сквозь высокие решетчатые окна проник первый луч света, до слуха его долетел громкий говор и шум шагов — это слуги начинали уборку, которую, видимо, должны были закончить до прихода судей.

Только этого и ожидал Олимпио.

Он быстро поднялся и спрятался за одним из высоких шкафов, стоявших в комнате.

В ту же минуту двери, ведущие в коридор, отворились.

Олимпио увидел вооруженного щеткой слугу, который принялся за уборку. Подметая, он беззаботно напевал одну из парижских песенок, бывших тогда в большой моде. Потом собрал со стола не-

сколько стаканов, выплеснул из них остатки жидкости и удалился из комнаты, вероятно для того, чтобы вымыть эту посуду.

Трудно было ожидать более благоприятного момента.

Лишь только смолкли шаги слуги, как за ним, покинув свое убежище, последовал и Олимпио.

Никого не встретив, он дошел до широкой лестницы и стал медленно спускаться. Внизу находилась прихожая с выходом на улицу, которым пользовались чиновники, в ней тоже было пусто. Быстро пройдя площадку, он поспешил к притворенной двери, открыл ее и, никем не замеченный, вышел на улицу.

— Вот так ловко получилось, черт возьми,— смеялся он про себя, направляясь по лабиринту прилегающих улиц на Вандомскую площадь. Дом свой, однако, он нашел закрытым и тщетно стучал в двери — ему не отворяли. Значит, в доме никого не было, где же мог быть Валентино?

По пустым еще улицам Олимпио отправился к отелю Клода и здесь встретил своего верного слугу, радости которого при встрече с господином не было предела.

Помогая Олимпио вымыться и переодеться, он рассказал ему, что Жуан и Камерата вернулись в Париж, что первый поселился в доме испанского посольства, а второй исчез без следа.

Это было накануне праздника Фонтенбло...

Подкрепившись завтраком и несколькими глотками вина, Олимпио лег отдохнуть — необходимо было накопить силы для дальнейших предприятий.

Лишь только взошло солнце, и заснул дон Агуадо, Валентино помчался к Жуану и, соблюдая все предосторожности, сообщил ему о побеге своего господина. Вскоре произошло радостное свидание. Олимпио обнял Жуана, выслушал историю бегства Камераты и обсудил со своим молодым другом планы розысков принца.

Однако надеждам его не пришлось сбыться. Через несколько дней Жуан сообщил Олимпио печальную весть о безвременной смерти принца, погибшего от руки вероломной Евгении.

Этим вечером воспользовался Олимпио для освобождения маркиза и своей Долорес.

В полном генеральском обмундировании в сопровождении Жуана он отправился в Тюильрийский дворец. Здесь они узнали, что двор не возвращался еще из Фонтенбло, а императрица, пробыв несколько дней в Париже, уехала в замок Мальмезон.

Олимпио начал осуществлять свой план.

Сторожа без малейшего препятствия пропустили генерала, сопровождаемого офицером. Слуги и горничные никогда не видели Олимпио.

Именем императрицы он приказал провести его в комнаты Евгении, и они не посмели не допустить его.

Пробраться в Тюильри было смелым и очень рискованным предприятием, но Олимпио совершил его с неподражаемой уверенностью.

Он вошел в будуар Евгении, чтобы взять обратно свой бриллиантовый крест, потом намеревался вместе с Жуаном отправиться в

замок Мальмезон, чтобы принудить императрицу освободить маркиза и Долорес.

Отыскав бриллиантовый крест и повесив его на грудь, он заметил на письменном столе Евгении несколько листов бумаги с гербом и подписью Евгении, она оставляла их обычно своему секретарю на случай каких-нибудь срочных приказов, которые писали над ее подписью.

— Это как нельзя более кстати, я избавлю императрицу от труда писать,— проговорил Олимпио, обращаясь к Жуану,— взять на себя ответственность я вовсе не боюсь.

— Чего вы хотите сделать,— спросил Жуан, увидев, что Олимпио взял со стола перо Евгении и набросал несколько слов над подписью императрицы.

— Это приказы о немедленном освобождении маркиза де Монтлона и Долорес Кортина,— хладнокровно отвечал Олимпио.

— Тогда необходимо бежать с ними, потому что завтра все это станет известно!

— Бежать совершенно незачем, Жуан! Предоставь все мне и ни о чем не беспокойся. С приказом ты сейчас поезжай в тюрьму. Бояться тебе нечего — прежде чем наступит ночь, освободят маркиза. После этого другой приказ свежи на бульвар Bohne Nonvelle, где в доме девицы Беланже томится Долорес. После освобождения привези ее в дом на Вандомской площади.

— Я боюсь только,— проговорил Жуан,— что вы погибнете, если в эту же ночь не уедете из Парижа.

— Не беспокойся, Жуан! В то время, как ты будешь освобождать маркиза и Долорес, мы с Валентино направимся в замок Мальмезон.

— К императрице?

— Да, мне необходимо переговорить с ней.

Жуан с удивлением смотрел на Олимпио, который спокойно поднялся с места, как будто имел полное право на все только что сделанное. Лицо его выражало полную уверенность в себе, глаза блестели, он предвкушал радость скорой встречи со своей возлюбленной и лучшим другом.

— Теперь спеши в путь, исполни все в точности, я доверяюсь тебе, надеюсь на твою храбрость. Я уверен в моей полнейшей победе. Спеши и смотри не перепутай указы.

Жуан повиновался, хотя и не мог понять, каким могуществом обладал Олимпио, так уверенно всем распорядившийся.

На все сделанные ими приготовления понадобилось не более четверти часа.

Жуан и Олимпио оставили Тюильри, ни у кого не возбудив подозрения.

Доехав до Карусельской площади, они расстались: Жуан покоскал по направлению к тюрьме, Олимпио же, взяв Валентино, тотчас же отправился в замок Мальмезон.

Мы уже видели, что произошло там между ним и Евгенией.

Планы Олимпио увенчались полнейшим успехом.

Жуан по приказам императрицы освободил сначала маркиза Монтолона, потом сеньору, которую он отвез на Вандомскую площадь.

Евгения, которая уже трепетала перед Олимпио, не мешала ему и не преследовала его. Она пришла к заключению, что все попытки погубить этого человека бесплодны, что он только еще посмеется над своими преследователями. Она считала его уничтоженным навеки, а он появился перед ней в самую трудную минуту ее жизни. Олимпио приобрел такую власть над императрицей, о которой не подозревал никто, даже самые близкие его друзья.

Наступил и радостный час свидания Олимпио с Долорес. Ничто больше не могло разлучить их, и через несколько недель они обвенчались.

Это был самый счастливый праздник, на каком когда-либо присутствовали Жуан с маркизом. Валентино сиял от восторга, а Жуан, хотя и радовался от души за Олимпио, которого очень любил, казался в то же время немного грустным и даже расстроенным.

Маркиз де Монтолон, видимо, знал причину его меланхолического настроения, потому что изредка с улыбкой поглядывал на своего молодого друга, который рассеянно смотрел на присутствующих.

— Черт возьми, что случилось с нашим молодым капитаном? — вскричал Олимпио, когда, наконец, заметил это.

— Тише, — остановил его Клод с лукавой улыбкой, — мне кажется, что сердце Жуана потеряло свое обычное спокойствие.

— Маркиз великолепно изучил людей, — сказал Олимпио, — по лицу читает, как по книге! Говори, Жуан! Сознайся, неужто стрела Амура попала тебе прямо в сердце? Рассказывай, что с тобой случилось?

Жуан растерялся, покраснел и махнул рукой, как бы прося оставить его в покое. Не так-то легко отвечать на такие вопросы.

— Ну, что ж, он еще слишком молод, застенчив и не осмеливается взглянуть в прелестные глаза молодых девушек, — проговорил Олимпио.

— Сказать ли, что я заметил, Жуан? — спросил Клод со своей обычной нежностью в голосе.

— Пожалуйста, дядя Клод, вы знаете, что у меня нет от вас секретов. К тому же...

— Ты хочешь сказать: к тому же и рассказывать пока еще не о чем, — перебил Олимпио, — мы это хорошо знаем! Говори же, Клод!

В то время, как Жуан застенчиво улыбался, маркиз начал серьезным тоном:

— Любовь нашего друга можно назвать несчастной, и я должен сознаться, что она меня беспокоит. Молодая дама, назовем ее Маргаритой, замужем за другим...

— Черт возьми, да неужели всем нам суждено разочаровываться,— проговорил Олимпио,— и каждый, кто связан с нами, принужден наткаться на препятствия?!

Услыхав имя Маргариты, Долорес навострила уши и бросила сострадательный взгляд на Жуана.

— Открытие мое удивит всех вас, но я не могу скрывать его,— продолжал маркиз.— Не знаю, сказала ли тебе, Олимпио, твоя супруга, что лжегерцог жив и в настоящее время находится в Париже?

— Стало быть, Маргарита действительно?..— спросила Долорес, не оканчивая своей мысли.

— По принуждению вышла замуж за полицейского агента Мараниона, который никто иной, как Эндемо.

— Вот злой рок! — вскричал Олимпио, вскакивая с места.— Тот негодяй...

— По приказанию своего господина женился на несчастной Маргарите, которая презирает его и думает только об одном — как расстроить подлые планы Мараниона.

— О, это благородная душа! — с воодушевлением в разговор вмешался Жуан.— Целью своей жизни она поставила превращать в добые дела вечные злые намерения этого презренного человека. Она старается сломленную свою жизнь посвятить искуплению грехов того, кому отдана по принуждению.

— Твоя горячность, Жуан, совершенно понятна и справедлива. Ты прав, Жуан,— проговорил Олимпио, и Долорес согласилась с ним.— Маргарита и еще инфанта Барселонская спасли также и меня! Обещаю тебе, Жуан, что преступник, с которым связана Маргарита, получит по заслугам, и наказание его будет ужасно, клянусь тебе! Но, Клод, ты сказал, кажется, что у него есть господин, назови нам его!

— С условием,— отвечал маркиз.

— С каким же именно?

— С тем, что ты будешь расплачиваться с Эндемо, я же — с его господином.

— Хорошо. Но назови его!

— Это обер-камергер граф Бациоши. Он с помощью Эндемо, агента Лагранжа, убил принца Камерату на празднике в Фонтенбло! — ответил за маркиза Жуан, и глаза его гневно сверкнули.— Он велел арестовать вас в соборе Парижской Богоматери, он велел Эндемо подбросить в ваш дом бомбы — о, ряд его преступлений можно было бы продолжить бесконечно!

— Он отправил тебя в Версаль и заключил в Santa Madre, — закончил Олимпио, обращаясь к Долорес.— Они должны умереть, и умрут оба; чаша их преступлений переполнилась.

Когда встали из-за стола, и Долорес, беспокоясь за Олимпио, просила его не подвергать себя новым опасностям, а лучше оставить Францию и вернуться в Испанию, чтобы насладиться там тихой и мирной жизнью, служанка доложила о приходе инфанты Барселонской. Инесса пришла порадоваться счастью тех, кого она раньше,

по наущению императрицы, считала врагами. Олимпио и Долорес встречали дочь Черной звезды с искренней радостью, которая согревала ее душу. Инесса, стоя между друзьями, как бы озаренная отблеском их взаимной любви и уважения, чувствовала себя счастливой от мысли, что есть на свете честность и истинное благородство и не следует судить о людях по тем наблюдениям, которые были сделаны ею при дворе.

— Вам известна история моей жизни,— сказала она, протягивая им руки и отбрасывая вуаль, скрывавшую звездообразное пятно на лбу.— Вы знаете тайну, которая, подобно проклятию, многие годы преследовала меня. Из-за этого знака отец мой был лишен короны и родины. Но поверьте, те, кто неправедным путем завладели тронном, никогда не будут счастливы! Лишенная отечества, я стала ненавидеть и презирать общество, вместе с родителями скиталась я по степям и городам Испании, не находя нигде покоя и пристанища, мы были как семья кочевников, гонимых общим проклятием... Судьба бросила нас в Париж, я стала приближенной императрицы, которая первая проявила внимание ко мне и моей матери и я вечно буду ей за это благодарна, хотя чувства, возбужденные ею, оказались ложно направленными... Вам я обязана тем, что после долгой внутренней борьбы обрела, наконец, покой и примирение с собой и с людьми. Вы научили меня любить и уважать людей, хотя многие из них готовы растоптать нас!

Долорес заключила растроганную до слез инфанта в свои объятия. Инесса поцеловала ее, как свою сестру.

— Когда я встретил вас однажды в новокастильской долине, вы показали мне таинственными привидениями,— сказал Олимпио Инессе.— Не думал я, инфанта, что так близко сойду с вами. Но рассказ о преследовании покойного вашего отца растрогал тогда меня до глубины души. Только что произнесенные вами слова радуют меня. Мне кажется, инфанта, что ненавидеть всех людей за то, что среди них очень много низких и бесчестных, в высшей степени несправедливо. Благодарю Бога, что вы научились любить и уважать человеческое общество.

— Грех мой перед вами искуплен; самое страстное мое желание исполнилось — вы навеки соединились с Долорес, вы счастливы. Теперь прощайте. Я оставлю двор, мне хочется уйти подальше от этих вечных раздоров, от этих преследующих друг друга людей! Пусть заменят меня другие.

— Куда же намерены вы поехать, инфанта? — спросил Олимпио.

— В Испанию, благородный дон! Недалеко от Севильи, окруженный спокойными пальмами, стоит уединенный, нежилой и полуразвалившийся домик моего отца — это единственное мое достояние. Там я буду жить, наслаждаясь природой и миром с людьми, ничего не требуя и не ожидая, но изучая и наблюдая.

Умоляющий взгляд Долорес обратился к Олимпио, и в эту минуту она походила на мадонну.

— Уедем в Испанию,— прошептала она,— уедем вместе с Инессой на нашу чудную родину.

— Мне очень тяжело, но сейчас я не в силах удовлетворить твое желание, которое и сам разделяю. Но обещаю тебе, Долорес, инфанта только поедет вперед, а потом и мы последуем за нею.

— Что за счастливое свидание будет тогда, дорогие мои,— произнесла Инесса.— смотрите же, сдержите слово. Я буду жить ожиданием того дня, когда вы переступите порог моего дома.

— Олимпио, что же удерживает нас в Париже? — спросила Долорес.— Уедем, вернемся поскорее в Испанию...

Видно было, как хочется Олимпио удовлетворить просьбу своей супруги, ведь и он очень хотел оставить шумный Париж и насладиться мирной жизнью с обретенной после стольких страданий Долорес.

— Не все еще сделано для того, чтобы я мог быть совершенно беззаботен и покоен! Не сердись на меня! Минута, о которой мечтаем мы оба, приближается, тогда я увезу тебя туда, где наш настоящий дом.

— И я усыплю цветами дорогу, ведущую к этому дому,— закончила инфанта.— Итак, терпение, Долорес! Исполняйте то, что необходимо, и следуйте потом за мной все: и вы, маркиз, и вы, Жуан; принц уже, к несчастью, не последует за нами,— прошептала Инесса, закрывая лицо руками.— Но верьте мне, поток преступлений скоро иссякнет, в нем погибнут только те, кто сами не понимают, что творят, и чем все это кончится. До свидания!

Растроганные до глубины души друзья простились с инфантой.

XVII

ПРОКЛЯТИЕ БЕЗУМНОЙ КОРОЛЕВЫ

— Что вы хотите сообщить нам, господин обер-церемониймейстер? — спросила императрица графа Таше де ла Пажери, входящего в ее цветочную залу.

— Неприятную новость, к сожалению, Ваше величество.

— Сознайтесь, господин граф, что вы принадлежите к числу дурных вестников,— сказала Евгения, в то время как придворные дамы, не проронив ни слова, с нетерпением ожидали услышать новость, принесенную обер-церемониймейстером.

Когда граф вошел в цветочную залу императрицы, она, сидя на низеньком табурете в одной из ниш, беззаботно беседовала со своими придворными дамами.

Зала эта, вся розовая, была средней величины, с красиво расписанным потолком. Среди тропических растений виднелись изящные вазы и статуи. Великолепные картины украшали стены: здесь изображена прелестная наяда, прячущаяся в тростниках и лилиях, там — с венком на голове Хлоя, перед которой амур держит зеркало; рядом — дремлющая нимфа, которую силится разбудить бог любви. Четыре громадных, украшенных зеленью зеркала были укреплены на стенах.

Словом, куда ни взглянешь, все цвело, блестело, сияло и напоминало волшебные сады Армиды.

Рядом с императрицей сидела принцесса Матильда, позади — герцогини Бассано и Конти, налево — молодая принцесса Клотильда, между тем как маркизы де Фульез и д'Э находились немного поодаль.

Только что подали чай в маленьких китайских чашечках, как доложили о приходе супруги маршала Мак-Магона.

Евгения встретила ее с радужием, которое требовалось приличием и этикетом, потому что маршал был чрезвычайно редким гостем в Тюильри.

Граф Таше де ла Пажери вошел как раз в тот момент; когда соблюдены были все формальности и начался общий разговор.

— Говорите скорей, любезный граф. Мы уже заранее подготовлены к различным случаям.

— После кровопролитной битвы император Мексики в Кверетаро попал в руки бунтовщиков!

— Как, император Максимилиан! — вскричала Евгения, делая испуганное лицо, хотя новость эта давно уже была ей известна.

— Полковник Лопес, которому так доверял его величество, постыдно изменил ему. Император со всеми генералами взят был в плен Эскобедо...

— А императрица Шарлотта?

— Теперь на дороге во Францию.

— Дальше, что вы еще знаете? — спросила Евгения, которой не было известно продолжение новости.

— Император Максимилиан, генералы Мирамон и Межис были заключены с монастырь Кверетаро и после военного совета, собранного Эскобедо...

— Вы колеблетесь, граф!

— Закончить это известие мне необыкновенно трудно...

— Как? Что означает бледность вашего лица?..

— Император Максимилиан и генералы, все трое расстреляны!

Евгения закрыла лицо кружевным платком, который судорожно сжимала в руках.

— Убиты, — прошептала она.

— В день казни Максимилиана, вследствие тайного бегства генерала Маркеса, столица Мексики была захвачена начальником бунтовщиков Порфирио Диасом. Императорское знамя больше не развевается в Веракрус... Президент Хуарес вернулся в Мексику!

— Это ужасно... вы говорите, что императрица Шарлотта едет во Францию?

— В настоящую минуту ее величество находится уже, может быть, в Шербурге или Гавре.

При таком неожиданном известии все дамы, составляющие свиту императрицы, стремительно бросились к ней, и в этом блистательном кругу произошло сильное волнение.

В дверях зала показался генерал-адъютант Релье. Увидев его, обер-церемониймейстер, подошел к нему, чтобы узнать о причине его прихода.

На минуту все стихло, никто не решался заговорить, понимая, что новость еще не вся высказана.

Граф де ла Пажери повернулся к Евгению и с озабоченным видом произнес:

— Императрица Шарлотта находится уже в Париже, императрица здесь.

В соседней зале послышался шорох, и графиня Эслинген подошла к портъере, но тут же, побледнев, отшатнулась от нее.

Евгения устремилась к портъере, идя навстречу появившейся императрице Шарлотте, она хотела с участием пожать ей руки.

Граф Таше посторонился.

Но Евгения внезапно остановилась.

Вид бедной императрицы Мексики был ужасен: мертвенная бледность покрывала ее лицо, глаза были широко открыты, губы и щеки белы, как мрамор, она испуганно озиралась по сторонам. Все ее движения наводили на мысль, что несчастная помешалась.

Императрица Шарлотта прежде была одной из самых красивых и привлекательных принцесс, теперь же кроткое выражение ее лица сменилось тем мрачным, угрюмым видом, который приводит в содрогание всякого, внезапно увидевшего перед собой умалишенного человека.

Черное бархатное платье ее было совершенно измято и запылено, верхняя одежда свисала с дрожащих рук. Ей казалось, что ее преследуют убийцы ее мужа. Участь Шарлотты была еще страшнее участи ее убитого своими подданными мужа, которого она горячо любила.

Шарлотта судорожно простирала руки, как будто хотела отстранить от себя кого-то. Глаза ее блуждали, губы бормотали какие-то непонятные слова. Вообще вид ее был так ужасен, что привел Евгению в совершенное оцепенение. Перед нею, в цветочном зале Тюильри, стояла беглая, сошедшая с ума императрица...

Зрелище это до такой степени испугало Евгению, что она вскрикнула и отскочила, между тем как все дамы ее свиты закрыли глаза руками.

— Вот они идут... неужели вам не видны эти гнусные лица? Они в коротких штанах, изорванных рубашках, красные шапки у них на головах, в руках их сверкают кинжалы.. Это они, они, убийцы... спасите меня... они преследуют меня! — неистово закричала Шарлотта, с ужасом глядя в соседнюю залу, где находились адъютанты и камергеры двора.— Я погибла... это Эскобедо! Убийцы... неужели вы не видите там этого, с черной бородой и сверкающими глазами, имеющего вид палача? Это Лопес, тише... тише... он не должен знать, что я его узнала! Макс, мой милый Макс... о, Боже... ты не слышишь меня... ты далек от меня!

Рыдания сотрясали ее, слезы ручьем текли по искаженному лицу, но вдруг она оживилась, заметив Евгению.

Вид последней как будто воскресил в ней какое-то воспоминание и освежил на минуту ее разум; она с мольбой сложила руки и повернулась к испуганной императрице.

Поняв ее намерение, обер-церемониймейстер хотел воспрепятствовать Шарлотте приблизиться к Евгении:

— Ваше величество, вам не мешало бы отдохнуть, вы, вероятно, устали. Граф старался придать своему голосу как можно больше ласки.

Но Шарлотта не слышала его. Она увидела Евгению и просила у нее помощи.

Но что могло помочь ей? Все погибло. Ее любимый супруг убит врагами вдали от своей родины, он никогда больше не обнимет ее. Ничто не могло ободрить и утешить ее, ей не на что было надеяться.

А что же Наполеон, что же Евгения, когда-то обнимавшие ее перед пагубным отъездом в далекую чужую страну? Что же папа, так торжественно их благословлявший и короновавший?

Пий IX, услышав о несчастье, сочувственно пожал плечами и приказал служить обедню о выздоровлении Шарлотты.

Наполеон не хотел даже слышать о несчастной и считал, что всякое воспоминание о Мексике должно быть предано забвению.

Евгения, к которой в данную минуту направлялась Шарлотта, боялась ее. Не раскаяние, не участие, не христианская любовь, о которой она сама когда-то упоминала, руководили ею, а только желание по возможности скорее освободиться от мучительного зрелища.

Так могла ли несчастная безумная императрица ожидать чего-либо иного от этих людей?

Обстоятельства изменились! Любовь и дружба забыты, слова, когда-то произнесенные, теперь уже не действительны.

Императрица, лишённая престола, жена, у которой отняли ее возлюбленного мужа, вдруг гордо выпрямилась и громко засмеялась. Зловещий ее хохот разнесся по всему дворцу, достиг отдаленнейших покоев, и ни одна из придворных дам, никто из камергеров не осмелился пошевелиться, скованный ужасом.

— Будьте прокляты,— закричала безумная,— будьте все прокляты, а вместе с вами и все то, что вам дорого! Будь проклято все окружающее вас!

Никто не пытался дотронуться до несчастной, даже сама Евгения не осмелилась приказать, чтобы ее удалили силой.

— Слышите, вот раздастся, все ближе и ближе, музыка возвращающихся войск, вот звучат трубы, вот слышатся равномерные шаги полков, кровь, кровь всюду! Там, посмотрите туда, там поднимаются облака дыма, земля гудит, кровь течет рекой, неприятельские колонны отступают, теснятся, ибо побеждены. Но почему чужеземные победители вступают в страну, обращая все в бегство, жены плачут, ломая руки, дети обнимают молящихся родителей, свет горящих деревень зловеще освещает ночную тьму, небо почернело от дыма. А смерть истребляет, истребляет все днем и ночью,

такой обильной добычи она давно не имела, жатва ее богата. Вороны каркают, мертвецы вылезают из-под снега, из-под высоких курганов пустыни. Будьте прокляты, трижды прокляты!

Безумная императрица, проклиная, предсказала судьбу трона Луи Наполеона, но все придворные и сама императрица приняли эти ужасные картины за бред сумасшедшей.

— Ваше величество, будьте так добры, пойдите со мной,— сказала графиня Эслинген.

— Прочь, изменники! Нет ни одной души, которой можно было бы довериться.

Шарлотта снова залилась громким смехом, взглянув на Евгению.

— Я вижу, как вы озираетесь на окружающих, как призываете на помощь, а на улице пылает неистовая революция! Выходы заняты, все ближе возгласы ваших судей, обратившихся в фурий, проклятия находят вас! Проклятие, трижды проклятие! Вы ищете душу, вам преданную, но кругом только толпа, жаждущая вашей крови! Вы задыхаетесь, вы ищете выхода, но на улицах свирепствует смерть, никто более не сражается за Вас. Вы хотите бежать, но выходы заняты и вам нет спасения! Вы императрица, и около вас нет ни одной преданной вам души!

Но вот, наконец, вы находите дверь, единственную дверь, через которую проходит прислуга. Императрица благодарит Всевышнего за этот выход! Переодетая в лохмотья, выскакивает она из дворца, единодушно проклиная, подобно Канету в Карманьоле, ищет спасения на улицах, покрытых мертвецами. Так покидаете вы вашу столицу, ища убежища, между тем как за вашей спиной погибают полки, на которые обрушилась вся беда и все проклятия!

Был ли этот рассказ картиной виденного ею самой или же слова эти были ужасным пророчеством одной королевы — другой?

Евгения поспешно шепнула какое-то приказание графу де ла Пажери, и при последних словах помешанной он тихо удалился.

И тут же в цветочной зале показался Бациоши. Мгновенно окинув комнату взглядом, он понял, в чем дело. Сумасшедшую следовало немедленно удалить от Евгении, которая была уже совсем измучена проклятиями несчастной.

Бациоши поняв знак, поданный ему Евгенией, решил увести императрицу в Мирамаро, где она должна будет жить под строжайшим надзором.

Бациоши, как всегда, был незаменимым и всюду поспевающим поданным...

Он приблизился к Шарлотте.

— Скорее, Ваше величество! Скроемся, они идут!

Слова эти мгновенно подействовали на несчастную императрицу: широко раскрыв испуганные глаза, она схватила Бациоши за руку и вместе с ним быстро спустилась вниз к ожидавшему их экипажу.

МАРГАРИТА И ЖУАН

Рамиро Теба после описанного нами прощанья в молельне замка Мальмезон не замедлил отправиться в Испанию. Сын Евгении должен был снова свыкнуться с мыслью, что у него нет матери.

Еще до того, как он приехал в Париж, в Мадриде Рамиро был знаком с двумя молодыми девушками; одна была принцесса, а другая бедная воспитанница Фрацко, на попечение которого его передал отец, дон Олозаго. Прекрасная принцесса привлекала его своим величием и роскошью, вторая девушка — своей прелестью и невинностью.

Дочь королевы Изабеллы пренебрегла молодым графом Теба и вышла замуж за графа Джирженти; что же касается девушки, с которой он вместе воспитывался у Фрацко, то она умерла вскоре после замужества своей матери, Энрики, сочетавшейся браком с маршалом Серрано.

Вернувшись в Испанию, Рамиро стал вести уединенную жизнь и посещал только замок Дельмонте, в котором жила донна Серрано и в котором умерла ее дочь.

Королева Изабелла сослала маршала Серрано на остров Тенериф, стремясь нанести удар его жене. Энрика задумала освободить Серрано из заточения, в чем ей с радостью согласился помочь Рамиро Теба.

План их завершился блестящим успехом. Серрано бежал из ссылки и поднял восстание, которое привело к низложению королевы Изабеллы.

Читателям нашим уже известно, что возмущение, поднятое названными тремя лицами вместе с присоединившимся к ним Олозаго, было успешным *. Королева Изабелла, войска которой были совершенно разбиты, должна была бежать и нашла единственное для себя убежище у своей прежней подруги Евгении, тогда как сама Франция не хотела сделать ни одного шага для того, чтобы подавить поднявшийся в Испании мятеж.

Олозаго пользовался большим влиянием на Евгению и Наполеона, и назначение Серрано регентом в Испании не встретило никаких препятствий со стороны Франции.

Рамиро Теба, принимавший живое участие во всех событиях в Испании, увидел, что ему более нечего здесь делать после того, как Серрано и Энрика достигли полного успеха и счастья.

Живя в Париже, он встречал одного человека, который произвел на него большое впечатление и к которому его очень влекло.

Этот великодушный и весьма высокопоставленный человек был князь Эбергард из Монте-Веро, владевшей обширными землями в Бразилии.

---

* Подробности этого события можно найти в романе Г. Борна «Изабелла, изгнанная королева Испании, или Тайны Мадридского двора».

Рамиро узнал, что князь в то время был увлечен новой целью — ею было всеобщее благоденствие, удовлетворение нужд бедняков. Он так полюбил этого человека, ему так приятно было в кругу его семейства, что, узнав о намерении князя переселиться в Монте-Веро, он тотчас же решил последовать туда за ним. Рамиро надеялся найти там по соседству достаточное количество земли для своей собственной деятельности, а князь Эбергард, узнав о его намерении, горячо поддержал его.

Прежде чем продолжить наш рассказ, скажем в коротких словах, что Рамиро действительно нашел в отдаленных краях душевный покой и истинное счастье, и что там, в своих владениях, вдали от европейских смут, он счастливо прожил жизнь со своей женой, внучкой князя Эбергарда *.

Жуан с трудом расстался со своим другом, хотя хорошо понимал, что в Париже, где трудно было отрешиться от выпавших на его долю испытаний, Рамиро не найдет счастья.

В душе Жуана тоже не было покоя, но его тревожили совсем иные чувства. Мы знаем о них из разговора Олимпио с маркизом.

Встреча с Маргаритой произвела на Жуана огромное впечатление. Он сразу всей душой откликнулся на тяжкую долю этой прекрасной молодой женщины.

Маргарита и Жуан были одних лет, обоим было еще неведомо опьянение любви, и при первых же встречах они почувствовали никогда прежде не испытанное волнение.

Маргарита полюбила молодого, красивого и храброго офицера. Она была свидетельницей того, как он освободил Долорес и как Долорес была рада встрече с ним, обняла и поцеловала его. Маргарита прорвалась к Жуану таким доверием, какого ни к кому никогда не питала. Но понимая безысходность своей горькой жизни, она должна была отказаться от всякой надежды на счастье.

— Бедная Маргарита,— сказала как-то Долорес в разговоре с обоими молодыми людьми.— У вас любящее и благородное сердце, а вы связаны с человеком, которого презираете, все мысли и чувства которого чужды и ненавистны вам. Как я сочувствую вам и как хотела бы помочь!

— Помочь мне невозможно, для меня все погибло! Я прихожу в отчаяние при мысли, что я прикована к человеку, которого не люблю, которого презираю... Я не надеюсь на счастье, я буду только ждать, чтобы скорее настал час, когда страдания мои прекратятся...

— Примите мою помощь,— тихо сказал Маргарите глубоко взволнованный Жуан,— не отчаивайтесь так! Не отталкивайте меня, я не могу спокойно смотреть на ваши слезы.

Маргарита сквозь слезы посмотрела на Жуана, как бы желая убедиться, действительно ли он так сочувствует ей, и вложила свою маленькую ручку в протянутую ей руку Жуана.

— О, я верю вам, вы добры, но предоставьте меня моей судьбе, я одна должна переносить все выпавшие на мою долю страдания!

---

* Эта история рассказана в романе того же автора «Грешница и кающаяся»

— Ради всех святых, этого не должно быть! Каждому из нас необходимо существо, которому мы могли бы излить свое сердце и которое всегда разделит с нами наши горести. Не прогоняйте меня, я хочу...

— Ради Бога, не делайте ничего, если вам дорога жизнь и мое спокойствие,— быстро проговорила испуганная Маргарита.— Вы не знаете моего мужа. Он не должен даже видеть вас рядом со мной!

— Не отталкивайте мою руку, Маргарита, доверьтесь мне. Я ничего не боюсь! Разрешите мне только помочь вам.

— Нет, нет... Но мне давно нужно предпринять тайный побег из дома Мараниона.

— Вы этим совершите великое благодеяние!

— Это нужно сделать вечером и идти придется в самый отдаленный квартал.

— Так позвольте мне сопровождать и охранять вас!

— Меня пугает даже мысль, что вы можете за это поплатиться.

— Не бойтесь ничего! Я буду с вами! Скажите только, который вечер вы выбрали?

— Я вам напишу.

— О, Маргарита, благодарю вас за ваше доверие, за ваше обещание! Будьте здоровы!

Жуан поцеловал ей руку и поспешил к Долорес, с которой делился всеми своими переживаниями.

Прошло несколько недель после того разговора, а Жуан все не получал обещанного письма. Не в силах больше бороться со своим нетерпением, он уже решил отправиться в дом Маргариты и разыскать ее там, как вдруг незнакомая служанка принесла ему записку.

Обрадованный Жуан прижал ее к губам. Записка состояла из нескольких слов: «Маргарита просит вас прийти сегодня в десять часов вечера на угол предместья Сен-Дени. Она полагается на вашу осторожность и с радостью вручает вам свою судьбу. Она и ждет сегодняшнего вечера, и боится его... Все остальное она передаст вам лично. До свидания!»

Жуан несколько раз перечитал это письмецо, написанное с такой любовью и доверчивостью. Охваченный радостью, он как будто зажил новой жизнью и без конца целовал бумагу, на которой были написаны так взволновавшие его строчки.

Оставалось еще несколько часов до назначенного времени. Образ Маргариты не покидал его ни на мгновение, он готов был идти за нее на смерть, отдать ей всю свою жизнь.

Но она была замужем за другим. Такая молодая, такая прекрасная и с такой несчастной судьбой...

Жуан не знал, что Маргарита Беланже была любовницей императора, и если бы кто-нибудь вздумал ему это сказать, он не поверил бы. Он был уверен в ее чистоте и непорочности. Она не могла сделать ничего плохого, не могла быть авантюристкой, всюду ищущей выгоду, в его глазах она была сама невинность, обреченная на мучительное существование.

Быть прикованной к недостойному, ненавистному человеку! Жуан вполне понимал всю тяжесть положения Маргариты и горел желанием помочь ей.

Наконец, наступил вечер, и Жуан, накинув шинель, быстро пошел по улицам к указанному месту.

Накрапывал дождь, улицы имели мрачный вид, но на бульварах, как всегда, теснилась толпа, и бесчисленные экипажи мчались навстречу Жуану. Ни звездочки не виднелось на небе, ни луны, одни только фонари тускло освещали дорогу спешащему молодому человеку.

Вот он уже прошел бульвары Монмартра и Пуассоньера, влево от него находился театр Гимназии и тогда, наконец, показался дом Маргариты, некоторые из его окон были освещены. Но назначенный час еще не настал, Жуан не опоздал прийти к предместью Сен-Дени.

Кутаясь в свою шинель, он ходил взад и вперед, думая о Маргарите и не замечая, что какой-то незнакомец, по-видимому, догадавшись, что он с нетерпением кого-то ожидает, спрятался в ворота соседнего дома.

В это время городские часы на башне пробили десять. Дождь становился все мельче и вскоре почти перестал.

Жуан продолжал ходить с возрастающим беспокойством.

Маргарита не приходила.

Не могло же письмо быть фальшивым! Или, может быть, он ошибся во времени? Нет, невозможно, ведь он много раз перечитал письмо от слова до слова.

Жуан вынул заветное письмо, лежавшее у его сердца, подобно талисману, подошел к фонарю и снова стал перечитывать его.

Совершенно ясно было написано: десять часов.

И тут, подняв голову, он увидел поспешно переходившую через улицу молодую женщину, одетую в темное верхнее платье, голова которой была покрыта легким платком.

Жуан спрятал письмо и бросился к ней.

— Я вас заставила ждать, — прошептала Маргарита, боязливо оглядываясь. — Маранион, которого я ожидала, еще не пришел, прости мое долгое отсутствие.

— Вы обеспокоены и напуганы, Маргарита! — ответил Жуан, протягивая ей руки.

— Я ждала, что он, как обещал, возвратится домой к 9 часам. А теперь он, может быть, видит нас, наблюдает за нами. Вы ничего не заметили поблизости?

— Ваше беспокойство мучит меня! Как же много, наверное, вы вынесли от своего мужа, если так боитесь его...

— Маранион — дьявол...

— Я защищу вас, Маргарита!

— Я больше боюсь за вас, чем за себя. Что, если он вас увидит? Он меня не любит, но это не помешает ему убить вас, потому что он смотрит на меня, как на свою собственность, которая к тому же может быть ему полезна. Вы не можете себе представить весь ужас

моего положения и не спрашивайте меня о нем, прислушайтесь только к моему предостережению.

Жуан и Маргарита прошли по бульвару Сен-Дени и направились к Сент-Мартену.

— Куда мы пойдем? — спросил Жуан, идя рядом с Маргаритой.

— В предместье Бельвиль!

— Это что за квартал?

— Убежище преступников, Жуан, изгнанных беднейших рабочих и несчастнейших девушек.

— Зачем же вы туда стремитесь, Маргарита?

— Я хочу увидеть свою мать, о которой уже давно ничего не знаю.

Несчастливая девушка все еще любила свою мать, которая была главной виновницей ее несчастья.

— Ваша мать живет в Бельвиле, Маргарита?

— Я понимаю ваше недоумение, Жуан! Вам я могу все рассказать, никому другому. Судите по этому, что я к вам чувствую...

— Вы не ошиблись во мне, Маргарита! — возразил Жуан, тронутый ее доверием. Они свернули уже между тем на улицу Темплъ, ведущую к Бельвилю.

— Я сегодня молилась, пока писала вам, Жуан, — сказала Маргарита. — Тайный голос говорил мне, что я права, доверяясь вам, ведь у меня нет никого, кто был бы так добр ко мне.

— А ваша матушка, к которой вы идете? О, вам еще можно позавидовать, Маргарита, у вас есть мать!

Горько улыбнувшись, посмотрела она на своего собеседника.

— Моя мать меня никогда не любила, — выговорила она сквозь слезы, — и несмотря на это, я ее люблю, Жуан! Никогда не спрашивайте меня, как все произошло, и что мне пришлось вынести, довольствуйтесь тем, что я вам расскажу! А мать, чтобы она ни сделала, остается матерью.

— Я понимаю вас, Маргарита, я вижу — она принесла вам много горя.

— Не надо произносить подобных слов, Жуан! Я не решаюсь и думать об этом.

— О, у вас благороднейшее сердце, Маргарита, и я все больше уважаю вас!

Разговаривая таким образом, они достигли парка и направились к гостинице «Маникле».

Во всей округе царил мертвая тишина, только издали показывались время от времени вызывающе смеющиеся девушки, выбежавшие на бульвар, чтобы заманить какого-нибудь прохожего.

Маргарита и Жуан смолкли, быстрыми шагами подвигаясь к цели своей прогулки; сердце Маргариты билось так тревожно и сильно, что Жуан чувствовал его биение своей рукой, которую Маргарита крепко прижала к себе.

— Жуан, что вы подумаете, — сказала она, — куда я вас веду? Боже, неужели и вы станете плохо ко мне относиться?..

— Я люблю вас и верю вам, — возразил он тихо.

Маргарита, услышав эти слова, только прошептала:

— Какое счастье...

— Скажите, Маргарита, любите ли вы меня? — спросил Жуан, останавливаясь и не сводя глаз со своей спутницы.

— Я не смею любить вас и, несмотря на это, когда сегодня молилась, сознавала, что душа моя сильно привязалась к вам.

— Эти вынужденные слова — недействительны, Маргарита; нет, вы скажите мне прямо — любите ли вы меня?

— Да, я люблю вас, и готова всюду следовать за вами!

— Дорогая моя, ты не поверишь, сколько счастья даешь мне этими словами! Это самые драгоценные минуты в моей жизни! Ты любишь меня...

С этими словами Жуан обнял Маргариту, привлек ее к себе, и губы их слились в пламенном поцелуе.

— Я не хочу пробуждения, я не хочу возвращения, — задыхаясь, проговорила Маргарита.

— Ты должна быть моею! — вскричал Жуан, не выпуская ее из объятий. — Моя любимая, не страшись ничего, и для нас настанет час неизъяснимого блаженства!

Маргарита вырвалась из его объятий.

— Поспешим, — прошептала она, — я должна отыскать свою мать. Как скоро пролетел этот сон... Подумайте об Маранионе!

— Мужайся, любимая, я никогда не отдам тебя!

— Тот, кто будет связан со мною — пропадет!

— Молись и надейся! Наша любовь не должна погибнуть.

— Ты благороднейший из людей! Я готова стоять перед тобой на коленях, я буду благословлять Бога, если Он соединит нас! Я готова на все, лишь бы назвать тебя моим! Только в тебе мое счастье, мое спокойствие, моя любовь!

Маргарита увлекла с собой Жуана к улице Бельвиль.

— Уж полночь, поспешим!

Она прижалась к своему провожатому, и они подошли к первым домам улицы.

Жуан недоверчиво оглядывался по сторонам, он знал, что в таких местах нужно быть очень осторожным; его рука лежала на эфесе шпаги.

По другой стороне улицы взад и вперед шныряли какие-то подозрительные личности. В дверях одного из домов стояла парочка, прощаясь с грубыми шутками, возбуждившими в Жуане и Маргарите чувство отвращения.

Из гостиницы «Маникле» доносился дикий шум.

— Нам нужно туда, наверху живет моя мать, — сказала Маргарита.

Жуан посмотрел на дом; мороз продирает по коже при мысли, что Маргарита жила в такой среде, но это только укрепило его в сознании, что она еще более достойна уважения, если могла сохранить душевную чистоту, живя в такой обстановке!

— А другого хода нет? — спросил он, указывая на дверь, ведущую в гостиницу.

— Мы должны пройти через нижнее помещение, чтобы попасть наверх,— сказала Маргарита дрожащим от страха голосом.

— Через это помещение,— повторил Жуан, прислушиваясь к диким крикам кутил,— это невозможно! Позволь мне войти самому!

— Никогда! Я иду с тобой! Никто нас не тронет, хозяин меня знает, он даст нам возможность быстро проскользнуть через проход, ведущий к лестнице. Но что это?

Маргарита посмотрела на окна, на которых прежде стояли ее цветы и клетка с птичкой. Там было пусто, за стеклами не развевались более белые занавески.

Жуан не заметил впечатления, произведенного на Маргариту видом этих окон, он приблизился к дверям, Маргарита машинально следовала за ним.

Несколько подозрительных парней сидели еще за столами в гостинице, а хозяйин с женой, как всегда, стояли за прилавком, где, как помнит читатель, находилась дверь, через которую нужно было пройти, чтобы попасть в верхний этаж.

Когда Жуан и Маргарита вошли в гостиницу, взоры не только хозяина, но и его поздних гостей с любопытством обратились на них. Омерзительный запах и густой дым стояли в комнате; за одним из столов сидело трое, на лицах которых порок оставил свои явные следы, за другим — двое молодых парней, встретивших Маргариту нахальными взглядами. Две личности, которые сидели возле стены, пожирая сосиски и поглощая вино, привлекли внимание Жуана: это была нищая со своим мужем, которую он часто видел на улице Риволи просящей милостыню, тогда она водила мужа как слепого, а он, оказывается, отлично видел.

В углу комнаты сидели несколько человек, вероятно, возвратившихся недавно с галер, о чем говорили их желтые безбородые лица.

Жуан был возмущен двусмысленными взглядами и словами, которыми два парня провожали его и Маргариту.

— Ради Бога, не говори ничего,— прошептала она, увидев возмущение Жуана.

Она хотела подойти к прилавку, за которым стоял хозяйин, еще не узнавший ее.

— Что он тут корчит из себя! — сказал один из парней, разгоряченных вином.— Это, верно, замаскированный полицейский агент, который воображает себя Бог знает кем! Этим, приятель, нас не возьмешь!

В то время как остальные гости при словах «полицейский агент», сразу привлеченным их на сторону дерзкого парня, с угрожающим видом обернулись, Маргарита быстро подошла к хозяину, чтобы спросить про свою мать.

Едва она узнала от него, что Габриэль Беланже давно уже не живет наверху, и что она увезена отсюда каким-то господином, как Жуан, раздраженный вызывающими словами дерзкого парня, бросился на него. Но дорогу ему преградил широкоплечий рослый детина, один из трех сидевших молодцев.

— Эй, чего вы от него хотите? Разве он сказал неправду? Зачем вы пришли в этот кабак? Отвечайте! — закричал он.

— Убить его, он замаскированный полицейский агент! Долой его! — подхватили другие голоса.

Маргарита, видя вокруг угрожающие лица, задрожала.

— Святая дева, он погиб!

— Не троньте меня или, клянусь честью, вы будете раскаиваться! Я хочу только наказать этого дерзкого мальчишку.

— Вместо него рассчитаемся со мной, — воскликнул широкоплечий детина, которому драка с Жуаном казалась смешной шуткой.

— Прочь с дороги, говорю я вам, — сказал взбешенный Жуан, выхватывая шпагу.

— Не думаете ли вы, что я испугаюсь вашей палки?! Вот как я отбиваюсь!

И мошеник так хватил кулаком по голове казавшегося по сравнению с ним ребенком Жуана, что тот пошатнулся.

Крики одобрения сопровождали этот успех.

— Убей его, Повер*, — смеясь, кричали ему его товарищи, — еще один такой удар, и он готов!

Жуан, однако, быстро оправился, и прежде чем каменщик успел нанести ему второй удар, так ловко и с такой силой схватил его одной рукой за горло, а другой за ворот блузы, что колосс потерял всякую способность сопротивляться.

Жуан, бледный от злости, бросил его на пол, и он грохнулся так, что сломал в падении ножку стола. Стол с разбитыми стаканами и бутылками опрокинулся на изрыгающего проклятия бандита.

Остальные гости не осмелились вступить за побежденного, который, казалось, не в силах был подняться.

Жуан оглядел остальных со словами:

— Галерники, берегитесь меня! Советую больше меня не трогать! Я убью каждого, кто приступит ко мне! Я не ровня вам, отойдите и пропустите меня!

Маргарита в ужасе ломала руки.

В эту минуту каменщик поднялся и с яростью схватил стул.

Крики одобрения сопровождали возобновление боя.

— Я разобью тебе череп, — рычал разъяренный не столько от боли, сколько от унижения каменщик.

Он нашел в слабом с виду молодом человеке равного себе противника.

Жуан отскочил, но не смог избежать сильного удара стулом в левое плечо. Почувствовал, что его левая рука повреждена, он правой схватил каменщика и снова швырнул на пол.

— Проклятье, — сказал он, — мало тебе было одного тумака? Так я еще проучу тебя!

Он обернулся к дрожащей Маргарите и подал ей руку.

— Извини за эту недостойную сцену. Узнала ли ты то, что хотела?

---

* Каменщик.

— О, Боже! Твое плечо повреждено!

— Об этом не стоит говорить, Маргарита! Идем!

Он вышел с ней из гостиницы, и ни один из приятелей каменщика не осмелился остановить его.

Маргарита со слезами рассказала ему о том, что узнала от хозяйна.

Баццоиши, воспользовавшись искусством Габриэли Беланже для своих целей, по решению Тайного кабинета устранил ее. Она пополнила теперь огромное число людей, исчезнувших без следа во Франции в то время.

Маргарита и Жуан беспрепятственно достигли улиц Парижа.

Но на площади, пред бульваром Сен Мартен за ними вновь увязался какой-то человек, который, пригнувшись, шел следом, не спуская с них глаз. Это был полицейский агент Маранион...

ХІХ

МАСКАРАД

Впечатление, произведенное на жаждущих удовольствий и легкомысленных членов тюильрийского общества появлением безумной мексиканской королевы, было давно забыто, даже воспоминание о встрече с ней исчезло без следа.

Императорский двор в Париже без удержу веселился. Зачем было ему, на самом деле, думать и заботиться о народе! Какое дело «темному человеку, который лжет», и прекрасной испанке до темных тучек на горизонте! Разве только следить за тем, чтобы потушить всякое неудовольствие при самом его появлении.

Когда было Луи Наполеону справляться со всеми предложениями министров и советников, со всеми обедами, балами, ужинами, со всеми придворными праздниками, и где взять столько времени, чтобы хватило для посещения оперы, для прогулок по морскому берегу в Биарице и для летнего пребывания в Сен-Клу!

При наступивших в это время переменах в правительстве народу обещали золотые горы, но лишь ввели несчастных французов в обман. Превосходнейший герцог Грамон был самым неспособным из всех, кого только можно было найти, а почтеннейший Эмиль Оливье был человеком, про которого ничего больше нельзя было сказать, как только то, что его грушевидное лицо украшали коротко подстриженные бакенбарды, что он носил очки, что отец его стал жертвою террора во время декабрьских дней и что он в 1870 году требовал войны, как и после него еще один «благодетель народа» — Гамбетта!

Императорский двор удалился в Сен-Клу, и там устраивались такие же празднества, как и в Фонтенбло.

В Сен-Клу ничего не мешало. Сюда не проникал ни один звук неудовольствия, ни один вздох страдания; здесь не видно было голодных работников, просящих подаяния матерей. Здесь только слушали

рассеянно предложения преданных министров, а эти благородные мужи трогательно заботились о том, чтобы не расстраивать прекрасных дней в Сен-Клу неблагозвучными тонами недовольства и правды!

По их уверениям, вся Франция наслаждалась счастьем, благосостоянием и довольством и питала любовь к Луи Наполеону и к его все более забирающей власть в свои руки супруге, а также к nasledнему принцу «Люлю», ставшему к тому времени хотя и слабым, но довольно взрослою юношей, который был уже в чине лейтенанта. Пороху он еще не нюхал, это должно было случиться при Саарбрюкене, где глубоко тронутые гренадеры умилялись тем, что Люлю был так храб, что отыскивал на довольно порядочном расстоянии лопнувшие гранаты и клал их в карман, как сорванные яблоки.

Он забавлялся в Сен-Клу в то время, о котором мы говорим, велосипедом, который был тогда еще новостью.

Император часто хворал, но чем более он страдал, тем более шумными и блестящими были праздники, о которых писали в «Монитере», чтобы скрыть от парижан настоящее положение дел. Луи Наполеон еще настолько мог владеть собою, что всегда появлялся на этих праздниках, и они были так рассчитаны и продуманы, чтобы дать ему возможность показываться на них.

В описываемое время он так опасно заболел, что Нелатон, бывший его лейб-медиком, впал в немилость и должен был уступить свое место другим врачам.

Но никто не должен был знать об опасном положении императора, и не было более ловкой актрисы, которая так хитро скрывала бы это обстоятельство, как Евгения.

Евгения, которая уже совершенно приготовилась, чтобы в случае внезапной кончины императора взять в свои руки регентство за принца, нашла средство скрыть отсутствие своего супруга на предстоящем празднике.

Она не щадила ничего для устройства праздника, он должен был состояться, несмотря на то что в Сен-Клу и в Париже ожидали беспорядков.

— Устроим маскарад,— говорила она обер-церемониймейстеру и обер-камергеру,— это будет новинка!

И отсутствие императора, думала она при этом, будет легко скрыть.

Маскарад!

Можно представить себе, с каким чувством одевалась и приготовлялась Евгения к маскараду, в то время как супруг ее боролся с опасной болезнью. Что было у нее на душе, когда она надевала бархатную маску и бриллиантовую диадему...

Любви Евгения не знала — любовь, как она сказала однажды Олозаго, была лишь препятствием ко всему великому и возвышенному! Но боязнь, мучительное ожидание — вот что противоречило ее блестящему убору. Ведь закрой Луи Наполеон глаза — и все здание с грохотом рухнет.

Маскарад начался.

Гости в разноцветных, драгоценных нарядах двигались по залам, по террасам замка и по ярко освещенным аллеям парка. Горели факелы, деревья до самых вершин были увешаны разноцветными фонарями, здесь и там во мху светились маленькие лампочки в виде цветов; большая поляна, где танцевали кадрили в стиле Людовика XIV, была освещена электричеством, как ярким солнечным светом; на берегу ручья непрерывно горели огненные колеса и вензеля, отражавшиеся в его темной воде.

Вблизи террасы были разбиты разноцветные шелковые палатки, в которых устроены буфеты: в одном шампанское лилось рекою, в другом — драгоценнейшие французские, рейнские, испанские и венгерские вина, в третьем подавались фрукты и восточные лакомства, в четвертом — лед и освежающие напитки.

Три оркестра играли в различных местах парка, так что гуляющие пары везде могли слышать музыку.

Запах цветов, приносимый легким ночным ветерком, наполнял аллеи, и над всем этим великолепием царствовала прекрасная звездная ночь.

Смеясь и болтая, блуждали по парку гости в масках, в аллеях и на поляне они, дразня друг друга, беззастенчиво обнимались — маски уничтожали даже те границы приличия, которые и так были не слишком строги при этом дворе. Наряды были выбраны с обдуманном кокетством: бархат, шелк, золото и драгоценности, казалось, потеряли здесь свою цену — все искусство туалета было направлено к тому, чтобы возбуждать чувство. Красивые формы выставлялись напоказ, с такой откровенностью обнажалось тело, таким бесстыдным был покрыв платьев, что, казалось, здесь совершалась оргия вакханок.

Мужчины в желании нравиться не уступали дамам. Они также прилагали все усилия, чтобы возбудить внимание к себе своим нарядом. Театрально-рыцарские костюмы, с вышитыми шелком и золотом жилетами, с шапочками, на которых развевались драгоценные перья, с узкими, белыми, как снег, панталонами, казалось, были излюбленным нарядом, но встречались также испанские костюмы и домино с тяжелыми шелковыми мантиями наподобие тех, что носили римские нобили.

Самый красивый и со вкусом подобранный туалет принадлежал, без сомнения, княгине Меттерних — пальма первенства принадлежала ей и на этом вечере! Она избрала прелестный костюм албанок, который был столько же романтичен, сколько и привлекателен. Ярко-красный шелковый, богато вышитый золотом корсет обтянул ее восхитительную талию, грудь и плечи были закутаны в прозрачные, как облако, кружева, стоившие, наверно, много тысяч франков. Прекрасные густые волосы княгини были живописно переплетены шелковой лентой и уложены короной, из-под которой роскошные локоны падали на плечи, золотая стрела, осыпанная бриллиантами, придерживала корону на голове. На груди висел драгоценный амулет, камни которого сверкали всеми цветами радуги. Тяжелая красная бархатная юбка роскошными складками спускалась к маленьким ножкам, обутым в белые сапожки, разукрашенные красными и золотыми петлями.

С княгиней шел рядом военный министр Лебеф в костюме дожа. Это был красивый мужчина, хотя неумный и с претензиями. Вежливо, как все французы, когда они хотят быть обворожительными, он предложил свою руку княгине, и они помчались в танце по сказочно освещенным аллеям парка.

Они говорили тихо о вещах, казалось, весьма таинственных.

— Когда меня третьего дня известили о смерти маркиза Фульеза, я была поражена; ведь еще в тот же вечер я видела его в зале принца Наполеона и даже в весьма хорошем расположении духа,— шептала княгиня.

— Маркиз был ловкий артист! Когда он смеялся, можно было заметить в нем глубокую грусть, если же был молчалив, то значит, обдумывал план, который сулил ему удачу в будущем,— говорил Лебеф.

— И вы в самом деле, думаете, что он...

— Пустил себе пулю в сердце! Я вчера видел рану в его груди.

— Ужасно! Это послужит поводом к новым толкам о внезапной смерти его жены и ребенка.

— Угрызения совести,— сказал дож, пожимая плечами.

Прекрасная пара исчезла в аллеях парка.

Двое черных рыцарей в совершенно одинаковых масках, так что их трудно было различить, когда они являлись поодиночке, стояли в густой тени ветвей каштана. На них были черные бархатные с перьями шапочки, черные кафтаны, маски и такого же цвета панталоны, чулки и башмаки. У каждого на боку висела сабля и даже золотые ножны, составляющие контраст к черным костюмам, были одинаковы. Из своего темного убежища, незамеченные сами, они видели все, что совершалось вокруг них.

— Княгиня Меттерних и Лебеф,— прошептал один, когда албанка и дож прошли мимо.

— Смотрите туда,— тихо отвечал второй, взяв своего спутника за локоть,— вон та дама, в дорогом бальном наряде с бриллиантовым крестом на груди, закрытой дорогим кружевом, должно быть, императрица?

— А этот кавалер в старофранцузском костюме, в напудренном парике и с саблей на боку, разговаривающий с Евгенией, вероятно, Бациоши? Они разговаривают, похоже, о секретных вещах.

— И даже очень, кажется, интимно?

— Строят новые планы?

— Тише, может быть, мы услышим что-нибудь из их разговора.

— Ты прав, это они.

Черные рыцари замолчали.

Евгения и Бациоши приблизились.

— Это должно быть ошибка, господин обер-камергер?

— Нет, Ваше величество, я не мог ошибиться, можете вполне верить моим словам. Генерал Агуадо находится здесь, я видел и узнал его. Он одет во все черное.

— Он здесь? Неслыханная дерзость,— прошептала Евгения.

— Но как вы узнали его под маской?

- По его сабле,— ответил Бациоши.
- Это очень странно!
- Однако для меня несомненно.
- Говорите откровенно, граф.
- Несколько часов тому назад я получил письмо...
- От Олимпио?

Бациоши пожал плечами.

- Напрасно я искал подпись под этим письмом.
- Очень таинственно. Каково же его содержание?
- Приглашение явиться на этот маскарад не с пустой шпагой, но, если жизнь и честь мне дороги, с офицерской саблей.
- Что означает этот вызов?
- Ничто другое, государыня, как то, что черный рыцарь, на боку которого висит офицерская сабля, назначил мне здесь дуэль!
- Дуэль? Здесь, в парке Сен-Клу, на глазах императора?
- Государыня, вы знаете дона Агуадо?
- Вы правы, граф, я знаю этого неуязвимого, неустрашимого нашего врага.
- Тогда вы поверите моим словам.
- На что вы решились?
- Жду вашего приказания.

Евгения задумалась. Если бы маленькая бархатная маска не закрывала ее лица, можно бы было увидеть на нем выражение бессильной ненависти.

Глаза ее сверкали недобрым огнем, красивые руки судорожно сжимались.

- Вы заменили шпагу саблей? — спросила она через минуту.
- Да, на всякий случай.
- А другие меры приняты?
- Нет, государыня, пока еще нет.
- Вы хотите сказать, что это бесполезно?
- Нет, мне просто не хочется предпринимать здесь что-нибудь.

— Есть ли у вас поблизости люди, на которых можно положиться?

- Только дворцовая стража. Около ста пятидесяти зуавов.
- Выберите из них двадцать храбрейших, держите их рядом с собой, и как только черный рыцарь проявит враждебность к вам, пусть они бросятся на него,— сказала Евгения тихо.

В ее словах заметно было раздражение, она дрожала.

— А опасность? — заметил Бациоши.

— Пусть зуавы будут не при вас, а при мне. Я сама за все отвечаю.

Бациоши раскланялся с императрицей, которая подошла к герцогине Бассано; обе дамы подошли к террасе перед дворцом и остановились здесь, непринужденно обсуждая проходящие маски.

Маскарад разгорался, веселье переходило уже в оргию, когда оба черных рыцаря, оставив незаметно тень каштана, расстались.

Между тем в залах наслаждались вином и отдавались душой и телом другим удовольствиям.

Маленькая графиня д'Аи в костюме пажа смеялась и хихикала, бегая под руку с генералом Капельно; эта придворная дама вся отдавалась веселью.

Капельно, видимо, очень нравилась пленительная девочка в платье пажа, и он смотрел с возрастающей страстью на свою обворожительную спутницу, которая охотно следовала за ним.

Генерал повел графиню через шумную толпу масок к отдаленным темным аллеям парка и здесь осмелился напасть на прекрасное создание, привлечь к себе и, несмотря на сопротивление, снять маленькую маску, чтобы удобнее было целовать прелестные губки.

Милая дама вначале сопротивлялась этим страстным лобзаниям, но скоро была побеждена генералом, который все сильнее прижимал ее к своей груди.

К сожалению, мы не сможем увидеть, до чего простиралась смелость генерала и уступки прекрасной графини, так как во время объятий этой счастливой пары в двух местах парка происходили другие происшествия, свидетелями которых мы должны быть. Страсти и увлечения избрали своим местом более темные места парка, тогда как на другом его конце была пролита кровь.

Лобзания и стук сабель...

Эти праздники в Сен-Клу всегда отличались романтичностью, и не было более завидного события, чем представление здесь ко двору.

Дух преступления царил над замком Сен-Клу.

Баццоши в кружевах эпохи Людовика XIV, ревностный слуга, с точностью исполнил приказание императрицы.

Двадцать наиболее сильных и решительных зуавов стояли вблизи террасы, ожидая приказа.

Это приказание должно было быть получено от Евгении.

Черный рыцарь, которого Баццоши видел в начале праздника, бесследно исчез. Когда несколько придворных вместе с обер-камергером вошли в палатку, где разливалось шампанское, и начали опорожнять бокалы, говорить о красивых масках, о черном рыцаре не было речи.

Граф Баццоши любил вино и красивых женщин. И теперь, находясь под влиянием винных паров, он погнался за промелькнувшей мимо него сильфидой и отдалился от мужчин. Он еще не успел разузнать, какая придворная красавица скрывается под этой заманчивой маской, которая заманила его в глубь парка и, порхая легкой бабочкой, скрылась от него.

Баццоши остановился и осмотрелся кругом в надежде увидеть ее где-нибудь в роще и схватить.

Но вместо сильфиды навстречу ему вышел черный рыцарь, которого он прежде принял за Олимпию.

Баццоши хотел скрыться в роще, но рыцарь с угрозой выхватил саблю из ножен, и стальное лезвие заблестело в ярком свете луны.

Место это было, однако, далеко от террасы и храбрых зуавов...

— Ни с места, граф,— крикнул рыцарь,— вы трусите?

— Что за шутка,— возразил Бациоши, действительно охваченный страхом.

— Вы получили мое письмо?

— Письмо без подписи? Да, но что все это значит?

— Все, что хотите, но главное то, что мы должны с вами считаться. Чаша переполнилась! Вспомните сентябрьские ночи, вспомните сеньору Долорес и свой хитрый обман! Вспомните про Габриэля и Маргариту Беланже! Защищайтесь! Вы должны получить возмездие за ваши преступления.

Напрасно Бациоши искал помощи императрицы. Где же ее зуавы?

— Да знаете ли вы, кто я? — сказал Бациоши, срывая маску и открывая свое лицо, покрытое мертвенной бледностью.

В свою очередь, снял свою маску и черный рыцарь.

— Смотрите, вы меня знаете! Не оглядывайтесь по сторонам! Нам секунданты не нужны.

— Маркиз Монтолон! — произнес пораженный Бациоши, отступая назад.

— Защищайтесь, граф Бациоши! Маркиз де Монтолон требует вашей крови, которая должна смыть все гнусные преступления, совершенные вами.

— Ведь это похоже на разбой, маркиз!

— Называйте это как хотите, любезный граф,— сказал Клод,— вы меньше всех должны удивляться подобным поступкам. Не идете ли вы сами через трупы, подвигаясь к своим гнусным целям? Ни с места, граф, или моя сабля пронзит вашу грудь. Теперь вы уж не ускользнете от меня, хотя при других обстоятельствах употребили бы все ваши тайные средства, чтобы избегнуть моей мести. Защищайтесь!

Бациоши старался как можно дольше оттянуть свой ответ, он все еще ждал появления зуавов, которых императрица обещала прислать, он не мог даже подумать, что она не пошлет ему помощи. Конечно, он не предвидел того, что могло удержать императрицу от ее прежнего намерения.

Маркиз наступал на обер-камергера, который был поставлен в необходимость вынуть, наконец, свою саблю и защищаться. Не видя спасения, он решил дорого продать свою жизнь и стал защищаться с той храбростью, которая появляется при виде смертельной опасности даже у подлейших трусов.

Бациоши был корсиканец и превосходно знал все приемы, которые употребляют бойцы, чтобы ранить и убить врага сильнее себя.

Маркиз тоже знал, что Бациоши прекрасно владеет оружием и потому употреблял все свое искусство, в том числе приемы, которыми можно было воспользоваться ввиду отсутствия секундантов.

Бациоши, привыкший из всего извлекать пользу для себя, хотел воспользоваться и этими исключительными обстоятельствами дуэли.

Никто не мешал кровавой сцене, которая разыгралась в глубине парка; доносящиеся издалека звуки музыки служили странным аккомпаниментом звону металла, сверкавшего в лунном свете.

Маркиз, вынудив этого жалкого труса к бою, обрек его смерти; с улыбкой презрения на устах он видел, что корсиканец не пренебрегает всеми увертками бойцов. Клод, без сомнения, не был приготовлен к такому поединку. Бациоши ранил его в шею, но маркиз, не обращая внимания на текущую из раны кровь, мгновенно бросился на противника, не ожидавшего такого быстрого нападения.

— Вы ранены,— сказал Бациоши,— остановитесь, войдем лучше в сделку!

— Я ничего не хочу слушать! Защищайтесь! Победителем в этом поединке будет тот, кто останется в живых!

— Если так, прошу прощения,— пробормотал Бациоши, намереваясь вернее погубить раненого противника.

— Подлецу не прощают,— сказал маркиз, принуждая графа защищаться.

Казалось, само небо пришло на помощь ослабевающему маркизу, ему удалось так метко ударить противника, что он, смертельно раненый, с проклятием упал на землю; кровь текла из двух его ран — на руке и на груди.

Клод хорошо метил и нанес верный удар.

Обер-камергер чувствовал близкую смерть, но не хотел расстаться с жизнью, не отомстив врагу, до последней минуты он остался тем же подлецом, каким был при жизни.

Как бы в изнеможении он выпустил саблю, бормоча проклятия.

— Молитесь,— повелительно сказал маркиз, приближаясь к побежденному,— вы на пороге смерти, которую давно заслужили.

Глаза Бациоши закатились, стоны вперемежку с проклятиями вырвались из его губ.

— И ты... последуешь за мною,— произнес он невнятно и, собрав последние силы, пронзил саблей живот маркиза, стоявшего возле него.

— Измена! — вскричал Клод.

Он пошатнулся, удар Бациоши был меток.

— Адель, Адель, я иду к тебе...

В то время как в отдаленной аллее парка разыгрывалась эта кровавая сцена, когда возле презренной личности второй империи, испустил последнее дыхание благороднейший герой, проживший славную, но безрадостную жизнь, у террасы разыгрывалась другая сцена, которая объяснит нам, почему императрица не послала помощи так называемому кузену Наполеона.

Конечно, Евгения поступила так не намеренно. Она еще очень нуждалась в своем ловком слуге и не собиралась избавиться от него, как от других своих сообщников, ставших ей более или менее опасными.

Когда она с герцогиней Бассано стояла на террасе, перед ней промелькнул черный рыцарь, о котором говорил обер-камергер.

Она не знала, что на празднике были две такие маски и что одна в глубине парка уже совершила расправу, между тем как другая явилась перед ней. Евгения побледнела, свою бархатную маску она

непроизвольно сорвала, герцогиня Бассано не поняла, что ее так потрясло.

— Ваше величество, вы взволнованы,— сказала она озабоченно.

Евгения ничего не ответила она смотрела на черного рыцаря, который показался из тени ближайших деревьев и снял свою маску. Это был Олимпио, Олимпио с бриллиантовым крестом на груди, вызывающим у нее ужасные воспоминания.

Евгения слабо вскрикнула, не в силах отдать какое-либо приказание. Она увидела, что почти все бриллиантовые звезды креста померкли, только два-три камня еще светились.

Олимпио явился перед ней олицетворением ее совести, пророком ее будущности; его черная фигура явилась среди этого вихря удовольствий как страшный вестник судьбы.

— Прочь,— сказала она невнятно,— от него нет спасения...

Герцогиня устремилась туда, куда были обращены глаза императрицы.

Но она ничего не видела.

Олимпио исчез, как тень.

Что видела Евгения, от нее никто не узнал. Она ушла в свои покои, опираясь на руку герцогини.

Ночью доложили о смерти обер-камергера Бациоши.

Императрица не находила покоя, картины одна ужаснее другой рисовались в ее воображении; она узнала, кто совершил над ним суд, когда на следующий день генерал Олимпио Агуадо объявил о смерти маркиза Монтолона.

Олимпио нашел своего друга подле трупа Бациоши. Он еще дышал.

Опустившись на колени, Олимпио склонился над ним, чувствуя страшную боль в груди.

— Клод, мой верный Клод, ты оставляешь меня...

Маркиз открыл свои угасающие глаза, он узнал Олимпио, хотел что-то сказать, губы его дрогнули, но голос изменил ему.

Смерть заглушила последнее слово прощания, только слабое пожатие руки сказало другу все, что было в сердце умирающего.

— И ты,— воскликнул Олимпио, исполненный страдания,— и ты, благороднейший из людей, душа которого была чиста и открыта для меня, и ты отходишь в вечность! Мир с тобой, мой верный друг. Свободный от всех мирских сует и страданий, которые ты переносил с таким величием, ты идешь к трону Божию, к вечной истине. Там встретит тебя Адель, которая молится за тебя, там ты забудешь все, что перенес в этой юдоли плача... О, твоя участь завидна, Клод! Ты пал жертвой обмана в борьбе за справедливость и человеческое достоинство. Прекрасная смерть! До свидания. Там, на небе, мой любимый и верный друг, мой брат, там мы опять свидимся! До свидания, нас разделяет недолгое время. Теперь не осталось ничего, что исторгло бы слезы из моих глаз, вы все оставили меня.

Жгучие слезы текли из глаз Олимпио, они катились по его щекам и падали на умершего друга. Только ночь была свидетелем этого неизбывного горя.

Олимпио взял на руки своего друга и понес по тихим и безлюдным уже аллеям. Выйдя из парка, он положил его на лошадь и тихо, шаг за шагом еще ночью въехал в Париж.

Валентино, узнав о случившемся и помогая Олимпио снять тело маркиза с лошади и снести во дворец, скрывал слезы, которые ручьем лились из его глаз. Оставшись один в зале, где положили покойника, он упал на колени и целовал холодную руку, шепча слова молитвы. Он зажег свечи, принес дивные цветы и преобразил залу в украшенный зеленью храм.

На другой день у тела покойника стояли Жуан и Долорес, которые так горячо любили его при жизни.

В «Монитере» появился полный пафоса некролог, извещавший о внезапной кончине графа Бациоши, последовавшей от удара.

XX

МАРАНИОН

Ночное путешествие, предпринятое Жуаном и Маргаритой, имело много последствий.

Сердца их были теперь неразрывно связаны, и Маргарита легче переносила горькую участь, выпавшую на ее долю.

О ее матери ничего не было слышно; она не сомневалась, что Габриэль стала жертвой гнусных интриг Бациоши и Мараниона. Но утешением во всех горестях была для нее любовь Жуана, которого и она полюбила со всей силой своей молодой души.

Они не знали, что Маранион, муж Маргариты, выследил их и узнал в молодом офицере своего давнего противника.

Маранион хотел использовать брак с Маргаритой для поправления своих расстроенных дел.

Бракосочетание Олимпио с Долорес привело его в неистовство, а теперь еще другой удар постиг его — это смерть Бациоши.

Он решил пустить в ход все средства, чтобы не оставаться на заднем плане, не быть забытым; вход в Тюильри оставался для него открытым, и ему по-прежнему давали тайные поручения.

Будучи полицейским агентом, он узнал кое-что, что могло быть ему полезно.

Молодой офицер Жуан, переманивший Маргариту, которую он не любил, но в которой нуждался для своих целей, был тот любимец Олимпио и его жены, которого он когда-то передал Марии Галлы!

Если бы ему удалось устранить Жуана, он глубоко поразил бы своих врагов и, кроме того, освободился бы от опасности быть всегда под его надзором, что могло ему мешать.

Он понимал, что ему следует остерегаться, так как Олимпио очень хорошо знал, кто скрывается под именем Мараниона, и так как Маргарита соединилась с его смертельным врагом.

Она ни в коем случае не должна была заметить, что он знает о ее любви. Он не изменил своего отношения к ней, по-прежнему, посвящал ее в свои дела и не давал ни малейшего повода к подозрению. Так он надеялся заставить свою жену выдать ему Жуана, что позволит ему достигнуть сразу нескольких целей: страшно уязвить душу Маргариты, подавить Долорес и Олимпио и обеспечить себе полную власть над Маргаритой, которая владела великолепным дворцом на бульваре Бон-Нувель и служила ему неисчерпаемым источником доходов.

Эндемо узнал, что Долорес хотела как можно скорее отправиться с Олимпио в Испанию, чтобы навсегда поселиться там, но что Олимпио, имея еще какие-то важные дела в Париже, не мог пока исполнить ее желания. Кроме того, Эндемо знал, что императрица боится Олимпио. Все эти сведения он решил использовать как только представится случай.

Эндемо боялся последовать за Олимпио и Долорес в Испанию, где ему угрожала опасность. После изгнания Изабеллы строгий Серрано, близкий друг Олимпио, сделался регентом. Поэтому все, что задумал этот подлый человек, он думал совершить во Франции.

В это время хедив (вице-король) Египта путешествовал по Европе с целью пригласить к себе в Каир управителей и ученых. В 1869 году открывался Суэцкий канал, имеющий всемирное значение. Этот канал должен был соединить Средиземное море с Красным, сделав ненужным длинный и опасный путь вокруг всей Африки для связи Индии и Европы.

Мысль была превосходная! Но выполнение ее оказалось одним из тех французских дел, в которых все рассчитано на эффект. Строитель этого канала Фердинанд Лессепс начал дело с большим умом. Был ли канал устроен для увеселительных поездок гостей хедива, один корабль которых во время пробной поездки, впрочем, чуть не сел на мель, или открыт для коммерческих кораблей, отправлявшихся от Порт-Саида, лежащего на Средиземном море, до Суэца на Красном, трудно теперь сказать.

Но египетский хедив желал воспользоваться открытием Суэцкого канала, чтобы вступить в общество патентантов и ослепить их своим великолепием.

Он не хотел упустить случая затмить своего учителя и господина, султана; однако же вице-королю не повезло, так же как и султану, им обоим грозило разорение. У сильных мира сего тоже есть свои беды, о которых не подозревает рабочий, в поте лица добывающий свой хлеб и завидующий им; у них свои неприятности, и бывают минуты, когда и они завидуют другим — весьма верный знак того, что не все то золото, что блестит..

Хедив получил в Европе много обещаний. Императрица Евгения желала посетить восток, то же намерение имели император австрийский, прусский наследный принц, другие государи европейских стран и много ученых, которые придавали Суэцкому каналу огромное значение.

В Тюильри начались большие приготовления к поездке импе-

ратрицы. Великолепная свита должна была провожать ее на восток. Лессепс принял главное начальство над этой экспедицией и множество тайных агентов и офицеров должны были сопровождать императрицу.

Луи Наполеон и Люлю оставались дома, так как этого требовали интересы трона.

Маранион был одним из тех, кто должен был сопровождать Евгению в Каир, и это открывало обширное поле для его планов. Он решил им воспользоваться и, собрав все, сказал Маргарите, что она будет сопровождать его на восток.

В то же самое время он устроил так, что Жуан, как гвардейский офицер, получил поручение отправиться в свите императрицы, и верно рассчитал, что последний охотно примет это предложение, услышав, что в поездке будет участвовать и Маргарита.

Все это было очень кстати для Эндемо, ведь ни Маргарита, ни Жуан не могли догадаться о его намерениях, и он должен был достигнуть своей цели.

Маргарита, узнав, что Жуан тоже примет участие в этой экспедиции, выразила свою готовность ехать. Он знал об этом наперед и собрался на далеком востоке приготовить ей такой подарок, от которого она содрогнется...

С неопишуемым удовольствием видел он приближение того дня, когда приведет в исполнение начатое им дело, приходил в восторг от мысли, что смертью Жуана нанесет страшный удар трем человеческим сердцам.

XXI

НОВОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Открытие Суэцкого канала последовало с азиатским великолепием 17 ноября 1869 года под открытым небом в Порт-Саиде. В праздновании его принимали участие европейские гости со своими спутниками.

Хедив пригласил Евгению с ее свитой сесть на верблюдов, чтобы с высоты удобнее было смотреть на торжество.

Бесчисленная толпа стояла на берегу Средиземного моря. Там, где начинался Суэцкий канал, были выстроены храмы, в которых служили молебны; были установлены мачты со знаменами всех наций, произносились торжественные речи, и гром пушек вторил оглушительной музыке янычар.

Затем все сели на пароходы, стоявшие в Порт-Саиде, чтобы отправиться в Суэц.

Вереницу кораблей возглавляло судно, на котором плыл сам хедив, чтобы показать гостям, что нет никакой опасности, и своим появлением вызывать у подданных крики радости и одобрения.

За ним на пароходе «Aidle» ехала императрица Франции, за нею — император австрийский, затем на пароходном корвете «Hertha» — прусский наследный принц.

До половины пути все шло хорошо, но здесь был нанос песка, и с большими трудностями удалось перетащить пассажирские пароходы в Суэц, где 101 пушечный выстрел известил арабов о прибытии высоких гостей.

Гости вице-короля египетского возвратились в Каир, где он устраивал для них великолепные праздники.

Свита Евгении поместилась в старом замке, прежнем дворце хедива.

Замок этот пользовался в Каире дурной славой. Говорят, что там находили свой конец все надоевшие паше богатые подданные, прекрасные чужеземки и слуги, которыми долго пользовались, но которые затем стали лишними. С задней стороны замка протекает речка с черной водой, к которой ведет дверь,— туда бросали всех, кто считался неблагонадежным или опасным египетским правителям.

Улицы Каира ночью были небезопасны даже во время открытия Суэцкого канала, и хедив не имел никакой возможности прекратить хоть на это короткое время происходившие на них грабежи. Даже среди бела дня совершались ужаснейшие преступления, не всегда имевшие целью одно ограбление. Почему-то все они приписывались грекам, и виновников обычно не могли отыскать, они всегда ловко избегали карающей руки правосудия.

Вечер перед отъездом императрицы в Иерусалим был отпразднован торжественным образом. Окна дворца хедива были ярко освещены, музыка гремела, и жители Каира любовались редким зрелищем.

В это время трое мужчин вышли из находившейся вблизи дворца кофейни. По одежде двоих можно было принять за греков, третий был в черном пальто, и его манеры обличали в нем франка, как называют на востоке всех иностранцев.

Все сошлись в кофейне и громко говорили по-французски.

— Куда, Ниниас? — спросил один грек другого, когда они вышли.

— Куда нас поведет испанец. Вы, кажется, сказали, что вы испанец?

— Да, господа.

— Вы обещали нам какую-то работу.

— После того как вы мне признались, что жаждете такой, — тихо сказал иностранец с рыжей взъерошенной бородой и черными глазами.

— Так говорите.

— Только не здесь, среди этого шума.

— Напротив есть тихая улица, если уж ваше поручение так таинственно.

Все трое протолкались через толпу и скоро вышли на узкую безлюдную улицу.

— Вам нужны деньги, сказали вы, — начал иностранец.

Оба грека каким-то диким звуком подтвердили его слова.

— Вы можете, если обладаете смелостью и ловкостью, в короткое время заработать несколько тысяч франков.

Иностранец заметил, что греки перемигнулись.

— Не думайте, что я имею эту сумму при себе! Не стоит начинать дело с грабежа.

— Ого, видно вы опытни,— признался Канон, между тем как его друг Ниниас рассмеялся.— Однако вы никак не доскажете. Если нужно убрать кого-то, так скажите прямо, без обиняков.

— И можете быть уверены, что работа будет исполнена в точности,— прибавил Канон.

— И даже тогда, если тот, о ком идет речь, носит шпагу и отлично владеет ею?

— Не беспокойтесь, наш ли он или франк, давайте только деньги, и рано утром вашего иностранца найдут где-нибудь на улице.

— Не слишком ли вы уверены?

— Мы, греки, составляем здесь, в Каире, целое общество. Тот иностранец, который нас ненавидит или опасается,— враг всех! Достаточно одного знака, чтобы в случае, если мы с ним не справимся, на него напали сотни других, а наши кинжалы длинны и остры. Давайте деньги и назовите того молодца.

Иностранец, который был никто иной, как Эндемо, многозначительно засмеялся.

— Вы уж очень торопитесь — деньги получите после совершения работы! Я повторяю, что у меня их нет при себе.

— Хорошо, мы вас не надуем. Дар за дар — завтра мы вам принесем доказательство выполнения нашего дела, а вы нам заплатите... сколько вы сказали?

— Три тысячи франков золотом.

Глаза греков засверкали.

— Дело сделано. Где мы вас найдем?

— У пристани. А какое доказательство вы принесете с собой?

— Руку мертвого, таков наш обычай!

Эндемо с удовольствием посмотрел на греков: он нашел настоящих разбойников.

— Я доволен! И вы не наделаете шуму, который выдал бы меня и вас?

Канон и Ниниас презрительно засмеялись.

— Мы совершим убийство ночью, и когда подоспеет стража, она найдет только охладевший труп. А мы исчезнем бесследно.

— Вы должны выманить того, о котором я вам говорю, из дворца хедива.

— Гм, этого нельзя, господин, греков не пускают даже на порог.

— Того из вас, кто принесет одному из гостей весьма нужное письмо, впустят.

— Это может быть.

— Вот письмо!

— От красивой женщины? — спросил Канон лукаво.

— Без сомнения; прочитав это письмо, молодой офицер оставит дворец и отправится в замок.

— На свидание?

— Скажите офицеру, что вас послала француженка Маргарита.

— Хорошо господин!

— Он примет приглашение. Все остальное я поручаю вам.
— А хорошенькая женщина будет там? — спросил Ниниас.
— Нет.
— Так письмо подложное; француз не узнает этого?
— Не бойтесь, делайте, как я вам говорю. Когда вы при передаче произнесете имя Маргариты, он не будет сомневаться в том, что вас послала эта прекрасная женщина.
— А три тысячи франков вы завтра принесете на пристань?
— Я вас понимаю! Вот тысяча франков — все, что у меня при себе, это треть вашей суммы.
— Так, значит, прежде вы не совсем правду говорили.
— Я вас больше не боюсь, потому что завтра вы должны получить от меня еще две тысячи, вы были бы в убытке, если бы обманули меня. Такие суммы не часто зарабатываешь.
— Вы знаете, как обходятся при этих делах. Поспешите, через полчаса полночь.

Они совещались, кто из них вручит письмо.

— Этот мошенник хитер, — говорил Канон, который решил идти ко двору, — его не обманешь чужой рукой. Он не слишком дорого заплатил, потому что если рабы меня схватят, тогда уж не заманишь француза в замок.

— Не бойся, они не осмелятся на это, ведь у тебя есть поручение к иностранцу. Но знаешь, я думаю завтра у нашего патрона будет много денег.

— Очень возможно, Ниниас. Он, кажется, богат.

— Лисица недаром пригласила нас днем на оживленную пристань.

— Ничего, все будет хорошо! Мы, надеюсь, перехитрим его. Ты будешь ждать меня возле замка.

— В роще, возле речки, — прошептал Ниниас и ушел в сторону от Канона, который протолкался через толпу, стоявшую перед замком, и достиг входа, украшенного тропическими растениями и великолепными фонтанами.

Внизу в зале видны были мавры, арабские слуги, охрана и слуги европейских гостей.

Канон, высоко держа над головою письмо, приблизился к входу, у которого стояли на страже два негра. Они схватили грека, когда тот хотел пробраться между ними во дворец.

Канон показал им письмо, и они подозвали одного из турецких лакеев. Он взял у грека письмо чтобы передать его одному из советников хедива, и уже тот, знающий гостей, передаст его по назначению.

Канон объяснил при этом, что намерен дожидаться французского офицера.

Жуан появился в комнате, держа в руке письмо, которое заключало в себе лишь несколько слов, и было запечатано печаткой кольца Маргариты.

Наемный убийца подошел к молодому офицеру.

— Вы принесли письмо? — спросил Жуан.

— Да, господин,— доверительно прошептал Канон,— прекрасная француженка Маргарита ждет вас сегодня в полночь возле Кастеля.

— Там она живет,— пробормотал Жуан, затем прибавил громко:— не давала ли вам француженка еще какого-нибудь поручения?

— Нет, господин, я все сказал вам.

Жуан вынул из кошелька монету и сунул ее в руки грека, который низко поклонился и вышел.

Когда он скрылся, к Жуану подошел один из негров.

— Молодой начальник, будь осторожен,— прошептал он на ломаном французском языке,— греки злые собаки. Поймают молодого начальника в западню и растерзают его.

Жуан посмотрел на черного парня, преисполненного, по-видимому, добрых намерений.

— Он принес мне письмо,— объяснил Жуан, спеша покинуть дворец.

— О, греки хитры, как лисицы; письмо фальшивое, чтобы поймать молодого начальника.

— Нет, нет,— смеялся Жуан, который узнал печать,— я благодарен тебе за предостережение, но в этом случае твое опасение неосновательно.

Он хотел было дать монету и негру, но тот отрицательно покачал головой.

— Не о монете говорил Гассун,— сказал он.

— Ты хороший человек, Гассун,— похвалил невольника Жуан и, к удивлению присутствующих, дружески протянул ему руку.

Жуан вышел из дворца хедива.

Он знал дорогу в Кастель, ведь он, хотя и не жил там, а помещен был в отель французского посольства, каждый вечер ходил туда, надеясь увидеть Маргариту или даже поговорить с ней. До сих пор ему это не удавалось, и вот, наконец, представился счастливый случай.

Жуан не думал об измене, несмотря на предостережение негра. Да и мог ли он думать о чем-либо подобном, когда получил письмо от самой Маргариты!

Пробравшись сквозь толпу в одну из боковых улиц, он шел поспешно и без оглядки, так как была уже почти полночь, а Маргарита, наверно, с нетерпением ждала его.

Жуан не видел, что в двадцати шагах позади его за ним осторожно следовал тот самый грек, который принес ему письмо. Заметить его было бы трудно, так как он шел вплотную к домам, укрываясь в падавшей от них тени.

Но Канон не подозревал, что за ним, в свою очередь, будут зорко следить.

Негр Гассун украдкой пошел за французским офицером и, пройдя немного, тут же заметил грека, скрывавшегося в тени домов. Теперь глаза его были прикованы к спешившему негодяю; он убедился, что грек, как он и предполагал, хотел убить молодого офицера. Он стиснул зубы и сжал кулаки. Едва слышно спешил он за греком, нетерпение подстрекало его теперь же броситься на Канона, не доходя

до Кастеля. Гассун не знал, что именно там офицеру суждено было погибнуть. Он опасался только, чтобы грек не бросился на свою жертву в первую удобную минуту и не заколол его своим длинным ножом, которым греки всегда пользуются в своих злодеяниях.

Кроме того, негр боялся, что из этой улицы грек может скрыться в другую, принадлежащую к кварталу, населенному самыми отвязанными злодеями, и тогда гибель была бы неизбежна, так как крик или свисток сразу же привлек бы целую толпу этих преступников и убийц. Негр много лет был стражником хедива и очень хорошо знал Каир с его опасностями и то, как ловко греки умеют ускользать от преследования закона.

Ему очень хотелось спасти молодого французского офицера, оказавшего ему, бедному невольнику, такое дружеское внимание. Гассун был уверен, что он погибнет, если не прийти ему на помощь. Бесшумно босиком следуя за греком, он подошел к нему так близко, что мог бы уже одним прыжком броситься на него.

Жуан шел далеко впереди, не выходя, однако, из поля зрения Канона.

Улица была совершенно пуста и освещалась только луной. Окна в домах были завешаны циновками, все двери заперты.

В это мгновение Гассун бросился на грека. Нападение было так неожиданно и быстро, что негодяй не имел времени выхватить свой длинный нож; он почувствовал, как две сильные руки сдавили ему горло и со страшной силой бросили его на землю; он увидел черные руки невольника, который с такой удивительной ловкостью бросился на него.

— Черная собака,— прохрипел Канон, пытаюсь достать свой нож, но негр, одной рукой сжимая ему глотку, другой схватил его руку.

— Ни звука,— сказал он, в то время как Жуан, встревоженный шумом, оглянулся, но затем, не заметив борющихся на земле, спокойно продолжал свой путь в Кастель,— ни звука, не то Гассун задавит тебя, как дикое животное.

— Пусти меня, проклятый,— скрежеща зубами, хрипел Канон, стараясь свистнуть, но Гассун зажал ему рот рукой.

В то же мгновение он издал страшный вопль. Грек так сильно впился зубами в его руку, что кровь полилась из нее ручьем. Разъяренный Гассун нанес Канону такой сильный удар, что тот потерял сознание, потом он стал топтать лежавшего грека ногами, пока в нем не осталось никаких признаков жизни.

Из руки Гассуна продолжала литься кровь — грек вырвал из нее зубами целый кусок мяса, который висел теперь лишь на нескольких волокнах.

Но негр не обращал внимания на свою страшную рану. Он схватил грека за волосы и потащил по земле в одну из боковых улиц, где находилась казарма телохранителей.

Здесь он бросил его и как ни в чем не бывало отправился обратно во дворец.

— Теперь молодой офицер спасен,— бормотал он с довольной

улыбкой, — без Гассуна он был бы найден завтра на улице мертвым. Но несмотря, однако, на эту неожиданную помощь, Жуан все-таки не избег своей участи.

Горя нетерпением, он быстро приближался к площади, лежавшей перед обширным Кастелем.

Этот древний дворец египетских царей походил на огромную массу домов, мрачных и негостеприимных. Только в некоторых окнах громадного здания виднелся свет, другие части были объаты тьмой.

Направо от Кастеля тянулись улицы с высокими минаретами, налево темный ров, заросший кустарником и деревьями, распространявшими непроницаемую тень.

Жуан подошел к этому месту, надеясь встретить там ожидавшую его Маргариту.

Кругом царила мертвая тишина, только ночной ветерок едва слышно шевелил листвою у древних каменных стен.

Тщетно искал Жуан глазами знакомую фигурку, его взгляд не мог проникнуть в густую тень. Но вот ему показалось, будто что-то движется между деревьями, и он бросился туда, надеясь увидеть свою любимую. Под одним из первых деревьев скрывался в густой тени Ниниас, удивившийся, что французский офицер идет один, — он не видел своего товарища Канона.

Жуан вступил в чащу кустарников, не подозревая о возможности засады. Но едва только он поравнялся с Ниниасом, который зорко наблюдал за каждым его движением, как сверкнул длинный нож, и Жуан тогда только почувствовал нападение, когда острие проткнуло его спину до самой груди.

Грек ударил так ловко, что Жуан упал замертво. Он не успел вынуть свою шпагу, чтобы защищаться, злодейское нападение совершилось так быстро и так удачно, что один-единственный удар лишил жизни молодого офицера.

С дикой злобой убийца выдернул из раны нож, всаженный в спину жертвы по самую рукоять. Жуан упал, обливаясь кровью, глаза его замерли, глядя на убийцу.

— Пресвятая Матерь Божия, — едва слышно шептал он, — я умираю. Прощай, Маргарита.

Он судорожно вздохнул, и глаза его закрылись.

Тогда убийца стал на колени возле мертвого и, довольный тем, что совершил убийство один, без Канона, стал обыскивать его карманы. Он взял кошелек и бумажник, в котором находились банковские билеты, спрятал все и стал готовиться к тому, чтобы отрезать у мертвого правую руку, которую нужно было доставить тому, кто нанял его совершить это убийство.

Греков Каира и Порт-Саида узнают по способам убийств; они, если можно так выразиться, разделяются на секты: одни отрезают у мертвого руку, другие — некоторые пальцы или какую-нибудь другую часть тела.

Египетское правительство знает это и тем не менее ничего не может поделать против этих злодейств. Греки как будто пользуются

там привилегией для своих преступлений или нет никакой возможности предупредить их злодеяния, часто превосходящие своим зверством все, что можно себе представить. Они, кажется, со времен своего падения сохранили все те пороки, которые были характерны для того времени.

За всем этим лежит глубочайшая развращенность, и выражение «заблуждение», которым стараются объяснить подобные действия приверженцы учения Спинозы, по нашему мнению, мало применимо в подобных случаях.

Злодейство грека Ниниаса было следствием не порочной чувственности, но единственно его корыстолюбия.

Убийца трусливо оглядывался по сторонам, он боялся прихода своего товарища, не желая делить с ним свою добычу. Глаза его сверкали злобой, казалось, он был в состоянии убить и Канона, если тот появится сейчас.

Но Канон не приходил, он лежал в страшных мучениях в казарменной палатке, куда втащил его Гассун.

Ниниас быстро покончил со своей страшной работой, он отыскал ножом сустав и отрезал руку от мертвого тела.

Никто не потревожил его. Кастель был объят тишиной, как будто там все вымерли. Видно, гости хедива с таким удовольствием проводили время во дворце, что забыли о возвращении домой. Грек сунул мертвую руку в карман, и затем потащил труп к тому месту рва возле Кастеля, где стояла на дне черная вода.

Немало жертв находило здесь свою вечную могилу, ров был достаточно глубок для этого.

Ниниас толкнул тело французского офицера вниз, раздался плеск, затем мутная вода снова сомкнулась над мертвым, и ничто не выдавало больше места, где он исчез.

Предусмотрительный грек старался уничтожить следы крови, затирая их ногами.

Вдруг он услышал стук приближающихся экипажей. Это возвращались иностранцы из дворца хедива назад в Кастель.

Он спрятался в тени деревьев и ушел только тогда, когда все снова погрузилось в глубокую тьму и тишину.

На следующий день Евгения должна была уехать из Каира.

Эндемо намеренно избрал этот день для свидания с убийцами у залива. Он увидел Ниниаса, когда тот появился почти рядом с ним, и быстро подошел к нему с деньгами в руке. Около того места, где они стояли, не было ни одного судна, так что оба негодяя остались никем не замеченными.

Грек передал тому, кто его нанял, мертвую руку и получил за это условленную плату. Эндемо быстро спрятал кровавое доказательство совершенного злодеяния.

Начались приготовления к отъезду императрицы. Теперь только заговорили о Жуане.

Он исчез бесследно.

Темные воды рва Кастеля не выдают того, что сокрыто в их глубине.

Только Маргарита узнала, что произошло, когда Маранион с дьявольской улыбкой показал ей мертвую руку.

Когда она очнулась от обморока, Эндемо давно уже бросил в море этот немой знак совершенного преступления.

Бедная Маргарита плакала день и ночь, ужас перед изувером, к которому она была прикована, не отпускал ее ни на миг, она дрожала от отвращения при одном его виде и не спала ночи, так как ей постоянно представлялись улыбающийся Эндемо и мертвая рука Жуана, которого она так сильно любила и со смертью которого потеряла все, что привязывало ее к жизни.

XXII

ПРИНЦ ПЬЕР БОНАПАРТ

В парижском предместье Отейль находится великолепный дом, принадлежащий двоюродному брату императора принцу Пьеру Бонапарту.

У Наполеона было много родственников, особенно двоюродных братьев, желавших разделить с ним славу, величие и особенно деньги.

Почти все эти принцы беспрестанно под разными предлогами выпрашивали у него деньги, ибо ничего не имели и были слишком ленивы, чтобы самим что-нибудь приобретать, притом же они никак не хотели отказаться от роскошной жизни.

Парижане давно питали недружелюбные чувства к этим бесстыдным и никчемным двоюродным братьям, за которых даже Луи Наполеону часто приходилось краснеть! Например, один из них, принц Мюрат, спустил с лестницы и страшно избил одного своего кредитора за то, что тот требовал у него свои деньги. Это уж было в крови принцев, и император платил, чтобы замять дело.

Но принц Пьер Бонапарт своим поведением подвергал опасности не только свое собственное достоинство, как родственника императора, но и достоинство самого Луи Наполеона.

Этот двоюродный брат императора всегда был грубым человеком с низкими страстями.

Еще молодым студентом он прославился в Риме тайным убийством одной девушки. Приговоренный к смерти, он должен был быть расстрелян. Но папа, снисходя к его молодости и надеясь на его исправление, помиловал его, выгнав, однако, из своих владений, и послал в Америку.

Но господину Пьеру Бонапарту не пришлось по сердцу американские нравы, особенно же насмешки по поводу его высокого титула, которым он весьма гордился.

Он воротился назад в Европу, на свою родную Корсику.

Здесь его вторично постигло «несчастье» — он снова убил своего ближнего, но тем не кончилось, он совершил третье убийство и опять избег смерти.

Познакомимся прежде со вторым из этих подвигов достойного брата Луи Наполеона. Он заслуживает известного внимания, так как бросает свет и на французского императора, и на его соучастников.

Возвратившись на Корсику, принц Пьер, никогда не выказывавший желаний трудиться, тратил время на верховую езду и охоту, словом, прилежно отдавался всем так называемым благородным страстям. Однажды он отправился в не принадлежащий ему лес, где лесничий застал его на месте охоты за зверем.

Поскольку лес этот был частным владением, лесничий счел своей обязанностью потребовать от принца, как от обыкновенного лесного вора, объяснения его поступка.

Это требование так рассердило Пьера Бонапарта, что он без дальних рассуждений поднял ружье и убил наповал дерзкого лесничего, осмелившегося выполнить свой долг.

И что же вышло?

Несчастный человек был найден мертвым в лесу, а некоторые крестьяне слышали выстрел принца, так что он никак не мог увернуться. Но продажные судьи Корсики нашли хорошую отговорку в его оправдание, и наш дважды убийца, которого мир должен был лишиться еще в первом случае, снова остался безнаказанным и даже получил право напечатать в газетах оправдательный приговор.

Чувствуя безнаказанность, принц больше не сомневался, что если что-нибудь будет не по нем, он может с каждым поступить, как с лесничим.

Когда он услышал, что Луи Наполеон вззошел на престол, то вспомнил, что он приходится ему двоюродным братом. Это было как нельзя более кстати! Он имел множество долгов и сделал несчастными столько девушек на Корсике, что, как некогда Баццоши и все другие достопочтенные братцы, выбрав туманную ночь, уехал в Париж.

Император заплатил его долги и подарил ему дворец в Отейле, а несчастные девушки, которых он обесчестил... пусть плачут и надеются!

Но вот и в Отейле принц Пьер Бонапарт познакомился с прелестной девочкой, дочерью рабочего, и скоро зашел так далеко, что родители открыли, в чем дело.

Достопочтенный принц, естественно, понятия не имел ни о чем.

Однако отец, человек сильный и решительный, не захотел смириться с бесчестием дочери. Взяв револьвер, он отправился к дворцу принца.

Произошла страшная сцена.

Отец девушки подступил к Пьеру Бонапарту с требованием объяснения, и когда этот последний вместо ответа хотел было, по обыкновению, прибегнуть к оружию, он к своему изумлению увидел, что имеет дело с подобным себе мастером!

Мощный плечей схватил маленького принца и, крепко держа его одной рукой, другой приставил к его груди револьвер, требуя, чтобы он в течение четырех недель женился на его дочери.

Принц Пьер струсил и дал ему письменное обязательство исполнить требуемое. И действительно, через четыре недели, как назначил отец, состоялся этот брак!

Конечно, можно было не позавидовать судьбе несчастной девушки, но по крайней мере честь ее была спасена.

Следовало полагать, что Пьер Бонапарт станет умнее после такого урока, но оказалось, что урок этот возымел совсем другое действие. Принц купил маленький карманный револьвер, который постоянно носил при себе, и так наловчился в обращении с ним, что вторично заставить его врасплох, как это сделал его тесть, не удалось бы никому. Когда у него кончились деньги, он, чтобы чем-нибудь выслужиться перед своим венценосным братцем, разумеется, с целью добыть у него денег, начал восхвалять в газетах мудрость его правления.

Луи Наполеон испытывал в это время постоянные нападки в прессе, так как обнаружили многие кровавые тайны его правления. Декабрьские ночи с их бесчисленными жертвами стали предметом разговоров, убийство Камераты и других также было выведено на свет.

Известный уже нам Рошфор стал смело говорить правду в своих газетах «Фонаре» и «Марсельезе», само собой разумеется, это не могло понравиться императору и всей его родне. Вследствие этого принц Пьер Бонапарт угрожал Рошфору, советуя не попадаться ему на улице или около его дома, а затем послал ему вызов. Рошфор уполномочил своих двух друзей и сотрудников, Нуара и Фонвиеля, отправиться в Отейль, чтобы условиться с принцем о дуэли.

Едва только они проговорили несколько слов, не понравившихся Бонапарту, как он выхватил свой револьвер и дважды выстрелил. Нуар был смертельно ранен, пуля пронзила его сердце, Фонвиель успел отскочить в сторону, так что предназначенная ему пуля задела только его платье.

Он вынес своего мертвого друга на улицу, и это третье подлое убийство ни в чем не виноватого беззащитного человека привело в ярость весь Париж.

Принц Пьер, увидев, что жизнь его в опасности, и его при первом удобном случае буквально разорвут на части, с храбростью зайца решил лучше отдаться правосудию и сидеть под арестом, чем подвергнуться ярости толпы.

Император и императрица были страшно разгневаны, не столько поступком принца, сколько неумелостью ведения дела, им очень не понравился скандал, возникший в высших слоях общества. Они, безусловно, замяли бы убийство, если бы дело не получило столь широкой огласки.

Необходимо было предпринять что-нибудь, что успокоило бы страсти, так как при погребении Нуара можно было ожидать общественной демонстрации и даже кровавых столкновений. И нужные приготовления были сделаны — выставлены пушки и войска!

А что же было предпринято для восстановления справедливости и удовлетворения законных требований раздраженного населения?

Вместо того, чтобы предать принца-убийцу, как всякого другого преступника, обыкновенному суду для вынесения заслуженного приговора, составлен был особый суд из явных креатур императора, который должен был выразить свое определение.

Это был столько же неловкий, сколько и вызывающий поступок! Предвидя, что заседание этого суда в Париже могло иметь самые скверные последствия, его отправили в Тур, чтобы принц мог спокойно и безопасно явиться на скамью подсудимых.

Приговор этого суда император, конечно, определил заранее. Он заключался, как следовало ожидать после стольких убийств, не в смертной казни, высылке в Кайенну, куда высылалось столько невинных, но... в денежном штрафе в 26 тысяч франков, которые император же и уплатил, и еще в нескольких тысячах франков, пожалованных бедным города Тура в благодарность за милостивый приговор.

Таков был исход злодеяния, возмутившего все население Франции.

Таково было наказание братцу Наполеона, которому он при этом подарил поместье, так как принц, естественно, не мог чувствовать себя в безопасности в Париже. В поместье ничто не мешало ему при первом благоприятном случае снова начать свои кровавые развлеченья.

Не приходится удивляться, что число недовольных и непримиримых противников императора продолжало расти. Франция была подобна волнуемому морю перед бурей. Страна переворотов, Франция издавна была опасной ареной для своих властителей, будь они великодушны, как Луи Филипп и несчастный Людовик XVI, или славны, как Наполеон I. Евгения, которой император в последние годы предоставлял все больше власти и советам которой всегда следовал, почти не выходила из своего кабинета. Она изобретала средства не только удержать, но и укрепить трон, заботясь о собственном честолюбии, она старалась льстить народному самолюбию.

Главное условие для достижения своих целей она видела в устранении недовольных и в величественном предприятии, способном занять внимание толпы.

Все свои мысли она направила на то, чтобы сочинить такое предприятие, которое нашло бы отклик у всего населения Франции, и это ей удалось осуществить.

Но вернемся назад, к прерванной нити рассказа.

XXIII

ВОЗМЕЗДИЕ

Несчастливая Маргарита убежала к Долорес и Олимпио, так дружески принимавших ее в своем дворце на Вандомской площади.

Судорожно рыдая, она рассказала им о последнем преступлении Эндемо. Долорес пришла в отчаяние и ужас, когда Маргарита рас-

сказала о мертвой руке, не оставлявшей сомнения в том, что Жуан был убит по поручению этого подлого человека.

— Он перешел все границы,— сказал Олимпио, и голос его звучал гневно и мрачно, как всегда, когда он принимал какое-нибудь страшное решение.— Надо прекратить его преступления, они известны Богу, и Он простит мне, если заступлю Его место и положу им конец! Оставайтесь у нас, Маргарита, и не бойтесь ничего. Вы под моей защитой!

— Я так признательна вам, благородный дон Олимпио! Около вашего семейного очага мне легче переносить свое горе, я забываю свои страдания, душа моя отдыхает. Долорес понимает, что я должна чувствовать в настоящую минуту.

— Бедная Маргарита,— ласково проговорила Долорес, прижимая плачущую девушку к своему сердцу.— Я буду утешать и защищать вас, я помогу вам перенести это общее наше страшное горе.

— Маранион погубил меня,— шептала Маргарита,— убив Жуана...

— Верю вам,— отозвался Олимпио,— небо свидетель, я удивляюсь еще, как могли вы так долго терпеть этого зверя!

— Сначала меня удерживало желание спасти несчастных, которых он хотел погубить.

— Вы делали доброе дело, Маргарита, Бог наградит вас за это!

— Теперь вы останетесь у нас,— говорила Долорес голосом, полным скорби и глубокой любви.— Мы сможем хоть сколько-нибудь отплатить вам за все доброе, что вы для нас сделали!

Олимпио ушел в свой кабинет, оставив Маргариту на попечение Долорес, он не хотел медлить ни минуты. Приговор Эндемо был вынесен, и нужно было в следующую же ночь исполнить его, чтобы этот негодяй, считавший себя в безопасности в облике полицейского агента, не успел совершить новых злодейств.

Олимпио сел за свой письменный стол, лицо его было сосредоточено, на лбу обозначились морщины.

Он писал:

«Мадам! Нижеподписавшийся просит у вас приказания арестовать и казнить агента Мараниона, выдававшего себя прежде за герцога Медины, настоящее имя его Эндемо. Исполнение приказания и ответственность за него берет на себя

Олимпио Агуадо»

Он сложил письмо и запечатал его.

Затем написал приглашение к духовнику императрицы и приглашение агентам Шарлю Готти и Гриллию явиться к нему около 10 часов вечера.

И эти письма он также запечатал. Затем позвонил.

Вошел Валентино. Фигура его, прежде длинная и узкая, теперь казалась несколько шире и даже внушала к себе почтение.

— Что угодно, дон Агуадо? — спросил он, остановившись недалеко от двери.

— Валентино, я должен дать тебе одно важное поручение,— начал Олимпио.— Исполни все, что я тебе скажу, как можно точнее и быстрее. Ступай в Тюильри и отдай это письмо дежурному камергеру, чтобы он немедленно передал его императрице. Ты получишь приказ, разумеется письменный, которым повелено будет арестовать и казнить Эндемо!

— Слава Богу,— сказал Валентино, и слова эти вырвались, как вздох облегчения, из самой глубины его души.

Затем вот это, второе письмо занеси к духовнику государыни. Если он пожелает видеть приказ, покажи его ему.

— Слушаю, дон Агуадо!

— Вот эти два письма надо доставить полицейским агентам Грилли и Шарлю Готти.

При этих словах лицо Валентино, только что сиявшее от радости и удовольствия, выразило недоумение.

— Значит, дон Агуадо, вы хотите доверить арест этим двум агентам? — спросил он.

— Нет, нет. Выслушай прежде все, что я тебе скажу. В обоих этих письмах ничего не говорится об аресте, так что Грилли и Пер д'Ор не знают, в чем дело. Повеление государыни не показывай им. Я приглашаю их сюда в качестве свидетелей.

— Очень хорошо, дон Агуадо.

— Если же они не согласятся прийти, ссылаясь на занятость, то скажи, что они обязаны это сделать по повелению императрицы. Понял?

— Превосходно, дон Агуадо!

— Оттуда ты пойдешь в улицу Боньоле.

— Это неподалеку от кладбища Пер-Лашез?

— Совершенно верно! В конце этой улицы стоит низкое здание, отделенное от других домов длинным забором. В заборе ты найдешь дверь, которая приведет тебя в обширный двор. Там спроси Хайдемана, палача города Парижа.

— Слушаю, дон Агуадо!

— Только ему лично вручи приказ государыни и сообщи, что казнь должна состояться в наступающую ночь на его дворе. В полночь придут к нему свидетели, духовник и преступник.

— А если Хайдеман пожелает переговорить с вами? — спросил Валентино.

— Он может прийти сюда. Но в полночь я буду у него. С улицы Боньоле отправляйся в дом покойного маркиза Монтолона, там ты найдешь лакея Леона.

— Знаю его, дон Агуадо, знаю очень хорошо,— радостно воскликнул Валентино.

— Леон решительный и крепкий мальч.

— И притом так же сильно ненавидит мнимого герцога, как и я,— добавил Валентино.

— Хорошо. Возьми Леона с собой на бульвар Bonne Nouvelle. Ты знаешь дом, где живет так называемый полицейский агент Мара-нион?

— Как не знать, дон Агуадо.

— Разместитесь там незаметно и наблюдайте за домом. Если Эндемо придет домой рано и уйдет с наступлением сумерек, то следуйте за ним. Если же он воротится домой поздно, то позаботьтесь о том, чтобы он не вышел из дома. В одиннадцатом часу он при любых обстоятельствах должен быть в ваших руках. Если нужно будет, употребите насилие, даю вам неограниченные полномочия. Если он станет сопротивляться, свяжите его, посадите в фиакр и везите в улицу Боньоле. В три четверти двенадцатого он должен быть во дворе палача, где вы найдете меня. Ты все понял, Валентино?

— Все, дон Агуадо, только даст ли императрица повеление...

— Теперь ты знаешь всю суть дела, Валентино. Не тревожься, все должно кончиться прекрасно, недаром я так долго обдумывал этот план, пока приступил к его исполнению.

Эта уверенность окончательно успокоила Валентино, он взял все письма и откланялся, чтобы немедленно приступить к исполнению возложенного на него поручения.

Олимпии не сомневался, что Евгения не замедлит подписать приказ, если он, которого она достаточно хорошо знала, всю ответственность возьмет на себя.

Евгения боялась Олимпии. Она знала, что он не стремится к личной выгоде и всегда защищает только правое дело.

Всегда! Даже тогда, когда он, вместе с Клодом и Филиппо, поставил свой меч на службу Дон-Карлосу, он тоже служил защите ущемленного в своих правах. Дон-Карлос был брат короля Фердинанда, который самовольно издал закон, чтобы после него престол перешел в руки женщины, по старому же закону Испании трон должен был принадлежать Дон-Карлосу или Черной звезде, за которого Олимпии, без сомнения, тоже боролся бы, если бы был убежден в его праве.

Не корысть и не честолюбие руководили действиями этого испанского вельможи, но убеждение, что он защищает справедливость. Когда Валентино удалился, Олимпии отправился в испанское посольство, чтобы сообщить дону Олозаго о смерти Жуана. В то же время он сказал посланнику и своему другу Серрано, что они с Долорес в скором времени оставляют Париж и уезжают в Мадрид, чтобы навсегда поселиться на родине.

— Я понимаю это, дон Агуадо,— с грустной улыбкой сказал Олозаго,— вы достигли цели своей жизни, нашли все в союзе с вашей милой подругой. Вашему счастью можно позавидовать Олимпии, ибо без борьбы нет истинного наслаждения! На мою долю не выпало такого счастья, я навсегда остался одиноким и живу воспоминаниями!

— Вы, дон Олозаго, нашли удовлетворение в дипломатической службе, а стремление поддержать и поднять значение своего отечества — это также прекрасная и высокая цель.

— Только одно обстоятельство упустили вы из виду, мой друг,— неблагодарность! И, кроме того, печально думать, что придется умереть в совершенном одиночестве, и ни одна живая душа не бу-

дет плакать у гроба! Счастье иметь рядом с собой преданного человека, который делит с вами радость и горе! Желаю вам счастливого пути и от души надеюсь, что вы найдете в нашем прекрасном отечестве мир и спокойствие, которых ищете!

С этими словами Олозаго пожал руку Олимпио, прощаясь с ним.

Когда Олимпио воротился вечером домой, на Вандомскую площадь, он поужинал вместе со своей женой и Маргаритой, а через некоторое время явился и духовник государыни, пунктуально исполнивший просьбу прийти. Олимпио предложил подкрепиться стаканом темного испанского вина, так как предстояло сегодня долго бодрствовать.

— Не знаю, достопочтенный отец,— начал Олимпио,— известно ли вам, для какой цели я имел смелость пригласить вас сюда.

— Ее величество государыня милостиво сообщила мне, что дело в напутствии одного приговоренного,— сказал духовник.

— Это напутствие будет очень немногословным, достопочтенный отец, и поэтому я пригласил именно вас, опытного, принципиального и мужественного пастыря. Неисправимый грешник, душа которого отправится сегодня к Богу, это страшный преступник, которого должна настигнуть земная кара!

— Все мы грешники, мой благородный дон!

— Все же один больше другого, достопочтенный отец! Тот преступник больше, чем я, а я, наверное, больше, чем вы. Я это охотно допускаю! Но здесь дело идет не в раскрытии вины, которая тысячу раз доказана, а только о последнем духовном напутствии, в котором я не имею права отказать и великому грешнику,— сказал Олимпио с решительностью, которая произвела впечатление на духовника.— Вы пришли, чтобы выполнить эту обязанность!

— Да поможет мне в этом Пресвятая Матерь Божия!

— Далее нечего разъяснять, достопочтенный отец! Вы видели, вероятно, приказ государыни, все остальное вы услышите от самого приговоренного. Не думайте также, что я принадлежу к тем, кто злоупотребляет высшей властью и использует ее, чтобы скрыть собственные проступки. Я бы мог это сделать, благочестивый отец, я бы мог, но никогда не пользовался и не воспользуюсь этим.

Духовник Евгении, хитрый старый иезуит с лунообразным лицом, устремил удивленный и испытующий взгляд на Олимпио.

— Смотрите,— сказал он,— не возводите на себя ложное подозрение!

— К этому я привык, мой достопочтенный отец, хотя это меня мало печалит! Главное для меня — внутренний голос и собственное сознание. Наружный вид благочестия нетрудно сохранить, но истина остается в сознании, которое знает все! Ну, мое сознание не смущает меня.

— Благо тому, кто может сказать это о себе, мой благородный дон.

— Да, благо тому! Я и вам желаю того же,— со значением заметил Олимпио, который знал, что духовник государыни постоянно

раздавал отпущения ради корыстных целей своего ордена и Антонелли.— Но я говорю не о том напутственном спокойствии сознания, которое основывается на лживом изречении — цель оправдывает средства, нет, нет, мой достоуважаемый отец, такого подлога я не терплю! Только об истинном внутреннем спокойствии говорю я и этого-то желаю вам!

Слуга доложил о прибытии полицейских агентов Грилли и Готти.

Духовнику это обстоятельство было очень кстати, так как разговор с Олимпио тяготил его

— Пригласи их сюда, скоро одиннадцать часов, у нас есть еще четверть часа времени.

Духовник осушил свой стакан и поднялся с места, общество агентов было для него неприлично, и он хотел избежать необходимости пить вино в их присутствии, как бы соблазнительно это ни было. Шарль Готти и Грилли вошли в комнату. Оба были во фраках, белых жилетах и галстуках, точно готовились на праздник. Валентино говорил с ними от имени государыни, и они решили на всякий случай одеться в вечерние костюмы.

Олимпио принял обоих господ с небрежностью и некоторым презрением.

— Господа, прошу садиться,— сказал он, указав вошедшим на диван. Оба агента стояли несколько смущенные.— У нас есть еще немного времени до начала акта, который должен совершиться по приказанию императрицы. Закусите и выпейте, вас ожидает нелегкая задача.

Оба агента теперь еще менее, чем прежде, понимали, о чем собственно идет речь. Вся сцена имела для них загадочный характер. Дон Агуадо был в генеральской форме и что-то серьезное и торжественное сквозило в его осанке. Впечатление довершало присутствие духовника ее величества в полном облачении.

Грилли и Готти послушно заняли места.

— Вот какой удивительный вопрос пришел мне в голову прошлой ночью,— начал Олимпио, откинувшись на спинку кресла.— Вы будете смеяться, но когда лежишь ночью без сна на своей подушке, часто возникают такие видения и вопросы, о которых обычно не думаешь!

И вот я думал о том, кто из всех советников, чиновников и слуг остался бы верен государыне, если бы каким-нибудь волшебством обстоятельства изменились и, как в сказках, государыня превратилась бы в бездомную нищую.

Услыхав его, духовник поспешно вошел в комнату, а оба агента вопросительно переглянулись.

— Я хотел бы знать,— продолжал Олимпио,— стал ли бы тогда министр Шевре, принцы Мюрат и Бонапарт, графиня Распони и мадам Валентино, графиня Пепполи, мадам Тюр, генерал Морис и графиня Гаяне, барон Давид и господин Сабуэ, стали ли бы эти господа и тогда оказывать государыне такое же преклонение, какое они проявляют теперь? Вы, без сомнения, знаете, что все эти

господа в настоящее время очень преданы императорскому семейству и часто являются засвидетельствовать свое почтение.

Эта странная мысль, вижу я... так как вы не отвечаете мне, но мне в прошлую ночь она показалась очень естественной! Я задавал себе вопрос, останется ли хоть одна из этих личностей в Тюильри. О, число их велико и все они пользуются милостями государыни. Баронесса Кассирон, мадам Виза, графиня Еримоли и мадам Раттаци, князь Габриэлли и графиня Авенти, сын Жерома Бонапарта, герцог Грамон, господа Руэр и Оливье, духовник государыни и Гранье, откормленный газетный писака... останется ли хоть единственный из них при государыне в случае ее внезапного и столь неблагоприятного превращения?

Об императоре я не говорю, у него есть маршалы Базен, Мак-Магон, Канробер, генералы Лебеф, Файльи, Винуа, но государыня?..

Вы молчите? Я хотел бы знать, есть ли возле нее хоть один человек, который служил бы не из корыстных побуждений, а из любви. Вы никого не можете назвать? О, тогда государыня очень бедна, и нужно, чтобы она хоть раз увидела в истинном свете этих тунеядцев и прихлебателей и узнала бы их получше!.. Однако, господа, пора. Сделайте одолжение, пожалуйста со мной в экипаж.

Олимпио смешило довольно щекотливое положение, в котором очутились духовник и преданные слуги двора. Последние же удивлялись странному поведению донна, не зная, чем объяснить его довольно-таки странный разговор, которого они, конечно, не поняли.

Все сошли вниз, где ожидал уже экипаж.

Олимпио предложил духовнику занять переднее место, затем на задней скамейке поместились Грилли и Готти, последним вошел Олимпио и сел подле достопочтенного отца.

Агенты надеялись теперь узнать о цели поездки, но они ошиблись, так как кучеру уже раньше было дано указание.

Четверка прекрасных жеребцов быстро помчала карету.

Олимпио хранил молчание и казался еще серьезнее, чем прежде. Экипаж повернул в улицу Боньоле.

Грилли и пер д'Ор переглянулись; они начали понимать в чем дело, когда экипаж остановился у дома Хайдемана, где он встречал их со свечой в руках.

— Нас ждет что-то необычайное,— тихо сказал Грилли своему товарищу, когда духовник вышел из кареты.

— Будет покойник,— также тихо ответил Пер д'Ор, которому от всего этого становилось жутко.

Палач поклонился генералу и духовному отцу, затем приветствовал полицейских агентов.

Хайдеман, освещенный пламенем свечи, походил в эту минуту на средневекового палача.

— Приговоренный на месте?— спросил Олимпио, вступая вместе с духовником в дом палача, за ними вошли агенты.

— Он доставлен мне четверть часа тому назад,— ответил своим глухим голосом Хайдеман. В это время часы на церковной башне пробили двенадцать.

— Где находится агент Маранион? — снова спросил Олимпио, причем так громко, чтобы Грилли и Готти могли расслышать.

— На заднем строении, у слуг.

— А эшафот возведен?

— Как приказано, мой благородный господин, смотрите!

Палач открыл заднюю дверь, которая вела на большой, обнесенный высокими стенами двор.

Олимпио быстро направился к двери и здесь перед их взорами предстал эшафот, на вершине которого возвышалась гильотина.

Валентино и Леон стояли возле него с факелами в руках, между тем как слуги Хайдемана заканчивали убирать помост.

Грилли взирал на эти приготовления с выражением страха на лице, Пер д'Ор печально посматривал вверх, на гильотину.

— Теперь, господа, позвольте представить вам приказ, вследствие которого казнь должна совершиться в эту ночь,— сказал Олимпио твердым и серьезным тоном.— Ведь вы получили приказ? — обратился он к Хайдеману.

— Он находится здесь,— ответил палач и с этими словами открыл дверь, через которую вышла когда-то его несчастная дочь, бедная жертва Персиньи, укравшая тогда ключи для спасения принца Камераты.

Четыре господина вошли в комнату.

На столе посредине комнаты горела лампа, Хайдеман достал бумагу и положил ее на стол.

— Достопочтенный отец,— обратился Олимпио к духовнику,— вот документ

— Проводите меня к осужденному,— обратился духовник к палачу, который со свечой в руке повел его за собой.

— Вы, господа, призваны быть свидетелями казни, которая по повелению свыше должна совершиться в эту ночь! Приглашаю вас взглянуть на это повеление. Оно относится к преступнику по имени Эндемо, который, как полицейский агент, присвоил себе имя Маранион. Число его преступлений велико, вы должны быть свидетелями его показаний.

Шарль Готти и Грилли посмотрели на документ и признали его подлинность.

— Духовник государыни готовится осужденного к смерти,— проговорил Олимпио.— Последуйте за мной на двор, где возведен эшафот!

Оба агента повиновались, с непривычной робостью взирая на могучую фигуру человека, который умел повелевать; невольно следовали они за ним в оставшуюся открытой дверь, которая вела на двор палача, и опустились по деревянной лестнице.

Леон продолжал неподвижно стоять со своими факелами возле эшафота, Валентино приблизился к своему господину.

— В три четверти двенадцатого мы доставили мнимого герцога к палачу,— доложил он тихо.

— Где вы его нашли?

— В его постели! Мы заставили его одеться, посадили в экипаж и привезли сюда!

— Знает он свою участь?

— Он узнал ее, как только увидел меня!

— Он сопротивлялся?

— Да, но только вначале, потом совершенно стих, видя перед собой неминуемую смерть. Он был в беспамятстве, когда мы сдали его на руки палачу.

— Я думаю, негодяй притворяется.

— Это ему мало поможет, дон Агуадо,— заметил Валентино,— там, наверху, умолкает притворство!

Он указал на гильотину.

Грилли и Пер д'Ор воспользовались этим временем, чтобы отойти немного в сторону.

— Мне кажется, что я вижу сон, и, не будь здесь духовника государыни, я бы думал, что все это подлог и обман! — тихо сказал Грилли.

— Нет,— возразил Пер д'Ор,— разве вы не знаете дона Олимпио Агуадо?

— Я знаю только, что Бациоши его ненавидел и что...

— Все это пустяки,— перебил его тихо Шарль Готти,— слово его сильно! Рассказывают о нем удивительные вещи.

— Что же, скажите?

— Что он всесилен, и что императрица делает все, что он приказывает! Письменный документ в полном порядке! Дон платит Мараниону за его дела его собственной кровью!

— Ого, надо, значит, чертовски беречься этого генерала! Ведь он теперь уже не узнает, что мы...

— Именно потому, что он нас знает, он и взял нас свидетелями, чтобы мы видели, что грозит тому, кто служит его врагам и вредит ему самому!

— Но Маранион действительно делал ужасные вещи,— сказал Грилли, с удивлением глядя на Олимпио.

— Он исполнял только повеление Бациоши, а значит, и государыни!

— А теперь по ее же приказанию будет сам казнен.

— Это всегда так, разве вы этого не знаете? Он наказывает Евгению, убивая ее оружие, но тише — дверь на той стороне за скрипела...

Грилли и Пер д'Ор посмотрели в сторону неприветливого строения позади двора.

Около двери виднелись две темные фигуры, это, без сомнения, вели приговоренного.

Олимпио взял с собой указ и держал его в одной руке, в другую он взял факел.

Он взшел на ступени эшафота. Он походил на рыцаря знаменитого Вестфальского суда или на северного богатыря, исполняющего Божий приговор. При виде этой могучей неподвижной фигуры даже стоявшие рядом два помощника палача почувствовали внутренний трепет.

Темные фигуры обозначились теперь яснее, двое слуг несли впереди два больших фонаря, позади них двое других вели приговоренного, который неистово пытался вырваться из их рук.

Хайдеман шел непосредственно за ним.

Последним с опущенной головой и сложенными руками шел духовник, напутствие и утешение которого преступник отверг с ругательствами и оскорблениями.

— Это убийство,— кричал он теперь,— постыдное убийство, все вы наемники моих врагов! Проклятие вам! Неужели здесь нет никого, кто согласился бы исполнить для меня одно поручение? Предлагаю золото, много золота, только до завтра повремените с казнью, вы все обмануты, я не должен умереть! Если я иду на эшафот, то за мной должны идти тысячи, которые были моими соучастниками!

Слуги, державшие яростно противившегося Эндемо, повалили его на землю.

Тут он заметил обоих агентов.

— Помогите мне, Грилли, Готти! Защитите меня! Спасите меня! Разве вы не видите, что со мной хотят сделать?

Широко открытыми глазами смотрел Эндемо на агентов. Лицо его было искажено страхом, спутанные волосы падали на лоб, с которого катились капли пота, бескровные губы были перекошены — ужасное зрелище!

— Да вы и не поможете мне, вы хотите видеть, как меня станут убивать,— кричал Эндемо, скрежеща зубами,— вы тоже должны идти туда, вы не лучше меня!

Слуги тащили его к эшафоту, освещенному факелами Олимпио и Леона.

Хайдеман взшел на ступени. Олимпио и духовник последовали за ним, двое слуг с большими фонарями поднялись наверх и стали по обе стороны гильотины.

Леон и Валентино, как и оба полицейских агента, остались внизу.

Когда Эндемо, которого уже втащили наверх, увидел Олимпио, стоявшего с факелом в руке возле Хайдемана, лицо его еще ужаснее исказилось, и яростный вой раздался из его уст.

— Смерть ничего, я сто раз пренебрег бы ею, но то, что этот остается победителем, это приводит меня в бешенство и не дает мне умереть!

Эндемо яростно вырывался, чтобы броситься на Олимпио, который продолжал стоять неподвижно, но один из слуг набросил ему на голову плотное черное покрывало, из-под которого доносились теперь только хриплые крики.

Олимпио передал палачу бумагу.

— Свяжите его,— приказал Хайдеман.

Преступника крепко связали и сняли с него покрывало. Теперь он убедился, что злоба и ярость его бессильны. Справедливая судьба не хотела оставить его преступления без земного возмездия. Связанный по рукам и ногам он видел теперь, что смерть неминуема. Час расплаты за его злодеяния пробил.

«...Именем государя! — читал палач громким голосом, держа в руках документ, на который падал свет факела.— Мы признали справедливым и повелеваем бывшего полицейского агента Мараниона, называемого также Эндемо, за повторение преступлений против жизни других наказать смертной казнью через гильотину. Дано в Тюильри за императорскою подписью и печатью».

Эндемо презрительно и страшно захохотал.

Палач откинул свой длинный черный плащ.

Олимпио приблизился на один шаг.

— Ты стоишь на пороге смерти,— сказал он громко и торжественно,— исчисли ряд твоих преступлений! Только один раз можешь ты умереть, хотя заслужил это сто раз! Признавай же свои злодеяния, чтобы легче было тебе сложить там свою голову!

— Да,— закричал Эндемо с отвратительно торжествующим выражением,— да, я перечислю их, это доставит мне наслаждение и только одно оплакиваю я, только одно не дает мне умереть: что ты и Долорес остаетесь жить вместе!

— Признавайся,— сказал Олимпио.

— Сельский старшина из Медины — первый, который пал от моей руки; потом был старый Кортина, которому разmozжил голову матрос по моему приказанию. Долорес знает это! Я приказал своему слуге утопить тебя в Темзе! Я, Эндемо, был тот, кто засыпал подземный ход в Севастополе в надежде, что ты и твой приятель погибнете там, как пойманные зайцы!

Я пытался убить тебя при посредстве женщины из Камыша, но и здесь ты увернулся!

Тогда я принес, чтобы погубить тебя, бомбы в твой дом и отравленное вино в камеру. О, я знаю, кто выдал меня, и Маргарита была бы наказана смертью, если бы вы не мешали мне! Ее мать, Габриэль Беланже, пала от моей руки, точно так же и принц Камерата! Это я в Фонтенбло нанес ему смертельный удар!

Эндемо с возрастающей яростью и злобой, от которой задыхался, перечислял свои злодеяния. Наконец, он умолк на мгновение.

— А Жуан, мертвую руку которого ты показывал, убийца? — спросил Олимпио.

— Я нанял в Каире двух греков, так как сам не мог там этого сделать,— торжествующе вскричал Эндемо.— Жуан любил Маргариту, поэтому я принес ей в подарок его мертвую руку!

Духовник и свидетели внизу ужаснулись от такого зверства; даже палач, который видел и слышал много преступников, с удивлением посмотрел на этого незаурядного изверга.

— Вы все слышали признания приговоренного,— сказал Олимпио громким голосом.— Если только возможен справедливый приговор, то топор палача исполнит его теперь!

— Только ты каким-то чудом избежал моих рук,— продолжал кричать преступник, все еще пытаясь броситься на Олимпио и кипя злобой и яростью.

— Молись,— приказал Олимпио.

Духовник подошел к Эндемо.

— Не подходите ко мне,— закричал тот.— Утешайте преступников двора! Если бы вы могли спасти меня от смерти, тогда бы я стал вам верить и молился бы без перерыва три дня и три ночи, после чего попросил бы у вас отпуск лишь настолько, чтобы вон тому загасить свечок жизни! Можете вы это? Нет! Ну, так прочь от меня!

Духовник, набожно сложив руки, опустился на колени и едва слышно произнес молитву.

— Становись на колени,— сказал Олимпио повелительно.

Слуги поставили Эндемо на колени.

— Молись, не злоупотребляй терпением твоих судей!

Осужденный вдруг посмотрел на гильотину и на стоявшего подле нее с засученными рукавами помощника палача, который ждал только приказа, чтобы схватить его, и на него напал страх, он дрожал, зубы его судорожно стучали.

— Совершите свой долг,— сказал Олимпио палачу.

Последний подошел к боковой балке гильотины, на которой находилась пружина топора.

В то же мгновение слуги бросились на Эндемо, чтобы пристегнуть его к колоде.

Зверская ярость снова пробудилась в нем, он укусил руку одного из слуг так сильно, что тот с проклятием отдернул ее назад.

Зато помощники Хайдемана особенно грубо подтащили его к гильотине, всадили его голову в вырез и так туго затянули ремни, что он почти задохся.

Палач дотронулся до пружины.

Сверкающий топор послушно совершил свой путь, острое лезвие его одним ударом отделило голову от тела и оно с глухим стуком упало на черный помост. Струя крови полилась по черному сукну помоста.

Эндемо был казнен.

Земля освободилась от дьявола, который в жизни своей не сделал ничего, кроме зла, неся гибель всем вокруг себя.

По приказанию Олимпио голова и туловище были положены в цинковый ящик, который был отослан в Медину.

Несколько недель спустя Маргарита удалась в монастырь, чтобы найти там тишину и покой своей измученной душе.

ОЛИВЬЕ И ГЕРЦОГ ГРАМОН

Мы уже упоминали, что при дворе наступили перемены, имевшие неблагоприятные последствия, и что новые министры никак не оправдали надежд французского народа.

Морни, этот главный советчик Наполеона, незадолго перед тем умер в одном из своих путешествий. Персиньи, сделанный герцогом, женился на богатой русской и удалился от общественной деятельности, может быть, потому, что уже предвидел гибель империи. Невеста принесла ему в приданое семь миллионов, но бывшему вахмистру и теперешнему герцогу этого было недостаточно! У жены его был брат, 16-летний мальчик, у которого также было семь миллионов! Этого мальчика в одно прекрасное утро нашли мертвым в постели. Герцог наследовал его огромное состояние, но общественное мнение назвало его убийцей, и он вынужден был уехать.

И вот этот достопочтенный муж становится вдруг «благочестивым»!

Он строит школы и больницы и оставляет дырявое государственное судно, чтобы возможно незаметнее спасти свои миллионы и свою жизнь.

Но нашлись другие креатуры, которые заняли места прежних.

Гаусман, этот парижский паша, также убежал, и место его занял известный Шевро, скоро ставший министром императрицы.

Ловкий барон Гаусман, как и все градоначальники в больших городах, беззастенчиво опустошал городскую казну, что вело, естественно, к постоянному росту налогов. Он бежал ввиду всеобщих проклятий парижан, которые были так дерзки, что потребовали отчета в его финансовом хозяйстве и проверки происхождения его миллионов. Он уехал в Италию и с неслыханным бесстыдством объяснил оттуда, что он бедный человек и владеет только несколькими сотнями тысяч франков, которые сберег от своего жалованья!

Шевро, который ему наследовал, был прежде префектом в Нанте и Лионе. Он был любимцем Наполеона, поэтому надо было его наградить и возвысить, несмотря на то, что в Лионе он обращался с общественным имуществом точно так же, как Гаусман в Париже.

Теперь он стал домашним министром императрицы, и мы увидим в одной из последних глав, как он, подобно обыкновенному вору, насмеялся над доверием своей государыни, хотя самые высшие ордена и почетные знаки украшали его грудь!

Эти тайны Тюильри до сих пор оставались нераскрытыми или недостаточно известными, хотя мы ругаемся за правдивость их во всех частностях.

Кроме министров, к которым мы теперь вернемся, следует упомянуть еще об одном высшем государственном чиновнике.

Мы говорим о старом Девьенне, президенте парижской кассационной палаты.

Он явился, до поступления Маргариты в монастырь, в дом Олим-

пио в качестве посредника от Наполеона, чтобы купить у прежней любовницы императора согласие вечно хранить тайну. В награду за молчание седовласый президент предложил Маргарите дарственную запись на замок Мучи, но потерпел полнейшее фиаско, его предложение было с презрением отвергнуто. Маргарита сказала посреднику своего обольстителя, что она отреклась от мирских интересов и почла за лучшее для своего измученного сердца удалиться под мирную сень монастыря.

Олимпио, увидевший насквозь этих первых государственных мужей, знал наперед, что падение Наполеона неизбежно. Долорес страстно желала уехать в свое отечество и спокойно насладиться своим с таким трудом достигнутым счастьем. Олимпио обещал выполнить ее желание, лишь только исполнит то, что считал своим последним долгом.

Мы говорили в первой главе этого рассказа, что на балу в Тюильри в 1870 году война против Пруссии считалась уже не подлежащей сомнению.

Олимпио посвятил в эту тайну Олозаго, и хотя все говорили, что война необходима, чтобы успокоить возбужденные умы, он пророчил, что она приведет к гибели империи.

Он не хотел способствовать этому несправедливому и ненужному кровопролитию и стремился насколько возможно воспрепятствовать ему.

Однако министр Оливье, это слабое орудие императора, этот пособник императрицы, подавал голос за войну, потому что оба они желали ее и считали необходимой, чтобы занять население. Евгения еще сильнее стала настаивать на этом, когда узнала, что принц Леопольд Гогенцоллерн, которого испанцы хотели сделать своим королем, отказался от предложенной ему руки одной из ее племянниц.

Отречение немецкого принца от предложенной короны не могло отклонить тюильрийское общество от задуманного плана, так как Евгения, исполненная гнева, желала отомстить немцам.

Кроме того, принц Наполеон и министр Грамон слишком запутались в биржевых спекуляциях и надеялись с помощью войны наладить свои дела.

Герцогу Грамону особенно необходимо было поправить свои расстроенные денежные обстоятельства, и поэтому он горячо отстаивал мнение, что отречения немецкого принца недостаточно, чтобы отказаться от войны.

Этот благородный герцог принадлежал к тем натурам, которые всякому патрону готовы льстить с одинаковою преданностью. Во времена Луи Филиппа он был горячим приверженцем этого государя, но едва только вззошел на престол Наполеон, как он примкнул к нему в надежде добыть денег, которых ему вечно не хватало при его баснословно расточительной жизни.

Теперь у него был портфель министра иностранных дел, и он рассчитывал с успехом воспользоваться этим местом, чтобы подобно большей части наполеоновских ставленников приобрести богатство.

Через несколько дней после большого праздника в Тюильри, на котором военный министр Лебеф уверял, что войска готовы к бою, Евгения сидела в своем будуаре, полная надежд. Она только что говорила с Оливье и узнала, что он добился от палаты согласия на войну и кредита на нужные миллионы. Она всегда смеялась над глупостью этого министра, но теперь должна была согласиться, что этот глупец все же сумел провести то решение, которое было ей нужно, и она очень милостиво отпустила его, посвятив предварительно в тайну своего плана, который особенно занимал ее в эти дни приготовлений.

Евгения хотела, чтобы император вновь приобрел популярность и любовь армии, а для этого, по ее мнению, он должен был принять на себя главное командование, хотя он был так слаб, что не мог даже держаться верхом и должен будет поэтому объезжать поля битвы в своем экипаже. Но Евгения желала этого, а значит, так будет! Люлю должен был сопровождать императора, сама же она хотела остаться регентшей. Для выполнения этого плана она и заручилась помощью Оливье.

В тот вечер Евгения, окрыленная безумными надеждами, сидела в будуаре и писала письмо матери, делясь с ней своими властолюбивыми мечтами.

В это время она услышала шум за портьерой, отделявшей будуар от библиотеки. Евгения была одна, и откуда мог произойти этот шум?..

Она оглянулась.

Портьера раздвинулась.

Евгения побледнела, перо выпало из ее рук.

В дверном проеме показалась высокая фигура Олимпио, который всегда предстал пред ней подобно всезнающему пророку.

Она боялась Олимпио Агуадо, дрожала перед ним, а он опять явился ей именно в этот час, когда она чувствовала себя достигающей вершины своего могущества и исполнения своих желаний...

Олимпио вступил в будуар и закрыл за собой портьеру, затем приблизился к императрице, которая привстала и неподвижно смотрела на него, точно окаменев от его взгляда.

Она думала, что Олимпио пришел к ней по делу Жуана, и у нее готов был ответ, которым она думала его удовлетворить.

Странно! Евгения боялась этого испанского дона, и вместе с тем в спокойные часы у нее возникало к нему совершенно другое чувство — ей казалось тогда, что она должна привязать его к себе, что он ей необходим, что она в нем нуждается, она, всемогущая государыня!

Олимпио поклонился, не произнося ни слова.

— Я догадываюсь о причине, которая привела вас сюда, дон Агуадо,— обратилась к нему Евгения по-испански,— я получила собственноручное письмо хедива.

Олимпио молчал, ни одна черта его серьезного лица не дрогнула.

— Молодой офицер, которым вы интересуетесь, дон Агуадо,— продолжала Евгения, чтобы прервать молчание, тяготившее ее,— убит! Благодаря одному из слуг хедива удалось поймать обоих преступников и казнить. Вице-король очень опечален этим приключением и утешается только тем, что оба убийцы не подданные его, а греки!

— Казнь, мадам, не может возратить мне юного друга, которого я оплакиваю и который воцвете лет нашел смерть в далекой стране! Но я привык переносить потери, из всех моих друзей ни одного более не осталось в живых, вы это знаете! Благодарю вас за сообщение,— продолжал он,— однако есть другая цель, из-за которой я явился сюда — вы решили начать новый поход, новое кровопролитие!

— Император вынужден к этой войне, дон Агуадо!

— Император в руках злых советников. Мадам, откажитесь от этой войны, которая готовит вам гибель.

— Это невозможно, теперь все должно решиться военным счастьем! Я надеюсь, что на этот раз пророчество ваше не сбудется! Мы превосходим пруссаков войском и оружием, победа неминуема, дон Агуадо, Франция того желает!

— Франция желает и ей нужен мир, мадам! В последний раз являюсь я к вам, чтобы словами убедить вас вернуться, в последний раз пытается Олимпио спасти вас.

— Спасти? — холодно и самоуверенно сказала Евгения.— От чего? Вы слишком мрачно настроены.

— Вспомните о дяде императора, вспомните о проклятии несчастной Шарлотты.

— К чему... напоминания,— пробормотала Евгения, вынужденная опереться о свой роскошный письменный стол.

— Послушайте меня, мадам, пока еще не поздно. Вы окружены неблагодарными, корыстолюбивыми людьми, предателями, которые покинут вас, лишь только увидят первую неудачу вашего оружия,— сказал Олимпио твердым голосом.

— Я не допускаю такой возможности, не верю в нее: Пруссия стоит совершенно одна, остальные народы с радостью станут за нас или, в самом неблагоприятном случае, будут нейтральны! Наши войска в четыре недели будут уже за Рейном, и советники возвысятся до титулов князей!

— Слепая,— пробормотал Олимпио, отступив на шаг, затем громко продолжал:

— Вы вспомните мое слово, мадам, когда тщетно будете звать своих любимцев, которым расточаете вы сейчас свое доверие! Тогда будет поздно воротиться, тогда все будет потеряно! Возле вас нет ни одной души, которая была бы вам верна в несчастье.

— Ошибаетесь,— воскликнула Евгения в лихорадочном возбуждении,— я полагаюсь на Оливье и Грамона!

— Они первые оставят вас!

— Затем Шевро, который верен мне, Руэр...

— Они заняты будут спасением своих богатств, которыми обязаны вам, и для вас у них не останется времени!

Евгения искала другие имена, чтобы убедить Олимпию, что он предполагает невозможно.

— А герцогиня Боссано, княгиня Эслинген...

— Для «несчастной» императрицы их не будет! У вас нет ни одной души, Евгения, которая, в несчастии была бы вам верна; для этого нужно раздавать любовь, а не золото и почетные места, для этого нужно делать добро, а не жаловать ордена и замки неблагодарным любимцам! Вы будете покинуты и несчастны!

— Наконец,— воскликнула Евгения, как бы колеблясь,— у меня будете вы!

Сказав это, императрица на минуту остановилась, будто желая прочесть ответ на лице человека, имевшего над нею таинственную власть.

Олимпию пожал плечами.

— Как,— воскликнула она,— значит, вы высказали только то, что чувствуете сами?

— Я уезжаю со своей женой в Испанию, мадам, чтобы после всех тяжелых ударов судьбы и борьбы отдаться спокойной жизни.

Почувствовав контраст, который Олимпию ей представил, Евгения очнулась при этих словах, ледяная улыбка скользнула по ее лицу.

— Утешимся, дон Агуадо, ваш страх и ваши грозные предсказания никогда не осуществятся,— сказала она гордо,— мы напрасно тревожим себя фантазиями и небылицами!

При этом она принужденно засмеялась.

— Мое последнее слово, мадам, для которого я сюда пришел: остановитесь, еще есть время! Не пренебрегайте моим советом, пожалейте себя! Вместе с вами падет Франция! Своим поступком вы совершите страшный грех, и вина ваша погубит вас! Подумайте о своей душе, заклиная вас.

Евгения отвернулась, необъяснимая борьба давила ее душу, она колебалась.

Когда она снова подняла глаза, Олимпию уже исчез.

Был ли он ее добрым гением или злым демоном, этого она не могла решить!

Но судьба ее была predetermined! Олимпию ничего не мог изменить.

Несколько дней спустя, 15 июля 1870 года, последовало объявление войны Пруссии.

Толпы народа собрались около Тюильри, раздавались громкие крики ликования. Наполеон и Евгения вышли на балкон, чтобы благодарить народ. Императрица сияла счастьем, она не сомневалась более, что выбор ее правилен и надежды не обманут ее!

Когда она вышла на балкон, чтобы благодарить собравшуюся толпу, она вдруг заметила Олимпию между пестрой чернью. Она невольно ухватилась за перила балкона, боясь потерять сознание.

Внизу стоял Олимпио, который, точно привидение, вышел из земли, чтобы еще раз напомнить ей ее долг и отравить ее счастье и надежды; на груди его висел крест — черный! Ни один камень не блестел в нем более, ни один луч не вырывался из него... все они угасли, как некогда звезда первого Наполеона, когда он отправлялся в Россию.

Евгения ужаснулась.

Когда она вместе с Луи Наполеоном вернулась в залу, где ее ожидали льстивые сановники, к ней подошел герцог Грамон с только что полученными депешами.

Император распечатал их и пробежал глазами, не произнося ни слова. Депеши утверждали, что южная Германия на стороне Пруссии и что вся Германия подымается как один человек! Перед глазами Евгении все еще стоял образ Олимпио с черным крестом, на котором угасла последняя звезда.

Она слышала его слова, первая ошибка, которую она считала невозможною, сделалась теперь фактом. Она гордо выпрямилась.

— Идите,— сказала она императору,— быстрыми и решительными действиями мы еще можем добыть лавры победы.

XXV

ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ

Луи Наполеон, желая узнать расположение Франции к нему и Евгении, весной этого года вывел на сцену народное голосование. В плебисците должна была принять участие и армия, при этом обнаружилось, что некоторые части войска подали свои голоса против Наполеона. Эти отряды, в которых было много африканцев, должны были в наказание составить форпосты и, по возможности, быть совершенно уничтоженными.

Главная французская армия под командованием Базена, Канробера и других стягивалась у Меца, Рейнская армия под начальством Мак-Магона — в Эльзасе. Меньшие армии, которыми командовали Фальш и Фроссар, держались вблизи последних.

Эти приготовления сопровождалась блестящими празднествами и торжественными совещаниями. Уже отчеканивались медали, которые предназначались для раздачи при вступлении войск в Берлин, Мюнхен и другие главные города Германии.

Луи Наполеон передал регентство императрице и вместе с наследным принцем отправился на театр военных действий. 28 июля они прибыли в Мец — войска ликовали, и император лелеял наилучшие надежды на блестящий успех.

Особенно много ожидал он от одновременного наступления морских и сухопутных сил, так как со всех сторон его извещали, что все снаряжение и приготовления давно окончены.

Несмотря на это, день проходил за днем, а французы не начинали наступление и пока не осуществляли свои хвастливые угрозы:

1 августа перейти Рейн, а 15 августа, в день Наполеона, вступить в Берлин!

Император получил известие о страшной силе немецкого войска и о его единодушном настроении, что очень не понравилось ему. Кроме того, депеши адмиралов сообщали, что нападение на восточный берег сопряжено с некоторыми трудностями, так как воды его совершенно неизвестны, и высадка сопряжена с риском.

Евгения и парижане между тем удивлялись, что так долго нет обещанных известий о победах, и что Рейн все еще не перейден!

Через Рейн не перешел ни один француз, напротив, немцы начали подвигать свои форпосты за границу, так как им надоело столь долгое ожидание.

Уже около этого времени стали показываться то там, то сям немецкие ратники, которые с неслыханной смелостью производили свои рекогносцировки далеко в неприятельской земле. Когда императору описали этих воинов, разрушающих телеграф и железные дороги, стало ясно, что это уланы, которые, разведав все, что им было нужно, бесследно исчезали.

Вдруг в начале августа в Париже была получена депеша, немедленно обнародованная императрицей и вызвавшая у парижан большую радость. Она гласила:

«Победа при Саарбрюкене 2 августа. Дивизия Фроссара разбила и отбросила три дивизии пруссаков. Саарбрюкен сожжен».

Кроме того, Луи Наполеон писал Евгении о своих и Люлю героических подвигах следующее:

«Мы находились в первой линии, ружейные и пушечные ядра падали перед нами. Люлю поднял одно ядро. Солдаты прослезались, видя его столь спокойным!»

Чело Евгении прояснилось при этих известиях, она витала в облаках от умиления и гордости.

Позже французы узнали все доподлинно об этом победоносном сражении.

Сорок тысяч французов под командованием Фроссара одержали эту так называемую великую победу против 750 человек 40-го полка немцев. Таким образом, три прусских отряда, из которых Наполеон не замедлил сделать три дивизии, держались в течение нескольких часов против силы, в 50 раз большей, чтобы затем только после последовавшего приказа своего командующего отступить.

Такова была победа, по поводу которой ликовал Париж.

Совершив этот подвиг, император и Люлю громко приветствуемые войсками, уехали обратно в Мец, чтобы не лишать себя удобств и изысканного стола.

Луи Наполеон прекрасно сознавал обман, который он учинил, и чувствовал, что скоро должна наступить развязка. Если кучка солдат могла противостоять в течение трех часов целому войску, если страшные митральезы ни на минуту не поколебали их хладнокровия, то не было сомнения, что превосходство немцев очень скоро обнаружится.

Наполеон хорошо знал, что главный двигатель его войск — самолюбие и успех, что после первого же небольшого поражения, ему нечего рассчитывать на свою армию, потому он и не решался на наступление, которое немедленно вызвало бы решительную битву, и не думал, что немцы принудят его к такой битве да еще при лучших для себя условиях!

В то же время у него родилась мысль поступить здесь так, как с австрийцами, т. е. чтобы Мак-Магон, герцог Мадженты, даровавшей ему его титул, честь французской армии, дал и этот раз почетную для французского оружия битву, после которой можно будет попытаться заключить мир. Таким образом император надеялся спасти свой трон!

Пока он обсуждал все это вместе с Лебефом, около маленького городка Вейсенбурга случилось нечто, что совершенно расстроило его планы!

Мак-Магон, или его авангард под предводительством Дуэ, был разбит немецкой армией под начальством прусского наследного принца, обратившего в бегство авангард французов.

Этого Наполеон никак не ожидал.

Он надеялся еще, что Мак-Магон, стянув все свои боевые силы, поспешит за ним и даст решительное сражение, но и этому воздушному замку суждено было, немного дней спустя, рассеяться в прах!

6 августа произошла битва при Верте, в которой Мак-Магон с 80 тысячами солдат занимал превосходные позиции.

Но немцы отбросили назад посланную против них дивизию, они как герои сражались против туркочов, укрывавшихся в виноградниках и хмельниках, и к вечеру одержали столь славную победу, что армия Мак-Магона обратилась в паническое бегство, преследуемая и рассеиваемая немецкой конницей.

Потери французов были ужасны: 10 тысяч убитых и раненых покрывали поле битвы, такое же число было взято в плен, почти 40 пушек и митральез, а также весь лагерь герцога Маджентского, который не захотел участвовать в бегстве, попали в руки победителей.

Это, без сомнения, была победа, о какой Наполеон и Евгения не могли и мечтать.

Императрица и ее советники получили депеши, которые искажали действительное положение вещей, и не будь других газет, кроме парижских, такая ложь могла бы удалась.

Однако Евгения стала сознавать, что дела обстоят очень плохо, и что ей следовало послушаться Олимпио Агуадо, который и на этот раз говорил ей совсем не то, что друзья двора, и сказал правду!

12 августа, в то время, как немцы преследовали по пятам бежавших французов, произошел случай, неслыханный во всемирной истории: четыре уланы взяли главный город Лотарингии, Нанси!

Как, должно быть, смеялись эти четыре уланы, видя, что 50 тысяч жителей этого города вверяли им свою судьбу!

Впрочем, ведь это были уланы, а они пользовались у французов славой совершенно особенных людей.

Между тем в тот самый день, в который состоялась победа немцев при Верте, храбрый Фроссар со своими войсками был выгнан с Шпикеровских высот и при Форбахе так побит, что и он бежал, оставив в руках победителей пушки, кухни и палатки! Здесь обнаружилось, что французские офицеры, чтобы иметь под рукой проституток, возили с собой огромное количество так называемых дам полусвета, и в оставленных ими палатках находили платья, женскую обувь, шиньоны и другие предметы женского туалета.

Поражение французов вызвало большой переворот в управлении. Военный министр был смещен, Оливье и Грамон должны были подать в отставку, чтобы хоть на время заглушить ропот народа.

Советником императрицы был назначен обесславленный кузен Монтобан, граф Паликао!

Это был очень сомнительный акт, ибо он означал последнее средство, за которое, будь то даже яд, хватается умирающий!

Кузен Монтобан добыл свой лавровый венок в Китае во время завоевания Пекина, т. е. составил себе имя грабежом, убийствами и насилиями самого ужасного свойства.

Этот достопочтенный граф был призван сделаться помощником государыни, в то же время палата решила организовать так называемую подвижную гвардию и отправить ее в Шалонский лагерь, на помощь маршалу Мак-Магону.

При дворе все более явственно ощущались признаки приближающейся бури.

Часто по ночам Евгении стал являться образ Олимпио, и тогда уста ее шептали:

— О, зачем я его не слушала, он говорил правду!

Победоносно подвигавшиеся немцы отрезали Мак-Магона от Базена и все дальше отодвигали его назад; остальные французские войска, армия Канробера, Бурбаки с императорской гвардией и другие корпуса стянулись к Мецу, где в то время еще находился император со своим сыном.

Он видел себя окруженным 400-тысячным войском, и в нем снова затеплилась надежда, еще раз возникла мысль ударить всей этой массой на врага и отбросить его назад. Ему сказали, что южная немецкая армия занята преследованием Мак-Магона, и ее поэтому можно не опасаться, с другими же двумя он надеялся, имея почти полмиллиона солдат, покончить одним решительным ударом.

На 15 августа назначил он решение этого кровавого спора и получил уверение окружавших его полководцев, что все готово.

Но 14 августа неожиданно произошла схватка немецкого авангарда со стоявшими под стенами Меца корпусами Базена и Фроссара, к которым потом присоединился также корпус Адмиро, так что битва приняла широкие размеры.

Это была битва при Курселе, слава ее принадлежала преимущественно первому армейскому корпусу под командованием Мантейфеля.

Французы были отбиты со страшным уроном и загнаны под самую крепость, которая защитила их.

МАРШАЛ БАЗЕН И УЛАН

Луи Наполеон и его сын расположились в Меце со своим двором в здании комендантства. Главные распоряжения исходили от императора, в то время он был еще полным властелином и считал, что все погибнет, коль скоро он вынужден будет передать власть кому-нибудь другому.

В день битвы при Курселе в Мец прибыл курьер, привезший императору важные депеши из Парижа.

Императрица откровенно писала ему, что предвидит весьма печальные последствия, если поражения будут продолжаться дальше — и вот опять потеряна битва!

Кроме того, Луи Наполеон получил письма от Руэра и Грамона, в которых они просили его во что бы то ни стало заключить мир.

— Глупцы, — бормотал император, побледнев, когда опустил руку с депешами, — мир без территориальной уступки более немислим! Я бы погиб, если бы вздумал теперь заключить мир, подобный Виллафранкскому! Что удалось тогда, теперь совершенно невозможно!

Наполеон ходил взад и вперед по своему кабинету, наморщив лоб, глаза его бессмысленно блуждали по ковру, он думал, как выйти из настоящего тяжелого положения, он искал какой-нибудь спасительный план и все-таки не понимал еще всей опасности, в которой находился!

В это время в кабинет без доклада и даже без обычного поклона вошел Базен. В его появлении и во всем облике было что-то странное. Он был бледен, но при этом его холодное лицо выражало непреклонную решимость и железную волю.

Базен был один из тех людей, которые не имеют друзей, которым, судя по их характеру и поступкам, незнакомо чувство любви. Он никому не позволял заглянуть в свою душу и никогда, даже в минуты душевного волнения, не выдавал своих истинных чувств.

О характере Базена так много спорили его знакомые и давали ему столько различных определений, что одно это обстоятельство говорит уже о том, что его никто не знал. Одни называли его честнейшим человеком, другие — ловким злодеем и бессердечным, кровавым тигром в человеческом образе.

Как бы то ни было, но его действия в Мексике заставляют думать, что справедливо последнее мнение. Доброжелатели извиняли его действия тем, что он был безусловным приверженцем и верным орудием Наполеона.

Император остановился, увидев вошедшего Базена, испытующим взором посмотрел он на малоподвижную, точно из камня изваянную фигуру этого полководца, которому он теперь доверял больше всего, на которого возлагал свои последние надежды.

Базен чувствовал свое превосходство. Он выглядел в эту минуту

так, как будто он император, а Луи Наполеон — побежденный генерал.

— Я пришел с дурною вестью, Ваше величество,— медленно произнес он.

— Опять несчастная вестись!.. Теперь за первую хорошую я отдал бы полцарства,— сказал император шутливым тоном, в котором, однако, слышалась горечь.

— Провианта в Меце на мою первоначальную армию в 50 тысяч человек хватило бы на три, в крайнем случае на 6 месяцев! Но, Ваше величество, вы знаете, что теперь в стенах Меца число людей в десять раз больше.

— Это, маршал, задача, решить которую нетрудно!

— В крайнем случае, Ваше величество, запасов хватит едва на один месяц!

— Я говорю о другом решении. Слушайте. Победоносная вылазка должна открыть нам возможность соединиться с герцогом Маджентским!

Из глаз Базена сверкнула молния на маленького императора, который в эту минуту хотел, казалось, копировать своего дядю, но это был только слабый отблеск великого человека. У Базена был свой план, он пришел не за тем, чтобы выслушивать приказы, но чтобы самому повелевать!

Речь императора не понравилась Базену, но он только на минуту внутренне возмутился и сейчас же постарался сдержаться.

— Ваше величество,— сказал он холодно,— герцог Маджентский отеснен назад почти к самому Шалону, наследный принц прусский следует за ним по пятам и отрезал нас от герцога!

— Когда получены эти известия?

— Мне только сейчас доложили об этом. Все дороги к Парижу заняты неприятельской конницей: так доносят мне мои возвратившиеся люди!

— Отрезаны от Парижа? — повторил Наполеон в страшном волнении.— И только немногими всадниками!

— Уланами, ваше величество!

— Опять эти таинственные уланы! Мне начинает казаться, господин маршал, что мы все потеряли и что доверие наше неслыханным образом употребили во зло,— сказал император дрожащим голосом; он говорил тихо, но слова его дышали гневом.

— Это было дело императора и его военного министра, Ваше величество; если бы вместо доверия было больше предусмотрительности и чаще производились инспекции, то теперь не пришлось бы каяться!

— Совершенная правда, господин маршал, но мы привлечем недостойных к ответственности, и они увидят, что значит злоупотреблять доверием!

— Слишком поздно, Ваше величество,— возразил Базен, с ледяной холодностью выдерживая устремленный на него взгляд Наполеона.

— Что это значит? — коротко спросил император.

— Сегодня еще вечером вы должны вместе с принцем оставить Мец, Ваше величество!

Наполеон оцепенел при этих словах, которые Базен произнес с ужасающим спокойствием и твердостью.

— Оставить Мец? — повторил он, и в голове у него пронеслась мысль о военном мятеже.

— Сегодня вечером и как можно тише, чтобы никто в неприятельском лагере не мог заметить этого! Завтра уже нельзя будет попасть ни в Шалон, ни в Париж, даже в эту ночь может представиться еще много опасностей!

— Что означают эти слова и этот тон, господин маршал? Разве вы не знаете, в чьих руках власть?

— Если вы, Ваше величество, откажетесь исполнить мое требование, я прострелю голову прежде вам, а потом себе, — сказал Базен, вынимая из кармана заряженный револьвер.

Наполеон был так испуган этой угрозой и выражением лица маршала, что отступил шаг назад и сильно побледнел; он знал, что сопротивляться было бы безумием. Базен сильнее его. Наполеон чувствовал, что он во власти этого человека, и что на его стороне все войско.

— Вы избрали странный способ, чтобы спасти меня, — сказал после некоторой паузы император с холодной улыбкой. — Если бы я не знал ваших добрых намерений и испытанной верности, я приказал бы вас расстрелять! Чего вы требуете и о чем просите, господин маршал?

— Чтобы вы сейчас же передали мне главное командование, Ваше величество, — сказал Базен, пряча револьвер в карман, как будто ничего не было, — и чтобы вы немедленно приготовились к отъезду! Принц будет сопровождать вас, равно как и ваша свита. Несколько всадников будут рекогносцировать дороги. Будьте добры, Ваше величество, дать мне теперь же, здесь, полномочия главнокомандующего всеми войсками! Это необходимо для безопасности Франции, вашей и принца!

Наполеон видел, что сопротивление бесполезно, и что он должен выполнить горькое для него требование Базена.

Он сел к письменному столу, заваленного разного рода бумагами.

Пока император писал полномочия, Базен приказал слугам немедленно приготовить все к отъезду императора и принца, сохраняя полную тайну.

В эту минуту в кабинет быстро вошел офицер, направляясь к маршалу.

— Что случилось? — спросил тот, как обычно, кратко.

— Ординарцы защитников марсельских ворот привезли шпиона, который проник почти в самую крепость, — доложил офицер вполголоса, так как император еще сидел за письменным столом и писал.

— Немедленно привести его сюда, — приказал Базен.

Офицер удалился и через несколько минут вошел в кабинет с тем, кого называли шпионом.

Он был в форме французского лейтенанта. Если бы его не сопровождали два ординарца с обнаженным оружием и не было бы предвзвешенного донесения, то маршал никак не признал бы в этом лейтенанте шпиона. Он удивленно смотрел на пленника, который отдал ему честь.

Император тоже обратил внимание на сильного и рослого молодого офицера.

— Вы пойманы как шпион, — обратился к нему Базен, — как вам удалось проникнуть в крепость? Форму, которая на вас, вы сняли, вероятно, с убитого офицера?

— Совсе нет, господин маршал, — ответил пойманный на довольно хорошем французском языке. — Это платье я стащил полчаса тому назад из караульной комнаты марсельских ворот.

Базен и Наполеон обменялись взглядами.

— Из караульни! Как же вам удалось проникнуть туда?

— Это моя тайна, господин маршал!

— Какую форму оставили вы в караульне вместо своей? К какой части войска вы принадлежите?

— Я уланский офицер, — ответил пленник.

— Это неслыханная дерзость и только темнота могла так благоприятствовать вашему предприятию! Какую цель вы преследовали?

— Рассмотреть насыпи и окопы марсельских ворот было моей целью!

— Вы прямодушны, и я не могу не удивляться вам, — сказал Базен.

— Неслыханно, — повторил Наполеон.

— Так вы улан! Расскажите нам, как вы делаете свои рекогносцировки, о которых везде рассказывают чудеса!

Пленник, смеясь, повел плечами.

— Тут нет никакого секрета и никакого колдовства! Хороший конь, ни перед чем не останавливающаяся энергия и некоторая смысленность — вот все, что нужно для этого! Счастье всегда благоприятствует смельчаку!

— Знаете ли вы, что вас ожидает? — спросил Базен.

— Смерть, господин маршал!

— И все-таки вы не побоялись проникнуть в самую крепость?

— Солдат не должен бояться смерти! Столько же чести быть пронзенным пулями здесь, как и на поле битвы, где я каким-то чудом до сих пор избег смерти!

— Я обещаю вам жизнь, если вы сделаете мне одно сообщение. Я знаю, что ваши дивизии намерены окончательно обложить Мец. Скажите мне, где находится самое слабое место этого кольца, и я дарю вам жизнь!

— Я не думаю, господин маршал, чтобы вы вправе были ожидать, что немец будет изменником! Я готов к смерти. Не старайтесь узнать от меня хотя бы одно слово. Вы тщетно будете домогаться, и я очень сожалею, что вы такого мнения о солдате! Разве французы становятся изменниками, если могут спасти свою жизнь и приобрести богатство?

Слова пленника произвели на императора и особенно на Базена весьма неприятное впечатление.

— Есть у вас невеста или жена?

— Нет, господин маршал, только старая мать, у которой я единственный сын!

— Подумайте о своей матери, которую убьет известие о вашей кончине!

— Я уже свыкся с этой мыслью. Горячо простившись со мной, она благословила меня на смерть и, я думаю, не примет в свои объятия изменника-сына. Проклятие сорвется с ее уст, если она узнает о моем поступке, и неизгладимая печать позора ляжет на войско уланов, если я исполню просимое вами. Я согласен с вами, что матушка не перенесет моей смерти, мы оба перейдем в вечность, и она закроет свои глаза, благословляя меня.

Базен пристально смотрел на молодого офицера, который был глубоко взволнован и, однако, ни на волос не уклонился от своей чести и своего долга!

— С такими солдатами я бы покорил весь мир, Ваше величество,— сказал Базен, обращаясь к императору. Затем подошел к пленнику и протянул ему руку.

— Хотя я и не имею власти и права даровать вам жизнь,— сказал он твердым голосом,— так как обычай войны устанавливает смерть всякому шпиону и стража марсельских ворот этого потребует, но я ускорю ваше дело и облегчу вашу смерть!

— Благодарю за это, господин маршал, я прошу вас передать мое прощальное слово моей доброй старой матери! Вот моя записная книжка, из нее вы узнаете все.

Базен подал знак ординарцам, и они увели пленного из кабинета.

Затем маршал позвал одного из своих адъютантов и приказал ему, чтобы военный суд сейчас же вынес свой приговор над уланским офицером.

— Распорядитесь назначить для экзекуции двадцать лучших стрелков, чтобы пленник наверное нашел свой конец после первого залпа,— заключил он и, когда адъютант удалился, обратился к императору:

— Желая вам счастливого пути, Ваше величество, и предоставьте мне спасти и возвратить вам трон!

Базен оставил кабинет.

Луи Наполеон долго неподвижно стоял в задумчивости.

Он видел свой трон пошатнувшимся. Он видел, что власть его падает, почва колеблется под его ногами, и чувствовал, что противодействовать этому он не в силах.

В кабинет вошел наследный принц, довольно слабый 16-летний мальчик.

Император обнял его.

— Мы должны оставить Мец! Осторожность требует этого!

— Это ужасно, мы попадем в руки наших врагов! — сказал принц.

Наполеон многозначительно посмотрел на «дитя Франции», которому предназначено было быть его преемником. Он видел, что сын

Евгению не обладал ничем, что делало бы его способным занять трон, что это робкий, почти женственный мальчик, а кто лучше него самого мог знать, какие качества необходимы повелителю Франции!

Он все связал с сыном, свои надежды и ожидания на будущее, и вот они должны бежать ночью из города, куда несколько недель назад так торжественно въезжали, он вынужден искать обходных путей, чтобы избежать немецких разведчиков, которые уже почти отрезали ему отступление в Париж. И как решиться возвратиться с принцем обратно в Париж?

Оставляя свою столицу при торжественных криках и ликовании толпы, мог ли он думать, что ему придется теперь встретить насмешки и брань, а может быть и покушения на жизнь...

Час спустя несколько экипажей потянулись из крепости по направлению к боковым дорогам на Верден и Шалон. Поезд этот походил на транспорт больных или провианта.

В первом экипаже находилось 12 офицеров, вооруженных до зубов, потом следовал другой, в котором сидели император с принцем, позади, в телегах, ехала свита и прислуга.

В тот момент, когда этот поезд, походивший на ночное погребальное шествие, выезжал из крепостных ворот, на эспланаде возле Мозеля раздался залп из 20 выстрелов. Молодой улан пал мертвым, пронзенный пулями.

— Прощай, мать,— произнес он перед смертью.

Затем все смолкло.

XXVII

НАПОЛЕОН В ПЛЕНУ

Советники Евгению умели до сих пор так истолковывать известия с театра войны, что население Франции не имело четкого представления о поражениях своих войск, и эта способность обманывать и извращать была единственной, которой они обладали.

Что эта хвастливая ложь должна будет печально кончиться, они очень хорошо сознавали. Трошю, Руэр, Шевро и другие явные и тайные советники императрицы только ей самой представляли все в другом свете, они обманывали Евгению так же, как и весь народ.

Когда в Тюильри пришло известие, что Наполеон с принцем оставили Мец, что крепость эта осаждена, и Базен отрезан от Мак-Магона, был собран военный совет.

Императрица и ее советники знали, что попытка армии, заключенной в Меце, пробиться сквозь немецкие ряды кончилась бы страшными потерями и лишь помощь извне могла спасти ее. Если бы маршалу Мак-Магону удалось со всеми своими дивизиями и войсками Вину незаметно приблизиться к крепости и вместе с Базеном ударить по немецким войскам с двух сторон, тогда еще можно было все спасти.

Евгения восторженно приняла этот план Паликао и надеялась удачным его исполнением спасти пошатнувшийся трон.

Император находился у Мак-Магона. Не подлежало сомнению, что он согласится на этот спасительный план парижских советников и государыни.

Маршрут был нанесен на карту. Задуманное сражение должно было произойти вдоль бельгийской границы, где было расположено много крепостей. Кроме того, здесь представлялась возможность императору и принцу, равно как и армии Мак-Магона, в случае необходимости перейти границу.

Немедленно были отправлены депеши в замок Мурмелон, где находились император и Мак-Магон, а на другой день парижане были извещены таинственными прокламациями, что предстоит битва, которая одним разом покончит с врагом, далеко зашедшим внутрь страны.

Последний шахматный ход был готов, но даже потерявший голову император сказал при получении этой депеши, передавая ее Мак-Магону:

— Это опасный план!

Тем не менее он принял его, и армия так поспешно оставила шалонский лагерь, что немецкая южная армия застала там массу оставленного вооружения.

Но когда Евгения стала требовать от Паликао, чтобы он послал на помощь Мак-Магону и Винуа 100-тысячное войско, то советник стал объяснять ей, что этого нельзя сделать, не обеспечив их надлежащей защитой в случае наступления немецких войск.

Однако Паликао думал о другом враге, еще более страшном и грозном. Прожженный царедворец чуял, что в воздухе уже ходят тучи, и гроза надвигается. Волнение народа росло и восстание будет неизбежным, если поход Мак-Магона окончится неудачно.

Обещанная помощь осталась дома, и это была первая ошибка герцога Маджентского, согласившегося, хотя и после долгого сопротивления, на план Паликао. Уже в то время этот верный полководец Наполеона, конечно, уже предвидел свою гибель.

О задуманном предприятии удалось известить маршала Базена, чтобы вместе в последних числах августа или в начале сентября, когда Мак-Магон рассчитывал приблизиться к крепости, ударить по немцам с двух сторон. Таким образом можно было бы выставить 600 тысяч войска, тогда как если бы немцев допустили к Парижу и там только, как советовал Трошю, дали им битву, главная армия под начальством Базена не могла бы участвовать в сражении.

Паликао прилагал все усилия, чтобы парижане не узнали настоящего положения дел, и ни в коем случае не хотел видеть немцев под Парижем. Совсем другое дело, если бы совместная операция обоих маршалов удалась и Наполеон мог бы возвратиться в столицу победителем. Это было так очевидно и для императрицы, что она совершенно доверилась Паликао и считала его уже спасителем своего трона.

31 августа французские генералы хотели сделать одновременно

попытку прорвать прусскую линию, но за день до этого случилось событие, которое расстроило все их надежды и повергло в ужас императора и Мак-Магона, так как оно застигло их подобно молнии на безоблачном небе.

Мак-Магон давно признал генерала Фальи, командовавшего левым крылом армии, направлявшейся к бельгийской границе, неспособным к командованию войском и хотел заменить его генералом Вимпфеном, но Наполеон и Евгения были против этого.

30 августа корпус Фальи был занят завтраком, как вдруг в середину лагеря упало прусское пушечное ядро. Все бросились к оружию, но немцы расположились в лесу, и их гранаты дождем сыпались на растерявшихся французов. Через несколько часов левое крыло Мак-Магона было разбито и рассеяно.

Тогда место Фальи занял Вимпфен, но было уже слишком поздно.

Герцог Маджентский видел, что он окружен, однако хотел попытаться силой оружия проложить себе путь.

Император в сопровождении генералов Рейля, Кастельно и Бобера все время оставался с войском и принимал участие во всех совещаниях. С ним был также его секретарь Пиетри (Моккуард недавно умер, оставив после себя огромные богатства).

Все советовали императору бежать с принцем через границу, после того как битва 30 и 31 августа кончилась неблагоприятно для французского оружия, но Луи Наполеон позаботился только о сыне Франции, отослав его в сопровождении небольшой свиты подальше от опасности. Он нежно простился с Люлю и приказал сопровождавшему его гофмейстеру увести его через Бельгию в Англию, где он был бы в полной безопасности. Ему хотелось во что бы то ни стало спасти свою династию.

Затем 31 августа император издал следующее воззвание к войску:

«Так как начало войны было несчастливо, то я не хотел брать на себя никакой личной ответственности и передал главное начальство таким маршалам, на которых мне указывало общественное мнение. До сих пор усилия наши не увенчались успехом, но я узнал, что армия Мак-Магона понесла вчера в Бомоне лишь незначительные потери. Поэтому вы не должны падать духом! До сих пор препятствовали мы врагу приблизиться к столице, и вся Франция поднимется, чтобы прогнать назад вторгнувшегося врага. Так как при этих серьезных обстоятельствах императрица достойно занимает мое место в Париже, то я решил сменить роль повелителя на роль солдата! Я не постою ни за чем, чтобы спасти отечество, которое, благодаря Богу, насчитывает еще много храбрых мужей. Если же найдутся трусы, то военный закон и общественное мнение не замедлят воздать им по заслугам! Солдаты! Будьте достойны своей славы! Бог не оставит нас, если только каждый из нас исполнит свой долг!»

Это воззвание показывает, что Луи Наполеон, преобразившийся в солдата, питал мало надежды на спасение. Он отказался от звания главнокомандующего, чтобы снять с себя ответственность за кровь, пролития в предстоявших битвах. Он мог теперь, передав правление

Евгении, отдаться в плен в качестве простого солдата, а затем и распротиться с престолом в пользу своего сына.

1 ноября рано утром началась одна из самых знаменитых битв истории — битва около крепости Седан, в которую возвратился император, тогда как войска Мак-Магона расположились в крепкой позиции перед крепостью.

Прусские войска окружили Седан, так что положение французов стало очень затруднительным.

Бой неистовствовал и кипел с раннего утра и далеко за полночь, почти все позиции французов были взяты немцами штурмом.

Около 4 часов пополудни гром боя умолк на всех пунктах, кроме Балона, где продолжалась страшная артиллерийская борьба, вскоре также кончившаяся полным поражением французов.

Армия Мак-Магона все более замыкалась в непроницаемый круг, из которого 500 орудий посылали в нее свои ядра, она совершенно пала духом и не верила больше ни в своих предводителей, ни в свое счастье.

Усталые, разбитые дивизии потянулись назад, в крепость, потеряв всякую дисциплину.

В 4 часа наследный принц прусский телеграфировал в главную квартиру: *«Великая победа! Неприятель выбит из всех позиций и заперт в Седане!»*

Получив это известие, король Пруссии, теперь германский император, велел прекратить огонь, чтобы положить конец кровопролитию, а уже через несколько минут из уст в уста переходило известие о предстоящей капитуляции Седанской крепости и всей армии Мак-Магона, которое было восторженно встречено немецкими войсками.

Наполеон приказал вывесить белое знамя, приказ этот был исполнен генералом Лористоном в 5 часов.

Седан просил пощады.

Император и Мак-Магон считали себя побежденными.

Король Вильгельм отправил в Седан генерал-лейтенанта Бронсара, чтобы потребовать сдачи армии и крепости, и в 7 часов вечера Бронсар вернулся назад к своему королю вместе с генералом Гейлем, который привез собственноручное письмо императора Наполеона III.

Луи Наполеон писал:

«Любезный брат! Так как мне не удалось умереть во главе моих войск, то отдаю свой меч в руки Вашего величества и во всем остальном отдаюсь Вашему благоусмотрению.»

Король Вильгельм передал содержание этого письма своим приближенным и пригласил к себе наследного принца, Мольтке и Бисмарка, «железного канцлера», ныне уже покойного.

Посоветовавшись с ним, он на походном стуле, который держали два офицера, написал ответ пленному императору. В нем стояло:

«Любезный брат! Я принимаю ваш меч, сожалею о такой нашей встрече и прошу вас назначить уполномоченного, с которым можно было бы переговорить о капитуляции вашей армии.»

Письмо это король передал генералу Гейлю, затем уполномочил Мольтке и Бисмарку к ведению переговоров.

Император Наполеон, этот падший государь, обманувшийся в собственных силах, а теперь солгавший и в письме к королю, так как он ни на минуту не подвергал свою жизнь опасности, оставил Седан 2 сентября утром. Он ехал в коляске, сопровождаемый генералами Кастельно и Гейлем.

Наполеон готов был отдаться в плен прежде всего потому, что пребывание его между своими генералами и солдатами становилось опасным.

Генерал Вимпфен закончил в это время передачу армии и крепости.

Император послал Гейля в Донтери к Бисмарку, чтобы просить его переговорить с ним.

«Железный канцлер» вскочил на коня и отправился навстречу Наполеону, которого и встретил на половине дороги возле деревни Фронау; здесь он узнал, что император желает говорить с королем Вильгельмом, которого он надеялся встретить в Донтери.

Бисмарк сказал пленному, что главная квартира короля находится в местечке Вандресс, и что он ничего не может сообщить о будущем местопребывании императора. Он предложил ему пока занимаемый им дом в Донтери.

Император принял предложение и шагом поехал в Донтери. Но за несколько сот шагов до городка, не доезжая до Маасского моста, он велел остановиться у одиноко стоявшего домика и спросил, может ли он здесь переговорить с Бисмарком с глазу на глаз.

Это ему было разрешено, и оба мужа уселись на стульях возле домика. Свита императора остановилась на некотором расстоянии от них.

Наполеон надеялся здесь представить дело в совершенно другом свете и сложить с себя вину за развязывание войны.

Но «железный канцлер» отвечал ему, что об условиях капитуляции переговоры будут вести Мольтке и генерал Вимпфен, затем спросил пленника, не склонен ли он к заключению мира.

Наполеон возразил, что он, как пленник, не может об этом говорить, что он должен это предоставить на рассмотрение существующего в Париже правительства, но все-таки желает прежде переговорить с королем Вильгельмом.

Бисмарк с твердостью заметил ему, что свидание это может состояться только после капитуляции, и что ему вообще не следует питать никаких надежд на смягчение условий. Канцлер в этот час действительно показал себя железным человеком, ни в чем не отклоняющимся от принятых им решений. Наполеон хорошо почувствовал это.

В это время в Донтери прибыл барон Мольтке, чтобы представить королю на утверждение условия капитуляции.

Мольтке полностью согласился со словами Бисмарка относительно переговоров и изъявил готовность передать своему королю желание императора.

Скоро обнаружилось, что вблизи Фруна находится небольшой замок Бельвю, в котором удобно может состояться свидание короля с пленным императором. Последний изъявил на это свое согласие и вскоре отправился к указанному замку в сопровождении прусских конных гвардейцев.

В полдень перед замком показался король со своей свитой.

Наполеон со своим почетным сопровождением встретил победителя на плацу пред замком и отдал ему низкий поклон.

Король Вильгельм вошел один с императором в расположенный позади замка стеклянный павильон, где состоялся их разговор.

Благородный старый король отнесся с сочувствием к участи Луи Наполеона и предложил ему замок Вильгельмсгее, возле Касселя, на время его пленения.

Более 100 тысяч солдат, 500 орудий и бесчисленные военные трофеи были отправлены вместе с пленным императором в Германию.

Луи Наполеон сидел пленником в том самом замке, в котором некогда дядя его Жером, посаженный туда Наполеоном I, вел роскошную жизнь и предавался грубым развлечениям. В том самом замке Вильгельмсгее, который служил Бонапарту дворцом и стал в 1870 году местом заточения тоже Бонапарта.

Луи Наполеон навсегда потерял свой трон и свое величие, и только одно обстоятельство поддерживало в нем надежды и утешало его: он спас от плена наследного принца и вовремя переправил его на ту сторону Ламанша.

XXVIII

ПОЗДНЕЕ ВОЗМЕЗДИЕ

До какой степени плоха была во Франции организация сухопутных и морских сил, и какой во всем царил обман и беспорядок, показывают данные, найденные впоследствии в Тюильри и бросающие яркий свет на неспособность предводителей и жалкое состояние дел! И виной этому были вовсе не пресса и не буржуа и рабочие, как то утверждают Гаш и Венедей, но корыстолюбие чиновников. Так же мало была виновна литература и в позднейшем коммунистическом движении, терзавшем Францию: повод к нему был дан так называемыми республиканцами и теми социально-демократическими предводителями, которые в критическую минуту исчезли бесследно, как и креатуры Наполеона и его супруги! Этих гуманных господ называют «друзьями народа», однако мы не знаем ни одного случая, когда бы они действительно сделали что-нибудь доброе, могущее служить на пользу и благо народа, между тем как пресса, на которую стараются бросить подозрение, при всех обстоятельствах служит народу.

Но пора уже, дорогой читатель, вернуться назад и посмотреть, как была ограблена и унижена Франция чиновниками Наполеона во время его правления.

В конце июля морской министр обратился к морскому префекту в Шербурге со следующей депешей:

«Найдется ли необходимое обмундирование для солдат для похода войск в восточные и северные воды?»

Морской префект не постыдился ответить на это следующее:

«Наличное имеющееся в запасе платье для похода в северные и восточные воды состоит: из 330 пар шерстяных чулок для матросов, столько же для корабельных юнг, 7 пар непромокаемых сапог для матросов, 337 — для корабельных юнг, 45 курток и 58 рукавиц».

Это был весь запас крупнейшего арсенала Франции! Будут смеяться и считать невероятным такой факт, а между тем он верен и частично объясняет бездействие французского флота, который довольствовался тем, что захватывал купеческие суда и, подобно пиратам, смотрел на них как на добычу.

Такие же сообщения, как из Шербурга, поступили из всех гаваней, и только, к счастью негодных чиновников, было уже слишком поздно, чтобы привлечь их к суду и назначить следствие. Они же были совершенно спокойны и нашли наилучший способ, чтобы убежать с награбленным богатством.

В то время как император со своим войском был взят в плен при Седане, Евгения управляла со своими советниками Паликао, Шевро, Риго де Греновиллем, Грамоном, Дювернуа и Жеромом Давидом таким образом, что можно было не сомневаться в близкой гибели монархии — императрица сидела на троне, стоявшем на вулкане, который грозил ежеминутно поглотить ее вместе со всеми придворными.

Издан был приказ изгнать из Франции всех немцев, и мера эта была приведена в исполнение самым жестоким и постыдным образом.

Таким образом, масса мирных граждан даже тех, которые родились во Франции и прожили в ней всю свою жизнь, были изгнаны и разорены; некоторые принуждены были буквально нищими возвратиться на свою родину, а иные даже сложили свои головы за эту неблагодарную страну.

Этот жестокий приказ был изобретением достойного «китайца» Паликао, который таким образом хотел угодить народу! Как жалок и безнравственен должен был быть народ, которому нужна была бы такая угодность и который с радостью решился бы исполнить подобный приказ.

Генерал-губернатором Парижа назначен был императрицей генерал Трошю, который первый перешел потом в лагерь врагов императора.

Когда в Париже было получено известие о поражении при Седане и пленении императора, Евгения была так убита, что, как тяжело больная, не могла выйти из комнаты.

Паликао, понимая, что этот ход событий должен вырвать власть из его рук, продолжал, насколько можно, обманывать общественное мнение.

3 сентября, вечером, он заявил в палате, что «одна часть» армии Мак-Магона капитулировала, а вторая часть отброшена назад в Седан. Пленение императора, по словам Паликао, еще не достаточно обсуждено министрами, чтобы решить, к каким последствиям оно приведет.

В эти тяжелые дни испытаний, посланных французскому народу, на защиту его встал Фавр, объявивший династию Наполеона сверженной и лишенной всех прав.

Это послужило сигналом к восстанию. Теперь народ мог надеяться навсегда освободиться от тирании! Восторг переполнял людей, на всех улицах огромного города раздавались крики «Да здравствует республика», когда Гамбетта и другие депутаты объявили на лестнице Hotel de Ville низложение Наполеона и его династии.

Огромная толпа собралась пред этим зданием; народ, национальная гвардия и находившиеся в Париже войска, держась за руки, ходили с республиканскими знаменами по улицам, ни одна капля крови не пролилась — одно желание, один голос, одна цель воодушевляла всех, никогда еще переворот не совершался так быстро и так мирно, как низвержение трона Луи Наполеона и Евгении Монтыхо!

На бульварах ликовавшие и распевавшие «Марсельезу» люди, солдаты национальной гвардии встречались с радостными возгласами, обнимались в пылу восторга, из окон вывешивались ковры, патриотические песни оглашали все улицы. Вывески с изображением императорских орлов были сорваны и растоптаны.

Солдаты смешались с народом и вместе отправились в Консьержери, чтобы освободить политических заключенных, между которыми в то время находились Рошфор и Фонвиель. Возле ратуши толпилась ликующая масса народа, тысячи проникли в залы, на всех окнах, крышах и башнях, даже на громоотводах теснились люди всех сословий и махали оттуда шляпами и шапками.

Когда на крыльце ратуши появились члены временно выбранного правительства: Гамбетта, Жюль Ферри, Араго, Пикар, Жюль-Фавр, Маньен и Кремье, они были встречены с бурной радостью и возвестили от себя республику ликовавшему народу.

Воодушевление росло с каждой минутой. Все гербы и другие символы империи были сорваны и брошены в Сену.

Императорский дом был низвержен и осмеян.

Все это случилось внезапно 3 сентября, вечером. Казалось, будто после долгой летаргии снова вернулось к народу сознание, и он с необузданной силой стряхивал теперь с себя рабство, которое так долго терпел.

Никакими словами не выразить овладевшую всеми радость. В то время, как в Тюильри не осознавали еще всей важности и всех последствий этого переворота, Париж уже чувствовал себя свободным и установившееся Наполеоном регентство перестало существовать, так как солдаты были заодно с народом. Министры императрицы еще утаивали от нее значение всеобщего движения и ликования,

эти господа выжидали удобной минуты, чтобы спасти свою жизнь и свои богатства, а если будет возможно, то и захватить под шумок еще из общественных касс. Что станется с той, перед которой они столько времени пресмыкались, их мало беспокоило. Правду говорил Олимпио Агуадо, когда предсказывал государыне, что в несчастье она будет оставлена всеми.

Паликао делал вид, что намерен перейти в лагерь ее противников, а Трошю, не говоря ни слова, сделался президентом нового правительства!

Два министра, Латур д'Овернь и Давид оставили Париж еще в самом начале революции, а Мань, Дювернуа и другие последовали за ними спустя несколько часов.

Адъютанты и камергеры двора тайно готовились к отъезду, хотя еще не понимали полностью значения восстания.

Евгения находилась в оцепенении, которое было естественным следствием последних известий. Она еще не знала, куда отправлен император, но больше всего ее терзало беспокойство об участи сына: она не получила еще ни одного известия о принце и о его удачном бегстве. В чьих руках он находится? Жив ли он еще?

На эти вопросы она не могла получить ответа и, сидя в одиночестве в своем будуаре, в первый раз в жизни чувствовала себя беднее и беспомощнее любой матери, которая могла по крайней мере видеть возле себя своего сына.

Наступил вечер, и в Тюильри воцарилась полная тишина. Только по временам с улицы доносились в комнаты возгласы ликующего народа.

Уже совсем стемнело, и в сумерках кто-то пробирался к библиотеке, которая, как мы знаем, находилась рядом с будуаром императрицы. Человек этот, очевидно, не хотел быть замеченным императрицей, так как отпер дверь очень тихо и осторожно.

Видимо, он хорошо знал расположение всех комнат дворца и имел ключи от них, иначе не смог бы проникнуть так далеко.

Какую цель преследовал этот человек, одетый в обычное платье путешественника? Зачем он прокрался в комнаты государыни?

Так же тихо он запер за собой дверь, через которую вошел. Из библиотеки железная, скрытая за занавесом дверь вела в комнату, где находилась касса и различные документы государыни. Тут же хранилась и ее собственная шкатулка.

Он ощупью подкрался к высокому, занимавшему всю стену шкафу, в котором находился архив.

Он подходил уже к занавесу, который скрывал железную дверь, как вдруг споткнулся о какой-то предмет — это была небольшая лесенка, с помощью которой архивариус доставал книги с верхних полок. Таинственный гость, пробормотав проклятие, спрятался за занавес.

Императрица не могла не услышать неожиданный шум в соседней комнате. Едва незнакомец спрятался, как она вошла, чтобы проверить, из-за чего произошел шум в библиотеке.

Но, осмотрев все вокруг, насколько допускало слабое освещение, Евгения решила, что шум произвела упавшая книга или треснуло дерево шкафа.

Она, казалось, совершенно успокоилась и отправилась назад в будуар, затворив за собой дверь.

Через несколько минут занавес снова зашевелился.

Незнакомец достал из кармана ключ и вставил его в замок железной двери.

Видимо, замки были ему хорошо известны...

С осторожностью и уверенностью настоящего вора он тихо повернул ключ два раза.

Массивная, высокая железная дверь открылась и пред ним предстала кладовая, или кассовая комната, государыни с железными решетками на окнах.

Он быстро подошел к стоявшему у стены сейфу и попытался разглядеть кнопки, которые необходимо было поставить в определенное положение, чтобы открыть замок.

Но в комнате была уже такая темнота, что невозможно было рассмотреть значки на кнопках, по которым их нужно было установить.

Тогда он подкрался к окнам, опустил зеленые занавески и зажег канделябр.

Кто был этот вор, который не только был хорошо знаком с помещениями дворца и со всем, что в них находилось, но и знал опасность, грозившую обитателям дворца?

Дорожное платье делало его похожим на человека из непривилегированного класса, ничто не обнаруживало в нем знатного придворного, ни бриллианты, ни ордена не украшали его. Дорожная шапка с широким, большим козырьком была надвинута на лоб до самых глаз. На лице видна была бородка, совершенно такая, какую носил император.

При свете свечи в канделябре вор мог хорошо рассмотреть сложный механизм шкафа и не замедлил воспользоваться своим знанием и умением.

Он вынул из кармана золотую коробочку и достал оттуда маленький красивый ключик и все это так быстро, что не заметил одного обстоятельства, которое могло выдать его: вместе с ключиком он вытащил из кармана изящную карточку, которая неслышно упала на ковер.

Затем он подошел к сейфу и начал поворачивать многочисленные кнопки, устанавливая их в нужное положение. Украшение, скрывавшее замок, отскочило, приведенное в движение пружиной, и открылся блестящий кружок, в котором находилась замочная скважина.

Быстро отворил он тяжелую дверцу, бесшумнодвигающуюся на своих петлях.

Перед ним открылись отделения шкафа.

В одном из них стоял большой серебряный ящик — это была шакатулка государыни. Ключ от нее находился у Евгении.

Ему он, впрочем, не был нужен, так как он мог взять всю шкатулку. Однако она показалась ему слишком большой и тяжелой, ее трудно было пронести незаметно.

Но он недолго думал. Замок серебряного ящика был невелик и его легко можно оторвать, если продеть между крышкой и нижней частью ящика какой-нибудь тонкий и достаточно прочный предмет.

Такой предмет и искал он теперь глазами, но нашел только ножик из слоновой кости, который при первой же попытке сломался.

Между тем он не мог здесь долго оставаться, так как через несколько часов отправлялся поезд, который должен был умчать его на юг.

В этот миг он заметил в одном отделении шкафа пачку банковских билетов, перевязанную бумажной лентой с надписью: «240 000 франков. Государственная казна».

Неожиданная находка была весьма прибыльной. Он спрятал пачку в один из своих карманов.

Теперь жадность его еще более разгорелась.

— Завтра все погибнет и будет слишком поздно! Императрица давно уже сделала своих овец не дойными, почему же и мне не позаботиться о себе? Глупец тот, кто не воспользуется этими днями. Как они поют и кричат! Осторожность! Во всем осторожность! — думал он.

Вор надеялся, что в серебряной шкатулке находится еще более значительная сумма, но шкатулка оказалась гораздо крепче, чем он полагал, она противилась усилиям алчного вора.

В то время, пока он соображал, каким образом извлечь содержимое шкатулки, он услышал, что кто-то отпирает дверь библиотеки.

С необыкновенной быстротой и ловкостью он погасил канделябр, затем нашел железную дверь кассовой комнаты, достал ключ и запер ее. Затем осторожно взял тяжелую шкатулку из шкафа и запер дверцу. И здесь он тоже вынул ключ.

Спрятав шкатулку под свое дорожное платье, он стал прислушиваться у двери комнаты.

Вошедший в библиотеку был, вероятно, один из камердинеров государины.

Что ему было нужно?

Не выдал ли себя вор каким-нибудь образом, когда входил?

Но он прошел очень осторожно, убедившись сперва, что никто не мог его видеть при входе, в этом флигеле никого не было.

Сейчас он, затаив дыхание, напряженно следил за звуками в соседней комнате.

Камердинер что-то внес в библиотеку и поставил у окна, но к железной двери, за которой стоял вор, он не приближался.

Последний с нетерпением ждал ухода камердинера, чтобы поскорее выйти из дворца и успеть на поезд, ведь до вокзала было довольно далеко.

Но вот, наконец, камердинер вышел из комнаты.

Вор вздохнул свободнее. Еще можно было успеть на поезд, и тогда завтра он будет уже далеко от Парижа вместе со своей добычей. Он слышал, как заперли дверь, и в библиотеке стало тихо. Железная дверь вмиг была отворена и снова заперта. Затем вор прошел через темную пустую комнату. У наружного входа также было тихо, камердинера не было. Он осторожно отпер дверь, ведущую в коридор, и через несколько секунд оставил дворец с награбленными деньгами.

XXIX

БЕГСТВО ИМПЕРАТРИЦЫ

На следующий день, 4 сентября народное восстание приняло грандиозные размеры, Париж объявил себя республикой, а сверженная «испанка», как называл теперь народ императрицу, все еще находилась в городе.

Но скоро Лион и другие большие города последовали примеру Парижа и также вывесили красные знамена.

«Республика! Да здравствует республика! Долой императрицу-правительницу!» — раздавалось на улицах и площадях городов, еще занятых немцами.

Республикой надеялся народ спасти себя и свое поработенное отечество.

Республика служила лозунгом, за который вся нация ухватилась друг с воодушевлением, она нуждалась в таком слове, чтобы снова стать на ноги.

Это было нечто новое, а французы, как свидетельствует история, нуждаются в переменах.

Подобно тому, как парижане называли некогда жену Людовика XVI, несчастную Марию Антуанетту, «австриячкой» и проклинали ее, так теперь возбуждала ярость и гнев народа «испанка».

Когда Олимпио Агуадо напомнил императрице в молельне замка Мальмезон о монастырском заключении, Евгения не допускала и мысли, что эти вещи слова могут оправдаться на деле.

Монастырское заключение! Какие ужасные картины будит оно в памяти! Какие страшные события, какие кровожадные люди связаны с ним!

И тогда тоже король и его супруга пытались бежать, однако принуждены были кончить жизнь на гильотине.

И точно так же, как Наполеон и Евгения, они имели сына. Этот «молодой Капет», как называл его страшный Симон, его тюремный сторож, умер еще ужаснее своих родителей, не на эшафоте, он умирал постепенно — от лишений, от вина, разрушающего его молодой организм, от насекомых и дурной пищи. Это чудовище Симон поил водкой «молодого Капета» и заставлял его в пьяном виде петь песни, в которых высмеивались его родители, Мария Антуанетта и король.

А Евгения ничего не знала о своем сыне, не знала даже, успел ли он спастись или находится уже в руках ее врагов...

Может быть, и им командует какой-нибудь Симон?..

Император спрятался от ярости своего народа в Вильгельмсгее и был недоступен для него, поэтому весь гнев и все негодование парижан пали на Евгению, которая оставалась еще в столице.

Да разве и не лежала на ней вина во всех деяниях, которыми ознаменовала себя вторая империя?

Разве не она стремилась к тому, чтобы вместе с Наполеоном упрочить трон на крови невинных? Разве не она, наконец, была главной виновницей этой несчастной войны, в которой десятки тысяч людей погибли и столько же остались вдовами и сиротами?

Перед ней должны были воскреснуть тени несчастных, обязанных ей своею смертью, оглушительно должны были звучать в ее ушах эти страшные слова: Ментона, Кайенна, Китай, Алжир и Мексика!

Утром 4 сентября Евгения после бессонной ночи вышла из спальни в свой будуар в утреннем платье.

Она еще ничего не знала о том, что произошло вечером и ночью, не знала еще всех происшедших перемен. Несмотря на это, она была в большом волнении...

Лежа без сна на шелковых подушках, она думала о событиях последних недель и переходила от гнева к отчаянию.

Самым тягостным для нее было сознание своего бессилия, ее честолюбие было уязвлено, блеск ее величия и славы померк...

Этого Евгения не могла вынести. И все-таки она еще надеялась поправить многое, еще рассчитывала на своих бесчисленных друзей, министров и советников. Она не все еще считала потерянным и даже в этот день хотела издать новые постановления, чтобы призвать парижан и всю Францию к поголовному участию в войне!

Евгения была так занята своими мыслями, что сначала даже не заметила отсутствия камерфрау. Они всегда являлись, когда она входила в будуар, чтобы помочь ей одеться, чтобы узнать, какой туалет приготовить, и что она желает к завтраку.

Придворные дамы не являлись, время шло, а между тем в этот день предстояло много работы, и Евгения не хотела терять ни минуты. Она намеревалась тотчас после обеда собрать совет министров и без дальних проволочек начать действовать соответственно наметченному плану.

Удивленная невниманием камерфрау, императрица начала звонить в колокольчики, проведенные в переднюю и в комнату ее свиты.

Но и этот зов остался без результата!

Никто не являлся к нетерпеливо ожидавшей государыне.

Что это значило?

Евгения снова позвонила, и вдруг портьера из передней с шумом распахнулась.

Императрица рассчитывала увидеть камерфрау и уже собралась сделать ей замечание, но каково же было ее удивление, когда она

увидела вбежавшую в комнату госпожу Лебертон, которой она вовсе не ожидала.

Это была давнишняя знакомая государыни, которую она использовала иногда для разных дружеских услуг.

Но в каком виде и с каким выражением на лице явилась она в будуар!

Видно было, что госпожа Лебертон торопливо и невнимательно совершила свой туалет — на тяжелое шелковое платье был накинут пестрый платок, смятая шляпка на голове свидетельствовала о той поспешности, с какой она была надета, волосы были растрепаны, руки без перчаток, лицо ее было бледно и выражало отчаянный страх.

Евгения отступила на шаг:

— Боже мой, что случилось, Лоренция?

Госпожа Лебертон бросилась пред ней на колени, еле переводя дыхание, она ломала руки, и слова отрывисто сквозь рыдания вырывались из ее уст.

— Это ужасно, какой страх, о Боже! Это несчастье, и вы ничего не знаете! Заклинаю вас, не теряйте ни секунды, бегите, бегите из Тюильри, вы должны бежать сию минуту, иначе будет слишком поздно!

— Встаньте, Лоренция, ваши опасения неосновательны! Я ценю ваши хорошие побуждения, но вы видите вещи мрачнее, чем они есть!

— Только в бегстве, в немедленном бегстве спасение для вас, клянусь вам всем святым, не теряйте ни минуты, иначе все потеряно!

— Вы взволнованы, Лоренция! Уверю вас, ваш страх напрасен! Успокойтесь, моя милая! Трошку дал мне слово не оставить меня без своей защиты в минуту действительной опасности, и я полагаюсь на него! Трошку человек честный и с душой!

— О, Боже мой, вы не верите мне!

Императрица повела госпожу Лебертон к дивану.

— Успокойтесь, Лоренция! В крайнем случае Трошку придет ко мне своего адъютанта, чтобы известить меня и передать мне совет, если что-нибудь будет мне угрожать, чего я не думаю — у меня есть еще советники и друзья.

— Никаких, мадам, никаких! Они все бежали или перешли к вашим врагам!

— Быть не может, Лоренция!

— Клянусь вам в этом! Они находятся теперь среди ваших врагов, которые каждую минуту могут ворваться сюда!

— Но лакеи!..

— Все разбежались!

— А дворцовая стража?

— Ее более не существует! Солдаты братаются с восставшим народом.

Императрица побледнела.

— Как,— сказала она глухим голосом — ей стало ясно теперь, почему никто не пришел на ее зов,— так я одна в Тюильри?

— Одна и покинута, мне только с большим трудом и опасностью удалось пробраться к порталу. Карусельная площадь полна народа, стража ушла, камергеры, камерфрау и слуги — все бежали, комнаты пусты!

— А княгиня Эслинген, герцогиня Боссано?

— Все вас покинули!

— Графиня Примоли, маркиза Бартулини, Паликао, Шавро, Руэр, барон Давид?

— Никого, мадам, все они бежали!

— Это ложь, — вскричала Евгения, — это невозможно! У меня столько преданных приверженцев, которые многим обязаны мне!

— Это обманщики, они покинули вас! Вы слышите?

В окна все явственнее долетали крики толпы.

Теперь только поняла императрица весь ужас своего положения, страх охватил ее, когда она увидела себя всеми оставленной и забытой. Гул толпы на улице становился все слышнее, и даже отдельные слова уже доносились до обеих женщин.

— Долой правительницу! Да здравствует республика! — гремело из тысячи уст.

— Скорее, скорее, взгляните из-за занавески хоть раз на эту бушующую толпу! — вскричала госпожа Лебертон. — О мой Боже, мой Боже!

Евгения стояла, застыв, как среди обломков внезапно рухнувшего здания. Но вот, по-видимому, на что-то решившись, она схватила руку той, которая одна пришла к ней на помощь.

— Я должна это видеть, — шептала она, — я должна удостоверить себя, действительно ли невозможное стало возможным!

Императрица вышла из будуара вместе с госпожой Лебертон.

Картина полного разорения представилась глазам женщин.

Все комнаты дворца носили следы поспешного бегства: нигде не было ни души, мебель была перевернута, ковры разбросаны; поспешность не помешала, однако, беглецам захватить с собой немало драгоценных предметов из убранства дворца.

Императрица осталась одна, придворные бросили ее при первой опасности...

Когда Евгения подошла к окну и увидела двигавшуюся по улице массу людей, она в ужасе закрыла лицо руками.

— Олимпио, Олимпио, — вырвалось из ее уст, — ты говорил правду!

У низверженной императрицы не было друзей. Пока она раздавала ордена и чины, пока венец ее блистал и одного движения руки достаточно было, чтобы возвысить или погубить человека, услужливые льстецы соревновались друг с другом в красноречивых уверениях в своей преданности.

Но едва настала минута, когда нужно было осуществить свои клятвы на деле, ни один из этих господ не пришел на помощь своей повелительнице ни словом, ни делом. Ни один из всех родственников и придворных, из всех дармоедов, которые откармливались при дворе, — ни один не явился, чтобы помочь ей в беде.

Потрясающий душу смех вырвался из ее груди, когда она судорожно сжала руку госпожи Лебертон, единственного человека, пытающегося спасти ее.

— Вы были правы, я должна искать спасения в бегстве. Но куда бежать? Через какой выход? Вспомните Людовика XVI и его супругу! Пойдите!

Лицо Евгении прояснилось, видимо, у нее блеснула мысль, которая ободрила ее.

Евгения хотела бежать к Долорес и Олимпио, у них она могла найти спасение, с их помощью могла надеяться перебраться через границу.

Олимпио, жестокий, но справедливый оракул, был единственный человек, который действительно мог помочь ей.

— Идемте, Лоренция, скорее, однако мне надо еще взять свою шкатулку, на это у нас хватит времени!

— Где она, мадам?

— В кассовой комнате, возле библиотеки! Пойдемте, нам нужно достать из моего будуара ключи, к счастью, они все там!

Госпожа Лебертон понимала, что деньги для бегства были необходимы, так как Евгения должна была стать теперь не государыней, а обыкновенной женщиной, которая за все платит, как всякий другой человек. Поэтому она быстро побежала с нею в будуар и оттуда с ключами через библиотеку в кассовую комнату.

Нигде не встретили они ни одного человека. Все комнаты были пусты и покинуты! Громкие крики раздавались на улице, а в комнатах Тюильри стояла суровая и страшная тишина.

— Шкатулку, только бы шкатулку, и скорей отсюда, — отрывисто говорила Евгения в лихорадочном нетерпении, понимая теперь, что действительно еще немного — и будет поздно.

Она отперла железную дверь, которая вела в кассовую комнату, и быстро вошла туда со своей спутницей.

Она дрожала от волнения, подбегая к высокому шкафу-сейфу, в котором, как она знала, находилась ее собственная шкатулка.

— Шевро позаботился обо мне, — говорила она, — он единственный, кто желал мне добра! Ему одному я еще доверяю!

Госпожа Лебертон помогала ей, устанавливая по ее указанию кнопки на дверце сейфа. Пружина пришла в движение, и замок открылся.

Дрожащей рукой Евгения вложила в него ключ, дверца отворилась, и... она в ужасе отшатнулась — шкаф был пуст, ее шкатулка была похищена.

— Кто мог это сделать? — шептала она, совершенно упав духом, ведь у нее были отняты даже и средства к бегству, — кто обокрал меня? Кто из тех, кого я осыпала золотом, способен был на эту подлость?

— Шкатулка украдена! — воскликнула пораженная Лоренция.

— Только у одного Шевро были ключи.

И тут госпожа Лебертон заметила карточку, лежащую на полу возле шкафа. Она нагнулась, подняла ее, взглянула и побледнела.

— Читайте, читайте, Лоренция, кто был вор, который второпях потерял этот знак, я ко всему подготовлена,— сказала Евгения.

— На карточке стоит имя девицы Леонид де Бланк,— ответила госпожа Лебертон.

— Леонид де Бланк — любовница Шевро,— вскричала императрица,— но что-то есть еще на другой стороне, скорее, Лоренция!

— *«Мой милый Шевро,— прочитала госпожа Лебертон,— я жду вас вечером. 3 сентября 1870 г.»*

— Негодяй,— вскричала Евгения, всплеснув руками,— он обокрал меня вчера вечером и затем бежал, зная, что я сегодня уже не смогу наказать его! О, Лоренция, эти бессовестные негодяи, эти изверги! Теперь у меня нет ничего, и бегство невозможно!

— Мужайтесь, мадам, у меня есть с собой несколько двадцати-франковых монет, вам хватит.

— Только вы, вы — единственная, остались верны мне! Значит, все время все обманывали меня и более всех — те, кому я больше всего доверяла и на кого вполне надеялась.

«Министр императрицы» был тот вор, которого мы в прошлую ночь видели подкрадывавшимся к кассовой комнате. Шевро, приближенный государыни, которого она осыпала благодеяниями, обокрал ее и бежал, лишив ее возможности спастись бегством.

Поистине придворные вельможи второй империи оказались шайкой воров, обманщиков и негодяев, которые превзошли в этих «добродетелях» даже своих хозяев и учителей.

Евгения приняла предложенные ей госпожой Лебертон монеты. Хотя Наполеон и она имели огромные суммы в иностранных банках, в эту минуту она была беспомощней последней нищей.

— Скорее отсюда,— умоляла между тем императрицу единственная преданная ей женщина.

С улицы доносились, подобно отдаленному завыванию ветра, угрожающие крики:

— Долой правительницу! Долой министров! Да здравствует республика!

Евгения последовала за госпожой Лебертон, успев только набросить на себя мантилью.

Обе женщины бежали через опустевшие залы, через галереи, в которых не видно было более ни одного караульного, и вышли на обширный двор дворца.

Это был страшный час. И если бы хоть покров ночи защищал их, а то пришлось вступить на опасный путь среди бела дня.

Страх, внушаемый неистовым ревом свирепой толпы, парализовал в женщинах всякую разумную мысль. Они боялись каждого коридора, боялись свернуть не туда, куда следует. Императрица остановилась перед небольшой калиткой, ведущей к луврским колоннам, думая через нее выбраться со своей спутницей на улицу. К счастью, она была не заперта, но, уже собираясь пройти через нее, госпожа Лебертон вдруг, к немалому своему ужасу, заметила, что императрица одета с совершенно не подобающим их положению роскошью. Но делать было нечего, возвращаться было поздно, неистовая толпа,

жаждущая разнести в прах все императорское имущество, валила от каруселей к Тюильрийскому дворцу.

— Боже мой, — в отчаянии прошептала она, — нас с вами непременно узнают. Взгляните, как вы одеты!

Евгения, впрочем, даже не слышала этих слов, их заглушали крики разъяренной толпы. Она вышла на улицу, и ее спутница последовала за нею.

Однако едва они сделали несколько шагов, как буквально рядом с ними послышались крики:

— Императрица! Императрица уже близко!

Евгения замерла. Густая толпа народа окружала их, и только теперь она воочию увидела всю направленную против нее злобу. В глазах у нее потемнело.

— Мы погибли! — едва слышно прошептала она.

Но спутница Евгении, сохранив полное присутствие духа, не останавливаясь, продвигалась вперед, ведя ее за руку.

Толпа между тем уже ворвалась в ворота Тюильри, и это отвлекло окружающих их людей. Близко от них остался только один человек, обративший внимание на Евгению. Госпожа Лебертон бросила на него умоляющий взгляд и он, по-видимому, понял его, так как повернулся к женщинам спиной и стал рассматривать что-то на другой стороне улицы.

Лоренция стиснула руку Евгении.

— Ободритесь, ободритесь, прошу вас! Еще немного мужества и силы воли! Иначе все может погибнуть.

Она увидела недалеко от них извозчиью карету и потащила к ней чуть двигающуюся императрицу.

Кучер осмотрел обеих дам подозрительным взглядом, не обещающим ничего доброго.

Что, если бы он узнал императрицу? Если бы ему пришло в голову повнимательнее разглядеть ее бледность, ее замешательство и испуг?

— Ну, скорей! — шепнула Лоренция. — Скорей садитесь в карету!

Евгения, стараясь хоть как-то привести в порядок свои мысли, села и крикнула кучеру довольно твердым голосом:

— На Вандомскую площадь, № 6!

В эту минуту она думала только об Олимпио.

— Кто живет на Вандомской площади? — спросила госпожа Лебертон, когда карета тронулась с места.

— Тот единственный человек, кому я могу довериться, единственный честный человек, встретившийся мне за всю мою жизнь. Но я не слушала его советов! Это Олимпио Агуадо.

— Ну, дай Бог, чтобы эта надежда нас не обманула!

— Он предвидел то, что сейчас произошло, предупреждал меня и хотел даже из-за этого оставить Париж. Но, может быть, он еще не уехал и живет в своем дворце.

— Когда в последний раз вы с ним виделись и разговаривали?

— Шесть недель тому назад, Лоренция. О, этот день навсегда останется для меня памятным, в этот день он мне предсказал все. А бриллиантовый крест! Этот роковой для меня черный крест!

Госпожа Лебертон, разумеется, не могла понять смысла этих слов императрицы и взглянула на нее с участием, решив, что бедняжка заговаривается.

Карета остановилась на Вандомской площади. Госпожа Лебертон отдернула шторку на стеклянной дверце и окинула взглядом подъезд и окна дворца.

Сердце у нее упало: двери и окна величественного здания были заперты.

Евгения между тем быстро вышла из кареты, стремясь поскорее войти в дверь, в которую она с силой позвонила.

Показался управляющий домом, старик, которого Олимпио оставил охранять свой дом. Евгения никогда не видела его, так же как и ему не приходилось видеть ее прежде. Он вопросительно посмотрел на обеих женщин.

— Проводите меня к дону Агуадо или к его супруге, сеньоре Долорес,— сказала Евгения.

Бедная императрица задыхалась от волнения.

Старик еще больше удивился.

— К дону Агуадо я никак не могу проводить вас, милостивые государыни, равно как и к его благородной супруге,— отвечал он, покачивая головой.

— Почему не можете?

— Дон Агуадо вместе со своей супругой уже четвертая неделя как уехал в свои поместья, в Испанию.

— Он уехал! — почти закричала Евгения, не в силах справиться с охватившим ее отчаянием.

Итак, ей было суждено испытать еще и этот, последний удар. Казалось, всякая надежда на спасение исчезла.

Но госпожа Лебертон не сдавалась.

— Послушайте, мы все-таки должны спешить дальше,— настойчиво заговорила она.

— Куда, Лоренция? Подумай. И зачем, наконец?

— Куда бы то ни было, лишь бы нашелся кто-нибудь знакомый, кто бы мог на ночь укрыть вас от опасности.

Евгения пришла в себя. Нельзя было больше подвергать себя опасности, а время уходило.

— Может быть, американец? — живо проговорила она.

— Придворный зубной врач?

— Он живет в Овеню.

— Вы правы! Он приютит вас на ночь, а затем надо будет попытаться оставить Париж. Прислуга американца вас может открыть. Я вижу там еще кареты, пересядем в одну из них.

И обе подруги поспешили к месту, где стояло несколько фиакров.

Толпа продолжала бушевать. Евгения видела, как кучка людей с торжеством тащила сорванный с дворца императорский герб и со злорадными выкриками топтала его ногами. Шум и крики перекрывались звуками Марсельезы, которую пели тысячи голосов. Немногих полицейских, отважившихся где-либо появиться, в ту же секунду

прогоняли прочь, тайные же агенты тюильрийской полиции, которых так давно жаждала народная месть, исчезли без следа.

Обе женщины спешили добраться до экипажа.

— В Овеню № 24,— крикнула Евгения кучеру, садясь в карету, тогда как Лебертон протянула ему щедрую плату за проезд. Евгения прижалась в уголок кареты, чтобы не быть узнанной проходившей мимо толпой, посреди которой им пришлось проезжать. Она держалась за руку своей спутницы, крепко сжимая ее от страха и волнения.

Карета подъехала к названному дому. Женщины поспешно вышли и скрылись в отворенной двери подъезда. Евгения была почти без чувств. Госпоже Лебертон пришлось едва не нести ее по лестнице, которая вела в бельэтаж.

Взобравшись наверх, она судорожно дернула звонок на дверях, где было написано «Господин Эванс». Слуга придворного врача отворил им дверь.

— Господина Эванса нет дома,— произнес он и хотел было закрыть дверь перед дамами. Но императрица быстро решила ему воспрепятствовать.

— Пустите нас войти — господин Эванс сам назначил нам этот час.

Лакей оглядел с некоторым сомнением их несколько расстроенные туалеты, однако повел обеих в приемную.

Там, кроме них, никого не было.

Только к четырем часам Эванс, наконец, позвонил у своего подъезда. Как человек богатый и образованный, он был принят в лучших домах Парижа.

Слуга доложил ему, что его давно ожидают в приемной какие-то две дамы весьма странного вида.

Эванс поспешил войти и, разумеется, в первую же секунду узнал императрицу. Евгения попросила его дать ей приют хотя бы на одну ночь. Пообещав сделать все для ее спокойствия и безопасности, он тут же ухватился за одну счастливую мысль.

Из роскошного гардероба своей жены он достал платье, ботинки и шляпу и просил императрицу переодеться, пока он с помощью своего слуги добудет закрытый экипаж, в котором они могли бы безопасно отправиться в путь. Затем он определил их маршрут и по телеграфу дал знать на несколько станций, чтобы там были готовы для них свежие перемены лошадей.

План его был хорош и, казалось, должен был удался. Железная дорога в подобных случаях была неприемлема: на станциях и платформах, где всегда была масса народа, императрица каждую минуту могла быть узнана, и тогда, конечно, и речи не могло быть о побеге.

Требуемая карета в скором времени была доставлена, и императрица, госпожа Лебертон и Эванс, не теряя ни минуты, отправились в путь.

День уже клонился к вечеру, когда эти три человека покинули Париж, который к этому времени стал неузнаваемым. Разумеется,

никому и в голову не приходило искать императрицу в какой-нибудь из многочисленных проезжающих карет.

Беспрепятственно и без остановок проехали они через ряд маленьких городов до деревни Трувиль, лежащей невдалеке от Гавра. Понятно, почему Эванс выбрал именно этот путь: в больших городах могли уже тоже начаться беспорядки, и императрице и там грозила бы опасность.

В Трувиле, проводив обеих дам в гостиницу, Эванс, попросив их ждать его, отправился на пристань, чтобы организовать переезд Евгении через пролив на английский берег.

Туда, как известно, существуют только два пути для переправы, и Эванс избрал пароход. Он обратился к капитану одного из стоящих у берега больших кораблей с предложением за любую цену тотчас же перевезти пассажиров на английский берег.

Тот довольно небрежно отвечал ему, что сейчас такой быстрый отъезд не входит в его расчеты.

Тогда Эванс бросился к владельцам маленьких пароходов. Но и эти отказались от столь поспешного переезда, и никакие просьбы и обещания не могли поколебать их решения.

Между тем время летело, революция уже успела охватить почти всю страну. Надо было спешить, иначе всякая попытка к бегству стала бы невозможной.

Обстоятельный американец, учитывая все это, тем не менее считал своим долгом спасти Евгению. И он решился на крайнее средство: открыть владельцу небольшого парохода англичанину Бургонэ всю правду и просить его безотлагательно перевезти императрицу в Англию. Конечно, это был очень рискованный и даже отчаянный шаг, но он удался как нельзя лучше.

Владелец пароходика, поняв необходимость немедленной переправы, дал Эвансу честное слово доставить обеих дам в Англию целыми и невредимыми. Эванс заплатил ему громадную сумму и тотчас же перевез Евгению и госпожу Лебертон на пароход.

С моря дул холодный ветер. Небо было сплошь покрыто тучами, и волны становились все выше. Одним словом, был один из тех осенних дней, которые обычно оканчиваются бурей и проливным дождем. Если бы не такая настоятельная необходимость, то о переезде не следовало бы и думать.

Капитан Бургонэ встретил Евгению и ее спутницу с большой почтительностью. Но Евгения, однако, не доверилась ему вполне, за последние дни она утратила всякую веру в людей, хотя и раньше она по себе могла судить, что людьми очень часто управляют только ложь и собственный эгоизм.

Устроив дам, Эванс подошел проститься с императрицей и пожелал ей счастливого переезда. Затем он еще раз обратился к капитану с просьбой поспешить и позаботиться о вверенных ему особах.

Евгения благодарила американца, может быть, первый раз в своей жизни совершенно искренне, от чистого сердца.

Несчастья исправляют людей. И такие дни и часы, какие переживала сейчас Евгения, ни для кого не проходят бесследно. Часто

они пробуждают в сердцах добрые чувства, которые долго были им чужды; бедствия и испытания — лучшее лекарство для бесчувственных, черствых сердец.

Евгения села на корабль без всякого багажа, даже платье, на ней надетое, принадлежало не ей; у нее не было даже гребня и щетки, не говоря уже о необходимой перемене свежего белья, короче — она убежала из своей страны нищей, полностью зависящей от людского милосердия. Надменная императрица, увешенная бриллиантами и закутанная в драгоценный шелк, неприступная Евгения, улыбку которой воспринимали как луч солнца, была теперь жалкой, нищей беглянкой.

Покинутая мужем, лишенная известий о своем сыне, низвергнутая со своего трона... Ей оставались лишь одни воспоминания, один призрак ее прежней жизни и минувшего величия. Она взошла с французского берега, вся трепеща от только что совершившегося разгрома, на простой английский пароходик, которому должна была верить свою дальнейшую судьбу, чтобы спастись от мщения собственного народа, подобно супругу своему Наполеону, который тоже предпочел сдаться в плен, чем пасть от рук своих солдат.

Капитан Бургонэ сообщил им, что намерен высадить их на острове Уайт.

Императрица беспрекословно на все соглашалась. Она была так измучена, что совершенно не могла сосредоточиться и трезво рассуждать.

Госпожа Лебертон старалась, сколько могла, поддерживать в ней твердость духа.

Море было спокойно, когда маленький пароход отчалил от французского берега, в воздухе стояла холодная пронизывающая насквозь мгла.

Когда пристань Трувиля скрылась за горизонтом, госпожа Лебертон опустилась на колени и вознесла молитву Творцу. Теперь появилась уверенность, что императрица спасена.

Вечером пароход приблизился к небольшому островку Уайту и бросил якорь на его рейде.

Развенчанная императрица нашла, наконец, убежище на берегу Англии.

Растерянная и больная, вступила она в маленький городок, в котором ее подруга решила на время устроить для нее резиденцию. И Евгения поистине должна была благодарить Бога за такую подругу, как госпожа Лебертон, сумевшую устроить побег и поддерживающую ее с неиссякаемой энергией и любовью.

Евгения, оставаясь в течение нескольких дней на Уайте, тщетно ожидала каких-либо известий о сыне, беспокойство и отчаяние ее возрастали и стали невыносимыми. Она разослала телеграммы всюду, куда только могла разослать, и наконец получила известие, что «дитя Франции», как и она сама, спасено и находится в Гастингсе. В ту же минуту оставила она остров Уайт и поспешила через Портсмут в город Гастингс, расположенный у самого пролива Па-де-Кале. Здесь, соединившись снова со своим сыном, она вознесла горячую,

может быть, впервые действительно искреннюю благодарственную молитву Богу в одной из католических церквей.

Из Гастингса императрица направилась со своим Люлю в Лондон, где получила необходимые суммы из денег, помещенных у банкиров Наполеоном. Но в это время уже распространился слух о том, что изгнанная императрица с сыном находится в Англии, и всеобщее любопытство стало для нее настолько тягостным, что она решила уехать из Лондона. Для своего пребывания она выбрала замок Шисельгурст, расположенный в шести милях от столицы, где старалась по возможности приучить себя мириться с мучительной мыслью о потере короны.

Счастливая звезда Евгении закатилась для нее навеки.

Между тем в Париже, где в былое время было изобилие во всем, вплоть до самых утонченных удовольствий, наступил голод. Истощенные люди падали на улицах, голодная смерть поджидала обитателей и хижин, и дворцов, опустошенных войной. Самые отвратительные животные, даже крысы, считались лакомством, а хлеб был недостижимой мечтой, манной небесной. Отцы покидали семьи, матери прижимали к своей иссохшей груди младенцев, превратившихся в маленькие скелеты. Умиравшие от голода дети рылись в сточных канавах, надеясь отыскать хоть какие-нибудь отбросы.

Похоронные процессии беспрерывно тянулись по улицам, гробовщики не успевали исполнять заказы, кладбища переполнялись...

Невозможно передать словами муки, которые испытывали жители Парижа. Огромный, гордый город пал под своею собственной тяжестью! Это было страшное, ужасное наказание!

Пруссаки осаждали столицу Франции, достаточно сильно укрепленную, и полагали, что могут победить гордых парижан.

Члены временного правительства Франции во главе с Гамбеттой сначала отступили к Туру, потом в Бордо, чтобы скорее привести государство к гибели. Депеши Гамбетты по своей лживости превосходили даже депеши императора, которого он напоминал своими диктаторскими повелениями. Все это продолжалось до тех пор, пока Гамбетта не исчез без всякого следа с поля сражения в минуту крайней опасности, подобно благородным хозяевам Тюильри.

Трошю, губернатор Парижа, поклялся лучше умереть, чем сдать город.

Этот храбрый человек, однако, поступил так же, как Наполеон и Гамбетта.

Когда дела приняли дурной оборот, он не умер, но передал начальство другому лицу, не желая лично сдать Париж. Таким образом, ему удалось сдержать свою клятву, бросив при этом Париж в бездну новых бедствий.

Первым геройским делом временного правительства было издание приказа об изгнании чужеземцев, и этот приказ был приведен в исполнение относительно несчастных немцев, оставшихся в Париже, с неслыханной жестокостью, напоминавшей разбой. Поощряемая толпа напала на невинных мужчин и женщин, вытащив их на бульвары и выместив на них свой бессильный гнев.

Париж в это время уже был окружен пруссаками. Железное кольцо вокруг города сжималось. Все попытки пробить его были неудачны, войска диктатора Гамбетты были разбиты, и его лживые известия не могли более скрывать фактов. Жизненные припасы истощались. Росло отчаяние, и гнев народа был направлен уже не только против немцев, но и против Гамбетты, находившегося на безопасном от парижан расстоянии за прусским лагерем.

Смерть в этом огромном городе собирала обильную жатву, голод, холод и снаряды терзали оставшихся в живых, и измученные люди бежали в подземные ходы парижских катакомб.

Наполеон и его династия были свергнуты, но несчастья, несмотря на это, увеличивались с часу на час. Авантюристы из разных стран устремились сюда, чтобы, как они говорили, помочь французской республике и отдать для этого все свои силы. На самом же деле они только увеличивали несчастья народа.

Гарибальди с сыновьями, поляки и испанцы собрались в Париж, боровшийся со смертью, чтобы еще более разорить страну продолжением этой несчастной войны.

Бомбы падали среди города, разрушая его, последние источники продовольствия были исчерпаны. Дрова и уголь также заканчивались, а между тем холод был так велик, что голодные люди замерзали на улице.

Бедные умирали тысячами, богатые могли устоять несколько дольше, так как изобретательные парижане изыскивали новые продукты для пропитания — приготавливали, например, масло из помады и других остатков косметических средств, из костей с помощью специальной химической обработки готовили желе.

Но когда голодный униженный город сдался на милость победителя, когда страна, опустошаемая не только пруссаками, но и своими собственными шайками, пришла в полный упадок, тогда в стенах Парижа разгорелась междоусобная война, которая, казалось, приведет великий город к окончательной гибели.

Шайки грабителей заполняли улицы и безумные предводители народа, которые будут прокляты историей, побуждали толпу к новым насилиям. Кровь лилась ручьями, загорелась битва, по ожесточению ничем не уступавшая битве с пруссаками.

Несчастная нация в слепой ярости терзала сама себя. Те из граждан, кто спасся в предыдущих сражениях и избежал голодной смерти, теперь убивали друг друга, как будто были объаты безумием или превратились в диких зверей. Толпы женщин вламывались в дома зажиточных жителей, грабили все, что только можно было, и горе было несчастным, принадлежавшим к немецкой нации и не успевшим скрыться, горе чиновникам низвергнутого правительства!

Их хватали за волосы и волокли по улицам, и если яростная толпа не убивала их, то верную смерть они находили в приговоре предводителя. Не было ни защиты, ни справедливости, никто не мог быть спокоен за свою жизнь, достаточно было доноса какого-нибудь негодяя, чтобы отправить человека на эшафот и разграбить его имущество, хотя бы и нажитое трудом.

О голоде теперь уже позабыли. Анархия заменила трон, разрушая и уничтожая все, чего не делала даже королевская власть, она привела к гибели всех партий, всех классов.

Долго свирепствовал этот хаос, продолжались убийства, раздавались вопли ярости на площадях.

Не видно голубя с масличной ветвью, но проклятия и бедствия правят Францией. Гордая нация, отдававшаяся безоглядно страсти к наслаждениям, исполняет сама над собой тот страшный приговор, который произносит над ней история.

Но придет время, и над ней опять взойдет утренняя заря.

XXX

ДОЛОРЕС И ОЛИМПИО

Нам представляется, дорогой читатель, что прежде, чем окончить наше повествование, следует обратиться к отрадной картине счастья.

Человеческая душа после страшных сцен, подобных описанным нами выше, требует спокойных, примиряющих картин, чтобы ощутить вечную доброту Бога. Правосудие, являясь во всей своей наготе и силе, тяжело отзывается на наших чувствах, и хотя мы и осознаем его справедливость и преклоняемся перед ним, однако стремимся отвлечься от тяжелых впечатлений, которые оно производит на нас.

Но мы не должны забывать одного заключения, к которому приводит нас история: не в стремлении к удовольствиям, но и не в победе над гордостью и самолюбием заключается величие души, а в сознании своих ошибок и слабостей.

Заносчивость, гордость, высокомерие и уверенность в своей непогрешимости и непобедимости — вот, как мы видели, пороки и заблуждения, которые привели Францию к падению.

В то время как Евгения с сыном жила в купленном ею дворце Шисельгурст, Луи Наполеон, по заключении предварительных статей мира, также явился туда с целью склонить английский кабинет к смягчению условий договора, которые поставили победители. Королева Виктория незадолго перед этим отдала визит, сделанный ей изгнанной императрицей Евгенией, чтобы утешить последнюю, несмотря на то, что зять этой королевы с таким усердием постарался со своей непобедимой армией втоптать в грязь войска Наполеона.

Англия уже не в первый раз принимала на своей земле бегущую из Франции царственную чету. И Луи Наполеон, и его супруга, как нам известно, прекрасно знали Лондон и его окрестности. Там же искал помощи и убежища самый смелый и богатый французский король со своей супругой в то время, когда Луи Наполеон с помощью Софи Говард спешил занять его трон. Луи Филипп и его супруга с таким же трудом достигли английского берега после июльской революции, как 22 года спустя супруга Луи Наполеона.

И разве тогда возглашали не те же имена? Разве тогда не являлись на арене истории Араго, Кремье, Луи Блан, Тьер, Гарнье-Паже, которые составляли и теперь новое правительство?

Переменчиво мнение толпы и величие людей! Те же самые люди, которые стремились ввести королевскую власть, затем присягали в верности революции, а потом, за немногими исключениями, радовались войне с Пруссией, теперь принадлежали к врагам своего отечества.

Однако вернемся к тем, кто вышел победителями из тяжелой жизненной борьбы и заслуженно наслаждались душевным покоем и счастьем.

В Андалузии, этой прекрасной провинции Испании, не бывает зимы. Голубое небо лишь на несколько недель покрывается облаками, которые изливают на поля желанный плодотворный дождь. Уже в феврале леса и долины покрываются новой богатой зеленью, так что большая часть растительности никогда не теряет здесь своей зелени.

Андалузия — эдем старого света!

Над Гренадой и ее окрестностями улыбается безоблачное ярко-голубое небо, в то время как на суровом севере лед еще покрывает реки, а снег — поля и леса. Здесь высятся стройные пальмы; фиалки, розы и мирты разливают в воздухе свой аромат.

Андалузцы гордятся своей прекрасной родиной и совершенно справедливо называют ее раем.

В какую сторону этого цветущего края ни посмотришь — везде зеленые долины, покрытые лесами горы, серебристые ленты рек, веселые, благоухающие сады.

Вблизи города Гранады, лежащего, как жемчужина, среди этой прекрасной земли, раскинулись у подножия холма сады и парки. По обе стороны этих садов расположились две утопающие в зелени великолепные дачи. По величине не уступающие дворцам, они казались легкими и изящными, какими строят дома только на юге.

Парки соединяли их между собой, а с террас обоих домов открывался великолепный вид: отсюда видны были далекие дома Гранады, как бы лежащие у ног зрителей, вершины гор, прорезанных блестящим потоком, а напротив, на вершине покрытой зеленью горы, виднелись развалины — остатки прежнего великолепия.

Здесь на холме, — на широкой укрепленной площади находилась Альгамбра — древняя столица мавританских королей. Высокая и почти 18 футов толщины стена из красного выветрившегося кирпича заключает в себе древние, великолепные прежде постройки. Полуразрушенные башни возвышаются над стеной, а внутри ее лежат дворы и сады, как бы совершенно отделенные от внешнего мира. Здесь высится, как монумент прошлых времен, дворец старых мавританских королей, который Карл V пытался разрушить подобно большой Кордовской мечети. И как бы в наказание за это он не смог окончить постройку своего дворца, начатую им подле мавританского. Теперь огромная стена закрывает обе развалины, а вокруг лежат монастыри, сады, поля и холмы, с которых видны покрытые снегом вершины Сиера-Невады.

По дороге, ведущей к Альгамбре, в одну весеннюю ночь 1871 года скакали два молодых всадника. Они оставили Альгамбру слева, и в их воображении предстала картина прошлого со всем своим волшебством и роскошью.

Здесь царствовали за тысячу лет перед тем мавританские короли, здесь над воротами гордо сиял полумесяц.

По залам Альгамбры ходили прелестные султанши в затканном золотом башмаках, окруженные невольницами, которые, сопровождая их с опахалами, пели им песни Андалузии. В этих разрушенных залах обитали герои.

Время все разрушило и все унесло.

Колодцы, заросшие плющом, иссыкли, группы львов покрылись паутиной и мусором, мраморные колонны растрескались и обвалились. Но сами эти развалины красноречиво говорили о минувшем великолепии, о блеске и чудесах Востока.

В Альгамбре можно еще найти балконы и арки из незапятнанного белоснежного мрамора. Некоторые части прекрасных строений, воздвигнутых маврами, сохранились до нашего времени, хотя в них никто не живет, кроме ночных птиц, которые вьют там свои гнезда, летучих мышей, неслышно летающих в пустых залах, и огромных ночных бабочек, порхающих в развалинах. В маленьких зданиях за пределами стены живут работники, пастухи и бедняки, да в монастырях ночью зажигаются свечи, как бы желая показать, что и там есть живые существа.

Сюда, к этому громадному кладбищу прошлого, стремились в чудесную весеннюю ночь два всадника.

Звездное южное небо было ясным, и стояла такая тишина, такое безветрие, что, казалось, ни один листик не шелохнется. В воздухе был разлит аромат цветов.

И вдруг в глубокой ночной тишине раздался колокольный звон, такой таинственный, как будто он звучал с самого неба. То тише, то громче разносились эти звуки по степи.

Это был филлильский колокол, в сплаве которого, как утверждают андалузцы, находится один из тридцати сребреников, за которые Иуда продал Спасителя. Этот колокол, как говорит предание, звонит сам собою, если стране угрожает несчастье или предвидятся тяжелые затруднения.

Всадники удержали своих скакунов.

Обоим им было известно значение этого звона. Один из них был лет на десять старше другого. Лошади их, хотя и устали от долгого пути, были превосходны, богатая одежда показывала, что они принадлежат к высшему сословию.

— Филлильский колокол, — сказал, наконец, прерывая молчание, один из всадников, — слышите, принц?

— Да спасет Пресвятая Дева Испанию, — набожно отвечал старший.

— Что может означать этот звон, когда поблизости от Испании идет кровавая война между Францией и Пруссией? — спросил другой, в котором мы узнаем Рамиро Теба.

— Вы знаете, дон Рамиро, что мой отец, а затем и я сам отказались от испанской короны, которой добивался итальянский принц Амедей. Мы не хотим нового кровопролития,— говорил спутник Рамиро, сын того самого Дон-Карлоса, за права которого прежде сражался Олимпио Агуадо со своими друзьями.— Испании необходим мир, довольно уже пролито крови!

Рамиро молчал.

Между тем звуки таинственного колокола еще продолжали раздаваться вдаль.

Что значил этот загадочный звон?

Сын итальянского короля прибыл в столицу Испании, между тем как война между Францией и Пруссией увлекла принца Леопольда Гогенцолерна. Должны ли были отразиться на Испании результаты этой войны при новом, ничего хорошего не обещающем выборе? Неужели несчастья и внутренние междоусобные войны снова обрушатся на этот благодатный край?

Сын Дон-Карлоса схватил руку Рамиро.

— Мои намерения чисты, я объявляю их в этот торжественный час! Я спешу вместе с вами в Гранаду, чтобы исправить зло, происшедшее, может быть, от пренебрежения со стороны династии моего отца!

— Вы говорите об инфанте Инессе Барселонской, принц?

— Да, я еду, чтобы предложить свою руку инфанте... этим я хочу загладить тяжелую вину моих предков! Инесса — дочь Черной звезды, которого лишили престола только потому, что у него на лбу было пятно! Он был законный наследник короля Карла, а не король Фердинанд и не мой отец, Дон-Карлос! Несчастного инфанта сослали в отдаленный монастырь и таким образом отняли у него права первородства и законного наследования престола. Фердинанд, брат Черной звезды, захватил корону и передал ее Изабелле, своей единственной дочери!

— Я поражен, принц...

— Неправедно приобретенный трон принес дурные плоды моему дяде и его дочери,— продолжал принц.— Король Фердинанд умер от ужасной болезни. Изабелла принуждена была бежать от преследований собственных фаворитов и искать убежища на чужой стороне, подобно императрице Евгении. Черная звезда уже давно покорится в земле, и теперь остался только один потомок, только одна отрасль этого несчастного, лишенного отечества королевского сына — инфанта Инесса.

— Она живет во дворце по ту сторону Гранады?

— Да, дон Рамиро.

— Она друг Олимпио и его жены?

— Это она! Быть может, колокол филлильский, который мы слышали, не пророчил на этот раз бедствий Испании, может быть, он возвещает, если инфанта примет мое предложение, мир потомкам тех, кто некогда взял на свою душу тяжкий грех!

— Пусть решает Бог,— сказал Рамиро. Он недавно вернулся из Бразилии и вместе с сыном Дон-Карлоса поехал по его просьбе

из Лиссабона в Гранаду.— Теперь мне понятна тайна Черной звезды и вашей скрытности!

— Филлильский колокол сделал меня откровенным, дон Рамиро! Вы приехали из Бразилии навестить дону Олимпио Агуадо, и совет короля дона Педро предложил мне отправиться вместе с вами в путь, после того как я решил предложить свою руку инфанте Барселонской.

— Но любите ли вы инфанту? — спросил Рамиро откровенно.

— Я видел ее несколько лет назад в Мадриде, когда она, возвращаясь из Франции, направлялась на виллу в Гранаду. Я увидел эту прекрасную девушку, и ее образ зажег пламя в моем сердце. Затем я вспомнил о нашей наследственной вине, и когда разговаривал с инфантой, то ясно понял, что жизнь, которую она вела, не изменила ее взглядов на людей. Подумайте, дон Рамиро, где она жила...

— Я все знаю, принц,— отозвался сын Евгении серьезно и мрачно.

— Вспомните, что инфанта до смерти своего отца вела кочевую жизнь и научилась избегать людей. Черная звезда был отверженным, дон Рамиро, не мог ли он завещать свою ненависть не только своей жене, которая любила его беззаветно, но и своему единственному дитяти? Но инфанта прекрасна! Она походит на ангела, который ведет человека ко всему честному и благородному. Инфанта — звезда моей жизни, но не темная, а ярко сияющая, которую я обожаю и на которую готов молиться!

— Вы любите инфанту, принц, ваши слова доказывают это,— сказал Рамиро.

Сын Дон-Карлоса сказал тихо:

— Да, дон Рамиро, я горячо и страстно люблю Инессу, но не знаю, есть ли в ее сердце хотя капля любви ко мне. Эта неуверенность страшно мучит меня. Трон Испании я охотно уступаю другому, незавидная участь — носить в настоящее время корону этой страны, но я хочу насладиться любовью, истинною любовью, и загладить грех, наказание за который, как сказано в Библии, будет преследовать потомков до тысячного колена. Это цель моей жизни, дон Рамиро, и я тогда только успокоюсь и буду счастлив, когда инфанта протянет мне руку с любовью.

— Вы говорите, как будто сомневаясь, принц!

— Не забывайте прошлого инфанты, она презирует людей!

— Но ведь вы подойдете к ней с честными намерениями и с истинной любовью.

— Вы правы, принц. Тяжелые испытания охладили душу инфанты. Но ведь она верит и уважает Олимпио Агуадо и любит его жену. Как вы думаете, не сообщить ли прежде ваше намерение и вашу благородную тайну этим любимым инфантой людям?

— Я хотя и слышал, что дон Агуадо был преданный генерал моего отца, но не знаю ни его, ни его супруги.

— В таком случае предоставьте это мне, принц. Я не только знаю благородного дону и его супругу, я люблю их и могу заранее вам обещать, что в них вы найдете самых верных советников и преданных друзей, как только скажете, кто вы. Дон Олимпио Агуадо проливал кровь за вашего отца и, конечно, не откажется, если это

будет нужно, замолвить за вас свое слово. Я в этом уверен. Но, принц, уже начинает светать, поспешим.

Звуки филлильского колокола уже умолкли, и над степью вновь воцарилась глубокая тишина. Близился восход.

Оба всадника, прочтя краткую молитву, поехали дальше. Перед ними расстилалась зеленая равнина, благоухающая в предрассветной свежести. Они подъезжали к стенам Альгамбры.

Взошло солнце, и его лучи осветили спрятавшийся в зелени дворец Олимпии Агуадо и отделенную от него парком прелестную виллу инфанты Барселонской, окруженную великолепными пальмами.

Золотые лучи отражались в окнах дворца, ласкали цветы в саду, блестя на яркой листве деревьев.

Здесь Олимпио и Долорес нашли желанный покой после выпавших на их долю страданий, здесь они были счастливы.

Оба всадника остановились у ворот. Ночная свежесть еще не исчезла под лучами жаркого солнца, и роса покрывала кусты и траву. Великолепные гранатовые деревья окаймляли зеленую лужайку, посреди которой фонтан выбрасывал вверх холодные струи, окруженные блестящей водяной пылью. По обеим сторонам тропинок, ведущих к террасе, росли тенистые каштановые деревья, а за ними виднелись куртины благоухающих, ярких, разнообразных цветов.

Поодаль располагались конюшни и жилища слуг и работников. В том направлении, где находилась ви́лла инфанты, великолепный парк манил к себе свежей зеленью.

Когда оба всадника приблизились к воротам в красивой решетке ограды, к ним подошел слуга, чтобы узнать, кто они, и принять от них лошадей.

— Я очень хотел бы, чтобы вы доложили о нас своему благородному хозяину,— сказал Рамиро, платье которого, как и у инфанта, было покрыто дорожной пылью,— но мне кажется, что еще очень рано.

В это время с террасы быстро сошел высокий широкоплечий слуга, который, видимо, заметил всадников из окна.

Он с любопытством смотрел на гостей, прибывших так рано, но когда подошел ближе, черты его прояснились — он узнал Рамиро и поклонился ему и инфанту с улыбкой удовольствия на лице.

Рамиро, соскочив с лошади, протянул ему руку:

— Да благословит вас Бог, Валентино, узнаете ли вы меня?

— Бьюсь об заклад, вы граф Рамиро де Теба, как же мне не узнать вас? Вот, что называется, приятный сюрприз! Но как же вы переменялись! Ваше лицо так загорело и эта великолепная борода!.. Я сейчас бегу сказать дону Олимпио...

— Нет, нет, Валентино,— вскричал Рамиро, удерживая его за руку,— принц и я хотим явиться неожиданно к вашему господину.

— О, это счастливый день, это праздник,— говорил Валентино.— Эй, люди, скорее ведите лошадей в конюшни! А как обрадуются дон Олимпио и сеньора Долорес! Вы слышали о нашей счастливой новости, ваше сиятельство?

— Нет, мой друг, а что случилось?

— О, Господи! Пять месяцев тому назад родился маленький дон Олимпио,— рассказывал Валентино с сияющим лицом.— Вы все увидите и все узнаете! Этот мальчик — ангел!

— Может быть, мы их обеспокоим своим ранним приходом,— сказал инфант.

— О нет, избави Бог! Благородный дон уже давно в парке и донна Долорес с ребенком сейчас войдет! Идите скорее! Это будет такая радость, что я не могу и передать!

Оба гостя обменялись взглядами, выражавшими удовольствие от столь радостного приема, и пошли следом за Валентино по тенистой дорожке.

Приближаясь к парку, они увидели Олимпио Агуадо. Он стоял, разговаривая с садовниками; он нисколько не изменился, оставаясь совершенно таким, как прежде. В светлой одежде испанского помещика, в широкополой соломенной шляпе, владелец этого маленького рая отдавал приказания работникам, стоя на границе парка.

Все вокруг дышало миром и счастьем. Рамиро и принц невольно остановились и почувствовали, что и в их душе поднимается какое-то светлое, отрадное чувство. Валентино, будучи не в состоянии сдерживать нетерпение, окликнул своего господина.

Олимпио уже заметил приближающуюся к нему группу, но не узнав сразу своих гостей, торопливо направился к ним навстречу.

Его загорелое от солнца и улыбающееся сейчас лицо, как мы уже говорили, нисколько не изменилось, весь его облик выражал силу и здоровье. Он с поклоном приподнял свою шляпу.

— Дон Олимпио не узнает вас! — сказал, улыбаясь, Валентино.— Ну вот, вот!

Олимпио испустил вдруг радостный крик и протянул к идущему ему навстречу Рамиро обе руки.

Инфант оставался несколько позади.

— Ради всех святых, ведь это наш милый дон Рамиро! — вскричал Олимпио.— Сколько лет я о вас ничего не слышал и думал даже, что вы совершенно забыли и нас, и Старый свет. Будьте же нашим желанным гостем,— говорил он, дружески обнимая графа.

— Я привез с собой еще одного гостя,— сказал Рамиро, освобождаясь от дружеских объятий.— Инфант Карлос!

Олимпио только теперь обратил внимание на принца.

— Я сердечно рад видеть вас,— воскликнул он, пожимая руку инфанта,— теперь я также припоминаю ваше лицо: помните ли вы, как я когда-то учил вас обращаться с оружием?

Олимпио смеялся, радуясь нахлынувшим на него воспоминаниям, которые разделял и принц.

— Я прекрасно помню вас и ваших знаменитых друзей, которые были лучшими и самыми храбрыми генералами моего отца! Как часто я думал о вас, маркизе Монтолоне и генерале Филиппо Буонавита, и всегда в моем воображении при этом возникали образы героев.

— Только я один остался в живых, принц,— сказал Олимпио, сразу сделавшись печальным.— Все они умерли, и я могу встретиться с ними только в воспоминаниях до тех пор, пока и сам не

пойду той же дорогой, что и они. Мир их праху! Они были лучшими моими друзьями, моими братьями и лучшими защитниками вашего отца! Где то время, когда мы исполняли свои смелые замыслы, которых боялся даже двор! Где те дни и ночи, когда мы охотились по степям и горам, не чувствуя усталости, где то время, когда, прикрываясь масками, во время карнавала мы пробирались ко двору и всегда исчезали в минуту опасности, точно так же, как в эту последнюю войну прусские храбрые уланы, которые мне нравятся... Все прошло, все миновало...

Валентино ушел, чтобы поскорее сообщить своей госпоже, кто так неожиданно приехал к ним в гости.

— В воспоминаниях — наслаждение, дон Агуадо,— сказал Рамиро и пошел с инфантом подле Олимпио по парку.

— Это наслаждение усиливается еще тем, что в воспоминаниях перед нами предстают только светлые образы. Все темные стороны прошлого забываются. Больно только, что все эти радости более не воротятся! Становишься все старше и приближаешься к вечному покою. Семейное счастье...

— Я поздравляю вас от всего сердца с наследником вашего рода,— перебил Рамиро.

— Благодарю вас! Рождение этого мальчика — счастливое событие в нашей жизни. Семейное счастье, конечно, имеет свои радости, но они совершенно иные, чем те, которые я когда-то находил в дружбе с Филиппо и маркизом! Цель моей жизни достигнута, и было бы несправедливо требовать теперь чего-то большего, чем мирного конца! Оставим же эти мысли!

— Вы достаточно трудились и могли вполне насладиться военной славой, дон Олимпио,— сказал Рамиро,— дон Олозаго много рассказывал мне об этом, когда я был мальчиком!

— Кто совершал такие подвиги, как вы, благородный дон,— прибавил инфант,— тот, мне кажется, вполне заслуживает отдыха на лаврах!

— Я не достоин похвалы, инфант,— по моему, следует применяться ко всякому образу жизни и находить в нем счастье. Человек всегда может найти свое счастье рядом, но почему-то ищет его где-то «за горами», когда стоит только протянуть руку, чтобы завладеть им. Счастье, которое вы найдете здесь, господа,— спокойное, мирное счастье в собственном семействе. Я соединился со своей женой после тяжелых испытаний, во время которых я постоянно носил ее образ в своем сердце. Когда же мы выдержали все наши беды, то удалились от мирской суеты и живем здесь для себя, друг для друга. Скажите, дон Рамиро, видели вы дона Олозаго?

— Я видел его, так же как и маршала Серрано, перед тем как отправиться сюда,— отвечал граф.

— Вы слышали уже, вероятно, то известие, которое я получил ночью по телеграфу? — спросил Олимпио.

— Нет, мы четыре дня пробыли в дороге!

— Маршал Прим вчера предательски убит. Тяжелая потеря для Испании!

— Так вот что значил звон филлильского колокола,— прошептал инфант.

— Вы слышали его?

— Да, ночью, по дороге сюда!

— Он прозвонил также и по маршалу. В стране не будет мира, если подобные убийства останутся безнаказанными.

— Может быть лучше, дон Агуадо,— сказал серьезно инфант,— удалиться от общественной деятельности и найти такое же счастье в собственном семействе, как сделали это вы? Подальше от трона, подальше от лживых служителей церкви и фальшивых друзей; здесь можно найти счастливое место, где жить, не заботясь о переменах колеблющегося трона!

— Вы говорили с Серрано, дон Рамиро?

— Он не предвидел гибели Прима, своего друга, но не предсказывал новому королю ничего завидного! Серрано, так же как и вы, дон Олимпио, хочет удалиться от света и забот со своею супругой Энрикоу и детьми. Он ищет мира и думает уехать в свой прекрасный наследственный замок Дельмонте, который я сравниваю с вашим уголком, хотя внешне они и не схожи. Но самое важное — чувства и впечатления те же самые, независимо от внешности!

Разговаривая таким образом, три сеньора дошли до старого, ветвистого каштанового дерева, растущего на краю парка. Его густая зелень представляла превосходную защиту от солнца.

Под деревом стояло несколько садовых стульев около накрытого стола, на котором, как видно, обедали в доме Олимпио.

Само место было очень красиво! Свежий воздух, пение птиц, запах цветов и вид лежащего вдали замка делали его идилически прекрасным. Казалось, что под этими ветвями природа устроила себе престол, кругом все зеленело и цвело, здесь не могло быть ни недовольных, ни противников, ни врагов!

Верные слуги и работники занимались вдали своим делом и так же мало думали о коммунизме и мятеже, как поющие в ветвях птицы или деревья и цветы. Всюду кругом были мир, светлая зелень, действительное счастье!

— Садитесь, господа,— сказал Олимпио своим гостям, усаживая их на садовые стулья,— это мое любимое место, а вот к нам идет моя жена со своей радостью и гордостью. Взгляните только, как она гордится тем, что может нести на руках своего маленького мальчика, который уже протягивает сюда ручонки, хорошо зная, кого он здесь увидит! А вот и Валентино несет сюда закуску, которая, надеюсь, будет очень кстати после ночного путешествия! Подождите, граф Рамиро, мы посмотрим, узнает ли вас Долорес... Но я уверен, что изменник Валентино уже успел испортить нашу радость, он не мог, конечно, удержаться...

Действительно, прелестная картина представилась глазам трех сеньоров, сидящих в тени каштана.

Счастливая мать несла на руках своего первенца, крепкого, румяного мальчика. Идя между цветочных куртин, она сама напоминала цветок; как фея, грациозно двигалась она в благоухающем, светлом

утреннем воздухе. За Долорес, весело улыбаясь, шагал усердный Валентино, неся огромный серебряный поднос со всем необходимым для завтрака.

В нескольких шагах позади шла веселая нянька, которая должна была взять от счастливой матери сына, после того как он поздоровается с отцом.

Олимпио был прав, Валентино выдал секрет гостей, что видно было по лицу молодой женщины.

Долорес знала, кто были гости ее мужа, и, ласково улыбаясь, поклонилась им, надеясь, что они с удовольствием примут ее сына.

Материнское сердце находит отраду только в своем милом ребенке! И разве эта драгоценность не составляет высшего блаженства в браке, разве она не служит звеном, соединяющим родителей? Появление матери с ребенком на руках всегда имеет в себе что-то такое, что трогает сердца.

— Я вижу,— вскричал Олимпио,— Валентино изменил-таки нам! Долорес, граф Рамиро, приехавший недавно из Бразилии, заехал к нам и привез с собой инфанта Карлоса!

Долорес ласково приняла обоих гостей и передала мальчика Олимпио, к которому ребенок уже давно протягивал свои ручонки, в то время как Валентино накрывал стол под сенью зеленых ветвей.

Все разместились на садовых стульях, и завязался непринужденный разговор.

Рамиро, не откладывая, обратился к Олимпио, придя на помощь своему новому другу.

— Принц,— сказал он,— любит инфанту Барселонскую и надеется через союз с ней загладить несправедливость, допущенную по отношению к ее отцу и испанскому престолу.

— Я понимаю ваши намерения и ценю их, принц. Вы хотите с помощью этого брака уничтожить грех, разъяснить тайну Черной звезды и поправить то, что сделали ваши предки отцу инфанты. Вот вам моя рука, принц. Все, что я могу сделать для вашей благородной цели, я сделаю с радостью. Инфанта — друг нашего дома. Завтра мы отправимся к ней, и я уверен, что ваши надежды оправдаются, так как Инесса всегда хорошо отзывалась о вас.

— Но, Олимпио,— возразила Долорес с легким упреком,— мне кажется, ты говоришь лишнее...

— Потому что у меня хорошая цель. Моя Долорес полагает, что я моими словами изменяю инфанте,— обратился Олимпио к принцу.— Но на самом деле я ничего не сказал, все зависит от слова дочери Черной звезды. Инесса — странное существо,— продолжал он после небольшой паузы, в то время как Рамиро разговаривал с Долорес,— она не решается ни на что. Кто знает, что происходит в ее душе в те часы наружного спокойствия, когда она вспоминает прошлое. Скитаясь по земле со своими бездомными родителями, она хорошо познакомилась с людской неприязнью, а события последующей жизни тоже не способствовали к тому, чтобы внести гармонию в ее душу. Инесса по-прежнему чуждается людей и боится их, и, по моему, она права,— разве можно любить тех, кто всегда и

всюду вредили ей и тем, к кому она была привязана? Вы знаете несчастья Инессы.

— Я знаю все, дон Агуадо,— сказал принц Карлос.— Единственное мое стремление заключается в том, чтобы примирить инфанту с людьми и с жизнью. Я чувствую в себе достаточно сил для этого, так как люблю ее, и эта любовь привела меня сюда. Я не желаю ни трона, ни всемирного величия, я отказался от всех своих наследственных прав на испанский престол. Я хочу только, соединившись с инфантою, обрести истинное счастье и забыть прошлое!

— Справедливо, принц! Я никогда раньше не думал, что буду когда-нибудь так близок к единственной дочери Черной звезды, которого видел бродящим по горам,— продолжал Олимпιο.— Тогда я едва знал историю этого отверженного принца и не верил ей. Впоследствии, когда я узнал инфанту, когда увидел, каким природным благородством она одарена, я начал верить удивительному рассказу. Может быть, наступит время, когда мир и благословение Божие снова вернутся в наше отечество! Завтра мы идем к инфанте, я надеюсь, что мы будем иметь союзницей и мою жену!

— Я и теперь уже ваша союзница! — возразила Долорес, радушно угощая гостей.

— Вы еще не рассказали нам о ваших странствованиях, Рамиро. Вы слышали о смерти Жуана?

— Услышал недавно, дон Агуадо, а я надеялся увезти с собой моего друга в наш милый Монте-Веро...

— Расскажите нам о нем, Рамиро.

— Слушайте, дон Олимпιο! Одно время в Париже я был так несчастлив, что считал свою жизнь погибшей. Мне открыли тайну, которая чуть не убила меня. Вы, впрочем, знаете все! В то же время я познакомился с князем из Монте-Веро.

— Я припоминаю его,— вступил Олимпιο,— это был высокий, красивый и статный мужчина, у него был дворец на улице Риволи.

— Совершенно верно, в его внешности, как и в вашей, есть что-то величественное, и я уверен, что вы бы полюбили, как и я, если бы поближе узнали этого человека. Князь Эбергард * имел огромные владения в Бразилии. Он приехал во Францию, чтобы отыскать свою дочь, которая осталась с его женой, не жившей уже с ним, и переносила большие невзгоды. Когда я познакомился с князем, он уже разыскал свою дочь и возвращался с нею обратно в свое отдаленное поместье. Этот великодушный человек пригласил меня ехать с ними, зная о моих тяжелых переживаниях.

— Разве он знал ваше прошлое?

— Князь иногда казался мне всевидящим, и притом он был так добр и снисходителен. Сблизившись с ним, я полюбил его и чувствовал в нем преданного друга, хотя он мог бы быть моим отцом. Его дочь имела ребенка, прелестную девочку, которой исполнилось

---

* Подробности этого рассказа приводятся в романе «Грешница и кающаяся» того же автора.

тогда четырнадцать лет. Мне было тяжело расставаться с этими милыми людьми.

Они уехали на пароходе князя, а я отправился в Мадрид, в свое имение. Но вскоре я до того соскучился по ним, что решил оставить Испанию и последовать за ними.

— Я подозревал вас в скрытности, Рамиро, простите меня!

— И я нашел счастье, дон Олимпио. По ту сторону океана, я увидел благословенную провинцию. Здесь не работали невольники под ударами ненавистного надсмотрщика, но всякий радостно исполнял свои обязанности. Работники, белые и черные, занимались своим делом без ропота и без проклятий. Эта провинция называется Монте-Веро. Она принадлежит князю Эбергарду, единственному другу короля Педро, который любил его, как брата. Там, на полях Монте-Веро,— продолжал Рамиро восторженно,— царят счастье и благополучие!

— И вы женились на внучке князя? — спросил Олимпио.

— Когда я приехал туда, меня приняли с распростертыми объятиями. О, как бедна Франция, как жалка Испания в сравнении с княжеством Монте-Веро, этим идеалом правления и хозяйствования! Там немислимы ни низвергнутые троны, ни прогнанные государи. Между тем Монте-Веро по объему и организации не уступит государствам Европы. Дочь князя предчувствовала, что я приеду. Она еще раньше заметила, что меня привлекает. Увидела она также, как покраснела Жозефина при нашем свидании, хотя и не подала вида.

Я поселился вблизи Монте-Веро, и это было благодеянием для моей измученной души. Здесь, в этой благословенной стране, я хотел испробовать свои силы, приобрести клочок земли и начать жизнь сначала. Известия из моего старого отечества почти не приходили, мы редко вспоминали о прошлом, и это было самым лучшим.

— Я начинаю думать, Рамиро,— сказал Олимпио,— слушая вас, что если кто-либо принужден переносить на себе последствия чужих грехов, то для него настоящее место — Новый Свет.

— Изменнически убитый Жуан знал повесть моей печальной жизни; было время, когда я хотел лишиться себя жизни и проститься с проклятым миром, тогда он удержал меня, а теперь я примирился с Богом и людьми и забыл свои дурные мысли.

— Вы хорошо поступили, Рамиро!

— Дочь князя и ее благородный отец отдали мне Жозефину, чтобы сделать мое счастье полным, они увидели, что я, подобно князю Эбергарду, сам создал себе новое отечество и будущность. Они не обращали внимания на то, кто были мои родители, на то тяжелое испытание, которое на меня возложили без всякой моей вины. Только по собственным моим деяниям судили они обо мне. И если я создал свою судьбу и обеспечил свою будущность, все прошедшее было забыто.

Долорес соглашалась с восторженными словами Рамиро. Инфант также не мог не сочувствовать ему, а Олимпио был горд за своего юного друга.

Рамиро было чем гордиться. Покинутый сын тайной любви, он сам построил свою новую жизнь и мог смело смотреть в глаза будущему.

— Полгода тому назад мы обвенчались с Жозефиной,— закончил Рамиро свой рассказ.— Теперь у меня возникло желание увидеть моего отца, друзей, сообщить им о моей женитьбе, а затем вернуться домой, убедившись, что они живут мирно и благополучно. Дон Олозаго рано или поздно оставит свое дипломатическое поприще и переселится ко мне. Серрано окружен счастьем и любовью... И вы, дон Олимпио, о вашем спокойствии и счастливом союзе с любимой женщиной я также сохраню приятное воспоминание. При таких впечатлениях прощание не будет тяжелым.

— Только не так скоро! О прощании теперь не может быть и речи, дон Рамиро,— сказал Олимпио, пожимая руку графа.— Сперва вы должны пожить здесь с нами!

— Но Жозефина, молодая жена, будет ждать,— произнесла кротко Долорес.

— Вы должны были взять ее с собою! — вскричал Олимпио.

— Я думаю, что вы полюбили бы ее. Но, может быть, когда-нибудь вы приедете к нам, чтобы самим увидеть все, о чем я рассказываю.

Долорес, пожимая плечами и улыбаясь, показала на маленького Агуадо.

— Всегда как-то крепче привязываешься к земле,— сказала она, сияя счастьем.

— Счастлив тот,— подтвердил принц,— кто сумел справиться с житейскими бурями и составить себе счастье под кровлей семейного очага.

На другое утро Олимпио вместе с сыном Дон-Карлоса отправился на виллу инфанты.

Дочь Черной звезды выбрала себе дом согласно с состоянием ее души и происхождением. Ее вилла была расположена у подножия холма Альгамбры, этого древнего царственного замка, который как бы защищал и возлагал корону на это убежище.

Подобно дому Олимпио, дом инфанты тоже был украшен цветами и веселой зеленью, а парк, простиравшийся между обоими поместьями, соединял их и образовывал тенистый путь из одного в другое.

Удалившись от света, Инесса вела здесь идиллически мирную жизнь. Она занималась цветами и садом, часто проводила время с Долорес и принимала участие во всех радостях и горестях этой семьи.

Олимпио, подойдя с инфантом к вилле, попросил его подождать в саду, пока он подготовит Инессу к посещению принца и сообщит ей о его намерениях, чтобы вместе с тем выведать ее мнение.

— Инфанта,— объяснил он,— удивительное существо, и я боюсь, чтобы не вышло какой-нибудь печальной ошибки, в которой вы будете оба раскаиваться, если неожиданно явитесь к инфанте. Она может усомниться в искренности и глубине вашего чувства, так как

уверена, что каждый должен утрашиться знака, который она nasledовала от отца, хотя нужно сказать, что эта звезда на лбу совершенно не портит красоту ее лица, прелесть черных глаз и чистоту души!

— Я видел эту черную звезду, однако жажду предложить инфанте руку, дон Агуадо!

— Так я прежде пойду один, чтобы ее подготовить!

— Я не знаю как благодарить вас за вашу любезность!

— Совсем не нужно, принц! Я поступаю так не только в ваших интересах, но также и ради инфанты, ибо она никому не осмеливается довериться. Между тем она достойна светлой и радостной судьбы, и для нее вредно влачить свое существование без друга, с которым она могла бы, наконец, обрести истинное счастье. Предоставьте мне действовать, принц! Хотя я до сих пор никогда не был посредником в сердечных делах, но в этом случае надеюсь оказать услугу обеим сторонам. И я буду чрезвычайно рад, если когда-нибудь в будущем услышу от вас, что способствовал вашему счастью!

— У вас благородная душа! Вы самый лучший человек, какого мне когда-либо приходилось встретить, дон Агуадо,— отвечал растроганный инфант, пожимая Олимпио руку.— Я доверяю вам свою судьбу с радостью, я знаю, что вы горячо будете стоять за мое дело!

— Что и говорить! Разве не я научил вас владеть шпагой и ружьем?

— А теперь вы мне укажите мое счастье! — заключил инфант, в то время как Олимпио, весело улыбаясь, пошел по тенистой аллее, которая вела к террасе виллы.

На зеленой лужайке перед домом прогуливались павлины, а в виноградных ветвях, окружающих террасу, почти совсем скрытые зеленью, висели легкие клеточки, в которых голосистые птицы оглашали окрестности звонким пением.

По сторонам террасы росло несколько гордых пальм, которые качали своими вершинами, а у их подножия, на каменных ступенях, ведущих в переднюю, маленькая негритянка дразнила обезьянку, протягивая ей конфетку.

— Квита! — позвал Олимпио, и негритянка, вскочив с земли, повернула свое удивленное личико с большими глазами к Олимпио, дружески грозящему ей пальцем.

С улыбкой направилась она к дону, которого хорошо знала.

— Бедный Моно,— сказал Олимпио, указывая на обезьянку,— он сердится, желая получить конфетку, а ты не даешь.

— О, Моно злой! Посмотри,— отвечала девочка, показывая окровавленный палец.

— Он укусил тебя, зачем же ты его дразнишь, шалуню?

Квита улыбалась, глядя на Олимпио. Это была маленькая служанка Инессы, которая взяла покинутую родителями крошечную девочку, чтобы воспитать ее и подготовить себе преданную помощницу.

— Где твоя госпожа, Квита? — спросил Олимпио.

Маленькая негритянка указала на террасу, на ступеньках которой в эту минуту появилась инфанта, радостно приветствуя своего гостя.

Инесса казалась очаровательной, и принц, стоя под старым каштановым деревом, издали любовался ею. В ее наружности удивительно гармонично сочетались прелестная женственность и гордое величие, свойственное знатным испанкам.

Инфанта была одета в легкое светлое платье, подчеркивавшее ее стройную, грациозную фигуру. С темных роскошных волос спускалась на плечи белая мантилья, но она уже более не закрывала его своего лба. Несколько локонов, падающих на лоб, не закрывали полностью пятна, имеющего форму звезды, которое вовсе не поражало тех, кто часто видел инфанту, и не портило ее красивого лица. Большие черные глаза, полные ума, приводили в восхищение каждого, кому удавалось заглянуть в них.

Она протянула руку мужу своей любимой подруги и повела его на тенистую прохладную террасу.

— Почему вы один, дорогой дон, неужели Долорес забыла своего друга и не помнит о том, как я рада видеть ее с ее маленьким сокровищем?

— Извините, инфанта! Долорес не могла сегодня прийти со мною. Мне необходимо поговорить с вами с глазу на глаз.

— Что за таинственность, Олимпио! Неужели Долорес не...

— Да, даже и она не должна слышать нашего разговора, хотя она и знает обо всем.

— Как! Ваш тон пугает меня!..

— Не пугайтесь, инфанта. Сядем, если хотите! Видите, я у вас распоряжаюсь совершенно как дома.

— Я очень рада этому, Олимпио!

— Инесса, доверяете ли вы мне?

— Как вы можете спрашивать? Я верю вам и вашему доброму сердцу! Говорите, что случилось?

— Благодарю! Я не употреблю во зло вашего доверия, я только спрошу вас о том, что мне необходимо знать... Это сердечный вопрос, инфанта, но я надеюсь, что вы не рассердитесь за него...

Инесса с любопытством посмотрела на Олимпио, секретный разговор забавлял ее, и она с трудом сохраняла серьезность.

— Помните ли вы сына Дон-Карлоса?

— Да, дон Олимпио.

— Какое впечатление произвел на вас принц?

— Чудное!

— Я вас прошу говорить серьезно, инфанта!

— Я говорю откровенно, принц действительно произвел на меня прекрасное впечатление. Вы ставите меня в несколько неловкое положение и даже, если хотите, в некоторое затруднение.

— Нисколько. Между друзьями вопросы по совести никогда не составляют затруднения!

— Я буду откровенна с вами, Олимпио. У принца, как мне показалось, есть сердце. Я встретила его несколько лет тому назад

совершенно случайно у его старого отца. Он отнесся ко мне искренне и сочувственно, и это мне было так приятно, что я охотно вспоминаю о том дне, который провела в его обществе.

— Хорошо, очень хорошо,— произнес Олимпιο, слегка улыбаясь.— А теперь вы чувствуете себя здесь совершенно счастливою?

— Вам это известно, Олимпιο! Дружба к вам и Долорес, таким прекрасным людям, услаждает мои дни, которые я провожу в уединении!

— Вы уклоняетесь от вопроса, инфанта, говоря о дружбе, за которую я благодарю вас. Но все ли у вас есть для полного счастья?

— Я не знаю, что вы имеете в виду.

— Ну, черт возьми, вам известно, что я враг всяких уверток и плохо знаком с дипломатическими хитростями! Скажите мне прямо, решитесь ли вы протянуть вашу руку сыну Дон-Карлоса и разделить с ним это прекрасное убежище?

Олимпιο приподнялся при этих словах и, взяв руку слегка вспыхнувшей инфанты, с чувством пожал ее.

— Вы молчите, но я не боюсь, что вы на меня сердитесь,— продолжал он,— так как я пришел к вам как друг. Скажите напрямик, да или нет? Я вижу, что вы улыбаетесь, Инесса, и если только не обманываюсь...

— То вы думаете, что я скажу «да»? Ну, Олимпιο, вы знаете, что у меня нет тайн ни от вас, ни от Долорес: итак — да! Только почему же сам принц не пришел спросить меня об этом?

— Он там, инфанта,— ответил Олимпιο, подводя Инессу к ступеням террасы и кивая подходящему принцу.— Я явился к вам только на рекогносцировку, остальное принц скажет вам сам. Вы, конечно, знаете, что я был генералом его отца, так что мое теперешнее поручение имеет связь с прежнею службой.

— Вы привыкли брать крепости штурмом,— сказала тихо Инесса, в то время как статный, красивый принц уже подходил к ним.

— Этим прекрасным союзом еще искупается старый грех отцов. Само небо хочет его, инфанта, а потому я считаю его счастливым!

— Я рада вас видеть,— сказала Инесса сыну Дон-Карлоса,— и встречаю вас с такой же сердечностью, как некогда во дворце вашего отца вы встретили дочь несчастной Черной звезды!

— Вы не забыли этого, инфанта?

— Сердце никогда не забывает, принц, того, что хоть немного утоляет нашу боль и облегчает тяжелые часы!

— Могу ли я способствовать тому, чтобы эти несчастья были позабыты навсегда?

— Я думаю, что мне лучше теперь уйти,— произнес Олимпιο с легкой улыбкой, радостно пожимая руки обоих молодых людей, стоящих на террасе.

— Почему это, оставайтесь, Олимпιο!

— А потому, что если вы позволите, инфанта, то я сейчас же явлюсь сюда с Долорес и приведу с собой еще одного гостя, графа Рамиро де Теба, которого вы также знаете и который недавно вернулся из Бразилии посмотреть, как живут те, с кем он когда-то был

хорошо знаком и дружен. Теперь, я надеюсь, здесь он получит новые приятные впечатления. До свидания!

Олимпио оставил инфанту и принца и быстро возвратился к Долорес и Рамиро, которые забросали его вопросами, в особенности Долорес, очень привязанная к Инессе.

Но Олимпио был сдержан.

— Увидим, что из этого выйдет,— повторял он, пожимая плечами,— не будем забегать вперед.

— Но ты же мог заметить?

— Что, Долорес?

— Может ли принц надеяться?..

— Если он остался на вилле, то... однако я ничего не знаю!

Долорес радостно всплеснула руками, а Олимпио с улыбкой смотрел на свою жену, сияющую от счастья, и наконец сознался, что он также от всего сердца радуется союзу, совершающемуся на вилле инфанты.

— Ведь и вы,— обратился он к Рамиро,— хорошо понимаете, что истинное счастье можно найти только в семье, что блеск, величие, удовлетворенное самолюбие — ничто в сравнении с этим блаженством.

И Олимпио заключил в свои объятия Долорес. Рамиро был вполне согласен с ним.

— Я не знаю, отчего это происходит,— продолжал Олимпио по дороге к вилле инфанты,— что когда я думаю о своем счастье, мне всегда приходит на ум императрица Евгения. Любви она никогда не знала и не чувствовала. Борьба за блестящее положение и тщеславие убили в ней все другие чувства и совершенно уничтожили их.

— Мы ясно видим теперь, что самое высокое положение, корона и трон, не всегда дают счастье, так как то удовольствие, которое чувствует человек, удовлетворив свое самолюбие, чаще всего бывает суетным, призрачным и непрочным. Пусть Пресвятая Дева поможет ей в том, чтобы все тяжелые испытания, через которые она прошла сейчас, послужили ей предостережением и убедили в том, что ненасытная жажда блеска и могущества, которой она жертвовала всем, ведет только к опасностям и горю.

— Я тоже от всего сердца хотела бы, чтобы и она нашла семейное счастье,— заключила Долорес.

Рамиро молчал, но внутренне он соглашался с этими словами, так как на себе испытал, что значит обрести душевный покой.

Олимпио замолчал, чтобы еще более не огорчить сына Евгении, который, хотя и совершенно разошелся с нею, однако все-таки был сын своей матери и, конечно, молился в глубине своего сердца за ее спасение. Для нее не могло быть более тяжкого наказания, чем то, которому она подверглась. Она должна была жить, всеми забытая, в уголке чужой страны, с унижительным, невыносимым сознанием, что из окруженной поклонением знаменитой императрицы превратилась в ничто по своей собственной вине.

Подобные мысли занимали трех человек в то время, как они приближались к вилле инфанты. Торжественная тишина парка гармонировала с их настроением.

Подойдя к дому инфанты, они увидели ее и принца, прогуливавшихся по лужайке. Оба были так погружены в разговор, который вели между собой, что заметили пришедших, только когда те подошли к ним вплотную.

Тогда Инесса бросилась к Долорес и горячо обняла ее, а Олимпио и Рамиро подошли к счастливо улыбающемуся сыну Дон-Карлоса, выражение лица которого объяснило им все. Разговаривая с Долорес, инфанта плакала от радости, так что едва могла говорить.

— Я все понимаю,— шептала Долорес,— ты счастлива, и я тоже счастлива за тебя.

— Мы останемся здесь, подле вас,— тихо говорила Инесса.

— Собственно, мне нужно было бы на тебя рассердиться,— сказала, улыбаясь, жена Олимпио.— Ты ни слова не сказала мне о том, что носишь в сердце образ принца и любишь его!

— Эту любовь я сама вполне поняла только сегодня, Долорес, не сердись на меня. Я положительно не могу передать тебе всей моей радости, я так счастлива...

— Я вижу, дорогая, ты совсем переменялась. Сила любви — великая сила, ее тебе недоставало, только теперь ты поймешь цену жизни и найдешь свою настоящую цель, ты полюбишь весь мир и преклонишься пред неисповедимыми путями Господа. О, если бы твои родители были живы и вместе с тобой порадовались твоему счастью! Теперь ты забудь навсегда тяжелое прошлое, живи настоящим, пользуйся им, как подскажет тебе твоя совесть.

Незаметно наступила ночь, и бледный месяц, улыбаясь, смотрел с небесной высоты на землю. Мириады звезд блестели на темном небе. Легкий ветерок шелестел в листве деревьев, точно рассказывая им, что любовь еще царствует на земле, и святые чувства еще не совсем заглохли в сердцах людей. Кругом царила торжественная тишина, как будто ночь старалась не нарушить очарования, которое испытывали находившиеся в парке.

— Итак, можно поздравить вас,— сказал Олимпио, прервав продолжительное молчание, и, приблизившись к инфанте и принцу, горячо пожал обоим руки.— Я счастлив, видя свершившимся этот священный союз.

Маленькая наблюдательная негритянка между тем поставила несколько канделябров и украсила стол на террасе. Вскоре пять счастливых людей мирно сидели на ярко освещенной террасе и пили вино, принесенное девочкой на серебряном подносе.

— Квита,— сказал ей Олимпио,— скоро у тебя будет сиятельный барин!

— Квита уже знает, дон Олимпио,— ответила, лукаво улыбаясь, девочка.

— Какое, однако, у женщин врожденное понимание подобных вещей,— сказал Олимпио весело. Затем он поднял свой бокал и с чув-

ством произнес речь, желая дочери Черной звезды и сыну Дон-Карлоса счастливой будущности. Он упомянул, что, предоставив споры за испанский престол другим, будущие супруги взамен их обрели гораздо более ценное сокровище — свою любовь и душевное удовлетворение.

— Но может быть, для принца королевской крови, внука братьев, имеющих право на престол, наступят лучшие времена. Тогда в Испании снова распустятся цветы, и тот, кто станет во главе государства, будет гордостью нации! Теперь же все еще бушует бесчеловечная война...

— Несчастный Париж разрушается,— добавил принц.

— Время наказания пришло, Наполеон низвергнут с престола, его тщеславные советники изгнаны, но народ продолжает страдать. Не забывайте никогда слова, которые и здесь оказались справедливыми: суд истории — это и есть Страшный суд! — заключил Олимпио торжественным тоном.

Долго еще сидели эти счастливыцы, которые благодарили небо за то, что теперь они находятся вдали от ужасных бедствий, в мирной тишине, рядом с любимыми людьми.

Только на рассвете гости простились с инфантой и воротились в дом Олимпио.

Теперь, когда мы пишем окончание нашего романа, свадьба принца и инфанты давно уже отпразднована.

Когда предварительные условия мирного договора были заключены, Луи Наполеон возвратился из плена к своему семейству, ожидавшему его в Шисельгурсте.

Это было печальное свидание.

Бледная, изменившаяся Евгения вышла ему навстречу со своим дорогим Люлю, который никак не мог согласиться с мыслью, что настало время и ему сделаться полезным членом общества и навсегда протиститься с пышностью придворной жизни.

Луи Наполеон тоже все еще хранил надежду возвратить себе престол. До него доходили слухи, что народ недоволен новым республиканским правлением, и что в различных местах уже готовятся восстания недовольного люда.

Этим брожением думал опять воспользоваться «темный человек» для возвращения на престол.

Бесчисленные депеши шли из Шисельгурста во Францию и Швейцарию к приверженцам низложенного императора. Междоусобная война готова была каждую минуту разразиться в измученной бедствиями Франции.

Даже сама Евгения начала было уже надеяться на возвращение престола, ее не исправили перенесенные бедствия, в глубине души она осталась все той же честолюбивой эгоисткой.

Евгения отправилась молиться в капеллу. Разве она не могла замолить свою вину? И снова она обращалась к Господу, тогда как голова ее была занята совсем другими, отнюдь не религиозными

мыслями. И, несмотря на все пережитое, она вовсе не думала о том, что от таких молитв отвращается с гневом Бог, так как они — оскорбление Божества.

Луи Наполеон поддерживал через своих, еще довольно многочисленных, агентов и тайных друзей кровопролитие, продолжавшееся в Париже, население которого составило из своей среды войско, призванное сражаться с выбранным правительством республики! Междоусобная кровопролитная война еще долго продолжалась, опустошая страну и увеличивая нужду.

Братья восстали против братьев, и родственная кровь текла ручьями, народ обезумел, и ярость его не знала предела.

Люди хвастались грабежами и преступлениями.

Тысячи людей бродили без куска хлеба. Уже несколько месяцев многотысячная толпа рабочего люда оставалась без заработков. Кровь и страдания никого не ужасали более, они стали привычными.

Вот проходит процессия женщин, во главе ее идет тамбур-мажор. Женщины несут знамя с надписью «Коммуна или смерть!» Большая часть этих женщин находится в каком-то опьянении, яростно машет оружием и кричит. Они направляются к городской ратуше и требуют переговоров с членами коммуны.

Их просят войти в тронную залу. Предводительница требует помощи во имя всех парижских женщин и их мужей, братьев, сыновей, убитых в сражениях за коммуну. Остальные женщины поддерживают ее.

Гамбон отвечает депутации прекрасного пола, глядя на нее свысока:

— Благодарю вас и всех хороших гражданок за ваше заявление. Двадцать миллионов франков были пересланы в Париж, чтобы удовлетворить народ, но некоторые граждане изменили нам, и мы принимаем всевозможные меры, чтобы возратить эти деньги. Скоро вы будете иметь оружие, да здравствует коммуна!

— Смерть изменникам! — восклицают женщины, потрясая кулаками, и продолжают путь по другим улицам.

Вскоре после этого на всех углах появляются объявления коменданта девятого полка Берню об образовании отряда вольных вооруженных гражданок, с тем чтобы возбудить к большому рвению мужчин. Национальные гвардейцы, выказав себя трусами, публично сложили свое оружие перед этим батальоном вольных гражданок и были сопровождены ими в заключение.

Вандомская колонна была разрушена вечером 16 мая, и теперь на пьедестале развевались пять красных знамен.

Улицы огромного города безмолвны и пустынно. Магазины закрыты, так же как и бесчисленные кафе прекрасных бульваров, потому что национальные гвардейцы все забирали и ничего не платили.

На фасаде Лувра, обращенном к улице Риволи, большими буквами написано: «Свобода, равенство, братство!»

Солдаты, идущие по улицам, одетые в красные кепи, с заржавленными, невычищенными ружьями, кричат и поют. Повсюду видны

баррикады и блокаузы, на которых вывешены объявления, приглашающие жителей на народные концерты, даваемые в Тюильри. Залы и еще оставшаяся мебель дворца находятся в самом жалком состоянии. На этих концертах собираются обычно маркитантки. Одной из таких героинь, которая старалась пробиться через густую толпу народа, какой-то элегантный национальный гвардеец предлагает сесть ему на спину и проехать верхом через толпу. Предложение принято с благодарностью, им подражают другие, и публика не видит ни малейшего неприличия в этой езде по великолепным залам дворца старых королей.

На улицах лишь изредка можно увидеть фиакр, и вид этих пустынных, мертвых улиц и площадей некогда шумного и богатого города производит неизгладимое, тяжелое впечатление.

Прибавьте еще к этому далекие и глухие раскаты пушечных выстрелов, повсеместную бедность и нужду, которых незаметно только в бесчисленных отрядах национальной гвардии. Эти гвардейцы оставляют своих жен и детей голодать и почти безостановочно пьянствуют в течение уже целых месяцев.

Карательные дома солдат коммуны внутри Парижа полны пьяных военных и продажных женщин. Здесь среди огромного количества полных и пустых бутылок разговаривают об уничтожении правительства Тьера и Фавра, восхваляют мнимые победы коммуны и отбивают горлышки бутылок. Это единственное доказательство храбрости распущенных солдат, трусливых, как зайцы, когда дело дойдет до сражения.

Так, рассказывают, что когда в Венсенне несколько немецких солдат под командованием офицера обыскивали казематы и тюрьмы и проводили допрос, предводителя солдат коммуны, присутствовавшие при этом, держа в дрожащих руках свои кепи, скрывали свой страх под заискивающими улыбками.

Все сокрушено, разграблено, сожжено коммунарами. Уничтожены памятники древнего искусства, художественные произведения, разрушена наука.

Это современная Франция! Жалкие остатки прежде столь великой нации...

Падение такой могущественной державы не могло не отразиться на других странах. Пример, поданный в 1870 и 1871 годах, оставил глубокий след в истории. Но этого и следовало ожидать: всегда за роскошью и ленью следует падение.

Проследите историю прошедших времен, в ней вы найдете живые примеры сказанного. Пока народ развивается и смело идет вперед, до тех пор возрастает его могущество. Но едва он останавливается, чтобы насладиться, казалось бы, вполне заслуженными лаврами, тотчас же начинается падение государства.

Так погибли могучие народы, которые могли иметь великое будущее!

Коммуна расправлялась и с духовенством.

К самым достойным личностям того времени, о котором мы говорим, принадлежал епископ д'Арбиньон. Его бросили в темницу

и замучили до смерти. Был заключен в тюрьму и священник церкви Св. Магдалины Дегери. Ему удалось избежать предстоящей расправы, подкупив своего тюремщика, и, переодевшись турком, паспорт которого случайно попал к нему, бежать из Парижа. Был схвачен и заключен в тюрьму и священник церкви Св. Роха.

Раскрыты воровство золотой и церковной утвари и много других случаев мародерства парижских «защитников нации».

Найдены и документы, проливающие свет на многие пробелы истории. Например, из одного отделения парижского почтамта было извлечено послание тайного агента императора о деятельности Тайного кабинета, при заседании которого мы однажды присутствовали.

Содержание документа было следующим:

«Почему-то думают, что Тайный кабинет разбирал исключительно политические дела. Мнение это ошибочно. Большинство писем, прошедших через мои руки и двух моих сотоварищей, касаются людей, совершенно чуждых политике. Большой частью это корреспонденция друзей двора, бывших куртизанок, обер-офицеров всех полков, затем письма депутатов, сенаторов, епископов, придворных дам и дам посольств. Может быть, этому не поверят, но я клянусь, что все это правда».

Далее в этом интересном документе говорится о различных внутренних беспорядках при Луи Наполеоне и Евгении, из чего следует, что даже личная переписка императора проходила через руки тайных агентов. Даже государственные депеши подвергались контролю. Различные способы употреблялись для того, чтобы искусно распечатать и вновь запечатать депеши и письма.

Однако из всего сказанного достаточно ясно видно, что управление Луи Наполеона вело страну к гибели, точно так же как теперь коммуна наносит последние удары по полуразрушенному государству.

Мы думаем, что нас не заподозрят в пристрастном мнении, здесь выражена только сотая часть всей правды, для того чтобы описать все злоупотребления, происходящие в стране при Наполеоне III и Евгении, нужно слишком много времени, да у читателя не хватит и терпения все прочесть.

Император и императрица были осуждены народом, их постигла заслуженная кара, последние их попытки вернуть престол, как известно, не увенчались успехом.

Они лишились власти, но скопленные деньги и сокровища позволяют им жить роскошно.

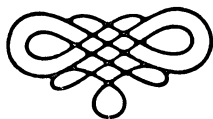
Однако счастье для них невозможно. Призраки убитых, проклятия людей, которых они сделали несчастными, будут преследовать их всегда и повсюду. От голоса совести, этого земного мстителя, невозможно нигде скрыться...

Мир между Пруссией и Французской республикой был, наконец, заключен во Франкфурте-на-Майне.

Победители со славой возвращаются в отчизну, где давно с нетерпением ожидают их.

Они получили во Франции хороший урок, который послужит предостережением им самим и потомкам, чтобы наша прекрасная страна, Пруссия, никогда не пришла к упадку как нация, называвшая себя «великой», а теперь, перенося позор, убедившаяся в вечной справедливости слов, сказанных Олимпио Агуадо:

«Суд истории — это и есть Страшный суд».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Том 2

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

I. Торжество в соборе Парижской богородицы	5
II. Исповедь	12
III. Дон Олозаго	21
IV. Морг	25
V. Долорес и маркиза	29
VI. Дочь палача	37
VII. Праздник Наполеона	44
VIII. День счастья	48
IX. Инфанта Барселоны	54
X. Под Севастополем	61
XI. Разведка	69
XII. Битва под Инкерманом	69
XIII. Версаль	76
XIV. Малахов курган	85
XV. В подземном ходе	91
XVI. Праздник во дворце	97
XVII. В будуаре императрицы	104
XVIII. Заживо похороненный	109
XIX. Камышская красавица	114
XX. Инесса	124
XXI. Дитя Франции	132
XXII. Грилли и его тайна	135
XXIII. Граф Бациоши	146
XXIV. Сила дружбы	153
XXV. Бельвильская отравительница	158
XXVI. Кабинет императора	166
XXVII. Дорога в Кайенну	171
XXVIII. Памплунский монастырь	176
XXIX. Покушение	183
XXX. Страшная ночь	187

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

I. Адские машины	191
II. Эмиль Жирарден	197
III. Происшествие в соборе Парижской богородицы	200

IV. Мадрид и Памплуна	206
V. Смерть графини Борегар	212
VI. Тайный кабинет	217
VII. Гильотина	221
VIII. Чертов остров	224
IX. Ночь в Сен-Клу	232
X. Маргарита Беланже	235
XI. Тюрьма	240
XII. Пастораль и трагедия в Фонтенбло	244
XIII. Рамиро де Теба	249
XIV. Замок Мальмезон	258
XV. Мексика	264
XVI. Разлука	270
XVII. Проклятие безумной королевы	273
XVIII. Маргарита и Жуан	278
XIX. Маскарад	286
XX. Маранион	295
XXI. Новое преступление	297
XXII. Принц Пьер Бонапарт	305
XXIII. Возмездие	308
XXIV. Оливье и герцог Грамон	320
XXV. Война начинается	325
XXVI. Маршал Базен и улан	329
XXVII. Наполеон в плену	334
XXVIII. Позднее возмездие	339
XXIX. Бегство императрицы	345
XXX. Долорес и Олимпио	358

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

БОРН ГЕОРГ
ЕВГЕНИЯ
или
ТАЙНЫ
ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРА

Том 2

Перевод с немецкого

Технический редактор *Г. П. Александрова*
Корректор *Н. И. Молчанова*

Сдано в набор 08.04.93. Подписано в печать 14.07.93. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Тип Таймс. Усл. печ. л. 24. Усл. кр.-отт. 24,5. Уч.-изд. л. 28,3. Тираж 100 000 экз.
Заказ 3-108. Цена договорная.

Общество с ограниченной ответственностью фирма
Друк ЛТД, 310145, Харьков, Клочковская, 150 а.

Харьковская книжная фабрика «Глобус».
310012, Харьков, Энгельса, 11

Борн Г.

Б82 Евгений, или Тайны французского двора. Т. 2. Пер. с нем.— Харьков: Друк ЛТД, 1993.— 384 с.— (Сер. «Редкая книга»).

ISBN 5-7707-4989-X

ISBN 5-7707-4991-1 (Т. 2).

Во II томе романа читатель становится свидетелем драматических событий, потрясавших Францию 70-х годов прошлого века, безудержной роскоши французского двора времен Наполеона III и крушения империи, и вместе с ним и падения блистательной Евгении.

Здесь многие таинственные истории находят свой счастливый, а иногда и трагический конец.

